

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

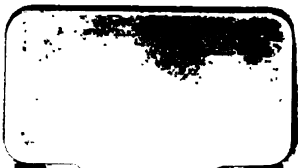
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

147

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1865

І Ю Л Ь

КНИЖКА ПЕРВАЯ

	СТР.
I. Современная идиллія. Повѣсть. (Окончаніе). В. П. Аверчаріуса.....	1
II. Вопросъ объ искусствѣ. <i>Статья третья.</i> Сочиненіе Н. А. Добролюбова. Значеніе Добролюбова. — Отношенія Добролюбова къ таланту г. Островскаго. — Объ участи нашей сатиры и нашего прогресса. И. И. Соловьѣва.....	58
III. Графъ Канкринъ и его финансовая система по отношенію къ нашему времени. С. С. Муранкина.....	87
IV. Передъ грозой. Романъ изъ американской жизни и нравовъ. Главы III—VII.....	113
V. Умѣва novissima. Статья Incognito.....	145
—	
VI. Интересы литературы и науки на Западѣ. Состояніе англійскаго законодательства. — Европейскія эпидеміи. — Прогрессъ метеорологіи и проч.....	1
VII. Овозрѣніе специальныхъ журналовъ. Воспоминанія о Пушкинѣ графа Сологуба. — Русскій публицистъ 1848 года и проч.....	12
VIII. Политическая хроника. Посольство командора Вегенци въ Римъ. — Въ какомъ положеніи находится у насъ городское хозяйство.....	30
IX. Литературная летопись. I) Русская литература. II) Иностранная литература.....	45
X. Новыя иностранныя библіи.....	73

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 35).

6.Экз.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ.

0

6.Экз.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАННІЙ

А. КРАВСКИМЪ И С. ДУДЕШКИНЫМЪ.

ТОМЪ СLXI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. А. БРАВСКАГО (Литейная, № 38).

1865.

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ. 28 іюня 1865 года.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

ХVII.

И ГРАНУЛЪ ВОИ!

На слѣдующее утро, ясное, солнечное, еще до половины пятого, всѣ прикосновенные къ предстоящему поединку собрались уже въ столовой пансіона. На вопросъ прислуживавшей имъ служанки: куда господа поднялись такъ рано? былъ согласный отвѣтъ:—In's Grüne.

Передъ овнами дожидались четырехмѣстныхъ дрожжи. Броннъ вынесъ и уложилъ въ нихъ съ осторожностью какую-то длинную вещь, завернутую въ плѣдъ; затѣмъ не менѣе заботливо помѣстилъ на днѣ экипажа объемистую корзину, изъ которой лукаво выглядывала группа бутылочныхъ горлышекъ.

Укрѣпившись на скорую руку кофеемъ, поднялись въ путь. Въ экипажѣ сѣлъ одинъ Броннъ, для охраненія уложенныхъ въ немъ сокровищъ. Остальные слѣдовали пѣшкомъ. Кунцинь не выпался, и потому былъ мраченъ и молчаливъ; впрочемъ, не съ кѣмъ было и говорить ему. Лиза и натуралисты болтали какъ ни въ чемъ ни бывало, такъ что никто изъ встрѣчавшихся имъ экскурсіантовъ не могъ въ нихъ заподозрить траурную процесію къ лобному мѣсту.

За малымъ Ругеномъ, на краю опушки, дрожжи остановились. Выскочивъ изъ нихъ, Броннъ велѣлъ кучеру обождать, передалъ Александру плѣдъ съ завернутыми въ него таинственными вещами, самъ завладѣлъ завѣтною корзиною и, ставъ во главѣ собранія, углубился въ чашу. Вскорѣ открылась передъ ними небольшая лужайка, замѣнутая вругомъ высокими деревьями. Солнце обливало свѣжую мураву своимъ полнымъ свѣтомъ и играло тамъ и

Т. CLXI. — Отд. I. 1

самъ въ невысокихъ брызгахъ утренней росы. Изъ чаши вѣло прохладой и сыростью.

Секунданты развернули плады, и обнаружались четыре блестящихъ лезвiя.

— Сюртуки долой! скомандовалъ Броннъ.

— Да вы развѣ не видите, что съ нами двѣица? возразилъ Куницынъ.

— Пожалуйста, не женитесь, видалась Лиза:— я не такъ мелочна, чтобы показывать наивный видъ, будто не знаю, что мужчины являются на свѣтъ не въ платьяхъ, и боюсь, что снунувъ ихъ, они сдерутъ съ себя живьемъ кожу.

— А въ такомъ случаѣ я съ моимъ удовольствiемъ, сказалъ правовѣдъ, слѣдуя примѣру противника, который уже сбросилъ съ себя верхнее платье.— *J'ai oublié, que vous êtes materialiste.*

Секунданты вымѣривали между тѣмъ длину оружія.

— Приблизительно одного калибра, сказалъ корпорентъ.— Выбирайте, господа.

Противники взяли по эскадрону, секунданты также.

— Бррр, какой морозъ, замѣтилъ Левъ, становясь въ позицію.— Хорошо еще, что я въ однихъ рукавахъ, а то можно было бы подумать, что я трушу.

Презрительная улыбка пробѣжала по лицу Куницына; но, поддерживаясь отъ всякаго замѣчанiя, онъ поправилъ лишь въ глазу стеклышко.

— Что же, господа, спросила Лиза:— такъ въ шляпахъ вы и деретесь?

— Оно практичнѣе, отвѣчалъ Левъ:— солнце не мѣшаетъ, и туманы по головѣ не будутъ такъ опутительны. Одно условіе, милый мой, обратился онъ къ противнику:— тебѣ, конечно, тоже не особенно желательно остаться безъ носа, безъ уха— неграшиво, знаешь; такъ я предлагаю, не бить въ лицо. Хочешь?

Куницынъ опять усмѣхнулся:— жаль вамъ своей смазливой рожицы? Пожалуй, такъ и быть, не трону.

— Я не нуждаюсь вовсе въ твоемъ великодушии, отвѣчалъ холодно Левъ.— Кому изъ насъ двоихъ, тебѣ или мнѣ, дороже его смазливая рожа—полежитъ еще сомнѣнiю; разница между нами только та, что я откровеннѣе и высказалъ обоюдную задушевную мысль. Впрочемъ, если хочешь, я отсѣчу тебѣ носъ; что я дерусь недурно, подтвердить тебѣ Александръ.

— Да вѣдь я же говорю вамъ, что не имѣю ничего противъ

вашего предложенія. Вы хотите только выиграть время; начинайте.

Оружія враговъ скрестились. Секунданты стали каждый за своимъ дуэлянтомъ, готовые предупредить вооруженною рукою всякій «незаконный» ударъ противной стороны. Лиза, въ ожиданіи предстоящаго зрѣлища, расположилась на ближнемъ древесномъ пнѣ.

— Los! скомандовалъ корпорентъ.

Куницынъ быстро отдѣляя эскадронъ отъ непріятельскаго лезвія и ударилъ приму. Левъ спокойно и ловко отвелъ ударъ. Правовѣдъ замахнулся квартой — и та была отбита. Посыпался еще рядъ меткихъ ударовъ, отпарированныхъ съ тѣмъ же искусствомъ. Куницынъ заносится опять квартой; Левъ парируетъ намѣренно слабо, вражеское лезвіе соскальзываетъ къ нему на грудь — и на бѣлоснѣжной рубашкѣ его, ровно посрединѣ груди, выступаетъ явственная красная полоска. Раненный отскакиваетъ два шага назадъ и опускаетъ оружіе: — Es sitzt!

— Это вы, какъ секундантъ побѣдителя, должны были кричать: «Es sitzt», замѣчаетъ Александру наставительно корпорентъ.

— На слѣдующій разъ не премину. Но теперь не до того: гдѣ у насъ пластырь?

Правовѣдъ, подобно другимъ, хлопоталъ около своего побѣжденнаго противника.

— Я надѣюсь, что ты раненъ не опасно? спрашивалъ онъ заботливо, съ великодушіемъ побѣдителя.

— По крайней мѣрѣ не смертельно, отвѣчалъ съ улыбкою поэтъ, ножимая ему съ теплотою руку. — Однако, чортъ возьми, кусается! прибавилъ онъ, растегивая запонку рубашки и распавшая грудь. Лиза даже ахнула: поперегъ груди зіяла довольно широкая рана длиною вершка въ два; кровь ручьемъ бѣжала изъ нея. Броннъ выхватилъ свертокъ пластыря и ножницы изъ рукъ Александра и началъ вымѣривать рану.

— Господа, отойдите, дѣло мастера боятся. Вотъ еслибъ вы, сударыня, достали воды, чтобъ обмыть рану; тамъ, въ корзинѣ, между пивными бутылками, припасена одна и съ водой...

Лиза поспѣшила исполнить порученіе.

Александръ между тѣмъ отвелъ своего дуэлянта въ сторону.

— Не покончить ли намъ? Дѣло, какъ оказывается, не совсѣмъ безопасное. Кровожадность ваша утолена, цѣль достигнута — was willst du, mein Liebchen, noch mehr?

Правовѣдъ прищурился.

— А это Ластовъ просить черезъ васъ прекратить дуэль?

— Нѣтъ, я отъ себя. Но я не вижу, къ чему проливать лишнюю кровь? Она еще пригодится. Вѣдь можетъ же случиться на бѣду, что на слѣдующій разъ ранить васъ?

Куницынъ призадумался.—Такъ и бытъ!

Онъ направился къ перевязочному пункту. Тамъ молодой операторъ, наклеивая пластырь на рану поэта, задавалъ сему послѣднему серьезную распекацію.

— Экая рана, подумаешь! Баснословно! Признайтесь-ка откровенно, что послѣдняя ваша парада была скандалѣзна, изъ ружъ вонъ плоха?

— Чистосердечно каюсъ! отвѣчалъ весело паціентъ.—Лизавета Николаевна, сдѣлайте одолженіе, налейте мнѣ vom edlen Gerstensaft; потеря крови ослабила меня.

— Вы дѣйствительно блѣднѣе обыкновеннаго, сказала посредница, наклоняясь къ завѣтной корзинѣ, исполнить желаніе поэта.

— Чтò вы? не давайте! остановилъ ее Броннъ:—недостойнѣ. Вы, господинъ Ластовъ, вагается, забываете, что обѣщались посвятить одну стычку и мнѣ.

— Вотъ слѣдующую дерусь за васъ. Только сами посудите, какъ же драться хорошенько, когда вы отказываете даже въ крѣпительномъ напитокѣ Гамбринуса?

— Ну, Господь съ вами. Сударыня, налейте ему Шопэна. Такъ смотрите жь, не ударьте лицомъ въ грязь.

— Если тебѣ очень хочется, Ластовъ, сказалъ подошедшій въ это время Куницынъ:—то пожалуй перестанемъ; я не настаиваю непремѣнно на продолженіи *genscontre'a*.

Левъ взглянулъ на своего секунданта и повачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, не могу. Долгъ платежомъ красенъ.

— Чтò я вамъ говорилъ? отнесся къ правовѣду Александръ:—еще рванѣ васъ. Но я все-таки не понимаю тебя, Левъ? Самъ же ты говорилъ вчера...

— Тò вчера; сегодня обстоятельства измѣнились. Повремените, господа: расклеился, такъ не сейчасъ и склентъ. *Wird's bald, Herr Leib-und Magenflicker?*

— 's ist schon, отвѣчалъ хирургъ, окончательно нажимая платкомъ края пластыря.

Льва подала обонимъ по кружкѣ пѣнистаго пива.

— Александръ Александрычъ, желаете?

— Позвольте.

Куницынъ отказался. Трое университетскихъ чокнулись кружками и потомъ опорожнили ихъ разомъ.

— А! силы возвращаются, сказалъ Левъ: — *aux armes, citoyens!*

Враги и сподвижники ихъ стали опять въ позицію. Стиснувъ съ рѣшительностью зубы, Куницынъ, не дожидаясь условнаго «*Los!*», выпалъ убійственной секундой. Левъ предвидѣлъ ударъ и, отпарировавъ его съ силой, отвѣтилъ въ свою очередь легкой четвертой. Правовѣдъ дрался недурно и отбилъ ее по всѣмъ правиламъ фехтовальной школы. Упало съ той и съ другой стороны еще нѣсколько ударовъ. Но тогда какъ правовѣдъ приходилъ все въ большій азартъ, и каждый ударъ его имѣлъ явную цѣлю чувствительно поразить противника, этотъ послѣдній отбивался играючи, словно тросточкой отъ стаи мухъ, и если самъ наносилъ иногда ударъ, то такъ легко, что Куницынъ, при всей своей горячности, могъ отпарировать его. Около пяти минутъ уже длилась битва — ни съ той, ни съ другой стороны не было ни царапины.

— Чтò жъ вы наконецъ? шепнулъ за спиною Льва нетерпѣливый голосъ. — Вы забываете, что деретесь за меня.

— Смотрите жъ, отвѣчалъ Левъ. — Это за моего секунданта!

И, привскочивъ на аршинъ отъ земли, онъ ударилъ сильнѣйшую приму черезъ голову и затылокъ противника. Шляпа упала съ головы правовѣда, и гибкое непріятельское лезвіе со свистомъ проѣхалось по его спинѣ.

— Ай! невольно вскрикнулъ онъ, поднося къ губамъ лѣвую руку. Онъ держалъ ее, впродолженіе всего боя, какъ слѣдуетъ, за спиною, и эспадронъ Льва, хлыснувъ его по спинѣ, избородилъ и ладонь этой руки его.

— *Das sitzt!* поспѣшилъ возгласить Александръ, чтобы загладить прежнюю оплошность.

— Опять невольно! замѣтилъ съ укоризной Броннъ: — те-перь вашъ же дуэлянтъ раненъ, а вы, вмѣсто того, чтобы отставать его, говорить, что это пустяки, что нѣтъ никакой раны, первые же кричите: «*Es sitzt!*»!

Закусивъ отъ боли и негодованія губу, правовѣдъ обертывалъ платкомъ пораженную руку.

— Да покажите же, баснословный вы господинъ, сказалъ Броннъ: — можетъ быть, лучше наложить кусочекъ пластыря.

Правовѣдъ распуталъ повязку и показалъ ладонь. Поперегъ ея, отъ одного конца до другаго, тянулся легкій шрамъ, изъ котораго въ нѣсколькихъ мѣстахъ выступали крупныя капли крови.

— Вишь, тоже красная, замѣтилъ иронически Броннъ: — я всегда слышалъ, что у аристократовъ она синяя. Господинъ Змѣинъ, потрудитесь залѣпить эту бездѣлицу. Вы секундантъ, а не заботитесь о благосостояніи своего дуэлянта.

— Не забочусь? отвѣчалъ съ важностію Александръ. — Вы думаете, это у него единственная рана? Негг Куницинъ, извольте показать спину. — Онъ повернулъ правовѣда около оси. — Нѣтъ, что-то не видать; должно быть, одинъ синяки, рубашка цѣла. А я такъ и думалъ, что распадетесь пополамъ — такъ звонко свистнуло.

— Пожалуйста, поберегите ваши остроты для другихъ, отвѣчалъ раздраженнымъ голосомъ Куницинъ.

— Ну, батенька, удружили! говорилъ корпорентъ, ударяя по плечу поэта. — Никогда, ей-ей, ничего подобнаго не видывалъ. Это вѣдь вы за меня? ха, ха! молодчина! Теперь выпивайте хоть весь запасъ пива — не осерчаю. Знаете, мнѣ хотѣлось бы выпить съ вами брудершафтъ? давайте, а?

— Съ удовольствіемъ. Лизавета Николаевна, позвольте-ка намъ еще по шопену.

Лиза подала имъ по бутылкѣ.

— Можете и такъ. Не думала я, что низойду на степень маркитантки.

Продѣвъ руки, какъ должно, одну подъ другую, молодые люди выпили каждый свою бутылку и поцаловались потомъ три раза.

— Вотъ такъ! сказалъ Броннъ. — Теперь, значить, на *ты*? Какъ-то баснословно-отрадно, знаешь: есть около тебя братская душа.

— До свадьбы заживетъ, говорилъ Александръ, окончивъ операцию бинтованія руки правовѣда. — Теперь, я надѣюсь, вы удовлетворены? Можно, наконецъ, домой.

— Менѣе, чѣмъ когда-либо... отвѣчалъ мрачно и отрывисто Куницинъ, котораго видимо подымала мысль о понесенномъ имъ унижительномъ пораженіи.

— Не перестать ли намъ? предложилъ и подошедшій въ это время Левъ. — Я съ своей стороны не имѣю уже большой охоты драться.

— А! струсили; теперь поадно. Была предложена честь — отказались; узнайте же, что значить шутить со мной! Назначено четыре соурс, было всего два, следовательно, я имѣю полное право требовать отъ васъ продолженія дуэли. Берите же шпагу и не тратьте лишнихъ словъ.

— А какъ знаете, отвѣчалъ Левъ, поднимая съ земли эскадронъ.

И бой возобновился. Но эта стычка прекратилась еще скорѣе предыдущихъ.

— Вамъ жаль своей физиономіи, такъ вотъ же вамъ! вскричалъ разгоряченный правовѣдъ и, замахнувшись кватрой, тутъ же перемѣнилъ направленіе оружія въ секунду, чтобы, обманувъ такимъ образомъ противника, нанести ему полный ударъ въ щоку. Левъ всплилъ и етбилъ злонамѣренный ударъ со всей энергіей. Но парада эта была такъ сильна, что эскадронъ Куницына отлетѣлъ далеко въ сторону, а лезвіе вражескаго оружія, неудержимаго въ своемъ стремленіи, вонзилось въ его распростертую руку, нѣсколько выше кисти. Кровь бойнымъ фонтаномъ забила изъ свѣжей раны.

— Das sitzt! рѣшилъ Броннъ и бросился за водой и пластыремъ.

Всѣ столпились вокругъ пораженнаго, и Лиза поспѣшила обернуть ему руку собственной косынкой.

— Кажется, артерію захватило, замѣтила она съ видомъ знатока.

— Извини, голубчикъ Куницынъ, пожалуйста не сердись, умолялъ перепуганный Левъ: — право, невзначай.

Раненный хотѣлъ что-то отвѣтить, но вдругъ закрылъ глаза, опустилъ голову и пошатнулся: съ нимъ сдѣлалось дурно. Его севатки подъ руки. Возвратившійся съ необходимыми лечебными средствами корпорентъ вылилъ ему на голову полбутылки воды, и когда больной очнулся, то принялся за необходимыя омовенія и заклеиванія, перевязалъ ему руку нѣсколькими платками и, накинувъ ему на плеча пледъ (по случаю забинтованныхъ рукъ нельзя было надѣть на него верхнее платье), рѣшилъ: — Домой.

Никто не думалъ возражать.

Левъ хотѣлъ-было повести своего врага-инвалида подъ руку, но тотъ высвободился и отвернулся.

— Оставьте... Мы съ вами еще раздѣляемся...

— Оставьте его на мое попеченіе, другъ Leo Leonis, сказалъ

Броннъ: — помоги лучше господину Змѣину подобрать воинскія принадлежности съ поля битвы. Вотъ если г-жа студентка не откажется отвезти его со мною къ дрожкамъ...

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ же, я и самъ... проговорилъ правовѣдь, оправляясь, но тутъ же опять пошатнулся, такъ-что спутники должны были поддержать его. Онъ съ горечью улыбнулся. — Нѣтъ, что-то не того... нейдетъ... Я чувствую, что дѣло плохо... У меня, Лизавета Николавна, есть къ вамъ просьба: еслибы я не пережилъ своей раны, то скажите вашей сестрицѣ, чтобы она принесла цвѣтовъ на мою могилу.

Лиза расхохоталась. — Ну, вы еще не совсѣмъ безнадежны; потеря крови настроила васъ элегично.

— Напрасно вы его утѣшаете, вздохнулъ Броннъ: — дѣла уже не поправить: дома ждетъ насъ баснословный завтракъ въ честь примиренія, а господину Куницыну въ настоящемъ его положеніи едва-ли можно выпить основательно. Нѣтъ, сударь, я отъ души соболѣзную о васъ.

Пока Левъ одѣвался, Александръ завернулъ въ пледъ эспадроны и подобралъ пустыя бутылки и кружки, разбросанныя по лужайкѣ; Левъ перебросилъ черезъ плечо платя Куницына, и они отправились за другими.

— Ты напоминаешь мнѣ лошадь въ баснѣ, усмѣхнулся Александръ. — Помнишь: гордый, статный конь потѣшался надъ уродомъ осломъ. Когда же съ осла содрали шкуру, то надменнаго же коня покрыли ею.

Левъ, занятый серьезными мыслями, не отвѣчалъ.

— Чтò если я его ранилъ опасно? проговорилъ онъ.

— Едвали. Обморокъ сдѣлался съ нимъ по слабой натурѣ. Но я очень радъ, что онъ наказанъ: не рой другимъ ямы; зачѣмъ не удовольствовался первымъ дебютомъ.

XVIII.

Судьба улыбается Моничевъ.

Случай съ Куницынымъ не произвелъ въ пансіонѣ В. никакого шума. Лица, участвовавшія въ вышеописанной маленькой драмѣ, понятнымъ образомъ, умолчали объ ней; но отрывочнымъ же данымъ, никто не хотѣлъ, да и не думалъ донскиваться до истины.

Когда около 8-го часу пансионеры, сидѣвшіе въ столовой за утреннимъ кофеемъ, завидѣли въ окошко медленно подъѣзжающія дрожки, и съ трудомъ вымѣзающаго оттуда, завернутаго въ плѣдъ правовѣда, кто-то изъ нихъ обратился къ входящему въ это время Александру, съ вопросомъ:

— Что, скажите, съ вашимъ соотечественникомъ?

— Да такъ, ушибся маленько, объяснилъ Александръ.

— Гдѣ жъ это? упалъ, что ли?

— Н-да. Собрались мы, видите, спозаранку на Ругенъ, со всякимъ провіантомъ, чтобы позавтракать на вольномъ воздухѣ, въ зелени. Были съ нами барышни, а барышни, сами знаете, какой народъ: какъ забьютъ себѣ что въ голову, никакой палкой не выбьешь. Вздумалось же одной изъ нихъ владѣть цвѣткомъ, который росъ надъ обрывомъ: достань ей, да достань, чудно, должно быть, пахнетъ. Ну-съ, соотечественникъ нашъ, воплощенная рыцарская натура, и пошелъ доставать. Какъ сталъ онъ нагибаться, земля подъ нимъ трахъ, и совершилъ онъ кувырколѣбие.

— Скажите! И больно разшибся?

— Да, кажется, есть-таки. Въ особенности пострадали руки, потому что онъ брякнулся на четвереньки.

— А цвѣтокъ-то что жъ? вмѣшалась наивная нѣмочка.

— На счетъ него можете быть спокойны: хотя онъ и слетѣлъ также внизъ, но остался невредимъ и доставленъ по принадлежности.

— Doch die Katze, die Katz ist gerettet!

подхватилъ весело входящій въ это время Броннъ.

— Вотъ молодость! замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ, сухой старичокъ.—Впередъ поостережется. И со мною, признаться, случился въ юности подобный же пассажъ...

И обществу пришлось polens-volens выслушать «подобный же пассажъ». Тѣмъ и кончились толки о Куницынѣ.

Врачъ, призванный къ больному, осмотрѣлъ его руку, успѣвшую уже порядкомъ опухнуть, чуть замѣтно улыбнулся на объясненіе: что «зановился, молъ, объ острый камень», и прописалъ ледяныя примочки.

— На молчаливость мою вы можете положиться, отозвался онъ, лукаво прищурясь на просьбу больного говорить о его случаѣ какъ можно менѣе:—кому какое дѣло, къ какому разряду минеральнаго царства принадлежитъ злополучный камень, о ко-

торный вы зановились: у всякаго смертнаго свои камни преткновенія.

И надо отдать честь прозорливому сыну Эскулана: онъ сдержалъ свое обѣщаніе, хотя, быть можетъ, тому содѣйствовало и немаловажное повышеніе визитной платы.

Если мы сказали, что никто изъ постороннихъ въ пансіонѣ R. лицъ не извѣстился объ истинномъ ходѣ дѣла, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что вообще никто, кромѣ дѣйствующихъ лицъ, не узналъ о поединкѣ: было еще два не совсѣмъ постороннихъ лица: Моничка и Наденька, которыя вскорѣ также сдѣлались соучастницами въ тайнѣ. Чутье влюбленныхъ, какъ извѣстно, почти такъ же тонко, какъ у лигавыхъ собакъ, и потому какъ только передали Моничкѣ эпизодъ о паденіи правовѣда со скалы, она мигомъ смекнула, что тутъ что-то неладно, есть какая-то несообразность. Она обратилась сначала къ Лизѣ, не скрывать отъ нея ничего; когда же та повторила ей сказку Александра, земля загорѣлась подъ ногами бѣдной влюбленной, и, съ рѣшимостью «d'une fille complètement émancipée», она кинулась въ комнату влюбленного. На стукъ ея въ дверь послышалось обычное «Herein!», и, съ самосознаніемъ поднявъ голову, она послѣдовала призыву.

Больной полулежалъ на диванѣ, подпертый съ боковъ подушками. На полу передъ нимъ сидѣла горничная и прикладывала ледъ къ рукѣ его, расprostертой на стулѣ.

— Pardon, если я вхожу къ вамъ такъ, sans façons, начала скороговоркой Моничка:—но я слышала о вашемъ malheur'ѣ...

— Не знаю, какъ выразить вамъ мою признательность, отвѣчала, приподнимаясь съ подушекъ, правовѣдъ:—вы—первая, навѣщающая меня въ моемъ isolement. Я бы подаль въ стулъ, да видите — не въ состояніи, Прометей прикованный къ скалѣ. Anna, bringen Sie doch dem Fräulein einen Stuhl.

— Nein, nein, lassen Sie sich nicht stören, предупредила барышня служанку, собирающуюся уже исполнить приказаніе молодого человѣка.—Прислуга здѣшная понимаетъ пофранцузски, такъ поневолѣ приходится говорить порусски, продолжала она, усаживаясь противъ изголовья правовѣда.—Васъ ранили, м-г Куницынъ, ранили въ дуэли; пожалуйста не отирайтесь, не повторяйте этой невѣроятной исторіи о паденіи d'un gâcher.

— Гм, чѣмъ же она невѣроятна?

— Да всё въ. Впервыхъ, съ какою стати вставать вамъ въ пять часовъ, когда ни Наденька, ни я не были de cette partie de plaisir?...

— Et puis?

— Puis—вѣдь съ вами не было другихъ дамъ, какъ Лиза?

— Нѣтъ.

— Такъ вообразимо ли, что Лиза, эта отъявленная флегматка и прозавства, захотѣла такъ понюхать какой нибудь цвѣтокъ? Нѣтъ, не скрывать, у васъ былъ герсонте, и я знаю даже, съ кѣмъ.

— Съ кѣмъ же?

— Да съ этимъ противнымъ Ластовымъ.

— Напрасно было бы, m-lle, скрывать отъ васъ истину; вы такъ проникательны...

— Ага, сознались... Анна, вы, я вижу, устали, обратилась она къ горничной понѣмеди:—дайте-ка, я замѣню васъ; послѣ можете воротиться.

Кунницынъ съ благодарностью преклонилъ голову.

— Вы слишкомъ любезны, m-lle. Съ моей стороны было бы верхомъ безумства отказать отъ такой чести. Anna, thun Sie, wie das Fräulein sagt.

Служанка посмотрѣла съ недоумѣніемъ на каждаго изъ нихъ, потомъ встала и, проговоривъ:—Wie Sie befehlen, сдѣлала книксъ и вышла.

Монича присѣла на ея мѣсто и взяла въ руку кусокъ льду.— Ah, c'est bien froid.

— Видите; откажитесь-ка лучше отъ роли сестры милосердія, которую взяли на себя въ порывѣ великодушія, возразилъ пофранцузски же правовѣдь.

— Ахъ, нѣтъ, какъ же можно. Вамъ, я думаю, еще холодище, на пылающую-то рану. Еслибъ вы знали, какъ я зла теперь на этого гадкаго университаанта...

— Вы не думайте, m-lle, что раненъ одинъ я, о нѣтъ! Какъ я изрѣзалъ ему грудь!

— Да? Это премило съ вашей стороны! Вѣдь онъ, я думаю, страшный трусъ; вѣрно, отказывался сначала драться.

— Да, то-есть онъ ни за что не соглашался на пистолеты: на шнагахъ, говорить, не такъ опасно. Хе, хе!

— Ахъ, какой стыдъ! И вы же поплагились? Послѣ этого я его нетолько ненавижу—я его презираю! Понадается мнѣ сейчасъ на лѣстницѣ и свичеть себѣ во всеуслышанье, какъ ни въ чемъ не бывало—точно навощикъ! мужикъ этакій... Вѣрно пойдетъ еще

квастаться передъ Наденькой, что побѣдилъ васъ; а она, дурочка, влюбленная въ него какъ курица, какъ разъ и повѣритъ! Она не въ состояніи постичь все благородство вашего поступка... вѣдь вы за тотъ поцалуй...?

— Бхм!

— Ну, вотъ; а она, я увѣрена, не рѣшится даже заглянуть въ вамъ, хотъ бы изъ признательности: маленькія дѣвочки считаютъ это неприличнымъ!

Больной посмотрѣлъ на свою самаритянку благодарными глазами.

— А вы не сочли этого неприличнымъ? Знаете ли, m-lle, что вы въ нѣкоторомъ родѣ ангелъ? Позвольте поцаловать вамъ ручку, ей-богу отъ чистаго сердца.

Моничка просіяла.

— Слѣдовало бы отказать; но какъ вы больны, а больнымъ не велятъ отказывать въ ихъ желаніяхъ...

И маленькая, изящная ручка была поднесена къ губамъ право-вѣда; тѣ вѣрно прильнули въ ней.

— Ну, довольно, m-g Куницынъ, довольно...

А сама не отнимала ея.

— Вотъ такъ, благодарю васъ, сказалъ онъ. — Мы говорили о вашей кузинѣ. Повѣрите ли, когда я восхвалялъ ей Парижъ, она—что бы вы думали? пожала плечами.

— Ну, да, ребѣнокъ, а вѣдь говорила—ребѣнокъ; гдѣ же ей! Ахъ, m-g Куницынъ, вѣдь дивно должно быть въ Парижѣ? Какъ я завидую вамъ и всѣмъ, побывавшимъ тамъ.

— Да, недурная мѣстность, весьма и весьма изрядная; имѣете полное право завидовать. Вся атмосфера Парижа пропитана ка-кимъ-то живительнымъ элексиромъ; вдыхая ее, замѣтно перерождается, дѣлаешься чѣмъ-то лучшимъ, высшимъ. Каждая малость, каждое такъ сказать дрянцо носить на себѣ отпечатокъ цивилизованности. Хотъ бы гарсоны въ отели. Я останавливался послѣдній разъ въ Hôtel de Louvre; такъ моего гарсона звали не Захаромъ или Нивинформомъ, а Альфонсомъ! Вотъ имачко, такъ имачко!

— Ахъ, да, какое музыкальное. Такъ и напоминаетъ: Alphonse Karr!

— Именно. Въ своемъ франтовскомъ фракѣ, снѣжно-бѣлымъ галстухъ онъ не уступалъ въ граціи любому *comme-il-faut*, а чисто-французскій выговоръ, а выраженія... Не «*parillon*», а «*pariçon*»! прелесть! Я даже боялся заговаривать съ нимъ, долженъ былъ обдумывать каждое слово, чтобы не срѣзаться. Меж-

ду тѣмъ я, какъ вы вѣроятно замѣчаете, изъясняюсь пофранцузски не очень-то дурно?

— Вы говорите упомптельно, безподобно, ш-г Куницинъ.

— А то возьмите прачку, продолжалъ онъ: — простую прачку. Ну, что такое въ сравненіи съ нею наша доморощенная Матрена, Марья? толстая, неповоротливая! Ее и назвать-то нельзя иначе, какъ Матреной. А тутъ — стучатся къ вамъ въ дверь (уже по одному стуку вы угадываете благовоспитанную ручку), вы приглашаете: «Entrez», и влетаетъ къ вамъ легкая, какъ зефиръ, граціозная вторая Тальони. Вы недоумѣваете: кто это? въ самомъ ли дѣлѣ не болѣе какъ прачка, или одна изъ гордыхъ фей окрестностей Лувра?

— И вѣрно кокетничали съ нею? перебила Моничка. — Фи, съ прачкой! Какъ она тамъ ни будь граціозна—все прачка.

— А, нѣтъ. Вы узнайте сначала, что значить такая французенка-прачка, а потомъ и судите. Вамъ не приходилось до настоящаго времени видѣть другихъ прачекъ, какъ русскихъ или чухонскъ, а это не то, я вамъ говорю, совсѣмъ не то. Правда, хорошенькихъ въ полномъ смыслѣ слова между французенками и не ници; напримѣръ такихъ, какъ вы, положительно — нѣтъ...

— Вы льстите!

— Нѣтъ, серьезно. Но лица у нихъ всегда необыкновенно выразительны, и какой вкусъ въ нарядахъ, какія манеры...

— Ну, хорошо, оставьте въ покоѣ своихъ прачекъ, и расскажите чтонибудь про самую жизнь въ Парижѣ.

— Н-да, что до жизни, то можно безъ преувеличенія сказать, что только французы раскусили эту замысловатую дилемму. Прохаживаетесь вы по итальянскому бульвару, а народъ вамъ на встрѣчу—не идетъ, нѣтъ—прыгаетъ, порхааетъ, поетъ, хохочетъ. «Мы живемъ для наслажденія», читаете вы на этихъ беззаботныхъ, довольныхъ лицахъ: «бери примѣръ съ насъ, о странникъ, и будешь счастливъ». И какъ умно они умѣли воспользоваться всѣми усовершенствованіями по части жизненнаго комфорта, чтобы превратить свой прелестный Парижъ въ восьмое чудо міра, въ настоящій сказочный замокъ Шехеразеды. Это я называю цивилизаціей. Недаромъ величаютъ они себя «la grande nation». Вокругъ васъ только роскошь и блескъ, жизнь и наслажденіе. Чего стоить одинъ обѣдъ у *Trois Frères-Provençaux!* Насладись и умри! какъ сказалъ Прудонъ. Я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаю одинъ случай... было оно тамъ же, у *Frères-*

Provenceaux. Подвѣютъ мнѣ бутылку вина. Не глядя на ярлыкъ, наливаю стаканъ, пробую. «*Lacrymae Christi*», говорю гарсону. «Точно такъ», подтверждаетъ онъ, кланаясь съ знаками уваженія. Пью еще: «48-го года», рѣшаю опять. Человѣкъ даже ахнулъ отъ удивленія: вино было дѣйствительно 48-го года.

— Свѣжите! изумилась Моничка.

— Можете представить, какъ я самъ-то обрадовался. Но, само собою, узнавать вино можно только въ неспорченномъ видѣ... Когда-то наша бѣдная Россія достигнетъ хоть тѣни всего этого!

— Ахъ, м-г Кунницынъ, и не упоминайте объ ней!

— А театры? а *Mabile, Closerie de Lilas, Château de fleurs?*

Tant qu'on le pourra, lairette,
On se damnera, larira.
Tant qu'on le pourra,
L'on trinquera,
Chantera,
Aimera
La fillette.
Tant qu'on le pourra, lairette,
On se damnera, larira.

— *Ventre-saint-gris*, вотъ такъ жизнь.

— Вы, милый мой, рассказываете такъ увлекательно, что взяла бы да полетѣла туда. Что жъ это наши сидятъ въ этой скучной Швейцаріи!

— И все это у нихъ въ колоссальныхъ размѣрахъ, продолжалъ повѣствователь, довольный уже тѣмъ, что нашелъ внимательную слушательницу: — всякая бездѣлушка бьетъ въ глаза. Идете вы примѣрно по Пале-Роялю—въ окнахъ магазинововъ только бархатъ да золото, золото да бархатъ. Все, что есть у нихъ лучшаго, все у нихъ на показъ. Если бы можно было, то хорошенькія продавицы и свои очаровательныя личики выкладывали бы на окна. И такъ, я говорю, все въ колоссальныхъ размѣрахъ: лежить, напримѣръ, груды-не-груды—цѣлая гора брелочковъ для часовъ, микроскопическихъ какихъ нибудь биноклей, а посмотрите въ такой бинокль, увидите прелюбопытную фотографію. Вотъ и у моихъ часовъ, какъ видите, привѣшана такая штучка.

— Можно взглянуть?

— Да вы, пожалуй, рассердитесь.

— Такъ что-нибудь нехорошее?

— Напротивъ, очень хорошее; а впрочемъ—какъ знаете.

Моничка отцѣпила часы отъ жилетки молодого денди и под-

несла привѣшанную въ цѣпочки крошечную зрительную трубку въ глазу.

— Ахъ, какой вы! пролетела она, вспыхнувъ и быстро опускающая часы съ завѣтнымъ брелкомъ.

— Ха, ха, ха! смѣялся правовѣдъ:—что жъ въ этомъ дурного? вѣдь в себя же вы видите иногда въ подобномъ туалетѣ. Никто не родится въ платьяхъ.

Опустивъ личико, чтобы не разсмѣяться, Моничка вложила часы обратно въ жилетку, ихъ владѣльца и, закусивъ губу, принялась вновь съ усердіемъ прилаживать ледъ къ рукѣ его.

— Есть, правда, одна слабость у французовъ, заговорилъ опять Куницынъ:—они не очень опрятны тамъ, гдѣ этой опрятности нельзя сразу замѣтить. Встрѣчается вамъ, наприимѣръ, барыня, разодртая въ пухъ и въ прахъ. Вы опять недоумѣваете: прачка или герцогиня? Но тутъ порывомъ вѣтра поднимается рукавъ ея—вѣтъ, видно не прачка, а герцогиня: вашему взору открывается рукавичкѣ, давно жаждущій капитальной стирки. Но эту слабость, по моему, надо вмѣнять имъ еще въ достоинство, потому что, пренебрегая невидимыми частями своего туалета, они тѣмъ тщательнѣе могутъ заниматься своей внѣшностью, для достиженія въ ней того совершенства, которымъ мы, русскіе, можемъ только любоваться, но до котораго намъ далеко, какъ до неба.

Такъ ораторствовалъ правовѣдъ, а Моничка благоговѣнно внимала ему, прикладывая ему съ самоотверженіемъ истинной сестры милосердія ледъ къ больной рукѣ, хотя пальчики ея, сперва покраснѣвъ, потомъ посинѣвъ, и оостенѣли уже отъ холода.

XIX.

Три примиренія.

Утро. Поэтъ сидитъ въ своей комнатѣ за столомъ, передъ открытымъ окномъ. Склонившись головою на лѣвую руку, заглядывается онъ мечтательно на синѣющую, облитую солнечными лучами Юнгфрау. Въ правой рукѣ у него перо, подъ рукою—бумага, испещренная гіероглифами, зачеркнутыми, перечеркнутыми и иногда опять возобновленными рядомъ точекъ снизу. Тутъ выведена особенно старательно, съ замысловатыми завитушками, одна какая нибудь буква, тамъ набросанъ очеркъ человѣческой или лошадиной головы. Поэтъ бесѣдуетъ съ Музой.

— Herr Lastow... раздался за спиною его робкій голосъ.

Поэтъ не слышитъ: онъ нашелъ требуемую рѣму, склоняется надъ бумагой и, какъ-бы опасаясь, чтобы стихъ не выскользнулъ у него угрѣть изъ рукъ, торопливо набрасываетъ четыре строчки. Затѣмъ, съ самодовольнымъ спокойствіемъ, перечитываетъ вполголоса написанное.

— Herr Lastow! повторилъ громче голосъ.

Левъ оглянулся. Въ дверяхъ стояла Мари, блѣдная, убитая. Онъ подошелъ къ ней и поднялъ ее подбородокъ.

— Чтò съ тобою, милая?

Дѣвушка раскрыла дрожащія губы, хотѣла что-то отвѣтить и, не произнеся ни слова, отвернулась. Поэтъ находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа: удачно найденный стихъ развеселилъ его; ему стало жаль дѣвушки.

— Обидѣлъ тебя кто? Скажи—я накажу его.

Мари взглянула на него: въ темно-бархатныхъ глазахъ ея плавали слезы. Она силилась улыбнуться.

— Такъ наважите себя самага! Удивляетъ меня только, какъ вы и теперь не вздыхаете у ногъ своей обожаемой.

— Такъ ты знаешь...?

— Что вы цаловались съ ней? какъ не знать! Она сама же рассказала мнѣ...

— Сама?

— Не знала кому повѣдать свое горе, и выбрала меня... Нашла кого!

Мари заплакала и закрылась руками.

— Перестань, душа моя. Я ее люблю, точно; но и тебя я не менѣе люблю. Сердце мое такъ обширно, что вмѣщаетъ въ себя обѣихъ васъ.

Du liebes, kleines Mädchen,
Komm an mein grosses Herz...

И онъ хотѣлъ обнять ее. Дѣвушка высвободилась.

— Оставьте... Вамъ бы все надсмѣхаться...

— Ни чуть, дорогая моя, я серьезнѣе, чѣмъ когда либо. Дѣло очень простое: я жаждалъ любви; боги послали мнѣ разомъ и тебя, и ее; развѣ я виноватъ въ такой благодати? И къ тебѣ, и къ ней мое сердце возгорѣлось чистою страстью, и въ обществѣ которой я нахожусь, та въ тотъ мигъ мнѣ и дороже. Теперь я, напримѣръ, весь твой...

И онъ снова обнялъ ее. Она уже не сопротивлялась.

— Да развѣ можно любить двухъ разомъ? прошептала она только.

— Какъ видишь. Собственно говоря, люблю я всегда только одну: теперь, когда я съ тобой, я и думаю только о тебѣ.

Du-Du-Du liegst mir am Herzen,
Du-Du-Du liegst mir im Sinn,
Du-Du-Du machst mir viel Schmerzen,
Weisst nicht, wie gut ich Dir bin.

— Ну, засмѣйся!

Мари сквозь слезы улыбнулась.

— Ну, еще на грошъ!

Мари засмѣялась.

— Вотъ такъ. Теперь, для полнаго мира, поцалуемся.

Она дала поцаловать себя. Называя ее всевозможными нѣжными именами, молодой человекъ усадилъ ее на диванъ; потомъ сталъ передъ нею на колѣни. Лучъ радости освѣтилъ блѣдныя черты дѣвушки.

— Такъ вы меня еще немножко любите? Вы теперь не думаете объ ней? Вы... ты теперь мой, весь мой?

— Твой, милая...

— Ты мой, мой?...

Объими руками обхватила она его голову и сжала ее такъ крѣпко, что Левъ даже вскрикнулъ.

— А! то-то же! Видишь, какъ я люблю тебя. Знаешь, съ какого времени ты полюбился мнѣ?

— Съ какого?

— А съ-перваго же дня. Помнишь, ты расписался въ книгѣ: «Naturfischer», и когда я спросила, что жъ это такое? ты объяснилъ мнѣ, что срываетъ всѣ хорошенькіе цвѣты... «Ужъ не сорветъ ли и меня?» мелькнуло у меня въ умѣ.

— Ишь, какая! засмѣялся Левъ. — Такъ ты знаешь, что ты хорошенькая?

— Да вѣдь самъ же ты, милый мой, увѣралъ меня въ томъ, отвѣчала наивно швейцарка. — И могъ ли ты, такой умный, такой красавецъ, полюбить некрасивую?

— Аргументъ неопровержимый!

— Вотъ ты и говоришь мнѣ: «Берегитесь, моя милая, чтобъ и васъ не постигла та же участь». Я и покраснѣла; а ты нагнулся надъ чемоданомъ и говоришь: «Не краснѣйте: я не буду

больше смотрѣть». Такой шутникъ! Тутъ у меня и дрогнуло сердечко, точно что кольнуло, такъ и хотѣлось броситься къ тебѣ. «Какой онъ интересный! подумала я и взглянула на тебя: и какой милашка!» Душка ты мой, душонокъ!

Она наклонилась къ нему и, какъ дитя, обвила его шею руками.

— А помнишь, какъ ты спрашивалъ меня, нравится ли мнѣ Вертеръ? Я очень разсердилась, когда ты назвалъ его плаксою; вѣдь въ тебѣ я видѣла своего Вертера; ты былъ такой блѣдный, красивый, да такой милый... Какъ же мнѣ было не сердиться, когда ты бранилъ самого себя?

— Бѣдная моя! вздохнулъ поэтъ.

— Я бѣдная? нѣтъ, сударь, я богатѣйшая, ухъ, какая богатая: ты вѣдь мой!

Она принялась цаловать его со всѣмъ жаромъ молодой, несдержанной страсти.

— Ахъ, я и забыла, зачѣмъ пришла къ тебѣ! спохватилась она вдругъ и занялась веселымъ смѣхомъ: — Этотъ *Advocat aus St.-Petersburg* хочетъ видѣть тебя.

— Куницынъ?

— Кажется, такъ его зовутъ. Онъ послалъ меня за тобой. Экая безпамятная! А все ты, голубчикъ мой! Ну, прощай, до свиданья.

Она порхнула къ двери.

— Развѣ такъ прощаются? спросилъ съ шутливымъ укоромъ Левъ.

Дѣвушка вернулась къ нему:

— Ишь, ненасытный! — и, звонко поцаловавъ его, скрылась изъ комнаты.

Какъ бы удивилась она, еслибы увидѣла облако, осѣнившее тотчасъ по ея уходѣ чело поэта; но удивленіе это перешло бы въ ужасъ, еслибы она заглянула въ его душу: тамъ прочла бы она неумолимое рѣшеніе: «Полно шалить-то! Покончить поскорѣе: помириться съ Куницынымъ, съ Наденькой — и куда глаза глядятъ».

Правовѣдъ принялъ своего недавняго врага дружелюбно.

— Спасибо, что зашелъ, началъ онъ: — а бы подаль тебѣ руку, да видишь — не могимъ.

Обѣ руки у него были еще забинтованы.

— Ничего, мы и такъ, отвѣчалъ Левъ, пожимая съ осторож-

ностью кончики пальцевъ правой руки больного, выглядывавшіе изъ-подъ перевязи.

— Я, Ластовъ, разсудилъ, что намъ собственно не изъ-за чего враждовать, и потому полагалъ бы дуэль нашу считать оконченною, хотя и остается еще одинъ соур. Какъ ты думаешь?

— Совершенно съ тобою согласенъ. Но чтò возвысило такъ барометръ? Не заходила ли къ тебѣ Наденька съ увѣреніями въ вѣчной любви?

Куницынъ спокойно повернулся на диванѣ.

— Нѣтъ, Наденька-то не было... Хотя, правду сказать, ей бы и ничего не значило заглянуть разогъ: рискують изъ-за нея жизнью, нѣкоторымъ образомъ кровь проливаютъ, какъ выразился капитанъ Копейкинъ, а она себѣ и въ усъ не дуеть.

— Не дуеть, потому что...

— Не имѣеть усовъ? сострилъ правовѣдъ.

— Нѣтъ; можетъ быть, она ничего не знаетъ...

— О дуэли-то? Сказалъ, братъ! Чтò бы изъ-за дѣвушки дрались, и она объ этомъ не знала? Моничка же догадалась; а если Наденька не такъ сметлива, то кузина не утерпитъ передать ей... Да чтò мнѣ въ Наденькѣ? Она, какъ я тебѣ когда-то говорилъ, незрѣлый крыжовникъ; но теперь я убѣдился, что она крыжовникъ до того незрѣлый, что очень легко схватить холеру. Нѣтъ, покорно благодаримъ-съ!

— Слава-богу, вздохнулъ Левъ: — разошлись наконецъ во вкусахъ. Кто же произвелъ эту благопріятную переимѣну? Не Соломонида ли?

— Да еслибы и Соломонида? Тебя, кажется, очень забавляетъ это имя? Оно въ самомъ дѣлѣ некрасиво. Но Моничка, по моей просьбѣ, рѣшилась измѣнить его и называться впередъ Семирамидой.

— Гм...

— Чтò гм? Да, милый мой, сдѣлали мы съ тобою промахъ, не понимаю, гдѣ у насъ были глаза! Вѣдь это такой кладъ...

— Кто? Моничка, то-есть Мирочка?

— Да, Мирочка, да. Еслибы ты видѣлъ, какъ она печется обо мнѣ: прочитываетъ мнѣ вслухъ, прикладываетъ ледъ къ моей ранѣ, даже отморозила себѣ одинъ палець... Ластовъ, Ластовъ, чтò у нея за руки! бѣлыя, пухлыя, съ ямочками... *sarpristi!* только бы гладить да цаловать...

— А ты пробовалъ ихъ гладить и цаловать?

*

— Н-нѣтъ, то-есть видишь ли, я обѣщалося не болтать, ну, да тебѣ можно... Да, братецъ ты мой, далъ же ты маху! Не умѣлъ воспользоваться такимъ сокровищемъ! Она предоставлялась тебѣ въ силу гисбахскаго договора — ты не хотѣлъ, не съумѣлъ схватить счастье за шиворотъ; теперь плачь-не-плачь — не воротишь.

— Покуда я не имѣю, по крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго поползновенія плавать. Вѣдь Наденьку ты оставляешь мнѣ?

— Всю какъ есть, mit Haut und Haar. Какъ представлю я ее себѣ, какая она будетъ черезъ лѣтъ десятокъ — такъ дрожь и проберегетъ! Непремѣнно пойдетъ въ матушку, расплывется во всѣ концы, comme une vache Holmogorienne! Бррр! ненавижу толстыхъ! Но — de gustibus non disputandibus.

— Именно. Поэтому, я думаю, лучше не хулить чужаго предмета. Я не трону Мирочки, ты оставь въ покоѣ Наденьку. De gustibus non disputandum.

Въ это время Левъ увидѣлъ въ окошко Наденьку, проходящую только-что черезъ садикъ. Не распростившись съ правовѣдомъ, онъ бинулся изъ комнаты, чтобы не пропустить этого случая переговорить съ гимназисткой.

Дѣвушка сидѣла въ печальномъ раздумьи въ одной изъ бесѣдокъ сада. Завидѣвъ приближающагося Льва, она вспыхнула и хотѣла выдти. Онъ вынулъ изъ кармана многогѣченный платокъ ея:

— Считаю долгомъ возвратить вамъ.

Вырвавъ его у него изъ рукъ, гимназистка хотѣла удалиться. Молодой человѣкъ загородилъ ей дорогу.

— Не уходите, сказалъ онъ тихо и рѣшительно: — намъ надо объясниться.

Наденька колебалась: оставаться, или нѣтъ?

— Умоляю васъ, Надежда Николавна; на пару словъ, не болѣе.

Она повернула назадъ и сѣла на скамейку.

— Ну-съ?

— Скажите, вы ненавидите меня?

Гимназистка перебирала складки платья.

— Не ненавижу, но...

— Но презираете, но знать не хотите?

— Да какъ же знаться съ вами, когда вы позволяете себѣ подобныя вещи? Развѣ я дала вамъ къ тому поводъ? За что вы потеряли ко мнѣ всякое уваженіе? Я держалась въ отношеніи къ

вамъ всегда просто, но и какъ нельзя болѣе прилично... А вы обошлись со мной, какъ съ какой-нибудь...

Голось ея оборвался и она отвернулась въ сторону, чтобы скрыть двѣ слезинки, выступившія на длинныхъ рѣсницахъ ея.

— Простите, Надежда Николавна, вы дѣйствительно ничѣмъ невиноваты, во всемъ виновать я; но вѣдь и величайшему грѣшнику отпускаются его прегрѣшенья, если раскаянье его чисто-сердечно. А развѣ моя вина уже такъ велика? ну, что такое поцалуу?

— Прикосновеніе губъ, говоритъ Лиза... прошептала Наденька, противъ воли улыбнувшись при этомъ. — Но если я не хотѣла, то вы и не имѣли...

— Совершенно справедливо. Но примите въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: нѣсколько минутъ до рокового прикосновенія губъ, вы посвятили меня въ свои паладины; какъ же не простить паладину небольшого, перваго поцалуя, который только закрѣпилъ наши отношенія, какъ дамы и ея вѣрнаго паладина?

— Небольшаго! Онъ былъ пребольшущій!

— Могъ бы быть и больше, засмѣялся Левъ. — Да вѣдь я и заплатилъ за свою дерзость: потерялъ нѣсколько унцій крови.

— И встали пустили нѣсколько фунтовъ ея другому, совершенно постороннему лицу? Хорошо раскаяніе!

— Что жъ, самъ навязался. Ахъ, Надежда Николавна! Сами знаете: надежда — вроткая посланница небесъ. Перестаньте же хмуриться, посланницѣ небесъ это вовсе не къ лицу; на душѣ у васъ, я знаю, гораздо свѣтлѣе. Не сердитесь!

— Я и не сержусь...

— Серьёзно?

— Ъхм! Только мы впередъ не будемъ съ вами знакомы.

— И говорите, что не сердитесь? Еслибы вы точно простили, то были бы со мною попржему. Вы молчите? Хотите, я стану на колѣни?

— Какія глупости!

— Нѣтъ, безъ шутокъ. Вотъ я и на колѣняхъ. Довольны вы, о, дама моего сердца?

— Ахъ, что вы, что вы, встаньте... Ну, кто увидитъ...

— Auch das noch! раздался передъ бесѣдкой раздражающій голось, и послышались быстро-удаляющіеся по песку шаги. Молодые люди, какъ ужаленные, вскочили — одинъ съ земли, другая

со скамейки — и выглянули въ садъ: по дорожкѣ, за угломъ дома скрывалась Мари.

Левъ, блѣдный, печальный, поникъ головой.

— Auch das noch! повторилъ онъ про себя слова швейцарки. — Глупость за глупостью!

— Она не расскажетъ, она моя повѣренная... поспѣшила успокоить Наденьку.

— Мало ли что...

Съ полминуты длилось молчаніе. Гимназисткѣ сдѣлалось неловко.

— Вамъ болѣе нечего сказать мнѣ? прошептала она, не глядя на собесѣдника.

— Нечего. Пожалуй, могу еще прибавить, что сегодня же, съ первымъ послѣбобѣденнымъ пароходомъ, исчезаю отсюда.

— То-есть какъ? вы хотите совсѣмъ уѣхать?

— Да.

— Но зачѣмъ? причину скажите.

— Пора, Надежда Николаевна; не вѣчно же блаженствовать, надо и честь знать.

— Ну, и съ Богомъ...

Не поднимая глазъ, Наденька быстро вышла изъ бесѣдки и, не оглядываясь, скрылась въ дверяхъ дома.

Левъ гордо приподнял голову, и рѣшимость блеснула въ глазахъ его. «Пора, пора, рога трубятъ... Милыя вы мои, добрыя, хорошенкыя! Обѣ вы мнѣ дороги, обѣяхъ мнѣ жаль покинуть, но потому-то и слѣдуетъ покинуть... Прочь, прочь; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!»

XX.

Гриндельвальдскій глетчеръ.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается. Рѣшиться-то повѣтъ нашъ твердо рѣшился ѣхать сегодня же, и Александръ, которому онъ привелъ свои доводы, нашелъ ихъ вполнѣ основательными, и самъ согласился отправиться съ пріателемъ, но судьбѣ, или, вѣрнѣе, прачкѣ, неблагоугодно было очистить ихъ путь отъ нѣкоторыхъ терній: значительная часть бѣлья ихъ была въ стиркѣ и, несмотря ни на какія увѣщеванія, не могла быть готова ранѣе слѣдующаго полудня. Надо было покориться.

Но имъ было суждено остаться еще одинъ лишній день.

— Какъ? спросила Лиза за вечернимъ чаемъ: — вы хотите уже улизнуть, не предупредивъ насъ о томъ заранѣе? Я не дочла еще вашего Фохта, Александръ Александровичъ, а недочитаннымъ не отдамъ. Вы должны остаться.

— Такъ оставьте его себѣ, а съ своей стороны прочель его и не нуждаюсь въ немъ болѣе.

— Нѣтъ, я не принимаю подарковъ.

— Да бывали ли вы, господа, въ Гриндельвальдѣ? вмѣшалась Наденька.

— Нѣтъ, не привелось.

— И хотите уже ѣхать? не стыдно ли вамъ? Гриндельвальдъ — самая романтическая мѣстность въ цѣломъ Oberland.

— Что правда, то правда, подхватила Лиза.

— На завтра вы по крайней мѣрѣ должны остаться; сообща и съѣздимъ туда.

Александръ и Левъ переглянулись.

— Не хотѣлось бы... проговорилъ послѣдній.

— Да вѣдь Мари не бросится еще въ Ааръ? замѣтилъ ему шопотомъ пріятель: — останемся еще денегъ.

— Кто ее знаетъ; можетъ быть, и бросится...

— Что вы перешептываетесь, сказала Лиза: — не знаете, что это неприлично. Проще всего: соберемте голоса.

Понятнымъ образомъ, большинство голосовъ было въ пользу гриндельвальдской поѣздки.

На другое утро, часу въ шестомъ, по направленію въ Юнгфрау катились съ умѣренной скоростью, влекомыя двумя хорошо откормленными конями, четырехмѣстныя дрожки. Назадъ сидѣли двѣ сестры Липецкія, противъ нихъ два друга-натуралиста.

Поѣздя въ Гриндельвальдъ, если не принимать въ расчетъ общества, въ которомъ совершаешь ее, сама по себѣ мало привлекательна. Гладкое шоссе вдоль берега гнѣистой Цвейлиютчиненъ, однѣ и тѣ же лѣсистыя стѣны горъ, по правую и лѣвую руку — все это довольно однообразно. Немного разнообразятъ этотъ путь и лохматые ребятишки, подбѣгающіе то здѣсь, то тамъ къ вашему экипажу, и предлагающіе вамъ корзиночку съ земляничкой, игрушечный домикъ или просто букетъ полевыхъ цвѣтовъ, разумѣется за безстыдные цѣны, что не мѣшаетъ имъ однако удовольствоваться и какимъ-нибудь су, если вы не захотите дать болѣе. Возница вашъ тоже нисколько не заботится объ увеличеніи пріятности поѣздки ускоренной ѣздой: при махѣйшей, едва за-

жѣтной отлогости тормазитъ онъ колеса и, исполненный весьма похвальнаго чувства состраданія къ животнымъ, но забывая о необходимости такого же состраданія къ высшему классу животныхъ — къ людямъ, заставляетъ васъ передъ всякимъ пригоркомъ вытѣзать изъ экипажа, и тащется до вершины пѣшкомъ подъ жгучими лучами солнца; а не предупредите его во-время — онъ укатитъ безъ васъ и далѣе, руководствуясь вѣроятно подобными соображеніями: «Пріѣхали въ Швейцарію, чтобъ полазить по горамъ, ну и пусть лазяють».

Но монотонность поѣздки въ Гриндельвальдъ съ лихвою выкупается самимъ Гриндельвальдомъ. Съ балкона гриндельвальдской гостиницы *Adler*, куда молодѣжь наша сейчасъ по пріѣздѣ велѣла привести себѣ кофе, открывается одинъ изъ живописнѣйшихъ швейцарскихъ видовъ. Подъ ногами разстилается волнообразная, цвѣтушая долина, заваленная зеленью и цвѣтами, изъ-за которыхъ тамъ и сямъ выглядываетъ привѣтливая хижинка. Кругомъ воздымается неприступный строй въ небеса уходящихъ бернскихъ альповъ, осипанныхъ сверху до низу, какъ рафинадомъ, чистѣйшимъ снѣгомъ. Въ горныхъ ущельяхъ снѣжуютъ громадные ледники; надъ однимъ изъ нихъ сверкаетъ и искрится бѣлая, ледяная равнина — *mer de glace*. Солнце съ своей лазурной высоты, обливаетъ всю картину полнымъ свѣтомъ.

— Чудно! проговорила Наденька. — Еслибы можно было туда, на глетчеръ...

— А развѣ нельзя? сказалъ Левъ, и обратился къ стоящему въ дверяхъ слугѣ: — вѣдь на глетчеръ ходятъ?

— На *mer de glace*? да; только мало — человекъ шестьдесятъ-семьдесятъ въ годъ, не больше.

— Значить, опасно?

— Какъ бы вамъ сказать? если не остуниться, такъ ничего; разумѣется, если остунишься, то неминуемая смерть. А господа желаютъ подняться туда?

— Вотъ не знаю еще...

— Тутъ есть компанія англичанъ, которые сейчасъ собираются на глетчеръ.

— Что жъ, сказала Лиза: — если ты, Наденька, и вы, Левъ Ильичъ, желаете ядти съ ними, то пожалуйста не стѣсняйтесь; мы съ Александромъ Александрычемъ соединимъ *utile cum dulce*: сыиграемъ въ шахматы.

Ей почему-то хотѣлось остаться съ Александромъ вдвоемъ.

Наденьба посмотрѣла на сестру: не шутить ли она; но увѣрившись въ противное, вскочила радостно со стула.

— Переговору съ англичанами, вѣдь они буки, и — vorwärts.

Англичане, дѣйствительно, оказались буками: они стали совѣщаться, принять русскихъ въ свое общество, или нѣтъ? Благоприятному исходу совѣщанія способствовалъ одинъ молодой альбионецъ, съ льняными волосами, безцвѣтно-водянистыми глазами, и рижими, жидкими баками, которому замѣтно приглянулась хорошенкя гимназистка.

— Если позволите, замѣтилъ онъ съ приторно-сладкой улыбкой: — я буду вашимъ защитникомъ отъ горныхъ чудовищъ?

— То-есть отъ вашихъ спутниковъ? засмѣялась Наденьба. — Нѣтъ, благодарю васъ, я уже запаслась паладиномъ.

Отзавтракавъ, общество двинулось въ путь. Еще до глетчера приходилось имъ останавливаться не разъ. Сперва подбѣжалъ къ нимъ мальчикъ съ пастушьимъ рогомъ и, извлеки изъ инструмента нѣсколько нескладныхъ звуковъ, потребовалъ должнаго вознагражденія. Узнавъ, что рогъ этотъ—пресловутый альпійскій, англичане съ готовностью вознаградили артиста. Затѣмъ попалась путникамъ старушка съ арфой; и ее нельзя было пропустить безъ подалія. Далѣе, дожидались ихъ двое ребятшекъ съ суркомъ въ корзинѣ, котораго они тщетно понуждали перескочить черезъ палку. Англичане возроптали:

— Чтò жь это у васъ за нищенство? отнесся одинъ изъ нихъ къ проводнику.

Тотъ только усмѣхнулся.

— А кто виновать? Вы же, путешественники, ихъ балуете. Они вѣдь только знай выглядываютъ изъ хижинъ—не прошелъ бы кто; да сейчасъ и выбѣгаютъ на дорожку добывать денежку, кто чѣмъ гораздъ. Ты, Петерль, опять цыганствуешь? обратился онъ къ одному изъ мальчугановъ и наградилъ его щелчкомъ въ лобъ: — вотъ тебѣ! вѣдь отецъ не велѣлъ тебѣ; сказалъ: выпореть.

Мальчуганъ, не обращая вниманія на правоучительную рѣчь фурера, скорчивъ жалобную мину, протягивалъ только руку къ путникамъ:

— Добрые господа, дайте сиротинкѣ!

Англичане не устояли, и заплатили должную пошлину.

Перешагнули ручей, образующійся отъ сліанія множества ручейковъ, вытекающихъ изъ глетчера.

— Лютчина, черная, объяснилъ фюреръ.

— «Лучина, лучинушка!» затанулъ Левъ.

Англичане недоброжелательно оглянулись на него.

Когда общество перебралось черезъ каменную морену, нагроможденную у подошвы ледника, ихъ обдало ледянымъ дыханіемъ зимы. Изъ цвѣтущаго міра долины вступили они внезапно въ царство смерти. Внутри ледника выкопанъ туннельобразный гротъ. Около входа красуется пушка, которая за полфранка, въ пользу ея хозяина, безногаго инвалида, пробуждаетъ въ горахъ многократное эхо. По деревяннымъ, качающимся мосткамъ, вошли въ туннель. Сначала ледяныя стѣны грота были прозрачны и чисто-голубаго цвѣта; далѣе, сдѣлались синими, темно-синими, темно-зелеными, пока совершенно не почернѣли; крутой поворотъ направо — и отрывается мрачный рукавъ грота, освѣщаемый только двумя рядами тускло-мерцающихъ свѣчъ. Отъ тепла, распространяемаго свѣчами и человѣческимъ дыханіемъ, своды исподоволь таеютъ и холодныя капли брызжутъ на головы посѣтителей. Гдѣ-то, въ глубинѣ ледника, слышится затаенная жизнь — глухо журчащая вода. Откуда-то проносится сухой трескъ лопающагося льда — вода бѣжитъ норы вистѣе и звонче. Вдругъ — оглушительный грохотъ, отовсюду отвѣтствуютъ гулливые раскаты, сейчасъ, кажется, обрушатся своды...

— Упала лавина, объясняетъ проводникъ.

Но визитаторамъ дѣлается страшно: а ну, если и взаправду похоронить подъ собою? Всѣ спѣшатъ выдти. На встрѣчу имъ льются розовые потоки свѣта. А! какъ славно, какъ широко дышится на вольномъ воздухѣ! какъ привѣтливо улыбается природа, какъ горячо и отрадно грѣеть солнышко!

Послѣднимъ вышелъ молодой англичанинъ; онъ вымѣрилъ шагами длину грота, справился въ Муррей (котораго, конечно, всякій сынъ Альбіона считаетъ долгомъ имѣть всегда при себѣ), и остался видимо недоволенъ результатомъ справки.

— Что за нерадѣніе? замѣтилъ онъ съ упрекомъ проводнику: — тутъ ихъ показано восемьдесятъ, а у васъ ихъ — сто-четырнадцать.

Проводникъ опять усмѣхнулся.

— Муррей — человѣкъ весьма почтенный, но все-таки не пророкъ, чтобы знать напередъ, какой глубины гротъ выростетъ нами въ слѣдующемъ году.

— Такъ зачѣмъ же вы вырываете новые гроты?

— Да вѣдь глетчеръ, сударь, не то, что земля: трескается и подтачивается водою.

— Понятно; и скользятъ вѣдь постоянно внизъ? на сколько это? Кажется, на три фута въ сутки...

— Ужъ это намъ неизвѣстно.

Но довольный тѣмъ, что выказалъ свои знанія по физической географіи, англичанинъ наградилъ фюрера франкомъ.

Пушка, по обыкновенію, въ совершенствѣ исполнила свое шумное дѣло. Затѣмъ началось самое подніятіе на глетчеръ.

Въ числѣ прочихъ поднималась одна англичанка; она носила огромные, синіе очки, для защиты отъ сверкающаго свѣга; теперь она подобрала платье въ видѣ шароваръ и подпоясалась платкомъ. Наденъка, не раздумывая долго, послѣдовала ея примѣру, при чемъ обнаружила ножку и голень самыхъ изящныхъ формъ. Молодой англичанинъ такъ и впился въ нихъ своими бычачьими глазами и сдѣлался съ этой минуты, если возможно, еще любезнѣе.

Узкая тропинка, по которой подвигался небольшой караванъ, обогнувъ подошву ледника, проскользнула въ сѣнь сосноваго дѣска и взяла вкрито въ гору, по правому склону Меттенберга. Слѣва возвышалась неприступная гранитная стѣна, справа зѣла глубокая пропасть, на днѣ которой громоздились одна надъ другою исполинскія ледяныя глыбы.

— Тише, господа, тише, предостерегаю фюрера: — и не глядите внизъ.

— А что?

— Голова закружится, и тогда конецъ. Еще въ прошломъ году покончила тутъ одна французенка.

— Какъ такъ, расскажите.

— Она поднималась верхомъ. До этого мѣста доѣхала счастливо; но тутъ—Богъ ее знаетъ! голова ли у нея закружилась, или такъ со страху—только возьми и дерни за поводъ, лошадь съ дуру и тицъ въ пропасть. Вскрикнула дама, взревѣла лошадь, взвилась цѣль столбомъ—и поминай, какъ звали! А добрый конь былъ, франковъ въ восемьсотъ. Индо за живое схватию.

Наденъка слушала съ притаеннымъ дыханіемъ.

— И хороша была она? спросилъ Левъ.

— Я вамъ говорю: въ восемьсотъ франковъ...

— Да не лошадь! Французенка.

— Да, красивая, и совсѣмъ молодая, вотъ какъ барышня... Невольная дрожь пробѣжала по Наденькѣ.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, охота вамъ слушать такіа страсти.

— И такая веселая, продолжалъ фюреръ: — шутила все съ своимъ мужемъ—я не сказалъ еще, что она была съ мужемъ— сидѣла такъ ловко избоченясь... А потомъ, какъ стали доставать ее съ глетчера, такъ и человѣка-то распознать нельзя было: ни головы, ни рукъ, ни ногъ—только комъ сбитаго мяса.

— Ахъ, Боже! воскликнула Наденька. — Замолчите, пожалуйста. Левъ Ильичъ, догоните меня.

И легкой серной побѣжала она по тропинкѣ, не шире аршина и неогороженной къ пропасти никакими перилами. Она, казалось, уже забыла, что ее можетъ постигнуть одна участь съ несчастной француженкой, что каждый невѣрный шагъ ея связанъ съ опасностью жизни. Какая-то лихорадочная веселость овладѣла всѣмъ ея существомъ.

И паладина ея подмывало. Онъ нѣсколько разъ собирался о чемъ-то заговорить съ ней, и не рѣшался.

— Надежда Николавна, началъ онъ разъ.

— Чтѣ-съ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Чтѣ жъ вы?

— Я ничего... я такъ...

— Ха, ха! зачѣмъ же вы звали меня?

Нѣсколько минутъ спустя, онъ опять назвалъ ее по имени.

Она весело обернулась.

— Вы это опять «ничего, такъ»?

— Не правда ли, Надежда Николавна, только въ холостой жизни есть поэзія?

— Очень можетъ быть. А чтѣ?

— Да дѣвицы, еще до длинныхъ платьевъ, начинаютъ мечтать о замужствѣ, а такъ-какъ вы уже въ длинномъ платьѣ...

— То вы опасаетесь, что я въ каждомъ неженатомъ мужикѣ вижу жениха?

— Да, почти что такъ. Но я хочу доказать вамъ, что какъ я, такъ и вы должны считать себя счастливыми, что не вкусили семейной прозы.

Наденька принужденно захохотала.

— Master, подозвала она къ себѣ молодого англичанина. Тотъ обернулся.—Знаете, чтѣ говорить мнѣ этотъ баринъ?

— Ну-съ?

— Онъ просить извиненія, что не сватается за мной.

Едва произнесла она эти слова, какъ уже раскаялась въ нихъ; Левъ видѣлъ сзади, какъ шея и уши ея загорѣлись огненнымъ румянцемъ. Но, не желая показать своего смущенія, она развязно обратилась къ поэту:

— Забѣтили вы, какъ бездонно-глубокомысленно взглянуть на меня этотъ мистеръ Плумпудингъ? Глаза у него такъ безцвѣтны, какъ-будто онъ ихъ все время закатываетъ.

— Знаете, что говорятъ про васъ? отнесся теперь Левъ къ англичанину.

— Что, что? Я понялъ только: «мистеръ Плумпудингъ»; такъ это вы меня, сударыня, изволите величать этимъ именемъ?

Наденька сконфузилась пуще прежняго.

— Какой вы злой, Левъ Ильичъ! Смотрите, не смѣйте говорить.

Левъ, не обращая уже вниманія на англичанина, затанулъ на знакомый голосъ:

— Lebet wohl, Ihr glatten Sähle,
Glatte Herren, glatte Frauen!
Auf die Berge will ich steigen,
Lachend auf Euch niederschauen.

Проводникъ, казалось, этого только и ждалъ: звонкимъ голосомъ залился онъ тутъ же:

— Bin i nit ä lustge Schwizerbue,

заканчивая каждый куплетъ національнымъ гортаннымъ припѣвомъ, извѣстнымъ у туземцевъ подъ названіемъ «Jodeln». Молодые люди пытались подражать ему, но съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ: у нихъ выходило только какое-то дикое рычанье.

Скалистая, узкая тропинка поднималась все выше и выше. Жаръ солнца умѣрялся порывами свѣжаго горнаго вѣтра. Путники начинали уже находить удовольствіе въ утомительномъ поднятїи, входили такъ-сказать во вкусъ его. Лицо и уши горать, грудь дышетъ порывисто и скоро, все тѣло пышетъ отраднымъ зноемъ. Чувствуешь, какъ уходишь все далѣе отъ земли, все ближе къ этой чистой, глубокой лазури, которая, чѣмъ ближе, тѣмъ чище и глубже... Запестрѣли первые рододендроны. Наденька съ жадностью принялась набирать ихъ.

— Левъ Ильичъ, помогите мнѣ... А тамъ-то, ахъ, благодать! Достаньте, пожалуйста!

Левъ смотритъ по указанному направленію: нѣсколько сажень надъ ихъ головами, на почти отвѣсномъ скатѣ, расцвѣтаетъ цѣлый лѣсъ альпійскихъ розъ. Онъ качаетъ головой:

— Опасно; какъ разъ еще шею сломишь.

— Какой же вы послѣ этого паладинъ? Смотрите...

И въ два прыжка она уже у цвѣтовъ и срываетъ ихъ охапками.

— Наденька! успѣлъ только вскрикнуть испуганный юноша.

Въ то же мгновеніе полноцѣсный камень, на который упиралась нога Наденьки, оторвался отъ скалы; каменные обломки, песокъ, альпійская палка гимназистки — съ шумомъ и трескомъ проскакали черезъ голову молодого человѣка; не успѣлъ онъ опомниться, какъ скатилась къ нему и сама дѣвушка. Онъ раскрылъ объятія, пошатнулся, но удержался на ногахъ.

— Вотъ видите! чуть не поплатились.

Наденька, еще блѣдная отъ внезапнаго испуга, принужденно расхохоталась.

— Все изъ-за васъ. Теперь, въ наказанье, дайте мнѣ свою палку; сами же понесите букетъ.

И въ минуту смертельной опасности она не выпустила изъ рукъ собранныхъ ею цвѣтовъ.

Левъ принялъ букетъ; но сообразивъ, что до возвращенія домой, розы все-таки завянутъ и на обратномъ пути будутъ собраны новья, выбралъ лучшую изъ нихъ, воткнулъ ее себѣ въ петличку, а остальные незамѣтно бросилъ въ пропасть. Вскорѣ однако Наденька замѣтила его недобросовѣстность.

— Гдѣ же мой букетъ? спросила она.

— Вотъ, отвѣчалъ онъ, указывая на розу въ петличкѣ: — на пылающемъ сердцѣ сплавился.

— Не умѣете вы хранить вѣреннаго вамъ добра, сказала она серьезно и подозвала къ себѣ молодого альбионца: — вотъ вамъ.

Тотъ никакъ не могъ понять, откуда такое великодушіе, такъ-какъ въ продолженіе послѣдняго часа гимназистка не сказала съ нимъ ни слова.

Наконецъ, послѣ трехчасоваго поднятія, была достигнута цѣль странствія—небольшая хижина надъ обрывомъ, отъ которой непосредственно уже спускаются на глетчеръ. Здѣсь былъ сдѣланъ привалъ; изъ хижины имъ вынесли хлѣба, молока, масла, сыру и

дешеваго туземнаго вина, «Landwein» (другого, несмотря на всё требованіе англичанъ, не оказалось). Послѣ часоваго отдыха, туристы, подъ начальствомъ хозяина хижины, опытнаго горца, собрались на самый глетчеръ. Пришлось, не безъ нѣкоторой опасности, слѣзть по вертикальной, качающейся лѣстницѣ. Но всё слѣзти благополучно. Вотъ они и на ледникѣ! Съ силою вонзая въ ледяную ночь желѣзныя острія своихъ коренастыхъ альпійскихъ палокъ, они перескакиваютъ съ глыбы на глыбу, черезъ трещины, черезъ груды льда и камней. При очень крутыхъ спускахъ главный проводникъ взятымъ съ собою топоромъ вырубаетъ во льду ступени. Холодомъ и смертью вѣетъ отовсюду: во всѣ стороны разстилается блестящая ледяная равнина, окруженная неприступною стѣною снѣжныхъ горъ.

— Давайте въ снѣжки? предложила Наденька.

Но снѣгу не оказалось; хотя въ послѣднюю ночь и выпалъ небольшой снѣжокъ, но съ поверхности онъ уже успѣлъ растаять и покрылся ледяной корой.

— Въ снѣжки не приходится, отвѣчалъ Левъ: — но можно въ леденцы... и отколовъ остриемъ своей палки нѣсколько ледяныхъ осколковъ отъ снѣжно-ледяной глыбы, онъ сгребъ ихъ въ охапку и бросилъ въ Наденьку. Та сдѣлала то же, и между ними завязалась оживленная игра «въ леденцы».

Одинъ изъ проводниковъ пригласилъ ихъ осмотрѣть одну достопримѣчательность глетчера. Онъ подвелъ ихъ къ широкой разсѣлинѣ и попросилъ взглянуть туда: изъ боковой трещины вырывался съ неудержимой силой синій столбъ воды, аршина два въ поперечникѣ, который, разбрасывая тысячу брызговъ и глухо бурля, устремлялся потомъ въ котлообразное жерло. Ледяная стѣнка жерла, выполированная водою какъ зеркало, просвѣчивала чистѣйшею берлинскою лазурью. Фюреръ далъ имъ отвѣдать этой воды, зачерпнувъ ея во взятую съ собою деревянную чарку, присокупивъ къ этому: — *Echtes Gletscherwasser*. — Молодые люди однако не нашли никакого различія между «*echtes Gletscherwasser*» и обыкновенной ключевой водою.

Молодой англичанинъ, охлажденный небреженіемъ къ нему Наденьки, занялся между тѣмъ Мурреемъ и, найдя въ немъ замѣтку, что по ту сторону ледянаго моря, съ такъ называемаго Цезенберга весьма недурной видъ на весь глетчеръ, склонилъ своихъ соотечественниковъ отправиться туда. Наши русскіе положительно отказались отъ этой прогулки, на которую (туда и обрат-

но) потребовалось бы по крайней мѣрѣ часа три, и выпросивъ себѣ одного изъ проводниковъ, обратились вспять. Изъ валявших-ся на ледникѣ грудъ мрамора, талька, исландскаго, полеваго шпата, слюды, они выбрали себѣ на память нѣсколько кусковъ, изъ которыхъ, впрочемъ, какъ само-собою разумѣется, лишь немногіе избранные достигли Интерлакена, такъ-какъ по мѣрѣ приближенія въ Гриндельвальду, одинъ за другимъ прогуливался въ пропасть.

Весело подниматься на гору; веселѣе спускаться съ нея, по крайней мѣрѣ какъ спукались Наденька съ ея паладиномъ. Опираясь съ силою на палку, ногами едва касаясь земли, они совершали чудовищные прыжки, вакаихъ не увидишь въ иномъ циркѣ. Этотъ способъ нисхожденія, конечно, очень опасенъ, въ сравненіи съ тѣмъ, гдѣ альпійскую палку, какъ тормазъ, волочуть сзади; но молодые люди наши не думали объ опасности, кровь въ нихъ лихорадочно волновалась, такъ и подталкивала на эксцентричности. Левъ смѣялся, острилъ, но веселость его была неестественна, остроты выходили черезчуръ рѣзки. Наденька дѣлалась, напротивъ, все молчаливѣе, сосредоточеннѣе; можетъ быть, и отъ утомленія, головка ея склонялась то на правое, то на лѣвое плечо.

— Итакъ, мы болѣе не увидимся? проговорила она, не обращая вниманія на остроту, сказанную только что ея спутникомъ.— Вы вѣдь остаетесь въ Петербургѣ? приходите къ намъ...

— Но маменька ваша ничего не говорила мнѣ.

— Ничего не значить; скажите, что мы съ Лизой пригласили васъ. У насъ собираются ваша братья-студенты, бываютъ литературные вечера...

— Надежда Николаевна, я хотѣлъ попросить васъ...

— О чемъ?

— Дайте мнѣ вашу фотографію.

— У меня нѣтъ; да и на чтó вамъ? мы такъ недавно, такъ мало знаемъ другъ друга...

— Мало? Я, по крайней мѣрѣ, узналъ васъ очень хорошо, и потому-то и желалъ бы имѣть вашу карточку.

— Но я вамъ говорю, что у мена нѣтъ...

— Есть, неправда. Прошу васъ...

— Право, нѣтъ. У татапа есть одна и я могла бы утащить ее...

— Такъ утащите!

— Хорошо, уташу. Но такъ-какъ я для васъ преступлю восьмую заповѣдь, то вы тоже должны сдѣлать мнѣ одолженіе.

— А именно?

— Напишите мнѣ что-нибудь въ альбомъ,

— Извольте. Мнѣ уже мерещится конспектъ стихотворенья. Но вы достанете мнѣ вашу карточку?

— Постараюсь.

Левъ подпрыгнулъ съ помощью альпійской палки на сажень отъ земли и испустилъ веселое рычаніе, испугавшее даже фюрера, шедшаго за ними.

— Was haben Sie, mein Herr? спросилъ онъ, очнувшись.

— Ich jodle.

XXI.

Какъ сватаются ильиче.

По уходѣ экскурсіантовъ, на балконѣ гриндельвальдской гостиницы остались лишь шахматисты. Но о шахматахъ ни одинъ изъ нихъ и не думалъ; тѣ такъ и остались въ экипажѣ. Александръ, налегшись на перила, глядѣлъ разсѣянно въ солнечный ландшафтъ; его, казалось, занимало одинокое облако, парившее около вершины Мѣнха, суроваго отшельника горъ, почти никогда неснимающаго съ головы своей сѣрой капуцы. Лиза также безмолвствовала, но черты ея не показывали обычнаго спокойствія; взоръ ея поднимался нѣсколько разъ на собесѣдника, нижняя губа страдала отъ зубовъ, которые немилосердно теребили ее. Но вотъ она оправилась, сжала съ рѣшимостью губы, прищурила глаза и сдѣлалась еще блѣднѣе обыкновеннаго.

— Александръ Александрычъ, произнесла она сдержаннымъ голосомъ, въ которомъ однако тѣтено старалась подавить признаки внутренняго волненія: — я хотѣла бы поговорить съ вами серьезно.

Александръ съ любопытствомъ взглянулъ на нее.

— Да? развѣ мы и такъ не говоримъ всегда о серьезныхъ предметахъ?

— Только не о такихъ. Скажите, напередъ, вы навѣрно уѣзжаете завтра?

— Да, я думаю.

— Такъ можно, значить, говорить безъ обиняковъ; все-таки не увидимся болѣе.

Вниманіе Александра удвоилось.

— И такъ?

Т. CLXI. — Отд. I.

— Отецъ мой, Александръ Александричъ, даетъ за мной, въ случаѣ выхода моего замужъ, пятнадцать тысячъ; это, если хотите, и немного; но, считая по пяти проценто́въ—дастъ это въ годъ все-таки семьсотъ-пятьдесятъ рублей—сумму, вполне достаточную для одного человѣка. Я не идеаль женщина, еще менѣе вашъ идеаль; но идеалы существуютъ только въ воображеніи; мы, смертные, всѣ съ недостатками и слабостями. Между тѣмъ, я не могла не замѣтить, что вы отдааете мнѣ предпочтеніе предъ всѣми здѣшними дамами, что вы ищете даже моего общества—авный признавъ, что я вамъ нѣсколько нравлюсь; а такъ-какъ и вы мнѣ не то, чтобы не нравились, то я предлагаю вамъ свою руку—хотите? Я заговорила сначала о приданомъ, чтобъ показать вамъ, что тутъ нѣтъ корыстныхъ видовъ, что я могу просуществовать и безъ васъ.

Стараясь говорить какъ можно спокойнѣе, практичнѣе, экс-студентка все-таки вздохнула изъ глубины души, когда облегчила себя признаніемъ; на щѣкахъ ея появились розовыя пятна.

Александръ уставился въ полъ, насупилъ брови и промывчалъ только:

— Гм...

Дѣвушка не вытерпѣла.

— И такъ?

Онъ съ усмѣшкою поднялъ голову.

— А что жъ ваша рѣшимость никогда не выходить замужъ? что профессура?

Лиза нетерпѣливо топнула ногой.

— Я полагаюсь на вашу деликатность, а вы ради поточить зубокъ. Изъ моего предложенія вы можете, кажется, ясно видѣть, что ваши лекціи не пропали даромъ.

Александръ сдѣлался серьезнѣе.

— Откровенность за откровенность, вы мнѣ дѣйствительно нравитесь: вы прямодушны, безъ всякой фальши, вы начитаны, вы играете изрядно въ шахматы; но для жены, для матери, для хозяйки требуется нѣчто болѣе...

— Но вѣдь я еще молода? перебила Лиза:—мнѣ всего восемнадцать, въ будущемъ маѣ минетъ девятнадцать. Подъ вашимъ руководствомъ я могу исправиться, я переломлю себя...

Александръ усмѣхнулся.

— Подъ моимъ руководствомъ? Мнѣ васъ учить бульонъ ва-

рять, дѣтей качать? На одно—требуется навыкъ, на другое—чувство... Чувство, конечно, я могъ бы еще вдолкнуть въ васъ...

— И уже вдохнул!

— Можеть быть, это только такъ, фантазія, минутная вслѣшка. Я молодъ, недурею собою, неглухъ — нетрудно было произвестъ на васъ нѣкоторое впечатлѣніе. Но я-то, я за что привязался къ вамъ? вѣдь есть же на свѣтѣ и другія женщины начитанныя и играющія въ шахматы, но и съ чувствомъ, съ знаніями въ хозяйствѣ?

Лиза даже не обидѣлась отъ этихъ рѣзкихъ словъ.

— Я также молода, недурна собою и неглуха — вы полюбили меня за то же, за что я васъ. Ангеловъ, какъ сказано, нѣтъ на свѣтѣ, и если вы не хотите, то вамъ знаете; никто васъ не принуждаетъ.

Александръ святилъ себя за голову.

— Еслибы вы знали, какой у меня сумбуръ въ головѣ! Я вижу всѣ ваши недостатки, а между тѣмъ такъ привязался къ вамъ, что трудно отказаться. Вѣдь и я думалъ сдѣлать вамъ предложеніе... боялся отказа, боялся будущности... а теперь что-то страшно. Дайте мнѣ обдумать...

— Обдумайте. Я уйду...

— Нѣтъ, оставайтесь. Дайте мнѣ самому пройтись на вольномъ воздухѣ; можеть быть, прояснятся мысли. Какъ только рѣшусь на что—тутъ же вернусь къ вамъ.

— Идите.

Съ часъ уже дожидается Лиза возвращенія Александра. Она вошла съ балкона въ домъ, прохаживается взадъ и впередъ по обширной столовой гостиницы, то присядеть, то опять примется ходить. Приближаясь къ стеклянной двери на балконъ, она всякій разъ окидываетъ быстрымъ взглядомъ долину. Снова подходит она къ двери — въ глазахъ ея блеснуло безпокойство: по дорожкѣ, между выгородами, приближался Александръ. Она осмотрѣлась въ комнаты и присѣла на диванъ; потомъ, одумавшись, вскочила и, какъ-бы желая отдалить роковую минуту, поспѣшила на балконъ и захлопнула за собою дверь. Не успѣла она принять непринужденную позу на своемъ стулѣ, какъ зазвенѣла дверь и грянулъ къ ней Александръ.

Тяжело дыща, опустился онъ на стулъ противъ дѣвушки.

— Я рѣшился.

Лиза ожидала молча, въ чемъ заключается это рѣшеніе.

— Видите ли... Уфъ, умаялся... Послѣ основательнаго обсуждения про и сонга, я нашелъ, что на васъ можно подѣ известнымъ условіемъ жениться... Вы хотя и вовсе непрактичны, нѣсколько взбалмошны и слишкомъ заняты своей ученостью, но все-таки феноменъ между вышѣшними дѣвицами...

— То-есть на безрыбьи и ракъ рыба? Неутѣшительно! А я всегда считала себя настоящей рыбой.

— Вы рыба, но только въ отношеніи чувства. А чтобы быть нѣжной женою, добросовѣстной матерью, необходимо неподдѣльное, теплое чувство.

— Да вѣдь я же полюбила васъ? значитъ—чувство есть...

— Да какое! можетъ быть, мимоходное, такъ себѣ, «жажда любви», какъ выражается Левъ. Чтобы увѣриться въ подлинности, неизмерности вашей любви, надо назначить срокъ. Если, по теченіи, напр., года, вы еще будете ощущать те же самое желаніе выдти за меня, то тогда... Сегодня которое число?

— Кажется, пятое.

— Завтра, значитъ, шестое. Положимъ же не видѣться до 6-го іюля будущаго года.

— Согласна. И мнѣ необходимъ годичный срокъ, чтобы увѣриться въ васъ. Но до тѣхъ поръ, мы, разумѣется, никого не посвящаемъ въ нашу сдѣлку?

— Къ чему? Можетъ быть, и разойдемся.

— А какъ быть намъ сегодня, Александръ Александрычъ? Мы же обручены, такъ сказать...

— Да, пока другіе не воротились съ глетчера, мы можемъ обходиться другъ съ другомъ, какъ женихъ и невѣста.

— Да какъ же обходятся женихъ и невѣста? Я всегда отворачивалась отъ обрученныхъ—тошно видѣть: цалуются, жмутъ другъ другу руки...

— Значитъ, и намъ надо цаловаться, жать руки...

Лиза покраснѣла; на лицѣ ея обнаружилась внутренняя борьба, борьба дѣвственной стыдливости и молодечества.

— На-те, сказала она, протягивая къ нему руки: — жмите.

Онъ крѣпко сжалъ ихъ въ свои.

— Но это еще не все — надо цаловаться.

— Да я жду, что вы начнете...

— Невѣста должна выказывать всегда болѣе чувства, и потому цаловать первая должны вы.

— Такъ и быть! Смотрите же, какъ васъ любятъ...

Вросившись къ нему, она обвила его шею руками, приобла къ нему на колѣни и съ жаромъ поцаловала его нѣсколько разъ.

— Фу, какой бородатый! Вы непременно сбрейте ваши усы.

И новые поцалуй. Александръ едва могъ придти въ себя.

— Полноте, Лизавета Николаевна, довольно... вы точно давно научились «цаловальному» ремеслу...

— Ага, то-то же! А говорите еще, что я безчувственна. Однако, что жъ это мы на *вы*; обрученные, кажется, всегда на *ты*? Значить, *ты*, Сашенька, Сашурочка, *ты*?

Она опять звонко поцаловала его.

— Ты-то *ты*; но знаешь, милая моя, ты отдавила мнѣ колѣна, привстань пожалуйста. Вотъ и вучеръ нашъ смотреть сюда—нехорошо.

— Чѣмъ же нехорошо? пусть смотритъ, пусть весь міръ смотритъ во всѣ миллионы глазъ—что мнѣ до нихъ? Общественное мнѣніе—самъ знаешь—вздоръ. Хочу любить—и люблю! Пусть смотрятъ и учатся.

— Но подобныя живыя картины не нуждаются въ постороннихъ зрителяхъ... развѣ тебѣ не неловко?

— Напротивъ, очень ловко: колѣни у тебя премягкія.

Александръ нахмурился.

— Но мнѣ тяжело держать тебя, ты изъ полновѣсныхъ.

— Вели тебѣ точно тяжело, то можно и привстать... Но что съ тобой? прибавила она, замѣтивъ, что онъ печально поѣмилъ головой.—Ты никакъ дуешься? Развѣять тебѣ думы съ чела поцалуемъ, какъ ты самъ выразилъ разъ?

— Нѣтъ, не нужно... Я придумываю, чего тебѣ недостаетъ; чего-то важнаго...

— Ты говорилъ: чувства. Но я, кажется, доказала тебѣ, что не совсѣмъ безчувственна.

— Нѣтъ, не чувства, чего-то другаго...

Александръ опять привадутился.

XXII.

Откровенія и разладъ.

Послѣ сытнаго обѣда, за которымъ въ честь обрученія была опорожнена бутылка Юганнисбергера, облако на лицѣ Александра снова разсѣялось. Рука объ руку вышли они съ Лизой на улицу, и побрели между цвѣтущихъ палисадниковъ, съ пригорка на при-

городъ. Солнце садилось; воздухъ, наполненный запахомъ свѣже-скошенной травы, дѣлался сноснѣе, прохладнѣе.

— Не знаю, какъ тебѣ, другъ Саша, говорила юная невѣста, прижимаюсь съ любовью къ нареченному:—мнѣ такъ кажется, что цѣлый міръ нарядился нарочно для насъ въ свое лучшее платье: и деревья, и шиповникъ, и изгородь... Солнце свѣтитъ какъ-то особенно мягко, ласково, птицы щебечутъ непрерывно, точно ликуютъ... Онѣ знаютъ, что сегодня великій праздникъ, сонмисъ двѣ порядочныя личности, чтобы не разставаться въ вѣкъ... Я и представить себѣ не могу, какъ быть безъ тебя, какъ я столько длинныхъ лѣтъ могла прожить безъ тебя.

Александръ слушалъ ея съ видимымъ удовольствіемъ.

— Дѣйствительно у тебя, кажется, начинаетъ обнаруживаться чувство. Я вѣдь говорилъ тебѣ, что высшее для женщины въ жизни—любовь.

— Любовь? Вы, кажется, воображаете, сударь, что влюбилъ насъ въ себя? Скажите! Мы только жалѣемъ васъ, видимъ: человекъ изнываетъ, убивается по насъ, ну, нельзя же не подать руку. Гуманность...

— Вотъ какъ! и вслѣдствіе той же гуманности вы сами не можете жить безъ насъ? Вы довели гуманность до высшей утонченности.

Лиза схватила его руку и прижала ее къ губамъ.

— Милый ты мой, милый! Ни на кого не промѣняю тебя.

Онъ отнялъ руку и поцаловалъ дѣвушку въ лобъ.

— Ты забиваешь, Лизочка, что ты уже не мужчина: женщины никогда не цалуютъ рукъ у нашего брата.

— А я цалую, мнѣ такъ нравится. Кто можетъ мнѣ запретить?

— Да можетъ быть, такъ понравится, что потомъ трудно будетъ отстать: а завтра же надо будетъ отказаться отъ этого удовольствія.

— Такъ ты не раздумалъ? безсердечный!

— Раздумывать-то раздумывалъ, да не раздумалъ. Теперь мнѣ и самому жалъ своего перваго рѣшенія. Цѣлый годъ еще ждать!

— Такъ что жъ тебя удерживаетъ?

— Я знаю, что когда принялъ то рѣшеніе, то разсуждалъ холодно, значить и рациональнѣе; хмѣль любви дѣлаетъ меня пристрастнымъ.

— Будь по твоюму, разсудокъ мой; вѣдь ты разсудокъ. — Чувство? Только мы вмѣстѣ составляемъ цѣлаго человека? Видишь, какъ я хорошо запомнила твоё ученёе.

Пускай же! цокни меня завтра!
 Зато я сегодня твоя,
 Зато въ твоихъ мысляхъ объятьяхъ
 Сегодня блаженствую я!

Откуда, бишь, эти стихи? Какъ видишь, и я дѣлаюсь поэтичною. Ну, поцалуй же меня за то. Какой ты большой, наклеишь—мнѣ недостатокъ.

— Еслибы ты знала, Сама, начала она опять послѣ основательнаго поцалуйа: — какъ мнѣ было совѣстно признаться тебѣ! Вдругъ измѣнить такъ свои убѣжденія. Я сама не знала, что со мной: такъ и хотѣлось обнять тебя. А ты такой медвѣдь—и укомъ не ведешь, точно и не нравлюсь вовсе! Ждала-ждала, не признается-ли нѣтъ! пришлось самой начинать; а знаетъ Богъ, какъ было тяжело. Я даже забыла планъ, который составила на этотъ случай: какъ станешь ты изъясняться, думала я, я приваду, что мы еще слишкомъ мало знаемъ другъ друга, что каждый изъ насъ долженъ чистосердечно показаться въ своихъ слабостяхъ, недостаткахъ и прегрѣщеніяхъ...

— Отличная мысль, подхватывъ Александръ.—Дѣйствительно, важно знать слабыя стороны своей законной половины до свадьбы, чтобы не было потомъ раскаянья. Тецерь еще время; будемъ же признаваться, что въ чемъ повинены.

— Будемъ, У меня столько недозрѣлостей, что не знаю, съ чего начать.

— Хочешь, я тебѣ помогу?

— Ну!

— Ты, какъ я замѣтилъ, любишь пѣть: какъ углубишься въ нахматную партію, сейчасъ заплываешь, да... и тнешь, въ продолженіе всей игры, одно и то же.

— Да, справедливо, а что?

— Да у тебя голоса нѣтъ!

— Какъ нѣтъ, не слышишь? еще какой!

— Только не музыкальнѣй.

— Ну, это можетъ быть. Не говорить, что у меня нѣтъ слуха...

— Это еще хуже. Слушать пѣніе человѣка, неизмѣнно-ни слуха, ни голоса—величайшее мученіе. Какъ только ты, бывало, запоешь—такъ сердце у меня и заноситъ. Оттого-то я столько партій и проигрывалъ тебѣ.

— Ну, да, хорошъ гусь! Нѣтъ, я играла не хуже тебя, оттого.

— Положимъ; что спорить. Но что у тебя нѣтъ ни голоса, ни слуха—также вопросъ рѣшенный; потому первымъ условіемъ нашего будущаго союза, я полагаю бы назначить твой отказъ отъ пѣнія.

— А если я не соглашусь на это условіе? Что за деспотизмъ! Хочешь пѣть—а тебѣ запрещаютъ; а вѣдь чего нельзя, того-то именно и хочется. Запретный плодъ всего вкуснѣе.

— Такъ ты не соглашаешься на этотъ пунктъ?

— Ну, еслибы не согласилась?

— Тогда... тогда я все-таки взялъ бы тебя! Богъ съ тобой, пой на здоровье, такъ-какъ ты умъ такая записная пѣвица; но не сердчай также, если я при первыхъ звукахъ твоей пѣсни буду обращаться въ бѣгство.

— Такъ и быть, сказала Лиза:—хотя я и люблю пѣть, но такъ-какъ оно тебѣ неприятно, то обѣщаюсь никогда не пѣть въ твоемъ присутствіи.

— И за то спасибо. Этотъ пунктъ улаженъ. Теперь очередь за мной. Есть у меня недостатокъ, равносильный съ твоимъ: я лѣвша.

— Будто? Я до сихъ поръ не замѣтила.

— Потому не замѣтила, что я въ большей части случаевъ уже превозмогъ себя. Но сколькихъ усилій стоило мнѣ это! Шутка сказать: рѣзать правой рукой, ѣсть супъ правой! А попробуй-ка, если одна рука отъ природы слабѣе другой! За что ни возьмешься, вездѣ суется лѣвая. Взялъ ножъ въ правую—гладилъ, а ужъ онъ въ лѣвой. Скольво партій въ бильярдъ проигралъ я, пока не научился держать кій въ правой; скольво разъ задался въ карты, пока не наострился сдавать какъ слѣдуетъ... Да ну, на каждомъ почти шагу приходилось мнѣ бороться противъ одной природы, и вотъ, добился того, что никто не подозреваетъ во мнѣ лѣвшина. Только бить не могу правой: лѣвая все-таки сильнѣе.

— Боюсь, что тебѣ не придется упражнять ее на мнѣ, улыбнулась Лиза.—Ну, да это еще ничего, вотъ у меня есть недостатокъ... Ты вѣдь знаешь, что я пью здѣсь сиворотки?

— Знаю.

— Но знаешь ли, противъ чего?

Она начала рассказывать о своей болѣзни не хуже медка. Александра передернуло; онъ, казалось, не ожидалъ отъ нея такой наивной откровенности.

Александръ не вытерпѣлъ и оттолкнулъ отъ себя руку Лизы, упиравшуюся на его собственную руку.

— Какія рѣчи!... Вотъ плоды вашей прославленной эмансипаціи! Догадался я, чего тебѣ недостаетъ: женственности, женственности нѣтъ въ тебѣ! Дуракъ я, болванисимусъ!

Лиза также взволновалась.

— Позвольте узнать, Александръ Александрычъ, за что вы назвали себя дуракомъ? Не за то-ли, что приняли мою руку?

— За то, душа моя, за то!

Лицо Лизы страшно поблѣднѣло.

— Не хочу я никакихъ жертвъ, я отдаю вамъ ваше слово назадъ. Благо, высказались еще въ время. Вы не хотите меня—и мнѣ васъ ненужно; какъ-нибудь доживемъ я безъ васъ. Но само собою, о томъ, что было между нами, никто не узнаетъ?

Александръ, разстроганный, подалъ ей руку.

— Отъ меня покрайней-мѣрѣ нѣтъ, если не проболтается нашъ кучеръ, видѣвшій одну живую картину между нами. Пожалуйста, не осуждайте меня, Лизавета Николаевна! Еслибы вы знали, какъ тяжело мнѣ отказатья отъ васъ; но такъ, видно, лучше. Я теперь почти увѣренъ, что изъ насъ бы не вышло хорошихъ супруговъ. Вы не сердитесь?

— Прошу покорно! захотела сардоническимъ смѣхомъ Лиза:— разрушаетъ всю твою будущность — и не сердись! Сердиться-то я хоть имѣю право!

— Разумѣется, можете, отвѣчалъ печально Александръ:— но послѣ всѣхъ нитимностей между нами, я чувствую себя какъ-бы въ долгу у васъ; вы расточали мнѣ свои ласки...

— Ха, ха, не хотите ли вы мнѣ заплатить за мои ласки? Интересно бы знать, во сколько вы оцѣните ихъ? Нѣтъ, Александръ Александрычъ, на этотъ счетъ ваша совѣсть можетъ быть совершенно спокойна: вы целовали, миловали меня, а васъ—мы квиты. Да не послужать вамъ мои ласки во зло, я расточила ихъ вамъ отъ чистаго, безкорыстнаго сердца...

Лиза замолкла и отвернулась; Александръ замѣтилъ, какъ по щекамъ ея сватились двѣ крупныя слезы.

— Не вернуться ли намъ? прошептала она, утирая тайкомъ слезы.—У меня болятъ зубы, слышите?

И снявъ косынку, она обвязала себѣ ею щеку. Такъ кончилась желанная поѣздка въ Гриндельвальдъ...

XXIII.

Какъ прощались сестры Липецкія.

Настало послѣднее утро. Въ «садовой комнатѣ», про которую мы уже упомянули въ началѣ нашего разсказа, сидѣла на подоконникѣ Наденька, перелистывая *Трехъ Мушкетеровъ*, которыхъ взяла съ полки, украшающей одну стѣну комнаты. Но ни картинки, комментирующія романтическія похождения дюмасовскихъ героевъ, ни самый текстъ, повидимому, не могли достаточно привлечь вниманіе молодой гимназистки: поминутно прикладывалась она лбомъ къ стеклу, чтобы окинуть бѣглымъ взоромъ дорожку, ведущую отъ главнаго зданія. Вдругъ легкій трепетъ пробѣжалъ по членамъ дѣвушки; она отдѣлилась отъ окна и нзко наклонилась надъ фоліантомъ. По дорожкѣ послышались шаги и въ комнату вошли наши два друга.

— Здравствуйте, Надежда Николаевна.

— А, Левъ Ильичъ, здравствуйте. Я васъ и не замѣтила. Упакovali свои пожитки?

— Все шито и крыто. Пришли проститься.

— А стихи написали?

— Написалъ. А карточка?

— Припасена. Когда же вы успѣли написать стихи?

— Ночью. Во второмъ часу окончилъ.

— Бѣдный! И не выспались хорошенько. Я спала отлично. Дайте-ка ихъ сюда.

Левъ вынулъ листъ почтовой бумаги, вчетверо сложенный.

— Но вы не должны никому показывать, замѣтилъ онъ.

— Отчего? Я, напротивъ, буду хвастаться передъ всѣми: навѣрно прехорошенькіе.

— Нѣтъ, я написалъ ихъ исключительно для васъ, и не хочу, чтобы ктонибудь другой читалъ ихъ.

— Да нашимъ же, татап и Лизѣ, можно показать?

— Имъ всего менѣе.

Въ это самое время откуда ни возьмись татап Наденьки. Ея появленіе удивило всѣхъ тѣмъ болѣе, что въ другіе дни она никогда не вставала ранѣе полудня. Но уже наканунѣ распустила она своихъ строптивыхъ чадъ за самовольную отлучку въ Гриндѣльвальдъ; теперь вѣроятно возникли въ ней небезосновательныя опасенія, что внезапный отъѣздъ двухъ друзей можетъ дать

новодъ къ еще болѣе эксцентрическимъ выходкамъ съ ихъ стороны.

— Ахъ, маман, обратилась къ ней Наденька: — вотъ Левъ Ильичъ написалъ мнѣ стихотвореніе, и не даетъ мнѣ его иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы я никому не показывала. Вѣдь нельзя же мнѣ брать?

— Certainement нельзя, отвѣчала съ достоинствомъ аристократка: — дѣвнцы, ш—г Ластовъ, никогда не должны имѣть секретовъ отъ матерей; примите это къ свѣдѣнію.

— Вотъ видите, Левъ Ильичъ, отдайте жь стихи маман; она уже передастъ мнѣ.

Льву сдѣлалось довольно неловко: онъ никакъ не подозрѣвалъ въ Наденькѣ такой дѣтской индвности, какою она выказала въ этомъ случаѣ.

— Но я не хочу, чтобы другіе читали ихъ, проговорилъ онъ, пряча свое посланіе въ карманъ.

— Ну, и не нужно, сказала примѣрная мать, повертываясь къ двери: — Allons prendre du café, ma chèrre.

— А l'instant, отвѣчала Наденька, и, когда та вышла, обратилась къ поэту: — что же, Левъ Ильичъ?

— А Лиза гдѣ, то-есть Лизавета Николавна? спросилъ тутъ Александръ, стоявшій до этого безучастно у ближняго окна.

— Лиза? Она, по обмѣновенію, встала въ 6 часовъ и теперь, послѣ сыворотокъ, прокаживается для моціона. А рггорос: не знаете ли вы, Александръ Александрычъ, какъ натуралистъ, какого-нибудь средства противъ зубной боли?

Александръ усмѣхнулся.

— А у сестрицы вашей все еще болятъ зубы, со вчерашняго?

— Ъхм! Просишалось, знаете, ночью и слышу — рыдаютъ. Неужто, думаю, Лиза? Вслуцилась — такъ, она. Чтд, говорю, съ тобой? «Зубы»! шепчетъ она, и опять въ слезы. Я просто удивилась: не заломлю, когда она прежде плакала. Должно быть, невносимо было.

— Средство-то у меня есть, произнесъ Александръ: — да не знаю, поможетъ ли.

— Какое жь это?

— Симпатическое: я умѣю заговаривать зубы.

— Какъ, вы, натуралистъ, вѣрите въ заговариванье?

— Всяко бываетъ. У меня такіа завѣтныя слова...

— Такъ что жь вы не испробуете нѣкъ силы надъ Лизой, если такъ увѣрены въ нихъ?

— Заговариванье, видите-ли, своего рода магнетизированіе, а магнетизеръ всегда теряетъ нѣкоторую часть своихъ силъ, когда магнетизируетъ...

— И вамъ жалъ частица вашихъ геркулесовыхъ силъ, хотя можете принести этимъ облегченіе ближнему? Стыдитесь!

— Надо будетъ попытаться, рѣшился Алексѣандръ и отправился отыскивать страждущую.

— Такъ вы мнѣ, значитъ, стиховъ и не дадите? обратилась опять Наденька къ поэту.

— Такъ и не дамъ.

— Ну, и вамъ не будетъ карточки. Довольно однакожь объ этомъ. Вы не прощались еще съ Интерлакомомъ?

— Какъ не прощались? развѣ надо особеннымъ образомъ прощаться?

— Да. Хотите, я научу васъ?

— Сдѣлайте милость.

— Такъ идите за мной.

Наденька вышла въ садикъ, Левъ послѣдовалъ за ней. По раннему часу утра тамъ не было еще ни души. Благоуханія сотенъ розъ носились въ теплому, тихому воздухѣ. На горизонтѣ сверкала во всей своей прелести снѣжная Юнгфрау, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвѣянная воздушными утренними облачками.

— Прежде всего проститесь съ дѣвой горъ, она столько времени услаждала ваши взоры.

Левъ упалъ на оба колѣна и воздвѣлъ руки къ небу.

— О, дивная дѣва, прости великодушно, что я, какъ отъ огня, бѣгу отъ тебя. Но уже вчера ишѣлъ я случай докладывать тебѣ, почему считаю супружество въ мои лѣта глупостью, а останься я еще здѣсь—чего добраго, не устоялъ бы, предложилъ бы тебѣ руку и сердце.

— Ну, довольно, довольно... перебила съ зашѣвательствомъ Наденька:—теперь проститесь съ интерлакомской почвой, которую бременили выродожденіе столькихъ счастливыхъ дней. Не жевируйтесь, почеломвайтесь.

Левъ наклонился къ землѣ и приложился къ ней губами, потомъ отплюнулъ и вытеръ ротъ.

— Бррр, какой сухой ищалуи, даже зубы скрипятъ.

Наденька разсѣлась.

— Ну, встаньте; теперь надо проститься съ садомъ, съ розами...

Она подвела его къ первому розовому кусту и наклоняла къ нему поочередно каждый цвѣтокъ; онъ послушно цаловалъ ихъ.

— Ахъ, кака великолѣбная! воскликнула вдругъ Наденька и сорвала пышную, пунцовую розу.— Вы оказались довольно вѣрными паладиномъ; надо сдержать слово; давайте сюда шляпу.

Левъ подалъ ее и замѣтилъ тихимъ голосомъ:

— А вы знаете, что значить пунцовый цвѣтъ на языкѣ цвѣтовъ?

Наденька не отвѣчала и продолжала прищипливать розу, но на щекахъ ея выступилъ высокій румянецъ. Окончивъ свою работу, она покрыла украшенной шляпою голову молодого человѣка и отступила на шагъ назадъ полюбоваться ею.

— Вамъ это очень идетъ.

— Да? А вѣдь съ лучшей-то розой, Надежда Николаевна, я еще не простился.

Наденька оглянулась по сторонамъ; но близости никого не было.

— Такъ проститесь съ ней, прошептала она чуть слышно, съ опущенными глазами:—что жъ вы? я не кусаюсь...

Левъ, неповѣрившій въ первый моментъ своимъ ушамъ, не далъ сказать себѣ это два раза, быстро обнялъ дѣвушку и припалъ къ ея полураскрытымъ, свѣжимъ губкамъ.

— Довольно... оставьте... ленетала гимназистка, вырываясь изъ его страстныхъ объятій.—Это было за всѣхъ...

И, высвободившись наконецъ, она, какъ испуганная лань, умчалась въ отворенную дверь дома.

Не таково было прощанье Александра съ Лизой. Онъ засталъ ее у кургуза, прохаживавшейся, съ обязанностию по вчерашнему щекой, взадъ и впередъ подъ густолиственнымъ шатромъ алейныхъ деревьевъ; глаза ея были замѣтно красны, на лицѣ высказывалось глубочайшее уныніе.

— Здравствуйте, началъ Александръ: — я хотѣлъ до отъѣзда сказать вамъ еще пару словъ.

Лиза холодно взглянула на него, и отвернулась въ сторону:

— Вы спросите напередъ, хочу ли я слушать васъ?

— Вы должны выслушать меня...

— Къ чему? Мы уже чужды другъ другу.

— Не говорите этого; все еще можетъ устроиться къ лучшему.

Я обдумалъ нашъ вчерашній разговоръ и нашелъ, что выходили ваши хотя и были неженственными, но могли быть слѣдствіемъ крайней экзальтаціи, желанія, во что бы то ни стало, показать себя женщиной современной; сверхъ того вы занимаетесь есте-

ственными науками, а следовательно и на жизнь, на отношения двухъ половъ смотрите совершенно просто, съ точки зрѣнія дикарей и—натуралистовъ. Поэтому я пришелъ къ заключенію, что вы еще можете исправиться...

— Не исправлюсь, никогда и никогда! перебила съ сердцемъ Лиза. — Я безчувственная, безжизненная статуя, чего жъ вамъ отъ меня?

— Что вы не безчувственны, видно уже изъ того обстоятельства, что вы такъ горько плакали обо мнѣ.

— Ну, да!

Она хотѣла удалиться и сдѣлала нѣсколько шаговъ. Онъ догналъ ее.

— Что за ребачество! Я же сознаюсь, что поступилъ опрометчиво, оуважавшись отъ васъ наотрѣвъ; положимъ опять годичный срокъ...

— И для этого вы сыскали меня?

— Да.

— Могли бы и не дѣлать себѣ труда! Вы въ самомъ дѣлѣ вообразили, что я влюбилась въ васъ, что я повѣрила вашимъ софизмамъ о назначеніи женщины къ семейной жизни? Ха, ха! какой же вы наивный! Я потѣшалась надъ вами, а хотѣла только знать, могу ли я влюбить въ себя такого медвѣдя, какъ вы; ну, и убѣдилась; довольно съ меня. Ха, ха, ха! а вы и обрадовались? думали: вотъ заставилъ страдать женщину? Неопытны вы еще, мальчикъ вы, вотъ что. Имѣю честь вланяться.

Александръ не зналъ, что и подумать.

— Нѣтъ, не можете быть, Лиза, вы представляетесь, вы хотите только отомстить.

— А вы думаете, въ насъ нѣтъ гордости?

— Не гордость это—упрямство.

— Гордость или упрямство—не въ томъ дѣло; вѣдь мы, люди, ни въ чемъ невиноваты, во всемъ виноваты обстоятельства? вы же сами говорили. Значить, и мое упрямство отъ меня не зависитъ? Но довольно воду въ ступѣ толочь. Кланяйтесь и благодарите.

Александръ уже не удерживалъ ее.

— Патя! пробормотала она и уныло пошелся своей дорогой.

XXIV

КАКЪ ПРОЩАЛАСЬ МАРИ.

Минуты двѣ простоялъ еще Левъ на одномъ мѣстѣ по исчезновеніи Наденьки; виски у него бились, лицо пылало. Но онъ вспомнилъ о скоромъ отъѣздѣ, провелъ по лицу рукою, трахнулъ будрами и взглянулъ на часы: до отхода дилижанса оставалось не болѣе десяти минутъ. Левъ поспѣшилъ наверхъ, въ свою комнату, за вещами.

Первое, что представилось тутъ его глазамъ, была Мари, грустная, смертельно-блѣдная, на стулѣ около двери. Левъ предвидѣлъ эту минуту, минуту разлуки съ сентиментальной швейцаркой, но все-таки, при наступленіи ея, былъ сильно озадаченъ.

— Мари... могъ только пробормотать онъ; въ нерѣшимости остановился онъ передъ дѣвушкой.

— Да, я, отвѣчала она беззвучнымъ голосомъ, уставясь съ тувою сосредоточенностью въ лицо возлюбленнаго; двѣ крупныя слезы скатились изъ глазъ ея.—Да, я, повторила она и съ укоризной покачала головой. — Цалуйтесь, цалуйтесь съ ней... Кто вамъ можетъ запретить?

— Такъ ты видѣла?

— Цалуются при свѣтѣ дня, въ саду, въ который выходятъ двадцать оконъ—и не видѣть!

Левъ поникъ головой, не зная, что сказать на это.

— Что вамъ въ простой дѣвушкѣ, въ горничной? продолжала Мари.—Что вамъ въ простомъ полевомъ цвѣткѣ? взяли-понюхали, да и бросили.

— Но, Мари, я, право...

— Что «право»? Не представляйтесь по крайней мѣрѣ, не лгите! Ну, похитили сердце, ну, хотите скрыться съ нимъ... хоть бы дали взаимнѣе частицу собственнаго сердца! Что жъ вы не смѣетесь? вѣдь смѣшно сказано: вы, баринъ, тоже воръ—не воръ, до котораго нѣтъ дѣла полиціи. Ужасно забавно! Ха, ха, ха! ну, смѣйтесь?

— Милая Мари, я кругомъ виноватъ, тутъ и рѣчи не можетъ быть. Но послушай: если я такой негодяй, то стѣнитъ ли кручиниться обо мнѣ? что тебѣ въ такомъ обманщикѣ? Врось меня, отвернись, забудь!

— Забыть?! Это все равно, что сказать умирающему съ го-

лodu: «перестань, не голодай». Забыть! Да ты вся моя страсть, вся моя жизнь—и забыть тебя?...

— Ну, если не забыть, то можно по крайней мѣрѣ перестать любить.

— Или дышать? или жить? потому что не любить тебя — для меня то же, что не дышать, не жить.

— Ты, милая, взволнована и не можешь разсуждать спокойно и вѣрно. Если человекъ — дрянь, то не за что и любить его.

— Ахъ, не говори этого! Ты всѣмъ хороша; только одно, что обмануль меня... Но чѣмъ болѣе вы насъ обманываете, тѣмъ болѣе мы привязываемся къ вамъ...

И, закрывъ лицо руками, она залилась горячими слезами.

Чѣмъ несчае женщина ми любилъ,
Тѣмъ легче нравился ми ей,

вспомнилось невольно Льву.

«Что же дѣлать?» разсуждалъ онъ самъ съ собою: «утѣшать, увѣрять, что люблю ее по-прежнему? да я и не люблю ее... и въ чему это поведеть? только продлить страданія бѣдняжка. Нѣтъ, надо оборвать всѣ нити разомъ! Пусть презираеть, но не мучится изъ-за меня».

Онъ съ рѣшимостью подошелъ къ столу, перебросилъ черезъ плечо сумку и раскрылъ ее.

— Я долженъ идти, любезная Мари. Ты была всегда такъ мила, такъ предупредительна со мной, что я, право, не знаю хорошенько, чѣмъ отблагодарить тебя. Я бы купилъ тебѣ на память какую-нибудь вещьцу, но какъ ты сама лучше моего знаешь, что тебѣ именно нужно, то вотъ возьми...

Онъ подалъ ей нѣсколько червонцевъ. Расчетъ его былъ вѣренъ: дѣвушка вскрикнула, вскочила, какъ ужаленная, со стула и схватилась за ручку двери, но тутъ силы наизънили ей: она зашаталась и прислонилась къ косяку. Въ глазахъ ея, устремленныхъ въ пространство, блеснуло отчаянiе до безумiя. Сухiя, воспаленныя губы смыкались и размыкались, но ни одного звука не проходило черезъ нихъ.

Левъ перепугался не на шутку. Поспѣшно припряталъ онъ деньги и въ-время еще поддержалъ несчастную, не рѣшаясь однако сказать что-либо въ утѣшенiе ей, чтобы какъ-нибудь не раздражить ее еще болѣе. Вдругъ слезы, какъ долго сдержанный плотною потокомъ, брызнули изъ глазъ ея, и, повиснувъ на шеѣ молодого человека, она истерически зарыдала.

— Вотъ до чего я дожила! слышалось сквозь рыданья:—человѣкъ, которому я рада жизнь отдать, думаетъ отвязаться отъ меня золотомъ! Бѣдная я, бѣденькая!

Онъ поцаловалъ ее осторожно въ лобъ.

— Милая, успокойся! вѣдь я же люблю тебя...

— Да не лги, безсовѣстный! почти взвизгнула она и оттолкнула его сурово. — Если любить, развѣ цалуютъ въ лобъ? О, бѣдная я!...

Когѣна у нея подкосились и она грохнулась навзничь на полъ.

— Ахъ, ты Боже мой... бормоталъ растерянный юноша, наклонясь въ испугѣ къ безутѣшной. Немного онъ успокоился, когда увѣрился, что она не расшиблась опасно при паденіи: рыданія ея продолжались довольно равномерно. Мало по малу шумный ливень превратился въ благотворный мелкій дождикъ. Плачущая приподняла голову, присѣла на полу и устремила свои глубокія, томныя очи на возлюбленнаго измѣнника.

— Да любилъ ли ты меня хоть когда, злой человѣкъ? Теверь ты меня не любишь, это вѣрно; но любилъ ли ты меня хоть прежде?

— Любилъ, милая, право, любилъ...

— Но за что ты могъ любить меня? скажи, за что? Дурочка я, глупенькая! и повѣрила ему...

— Какъ за что? Развѣ ты не была всегда ко мнѣ привѣтлива, развѣ твое хорошенькое личико можетъ не нравиться?...

— А! вотъ что! такъ тебя плѣнила не я, а моя красивая маска? Будь я немножко дурнѣе, ты бы и не взглянулъ на меня? Охъ, горе ты мое, горе! о-охъ!

— Да полно же, дятяго мое, ребѣночекъ, полно, вразумляй ее Левъ:—что тутъ убиваться? Развѣ женщина можетъ плѣнить чѣмъ другимъ? Главное въ ней—наружность, тѣлесная красота. Еслибы мы влюблялись только въ умъ, то конечно не плѣнились бы женщинами, а мужчинами.

Слова молодого натуралиста нетолько не успокоили швейцарки, они привели ее въ полное отчаяніе: она приложилась головою въ стулу и, дрожа всѣмъ тѣломъ, опять зарыдала:

— Охъ, тошно мнѣ, тошнехонько!

— Дорогая моя, ангелъ мой, перестань, мнѣ надо ѣхать, нельзя же такъ разстаться, говорилъ Левъ, обвиняя ее и стараясь голосу своему придать какъ можно болѣе нѣжность.

Мари, задыхаясь отъ слезъ, повторила только свое:

Т. CLXI. — Отд. I.

4

— Охъ, тошно мнѣ! матушки мои, какъ тошно!

Нечего, кажется, говорить, что положеніе Льва было самое незавидное: слезы почти такъ же заразительны, какъ зѣвота, въ особенности если знаешь, что самъ ты причина ихъ. Повѣту нашему сильно щемило сердце и что-то начало уже подступать къ горлу, къ глазамъ. Онъ ощутилъ вдругъ неодолимое желаніе почесать у себя за ухомъ; но — обѣими руками поддерживая онъ плачущую и нечѣмъ было привести въ исполненіе свою задушевную мысль. Тутъ вспомнилось ему, что подравнившихся собакъ разливаютъ холодною водою; онъ поднялъ голову: на столѣ стоялъ, по обыкновенію, полный графинъ: Тихонько вытащилъ Левъ свои руки изъ-подъ мышекъ дѣвушки и хотѣлъ подойти къ столу; та схватила его за руку:

— Ахъ, не уходи, не оставляй меня!

— Да я не уйду, я только за водой.

И, почесавъ теперь за ухомъ, онъ торопливо налилъ въ стаканъ воды и воротился съ нимъ къ дѣвушкѣ. И въ этотъ разъ онъ рассчиталъ вѣрно: едва сдѣлала она два-три глотка, какъ утихла; нѣсколько погода приподнялась съ полу, присѣла на стулъ и отерла широкимъ рукавомъ слезы; затѣмъ, глубоко вздохнувъ, выпила съ жадностью остатокъ воды и отдала стаканъ молодому человѣку, который успѣвши отнестъ его на столъ и сейчасъ воротился опять къ ней.

— Ну, наплакалась, произнесла она, сились улыбнуться.—Ты не взыскивай, милый мой, вѣдь я не Лотте... Да и за что мнѣ сердиться на тебя? развѣ ты виноватъ, что нашлась дѣвушка лучше меня? Ты и не такой еще достоинъ.

— Добрая моя...

— Полно, не представляйся, я знаю, что я теперь тебѣ бѣльмо на глазу, что у тебя въ эту минуту только и есть на умѣ: какъ бы скорѣе отвязаться отъ меня.

— О, нѣтъ, Мари, ты ошибаешься.

— Не хитри хоть предъ концомъ, развѣ я не вижу? Глаза влюбленной зорки. Но ты былъ правъ, сказавъ, что такъ намъ не годится разстаться; разойдемся друзьями. Если я тебя чѣмъ обидѣла, надоѣдала—прости великодушно, не поминай лихомъ.

— Милая, какъ же ты можешь думать... Я готовъ въ эту минуту все сдѣлать для тебя.

— Истинная правда?

— Сущая.

— Такъ я имѣла бы къ тебѣ просьбу...

Левъ невольно нахмурился: «Ахъ, чортъ возьми, ну, попросить отказаться отъ Наденьки?»

— Подари мнѣ на память эту булавку.

Галстухъ Льва былъ зашпиленъ золотомъ, съ эмалью, булавкой. Лицо его прояснилось, и съ необыкновенной готовностью отцѣпилъ онъ булавку, такъ что повредилъ даже галстухъ.

— Иа, любезная Мари.

Въ это время за окнами послышался стукъ колесъ. Левъ встрепенулся:

— Дилижансъ! мнѣ пора. Прощай, дорогая моя...

Она бросилась къ нему на шею и осыпала его жгучими поцелуями. Потомъ тихо оттолкнула отъ себя.

— Ступай, тебя ждутъ. Да хранить тебя Господь.

Она упала въ безсиліи на стулъ.

Подававъ ее еще на скорую руку, Левъ схватилъ въ одну руку чемоданъ, въ другую альпійскую палку, трость и плащъ, и выбѣжалъ изъ двери.

Дилижансъ дѣйствительно уже дожидался внизу, передъ площадкой отеля; около него толпилось нѣсколько Р'скихъ пансіонеровъ, въ томъ числѣ Александръ, Броннъ, Наденька и мать послѣдней. Бросивъ чемоданъ къ остальной поклажѣ на имперіаль дилижанса, Левъ взялъ подъ руку Бронна и отвелъ его въ сторону:

— У меня, другъ мой, есть къ тебѣ небольшое порученіе; исполнишь?

— Вопросъ! Само-собою. Въ чемъ дѣло?

Левъ досталъ свое посланіе къ Наденькѣ.

— Вотъ возьми: не разсматривай—увндать; спрячь. Когда мы отѣдемъ, ты передай Наденькѣ, какъ сказано: чтобы никто не видѣлъ.

— Будетъ исполнено въ точности. Но скажи на милость, что тебя приспичило непременно ѣхать?

— Надо побывать еще въ южной Швейцаріи, на женеvскомъ озерѣ, надо заглянуть и въ «das Land wo die Citronen blühen». Если вздумаешь писать, то можешь адресовать въ Неаполь.

— Все это очень мило; но развѣ тебѣ и здѣсь нехорошо? Охота искать счастья за горами, когда оно у тебя подъ рукою.

— У меня свои причины.

— А! понимаю:

Vor der Liebe ein Jüngling lief,
Glaubte, sie wäre hinter ihm,
Doch sie sass ihm im Herzen tief.

Напрасныя старанья: не убъжишь отъ нея.

— Увидимъ! Ну, прощай.

Они поцаловались по-братски. Затѣмъ Левъ подошелъ къ дамамъ. Наденька держалась конвульсивно за руку матери, какъ-бы ища опоры. Послѣдняя кровинка исчезла изъ цвѣтущаго лица ея. Когда Левъ подаль ей на прощанье руку, то почувствовалъ, какъ пальцы ея, горячіе и влажные, дрожали въ его рукѣ.

— Прощайте, Надежда Николавна.

— Прощайте...

Богъ не сказалъ ни одинъ изъ нихъ. Но въ глазахъ ея, устремленныхъ на него какъ-то грустно вопросительно, онъ прочелъ нѣмой вопросъ:

— Что же стихи? вѣдь это нехорошо...

— А что карточка? спросилъ онъ вслухъ.

Наденька покачала отрицательно головой. Хотѣлъ онъ справиться, что значить это отпрцаніе: неудачу въ похищеніи карточки, или нежеланіе дать ее? Но тутъ подъ дверьми дома появилась Мари. Левъ покраснѣлъ, и коротко раскланявшись съ дамами, прыгнулъ въ дилижансъ.

— Adieux!

— Ade!

— Прощайте-сь!

Лошади тронули, громоздкій экипажъ загремѣлъ по мостовой.

При поворотѣ на мостикъ черезъ Ааръ, Левъ еще разъ взглянулъ изъ задняго окошка. Сквозь желтые столбы пыли, поднятые колесами, различилъ онъ въ отдаленіи живую картину: группа пансіонеровъ глядѣла съ площади передъ отелемъ въ слѣдъ отъѣзжающимъ; впереди стояли мать и дочь Липецкія и Мари. Вдругъ Наденька бросилась на шею къ молодой швейцаркѣ, толпа обступила ихъ... Экипажъ повернулъ за уголъ.

Левъ откинулся назадъ, и пожалъ съ чувствомъ руку сидѣвшему возлѣ него другу.

Тотъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Что съ тобою?

— Заварилъ я кашу...

Кому жь-то придется ее расклебать!

Какая сладость иногда въ грусти! Просто, хоть сахаръ вари.

— А по мнѣ такъ это чистая полынная настойка: и горька, и шеломить.

— Такъ и ты того?...

Александръ молча отвернулся, но Левъ очень вѣрно понялъ, что это значить:

— Да, и я того—дуракъ набитый!

Утро, какъ мы уже замѣтили, было высшего достоинства: съ голубымъ небомъ и солнечнымъ блескомъ. Но добровачественность погоды въ минуту разлуки едва-ли еще не усиливаетъ тоски. Все милое, покидаемое нами, представляется въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ, и тѣмъ большѣ намъ бросить его. Неподвижно, безмолвно стояли наши два пріятеля на кормѣ парохода, уносившаго ихъ отъ унтерзеенской пристани къ Туну. Все далѣе уходили знакомые берега, изъ-за темныхъ гребней которыхъ посылали путникамъ послѣдній привѣтъ свой бѣлоснѣжныя главы Юнгфрау, Мѣнха, Эйгера... Одна за другой исчезали свѣтлыя вершины. Такъ гаснутъ яркія звѣзды волшебной лѣтней ночи, такъ потухаютъ безвозвратно звѣзды счастья...

— Прости, прости, мой край родной!
Ужъ скрмса ты въ волнахъ...

иѣлъ тихій голосъ на кормѣ судна.

— Kellner! раздался тамъ же другой, громкій голосъ: — Zwei Flaschen Liebfrauenmilch!

XXV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Недѣли двѣ спустя, Левъ, прибывъ съ Александромъ въ Неаполь, нашелъ тамъ слѣдующее письмо на свое имя.

«Интерлакень, 24 іюля.»

«Amice carissimel

«Я извѣстился отъ Бронна (подлецъ онъ, отъявленный... но объ немъ рѣчь впереди), что ты намѣренъ пробыть нѣкоторое время въ Неаполѣ, поэтому письмо мое должно застать тебя.

«Прежде всего спѣшу увѣдомить тебя, что я женихъ... Вижу, какъ ты блѣднѣешь, какъ письмо дрожитъ въ твоихъ рукахъ; но не пугайся, другъ мой: я женихъ не Наденьки, а Мирочки. Самъ не знаю, какъ это сдѣлалось! Не думай, не гадай, а вдругъ оказался женихомъ. Et d'une manière si commune! Сна-

чала даже досадно было. Но теперь свмыся съ своей долей, въ особенности, когда узналъ, что беру приданаго до 20 тысячъ.

«Случилось оно такъ. Послѣдніе дни мы съ Мирочкой были все больше одни: то я отмысвивалъ ее, то она меня. Entre quatre уеих она позволяла мнѣ даже цаловать ей ручку, а ручка у неа—*sarprist!* маленькая, полненькая, съ ямочками; и—что очень важно—*sans deuil*; такъ вотъ и просится на подалуи! Да что ручка! еслибы ты видѣлъ ея ножку: *soude-pied*... Но это—статья, до тебя некасающаяся.

«И такъ, сидимъ мы съ нею въ бесѣдѣ и прочитываемъ *tout à tout La Gaillarde* Поль-де-Кока (премиленкій романчикъ!), одинъ читаетъ—другая слушаетъ, другая читаетъ—одинъ слушаетъ, и наоборотъ, въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній. Тутъ замѣчаетъ она на ругѣ моей перстень.

«— Ахъ, говорить, какой хорошенькій!

«И давай снимать его. А ручонки у неа, багъ выше объяснено, *pas plus ultra*, и какъ взялась она ими, мягкими, теплыми, за мою, такъ просто не знаю, что со мною сдѣлалось! Романъ ли Поль-де-Кока растрогалъ, или что другое—только словно электрической токъ (а можетъ быть, и гальванической? кто его знаетъ) пробѣжалъ по всѣмъ моимъ суставамъ; я не выдержалъ, обнялъ милашу и влѣпилъ ей наисмачнѣйшую безешку. Она не протестовала; но, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ, продолжала снимать у меня перстень и, снявъ его, стала прилѣплять его на всѣ пальцы. Понятно, что онъ былъ ей великъ. Тогда она продѣла въ него два пальца, и смѣется:

«— Вотъ видите ли, и мнѣ въ пору!

«А меня точно бѣсъ какой толкнулъ:

«— А что, говорю, еслибы я попросилъ васъ оставить его себѣ?

«Она опустила глазки.

«— Переговорите съ тѣтенкой; она моя опекунша...

«Я чуть не провалился сквозь землю, въ Америку. *Imbécile!* самъ того не зная, сдѣлалъ предложеніе. Но *que faire?* благородному человѣку нельзя отступитья отъ даннаго разъ слова, сконфузить ее тоже не хотѣлось—скрѣпя сердце, отправился я къ опекуншѣ, ну и, само собою, получилъ ея полное согласіе...

«Но обратимся къ другой статьѣ, тебя, безъ сомнѣнія, болѣе интересующей. Я не присутствовалъ при вашемъ отлѣздѣ (волью же ѣхать въ такую неслыханную рая!), но слухомъ земля

полнится: рассказывали мнѣ съ разныхъ сторонъ о трогательной прощальной сценѣ, какъ вы съ Наденькой, пожимая другъ другу въ послѣдній разъ руку, чуть не расплакались, какъ потомъ ты переслилъ себя, оторвался отъ нея и бросился въ дилижансъ, какъ съ нею сдѣлалось дурно, и она чуть не растянулась передъ всею честной компаніей, какъ, наконецъ, мать потащила ее, рабу божію, въ свои внутренніе апартаменты, и задала ей тамъ капиталную головомойку. Все бы кончилось еще благополучно, еслибы не твоя стихоманія; накуралесила твоя Муза! нечего сказать. Ты обѣщался, говорятъ, написать Наденькѣ стихи и отдалъ ихъ при отъѣздѣ твоему другу-корпоренту, а тотъ, испугавшись эффекта, произведеннаго уже твоимъ отъѣздомъ, передалъ ихъ матери. Mon Dieu! чтó за драма разыгралась изъ этого! Мы съ Мирочкой подслушали все изъ сосѣдней комнаты.

«— Ты, говорить, такая-сякая, связываешься со всякой швалью, у которой и гроша въ карманѣ нѣтъ; другое дѣло, еслибы то былъ Куницынъ...

«Ея собственныя слова, милый мой, не обижайся.

«Но и Наденька твоя не промахъ; разгорячилась не хуже матери.—Вы, говорить, не смѣете не отдать мнѣ стиховъ: они для меня написаны, они мои...

«И пошла, пошла. Но, понятно, солома силы не ломить: мать торжественно разорвала ихъ, такъ что ты собственно для нея одной и писалъ ихъ—никто другой не читалъ ихъ. Hélas! и смѣшно, и грустно; du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas, сказалъ Наполеонъ. Ты, однако, когда-нибудь дай мнѣ прочесть свое посланьице—должно быть, препикантное.

«Три дня Наденька не показывала глазъ, а какъ показала— Господи ты Боже мой! чтó случилось съ этой розовой, цвѣтушей дѣвушкой! Похудѣла, точно всѣ эти три дня ничего не ѣла, и такая блѣдная, желтая... То ли дѣло моя Мирочка! Но не сердись, извини пожалуйста; лучше не сравнивать ихъ; послѣ самъ отдашь честь моему вкусу. А propos de bottes: твой дерптець, какъ выше сказано, подлець изъ подлецовъ: чуть ты уѣхалъ, чуть Наденька вышла опять изъ затворничества (ужь не мать ли посадила ее на хлѣбъ и на воду?), какъ онъ приударилъ за ней, и хотя нельзя сказать, чтобы она замѣтно благоволила къ нему, однако онъ рѣспроваль уже на столько, что она улыбается надъ его плоскими остротами. Доказательствомъ же тому, что она еще

не совсѣмъ утратила о тебѣ память, можетъ служить прилагаемая карточка ея:

«— Сдержалъ, молю, слово.

«— Какое? спросилъ я: — написалъ стихи?

«Она замаялась, покрасѣла. Я очень тонко при этомъ подтрунилъ надъ ней; она какъ-то прежде отозвалась, что любовь—нелѣпость, что законна только разумная привязанность, вслѣдствіе многолѣтняго знакомства.

«— Такъ-то-съ, сказалъ я ей:—вы питаете къ Ластову разумную, многолѣтнюю привязанность?

«Она сильно обидѣлась; но это показываетъ только, что я попалъ не въ бровь, а въ глазъ, съ чѣмъ тебя я поздравляю.

«Могу рассказать тебѣ еще одну новость, хотя уже болѣе грустнаго свойства. Ты, конечно, замѣтилъ тутъ смазливую, черно-мазую горничную, Мари? До Липецкихъ я, faute de mieux, вздумалъ приволокнуться за ней, и хотя она играла сначала неприступную, но я увѣренъ, что достигъ бы желанной прпстани, еслибы не Наденька, а за ней Мирочка. Вдругъ вчера дѣлается съ нею нервная лихорадка; бредить, опасаются даже за ея жизнь... А вѣдь, чего добраго, во всемъ виноватъ я? Нѣмки эти вѣдь сентиментальны до-нелзя, я ее поцаловалъ какъ-то въ коридорѣ, увѣрялъ въ страстной любви; она вѣроятно и возмечтала; а какъ узнала, что я присватался къ Мирочкѣ, такъ съ отчаянья... Очень можетъ быть! меня даже грызеть немножко совѣсть; но кто жъ виноватъ въ томъ? неужели мужчина, который умѣлъ плѣнить глупенькую? На то силачу и сила, чтобы упражнять ее; и могу тебѣ сказать по секрету, что мнѣ даже ни мало неприятно, что я здѣсь, при такихъ небольшихъ стараніяхъ съ моей стороны, успѣлъ вскружить дѣвушкѣ голову не на животь, а на смерть: видишь—весь прекрасный полъ отдастъ тебѣ должный трибутъ.

«Но пора и кончить. Отвѣтъ ты можешь адресовать мнѣ въ Парижъ, poste restante; я увѣрилъ Липецкихъ, что и тамъ можно получить своротки, да еще лучше здѣшнихъ; ха, ха, ха! вѣроятно же можно? На дняхъ мы отправляемся въ дорогу. Радуюсь напередъ удовольствіямъ, которыя доставлю тамъ своей душкѣ-невѣстѣ. Цалую тебя заочно.

«Твой С. Куницынъ».

«P. S. Когда я за обѣдомъ упомянулъ, что пишу къ тебѣ, Лиза велѣла передать твоему пріятелю Зибнну, что симпатическое средство его противъ зубной боли наконецъ помогло ей, и что

она просить его не забывать 6-го іюля будущаго года. Подлинныя ея слова. — Зми́нь, сказала она, — пойметъ ихъ. — Ну, а коли пойметъ, такъ и хорошо. Addio, carissime».

Идилія наша кончена. Встрѣтились ли наши герои и героини въ послѣдствіи, соединились ли, какъ подобаеть, законными узамъ—по нашему мнѣнію, вопросъ сюда неидущій. Еслибы живописецъ, написавъ солнечный, лѣтній ландшафтъ, вздумалъ, для большей полноты впечатлѣнія, дать вамъ понятіе и о зимнемъ состояніи изображаемой имъ мѣстности, и набросалъ бы для этого, сверхъ лѣтнаго ландшафта, очерки атрибутовъ зимы: пасмурнаго неба, сугробовъ снѣга, обнаженныхъ, помертвѣлыхъ деревьевъ — то отъ этого бы только пострадала основная, солнечная картина. Идилія — та же картина, картина солнечной, аркадской жизни, и всякіе коментаріи къ ней, о томъ, что было въ послѣдствіи, въ неидиллическое время, послужили бы лишь въ ущербъ основному впечатлѣнію, производимому нашимъ разсказомъ.

В. АВЕНАРИУСЪ.

ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ.

Статья третья.

Сочиненія Н. А. Добролюбова.

Значеніе Добролюбова. — Что такое критика реальная или реалистическая? — Служба бельетристическихъ талантовъ наукѣ. — Отношеніе Добролюбова къ таланту г. Островскаго и наше мнѣніе по этому предмету. — Объ участи нашей сатиры и нашего прогреса.

Мы не безъ причины выбрали Добролюбова исходною тѣмою для продолженія нашихъ статей: не объяснивши его значенія, нельзя вполнѣ разобрать и той путаницы понятій объ искусствѣ, о писателяхъ, о нравственныхъ и эстетическихъ началахъ, которая произведена нашими критиками-публицистами. Нѣтъ сомнѣнія, что Добролюбовъ еще непонятъ и неопредѣленъ ими; одни изъ нихъ считаютъ его исполнителемъ идей автора «Эстетическихъ отношеній», другіе же называютъ отступникомъ отъ этихъ идей въ сторону Бѣлинскаго и осуждаютъ даже за это отступничество. И тѣ и другіе правы съ своей точки зрѣнія и неправы противъ его самого. Нѣтъ писателя, который бы могъ служить такимъ живымъ упрекомъ нашему модному направленію, какъ Добролюбовъ; имъ такъ же легко побить и то, что ему предшествовало въ этомъ движеніи, и то, что за нимъ послѣдовало; въ своихъ критическихъ статьяхъ Добролюбовъ мѣстами какъ-бы выскакиваетъ изъ сторожевой цѣпи новѣйшихъ прогресистовъ и протягиваетъ руку примиренія и прошедшему, и вражеской сторонѣ. Правда, что это отстраненіе отъ своего лагеря съ нимъ случилось только урывками, временами: жизненный талантъ Добролюбова встрѣтился съ абстрактнымъ умомъ автора «Эстетическихъ отношеній», первый покорился второму, и въ этомъ причина неполноты его дѣятельности.

Всѣхъ статей Добролюбова мы разбирать не будемъ: онъ писалъ слишкомъ неразсчетливо и размахисто, чтобы изъ всего можно было выжать сокъ истины; порицать же за всякую ме-

лочь сошедшаго со сцены дѣателя не стоитъ. И, наконецъ, чего мы будемъ топтаться и толочься на одномъ мѣстѣ? Заберемъ изъ Добролюбова что слѣдуетъ, да и впередъ... Болѣе всего мы обратимъ вниманіе на взгляды его на критику и искусство вообще и на его отношенія въ первостепеннымъ литературнымъ талантамъ; это скорѣе всего дастъ намъ возможность анализировать его дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и примѣнить свои возрѣнія на искусство, высказанныя въ предшествующей статьѣ.

Добролюбовъ, безъ сомнѣнія, былъ одаренъ замѣчательнымъ критическимъ дарованіемъ, но дарованіе это еще не доросло въ немъ до того, чтобы выскочить изъ той рамки, въ которую вставлена была его дѣятельность. На немъ болѣе чѣмъ на комъ отпечатлѣлся слѣдъ литературныхъ тисковъ, о которыхъ мы уже говорили; онъ болѣе, быть можетъ, чѣмъ кто пострадалъ отъ надзора за дарованіями, такъ тщательно производимаго прежде. Тогда еще никто не хотѣлъ знать, что направленіе должно происходить не изъ умышленнаго преобладанія одной личности надъ другими, а изъ свободнаго и невольнаго сліянія нѣсколькихъ умовъ въ одинъ порывъ, въ одно движеніе; атмосфера деспотизма партіи еще такъ была густа, что легкіе, надыхавшіеся ею, не могли не портить крови, не дѣйствовать на мозгъ и не отражаться на высшихъ и благороднѣйшихъ инстинктахъ.

Закраины главныхъ статей Добролюбова, то-есть начало и конецъ, и представляютъ именно слѣдъ того тѣсненія, которое производилось въ видахъ направленія. Въ срединахъ статей, а иногда и въ цѣлой отдѣльной, съ малыми только отступленіями въ пользу редакціи, Добролюбовъ иногда освобождался отъ преднамѣреннаго писательства, говорилъ отъ себя, отдавался на волю своего собственнаго дарованія, и тогда онъ былъ дѣйствительно хорошъ. Но, между тѣмъ, что онъ говорилъ по внушенію чужаго ума и по вдохновенію своего таланта столько противорѣчій, что видно сейчасъ, какъ мало онъ утвердился въ своихъ убѣжденіяхъ и какъ несовершенно усвоилъ или подогнулъ себя подъ чужія мысли. Онъ столько же принадлежитъ своему направленію, сколько и чужому; въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Добролюбовъ не вашъ!

Особенность взгляда на критику яснѣе всего проглядываетъ у Добролюбова въ терминахъ: отказываясь отъ званія эстетическаго критика, онъ довольно пространно говоритъ о критикѣ реальной, то-есть той самой, которая теперь переименовалась въ ре-

литическую — переменна важная, особенно подъ перомъ людей, объявившихъ, что они ни въ чемъ несогласны съ Добролюбовымъ. И такъ поговоримъ же о критикѣ реальной или реалистической.

«Реальная критика относится къ произведенію художника точно такъ же, какъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни» (14 стр. III т.) — говоритъ Добролюбовъ, впадая въ тонъ журнала. Нѣтъ, такъ не можетъ и не должна относиться настоящая критика къ произведеніямъ искусства; искусство и дѣйствительность не одно и то же — искусство должно стоять не въ уровень и не позади дѣйствительности, какъ мы уже доказали; а если оно должно стоять впереди жизни, то къ нему и критика должна быть възвѣдательнѣе, и руководящій элементъ при оцѣнкѣ жизни долженъ быть болѣе тонкій и болѣе подвижной. Оцѣнка жизни въ практическомъ смыслѣ должна собственно производиться публицистикой, которая строится на основаніи наукъ; оцѣнка же произведенія искусства дѣлается нравственно эстетическимъ началомъ, которымъ условливается стремленіе наше къ совершенству. Критики-реалисты смѣшали критику съ публицистикой и на этомъ основаніи стали называть ее реальной и полезной. Между терминами — критика реальная и эстетическая нѣтъ даже паралели; о критикѣ нельзя сказать — эстетическая ли она или неэстетическая, реальная или идеальная: неэстетической ее потому нельзя назвать, почему нельзя назвать и безобразной, а идеальной или реальной критика потому не можетъ быть, что назначеніе ея — примирять идеальное съ реальнымъ.

Есть три рода критиковъ — критики-мыслители, критики-оцѣнщики и критики-крикуны; Добролюбовъ, можно сказать, былъ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ, хотя болѣе-то всего онъ хотѣлъ быть первымъ. Но настоящимъ критикомъ-мыслителемъ онъ уже потому не могъ быть, что умышленно или неумышленно не хотѣлъ быть критикомъ-оцѣнителемъ: на словахъ онъ вездѣ отказывался отъ художественной оцѣнки литературныхъ талантовъ. Все это, впрочемъ, было въ немъ довольно неискренно. Съ одной стороны онъ говорилъ, «что онъ не чувствуетъ въ себѣ призванія воспитывать эстетическій вкусъ публики» и не желаетъ стяжать названіе тонкаго оцѣнителя художественныхъ красотъ; а съ другой — распространяется о силѣ непосредственнаго чувства, о чувствѣ художественной правды (21—22 стр. т. III), о высшихъ нравственныхъ началахъ (44 стр.) и, наконецъ, забывшись, принимается за чисто-эстетическую оцѣнку Обломова. Откуда же бралось въ немъ это противорѣчіе, это пренебреженіе къ началу эстетическому и уваженіе къ началу нравствен-

ному? Не отъ того ли, что его дѣятельность, будучи несвободной, не дошла до пониманія тождественности этихъ двухъ началъ? Добролюбовъ не понималъ еще, что необходимо, напримѣръ, смотрѣть на жизнь не только съ точки зрѣнія истины, но и красоты; что мыслить, положимъ, необходимо надъ жизнью, исходя изъ опыта и знанія, но нужно также мыслить и чувствуя жизнь, осязая ея формы — иначе мысль никогда не перейдетъ въ дѣло.

Сфера дѣятельности публициста и критика различна. Публицистъ смотритъ на все съ точки зрѣнія болѣе широкой: онъ говоритъ о жизни, начиная съ области народа или государства, критикъ же начинаетъ рѣчь съ характеровъ, съ происшествій, съ семейныхъ отношеній и различныхъ связей, посредствомъ которыхъ течетъ жизнь общественная; это точка зрѣнія не столь широко захватывающая жизнь, но зато болѣе глубоко проникающая въ нее. Двѣ дѣятельности эти, положимъ, могутъ сталкиваться, но никогда не должны сливаться въ одно, иначе онѣ взаимно другъ друга уничтожаютъ и критика переходитъ въ крикъ. Такъ случилось и съ самимъ Добролюбовымъ, который, за недостаткомъ сатиры, принялся свистать и шумѣть (*).

(*) Область публициста и область критика художественныхъ произведеній — двѣ разныя области; дѣйствительно, потому что одинъ имѣетъ дѣло съ фактами жизни общественной и государственной, другой — съ произведениями искусства. Но если въ произведеніи искусства затронутъ политическій или общественный интересъ, кто же мѣшаетъ критику относиться къ этимъ вопросамъ, какъ относится публицистъ — и быть настоящимъ публицистомъ? Вѣлискій былъ и критикъ и публицистъ въ одно время, а это не мѣшало ему нисколько быть хорошимъ эстетикомъ. Поэтому мы думаемъ, что такое подраздѣленіе критиковъ, какое придумалъ авторъ (критики-мыслители, критики-оцѣнщики и критики-крикуны) есть не болѣе, какъ уродливостъ факта, существовавшего въ нашей литературѣ.

Вообще мы не признаемъ той отчужденности науки отъ искусства, искусства отъ исторической жизни народа, слѣдовательно, и политики, на которой такъ сильно настаиваетъ авторъ, и потому не считаемъ бесполезнымъ еще разъ напомнить читателю нашъ собственный взглядъ на этотъ предметъ.

Художникъ долженъ стоять въ уровень съ идеями вѣка и съ государственными требованіями. Чѣмъ больше онъ забралъ содержанія эпохи въ свои произведенія, и чѣмъ больше таланта онъ выказалъ въ изобрѣтеніи формъ, которыми одѣлъ богатое содержаніе, тѣмъ онъ выше. Но...

Это очень важное но. Мы просимъ забывать слѣдующихъ словъ Вѣлискаго, написанныхъ имъ въ 1848 г., то-есть въ такой періодъ его развитія, когда онъ самъ служилъ уже идеѣ *полезы* искусства. Какъ ни находился онъ подъ вліяніемъ этой идеи, однакожъ стелъ долгомъ написать слѣдующее:

«Теперь многихъ увлекаетъ волшебное слово: «направленіе»; думать, что все дѣло въ немъ, и не понимаютъ, что въ сферѣ искусства, вопервыхъ, *никакое направленіе трюма не стѣдуетъ безъ таланта*, а вовторыхъ, самое направленіе должно быть не въ головѣ только, а прежде всего въ сердцѣ, въ крови живущаго, прежде всего должно быть чувствомъ, инстинктомъ, а потомъ

Но у Добролюбова дѣятельность эта являлась еще въ видѣ исключенія, у другихъ же она обратилась въ норму; образовались мало по малу рядомъ съ критиками-публицистами критики-ругатели или крикуны, которые взяли себѣ задачею не оцѣнивать таланты, не высказывать идеи, а, привязываясь къ какому нибудь незначительному факту въ сочиненіи, наругаться и на шумѣть надъ ними на сколько хватить силы: это такъ-называемое литературное наѣздничество. Въ этомъ родѣ провозведенъ былъ набѣгъ на г. Тургенева со стороны вигиллистовъ и на г. Островскаго со стороны реалистовъ. Въ послѣднее время эта критическая гимнастика отъ сильныхъ тѣлодвиженій совсѣмъ соскочила съ рельсовъ, и читателю пришлось прочесть въ видѣ сюрприза то, о чемъ не было даже и намѣка въ заглавіи.

Это смѣшеніе критики съ публицисткой шло какъ разъ въ параллель съ помѣсью искусства и науки, о которой мы говорили прежде; у Добролюбова мы опять столкнулись съ этимъ послѣднимъ явленіемъ, съ тою только разницею, что у насъ оно выставлено было въ видѣ порицанія, у него же въ видѣ похвалы. Мы такимъ образомъ можемъ указать на процессъ, которымъ зачиналась и оправдывалась эта помѣсь. «Свободное претвореніе высшихъ умозрѣній въ высшіе образы — говоритъ Добролюбовъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ полное созданіе высшаго общаго смысла во всякомъ частномъ и случайномъ фактѣ жизни—это идеаль, представляющій полное сліяніе науки и поэзіи, доселѣ никѣмъ еще недостигнутый» (18 стр. III т.). Удивляюсь, какъ Добролюбовъ при своемъ умѣ не понималъ, что сліяніе науки съ поэзіей влечетъ людей либо къ мистицизму, либо къ шарлатанству, и что какъ отъ того, такъ и отъ другаго люди стали избавляться по мѣрѣ того, какъ истины науки перестали сливаться съ грезами поэзіи въ одну хаотическую, полную мрака и безъисходной тоски путаницу.

Воображеніе—плохой помощникъ въ наукѣ; какъ на живой примѣрѣ этому, мы можемъ указать на дѣятельность Месмера, кото-

уже, пожалуй, и сознательною мыслию—что для него, этого направленія, такъ же надобно родиться, какъ и для самого искусства. Идея вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая, какъ должно, но не проведенная черезъ собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капиталъ не только для поэтической, но и всякой литературной дѣятельности. Какъ ни списывайте съ природы, какъ ни одобряйте вашихъ списковъ готовыми идеями и благонамѣренными «тенденціями», но если у васъ нѣтъ поэтического таланта — списки ваши никому не напомнятъ своихъ оригиналовъ, а идеи и направленія останутся общими риторическими мѣстами». — *Ред.*

рый, благодаря своей мечтательной пылкости, окомпрометировалъ только въ глазахъ ученыхъ тѣ явленія, которыя послѣ точный вслѣдователь Бредъ опредѣлялъ и называлъ гипнотизмомъ. На Месмерѣ мы видимъ самый свѣжій примѣръ не только шарлатанства, но и мистицизма; и то, и другое въ немъ сливается, да и эти элементы между собой почти однородны. Ученые смотрѣли на Месмера какъ на обманщика, публики—какъ на чудодѣя; теперь же, съ открытіемъ гипнотизма, онъ оказывается не болѣе, какъ поэтъ-ученый.

Поэтами же учеными хотять быть и наши самоучки-натуралисты, популяризирующіе науку, которой не учились; до нелѣпостей Месмера они, пожалуй, не дойдутъ, но уважать науку тоже не заставятъ. Сколько, напримѣръ, шумѣли они о пользѣ изученія физиологіи; не только въ критическихъ статьяхъ, но даже и въ повѣстяхъ объ этомъ говорили. И что же мы видимъ: профессора терапіи и акушерства до сихъ поръ имѣютъ несравненно болѣе слушателей-спеціалистовъ, чѣмъ профессора физиологіи; сколько клиники полны, столько лабораторіи пусты. И если, сравнивая науку медицины съ живымъ организмомъ, можно сказать, что терапія есть вершина, голова медицины, анатомія же и физиологія — фундаментъ или ноги, то о нашей русской медицинѣ можно сказать, что она стояла до сихъ поръ вверхъ ногами: приливъ соковъ такимъ образомъ былъ къ головѣ, къ терапіи; ноги же ея, анатомія и физиологія, болтались вверху на воздухѣ. Чтобы поставить ее на ноги, мало фразъ о распластанныхъ лягушкахъ и пользы ихъ разсматриванія черезъ микроскопъ (*): заниматься физиологіей, фундаментомъ медицины, можно только изъ любви къ истинѣ; практическая же медицина ведетъ, какъ извѣстно, къ пользѣ и выгодѣ. Мы нарочно останавливаемся и будемъ останавливаться на научной сторонѣ нашего вопроса: защищая самостоятельность искусства, мы этимъ самымъ защищаемъ и самостоятельность науки.

«Литература по своему существу — говорить Добролюбовъ — не имѣетъ дѣятельнаго (то-есть самостоятельнаго) значенія: она только или предполагаетъ то, что нужно сдѣлать, или изображаетъ то, что дѣлается или что уже сдѣлано; въ первомъ случаѣ, то-есть въ предположеніи будущей дѣятельности, она беретъ свои матеріалы и основанія изъ чистой науки, во второмъ—изъ самихъ

(*) Господинъ Г. Б., то-есть попросту Григорій Благосвѣтловъ, объявилъ, что онъ въ слѣдующей книгѣ «Русскаго Слова» представитъ разборъ спеціальнаго и подробнаго трактата «О дѣтскихъ болѣзняхъ» Фогеля (!). Въ настоящее же время совѣтуемъ всѣмъ матеріалъ-запасъ этимъ чисто-спеціальнымъ руководствомъ.

фактовъ жизни. Такимъ образомъ, вообще говоря, литература представляетъ собою силу служебную, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинства опредѣляются тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ» (462 стр. III т.). — Не те же ли заключаютъ въ себѣ эти строки, что выражено авторомъ «Эстетическихъ отношеній», когда онъ говоритъ о содержаніи искусства и опредѣляетъ сферу его дѣятельности общинтереснымъ или полезнымъ и придаетъ дѣятельности поэтической значеніе научное. Но не совсѣмъ-то, какъ видно, подогнулась у Добролюбова мысль въ этомъ отношеніи, и потому онъ сейчасъ же прибавляетъ: «въ литературѣ, впрочемъ, являлось до сихъ поръ нѣсколько дѣятелей, которые въ своей пропагандѣ стоятъ такъ высоко, что ихъ не превзойдутъ ни практическіе дѣятели, ни люди чистой науки; эти писатели были одарены такъ богато природою, что умѣли какъ-бы по инстинкту приблизиться къ естественнымъ понятіямъ и стремленіямъ, которыхъ еще только искали современные имъ философы съ помощію строгой науки. Мало того, что философы только предугадывали въ теоріи, гениальные писатели умѣли это схватить въ жизни и изображать въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, служа наибѣйшими представителями человѣческаго сознанія въ извѣстную эпоху, обозрѣвая съ этой высоты жизнь, людей и природу и рисуя ее передъ ними, они возвышались надъ служебною ролью литературы и становились въ рядъ историческихъ дѣятелей... Таковъ былъ Шекспиръ; многія изъ его пьесъ могутъ быть названы открытіемъ въ области человѣческаго сердца; его литературная дѣятельность подвинула общее сознаніе людей на нѣсколько ступеней, на которыя до него никто не подымался, и которыя только издали были указаны нѣкоторыми философами».

Далѣе причисляется къ этому же роду писателей, неразграничавшихъ роли служебной передъ наукой, Данте, Гёте и Байронъ; туда же, конечно, согласился бы Добролюбовъ ввести Гейне и многихъ другихъ. Такимъ образомъ, составляетъ цѣлый цѣкъ писателей, подъ перомъ которыхъ искусство для Добролюбова уже не является слугою науки; съ какой же стати послѣ того относить второстепенные таланты къ числу служителей, подвѣдомственныхъ ученимъ? Почему непременно нужно быть гениальнымъ писателемъ и хватить дальше, чѣмъ хватили ученые и философы, чтобы быть самостоятельнымъ дѣятелемъ въ сферѣ искусства и поэзіи? И какъ наконецъ второстепенные литературные таланты могутъ служить наукѣ, когда способности ихъ не на столько громадны, чтобы между своими дѣлами заниматься еще и посторонними? Надо имѣть слишкомъ мало уваженія къ наукѣ и слишкомъ малое пониманіе ея трудности, чтобы съ чисто-лите-

ратурными или бельетристическими способностями братья за ея пропагандированіе. Это-то у насъ и дѣлается въ силу обычая, заведеннаго Добролюбовымъ; у многихъ, напримѣръ, изъ нашихъ пропагандистовъ есть несомнѣнные бельетристическіе таланты, но тамъ хуже для науки: она подъ ихъ перомъ является орудіемъ забавы, игрушкой, а не серьёзныхъ работъ и мысли. Человѣку, хоть немного понявавшему истинъ науки, нельзя равнодушно читать этихъ литературно-бельетристическихъ упражненій; они удовлетворяютъ только желанію баловаться наукой, а не изучать ее, подтапливаютъ къ узкому, одностороннему, а не къ универсальному развитію.

Популяризованіе—дѣло великое, но только тогда, когда оно производится людьми, специально знающими предметъ. Можетъ ли, напримѣръ, довѣриться читатель г. Шелгунову въ его статьѣ о психіатріи, когда онъ до сихъ поръ писалъ о томъ, что подвернется подъ руку? Можно ли не удивляться смѣлости г. Писарева, рекомендующаго, подобно профессору зоологіи, сочиненіе по малю ему извѣстному предмету? Лучшіе популяризаторы въ родѣ Араго, Бабини, Ремселера, Фохта и другихъ были въ то же время и замѣчательными специалистами, что вполне естественно: кому извѣстенъ предметъ въ совершенствѣ, тому его легче изложить ясно. Популяризованіе равняется по своему значенію профессурѣ; но на сколько ниже, поверхностнѣе теперешнее популяризированіе въ сравненіи даже съ нашею профессурою—и сказать нельзя. Странное въ самомъ дѣлѣ положеніе нашей науки. Въ журналахъ показываютъ изъ нея только блестящую и обертку, въ университетахъ—сухіе кости, скелетъ науки; въ журналахъ науку, профанируя, пропагандируютъ, въ университетахъ же, завертывая въ фоліанты—прячутъ. Удивительно ли послѣ того, что многіе затикаютъ уши и бѣгутъ вонъ...

Признавая за литературой главное значеніе пропаганды, Добролюбовъ, впрочемъ, требуетъ отъ нея одного качества, безъ котораго въ ней не можетъ быть никакихъ достоинствъ, именно—правды; «надо, чтобы факты, изъ которыхъ исходитъ авторъ и которые онъ представляетъ намъ, были переданы вѣрно; какъ скоро этого нѣтъ, литературное произведеніе теряетъ всякое значеніе, оно становится даже вреднымъ, потому что служитъ не къ просвѣтлѣнію человѣческаго сознанія, а напротивъ еще къ большому помраченію. И тутъ уже напрасно стали бы мы отыскивать въ авторѣ какой-нибудь талантъ, кромѣ развѣ таланта вралы. Въ произведеніяхъ историческаго характера правда должна быть фактическая; въ бельетристичѣ, гдѣ происшествія вымышленны, она замѣняется логическою правдою, то-есть разумной вѣ-

роятностию и сообразностию съ существующимъ ходомъ дѣлъ». — Не явно ли Добролюбовъ тутъ говорить противъ своего направленія и теперешней беллетристики, которой именно недостаетъ художественной правды и въ которой все такъ невѣроятно, неправдоподобно, что одѣ только явное пристрастіе и незнакомство съ жизнью журналистовъ даетъ право на напечатаніе? Мы принуждены сказать, что романъ «Что дѣлать» — образецъ въ этомъ родѣ; съ появленіемъ его усилилось, если не ошибаемся, и поступленіе въ печать повѣстей писателей, лишенныхъ всякаго пониманія жизни. Всѣ нападки на искусство, эстетическое начало, талантъ тоже дѣйствуютъ въ этомъ направленіи и расплождаютъ число повѣстей, гдѣ изображается не жизненная правда, а якобы научная и полезная истина. Добролюбовъ, впрочемъ, и самъ себя противорѣчить, придавая такое значеніе и требуя въ то же время, чтобы искусство служило наукѣ, пропандируя ее. Последняя роль есть только нисшій родъ искусства, называемый научной литературой, которая проявляется какъ въ строго-серьезныхъ, такъ и въ популярныхъ статьяхъ. Ее-то, эту научную литературу, у насъ и стараются смѣшать съ изящной, роная этимъ и науку и искусство. Изъ этого видно, какъ даже въ интересахъ науки и съ точки зрѣнія ея важно, чтобы вопросъ объ искусствѣ рѣшенъ былъ какъ можно яснѣе.

Но Добролюбовъ не только защищаетъ художественную правду наперекоръ своему направленію, но еще въ одномъ мѣстѣ (465 стр. III т.) высказываетъ опасеніе, «чтобы поборники искусства не обвинили его въ навязываніи художнику утилитарныхъ тѣмъ». Но какъ же было его и не обвинить въ этомъ, когда онъ, требуя, чтобы искусство было служанкою науки, говоритъ, «что между истиннымъ знаніемъ и истинной поэзіей нѣтъ существенной разницы», и въ то же время утверждаетъ, что повѣсть безъ правдоподобія, безъ таланта имѣетъ только значеніе вранья. Добролюбовъ только ставилъ этимъ себя, а еще болѣе людей, обучавшихся по его критикамъ, въ вѣчное противорѣчіе. Школа критиковъ-крикуновъ была, пожалуй, въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе его: она совсѣмъ отвернулась отъ художественной правды и въ этомъ отношеніи ее можно только считать проводникомъ идей сочиненія «Эстетическія отношенія къ дѣйствительности». Добролюбовъ же худо переварилъ эту книжку.

Добролюбовъ много говоритъ о необходимости расширенія взгляда беллетриста или художника посредствомъ общихъ понятій и свѣдѣній науки. Это такъ, вѣрно, но все-таки въ художникѣ это не первое; если онъ черезчуръ будетъ заниматься этимъ расширеніемъ свѣдѣній въ наукѣ, то онъ уберетъ въ себѣ на-

конецъ талантъ. Только всеобъемлющіе геніи, подобныя Гёте, не вредили себѣ такою энциклопедичностью. Знаніе поэта есть преимущественно знаніе жизни въ самыхъ сырыхъ и неподдѣльныхъ ея матеріалахъ.

Вслѣдствіе двойственности возрѣній Добролюбова на критику и искусство, а можетъ быть и невозможности повиноваться только внушеніямъ своего таланта, взглядъ Добролюбова на нашихъ современныхъ писателей и художниковъ тоже имѣетъ въ себѣ что-то несвободное; особенно это можно сказать въ отношеніяхъ его къ г. Островскому. На г. Островскаго онъ смотритъ какъ-бы съ одной стороны и разбираетъ одну половину его литературной дѣятельности — изображеніе темной стороны жизни. Положимъ, что эту сторону таланта Добролюбовъ разобралъ хорошо, но этого все-таки недостаточно. Въ талантѣ г. Островскаго есть много свѣта и истинной поэзіи, которые въ Темномъ царствѣ не оцѣнены. Г. Островскій черезъ эту темень критическую является какимъ-то обличителемъ и учителемъ купцовъ; а Добролюбовъ могъ бы оцѣнить и свѣтлое въ дѣятельности г. Островскаго.

И все это выходитъ у Добролюбова какъ-то мелко. Въ Большовѣ, напримѣръ, онъ видитъ только дрянную натуру, подвергнувшуюся влиянію окружающаго быта; онъ одинаково для него ничтоженъ, какъ въ довольствѣ, когда онъ неистовствуетъ, такъ и въ бѣдѣ, когда онъ потерялъ все и съ этой потерей явился передъ зрителями въ другомъ видѣ. Онъ смѣется надъ сравненіемъ судьбы Большова съ судьбою Лира. Какъ ни странно по-видимому это сравненіе, оно отчасти вѣрно; комедія этимъ сравненіемъ не возвышается, а только объясняется. Подобно тому, какъ король Лиръ забылся въ своемъ положеніи и, въ этомъ забвеніи сумасбродства, нечаянно высказалъ великодушіе и отдалъ все дѣтямъ—такъ и купецъ Большовъ, близкій къ овладѣнію имуществомъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ, лишилъ себя всего въ пользу дѣтей. Семейное начало является въ необразованномъ человѣкѣ единственнѣмъ противовѣсомъ эгоизму; далѣе семьи взоръ его рѣдко проникаетъ. Только образованіе дѣлаетъ изъ цѣлаго общества настоящую семью, въ которой общественность и гуманность являются противовѣсомъ и семьянизму и эгоизму. Поэтому отдача имущества дѣтямъ въ Большовѣ очень цѣнна. Большовъ все время до своего несчастія является какимъ-то раздраннымъ, недовольнымъ и бѣшеннымъ безъ причины: нажи-

той и награбленный имъ капиталъ какъ будто не даетъ ему покоя. Не понимая самъ себя, онъ наконецъ рѣшается ханнуть еще болѣе, и за этимъ все вдругъ отдаетъ; видно, что деньги ему не такъ дороги, какъ сильна его невѣжественная натура. Онъ какъ бы жертва избытка, который его увѣчить. Положеніе богача дѣйствительно не такъ хорошо, какъ обыкновенно думаютъ, для нравственнаго состоянія личности. Невѣжество, конечно, условливало самодурство Большова, но не на столько, на сколько богатство. Въ Дирѣ невыгодность положенія въ нравственномъ отношеніи чуть только затронута: тамъ гений писателя преимущественно остановился на драматизмѣ величайшаго несчастія, какое только можетъ создать жизнь. «Свои люди сочтемся» — даже не комедія и не драма, а глубоко-вѣрное изображеніе народнаго быта и положительно лучшій анализъ одного изъ человѣческихъ недостатковъ — способности забываться, въ довольствѣ и богатствѣ.

Что Большовъ не дрянная натура, что всѣ его взбалмошные и нелѣпые поступки и безобразія условливались избыткомъ — показываетъ то, что когда надъ нимъ разразилось несчастіе, когда онъ упалъ съ неба на землю, онъ сталъ человѣкомъ. Чѣмъ грязнѣе, чѣмъ отвратительнѣе были его дѣлости, тѣмъ рельефнѣе и свѣтлѣе выглядываютъ подъ конецъ блеснувшія въ немъ достоинства. Показать въ такомъ испорченномъ самодурѣ никому невидныя достоинства — заслуга немалая: это можетъ сдѣлать только талантъ и тончайшая способность воспринимать красоту жизни. Смотрите, какъ онъ твердо переноситъ свое несчастіе, какъ сдержанно негодуетъ на Подхалюзина и на свою дочь, которымъ все отдалъ и которые его гонятъ. Онъ какъ будто во сто разъ поумнѣлъ, сдѣлавшись несчастнымъ; мало даже говорить, понявши, что словами противъ нихъ ничего не сдѣлаешь. Нѣкоторые выраженія его отзываются неподдѣльнымъ трагизмомъ. Когда Подхалюзинъ, стараясь замать его просьбу — выручить изъ бѣды, начинаетъ угощать, и мать съ дочерью тоже около него суетятся, Большовъ восклицаетъ: «выручайте, дѣтущки, выручайте!» Когда въ отвѣтъ на его упреки и просьбы къ дѣтямъ онъ получаетъ самый наглый отказъ, онъ ограничивается только восклицаніемъ: «змѣи вы подколонны» и опускаетъ голову на столъ. Жена его начинаетъ бранить и проклинать дѣтей, Подхалюзинъ ядовито замѣчаетъ, что татенька захмѣлѣлъ маленько, дочь поддакиваетъ ему противъ отца; Большовъ въ отвѣтъ встаетъ и говоритъ только: «ну, прощайте дѣти». Подхалюзинъ проситъ его остаться; Большовъ не слушаетъ — «сама себя раба бьетъ, воля нечисто жнетъ! Ты ужь не плати за меня ничего, пусть что

хотятъ, тѣ и дѣлаютъ. Прощайте, пора мнѣ». Куда дѣвалась его зрѣлость? Линиенія укротили въ немъ звѣрскіе истинны, хоть и не привели въ немъ того упадка духа, который обыкновенно производитъ бѣдность на слабыя натуры.

Правда, что вліяніе несчастія въ Большовѣ выражено авторомъ неполноѣ. Г. Островскій вообще всегда отступалъ передъ тѣми мѣстами, гдѣ нужна была драматическая сила; всѣ его сочиненія вообще нельзя назвать ни комедіями, ни драмами, а только необыкновенно вѣрными и художественными изображеніями въ драматической формѣ. Въ его драмахъ и комедіяхъ болѣе эпическаго чѣмъ драматическаго движущагося элемента, болѣе юмора и сатиры, чѣмъ койническихъ положеній. Самая растянутасть его сочиненій способствовала болѣе къ вѣрности изображенія народнаго быта, чѣмъ къ проявленію на сценѣ глубокихъ внутреннихъ движеній. Внутреннія, сердечныя, общечеловѣческія движенія можно изобразить только въ сжатой, движущейся формѣ настоящихъ драмъ. Чтобы глубокія душевныя движенія обнаружались, нужно чтобъ и самая форма была подвижная. Кромѣ этого, тутъ нужна еще болѣе сильная вѣра въ несовсѣмъ легко подмѣчаемыя движенія благородства и достоинства человѣческой природы. Въ «Грозѣ» г. Островскій обнаружилъ болѣе всего вѣры въ свѣжую сторону нашей жизни, и потому «Гроза» вышла у него самой удачною изъ всѣхъ драмъ. Драма не можетъ быть построена на отрицательномъ движеніи, на толчѣи, такъ сказать, сзади, какъ въ сатирѣ и комедіи. Драма есть порывъ таланта впередъ отъ лица всего лучшаго и совершеннѣйшаго въ жизни.

Добролюбовъ ставитъ въ заслугу г. Островскому, что онъ будто рисуетъ изъ нашего купеческаго быта не злодѣевъ или мошенниковъ съ сильной натурой, а русскихъ доморощенныхъ плутовъ, неспособныхъ на рискъ и лишенныхъ разбойнической рѣшимости (его выраженіе). Нѣтъ, Подхалюзинъ не мелкій плутъ, а злодѣй, поступающій систематически и вѣтерющій присутствія духа въ самыя критическія минуты. Въ послѣдней сценѣ комедіи «Свои люди»—сценѣ, которая кажется Добролюбову лишней, высказывается вся сила натуры этого плута. Когда по уходѣ Большова является полиція и онъ разомъ узнаетъ о страшной бѣдѣ, онъ не терзается, а говоритъ хладнокровно квартальному: «Покорнѣйше прошу садиться! Водочки не угодно ли?» Но вотъ и послѣдній маневръ его плутовства не удается: квартальный отнѣкивается; Подхалюзинъ видитъ, что Сибири ему не миновать и все-таки не унываетъ, задумывается только и говоритъ: «а въ Сибирь такъ и въ Сибирь! Чтѣ же такое? И въ Сибири люди живутъ». За этимъ беретъ шляпу и прибавляетъ: — «я готовъ-съ».

Мы нарочно обратили вниманіе на силу этого характера и на замѣчаніе Добролюбова объ измельчаніи русской жизни. Нѣтъ, жизнь наша не такъ еще измельчала, какъ думаютъ многіе. Народъ нашъ еще одинаково способенъ какъ на большое зло, такъ и на большое добро. Обвинять въ мелкости движеній душевныхъ какъ низкихъ такъ и благородныхъ — значитъ не вѣрить въ запасъ нашихъ силъ. Ничто не въ состояніи истощить этого запаса: русская натура попрежнему размашиста и непосѣдна. Никакія историческія несчастія и географическія неудобства не могутъ сломить этой силы. Въ насъ еще только нѣтъ вѣры въ себя и въ свое собственное добро; мы еще научились только смѣяться надъ своими недостатками, но не умѣемъ радоваться, прѣннть въ себѣ достоинства, небольшихъ, но сильныхъ и давно уже просающихся наружу и нерѣдко немнѣющихся исхода.

Столь же одностороненъ взглядъ Добролюбова и на драму г. Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется». Сочиненіе это имѣетъ глубокой смыслъ; при болѣе сильномъ развитіи драматизма, изъ него вышла бы вещь великая. Жить дѣйствительно нельзя всегда такъ, какъ хочется, какъ желалъ бы; а не желать нельзя: на то есть страсти и окружающая жизнь. Борьба между долгомъ и неограниченностію желаній есть одна изъ тѣхъ нравственныхъ тревогъ, которымъ человекъ чаще всего подвергается; она-то и изображена отчасти въ народной драмѣ г. Островскаго.

Молодой, необразованный и удалой дѣтина Петръ Ильичъ, имѣющій жену и занятый вѣроятно дѣломъ, полюбилъ дѣвушку, которая и по характеру и по всему приходилась ему точно подъ пару. Чтѣ дѣлать? Оставить жену нельзя, соблазнить Грушу тоже невозможно безъ женитьбы: и вотъ онъ рѣшается притвориться неженатымъ; и смутно сознавая въ то же время безъисходность положенія своего, пьетъ горькую. Добролюбовъ видитъ въ Петрѣ только дряннаго кутилу и бранитъ его за это на чемъ свѣтъ стоитъ. Но ватѣмъ же, скажите, у автора сказано въ началѣ пьесы: «Пока любилъ меня Петръ Ильичъ, такъ и жилъ хорошо; а разлюбилъ, богъ его знаетъ чтѣ съ нимъ случилось, я сталъ гулять». — И потомъ, послѣ грубаго разговора съ женой, который произвелъ видно и на него тяжелое впечатлѣніе, Петръ говорить: «Горе! Вотъ гдѣ горе... Не зальешь его, не затушишь... Дайте мнѣ вина, скорѣй вина». — Кажется ясно, что Петръ пьетъ съ горя. Характеръ его неоняетъ такимъ образомъ Добролюбовымъ въ самой основѣ. Правда, что душевная борьба выражена въ Петрѣ неполно, но до этого мало дѣла было Добролюбову, видѣвшему въ немъ только героя темнаго царства. Въ монологахъ, на примѣръ, Петръ положительно слабѣе, а тамъ-то именно

и выражаются самая глубокая движени души. Но слишкомъ сознательное выраженіе борьбы въ простомъ человѣкѣ, быть можетъ, не допускаетъ и естественность. Петръ мучится, страдаетъ, неистовствуетъ, самъ не понимая что съ нимъ и что ему дѣлать; въ этомъ-то и трагизмъ невѣжественной, но сильной натуры.

Разсужденія Добролюбова о самодурствѣ къ Петру совсѣмъ неприменимы; стараясь натянуть все на свою идею, онъ Петра считаетъ тоже за самодура, и на какомъ же основаніи? На томъ, что на него не подѣйствовали ни уговариванія отца, ни упрашиванья тети, ни мольбы жены и совѣты товарища; Петръ, не смотря на это, пилъ и кутилъ. Добролюбовъ не догадывается, что на взрослого человѣка съ сильнымъ характеромъ трудно дѣйствовать уговариваньемъ, упрашиваньемъ и мольбами—все это часто проходитъ мимо ушей; и если онъ принимаетъ другое рѣшеніе, то это большей частію въ силу процесса, въ немъ совершившагося.

Добролюбовъ ставитъ въ упоръ Петру Ильичу, что онъ ходилъ къ колдуну и спрашивалъ послѣдняго, можетъ ли онъ приворожить дѣвку, чтобы любила, чтобы не она надо мной, а я надъ ней куражился, какъ душѣ угодно. Добролюбову становится страшно отъ этой фразы; онъ не понимаетъ, что грубое выраженіе это въ сущности невинно. Любовь его къ Грушѣ была слишкомъ сильна, чтобы думать тогда о деспотизмѣ надъ ней, какъ понялъ Добролюбовъ. Петръ все-таки мужикъ необразованный; ему нельзя ставить въ вину ни вѣру въ колдуновъ, ни грубость въ выраженіяхъ. На мужика нельзя роптать за то, что онъ мужикъ, личности нельзя приписывать того, что зависитъ отъ обстоятельствъ.

Ничего нѣтъ также страннаго и слишкомъ неутѣшительнаго, какъ кажется Добролюбову, и въ томъ, что Петръ и послѣ встрѣчи жены его съ Грушей и разрыва его съ послѣдней начинаетъ сильнѣе пить, впадаетъ въ неистовство и наконецъ, какъ дикій звѣрь, бросается изъ дому, боясь совершить преступленіе! Но ни матель, ни темнота, ни холодъ не уменьшаютъ его ярости; въ его душѣ созрѣвало и готовилось преступленіе; съ нимъ происходилъ нравственный кризисъ и все повидному тянуло его въ бездну. Вдругъ раздается звонъ колокола, онъ останавливается, видитъ передъ собой прорубь; и впечатлѣніе мѣднаго голоса в темной проруби такъ сильно подѣйствовало на его нервы, какъ не дѣйствовали мольбы и увѣщанія. Внезапное сотрясеніе иногда бываетъ причиной выздоравливанія сумасшедшихъ, а онъ былъ близокъ къ безумію. Какъ же могъ сомнѣваться Добролюбовъ въ полномъ перерожденіи Петра, когда гнѣвъ, страданіе и любовь дошли въ немъ до такой высоты, откуда можетъ

быть только полный поворотъ къ лучшему, или гибели? Авторъ, правда, не рѣшился, да и не желалъ, быть можетъ, изобразить подробнѣе этотъ душевный поворотъ и поставить на сцену Петра въ то время, когда онъ былъ надъ Москвою-рѣкой. И обстановка, и положеніе, и внутреннее состояніе Петра—все дѣлаетъ это мѣсто въ высшей степени драматичнымъ. Не разилъ также г. Островскій въ своей драмѣ, какъ намъ кажется, другое, не менѣе сильное положеніе—это встрѣчу Даши съ Грушей. Онъ даже и не узнаютъ другъ друга; а изъ этого столкновенія могло бы выдти одно изъ сильнѣйшихъ мѣстъ въ драмѣ, въ которомъ характеръ Даши выразился бы вполне.

Но за то какъ хороша у него Груша. Нельзя лучше, рельефнѣе нарисовать характера граціозно-веселой, сдержанно-страстной и удалой, умной русской дѣвушки. Смотри на эту свѣтлую фигуру, нельзя не подивиться, какъ могло Добролюбову казаться все темнымъ въ сочиненіяхъ г. Островскаго. Не можемъ удержаться, чтобы не выписать слѣдующаго мѣста.

«Груша. — Чтò ты такой сердитый? На меня что ли сердить? Петръ. — Я нынче не въ себѣ, скучно, дѣла такія есть.

Груша. — А ты не свучай! Чтò за скува... Такъ-то голубчикъ мой бѣленькій. (Поетъ).

Петръ. — Ужь очень я тебя люблю! Надоть такъ думать, что ты меня приворожила чѣмъ ни на есть.

Груша. — Чтò ты! Господь съ тобой!

Петръ. — Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ будетъ.

Груша. — Да что съ тобой сдѣзлось?

Петръ. — Несчастный я человѣкъ! Ничего я не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругомъ пошла. Ровно туману кто напустилъ на меня.

Груша. — Да отчего такъ? Скажи.

Петръ. — Говори ты мнѣ прямо, чтобы я зналъ, любишь ли ты меня?

Груша. — А то скажешь нѣтъ? Извѣстно, люблю.

Петръ. — Ой-ли? Вѣрно твое слово?

Груша (обнимая). — Вотъ какъ люблю, вотъ!

Петръ. — Груша, такъ ты меня такъ любишь? Ну, пропадай все на свѣтъ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня!—Загублю, глазомъ не сморгну.

Груша. — Чтò ты, что ты? Нехорошо. Нешто такія слова говорить? Въ какой часъ скажется. Вотъ у насъ кузнецъ Еремѣя, все эдакъ душой-то своей клялся, въ преисподнюю себя проклиналъ... Ну, чтожь, сударь ты мой, такая-то страсть... И завелъ

его на сѣновалѣ, подъ крышу—насилу стащили, всего скорчило. Ужъ такой-то этотъ Бремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не бывало! Два раза изъ проруби вытаскивали, а ему все какъ съ гуся вода.

Петръ.—Что мнѣ себя жалѣть? Ужъ и такъ пропащая моя голова, за одно пронадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ нужно: золота, серебра, каменье въ самоцвѣтныхъ—себя заложу, а тебѣ подарю.

Груша.—Ничего мнѣ, голубчикъ мой бѣленькій, не надо, все-го у меня довольно. А ты вотъ что парень, люби меня какъ я тебя люблю.

Петръ.—Экъ дѣвка! Что баласы-то точить! Видишь, я въ какомъ разѣ. Проси, чего хочешь. Дорогого проси.

Груша.—Чего у тебя просить-то! А вотъ что: ходи почаще, носи пряничковъ послаще, да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цалуя покрѣпче... ха, ха, ха! Да вотъ еще я у тебя хотѣла давно попросить, купи ты мнѣ перстенечекъ.

Петръ.—Ужо два принесу (*Груша поетъ*).»

Мы нарочно указываемъ на эту свѣтлую страницу изъ автора, въ которомъ Добролюбовъ видѣлъ такъ много темныхъ страницъ. Такъ же односторонне смотритъ Добролюбовъ и на комедію «Не въ свои сани не садись». Русакова онъ тоже называетъ самодуромъ; не думаемъ, чтобы самъ авторъ думалъ такъ же о немъ, когда писалъ. Славянофилы, положимъ, были смѣшны, считалъ Русакова за представителя лучшихъ людей допетровской эпохи: Русаковъ вовсе не историческая личность, а самая обыкновенная купеческая, которая впрочемъ такъ хороша, что образованіе только немного можетъ ее улучшить. Добролюбовъ считаетъ за выраженіе самодурства слова Русакова: «статочное ли дѣло, чтобы повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится. Пусть мнѣ человѣкъ понравится.» Да вѣдь это онъ только ворчить, высказываетъ недовѣріе къ ея выбору. Онъ, пожалуй, говоритъ про себя: «Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я полюблю.» А когда дѣло доходить до рѣшительнаго шага, смягчается и прибавляетъ: «Говорю тебѣ Авдотья, иди за Бородинна. Не пойдешь, не будетъ тебѣ моего благословенія, а чтобы я и не слышалъ про проходивца.» Послѣ, когда дочь падаетъ въ обморокъ, Русаковъ совсѣмъ уступаетъ и соглашается на замужество съ Вихоревымъ. «Кабы я зналъ, что онъ степенный человѣкъ, да что онъ тебя любить, я бы и разговаривать не сталъ.» Вообще въ отношеніяхъ этого старика-вдовца къ дочери есть что-то материнское. Какъ мужчина, онъ, разумѣется, не могъ имѣть той деликатности чувства, которую можетъ высказать женщина въ такихъ случаяхъ.

Добролюбовъ это не понять; потому что у него на все былъ какой-то неестественно, неискренно-суровый владъ.

Дочь его была дѣйствительно одно изъ тѣхъ существъ, на сужденія которыхъ о привязанности мужчины нельзя положиться. Это была одна изъ тѣхъ граціозно-женственныхъ и сильныхъ самою своею уступчивостію натуръ, обрисовка которыхъ такъ удалась г. Островскому. «Пусти ее къ лютымъ звѣрямъ, и тѣ ее не тронуть—говорить о ней отецъ.—Ты посмотри на нее: у нея въ глазахъ-то только любовь да кротость. Она будетъ любить всякого мужа, надо найти такого, который ее чтобы полюбилъ, да могъ понять, чтѣ эта за душа.» Добролюбовъ говоритъ, что сердце такой дѣвушки—расплывающееся тѣсто, что оно кисель, тряпка, и что такія натуры производятся только самодурствомъ, деспотизмомъ. Это положительно невѣрно: женственность, хотя бы доведенную до крайности, нельзя ставить въ упрекъ женщинамъ; она дика и неумѣстна только въ мужчинѣ, а между женщинами она есть и не можетъ не быть. Сила женщины иногда въ самой ея слабости. Грація и мягкость характера берутъ часто верхъ надъ самою даже звѣрообразностію, особенно когда эта мягкость соединена съ умомъ; упорство же безпричинное только озлобляетъ. Мы не совѣтуемъ всѣмъ женщинамъ голубиную кротость; но думаемъ, что многія изъ нихъ не могутъ ее не имѣть по своей природѣ. Даже въ этой готовности любить всякого, которую такъ порицаетъ Добролюбовъ, мы не видимъ ничего фальшиваго. Есть дѣйствительно такіе невыскаательные женскіе характеры, которые не могутъ не любить человѣка, когда съ нимъ сближаются. Въ этой неразборчивости есть какъ-бы инстинктъ матери. Изъ такихъ дѣвушекъ, которыя способны привязаться къ своему суженому и роженому, каковъ бы онъ ни былъ, не выходятъ, правда, пылкія жены, за то выходятъ настоящія матери. Но опять мы скажемъ, что этотъ свѣтлый взглядъ на окружающее, эта дѣтски-материнская привязанность и глаза, смотрящіе на все съ любовью, не могутъ быть достоинствомъ всякой женщины; но онѣ есть, существуютъ въ дѣйствительности; надъ этими качествами нельзя смѣяться какъ надъ фальшивыми.

Добролюбовъ видитъ въ Авдотѣ Максимовнѣ только несчастное, угнетенное и обиженное существо; но ужели всякую кротость мы должны считать за признакъ угнетенія? Ужели отсутствіе давленія производитъ только бойкость, рѣзкость и задоръ? Что-то невѣроятно. Дуня любитъ отца, но ей нравится и Вихоревъ. «Я не пойду за Бородинна, Викторъ Аркадьевичъ. Вы не беспокойтесь пожалуйста, говоритъ она», думая утѣшить вертопраха.—«Вамъ тятенька приважетъ идти».—«Ахъ нѣтъ, тятенька

меня любить. Я ему скажу, что не люблю Вородкина, онъ насильно не заставитъ» — «А какъ онъ этого не послушаетъ, что тогда?» — «Я ужь право не знаю, что мнѣ и дѣлать — такая напасть на меня!» — И въ этихъ словахъ Добролюбовъ видитъ идиотизмъ, тогда какъ въ нихъ только выражается крайнее смущеніе. Отчего же такой ужасъ — замѣчаетъ Добролюбовъ — когда та съ испугомъ отказывается убѣжать съ Вихоревымъ? Да просто оттого, видите — продолжаетъ онъ словами Дуни — что отецъ проклинаетъ меня и тогда каково мнѣ будетъ жить на бѣломъ свѣтѣ. Что же тутъ сибирскаго, что дѣвушка неразвита и несамостоятельная конечно боится сильно огорчить отца, котораго любитъ? Много ли найдется такихъ особъ ея лѣтъ и положенія, которыя безъ дальнѣйшихъ церемоній согласятся убѣжать очертя голову? Добролюбовъ увѣряетъ, что Дуня не только лишена самаго высшаго степеня рѣшимости, но даже неспособна совсѣмъ возмущаться зломъ. Однако, когда Вихоревъ, очутившись съ нею на постояломъ дворѣ и узнавши, что отецъ оставилъ ее безъ приданнаго, начинаетъ требовать, чтобы она просила денегъ и тогда онъ женится — Авдотья Максимовна встаетъ и говоритъ: «Да отсохни у меня языкъ, если я у него попрошу хоть копейку!» Можно ли требовать чего нибудь болѣе сильнаго отъ дѣвушки ея характера? Желаніе видѣть во всемъ свою идею у Добролюбова доходитъ до того, что онъ даже поступокъ Русакова — заплатить за Вихорева мелкіе долги, лишь бы только онъ скорѣе убрался изъ города — считаетъ за выходку самодурства, какъ-будто самодурчьи одни поступаютъ всегда безъ расчета!

Вообще Добролюбовъ не постыжился на разныя натяжки и выводы, чтобы объективировать свою критику въ формѣ темнаго царства. И вышло дѣйствительно изъ его критики что-то темное, мрачное, хоть на половину и невѣрное. «Это — говоритъ онъ — миръ затанной, тихо вздымающей скорби, миръ тупой, ноющей боли, миръ тюремнаго гробоваго безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ, бессознательнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ захожденіи. Нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора; гниль и сырость вѣетъ темная и тѣсная тюрьма. Ни одинъ звукъ съ вольнаго воздуха, ни одинъ лучъ свѣтлаго дня не проникаетъ въ нее... Они молчатъ, эти несчастные узники, они сидятъ въ летаргическомъ оцѣпененіи и даже не потрясаютъ своими дѣлами; они почти лишены даже способности созавать свое страдальческое положеніе; но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ тяжесть, давящую на нихъ, они не потеряли способности ощущать свою боль. Если они безмолвно и неподвижно переносятъ ее, такъ это потому, что каждый крикъ, каждый вздохъ, среди это-

го сираднаго омута, захватываетъ имъ горло, отдается колющею болью въ груди, каждое движеніе тѣла, обремененнаго цѣпями, грозитъ имъ увеличеніемъ тяжести и мучительнаго неудобства ихъ положенія.»

Все это, пожалуй, хорошо, талантливо, поэтично, но невѣрно. Жизнь при такихъ условіяхъ продолжаться не можетъ. Это не тѣло общественное, что избравилъ Добролюбовъ, а трупъ бездыханный или больной въ агоніи, на лицѣ котораго смерть уже положила свою страшную, еще Гипократомъ подмѣченную, печать. Такому больному врачъ ненуженъ; у такого застывающаго тѣла остается только сидѣлка или какая нибудь родственная душа, которая послѣ съ плачемъ и воплемъ хоронитъ покойника. Если выздоравливаніе такъ безнадёжно и въ душѣ вашей одно только отчаяніе, то нечего, значить, вамъ и говорить—лучше оставить въ покоѣ.

Но видятъ-ли, по крайней мѣрѣ, Добролюбовъ какой-нибудь исходъ изъ темнаго царства? Нѣтъ, или только два самыхъ узкихъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ концѣ своего сочиненія. Только два характера кажутся ему свѣтлыми и отличаются большою нравственною силой: это характеръ Паша, дѣвушки падшей, если помнать читатель, отъ Беневоленскаго, и характеръ Любима Торцова, который губитъ себя пьянствомъ. Характеры эти, положимъ, свѣтлы, хотя Пашу собственно и сравнивать вельзя съ Любимомъ Торцовымъ: она тѣнь характера. Но тѣнь хуже, если натяжка такая произведена съ цѣлью доказать, что только развращеніе женщины и паденіе мужчины, и могутъ служить выраженіемъ нравственной чистоты въ нашемъ обществѣ. Добролюбовъ говоритъ, что Паша, придя въ домъ невѣсты Беневоленскаго, могла бы сдѣлать ему дебошъ и сорвать сердце, но она этого не хотѣла. Ужъ одно предположеніе дебоша — худо рекомендуетъ Пашу. Мало также прибавляетъ въ ней Добролюбовъ своими замѣчаніями о ея горѣ, завитомъ веревочкой. Кто не знаетъ, сколько болѣзненно-грустнаго въ этомъ завиваніи горы!

Но разборъ этого послѣдняго характера въ драмѣ «Гроза» поставилъ Добролюбова еще въ большее противорѣчіе. Онъ, какъ человѣкъ чуткій къ эстетическимъ впечатлѣніямъ, сразу понялъ, при появленіи «Грозы», что темное царство его не такъ темно, какъ казалось ему. Прежде онъ говорилъ, что ни одинъ лучъ свѣтлаго дня въ него не проникаетъ, и тутъ вдругъ носнулись на него самыя яркіе лучи свѣта. Что дѣлать? Какъ справиться? И вотъ онъ рѣшаетъ, что Катерина есть лучъ свѣта, проникшій въ темное царство; что явленіе такого характера составляетъ поворотъ въ нашей народной жизни (488 стр. Т. III). О какомъ

поворотѣ тутъ говорить Добролюбовъ? Зачѣмъ видитъ онъ во всемъ изображеніе новыхъ, нарождающихся явленій жизни? это задача таланта г. Тургенева, а не г. Островскаго. Катерина — не новость въ нашемъ народѣ: она всегда была въ немъ — это доказываютъ русскія народныя пѣсни; многіи изъ нихъ прямо вырвались изъ женской груди, и по тону и складу даже подходятъ къ тому страстному, граціозному говору, которымъ дышетъ рѣчь Катерины. Добролюбовъ жестоко ошибается, говоря, что появленіемъ характера Катерины, у насъ разрѣшается задача, требуемая поворотомъ общественной жизни.

Разборъ «Грозы» есть одна изъ тѣхъ статей, гдѣ авторъ много тоже говоритъ противъ художественной и эстетической критики и обнаруживаетъ несомнѣнныя способности къ ней. Въ крайнихъ статьяхъ — распространяется о служеніи искусства наукѣ, объ обращеніи его въ орудіе посторонней идеи; въ среднихъ же пишется чисто-эстетическій дифирамбъ Катеринѣ, называетъ ее характеромъ создающимъ, любящимъ, идеальнымъ. Трудно найти что-нибудь болѣе свѣжее, какъ его восхищеніе Катериной. Но какъ человѣкъ надломанный въ своихъ пониманіяхъ красоты, онъ тутъ же высказываетъ самыя фальшивыя воззрѣнія на сущность движеній душевныхъ. Такъ, напримѣръ, любясь Катериной, онъ напоминаетъ слѣдующее мѣсто изъ Островскаго: «Иной разъ, бывало, рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко входитъ, упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама не знаю о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила — не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно.» — «Бѣдная дѣвочка — замѣчаетъ Добролюбовъ — неполучившая *широко теоретическаго образованія*, незнающая всего, что на свѣтѣ дѣлается, непонимающая даже хорошенько своихъ собственныхъ потребностей, не можетъ, разумѣется, дать себѣ отчета въ томъ, что ей нужно.» — Изъ этого выходитъ, что Катерина въ своихъ слезахъ, какъ-будто жаждала теоретическаго образованія; тогда какъ воображеніе рисовало ей фантастическія картины, а въ ушахъ звучало страстный шопотъ. Выраженіе Добролюбова тѣмъ болѣе неожиданно, что самъ онъ въ этой же статьѣ говоритъ, что ни образъ, ни принципъ, а натура нужна для проявленія вѣрнаго характера (506 стр.). «Натура замѣняетъ здѣсь и соображеніе разсудка, и требованіе чувства и воображенія: все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха, пищи, свободы» (496 стр.). Смотрите, сколько натурально-эстетическаго чутія выражается въ этомъ. Подумаемъ, что объясненіе слезъ Катерины писалъ не Добролюбовъ, а кто-нибудь въ родѣ г. Рѣшетникова, который

недавно началъ извѣсть слѣдующими замѣчательными строками: «Воспитаніе мое было очень плохое. Еслибы мнѣ привелось родиться отъ образованныхъ родителей, съ которыми бы я прожилъ лѣтъ пятнадцать, еслибы при этомъ я имѣлъ хорошихъ товарищей, и получилъ реальное образованіе, то изъ меня, можетъ быть, вышелъ бы человѣкъ порядочный, и на столько развитый, на сколько можно при реальномъ образованіи развиться въ эти годы. Но родитель мой, при бѣдности своей, былъ пьяница, человѣкъ грубый... Воспитатели мои, тѣтка и дядя, были люди неразвитые, непонимавшіе, что такое книга.» Точно курица съ яйцомъ, посится съ своимъ теоретическимъ и реальнымъ образованіемъ.

Что Добролюбовъ въ статьѣ этой отступилъ отъ опредѣленныхъ ему принциповъ — лучше всего доказываетъ поправка, которую дѣластъ г. Писаревъ своею статью о «Грозѣ», гдѣ онъ осуждаетъ Добролюбова за открытіе свѣтлыхъ лучей и свѣтлыхъ явленій въ такомъ темномъ мѣстѣ, какъ русская жизнь. Изъ этого видно, что субъективныя явленія у г. Писарева еще болѣе снѣшиваются съ объективными, чѣмъ у Добролюбова; и самъ онъ является несравненно послушнѣе Добролюбова, въ отношеніи къ теоріи воспроизведенія или безобразія. Его только и можно считать теперь чистымъ послѣдователемъ этого устарѣлаго ученія; онъ же, а не кто другой, оказалъ ей медвѣжью услугу, довелъ до абсурда, благодаря редакторскимъ наставленіямъ г. Влагосвѣтлова.

Читатель пусть же удивляется, что мы такъ часто дѣлаемъ выписки изъ статей нашихъ квази-прогрессистовъ. Мы предаемъ такъ-сказать гласности вещи, которыя они высказываютъ подъ видомъ пользы, и которыя незамѣтно теряются въ огромномъ количествѣ страницъ. Посмотрите, напримѣръ, что это такое говорится по поводу Катерины г. Островскаго: «Придетъ время, и оно уже вовсе недалеко, когда вся умная часть молодежи, безъ различія состояній, будетъ жить полною умственной жизнью и смѣтрѣть на вещи расудительно и серьезно. Тогда молодой землевладелецъ поставитъ свое хозяйство на европейскую ногу; тогда молодой капиталистъ заведетъ тѣ фабрики, которыя намъ необходимы, и устроитъ ихъ такъ, какъ требуютъ общіе интересы работниковъ и хозяина. И этого довольно: хорошія фермы и хорошая фабрика, при рациональной организаціи труда, составляютъ лучшую и единственно возможную школу для народа, впервыихъ потому, что эта школа вернеть своихъ учениковъ и учителей, а ввторныхъ, потому, что она сообщаетъ знанія не по книгѣ, а по явленіямъ живой дѣятельности. Книга придетъ въ свое время...» Фабрики — школы для народа. Г. Григоровичъ показалъ, какова эта школа. Несуднтельно, что г. Писаревъ осудилъ за этимъ

воспріимли ниволн. И какиѣ, замѣтите, новинѣ тономъ сказани эти фразы. Мы очень рады, что многіе, наконецъ, теперь повали, послѣ нашихъ статей, сущность этого вреднаго и званнаго фразерства и бѣганья взапуски за прогресомъ.

Мы, впрочемъ, обращаемся теперь къ г. Писареву по другому поводу. Касаясь разбора Добролюбова «Грозы», г. Писаревъ въ особенности старается объяснить читателю недостаточность повода къ драмѣ. Всѣ поступки Катерины, по его мнѣнію, обуславливались самыми ничтожными событіями, самыми пустыми разговорами; не было никакой соразмѣрности между причинами и послѣдствіями. Кабаньиха ворчитъ, Катерина отъ этого изнываетъ; Борисъ бросаетъ нѣжные взгляды, Катерина влюбляется, Варвара говоритъ мимоходомъ нѣсколько словъ Борису и т. д. Далѣе за этимъ перечнемъ и игрою словъ, г. Писаревъ не можетъ не дивиться — чему такъ испугалась Катерина, когда пріѣхалъ мужъ; зачѣмъ ей было мучиться угрозами совѣсти и приходите въ отчаяніе отъ мысли, что она измѣнила: — Борисъ живетъ въ томъ же городѣ, все идетъ по старому и, прибѣгая къ *маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ*, можно бы кой-когда видѣться и наслаждаться жизнью» (стр. 5. Мотивы русской драмы).

Недавно г. Писаревъ отъ насъ требовалъ объясненія, кого я подразумѣваю, говоря объ авторахъ, одаренныхъ сильнѣмъ половымъ влеченіемъ, допускающихъ въ любви обманъ и уговаривающихъ женщинъ бросаться такъ же смѣло на подвигъ наслажденія, какъ и мужчины; спрашивалъ, гдѣ такія критическія статьи и т. д. Разсуждая объ этомъ, мы не имѣли въ виду г. Писарева, который, однако, принялъ это на свой счетъ, иначе, чего бы было и сердиться. Изъ послѣднихъ подчеркнутыхъ нами словъ видно, что онъ самъ не прочь смотрѣть легко на переходъ женщины изъ однихъ объятій въ другія. У г. Островскаго изъ этого вышла цѣлая драма, г. Писаревъ же говоритъ только о маленькихъ хитростяхъ и предосторожностяхъ, необходимыхъ для наслажденія любовью. Говоря объ авторахъ, за которыхъ заступаетъ г. Писаревъ, мы имѣли въ виду не его, а одного критика «Подводнаго Камня», который тоже возставалъ противъ открытой измѣны, изображенной г. Авдѣевымъ. Романъ этотъ вообще мы считаемъ замѣчательнымъ произведеніемъ, за исключеніемъ только вонца, который положительно фальшивъ. Романъ «Что дѣлать», не болѣе какъ подражаніе этому роману, съ тою только разницею, что развязка романа Авдѣева сдѣлалась основой — «Что дѣлать»; и подводные камни обратились такимъ образомъ въ булыжники, которые минавать легко. Г. Писаревъ, подшучивая надъ тѣмъ, что Катерина, измѣнивши и не разоидясь съ мужемъ, ходитъ какъ

потерянная, дивится, что громъ вмѣстѣ съ злобѣнней бариней и картиной ада, заставили ее сознаться передъ всѣми. Громъ и адская картина были только поводомъ къ сознанию, а самое сознание произошло отъ другой, болѣе глубокой причины, которую просмотрѣлъ г. реалистъ: нравственное чувство Катерины не вынесло двуличества. Вѣдь Тихонъ не тералъ на нее право кослѣ того, какъ ее обнималъ Борисъ; не даромъ же она говорила тогда Борису о мужѣ: «я ласка-то его теперь миѣ хуже боевъ». Г. Островскій, сознательно или несознательно, представилъ въ своей драмѣ одно изъ глубочайшихъ достоинствъ женской природы. Женщина, въ отношеніи любви, имѣетъ великое преимущество передъ мужчиной: она, если отдается — то отдается вся, или уже падаетъ такъ низко, какъ не падаетъ мужчина. Изъ перваго положенія выходитъ мать, изъ второго — потерянная женщина. Нани реалисты не въ состояніи понять, что женщина — жить съ Тихономъ и съ Борисомъ, съ Кирсановымъ и съ Лопуховымъ, спокойно не можетъ. Г. Писаревъ въ этомъ отношеніи такъ же ошибся, какъ и Разметовъ, который, успокоивая Вѣру въ ея сомнѣніяхъ на счетъ ея отношеній къ новому мужу, говорилъ: «Изъ-за чего было поднимать тревогу? жили бы всѣ трое на одной квартирѣ, и пили бы вмѣстѣ чай» (1). Спокойно занимать средину въ любви, равнодушно прибѣгать къ маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ — есть безнравственность, съ которой трудно мириться женской натурѣ.

Изъ недостатковъ, просмотрѣнныхъ Добролюбовымъ въ «Грозѣ», мы находимъ у г. Островскаго отсутствіе достоинства въ нѣкоторыхъ характерахъ. Кабанова, надъ чернотою которой такъ рассуждаетъ Добролюбовъ, неестественна. Какъ Катерина, такъ сказать, свѣтла, такъ Кабанова — черезчуръ темна, нечеловѣчна. Но въ Катеринѣ все-таки есть темные штрихи, отбѣняющіе ея идеальную, по выраженію Добролюбова, красоту — это избытокъ страстности: она, напримѣръ, очутилась въ объятіяхъ Бориса, когда тотъ еще могъ говорить ей: «А я и не зналъ, что ты меня любишь». Страстность ея болѣзненна, это — слѣдъ долгаго раздраженія, производимаго гнетомъ. Этимъ мы хотимъ сказать, что безъ штриховъ характеръ Катерины не былъ бы такъ живенькъ. Недостатки есть фонъ картины, границы тѣхъ достоинствъ, которыя расплылись бы во что-то неопредѣленное, при отсутствіи слабости. Не можетъ быть картина безъ тѣней; но не можетъ быть также картина съ однимъ темнымъ цвѣтомъ. Характеръ безъ недостатковъ не бываетъ никогда рельефенъ, безъ достоинства же, человѣкъ просто невидѣнъ: человѣка тогда нѣтъ въ характерѣ. Кабановой именно данъ такой отпечатокъ. Ея злоя

бессердечность, которую Добролюбовъ принимаетъ за самоудуство, рѣшительно ничѣмъ не ограничивается, и оттого она такъ неестественна. Въ злобѣ ея есть какая-то торжественность, несвойственная бабѣ-купчихѣ. И пусть бы она была такою впродолженіе всей драмы, но подѣ конецъ, когда Катерина бросилась въ Волгу, должно же въ ней что-нибудь шелохнуться, или она не человѣкъ, а истуканъ. Естественно-ли, что въ отвѣтъ на восклицаніе сына: «Хоть бы взглянуть-то мнѣ на нее!» она говоритъ только. — «Вытащутъ, взглянешь?» Потомъ, когда принесли Катерину мертвую, и Кабановъ, падая на трупъ, говоритъ: «Маменька, вы ее погубили». — Кабанова, какъ-бы сохраняя свое достоинство, отвѣчаетъ: «Что ты, или себя не помнишь! Забылъ, съ кѣмъ говоришь. Но, я съ тобой дома поговорю». — Это хладнокровіе преувеличено. Кабанова тутъ должна была измѣнить своему характеру: только въ мономаніи человѣкъ всегда одинъ и тотъ же, и никакія несчастія не имѣютъ на нихъ вліянія. Потрасающія происшествія дѣйствуютъ даже и на злодѣевъ.

Но какииъ же образомъ, возвратятъ намъ, характеры Гоголя, нарисованные однимъ чернымъ карандашомъ, такъ рельефны, что его Чичиковъ, Хлестаковъ, Акакій Акакіевичъ выходятъ объективнѣе другихъ героевъ. Секретъ этого заключается въ томъ, что хоть карандашъ его и черенъ, бумага за то бѣла — онъ вѣрилъ въ достоинство природы человѣка, и былъ юмористомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, смѣялся сквозь слезы, по его выраженію. Гоголь изображалъ не положительное отсутствіе достоинствъ, а опошленіе, измѣльченіе ихъ. У Чичикова есть, наприѣръ, умъ, твердость, настойчивость, самообладаніе; но все это до такой степени въ немъ измелъчало, опошлилось, что становится и грустно и смѣшно, глядя на эту фигуру. Хлестаковъ тоже вретъ какъ-то бессознательно, неумышленно, безвинно. Акакій же Акакіевичъ есть существо, положительно возбуждающее симпатію, несмотря на свою ничтожность. Подѣ всякимъ характеромъ Гоголя теплится искра добра; даже на Плюшкинѣ, хоть и въ его прошломъ только, есть слѣдъ чего-то человѣческаго. Гоголя положительно напрасно причисляютъ къ сатирическимъ писателямъ: онъ былъ юмористъ-поэтъ, но не сатирикъ. Юморъ его былъ такъ тонокъ, что онъ имъ могъ бы обрисовать и болѣе свѣтлые характеры, какъ это сдѣлали англійскіе юмористы. Но Гоголь, принявшійся за изображеніе положительныхъ достоинствъ, сталъ власть характеры безъ тѣней, и оттого они у него расплылись, и вышли такъ идеально-мистичны.

Между юморомъ и сатирой такая же почти разница, какъ между сатирой и обличеніемъ. У Добролюбова всё эти три понятія смѣшиваются. Смѣшеніе понятій есть одинъ изъ общепринятыхъ приѣмовъ отрицательной литературы, съ этого даже начинается и всякое вообще эстетическое отрицаніе въ головахъ нашихъ, не столько думающихъ, сколько пишущихъ прогрессистовъ. Но есть, впрочемъ, писатели съ положительно зрѣлою мыслью, которые смѣшиваютъ понятіе юмора и сатиры. Мы говоримъ о г. Миллюковѣ, до котораго тоже касается Добролюбовъ въ своихъ критическихъ статьяхъ. Несмотря на все наше уваженіе къ его критическому таланту, мы принуждены сказать, что его «Очеркъ русской поэзіи» нѣсколько одностороненъ; это не столько очеркъ нашей поэзіи, сколько обзоръ нашей сатиры, въ чемъ преобладается въ концѣ своей книгѣ самъ авторъ. Его чрезвычайно вѣрное замѣчаніе о двухъ направленіяхъ нашей литературы: подражательно-риторическомъ и самостоятельно-сатирическомъ, начинающемся съ Кантемира, однакоже, неполно. О художественно-творческомъ движеніи, начинающемся съ Пушкина, а можетъ быть и раньше, онъ говоритъ мало, и не называя даже по имени, становить, такимъ образомъ, на задній планъ. Правда, что элементъ этотъ нашей поэзіи обнаружился вполнѣ только въ позднѣйшіе годы, до которыхъ г. Миллюковъ не касался; тѣмъ не менѣе онъ существовалъ и прежде. Самаго Гоголя нельзя причислять къ сатирическому направленію; онъ былъ концомъ его; потому что былъ юмористомъ-художникомъ. Послѣ Гоголя не появилось ни одного замѣчательнаго сатирика, но за то показалось много художественныхъ талантовъ. Самая зависимость, временственность нашихъ главныхъ художниковъ отъ Гоголя показываетъ, что въ немъ художественный элементъ былъ сильнѣе и плодотворнѣе. Только г. Щедринъ является нѣкоторымъ исключеніемъ и создаетъ сатирическо-обличительную литературу, которую послѣдователи и враги его опошили до-нельзя.

Мы совершенно согласны съ Добролюбовымъ, что г. Миллюковъ нѣсколько преувеличилъ вліяніе сатиры нашей на общество, съ тою только разницею, что Добролюбовъ слабость вліянія сатиры приписываетъ ограниченности ея дѣятельности; мы же думаемъ, что слабость эта лежитъ въ сущности всякой вообще сатиры. «Сатирическое направленіе хорошо — говоритъ Добролюбовъ, по поводу книги г. Миллюкова:—кто объ этомъ спорить? Но зачѣмъ приходитъ отъ него въ такой восторгъ, зачѣмъ приписывать ему исправленіе нравовъ общества, зачѣмъ считать его какимъ-то двигателемъ? Стоитъ всмотрѣться пристальнѣе въ нашу сатиру, чтобы убѣдиться, что она проповѣдывала задн... Мѣ-

стичество при Петрѣ уже окончательно пало, а Кантемиръ погнѣшается надъ нимъ, то-есть надъ бодрейшей слѣсью, въ цѣлой длиннѣйшей статьѣ». Но назначеніе сатиры въ томъ-те и состоитъ, чтобы доканчивать то, что начато другаго рода дѣятельностію. Слѣси закономъ не истребишь, но сатирой тоже не научишь гуманнимъ поступкамъ.

Добролюбовъ укоряетъ нашу старую сатиру, между прочимъ, въ томъ, что она не напала на поступки въ родѣ грабежей при царскомъ потребеніи, или блудныхъ дѣлъ дворянъ надъ крестьянскими жонками, или выбитія дѣтей у беременныхъ... Сатирой бы ихъ хорошенько этихъ злочинцевъ. Но сатира Кантемира молчала объ этомъ (545 стр. I т.). Не явно-ли Добролюбовъ придаетъ сатирѣ чуть ли не значеніе доноса по уголовнымъ преступленіямъ, и думаетъ этимъ объяснить слабость вліянія ея на общество? «Кого преслѣдовала сатира?—говорится далѣе у Добролюбова.—Городничаго, исправника, становаго, явральнаго, предсѣдателя, судью». Но вѣдь это же самые многочисленнѣе члены, на которые чаще всего наткивается общество. «Думаете-ли вы — говоритъ Добролюбовъ — что исправленіе мелкихъ чиновниковъ было бы довольно для прекращенія взяточничества?» Никто этого не думаетъ, но всякій также знаетъ, что закономъ однимъ, какъ и вліяніемъ сатиры на высшихъ чиновниковъ, взятокъ не искоренишь. Какое бы обезпеченіе вы давали служащимъ, плутовство все будетъ существовать, если не положена будетъ преграда въ душѣ самихъ служащихъ, если они, такъ сказать, не потеряютъ способности брать взятки. Тутъ же вотъ и оказывается бессильнымъ сатирическое поддразниваніе: оно служитъ только нравственнымъ наказаніемъ за безчестіе, но само не развиваетъ чувство чести.

Чтобы развить достоинства, нельзя ограничиваться только наказаніемъ за недостатки—тутъ нужно затронуть самый источникъ достоинствъ; а это можетъ сдѣлать только положительная вѣра талантовъ и дарованій въ даровитость окружающей ихъ среды и подмѣченыхъ ими лучшихъ сторонъ жизни. Сатира основана на отрицательномъ движеніи: осмѣивающій, толкающій, подзадоривающій жизнь писатель приводитъ, положимъ, въ движеніе, но дороги не указываетъ, направленія дать не можетъ, точно такъ же, напрямѣръ, какъ мы не можемъ дать направленія какой-нибудь вещи, которую будемъ подталкивать сзади, а не вести за собою, или нести на своихъ плечахъ. Если предметовъ и людей такихъ много и силы подталкивающія противоположны, то люди, повинующіеся движеніямъ, суетятся, сталкиваются и падаютъ.

Г. Милюковъ видитъ въ сатирѣ двигателя, который продолжаетъ

вести общество по пути къ совершенству; со стороны его, какъ составителя лучшаго учебника—это положеніе въ высшей степени важно: и оно въ свое время сильно радовало Добролюбова. Но г. Милуковъ говорить, въ то же время, что сатира у другихъ народовъ являлась въ періодъ упадка и развращенія нравовъ; у насъ же являлась она въ періодъ разцвѣтанія. Положимъ, это такъ; исторія дѣйствительно такъ повернула, что мы какъ-бы постарѣли и преждевременно разсмѣялись старчески, недобримъ смѣхомъ. Но это направленіе когда-нибудь должно же отойти и стать на второе мѣсто передъ другимъ направленіемъ. Характеръ нашей русской поэзіи не можетъ выразаться только столкновеніемъ сатирическо-отрицательнаго движенія съ риторическо-подражательнымъ, или борьбою началъ европейской жизни съ остатками стараго общества. Россія вся въ будущемъ, говорить г. Милуковъ, какъ-бы сознавая недостаточность сатирическаго направленія. Будущее это уже наступило: у насъ давно уже существуетъ и развивается третье направленіе — художественно-творческое, самобытно-дѣятельное, представителями котораго являются всѣ крупныя таланты, а врагами — всѣ люди, соединившіе сатиру съ риторикой, умничанье съ фразой.

Сатириковъ-философовъ взялъ подъ свое покровительство «Современникъ», риторовъ-фразеровъ—«Русское Слово»; у «Искры» же съ «Будильникомъ» остались только объѣды. И оттого они смѣются, какъ-бы по заказу и по необходимости; и смѣхъ ихъ какой-то жалобный. Падая все ниже и ниже, они, можно сказать, приобрѣтаютъ и публику все хуже и хуже; только еще картинки пестрятъ, а то бы и въ руки никто не взялъ. Не своимъ содержаніемъ возбуждаютъ они смѣхъ, а своей фигурой; не надъ тѣмъ, о чемъ говорятъ, заставляютъ смѣяться, а надъ собою. Они сами—живой предметъ сатиры. И эти господа, рисующіе невообразимыя глухости, придѣлывающіе головы и ноги къ бочонкамъ, сосудамъ, и т. д., причисляютъ себя къ прогресистамъ! И не жалкая ли это насмѣшка на прогрессъ?

Къ черниламъ нашей обыденной литературы вообще подбавлено слишкомъ много смѣха, и смѣха самаго поверхностнаго, не серьезнаго, а чаще болѣзненнаго, притворно-истерическаго. Горе рѣдко владеть отѣвною на думы нашихъ сатириковъ. А скажите, какъ вы думаете о тѣхъ людяхъ, которые какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, способны воспринимать болѣе смѣшную, веселую сторону вещей, чѣмъ серьезно-грустную и невеселую, болѣе смѣяться, чѣмъ горевать? Такихъ людей называютъ или слишкомъ молодыми, въ которыхъ играетъ кровь, шевочащая ихъ нервы, или просто людьми поверхностными, совершенно неспо-

собными оцѣнивать жизнь. Наша литература слишкомъ смѣшлива...

Что теперь дѣлается у насъ во имя сатирическаго направленія? Все кроткое, граціозное въ женщинѣ, все свѣтлое, повтнчное въ жизни и все сколько-нибудь пожившее на бѣломъ свѣтѣ, они выбрасываютъ за бортъ. Старики хоть ложись въ гробъ; хоть бы даже нашлись между ними люди съ самой свѣжей душой—имъ нѣтъ мѣста въ общемъ движеніи. «У насъ нѣтъ отцовъ и матерей!...» Но вѣдь это несчастіе. Связь поколѣній—вещь великая; если мы розойдемся съ прошлымъ, то и будущее уйдетъ изъ нашихъ рукъ, и всякая *преemptивность въ прогрессъ* прекратится. Да и теперь ея нѣтъ у насъ. Едва сошелъ со сцены предшествующій и породившій насъ дѣятель, вы уже кричите: мы не онъ, мы его не признаемъ, мы съ нимъ ни въ чемъ несогласны, не съ него, а съ насъ ведите свое лѣтосчисленіе.

Такимъ взглядомъ на сатирическое мы не хотимъ сказать, что сатира не должна существовать. Нѣтъ, сохрани Боже! Сатира только должна имѣть свое мѣсто. Сатира есть бичъ, которымъ погоняють, а не возжи, которыми правятъ; однимъ бичомъ ничего не сдѣлаешь. И самый этотъ бичъ, наконецъ, вырвется изъ рукъ, если имъ слишкомъ часто хлестать; такъ и случилось съ нашими сатириками. Они обезоружены, у нихъ совсѣмъ нѣтъ сатиры, она перешла въ крикъ. Да, отсутствіемъ только сатиры и неуиѣннемъ владѣть ею можно объяснить свистъ, шумъ, гамъ и гвалтъ, происходящій въ литературѣ!

Но храбростію и города берутъ. И вотъ крикуны наши поворачивали своему вліанію не только героевъ Невскаго проспекта, но и дамскія сердца, ловко щеголяющія ношеніемъ по улицѣ модныхъ журналовъ, и перелистываніемъ ихъ въ видахъ успѣха въ библиотекѣ. Идетъ по городу нѣкая дѣва и несетъ на груди «Современникъ», на сердцѣ у нея «Русское Слово», а въ глубинѣ души молодой брюнетъ, котораго она думаетъ прельстить своими очами, своими нарядами и своимъ знакомствомъ съ вошедшими въ моду и враждующими на смерть журналами. И въ головѣ ея вражда и самая революціонная любовь. Крови, крови хочу! восклицаетъ ей при встрѣчѣ брюнетъ. Бѣгите отъ родителей, вы—взрослая дѣвушка, вы вполне созрѣли для идей; и за этимъ мало по малу начинается самая революція.

Но шутки въ сторону. Заговоривши объ отношеніяхъ отходящаго поколѣнія къ выступающему, мы коснулись въ высшей степени важнаго, до способа, какимъ образомъ выступающее поколѣніе должно выиграть и занять свое мѣсто. Находя самоудовольствіе совершенно справедливо не въ одномъ купеческомъ сословіи,

Добролюбовъ въ одномъ мѣстѣ говорить: «если вы хотите служить и вести дѣло честно, не бойтесь вступать въ серьезный, рѣшительный споръ съ самодурами. Изъ ста случаевъ въ девяносто-девяти вы возьмете верхъ. Только рѣшитесь заранѣе: что вы на полусловѣ не остановитесь и пойдете до конца, хотя бы оттого угрожала вамъ дѣйствительная опасность потерять мѣсто или лишиться какихъ-нибудь милостей; первая ваша попытка закончиться о вашемъ мнѣніи будетъ предупреждена возвышеніемъ голоса самодура, но вы все-таки возражаете. Возраженіе ваше будетъ встрѣчено бранью или выговоромъ, болѣе или менѣе неприличными, смотря по важности и по привычкамъ лицъ, къ которому вы обращаетесь—но вы не смущайтесь: возвышайте вашъ голосъ наравнѣ съ голосомъ самодура, усиливайте ваши возраженія соразмѣрно съ его рѣчью, принимайте болѣе и болѣе рѣшительный тонъ, смотря по степени его раздраженія. Если разговоръ прекратился, возобновляйте его на другой и на третій день, не возвращаясь назадъ, а начиная съ того, на чемъ остановились вчера, и будьте увѣрены, что ваше дѣло будетъ выиграно» (90 стр. III т.).

Здѣсь вопросъ въ томъ, можетъ ли самодурство быть побѣждено самодурствомъ. Можетъ, конечно, но не такъ часто, какъ полагаетъ Добролюбовъ: изъ ста случаевъ вы въ девяносто-девяти возьмете верхъ, говорить онъ. Едва-ли счетъ этотъ вѣренъ. Не на оборотъ-ли? Не въ одномъ-ли только случаѣ изъ ста молодое самодурство одержитъ верхъ надъ старымъ, а въ девяносто-девяти проиграетъ? А считать и соображать тутъ нужно хорошо; потому что малѣйшая ошибка и промахъ ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ... Да и если самодурство побѣдится самодурствомъ, насиліе возьметъ верхъ надъ другимъ насиліемъ, то малый оттого выигрышъ для человѣчества. Сила, столкнувшая съ мѣста другую силу, сама скоро сдѣлается причиной давленія; такъ-какъ во время борьбы она невольно огрубѣла, невольно оживидась разными позывами. Исторія представляетъ намъ многочисленныя примѣры, какъ люди съ самыми благороднѣйшими стремленіями, вооружившись во время давленія, огрубѣли и, столкнувшись деспотомъ, стали разыгрывать ихъ роль. Самодурство, деспотизмъ могутъ быть побѣждены только талантомъ и искусствомъ. И слово искусство въ этомъ смыслѣ имѣетъ значеніе глубокое, и въ высшей степени прогрессивное, почти священное. Будьте мудры, какъ змѣи, сказалъ Спаситель.

Николай Соловьевъ.

ГРАФЪ КАНКРИНЪ И ЕГО ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ НАШЕМУ ВРЕМЕНИ.

(«Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства
финансовъ». Книжка вторая. Февраль 1865 г.)

До сихъ поръ не исчезло у насъ то обаяніе, которое было произведено финансовою системою графа Канкринна; до сихъ поръ на нее указываютъ многіе какъ на образцовую, достойную подражанія; самого графа Канкринна часто сравниваютъ съ замѣчательнѣйшими министрами въ другихъ европейскихъ государствахъ, составившими себѣ всемірную извѣстность (*). Мы, конечно, не желаемъ умалить того значенія, которое придаютъ системѣ графа Канкринна у насъ; но думаемъ, что теперь настало время, когда мы къ ней можемъ относиться не только лирически, восхваляя ея хорошія стороны и удивляясь ея успѣху, но и критически, разбирая ея настоящее значеніе и слабыя стороны. По нашему мнѣнію, это тѣмъ болѣе необходимо, что у насъ снова настали почти тѣ же самыя обстоятельства, при которыхъ дѣйствовалъ графъ Канкринъ, и намъ предстоитъ рѣшить тѣ же самыя вопросы, которые были рѣшены въ его время, но стало-быть не вполне удовлетворительно, когда намъ пришлось снова *обращаться* къ нимъ.

Время управленія министерствомъ финансовъ графа Канкринна (1823—43 г.) можетъ интересовать насъ не только, какъ обыкновенная историческая дѣйствительность, всегда поучительная для потомства, но и какъ эпоха, имѣющая очень важное значеніе въ судьбахъ нашего народа и государственнаго хозяйства. Время его управленія можно считать періодомъ, когда наше государственное хозяйство, бывшее до тѣхъ поръ, по неопредѣленности началъ, лежащихъ въ управленіи имъ, въ недостаточно-устроенномъ со-

---

(*) Journal de S.-Petersbourg (1860 г. № 189) сравниваетъ его съ Кольберомъ въ своихъ статьяхъ.

стояніи, окончательно организовалось: было приведено въ систему, получило прочную основу и единство направленія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить тѣ государственные и хозяйственные вопросы, которые были рѣшены въ его время. Онъ организовалъ у насъ бюджетъ, привелъ его въ нормальное состояніе, упрочивъ и развивъ у насъ прежде существовавшую систему налоговъ и податей, указавъ источники пополненія и поддержанія бюджета; установилъ прочную монетную единицу и денежную систему, которая существуетъ и понынѣ; наконецъ, введеніемъ и окончательнымъ устройствомъ охранительнаго тарифа, опредѣлилъ направленіе нашей мануфактурной промышленности и наши международныя торговыя отношенія. А въ этихъ вопросахъ и заключается сущность государственнаго хозяйства. Конечно, нельзя сказать, чтобы графъ Канкринъ первый поднялъ и рѣшилъ эти вопросы; во многомъ онъ довершилъ начинанія своихъ предшественниковъ, въ другомъ является нововводителемъ и организаторомъ. Систему податей и налоговъ онъ засталъ уже сформировавшеюся, потому мало измѣнилъ ее и не сдѣлалъ въ ней никакихъ нововведеній; государственный же бюджетъ устроилъ онъ и далъ ему направленіе, которого долго потомъ держались и послѣ него; монетную единицу упрочилъ также онъ и положилъ основаніе нашей денежной системѣ, которая, впрочемъ, была окончательно устроена уже послѣ него, но по его плану. Многое въ настоящее время измѣняется и передѣлывается изъ того, что было введено и упрочено при графѣ Канкринѣ; но тѣмъ не менѣе время его управленія имѣетъ особенно важное значеніе для насъ по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, потому, что оно должно было имѣть сильное вліяніе на современный экономическій порядокъ, такъ-какъ извѣстный порядокъ вещей не создается непосредственно нѣсколькими новыми мѣрами, какъ бы благотѣльны онѣ ни были и какое бы важное значеніе онѣ ни имѣли; вслѣдствіе этого настоящее состояніе дѣлъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ можетъ быть понято только въ связи со временемъ, непосредственно ему предшествовавшимъ. Во вторыхъ, время управленія министерствомъ графа Канкрина поучительно для насъ и потому, что обстоятельства, при которыхъ онъ началъ свою дѣятельность, близко подходят къ обстоятельствамъ настоящаго времени. И тогда министру финансовъ предстояла такая же трудная задача, какая предстоитъ нынѣшнему: поддержать падающій курсъ бумажныхъ денегъ, установить прочную монетную единицу, уравновѣсить бюджетъ и избавить народъ отъ неудобствъ, которыя бывають неразлучны со всякимъ финансовымъ кризисомъ. Графъ Канкринъ для своего времени выполнилъ эту задачу съ успѣхомъ.

Время, въ которое онъ вступилъ въ управленіе министерствомъ, представляетъ намъ очень печальную картину въ экономическомъ отношеніи: финансы были разстроены; дефицитъ равнялся $\frac{1}{14}$ всѣхъ доходовъ. Россія еще не совсѣмъ оправилась отъ потрясеній 1812 г.: мануфактурная промышленность находилась въ жалкомъ состояніи; торговля была въ застоѣ; обороты денегъ были медленны; хлѣбъ сдѣлался очень дешевъ; поступленіе податей было слабо; казенныя мѣста утратили въ публикѣ довѣріе, по неакуратности платежей; государственный кредитъ былъ потрясенъ. Надъ нимъ тяготѣлъ огромный безпроцентный долгъ въ видѣ ассигнацій, которыя сильно упали въ цѣнѣ. Звонкая монета исчезла изъ государства, не было прочной денежной единицы; бумажныя деньги и мѣдная монета постоянно колебались въ своей цѣнѣ. При этихъ-то обстоятельствахъ графъ Канкринъ сдѣлалъ для нашего хозяйства вотъ что: онъ привелъ въ равновѣсіе государственныя расходы съ доходами и значительно увеличилъ ихъ; создалъ развѣнный фондъ для выпуска кредитныхъ билетовъ; положилъ основаніе для уравниванія бумажнаго рубля съ серебрянымъ; установилъ у насъ въ свое время прочную денежную систему; пробудилъ у насъ промышленную дѣятельность введеніемъ охранительнаго тарифа; создалъ казенныя капиталы и на излишки отъ нихъ завелъ очень полезныя практическія учрежденія, какъ, напримѣръ: технологическій институтъ, учебное лѣсничество и др. У графа Канкрина была строгая, своеобразная, очень послѣдовательная финансовая система. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы разберемъ и его систему и его дѣятельность; здѣсь замѣтимъ только, что несмотря на блестящіе результаты, достигнутые этою системою, она не можетъ считаться непогрѣшимою или совершенно вѣрною. Разсматриваемая безотносительно къ условіямъ будущаго времени (то-есть нашего) и къ политической задачѣ государства, она, повидимому, имѣетъ много пракческаго, удобопримѣнимаго въ дѣйствительности, и отличается совершеннымъ отсутствіемъ всего рискованнаго и невѣрнаго; но если мы обратимъ вниманіе на ея послѣдствія, то мы въ ней найдемъ много ложнаго и невѣрнаго, то-есть она разчитана была исключительно для поправленія обстоятельствъ того времени, безъ особеннаго вниманія къ близкому будущему. Главный недостатокъ ея въ томъ, что въ ней нисколько не обращено вниманія на условія прогресса, и мало сдѣлано для развитія производительныхъ силъ народа; графъ Канкринъ совершенно не признавалъ великаго значенія для народнаго развитія новыхъ условій жизни: общественнаго кредита и желѣзныхъ дорогъ, этихъ главныхъ рычаговъ современнаго прогресса. Кромѣ того, для достиженія своихъ цѣлей, онъ употреблялъ

иногда такіа средства, которыя, рано или поздно, должны были имѣть дурныя послѣдствія. Такъ, для увеличенія доходовъ, вмѣсто казеннаго управленія питейными сборами, онъ возобновилъ откупъ, которые оставили въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ такіе неутѣшительные слѣды, и думалъ даже ввести этотъ способъ собиранія налоговъ въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ податей, какъ-то въ налогѣ на табакъ; въ чрезвычайныхъ случаяхъ, для избѣжанія излишняго выпуска бумажныхъ денегъ, онъ сильно пользовался частными вкладами въ государственныя банки, которые и считалъ единственно для этого пригодными. Однимъ словомъ, систему его можно назвать системою консервативною по преимуществу, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или лучше, системою застоя. Это обстоятельство легко объяснимо: графъ Канкринъ считалъ Россію страной, очень отсталою въ экономическомъ отношеніи, и не предполагалъ, чтобы для нея могла настать скоро возможность болѣе широкаго развитія, потому что она, по его мнѣнію, страна изолированная, удаленная отъ возможнаго на нее вліянія иностранцевъ. Однако, какъ бы то ни было, эта система принесла въ свое время желаемые плоды; но когда послѣ смерти графа Канкринна, его послѣдователи стали ею пользоваться очень неумѣренно и довели ее до крайности, неутѣшительные результаты не замедлили обнаружиться. Разсмотрѣніе финансовой системы графа Канкринна можетъ привести насъ даже ко многимъ практическимъ результатамъ: находясь точно въ такомъ же положеніи и при тѣхъ же обстоятельствахъ, при которыхъ находился онъ, мы можемъ избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя были сдѣланы при немъ и которыя для насъ могутъ быть ясны въ настоящее время по ихъ послѣдствіямъ; воторыхъ, его опытъ можетъ навести насъ на такіа практическія заключенія, которыя могли бы быть примѣнимы при современномъ кризисѣ.

Для оцѣнки его дѣятельности въ настоящее время, мы имѣемъ достаточно матеріаловъ. Графъ Канкринъ оставилъ два сочиненія, въ которыхъ изложилъ свой взглядъ на народное хозяйство и финансы: 1) «Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft» (1821 г.), и 2) «Oeconomie der menschlichen Gesellschaft» (1845 г.). Первое изъ нихъ было написано имъ еще до вступленія въ управленіе министерствомъ; второе напечатано послѣ его смерти; въ томъ и другомъ онъ держится однихъ и тѣхъ же основныхъ началъ. Отчеты о состояніи кредитныхъ учреждений въ его время извѣстны такъ же довольно давно; а въ настоящее время, во второй книгѣ «Сборника свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ», напечатанъ его отчетъ за двадцать лѣтъ его управленія министерствомъ.

Сочиненія графа Канкрина не имѣютъ большого ученаго достоинства; въ нихъ не сказано оу ничего новаго; изъ нихъ не видно даже, чтобы оу усвоилъ себѣ все выработанное наукою въ то время; но тѣмъ не менѣе они очень интересны для насъ, во-первыхъ потому, что объясняютъ намъ его образъ дѣйствій, вторыхъ потому, что содержатъ много практическихъ замѣтокъ, почерпнутыхъ имъ изъ наблюдений и опыта во время его управления министерствомъ. Особенно важно для насъ первое изъ его экономическихъ сочиненій, хотя оно и отличается меньшею обработкою и научною систематичностью, чѣмъ второе; потому что оно, во-первыхъ, предшествовало вступленію графа Канкрина въ управление министерствомъ, стало бытъ можетъ дать намъ понятіе о степени его подготовленности къ этой дѣятельности, а вторыхъ, оно какъ будто нарочно касается тѣхъ преимущественно практическихъ вопросовъ, которые ему предстояло разрѣшить; и кромѣ того все сказанное имъ о бумажныхъ деньгахъ въ этомъ сочиненіи, какъ будто нарочно относится къ Россіи и къ будущей его дѣятельности; явленія же, обнаруживающіяся при излишкѣ бумажныхъ денегъ, какъ будто списаны съ явленій, бывшихъ въ нашемъ отечествѣ. Мы начнемъ съ разбора этого именно сочиненія.

Графъ Канкринъ въ теоріи и практикѣ постоянно остается вѣренъ одному и тому же направленію. Многимъ это покажется не совсѣмъ хорошимъ. У насъ часто именемъ «теоретика» клеймятъ людей, предлагающихъ не совсѣмъ удобныя, практическія мѣры. Такимъ образомъ слова: «теорія» и «практика» употребляются у насъ по большей части безсознательно; люди, употребляющіе ихъ не отдають себѣ отчета въ ихъ настоящемъ значеніи: имъ теорія представляется чѣмъ-то отдѣльнымъ, особымъ отъ практики; другими словами, для нихъ мысль существуетъ сама по себѣ, а дѣйствительность или жизнь сама по себѣ. Они, какъ видно, предполагають, что дѣло можетъ быть совершаемо безъ всякой мысли, а мысль можетъ, пожалуй, даже должна существовать безъ дѣла.

Мы же съ своей стороны не привыкли дѣлать подобнаго различія и раздѣленія. Для насъ теорія есть не что другое, какъ осмысленная, приведенная въ сознаніе дѣйствительность. Жизнь неосмысленная, неприведенная въ сознаніе, не заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, этого названія; это будетъ просто прозябаніе, а не существованіе. Правда, бывають теоріи неосновательныя, выведенныя а priori, безъ достаточнаго знакомства съ фактами; но тогда онѣ вовсе не заслуживають своего названія, и ихъ называють ложными или утопіями. Равнымъ образомъ и въ дѣйствительной

жизни часто принимаются такі мѣры, которыя не вполнѣ соотвѣтствуютъ составившемуся о дѣлѣ понятію; но такія мѣры, по нашему мнѣнію, не заслуживаютъ названія практическихъ; ихъ слѣдуетъ называть паліативными, полумѣрами. Все это мы сочли за нужное сказать потому, что приступаемъ къ разбору дѣятельности человѣка, который съ одной стороны является теоретикомъ, мыслителемъ, съ другой—человѣкомъ дѣла. Названіе теоретика, по мнѣнію многихъ, пожалуй, могло бы быть понято совершенно въ превратномъ смыслѣ и послужить не къ чести этого замѣчательнаго дѣятеля. Между тѣмъ, какъ это-то особенно мы и ставимъ ему въ заслугу.

Если мы сравнимъ финансовую систему графа Канкрина съ тѣми блестящими системами по части финансовъ, которыя были въ ходу до него и послѣ него, которыя надѣляли такъ много шума во всемірной исторіи, которыя часто возбуждали блестящія надежды и ожиданія—то она покажется очень скромною. Все то, что въ настоящее время служитъ способомъ для увеличенія бюджета, для расширенія средствъ государства и правительства, а отчасти считалось таковымъ уже въ то время—все то, что считается орудіемъ для развитія народной дѣятельности и благосостоянія—общественный кредитъ, желѣзныя дороги—было отвергаемо графомъ Канкринимъ въ теоріи и практикѣ. Онъ смотрѣлъ на государственное хозяйство и финансы очень просто, точно такъ, какъ смотритъ на свое богатѣйшій негодіантъ, ведущій обширныя дѣла. Главною задачею управленія считаетъ онъ порядокъ, частное прилежаніе въ общественной дѣятельности; вотъ средства, которыми онъ думаетъ увеличить государственные доходы, расширить народную дѣятельность и поднять общій уровень благосостоянія. Замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто въ его первомъ сочиненіи; въ немъ онъ опредѣляетъ самъ свой взглядъ на народное хозяйство. Вотъ оно:

«При разсмотрѣніи податей (съ цѣлію ихъ улучшенія), нашли мы тысячу препятствій; очень ограничили источники государственнаго дохода; бумажныя деньги, какъ и слѣдуетъ, совершенно отвергли. Высокое изобрѣтеніе нашего времени, кредитную систему, поправили ногами, и такъ же безцеремонно обошлись съ лучшими учрежденіями, введеніемъ которыхъ не одинъ себя прославилъ—съ банками. Какъ же послѣ этого государство должно обходиться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ?

«Такъ же, какъ всякій благоразумный частный человѣкъ, воздерживаясь отъ четырехъ апокалипсическихъ животныхъ въ денежномъ дѣлѣ: отъ порчи монеты, отъ бумажныхъ денегъ, системы займовъ, а также отъ чрезмѣрнаго искусственнаго торго-

ваго капитала (это значить — отъ общественныхъ банковъ вообще на пользу торговли и промышленности), пусть приведетъ въ равновѣсїе свои расходы съ доходами и старается увеличить ихъ посредствомъ частнаго прилежанія, въ государствѣ посредствомъ порядка и хорошаго управленія; въ случаѣ же нужды, пусть заключаетъ займы, съ тѣмъ однако, чтобы уплачивать ихъ въ благоприятное время.»

Конечно, порядокъ въ управленіи и частное прилежаніе или усиленный трудъ, служатъ важными условіями общественнаго развитія въ матеріальномъ отношеніи: но ими не ограничиваются эти условія: нужно дать народному труду болѣе простора, расширить кругъ его дѣятельности; ничего этого не входило въ систему графа Канкринна. Для поощренія народной промышленности онъ считалъ важнымъ средствомъ охранительный тарифъ и спеціальное образованіе въ техническихъ школахъ, и только. Въ этомъ-то и состоитъ существенный недостатокъ его системы съ точки зрѣнія политической задачи государства. Всякій народъ постоянно развивается; нужды его растутъ прогрессивно; нужно постоянно открывать новые источники и средства для новыхъ потребностей. Для Россіи потребность эта еще оцѣтительнѣе, нежели для какого-нибудь другаго государства: еще не совсѣмъ развитая въ экономическомъ отношеніи, занимая первостепенное мѣсто въ ряду всемірныхъ государствъ, она часто бываетъ вынуждаема силою внѣшнихъ обстоятельствъ на чрезвычайное напряженіе своихъ силъ, на необыкновенную дѣятельность. Сейчас мы увидимъ, что бюджетъ во время управленія министерствомъ графа Канкринна увеличился сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ почти въ полтора раза; въ настоящее время онъ возросъ противъ послѣдней его цифры въ то время почти вдвое. А много ли было сдѣлано у насъ, въ теченіе этого періода, не считая послѣдняго времени, для развитія производительныхъ силъ народа, чтобы имѣть возможность для присванія средствъ на удовлетвореніе новыхъ потребностямъ?

Первымъ дѣломъ графа Канкринна по вступленіи въ министерство было приведеніе въ порядокъ бюджета, установленіе равновѣсія между доходами и расходами. Это очень правительственная и дѣйствительная мѣра; безъ нея нельзя было приступить ни къ какимъ другимъ начинаніямъ; потому что ненормальное состояніе финансовъ и было главною причиною всего нашего финансоваго, денежнаго и экономическаго разстройства. Его произвели тѣ нерациональныя и искусственныя мѣры, въ которыхъ должны были прибѣгать правительственныя лица для покрытія дефицита. Средства, которыя употреблялъ графъ Канкринъ для достиженія, очень

просты и естественны и всегда употребляются въ подобныхъ случаяхъ—водвореніе порядка въ управленіи, сокращеніе расходовъ и уничтоженіе нѣкоторыхъ статей по расходу въ бюджетѣ.

Въ первый годъ его управленія (1823), дефицитъ равнялся 9,714,285 р., сумма же всѣхъ расходовъ простиралась въ этомъ году до 114¹/₂ миліоновъ слишкомъ. Графъ Канкринъ поставилъ себѣ задачу устранить это неудобство въ слѣдующемъ же году. Роспись на 1824 г. была значительно сокращена; особенно большія сокращенія сдѣланы были по министерству финансовъ и военному; войдя во всѣ подробности по провіантской и комисаріатской частямъ, онъ нашелъ возможнымъ значительно уменьшить сметныя суммы этихъ вѣдомствъ. Несмотря однако на эти сокращенія, для приведенія въ порядокъ финансовъ потребовались чрезвычайныя мѣры. На 1824 годъ и слѣдующій назначенъ былъ выпускъ до 5000 рекрутскихъ квитанцій, по 2,000 рублей асигнаціями каждая. Эта мѣра, говоритъ самъ Канкринъ, сильно неодобралась его современниками; да, по правдѣ, ее нельзя одобрить ни съ точки зрѣнія нравственной, ни съ точки зрѣнія народнаго хозяйства; развѣ правительству прилично и можно торговать и спекулировать натуральными повинностями? Но тѣмъ не менѣе Канкринъ стоялъ за нее. Министръ финансовъ, говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ, не перестаетъ думать, что выпускъ нѣкотораго количества квитанцій при каждомъ наборѣ, по многимъ видамъ, былъ бы полезенъ. Съ вышеупомянутаго года росписи постоянно убавлялись вплоть до 1827 года.

Графъ Канкринъ считалъ это нужнымъ не только для приведенія въ равновѣсіе расходовъ съ доходами, но и для облегченія народа, чтб, конечно, дѣлаетъ ему честь. Напротивъ, съ 1828 г., съ увеличеніемъ народнаго достоянія, по его мнѣнію, они постепенно и сильно возрастали; такъ-что роспись 1843 г. почти въ 1¹/₂ раза болѣе росписи 1827 г., или, другими словами, превышаетъ ее на 59¹/₂ мил. слишкомъ. Роспись 1823 года равнялась 114,614,147 руб. 24¹/₂ коп.; роспись 1827 г. простиралась уже только до 100,829,013 р. 50⁴/₄ коп.; въ 1843 г. возрасла она до 163,669,736 руб. 87 коп. Въ нихъ не входили, впрочемъ, оборотныя расходы, возвращенныя изъ разныхъ источниковъ. На 1827 г. простирались они до 6,407,385 р. 14 к., а въ 1843 г. равнялись 18,134,652 р. 83 к. Послѣднее увеличеніе произошло по случаю заготовленія всего вина для откуповъ отъ казны. Расходы на металы увеличились въ это время отъ 980,860 руб. до 1,727,010

Главнѣйшее увеличеніе доходовъ въ министерство графа Канкринна произошло по слѣдующимъ отраслямъ: по прямымъ нало-

гамъ (на 10 мил. — особенно послѣ ревизіи), по таможенной части (почти на 13 мил.), по откупной части (на 23 $\frac{1}{2}$ мил.), по табаку (на 800 т.), по всѣмъ прочимъ статьямъ (на 12 $\frac{1}{2}$ мил.). Такимъ образомъ, самое сильное увеличеніе доходовъ произошло по откупной части. Что бы ни говорили рыаные поклонники графа Канкринна въ его защиту, по случаю введенія откупной системы, исполнѣ оправдать его съ этой стороны невозможно. Обыкновенно говорятъ, что откупъ принесли менѣ зла, нежели сколько его приносила прежняя система казеннаго управленія, когда сборъ за вино уменьшался ежегодно; такъ-что въ 1819 г. онъ равнялся 19 мил., а въ 1823 г. понизился до 11 мил.; что кромѣ того тогда значительно усилилось продажничество и взяточничество чиновниковъ. Къ этому нѣкоторые еще прибавляютъ, что откупъ по ихъ мнѣнію, имѣли и то значеніе, что совершеннчество откупщиковъ показало намъ, до какого размѣра налогъ на вино можетъ достигнуть. На все это ссылается и самъ графъ Канкринъ въ своемъ отчетѣ. На это можно отвѣчать, что ничто не мѣшало графу Канкрину тогда же перейти къ акцизному сбору валога на вино; а мѣру причиненнаго откупами вреда трудно и опредѣлить въ настоящее время; потому что нельзя вычислить, сколько именно высосано ими изъ народа его кровныхъ денегъ, которыя отчасти были растрочены совершенно непроизводительно, а отчасти сосредоточились въ рукахъ очень немногихъ вскусныхъ спекулянтовъ. Кромѣ того удивительно, какъ графъ Канкринъ, понимавшій очень хорошо значеніе капиталовъ для народной промышленности и заботившійся о развитіи у насъ промышленности и земледѣлія, не рассчиталъ, что посредствомъ нихъ будутъ отвлечены значительныя массы отъ производительнаго употребленія. Отъ этого употребленія были отвлекаемы капиталы не только посредствомъ откуповъ, но и посредствомъ чрезвычайныхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгалъ графъ Канкринъ для покрытія дефицитовъ въ бюджетѣ. Дефицитъ въ его управленіе обнаруживался пять разъ, именно въ годы: 1823—1834—35—1841 и 42. Дефициты этихъ годовъ были покрыты на слѣдующемъ основаніи: въ 1823 г.—наиболѣе изъ займа у Ротшильда; недостатокъ 1834 года (около 9 мил.) покрытъ выпускомъ билетовъ казначейства и займами отъ банковъ; сверхъ того на чрезвычайныя потребности по неурожаю у нихъ же занято 63 мил.; въ 1835 г. послѣдствія неурожая (около 2 мил.)—покрыты займами изъ банковъ; дефицитъ 1841 года (болѣе 20 мил., тоже по неурожаю) покрытъ одною серіею билетовъ государственнаго казначейства (на 3 мил. руб. сер.), болѣе чѣмъ на 15 $\frac{1}{4}$ мил. руб. сер. изъ 1-го четырехпроцентнаго займа и 1,654,484

руб. позайствованіемъ изъ банка; недостатки 1842 года (тоже по неурожаю въ 11 $\frac{1}{2}$ мил.) покрыты отъ убавленія войскъ и займствованіями изъ того же источника. Эти позайствованія отъ банковъ тоже должны были имѣть не совсѣмъ благотворное вліяніе на наше народное и государственное хозяйство. Они причли нашихъ капиталистовъ къ недѣятельности, къ легкому и вовсе непроизводительному употребленію денегъ въ государственныхъ банкахъ и кромѣ того рано или поздно должны были привести къ выпуску лишняго количества бумажныхъ денегъ. Въ случаѣ значительнаго востребованія капиталовъ изъ банка, нечѣмъ было уплатить долга, и поневолѣ нужно было фабриковать новые кредитные знаки, чтобы неоподорвать довѣрія къ этимъ учреждениямъ. Это замѣчается еще въ самое министерство графа Канкринна; въ 1841 году по этой причинѣ должны были выпустить специально для названной цѣли, а не для изытія асигнацій изъ обращенія, какъ это предполагалось первоначально, 30 мил. руб. кредитными билетами. Кромѣ того посредствомъ нихъ были отвлечены всѣ свободные капиталы или, по крайней мѣрѣ, значительная доля ихъ отъ промышленности. Но довольно пока объ этомъ; мы возвратимся къ этому вопросу опять, когда будемъ говорить специально о банкахъ.

Главною заслугою графа Канкринна было исправленіе у насъ денежной системы; установленіе твердой монетной единицы, извлеченіе изъ обращенія асигнацій, сильно упавшихъ и колебавшихся въ курсѣ, и замѣненіе ихъ кредитными билетами, выпускъ которыхъ былъ обезпеченъ металлическимъ фондомъ.

Наша денежная система, точно такъ же какъ и теперь, всегда страдала различнаго рода недостатками, и особенно въ то время, когда графъ Канкринъ вступилъ въ управленіе министерствомъ. У насъ были различныя монеты и деньги: золото, серебро, мѣдь и наконецъ асигнаціи; но золото и серебро только номинально, а въ дѣйствительности же только мѣдь и асигнаціи, сильно колебавшіяся въ курсѣ; на нихъ-то поневолѣ нужно было производить всѣ расчеты и обороты; а это влекло за собою различныя затрудненія и неудобства. До начала царствованія Екатерины II, выпускъ мѣдной монеты съ принудительнымъ и номинальнымъ курсомъ, а потомъ до Канкринна и послѣ него до нашего времени выпускъ асигнацій и кредитныхъ билетовъ принадлежали къ однимъ изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго дохода и средствъ для покрытія издержекъ правительства. Мѣдь въ 1768 году и въ началѣ нынѣшняго столѣтія стояла въ продажѣ не болѣе 16 руб. сер. за пудъ; для увеличенія доходовъ правительства, чеканали изъ пуда 32 рубля; конечно, въ этомъ

не было бы никакой бѣды, еслибы мѣдныя деньги были у насъ только разнѣною монетою, номинальный курсъ которой можетъ быть выше настоящей ея цѣны; но дѣло въ томъ, что эта монета была у насъ единственною почти въ обращеніи; на нее-то собственно и производились всѣ расчеты; не имѣя никакой внутренней цѣнности, она была кромѣ того тяжела, неудобна для пересылки и обращенія — однимъ словомъ, вовсе не удовлетворяла тѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ всякаго рода денежныхъ знаковъ. Въ 1768 году, правительство пришло къ мысли замѣнить ее другимъ, болѣе удобнымъ и рациональнымъ средствомъ, асигнаціями, и въ то же время очень осторожно, довольно удачно и искусно приступило къ этой операціи, устроивъ для этой цѣли два асигнаціонныхъ банка: одинъ въ Петербургѣ, а другой въ Москвѣ. Сначала асигнацій выпущено было только на 1 миліонъ рублей, по 500 тысячъ изъ каждаго банка; разнѣнъ ихъ былъ обезпеченъ такимъ же количествомъ мѣдной монеты. Асигнаціи скоро получили значительную обращаемость въ народѣ, такъ-какъ онѣ были гораздо удобнѣе мѣдной монеты и ходили даже съ лажемъ противъ нея. Указомъ 1774 года, количество ихъ было ограничено 20 мил. руб. сер. Но дѣло на этомъ не остановилось; въ началѣ нынѣшняго столѣтія (въ 1801 г.) всѣхъ асигнацій обращалось безъ малаго на 221½ миліонъ. По мѣрѣ увеличенія ихъ количества, стали падать и ихъ курсъ; сначала онѣ ходили рубль за рубль мѣдный, даже нѣсколько выше; потомъ постепенно 97, 80, 71 коп. Въ 1801 г. асигнаціонный рубль равнялся уже только 65 и даже 60 к. мѣдью. Императоръ Павелъ I задумалъ-было преобразование нашей денежной системы и извлеченіе изъ обращенія части бумажныхъ денегъ; но это намѣреніе не было приведено въ исполненіе. Такое же намѣреніе имѣлъ и Александръ I еще въ 1810 году; но постоянныя войны и недостатокъ денежныхъ средствъ заставили вмѣсто этого прибѣгнуть еще къ болѣе усиленному выпуску ихъ; такъ-что послѣ окончанія войнъ за независимость Европы, асигнацій обращалось на 830 мил. рублей, а курсъ ихъ равнялся 25 к. мѣдн. Тогда нужно было уже серьезно подумать объ улучшеніи у насъ денежной системы. Для этого составленъ былъ особый планъ Сперанскимъ и тогдашнимъ министромъ финансовъ графомъ Гурьевымъ; стали наконецъ извлекать изъ обращенія асигнаціи и замѣнять ихъ звонкою монетою. Съ этою цѣлію заключенъ былъ въ 1819 году внѣшній заемъ въ 40 мил. руб. серебромъ; бумажныхъ денегъ извлечено на 118 миліонъ, а монеты вычеканено на 26 мил. рублей. Потомъ заключенъ былъ и второй заемъ въ 43 мил. руб. сер.; асигнацій сожжено

на 181 мил. Курсъ ихъ сначала-было повнелся: серебряный рубль стоилъ уже не 400 коп. ас., а 373, потомъ опять понизился: за цѣлковый давали уже 380 коп. ас. Въ такомъ положеніи находились наши финансы и наша денежная система, когда въ управленіе министерствомъ вступилъ графъ Канкринъ. Государство было обременено новыми долгами, расходы его по уплатѣ процентовъ увеличились вслѣдствіе этого на 5 мил. руб. сер., а дѣло не подвигалось впередъ.

Графъ Канкринъ довольно строго осуждаетъ мѣры своихъ предшественниковъ; въ первомъ своемъ сочиненіи, онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее (*): «Долго результаты (этихъ мѣръ) были колеблющимися и сами собою разрушались. Причины продолжительныхъ неудачъ заключаются въ слѣдующемъ: въ невѣрно расчитанныхъ средствахъ; въ недостаточномъ вниманіи къ нравственнымъ и вспомогательнымъ условіямъ для этого, и наконецъ къ голосу народа; потомъ въ ложномъ основаніи—стараться объ уничтоженіи бумажныхъ денегъ, вмѣсто того, чтобы упрочить ихъ курсъ». Графу Канкрину удалось, наконецъ, исправить нашу денежную систему и достигнуть цѣли, къ которой тщетно стремились до него, и къ которой стремятся въ наше время; но однако не на столько, чтобы и въ этомъ отношеніи не оставалось намъ ничего болѣе желать и требовать отъ него.

Начала, которыми онъ руководствовался при совершеніи этой операціи, очень рациональны и могли бы служить для этой цѣли даже въ наше время; но только не при такомъ примѣненіи, какое сдѣлано было изъ нихъ при графѣ Канкринѣ. Объ нихъ онъ говоритъ, въ томъ же сочиненіи, слѣдующее: «При окончательномъ приведеніи въ порядокъ бумажной системы, нужно бы было имѣть въ виду три главныхъ предмета: преобразовать самую бумагу; привести въ порядокъ прежніе долги, чтобы быть сколько нибудь справедливымъ, и найти новые вспомогательные источники для государственныхъ потребностей».

Но прежде, чѣмъ обратиться къ указанію мѣръ графа Канкринна по этому дѣлу, намъ необходимо познакомиться съ его теоретическимъ взглядомъ на народное хозяйство; знакомство это не будетъ лишено для насъ интереса. Правда, наука о народномъ хозяйствѣ занимается въ настоящее время преимущественно вопросами общественными, а не государственными, т.-е. такими, которые касаются дѣятельности собственно частныхъ лицъ, а не правительства. Ее въ настоящее время занимаетъ болѣе вопросъ о благосостояніи народа, чѣмъ о богатствѣ государства, то-есть

(*) Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft, стр. 184 и 185.

о распредѣленіи между отдѣльными людьми средствъ для жизни и количествѣ ихъ, приходящемся на долю каждаго, чѣмъ о мас-сѣ производимыхъ цѣлымъ обществомъ вещей. Ничего въ этомъ родѣ мы не найдемъ въ сочиненіяхъ графа Канкринна; но за то въ своемъ родѣ они не лишены интереса: онъ анализировалъ нѣкоторыя явленія, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ, очень вѣрно, послѣдовательно и метко. Таковъ именно отдѣлъ о бумажныхъ деньгахъ.

Разсматривая вопросъ съ чисто-государственной точки зрѣнія, онъ показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе нераціональныхъ государственныхъ мѣръ и на самое общество и его жизнь. Это особенно интересно для насъ потому, что во многихъ его изображеніяхъ мы видимъ тогдашнюю картину состоянія нашего общества.

Авторъ разбираемаго нами сочиненія плохо понималъ назначеніе кредита и не подозрѣвалъ цѣлей, для которыхъ онъ можетъ служить: всѣ виды кредитныхъ знаковъ онъ относитъ къ бумажнымъ деньгамъ, которыя вовсе не могутъ считаться кредитными обязательствами; потому что кредитъ не терпитъ никакого насилія, а при бумажныхъ деньгахъ предполагается именно обязательный ихъ курсъ.

«Съ высокою культурою—говоритъ графъ Канкринъ—появляются кредитныя деньги: тогда вмѣсто дѣйствительныхъ знаковъ цѣнности, довольствуются документнымъ заявленіемъ, что эти знаки можно получить во всякое время, или въ опредѣленный, болѣе или менѣе удобный срокъ. Эти кредитныя деньги получили свое начало частію вслѣдствіе недостатка денегъ, частію вслѣдствіе дороговизны и опасности при ихъ перевозѣ, которая обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ обширнѣе міровыя связи государства».

Такъ называемыя кредитныя деньги графъ Канкринъ раздѣляетъ и характеризуетъ совершенно по своему. Этотъ отдѣлъ въ его теоріи почти не имѣетъ для насъ значенія; мы упоминаемъ объ немъ кратко только для того, чтобы быть послѣдовательными и вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы дать возможность читателю самому судить о его научной и теоретической подготовкѣ. Кредитныя деньги дѣлитъ онъ на цессіонныя (Cessionsgeld) или облигаціонныя, кредитныя деньги и бумажныя.

Цессіонными или облигаціонными деньгами называетъ онъ долговыя обязательства, заемныя письма, ипотечные документы (завладныя на недвижимыя имущества), арендные контракты, банковыя облигаціи на долгіе сроки, билеты назначенія, различные роды акцій и т. п.—однимъ словомъ, частныя и государственныя, привилегированныя и непривилегированныя обязательства.

Они замѣняютъ деньги для тѣхъ, которые собираютъ ихъ для составленія капитала; и кромѣ того они уменьшаютъ во всякомъ случаѣ потребность въ деньгахъ, потому что они могутъ быть употребляемы при куплѣ и продажѣ. Собственно кредитныя деньги состоятъ изъ векселей, тратъ, банковыхъ облигацій на предъявителя, асигнованій на ипотеку, а также билетовъ, обращающихся по довѣрью къ нарочно для того устроенному разнѣнному фонду или даже и безъ него; они современемъ все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ свойство денегъ. Настоящія бумажныя деньги непосредственно замѣняютъ звонкую монету, и умственно (мысленно) совершенно уподобляются ей.

Теперь-то только приступаемъ мы къ болѣе практическому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе интересному для насъ разсмотрѣннѣ вопросу о бумажныхъ деньгахъ. «Настоящія бумажныя деньги—говоритъ графъ Канкринъ—опираются ли они на обѣщанный размѣнъ изъ запаснаго для этой цѣли фонда, немедленно по предъявленіи ихъ, или даже и въ томъ случаѣ, если за ними остался одинъ только кредитъ, требуютъ по своему существу удобнаго формата и значительной дробности.»

Но для дробности банковскихъ билетовъ долженъ быть положенъ предѣлъ, для того, чтобы вовсе не изгнать изъ страны звонкой или разнѣнной монеты. За норму дробности можно принять то, чтобы они не были менѣе обыкновенной монетной единицы (рубля, напимѣръ).

Бумажныя деньги, не говоря о ихъ количествѣ, предполагаютъ слѣдующія существенныя условія:

- a) какъ прежде сказано, удобную дробность;
- b) фундаментъ, который поддерживалъ бы ихъ кредитъ;
- c) возможность промѣна; безъ этого они начинаютъ падать въ курсъ;

d) возможность и легкость возобновленія въ случаѣ порчи, то-есть обмѣнъ обветшалыхъ билетовъ на новыя;

e) гарантіи противъ поддѣлки; она заключается въ очень искусномъ приготовленіи самыхъ асигнацій, отчасти же въ немедленномъ замѣненіи фальшивыхъ настоящими. Это, однако, очень щекотливый пунктъ; потому что нѣкоторые очень замѣтные признаки фальшивости все таки же съ самаго начала могутъ приводить въ заблужденіе, прежде чѣмъ сдѣлаются общезвѣстными, потому что многіе не умѣютъ читать.

Что же касается до фонда бумажныхъ денегъ, то онъ только отчасти можетъ состоятъ изъ ипотеки государственныхъ имуществъ; въ самомъ же дѣлѣ они, какъ деньги, могутъ быть поддерживаемы только деньгами или кредитомъ, то-есть вѣрнымъ обмѣ-

щавиешъ уплаты. Одинъ кредитъ государства, даже самаго благоустроеннаго, не можетъ считаться достаточнымъ для этого, потому что бумага предполагаетъ необходимость реализаціи (уплаты). Запасъ звонкой монеты долженъ быть постоянно пополняемъ по мѣрѣ развѣна; нѣтъ надобности, однако, чтобы фондъ равнялся всей массѣ асигнацій; онъ долженъ быть достаточнымъ только для непосредственной реализаціи, которая при хорошемъ устройствѣ бумажныхъ денегъ не можетъ быть значительна. Нѣкоторыя ограниченія въ развѣнѣ, какъ это замѣтно по Англии, не такъ вредны, какъ это можно было предполагать прежде. Совершенно другое дѣло, если бумага выпущена въ чрезмѣрномъ количествѣ; тогда всѣ начинаютъ торопиться развѣнать. Въ послѣднемъ случаѣ его нужно сначала затруднить, потомъ совершенно прекратить или производить его по биржевому курсу; но такія мѣры вредны, потому что вслѣдствіе нихъ курсъ бумажныхъ денегъ будетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе падать. Бумага не можетъ подкрѣплять фонда, потому что она и безъ того становится ненужною.

Фондъ долженъ состоять изъ ходячей звонкой монеты; даже серебряная низкопробная негодится для этого; потому что она приспособлена для мелкой, но даже вовсе не средней расплаты. Еще менѣе для этого можетъ служить плохая мѣдная монета. Замѣчательно однако, что русскія асигнаціи первоначально опирались только на одну мѣдную монету.

Эти мысли графа Канкринна о бумажныхъ деньгахъ совершенно вѣрны и, какъ видно, давно уже признаны въ администраціи; но тѣмъ не менѣе сколько разъ грѣшили противъ этихъ правилъ даже въ очень недавнее время. Графъ Канкринъ собственно противъ всякаго рода кредитныхъ знаковъ, потому что видѣлъ въ свое время очень много причиненнаго ими зла; пользу и значеніе ихъ признаетъ онъ только въ отдаленномъ будущемъ; въ настоящее время скольконибудь полезными считаетъ онъ одни векселя, и то въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ. «Рекомендовать государству употребленіе кредитныхъ знаковъ—говоритъ онъ, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія—все равно, что совѣтывать юношѣ посѣщеніе игорныхъ домовъ». Но несмотря на это, онъ признаетъ нѣкоторыя выгоды отъ нихъ даже въ настоящее время при ихъ употребленіи:

1) они искусственно увеличиваютъ свободный капиталъ. Такъ какъ на вновь созданные, повсюду признаваемые цѣнными знаки (бумажныя деньги) можно покупать всѣ продукты в силѣ — то значительная часть прежняго наличнаго капитала можетъ быть употребляема на новыя предпріятія: для улучшенія пахатныхъ

полей, для новых горныхъ заводовъ, рыбныхъ ловль, фабрикъ, торговыхъ спекуляцій и т. д.

2) Посредствомъ нихъ нація сберегаетъ издержки, требующіяся на ремонтъ металлическаго капитала, который значительно уменьшается вслѣдствіе тренія и потерь въ большомъ видѣ; постоянное пополненіе бумажныхъ денегъ какъ правительству, такъ и народу стоитъ гораздо меньше. Нація даже можетъ весь свой наличный денежный капиталъ замѣнить бумагами и помѣстить его очень выгодно.

3) Денежныя сношенія значительно облегчаются посредствомъ нихъ внутри государства и даже болѣе, нежели на сколько это могло бы быть достигнуто посредствомъ векселей.

Эти мысли довольно вѣрны, но требуютъ болѣе точнаго опредѣленія. Рационально устроенная кредитная система, но только не бумажныя деньги, даетъ народу возможность довольствоваться очень незначительнымъ количествомъ металлическихъ денегъ, приобрѣтеніе которыхъ обходится очень дорого и совершается насчетъ такихъ предметовъ, которые гораздо полезнѣе людямъ, чѣмъ благородные металы. Напримѣръ, по вычисленію нѣкоторыхъ извѣстныхъ экономистовъ, Англія, до открытія новыхъ золотоносныхъ росыпей въ Новомъ свѣтѣ, довольствовалась въ четверо меньшимъ количествомъ звонкой монеты, нежели Франція, несмотря на то, что ея торговые и промышленные обороты не только не были нисколько меньше, но даже, можетъ быть, больше, чѣмъ таковыя во Франціи.

Далѣе Канкринъ разсматриваетъ опасности, неразлучныя съ употребленіемъ бумажныхъ денегъ въ государствѣ. Эта сторона вопроса была для него очень знакома, потому что онъ ее могъ наблюдать въ свое время въ нашемъ отечествѣ, которое, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая нибудь другая страна, потерпѣло неудобствъ.

Неудобства бумажныхъ денегъ Канкринъ опредѣляетъ очень точно. Они заключаются въ слѣдующемъ:

1) нельзя практически опредѣлить, сколько ихъ можно выпустить въ извѣстное время. Теоретически же можно принять, что они безвредны, когда ихъ выпускаютъ въ количествѣ:

а) соотвѣтствующемъ числу ежегодно вновь прибывающихъ свободныхъ капиталовъ. Этого количества, впрочемъ, никакъ нельзя выразить въ цифрахъ;

в) въ количествѣ, равномъ той суммѣ звонкой монеты, которая безъ ущерба можетъ быть изъята изъ обращенія. Это тоже, по мнѣнію Канкрина, очень неопредѣленное отношеніе. Впрочемъ,

онъ позагасть, что количество ихъ можетъ быть доведено до полноты всей суммы денегъ, обращающихся звонкою монетою.

На второе неудобство бумажныхъ денегъ, по мнѣнію Канкринна, мы обращаемъ вниманіе читателя потому особенно, что здѣсь, исключительно, онъ говоритъ о Россіи. Сколько мы замѣтили, по нашему наблюденію, онъ постоянно говоритъ объ ней: *съ однимъ большою государствомъ* и т. п.

Второе неудобство заключается въ томъ, что 2) трудно поддерживать кредитъ бумажныхъ денегъ. Сначала онъ основывается на а) предположеніи, что государство всегда въ состояніи раздѣлять на звонкую монету столько бумаги, сколько потребуется; б) что вся сумма выпущенныхъ бумажныхъ денегъ не превышаетъ потребнаго количества. Но первое сомнѣніе относительно этихъ условій производитъ паденіе ихъ въ курсѣ.

Третье неудобство бумажныхъ денегъ состоитъ въ томъ: 3) что въ самой ихъ натурѣ заключается стремленіе къ чрезвычайному умноженію ихъ. При легкости дѣлать бумажныя деньги являются великолѣпные проекты, развиваются потребности; создаются небывалыя затрудненія въ управленіи; составляются блестящіе планы для увеличенія власти. Все это бываетъ даже при лучшихъ правительствахъ; 4) при излишнемъ выпускѣ бумажныхъ денегъ быстро нарастаютъ мнимыя капиталы; роскошь увеличивается неумѣрно и нравственность націи портится. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, было у насъ еще очень недавно, во время восточной войны. Сколько образовалось у насъ совершенно мнимыхъ капиталовъ, которые дали возможность этому классу людей значительно расширить свои потребности и увеличить запросъ на предметы роскоши; производство предметовъ, необходимыхъ для жизни, должно было уменьшиться или, по крайней мѣрѣ, остановилось на точкѣ замерзанія, потому что отъ него отвлечены были многіе капиталы и руки; 5) является потребность сбывать наличныя деньги иностранцамъ, потому что звонкая монета становится излишнею. Это явленіе замѣчаемъ мы и въ настоящее время: еще недавно звонкая монета, пріобрѣтенная послѣднимъ нашимъ иностраннымъ займомъ, опять уходила отъ насъ туда же для пріобрѣтенія облигацій этого займа.

б) Когда начинаютъ принимать искусственныя и неудачныя административныя мѣры для поддержанія курса бумажныхъ денегъ, тогда является еще новое зло: цѣнность ихъ начинаетъ колебаться; тогда и цѣны вещей становятся колеблющимися къ ущербу торговли и нравственности, и часто дѣлаются ни съ чѣмъ несообразными. Такъ-какъ паденіе бумажныхъ денегъ зависитъ отъ такихъ причинъ, свѣдѣніе о которыхъ до низшихъ классовъ и отда-

ленныхъ мѣстностей доходить очень поздно, то цѣны вещей становятся несоразмѣрными и несообразными другъ съ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, явленіе это во время нашего послѣдняго кризиса, трудно было замѣтить въ столицахъ, въ центрахъ нашей общественной и промышленной дѣятельности, но мы его сами замѣчали въ отдаленныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества. Послѣдствія такого состоянія вещей, *говоритъ Канкринъ*, бываютъ слѣдующія: нѣкоторые классы общества бѣднѣютъ; торговля коснѣетъ, цѣнность недвижимыхъ имуществъ уменьшается, а правительство находится съ сильнымъ затрудненіемъ, потому что не можетъ себя значительно ограничить въ расходахъ, подобно частнымъ людямъ, которымъ, въ такихъ случаяхъ, это остается единственнымъ средствомъ. Съ справедливостью этихъ замѣчаній графа Канкринна нельзя несогласиться; эти явленія мы также могли наблюдать въ наше время.

7) Ремесло ростовщиковъ въ эти времена обыкновенно процвѣтаетъ и становится бичомъ націи; оно отвлекаетъ капиталы отъ лучшихъ занятій, а колебаніе лажа и вексельнаго курса облегчаетъ спекуляціи. Послѣдняя звонкая монета, какъ она ни необходима, извлекается изъ страны и становится простымъ товаромъ. И это явленіе замѣчаемъ мы въ наше время. Звонкая монета дѣйствительно сдѣлалась у насъ товаромъ, и потому организовалась новая отрасль торговли съ значительнымъ классомъ лицъ, занимающихся ею: продажа и покупка монеты. Ею занимаются у насъ многіе дома и ведутъ обороты на значительныя суммы; по Россіи разъѣзжаютъ мелкіе промышленники, по армаркамъ и темнымъ угламъ, для закупки требующагося для нихъ товара (*).

Послѣ того, какъ графъ Канкринъ опредѣлилъ выгоды и невыгоды бумажныхъ денегъ, онъ выводитъ слѣдующія заключенія:

- 1) государству такъ же мало можно совѣтовать обращаться къ употребленію бумажныхъ денегъ, какъ юношѣ въ игорнымъ домамъ;
- 2) чѣмъ эфемернѣе бумажныя деньги, чѣмъ безпощаднѣе употребляютъ ихъ, тѣмъ меньше будетъ отъ нихъ зла; потому что разочарованіе въ нихъ легче и скорѣе можетъ настать.

Главною заслугою графа Канкринна было установленіе у насъ болѣе прочной и рациональной денежной системы, чѣмъ та, которая существовала до него, и о которой уже мы говорили прежде, и кромѣ того, изъятіе изъ обращенія ассигнацій, сильно упавшихъ въ курсѣ. Онъ очень хорошо понималъ послѣднюю опе-

(*). См. Денежное обращеніе въ Россіи — Безобразова; сначала было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ», потомъ отдѣльною брошюрою.

рацію, и яснѣе сознавалъ ея условія, чѣмъ многіе въ наше время, когда для обсуждения ея имѣется болѣе данныхъ, и когда недавній опытъ долженъ былъ объяснить намъ многое. Такъ онъ совершенно отвергаетъ многія мѣры, на которыя указываютъ теперь нѣкоторые изъ органовъ нашей публицистики, какъ на лучшее для этого средство. Сколько разъ указывали у насъ, напримѣръ, на извлеченіе бумажныхъ денегъ внутренними займами, какъ на болѣе вѣрный путь къ поднятію курса нашихъ кредитныхъ билетовъ. «Московскія Вѣдомости» рекомендовали ее постоянно, какъ самую радикальную. Извлеченіе изъ обращенія бумажныхъ денегъ, безъ какой либо другой соединенной съ ними операціи, могло бы произвести еще большее замѣшательство въ народномъ хозяйствѣ. Бумажныя деньги остаются у насъ общепотребительною, почти единственною монетою въ обращеніи; серебряная же низкопробная и мѣдная составляютъ только добавочное при этомъ средство; извлекая изъ обращенія единственное орудіе мѣны, нужно его чѣмъ нибудь замѣнить. Объ этомъ никто и не думаетъ. Однимъ словомъ, мы полагаемъ, чтобы прекратить настоящее колебаніе въ курсѣ нашего кредитнаго рубля, мало одной какой-нибудь частной мѣры, въ родѣ изыятія изъ обращенія части бумажныхъ денегъ, или открытія ихъ размѣна, какъ это и было сдѣлано еще очень недавно: необходимо преобразование всей нашей денежной системы. Денежная система наша въ томъ видѣ, какъ ее устроилъ графъ Канкринъ, и какъ она продолжаетъ существовать до сихъ поръ, представляетъ много несовершенствъ. Но объ этомъ послѣ; посмотримъ прежде, какъ устроилъ ее графъ Канкринъ. Мы говорили уже, что до него единственною монетою, какъ и нынѣ, были бумажныя деньги и мѣдь; золотая и серебряная существовали только номинально или, лучше сказать, были товаромъ; мы указали также и на тѣ мѣры, которыя были принимаемы до него. Мѣры эти были чисто паліативными, и потому постоянно неудавались; хотя и мѣръ Канкринна нельзя считать совершенно радикальными—онѣ временно только излечили насъ отъ зла, господствовавшаго до него—но тѣмъ не менѣе, для своего времени онѣ были дѣйствительными, и достигли желанной цѣли. Графъ Канкринъ очень рѣзко отзывался о мѣрахъ, которыя были принимаемы до него; приведемъ его собственныя слова; во многомъ онъ правъ, въ другомъ сильно ошибается:

«Особенно вредными оказались въ новѣйшее время несвоевременная откровенность и преждевременныя мѣры. Въ одномъ большомъ государствѣ (то-есть Россіи) назвали бумажныя деньги государственнымъ долгомъ—чѣмъ они на самомъ дѣлѣ не

бываютъ; это долгъ надѣи относительно самой себя — и съ этого времени начинается ихъ быстрое паденіе. Въ народѣ до этихъ поръ не появилось никакого сомнѣнія относительно кредита государственныхъ денегъ; до сихъ поръ они оказывали вліяніе на цѣну вещей, не вслѣдствіе уменьшенія ихъ цѣнности отъ недо- вѣрія, но просто вслѣдствіе увеличенія массы денегъ; только вслѣдствіе этого несправедливаго и неосторожнаго слова проик- лось сомнѣніе: стали обсуждать предметъ, и наконецъ, оказались еще болѣе невыгодныя послѣдствія. Теперь въ этой изолирован- ной странѣ занимается ажіотажемъ даже крестьянинъ; до этихъ поръ вліяніе иностранцевъ (относительно кредита въ бумажныхъ деньгахъ) останавливалось на границахъ».

Конечно, это мнѣніе графа Канкринна совершенно ложно: отчего же въ то время, когда падали въ цѣнѣ бумажки, поднималась въ ней даже мѣдная монета, которая тоже увеличивала массу денегъ. Мы это мѣсто нарочно привели, чтобы показать, какъ у него часто здра- вныя понятія переищиваются съ совершенно ложными. Канкринъ противъ гласности въ дѣлѣ кредита, ложность чего очевидна въ настоящее время для всякаго. «Какъ скоро начинаютъ говорить о кредитѣ — продолжаетъ онъ — онъ падаетъ; это одинаково, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для государства. Государство не должно говорить жи — повторяетъ онъ — но есть кое-что, чего оно не должно касаться; откровенность тогда только необходима, когда народъ и дѣло созрѣли».

Но нѣкоторыя мѣры характеризуетъ онъ очень точно. «Сюда принадлежатъ также — продолжаетъ онъ — жалкія финансовыя мѣры, посредствомъ которыхъ хотѣли дѣйствовать на вексельный и денежный курсъ. Покупка и продажа векселей, разсылка звон- кой монеты во внутренность страны, мѣры для ограниченія ажіо- тажа и т. д.» Однако, сколько разъ эти мѣры были употреблены и послѣ графа Канкринна, послѣдователями и подражателями его системы. «Онѣ (вышеупомянутыя мѣры) — продолжаетъ онъ въ томъ же мѣстѣ — ничего не могутъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не измѣнено самое основаніе (прежней системы), и возбуждаютъ только еще болѣе сомнѣнія, и причиняютъ лишнія и значитель- ныя издержки, и составляютъ ненужные окольные пути, по кото- рымъ проходятъ туда, откуда вышли. Купецъ рѣдко можетъ быть полезнымъ совѣтникомъ относительно бумажныхъ денегъ, потому что онъ придаетъ много значенія числамъ и считаетъ дѣйстви- тельными мелкія купеческія хитрости даже въ большихъ дѣлахъ».

Не лишено основанія и слѣдующее замѣчаніе его о мѣрахъ, которыя были употреблены для поддержанія курса бумажныхъ де- негъ: «Нѣсколько прежде думали поддержать бумажныя деньги

или довести ихъ до *al pari* посредствомъ промѣна бумагъ на серебро, или посредствомъ займовъ бумажными деньгами на выгодныхъ условіяхъ, съ обязательствомъ уплаты на серебро; но послѣдствія этихъ мѣръ извѣстны. Средства, которыми располагало государство, были недостаточны для этой цѣли, и скоро истощились; посредствомъ одной капли вина, нельзя воду уподобить вину». Мы считаемъ за нужное привести всѣ эти мѣрныя графа Канкринна не только для того, чтобы характеризовать ими систему его; но и потому, что у насъ неоднократно указывали на подобныя мѣры, какъ очень дѣйствительныя для поправленія нашихъ денежныхъ обстоятельствъ; предшествовавшій опытъ, однако, давно, какъ мы видимъ, показалъ всю ихъ несостоятельность.

Съ своей стороны, графъ Канкринъ предлагаетъ слѣдующія мѣры для вышеупомянутой цѣли; объ нихъ говоритъ онъ въ своемъ первомъ сочиненіи на стр. 184-й слѣдующее: «При окончательномъ приведеніи въ порядокъ бумажной системы, нужно бы было имѣть въ виду три главныхъ предмета: преобразовать самую бумагу; привести въ порядокъ остатки старыхъ долговъ, чтобы быть сколько нибудь справедливымъ, и найти новые вспомогательные источники для государственныхъ потребностей».

Въ самомъ дѣлѣ, первая мѣра, то-есть преобразование бумаги должна бы была всегда предшествовать всякой другой; трудно возстановить довѣріе въ системѣ, оказавшейся несостоятельною однажды, какими бы то ни было энергическими мѣрами. Эта мѣра съ удобствомъ могла бы быть примѣнена и въ наше время; необходимо было бы кредитные билеты, утратившіе свой курсъ, замѣнить банковыми билетами; впоследствии мы скажемъ о возможности этой мѣры гораздо больше. Второе изъ указанныхъ графомъ Канкриннымъ условій необходимо для поддержанія кредита, а третье — для приобрѣтенія средствъ на извѣстныя, предположенныя операціи.

Понимая очень хорошо условія, при которыхъ могла бы совершена операція извлеченія бумажныхъ денегъ изъ обращенія и замѣненія ихъ новымъ, болѣе рациональнымъ видомъ кредитныхъ знаковъ, графъ Канкринъ не могъ, однако, вѣрно рассчитать средства для этого; въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ двѣ ошибки: 1) онъ избралъ, для замѣненія асигнацій, еще очень несовершенный видъ кредитныхъ знаковъ — *кредитные билеты*, которые, при неумѣренномъ выпускѣ, опять могли бы обратиться въ прежнія асигнаціи; 2) соединилъ эту операцію съ другими финансовыми мѣрами, чисто-временными, и опирался на такія непрочныя опоры, которыя рано или поздно должны были пошат-

нутъся, именно на *государственныя кредитныя учрежденія*. Онъ признавалъ полезными только такого рода банки, и то чисто для финансовыхъ цѣлей; владами въ нихъ онъ пользовался, въ случаѣ временнаго или постояннаго недостатка доходовъ, на покрытіе текущихъ государственныхъ издержекъ, а это пользованіе, рано или поздно, должно было привести къ излишнему выпуску кредитныхъ билетовъ. При первомъ значительномъ востребованіи владовъ изъ банковъ, нечѣмъ было производить выдачу суммъ, необходимо было прибѣгать къ постоянному выпуску кредитныхъ билетовъ; а эти кредитные билеты и безъ того должны были опираться не на очень значительный фондъ: $\frac{1}{6}$ часть всей массы ихъ.

Средствами для установленія у насъ прочной монетной единицы, графъ Канкринъ употребилъ слѣдующія мѣры: 1) первоначальное отверженіе или упроченіе курса бумажныхъ денегъ; 2) постепенное замѣненіе ихъ другими видомъ кредитныхъ знаковъ, и 3) постепенное образованіе денежнаго фонда. Основанія, по которымъ графъ Канкринъ считалъ нужнымъ дѣйствовать именно такъ, мы привели въ другой нашей статьѣ^(*), а потому считаемъ лишнимъ говорить объ нихъ.

Обратимся теперь собственно къ практической дѣятельности графа Канкринна, и послѣдствіямъ его системы.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ, графъ Канкринъ счелъ нужнымъ отмѣнить всѣ сдѣланныя прежде него распоряженія для изыатія асигнацій изъ обращенія. Въ 1824 г. отмѣнена предполагавшаяся система обращенія всей массы асигнацій въ процентный долгъ. Къ рѣшительнымъ же мѣрамъ по новой операціи, приступлено была не ранѣе 1839 г. Указомъ отъ 1-го іюня этого года, было постановлено: 1) серебряная монета будетъ считаться главною монетою; 2) асигнаціи должны быть второстепеннымъ знакомъ цѣнности, и приниматься по курсу 350 в. за 1 рубль сер.; 3) подати предоставлялось вносить каждому по желанію — звонкою монетою или асигнаціями; 4) такимъ же точно образомъ должны были производиться и платежи изъ государственнаго казначейства, то-есть на серебро или асигнаціи; 5) всѣ денежныя сдѣлки предписывалось заключать на серебро. Наконецъ, запрещены прибавки къ курсу асигнацій, и взиманіе процентовъ за промѣнъ одной монеты на другую. Но графъ Канкринъ не прямо приступилъ къ осуществленію своей системы: онъ попробовалъ нѣкоторыя переходныя мѣры; сначала, для удобства обращенія, асигнаціи замѣнены временными кредитными зна-

(*) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1865 г. № 89 и 96.

вами; въ 1840 г. открыта при коммерческомъ банкѣ депозитная касса; изъ нея выдавались депозитные билеты 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублеваго достоинства тѣмъ, которые вносили въ нее на такую же сумму звонкой монеты; эта монета должна была оставаться неприкосновенною, и потому билеты во всякое время могли быть промѣниваемы на нее. Въ томъ же году, въ эту кассу звонкой монеты принято на 25,623,037 рублей; выдано всего на 1,453,637 руб. Въ слѣдующемъ году, разрѣшено принимать золото и въ слиткахъ, потому приливъ металовъ увеличился еще на 12,780,144 рубля. Только 1-го іюня 1843 года, вышелъ манифестъ объ уничтоженіи прежнихъ ассигнацій, и замѣненіи ихъ кредитными билетами. Для этой цѣли, въ государственный банкъ, которому предоставлено было право выпуска этихъ билетовъ, положено 28½ мил. руб. сер., въ видѣ размѣннаго фонда; остальная звонкая монета была перевезена въ Петропавловскую крѣпость, и сложена въ особыхъ подвалахъ; весь металлическій фондъ равнялся въ это время 65,750,000 руб. или 263 мил. франковъ.

Итакъ мы видимъ, что первоначально операція изыятія и обращенія звонкой монеты шла очень быстро и удачно: она была совершена въ очень непродолжительное время, въ которое успѣлъ составиться значительный металлическій фондъ. Но успѣхъ системы графа Канкрина былъ эфемерный, выражаясь его же словами; она продержалась не болѣе двадцати-пяти лѣтъ: съ 1859 г. начинается паденіе цѣнности кредитнаго рубля, которое продолжается до настоящаго времени.

Спрашивается, слѣдуетъ ли винить графа Канкрина въ непрочности его системы, и въ послѣдовавшемъ послѣ него кризисѣ. Конечно, не вся отвѣтственность въ этомъ, но часть по крайней мѣрѣ вины падаетъ на него: онъ виноватъ въ томъ, что основалъ свою систему на ложныхъ началахъ; до окончательнаго же разстройства дошла она послѣ него, когда была доведена до крайности. Непрочность системы начала уже оказываться при графѣ Канкринѣ. Выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ не могъ быть нормальнымъ; мы говорили уже, что заимствованіе изъ банковыхъ владовъ въ видѣ займовъ, должно было привести къ усиленію ихъ выпуска. Такъ, именно въ 1841 г., для этой собственно цѣли, предположенъ былъ выпускъ 30 мил. руб. кредитными билетами. Объ отношеніи государственной казны къ банкамъ, Канкринъ говоритъ слѣдующее въ своемъ двадцатилѣтнемъ отчетѣ по управленію министерствомъ: «Гдѣ случаѣ умноженія истребованій изъ банковъ, а особенно въ затруднительномъ 1840 году, когда по неуррежаю истребованы

изъ оныхъ огромныя вклады, наиболѣе по капиталу продовольствія, банки и сохранныя казны были подерѣвлены, такъ что могли выполнить свои обязательства, вполнѣдствіи же вклады еще болѣе усилились». Но чѣмъ болѣе возрастали потребности государства, тѣмъ болѣе и болѣе требовался выпускъ кредитныхъ билетовъ, и сдѣлался наконецъ совершенно ненормальнымъ, превзойдя потребности обращенія и народа.

Теперь систему графа Канкрена нужно снова передѣлывать и начать съ того же, съ чего начинать и онъ: нужно теперешніе кредитные билеты замѣнить новымъ видомъ кредитныхъ знаковъ, болѣе рациональнымъ и прочнымъ по своей натурѣ, и образовать разнѣнный фондъ изъ металлическихъ денегъ, что оказалось пока не совсѣмъ легкимъ дѣломъ при нынѣшнемъ положеніи вещей.

Главнымъ основаніемъ для финансовыхъ операцій, послужили графу Канкрину государственныя банки; нынѣ они отжили свой вѣкъ, и по большей части уничтожены, за исключеніемъ одного государственнаго. Для преобразованія нашей настоящей денежной системы, основаніемъ могло бы послужить обращеніе этого банка въ частный. Обращеніе это могло быть совершенно постепенно. Нынѣшній государственный банкъ могъ бы остаться на время въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ нынѣ, для окончанія тѣхъ операцій, которыя возложены на него по государственному казначейству; но при немъ могло бы образоваться особое отдѣленіе для занятія чисто-комерческими операціями, которое слѣдовало бы основать на акціяхъ. Банкъ, основанный на акціяхъ и на нихъ опирающійся въ своихъ операціяхъ, имѣетъ гораздо болѣе прочное основаніе, чѣмъ всякій другой, даже располагающій извѣстною долею своего собственнаго капитала. Выпускъ акцій для образованія частнаго комерческаго отдѣленія при государственномъ банкѣ, могъ бы послужить средствомъ для извлеченія части кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, образованія металлическаго фонда и выпуска банковыхъ билетовъ. Выпускъ банковыхъ билетовъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, имѣлъ бы то важное значеніе, что мы получили бы, наконецъ, прочную монетную единицу, съ которою могли бы соразмѣряться цѣнности вещей, и на основаніи которой могли бы быть заключаемы всѣ комерческія и кредитныя сдѣлки; затѣмъ, цѣнность кредитныхъ рублей должна бы быть предоставлена биржевому курсу. По мѣрѣ же накопленія средствъ въ государственномъ банкѣ, и по мѣрѣ возможнаго по обстоятельствамъ выпуска банковыхъ билетовъ, они могли бы быть постепенно извлекаемы изъ обращенія. На это намъ могутъ возражать: можетъ-ли существо-

вать въ государствѣ смѣшеніе различныхъ кредитныхъ знаковъ? Опытъ показалъ, что одно время, при графѣ Канкринѣ, совмѣстно обращались три рода кредитныхъ знаковъ: ассигнаціи, депозитные билеты и кредитные, и курсъ всѣхъ ихъ стоялъ твердо.

Послѣднимъ важнымъ дѣломъ графа Канкринна было опредѣленіе и установленіе нашихъ отношеній въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ. За эту мѣру графа Канкринна особенно уважаетъ нашъ торговый и промышленный классъ; вообще полагаютъ, что имъ положено начало нашей мануфактурной промышленности. Впрочемъ, запретительный и охранительный тарифъ введенъ былъ въ дѣйствіе еще за годъ до вступленія графа Канкринна въ управленіе министерствомъ; но и онъ принималъ участіе въ дѣлахъ комисіи, составлявшей этотъ тарифъ, стало быть, содѣйствовалъ и этой мѣрѣ, хотя не прямымъ образомъ. Мы ограничимся указаніемъ того, что сдѣлано было графомъ Канкриннымъ для нашей мануфактурной промышленности въ его министерство. Во второмъ своемъ сочиненіи: «Экономія человѣческихъ обществъ», изданномъ послѣ его смерти въ 1845 г., онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «издатель этого сочиненія мало по малу исправлялъ и усовершенствовалъ тарифъ. Онъ уничтожилъ нѣсколько запрещеній, уменьшилъ нѣкоторыя пошлины, повысилъ другія для увеличенія доходовъ и покровительства фабрикамъ; однимъ словомъ, измѣнилъ таможенный уставъ во многихъ пунктахъ». Въ другомъ мѣстѣ того же самаго сочиненія, собственно о мануфактурной промышленности онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Въ заблужденіи тотъ, кто воображаетъ, что русская фабричная промышленность существуетъ только помощью правительства. Промышленность эта сильна сама собою, и вотъ уже 25 лѣтъ, какъ не сдѣлано ни одной важной жертвы для поддержанія отечественныхъ фабрикъ. Этой дѣли достигли совсѣмъ другимъ образомъ. Съ 1823 г. приняты всевозможныя мѣры для усовершенствованія промышленности. Издаются: Коммерческая газета, Мануфактурный журналъ; заграницею держали агентовъ, чтобы узнавать всѣ новѣйшія открытія и усовершенствованія; заведена правильная выписка узоровъ изъ-заграницы; привлечены въ Россію искусные мастера; учрежденъ мануфактурный совѣтъ съ отдѣленіями и корреспондентами. Основанъ большой технологическій институтъ и промышленныя школы; установлены посылка молодыхъ людей за границу, выставки промышленности, въ Москвѣ и Петербургѣ, съ назначеніемъ наградъ за отличіе, бесплатныя школы рисованія; изданъ уставъ, улучшающій полицейскій надзоръ за работами, и много другихъ мѣръ, о которыхъ я умалчиваю».

Эти мѣры совершенно рациональны и противъ нихъ нельзя сказать ничего ни съ какой точки зрѣнія. Мы оттого и не беремся говорить въ настоящей статьѣ о мануфактурной промышленности и о томъ, что сдѣлано для нея при графѣ Канкринѣ, что этотъ вопросъ снова поднять въ наше время и требуетъ основательнаго пересмотра. Но для этого необходимо собрать множество статистическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ только и можетъ быть рѣшаемъ, а не à priori и на основаніи однихъ теорій и эгоистическихъ интересовъ, какъ это дѣлается въ настоящее время при обсужденіи вопроса о заключеніи торговаго трактата съ Германіей.

Обращаясь ко всему сказанному нами въ статьѣ, мы должны повторить то, что уже высказали въ самомъ началѣ ея: система графа Канкринна была рассчитана исключительно для поправленія обстоятельствъ того времени; въ настоящее время она отжила свой вѣкъ и требуетъ передѣлки. Въ свое же время она установила прочный экономическій порядокъ и дала возможность, хотя не очень широкую, для развитія народной промышленности.

С. МУРАВЬЕВЪ.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

РОМАНЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ.

III.

Мистеръ Госсамеръ Ван-Донкъ вполне олицетворялъ истинный типъ столь многочисленнаго и постоянно увеличивающагося въ Нью-Йоркѣ класса *новыхъ богачей*. По наружности онъ былъ сухощавый, костлявый молодой человѣкъ съ узкими плечами и безобразными ногами. Довольно пріятныя черты лица его, въ естественномъ состояніи выражавшія добродушную простоту, принимали странное выраженіе отъ постоянныхъ его усилій принять на себя видъ грознаго мизантропа. Каріе глаза его были окаймлены почти розовой оболочкой, а большіе усы, а la Calmuck, безжалостно нафабрены; коротко же остриженные волосы торчали словно перья, что, по его мнѣнію, было ему особенно къ лицу. Онъ постоянно носилъ платья самаго страннаго, эксцентричнаго покроя и множество брелокъ, запонокъ, цѣпочекъ, колець и т. д. Теперь же, побывавъ въ Англіи, онъ сдѣлалъ себѣ огромный запасъ *сыотовъ* изъ самыхъ разнообразныхъ толстыхъ ковровыхъ матерій, которые онъ тщательно перемѣнялъ разъ по пяти или шести въ день. Такимъ образомъ онъ производилъ всегда блестящій эффектъ и въ то же время доставлялъ себѣ занятіе. Къ утреннему чаю онъ являлся въ вѣтчатой матеріи, самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ цвѣтовъ, которые онъ затѣмъ къ завтраку замѣнялъ болѣе гармонирующими и мягкими цвѣтами. Передъ обѣдомъ эти цвѣта опять приходили въ столкновеніе, раздражалась самая ужасная, но живописная гроза, послѣ чего погода снова прояснялась и на сцену появлялись радужные, свѣтлые цвѣта. Результатомъ всѣхъ этихъ искусныхъ операцій было то, что посторонніе сначала всегда воображали, что есть нѣсколько мистеровъ Госсамеръ Ван-Донковъ, или что если онъ одинъ, то одаренъ какой-то сверхестественной способностью размножаться до

Т. СLXI. — Отд. I. 8

безконечности, и только послѣ самого тщательнаго изслѣдованія убѣждались въ ошибочности своихъ предположеній.

Мистеръ Ван-Донкъ былъ очень извѣстенъ въ Нью-Йоркѣ, и еслибы кругъ его знакомства былъ столь же избранный, какъ обширный, то намъ оставалось бы только поздравить его; но къ несчастію, это было не такъ. Почти всякій оборванецъ, выходящій утромъ изъ своей трущобы, привѣтливо кивалъ головой Госсамеру, катившему на рысакахъ по Бродвею. Подозрительные криволины, движущіеся въ толпѣ, во вечерамъ пстрѣчали съ улыбкой Госсамера. Замасленные восточныя лица, посѣщающія фобіе оперы, очень хорошо были знакомы съ нашимъ молодымъ другомъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже успѣли измѣрить его карманы. Посредственные актеры, постоянные посѣтители портерныхъ по близости театровъ, знали его и восторгались его критическими сужденіями. Широкоплечіе молодцы съ хитрымъ и лукавымъ взглядомъ, которые занимаются таинственными экспедиціями на Нью-Джерсей и Статенскій островъ, также были съ нимъ знакомы и говорили, что онъ истинный покровитель «нашего почтеннаго искусства, сэръ!» Онъ также имѣлъ многихъ друзей между мелкими журнальными борзописцами, которые не разъ близко видали его деньги во время его ухаживаній за актрисами и танцовщицами. Мистеръ Тодитеръ Сумпъ очень уважалъ своего *милаго Госси*, писалъ для него любовныя посланія и втерся въ домъ генерала Ван-Донка, котораго вмѣстѣ со всѣми его знакомыми записалъ впередъ подписчиками на будущее его сочиненіе—*Приключенія Идіота*. Стивумъ, издатель, и Лайбель, редакторъ *Воскреснаго комка тряси*, также очень жалуютъ Госсамера: они *также* имѣли случай, по ихъ словамъ, «узнать его благородныя и высокія качества».

Однако, несмотря на этотъ обширный и высокій кругъ знакомства, который еще обнималъ безчисленное множество буфетчиковъ, билиардныхъ маркѣровъ, барышниковъ и т. д., несмотря на громадное количество и блескъ его разнообразныхъ скрутковъ, визитовъ, брювъ и жилетовъ, мистеръ Госсамеръ Ван-Донкъ далеко не былъ счастливъ. Въ прошлое лѣто, въ бытность его въ Ньюпортѣ, онъ попался въ сѣти, которія, какъ онъ съ горечью объяснялъ, грозятъ уничтожить всѣ его будущія надежды. Словомъ, онъ былъ помолвленъ съ миссъ Джоанной Гейденсокеръ, благодаря ловкой политикѣ генеральши Ван-Донкъ, а также отчасти и достопочтеннаго Джоба Гейденсовера, отца молодой дѣвушки.

Гейденсокеры происходили отъ старинной знаменитой фамиліи, родоначальникъ которой три поколѣнія тому назадъ содержалъ го-

ландскую портерную на Баттеррен. Отецъ достопочтеннаго Джоба, замѣчательно хитрый человѣкъ, достигъ интригами высоко политическаго значенія, что составило счастье всего его семейства и въ особенности достопочтеннаго Джоба, который умѣлъ извлечь большую пользу изъ этого обстоятельства. Онъ, повиданному, принадлежалъ въ юридическому сословію, но будучи очень плохимъ адвокатомъ, а въ особенности очень лѣнивымъ, не могъ пріобрѣсти себѣ извѣстности по этой части и потому обратилъ все свое вниманіе на политическія продѣлки, въ которыхъ онъ имѣлъ довольно успѣха и имѣлъ бы еще гораздо болѣе, еслибы его недобросовѣстность не была всѣмъ извѣстна. Онъ безпрестанно переходилъ отъ одной стороны къ другой, забирая всегда ту, отъ которой надѣялся получить большую выгоду. Къ тому же, онъ велъ разгульную жизнь, питалъ неудержимую страсть къ игрѣ и къ крѣпкимъ напиткамъ, и потому вѣчно нуждался въ деньгахъ. Это послѣднее обстоятельство побудило его жениться на молодой дѣвушкѣ изъ почтеннаго богатаго семейства, которое, сколько извѣстно, никогда не дѣлало ошибокъ до той минуты, когда вступило въ родство съ достопочтеннымъ Джобомъ. Эта молодая дѣвушка сдѣлалась матерью вышеупомянутой миссъ Джоанны, которая по своей красотѣ и важному имени была вполне блестящей партией, по мнѣнію Джоба, для богача Ван-Донка.

Итакъ, съ одной стороны генеральша Ван-Донкъ желала доставить женитьбой своему Госсамеру извѣстное положеніе въ свѣтѣ, а съ другой—достопочтенный Джобъ искалъ для своей Джоанны тяжелые мѣшки долларовъ. Оба надѣялись достигнуть своей цѣли посредствомъ этого брака. Оставалось разрѣшить еще одно трудное обстоятельство — получить согласіе непосредственно заинтересованныхъ особъ, и потому хитрые интриганты условились между собою, что генеральша постарается завладѣть молодой дѣвушкой, а достопочтенный Джобъ—молодымъ человѣкомъ. Генеральша избрала прямой путь: она привозила подарки за подарками, брильянты, кружева, шали, а въ пріятной перспективѣ показывала чудные экипажи и абонементную ложу въ оперѣ. Тактика достопочтеннаго Джоба была хитрѣе, и между прочимъ состояла главнымъ образомъ въ обыгрываньѣ и опанываньѣ мистера Госсамера Ван-Донка. Такимъ образомъ, когда посредствомъ ласкъ, совѣтовъ и угрозъ удалось наконецъ достаточно сблизить молодыхъ людей, вовсе не любившихъ другъ друга, достопочтенный Джобъ разомъ покончилъ дѣло, выставивъ на видъ бѣдному Госсамеру, что онъ отдастъ его векселя на сумму нѣсколькихъ тысячъ долларовъ, въ приданое чудной Джоаннѣ, вмѣсто того, чтобъ предоставить ихъ сердитому и скупому генералу Ван-Донку.

Счастливый бракъ этотъ, по обоюдному согласію, былъ отложенъ на годъ, а теперь долженъ былъ совершиться въ предстоящемъ сентябрѣ мѣсяцѣ. Это-то обстоятельство и тревожило нашего юнаго друга, ибо двѣ непреодолимыя причины побуждали его нарушить свое слово: вопервыхъ, онъ все болѣе и болѣе начиналъ ненавидѣть свою невѣсту и ея отца; вовторыхъ, онъ по уши влюбился въ миссъ Грессъ Вернонь.

Вотъ въ какомъ жалкомъ положеніи онъ находился, судя по его же собственнымъ словамъ мистеру Элайасу П. Стаггерсу, которому онъ на другой день послѣ спасенія негритянки съ ребѣнкомъ, повѣдалъ свою грустную повѣсть. Мистеръ Стаггерсъ, или какъ друзья его обыкновенно называли, *Элайасъ П.*, занимался банкирскими и маклерскими дѣлами въ Валь-Стритѣ. Это былъ здоровый мужчина, очень хлопотливый и, подобно многимъ нашимъ негоціантамъ, чрезвычайно озабоченный своимъ социальнымъ положеніемъ. Онъ былъ богатъ или, вѣрнѣе, его жена была богата, такъ-какъ многолѣтній опытъ убѣдилъ его въ необходимости передать главную часть своего состоянія въ другія руки. Элайасъ П. всегда носилъ черный сюртукъ и панталоны изъ самой дорогой матеріи и одѣвался, какъ онъ съ самодовольствіемъ говорилъ, «просто и богато». Голова его сіяла большой плѣшью, бровей вовсе не было и лицо носило то неизяснимое выраженіе, которое всегда является, когда мужчина съ длинной бородой и бакенбардами брѣетъ усы. Онъ выдавалъ себя за любителя изящныхъ искусствъ и покровителя артистовъ, въ особенности итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ; но въ сущности, душа его была поглощена однимъ наживаніемъ денегъ, и артистическія его претензіи происходили только отъ желанія приобрѣсти популярность и социальное значеніе. Онъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, занимался дѣлами стараго генерала Ван-Донка, и семейства ихъ были въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Кромѣ того Госсамеръ проводилъ большинство ночей на *Ассири*, въ каютѣ мистера Стаггерса за пуншемъ и шампанскимъ, что еще болѣе сблизило ихъ и побудило молодого человѣка искать въ настоящее время сочувствія и совѣта почтеннаго маклера. Независимо отъ другихъ окружающихъ его затрудненій, молодой человѣкъ начиналъ ревновать миссъ Грессъ Вернонь къ Роберту Эліоту и Стивену Дангерфильду, хотя, несмотря на всѣ его старанія, онъ не могъ еще рѣшить, кого изъ нихъ ему слѣдовало болѣе опасаться.

— Не люблю я ихъ обоихъ, замѣтилъ мистеръ Стаггерсъ въ видѣ утѣшенія.—Что касается Стивена Дангерфильда, то его положеніе вовсе не такъ блестяще, какъ онъ воображаетъ. Я это хорошо знаю; онъ гордится тѣмъ, что живетъ въ своемъ по-

мѣсть и что его родители никогда не занимались торговлею; но подобное тщеславіе ни къ чему не ведетъ и крайне неприлично въ свободной странѣ.

— Ваша правда, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Ван-Донкъ.

— Другой не лучше его, продолжалъ мистеръ Стаггерсъ:—но я бы желалъ знать, есть ли у него состояніе?

Госсамеръ также ничего не зналъ о состояніи мистера Эліота, но замѣтилъ, что у него повидимому не было много платья.

— О! по этому вы не можете судить, выразительно произнесъ Стаггерсъ:—эти англичане, если они настоящіе великосвѣтскіе щеголи, то ихъ всякій знаетъ, и имъ не нужно часто мѣнять свой туалетъ, чтобы показать, кто они такіе. Наши щеголи—дѣло другое, должны поневолѣ выказываться. Вѣдь, напримѣръ, кто бы зналъ, кто вы такой, еслибъ вы не одѣвались пестро и богато.

Бѣдный Госсамеръ нѣсколько былъ озадаченъ этимъ замѣчаніемъ, но собравшись съ духомъ, спросилъ:

— Что намъ за дѣло до того, что Эліотъ великосвѣтскій щеголь или нѣтъ?

— Вотъ какое дѣло. Старикъ Верновъ, несмотря на его либеральныя идеи, обращаетъ большое вниманіе на происхожденіе и манеры, и слишкомъ дорожитъ деньгами, чтобы ихъ выпустить изъ виду; потому, если Эліотъ не удовлетворитъ этимъ тремъ требованіямъ, то ясно, что онъ ничего не возьметъ.

— Мнѣ кажется, что старикъ джентльменъ нимало не думаетъ о деньгахъ, а мисъ Грэсъ и того менѣе. Потому, если Стивенъ Дангерфильдъ...

— Заэтого я ручаюсь, сказалъ маклеръ:—ему нечего надѣяться на успѣхъ. Онъ совершенно разорится послѣ смерти старика, который, говорятъ, очень плохъ. Имѣнье-то все перезаложено, хотя Стивенъ, можетъ быть, этого и не знаетъ. Я намекну объ этомъ Вернову. Потомъ я переговорю со Сприггомъ, чтобы онъ написалъ своему лондонскому корреспонденту объ Эліотѣ. Пожалуй, онъ тамъ что-нибудь надѣлалъ и долженъ былъ бѣжать, а впрочемъ, можетъ быть, онъ вовсе и не интересуется молодой дѣвушкой.

— Но если все это устроится по моему желанію, то все еще останется Джобъ Гейденсоверъ, замѣтилъ Госсамеръ.

— Не бойтесь его, замѣтилъ Элайасъ П.:—я непременно обдѣлаю это дѣльце. Если ваши векселя у него, то онъ ихъ передастъ мнѣ, или я ему дамъ знать себя. Мы же съ вами когда нибудь послѣ расквитаемся. Я всегда готовъ ждать.

— Вы очень-очень добры. Маменька, конечно, подыметъ исторію, но я съ нею слажу. Я долженъ вамъ сознаться, какъ старому другу, что все это дѣло сдѣлало меня совершенно не-

счастливымъ. Я никогда никого не любилъ до сихъ поръ, и если только эти препятствія будутъ отстранены, то мнѣ нечего будетъ опасаться отказа.

— Не ручайтесь такъ за успѣхъ, возразилъ осторожный Статгерсъ: — красавица, да еще съ большимъ состояніемъ, самая невѣрная вещь въ свѣтѣ. Вотъ, напримѣръ, Кутбертъ Бойнтонъ — я бы обратилъ на него вниманіе. Посмотрите, вонъ онъ гладитъ головку маленькой дѣвочки.

Госсамеръ улыбнулся. Онъ ни мало не боялся Кутберта Бойнтона, у котораго платье было такого диваго покрою, что Госсамеръ не находилъ словъ, чтобъ выразить все свое презрѣніе. Притомъ онъ впалъ въ ошибку, свойственную людямъ его класса: онъ полагалъ, что беззаботная непринужденность, характеризующая южанъ, доказываетъ недостатокъ приличія и воспитанія. Онъ считалъ себя совершенно безопаснымъ въ отношеніи Кутберта Бойнтонна, и выразилъ это очень рѣзко, подходя съ своимъ менторомъ къ группѣ, собравшейся, по обыкновенію, вокругъ Вернона и его дочери.

— Тсс! шопотомъ произнесъ маклеръ: — тсс! у него болѣе трехсотъ негровъ.

Ребѣнокъ, спасенный наканунѣ отъ голодной смерти, сидѣлъ на волѣнахъ у Оливера Вернона, граціозно принавъ головой къ его плечу; это была маленькая дѣвочка, не болѣе пяти лѣтъ отроду, хотя, смотря на ея серьезное личико и удивительно умные глазки, вы бы ей дали гораздо болѣе. Глаза ея были особенно красивы, большіе, черные съ длинными, блестящими рѣсницами и чудными нѣжными бровями. Каштановые волосы падали раскошными волнами вокругъ лица, блѣднаго отъ усталости и волненія, но нѣжно-оливковаго оттѣнка, гармонирующаго съ цвѣтомъ глазъ и волосъ. Одежда дѣвочки доказывала, что она принадлежала къ богатому семейству; но всѣ ея вещи такъ сильно пострадали отъ воды, что Грессъ и Элинора должны были удѣлить ей кой-что изъ своего туалета. Она теперь была закутана въ большой индійской шали, яркаго цвѣта, которая еще болѣе выказывала красоту ея глазъ и лица.

Бѣдный ребѣнокъ ничего не зналъ объ участи другихъ пассажировъ и команды погибшей шкуны. По ея словамъ, была ужасная буря, и Джерти держала ее въ своихъ рукахъ. Когда буря стихла, на суднѣ никого уже не было, кромѣ Джерти и ея. Негритянка нашла немного сукарей и воды, которые онѣ съѣли еще до прибытія помощи. Ясно было, что негритянка отказывала себѣ въ нищѣ, чтобы продлить жизнь ребѣнка, который малю пострадалъ отъ голода, тогда какъ она умирала отъ истощенія и съ самаго

пробытія на *Ассирію* лежала въ бреду. Что же касается до того, кто онѣ были и куда онѣ ѣхали, ребѣнокъ не могъ ничего объяснить; изъ ея словъ, однако, выходило, что они выѣхали изъ одного порта въ Георгіи, и отправлялись въ Нью-Йоркъ къ мамѣ—а также, что ее зовутъ Али, фамиліи же своей она не знала.

Появленіе маленькой незнакомки, разумѣется, произвело большое волненіе на пароходѣ. Спригъ уже приготовилъ эффектную статью для *Нью-Йоркскаго Глашатая*, а Слаймеръ обдумывалъ, какимъ бы образомъ ему связать свое имя съ романтическимъ происшествіемъ. Генеральша Ван-Доцъ и ея дочери были въ отчаяніи, что привычка поздно вставать помѣшала имъ предъявить свои права на интересную *protégée*. Максвиндль особенно заинтересовался негритянкою, которая, по его мнѣнію, вѣроятно бѣжала отъ господъ, и потому онъ уже представлялъ себѣ, какое приобрѣтетъ важное политическое значеніе, заставивъ арестовать ее въ Нью-Йоркѣ и возвратитъ обратно хозяину. Элинора и Грэсъ особенно радовались счастливому случаю, доставившему имъ такую хорошенькую игрушку, а болѣе глубокія женскія чувства, затаенныя въ глубинѣ сердца, побудили ихъ обружить малявку нѣжнымъ сочувствіемъ и любовью. Стивенъ Дангерфильдъ съ восторгомъ смотрѣлъ, какъ хорошенькія дѣвушки дѣлѣли беззащитное существо, которое онъ принесъ къ нимъ, а Робертъ Эдіотъ глубокомысленно обдумывалъ странное сходство маденькаго ребѣнка съ Элинорой Грезбрукъ. Одного только Оливера Вернона, казалось, опечалило появленіе ребѣнка, хотя пронизанный самой теплой любовью къ ближнему, всегда готовый оказать услугу, въ особенности беззащитной сиротѣ, онъ, напротивъ, долженъ былъ бы обрадоваться этому случаю сдѣлать доброе дѣло. Оно въ сущности такъ и было; грустная тѣнь, омрачившая его лицо, происходила отъ причины, неизмѣвшей ничего общаго съ настоящимъ происшествіемъ. Это было или предчувствіе будущаго несчастья, или воспоминаніе о прошедшемъ горѣ. Изъ-за пазухи негритянки вынули письмо, которое теперь хранилось у Оливера Вернона; онъ не вскрывалъ его, а только взглянулъ на надпись. Кромѣ того, молодыя дѣвушки сдѣлали два повидимому незначущія открытія: на носовомъ платкѣ ребѣнка была вышита готическимъ шрифтомъ буква *K*, а на рубашкѣ, такими же буквами, краснымъ шелкомъ, слово *Абама*.

IV.

Ассирію величественно входила въ Гудсонъ, и пассажиры ее ожидали конца своего путешествія съ самыми различными, противо-

положными чувствами. Элинора и Гресь съ радостью привѣтствовали свое возвращеніе въ счастливый домъ, покинутый ими за годъ передъ тѣмъ, но вмѣстѣ съ этимъ обсуждали съ большимъ жаромъ и нѣвторнымъ безпокойствомъ, удастся ли имъ удержать у себя прекраснаго ребѣнка. Обстоятельство это имѣло для Элиноры особенное значеніе. Очень естественно, что привязанность къ такому хорошенькому существу могла въ короткое время возникнуть въ груди молодой дѣвушки; но къ этому чувству примѣшивалось еще какое-то сознаніе отвѣтственности и необъяснимое предчувствіе несчастья. Это послѣднее еще болѣе укрѣпилось въ ней отъ пристальнаго наблюденія за выраженіемъ лица Оливера Вернона. Дѣвушка эта такъ была одарена женственною проникательностью, что почти мгновенно угадывала мысли людей, съ которыми ей приходилось часто имѣть дѣло. Она прочла на добромъ лицѣ Вернона, обращенномъ къ ребѣнку сожалѣніе и опасенія— и ея быстрый умъ спѣшилъ раздѣлить его чувства.

Гресь, болѣе легкомысленная и потому не столь проникательная, обращала почти все свое вниманіе на другое обстоятельство, доставлявшее ей постоянную забаву. Госсамеръ Ван-Донкъ продолжалъ ухаживать за нею, и такъ открыто, что не могло быть никакихъ сомнѣній въ его намѣреніяхъ. Ревность его обращалась то на Эліота, то на Кутберта Бойнтона, то на Стивена Дангерфильда, и онъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы превзойти ихъ своими частыми переодѣваніями и болтовнею. Самые сильныя подозрѣнія его, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, были ошибочно направлены; однако, пользуясь содѣйствіемъ своего союзника, ловкаго Стаггерса, и опытными совѣтами своей матери, Госсамеръ удачно завлекъ Эліота въ общество мисъ Церлigny и Виолеты и даже взялъ съ него слово побывать у нихъ въ Нью-Портѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Стивенъ Дангерфильдъ слѣдилъ съ любопытствомъ за этой комедіей, вовсе не подозрѣвая, что хорошенькая Гресь начинала овладѣвать его честнымъ сердцемъ. Правда, онъ иногда очень радовался, когда ему удавалось разстроить планы Госсамера, добивавшагося всегда чести гулять рядомъ съ Гресь по палубѣ или сидѣть подлѣ нея за обѣдомъ; но онъ приписывалъ это чувство удовольствія спорѣ къ неприязни, питаемой имъ къ Госсамеру, котораго онъ презиралъ, какъ глупаго франта и выскочку.

Робертъ Эліотъ съ удовольствіемъ и любопытствомъ помышлялъ о предстоящемъ ему путешествіи по Америкѣ. Семейство его происходило отъ длиннаго ряда ваговъ, и его отецъ теперь засѣдалъ въ парламентѣ. Нѣкоторые изъ его предковъ были министрами, но они не принадлежали къ современному отбънку ихъ партіи,

члены которой почти всегда, ставъ во главѣ правительства, дѣлаются торіями. Они были искренніе прогрессивные либералы, и считали долгомъ дѣлать уступки народу по мѣрѣ того, какъ онъ достигалъ необходимой степени развитія и образованія для благоразумнаго пользованія ими; они ненавидѣли притѣсненія какого бы ни было рода, и считали, что никакое правительство, гнетущее какою нибудь національностью, секту или класъ, не могло быть хорошимъ и долговѣчнымъ. Воспитанный въ подобныхъ идеяхъ, Робертъ Эліотъ могъ безъ предубѣжденія изучить устройство страны, болѣе свободной, хоть номинально, чѣмъ его родина. Вполнѣ убѣжденный, что при настоящихъ обстоятельствахъ, существующая форма правленія въ Великобританіи была благодѣтельна для англичанъ, онъ никогда не позволялъ себѣ утверждать, что республиканское правленіе было пагубно для американцевъ. Напротивъ, онъ признавалъ особеннымъ благодѣніемъ провидѣнія для стараго свѣта, что республиканская свобода существовала, не потому, чтобы было необходимо все отъ нея заимствовать слѣпо, что, конечно, не принесло бы пользы, но подобный примѣръ непремѣнно побуждаетъ къ постепенному измѣненію въ нравахъ, воспитаніи и умственномъ развитіи народовъ. Слѣдовать подобному примѣру—значить идти къ свѣту, къ счастью; отвергать его—значить возвращаться къ мраку и бѣдствіямъ феодальныхъ временъ.

Казалось бы страннымъ, чтобы Робертъ Эліотъ съ его воспитаніемъ и идеями, могъ сойтись съ рабовладѣльцемъ; однако, дѣйствительно, за исключеніемъ Вернона и Дангерфильда, къ которымъ онъ питалъ особенное уваженіе, Эліотъ изъ числа всѣхъ пассажировъ на *Ассуріи* болѣе всѣхъ полюбилъ южнаго плантатора Кутберта Бойнтона. Это происходило, конечно, скорѣе отъ социальной, чѣмъ отъ моральной симпатіи. Эліотъ былъ сынъ англійскаго помѣщика и привыкъ жить въ кругу людей, положеніе которыхъ въ свѣтѣ было обезпечено и которые, слѣдовательно, не были принуждены, подобно многимъ сѣверянамъ, стараться постоянно и иногда самымъ смѣшнымъ образомъ выказывать себя. Генеральша Ван-Донкъ казалась ему разодѣтой кухаркой, мистеръ Госсамеръ Ван-Донкъ—франтомъ-прикащикомъ, а мистеръ Максвиндль, занимавшій такое высокое положеніе въ своемъ городѣ—просто пьянымъ матросомъ. Спригъ и Слаймеръ были, по его мнѣнію, изъ рукъ вонъ грубы и неприличны, и издаваемый имъ «Нью-Йоркскій Глашатай» не могъ сравниться даже съ самыми послѣдними провинціальными газетами стараго свѣта. Кромѣ того и лица всѣхъ этихъ людей были очень несимпатичны: жесткіе рты, жадные, хитрые глаза и отвратительно обстриженныя боро-

ды. Они говорили очень въ носъ, черезъ каждые два-три слова произносили *сэръ*, съ особеннымъ удареніемъ называли плантадоны—*итанами*, и многіе изъ нихъ жевали табакъ.

Вотъ нѣкоторыя непріятныя черты, очень поразившія Эліота въ окружающихъ его американцахъ. У Кутберта Бойнтонна не было этихъ недостатковъ; онъ былъ одаренъ всѣми привлекательными и очень немногими отталкивающими качествами, присущими тѣмъ социальнымъ условіямъ, при которыхъ онъ родился. Хотя онъ и провелъ большую часть своей жизни на родинѣ, на хлопчатобумажной плантаціи, на которой работало отъ двухъ до трехсотъ негровъ, но обстоятельства сильно измѣнили то моральное равнiе, которое человѣкъ обыкновенно получаетъ выросши посреди рабовъ. Отецъ его былъ диктаторъ и чрезвычайно гуманнiй человѣкъ; самъ же Кутбертъ много путешествовалъ въ Европѣ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ германскихъ университетахъ и пообтерся въ высшемъ обществѣ главнѣйшихъ западныхъ столицъ. Поэтому онъ отличался большой научитанностью, удивительнымъ свѣтскимъ лоскомъ и изящными манерами. Онъ былъ нѣженъ какъ женщина и храбръ какъ левъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ независимъ, рѣшителенъ въ обращеніи, какъ человѣкъ, увѣренный въ своемъ положеніи, что вы чаще найдете въ людяхъ, живущихъ на доходы со своихъ имѣній, чѣмъ въ негоціантахъ и торговцахъ; это послѣднее качество и было главной точкой симпатіи между нимъ и Эліотомъ; оно всего болѣе сдѣйствовало ихъ сближенію, несмотря на разность ихъ характеровъ, и кончилось тѣмъ, что англичанинъ съ признательностью принялъ дружеское приглашеніе рабовладѣльца посѣтить зимой его плантацію въ Сѣверной Алабамѣ.

Оливеръ Вернонъ видѣлъ и понималъ, что происходило въ мысляхъ Эліота, какъ человѣкъ, испытавшій на себѣ то же самое.

— На сѣверѣ общество находится въ неопредѣленномъ, переходномъ положеніи, сказалъ онъ однажды:—тогда какъ на югѣ оно достигло самой опредѣленной и совершенной формы, возможной при существованіи рабства. Югъ имѣетъ сильную организацію, какова бы она тамъ ни была, тогда какъ сѣверъ не имѣетъ никакой. Самое возвышенное, идеальное общество должно существовать въ странѣ земледѣльческой, а не торговой. Все равно, хорошо ли или дурно рабство, но территоріи, въ которыхъ оно существуетъ, имѣютъ въ этомъ случаѣ большое преимущество.

— Такъ это сильный аргументъ въ пользу существующей тамъ системы, возразилъ Эліотъ.

— Нимало, отвѣчалъ Вернонъ:—существующая система не имѣетъ рѣшительно съ этимъ ничего общаго; хорошее воспита-

ше и умственное развитіе такъ же мало происходятъ отъ невольничества, какъ черноземъ въ долині Миссисипи отъ демократіи. Произведенія юга обрабатываются на большихъ плантаціяхъ и пемѣщики при свободномъ трудѣ имѣли бы меныше доходу и свободнаго времени, чѣмъ теперь, чтобы заниматься умственнымъ развитіемъ и социальными улучшеніями.

— Но вѣдь конечно и сѣверъ также земледѣльческая страна? продолжалъ Эліотъ.

— Не въ такой исключительной степени, отвѣчалъ Вернонъ:— на сѣверѣ раздѣленіе поземельнаго имущества гораздо значительнѣе и коммерческой интересъ преобладаетъ надъ всѣмъ другимъ; притомъ существуютъ еще другія важныя причины, препятствующія развитію его общества. Главнѣйшая заключается въ догматѣ всеобщаго социальнаго равенства, какъ его понимаетъ громадная толпа необразованныхъ заграничныхъ выходцевъ. Всѣ они пользуются правомъ подачи голоса и, благодаря своей многочисленности, замѣщаютъ важнѣйшія должности въ государствѣ себѣ подобными людьми, такъ что всѣ общественныя должности унижены до такой степени, что образованный и порядочный человѣкъ не рѣшится занять ихъ. Взгляните на Максвилья и судите сами. У насъ тысячи подобныхъ ему, которые, несмотря на унижительную политику, возвысившую ихъ, требуютъ и пользуются извѣстнымъ почетомъ, что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе понижаетъ уровень общественныхъ дѣятелей.

— Я это понимаю, сказалъ Эліотъ: — но никакъ не могу постигнуть, какимъ образомъ въ странѣ, гдѣ столько такихъ возвышенныхъ умовъ, какъ вашъ, не замѣтятъ этого зла и не исправить его.

— Его замѣчаютъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, отвѣчалъ Вернонъ: — но разныя причины препятствуютъ его исправленію. Такимъ образомъ, пока голоса иностранцевъ будутъ поддерживать невольничество, до тѣхъ поръ всякое законное ограниченіе зла окажется труднымъ и даже неисполнимымъ. Потому многіе изъ насъ, сознающіе въ душѣ, что всеобщая подача голосовъ преждевременна, не рѣшаются высказать своего мнѣнія, чтобы не лишиться популярности. Другіе же, хотя и недовольны результатами, все еще убѣждены въ своей любимой теоріи, что наибольшее счастье большинства зависитъ отъ всеобщей подачи голосовъ. Они не видятъ оборотную сторону медали и не хотятъ допустить, что наибольшее несчастье большинства именно происходитъ отъ предоставленія имъ правъ и преимуществъ, которыми они не умѣютъ пользоваться.

— Но какимъ же образомъ разрѣшить этотъ вопросъ? Вѣдь

если нельзя пресѣчь болѣзнь, то она неминуемо должна увлечь больного въ могилу?

— Я боюсь, что этотъ недугъ долженъ идти своимъ чередомъ, отвѣчалъ Вернонъ:—пока наконецъ настанетъ минута излеченія или смерти. Впродолженіе послѣднихъ дѣтъ замѣтны признаки страшнаго политическаго броженія. Неестественный союзъ рабовладѣльцевъ съ ложной демократіей сѣвера сгнулъ до основанія и вскорѣ долженъ распасться. Тогда разразится ужасная гроза, которая уничтожитъ тѣхъ, которые ее вызвали, но никто не въ состояніи предвидѣть, что она оставитъ.

— Не обыкновенное ли историческое наслѣдство, замѣтилъ Эліотъ:—военный деспотизмъ?

— Избави Богъ, торжественно отвѣчалъ старикъ:—я слишкомъ вѣрю въ разумъ американцевъ. Народныя школы сильнѣе штыковъ, и онѣ принесли болѣе плодовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ какой другой націи. Военный деспотизмъ находитъ себѣ поддержку въ невѣжествѣ массъ, и потому онъ пожалуй возможенъ между нищенскимъ бѣлымъ населеніемъ рабовладѣльческихъ штатовъ, но едва-ли въ новой Англіи или на берегахъ Огіо.

На кормѣ парохода сидѣли Элинора Грѣзбрукъ и Кутбертъ Бойнтонъ, восхищаясь чудной панорамой, быстро раскрывавшейся передъ ними. Маленькая Али стояла подлѣ, и молодой человѣкъ игралъ ея прекрасными кудрями. Грѣсъ и Стивенъ тутъ же разговаривали, совершенно на свободѣ, такъ-какъ Госсамеръ, неособенно любившій красоты природы, сводилъ расчеты съ буфетчикомъ и облачался въ совершенно новый *сютъ*, чтобы поразить таможенныхъ чиновниковъ.

Санди-Гукъ съ своими грозными бастіонами, красивые Навесинскіе голубые холмы, отражающіеся въ чудныхъ водахъ залива, веселый Шрюсбери, таинственно скрывающійся въ глубинѣ джерсейскаго берега, лабиринтъ островковъ, разбросанныхъ вокругъ Огненнаго Острова и Ямайки, даже классическій Конъ—миновали одно за другимъ передъ глазами восхищенныхъ зрителей, и наконецъ они поровнялись съ тѣмъ чуднымъ островкомъ, который англичане прозвали *американскимъ Вайтомъ*.

— Жители Статена ужасно гордятся своимъ островкомъ, замѣтила Элинора:—виды съ него дѣйствительно чудно хороши и внутренность также очень живописна. Да и самыя домики отличаются вкусомъ, роскошью и какою-то законченностью, столь несвойственными американскимъ дачамъ.

— Миѣ вѣжется, что эти дома слишкомъ тѣсно построены, сказалъ Кутбертъ, указывая на дачи, возвышавшіяся на противоположныхъ высотахъ: — нѣкоторая изолированность необходима

для порядочнаго жилища, это придаетъ ему достойный, приличный видъ.

— Чрезвычайно трудно достигнуть этого по близости многлюднаго города, отвѣчала молодая дѣвушка:—и это зло, если оно дѣйствительно зло, еще болѣе увеличится, такъ-какъ Нью-Йоркъ, говорятъ, до того быстро разрастается, что въ скоромъ времени каждый клочокъ земли на берегу будетъ густо населенъ.

— Очень жаль, сказалъ плантаторъ:—ничто не портитъ такъ красоту городскихъ окрестностей, какъ быстрое возрастаніе народонаселенія, которое у насъ происходитъ отъ ежегодно увеличивающейся иностранной эмиграціи. Посмотрите! даже эти хорошенькія деревни на берегу поражаютъ грязью, которую мы прежде встрѣчали только въ Старомъ свѣтѣ, и которая не должна бы быть терпима въ свободной, счастливой Америкѣ.

— Не вамъ бы жаловаться на это, возразила Элинора:—дядя Ноль всегда говоритъ, что главная причина скопленія этого гласа народа въ большихъ городахъ происходитъ оттого, что ихъ поощряютъ оставаться тамъ съ цѣлью пріобрѣсти ихъ голоса въ пользу юга, и пересилить такимъ образомъ вліяніе нашихъ земледѣльческихъ округовъ.

Молодой человекъ улыбнулся.

— Сказать правду, мы неособенно гордимся нашими союзниками, но они приносятъ намъ существенную пользу, несмотря на свое безобразіе. Мы нуждаемся не въ трудѣ ихъ, а въ голосахъ—поэтому они первое доставляютъ сѣверу, а намъ второе. Обѣ стороны получаютъ то, въ чемъ всего болѣе нуждаются; и мнѣ кажется, нечего жаловаться на эту сдѣлку.

— Но, воскликнула Элинора:—развѣ справедливо, или даже политично пользоваться вліяніемъ, основаннымъ на одномъ невѣжествѣ? Можетъ ли истинная республика существовать на подобныхъ основаніяхъ?

— Мы полагаемъ, что если голоса дадутъ перевѣсъ правой сторонѣ, то все равно, поданы ли они по незнанію, или нѣтъ. Республика можетъ только существовать, пока югъ будетъ пользоваться голосами заграничныхъ переселенцевъ; но когда переселеніе уменьшится, или аболюціонистская партія до того усилится, что пересилитъ его, югъ непремѣнно оставитъ союзъ. Южане никогда не позволятъ, чтобы ими управляли пригвозные и торгаши сѣвера.

— Развѣ они не любятъ союза, не любятъ свою родину?

— Они считаютъ союзъ лишь узами взаимнаго интереса, которія можно расторгнуть всегда, какъ только потребуетъ этого тотъ же интересъ. Ихъ патриотизмъ болѣею частію заключается

въ вѣриванности къ родному штату, а не къ союзу. Первое они считают конкретной, живой дѣйствительностью, а второе— абстрактомъ, временной мѣрой необходимости.

— Но мы, сѣверяне, думаемъ совершенно иначе. Меня учили съ ранней молодости, что мое отечество простирается отъ Озеръ до Антильскаго моря; что Миссисипи—то же для насъ, что Гудсонъ; что Мэнъ и Алабама—одно и то же, что Луизиана, Флорида, Техасъ, Калифорнія, куплены ли они, завоеваны или присоединены Соединенными Штатами—составляютъ нераздѣльную часть нашего отечества, точно такъ же, какъ и первоначальныя тринадцать колоній. Меня учили, что кровь и богатства послѣдующихъ поколѣній присоединились къ крови и богатствамъ предъидущихъ, чтобы создать единое, великое, богатое государство, цѣлесообразное, какъ Франція или Англія, но только гораздо пространнѣе и могущественнѣе ихъ. Я твердо вѣрила съ младенчества, что эта цѣль указана въ нашей конституціи, выражена нашими государственными людьми, принята и утверждена волею народа; и что, несмотря на могущія потребоваться въ будущемъ преобразованія, отъ увеличивающагося народонаселенія, новыхъ условій и дальнѣйшаго развитія, мы все же останемся всегда и вѣчно одной націей.

— Конечно, это возвышенный идеаль, грустно замѣтилъ Кутбертъ: — но если, милая мисъ Грэзбрукъ, подобное положеніе благотвѣтельно для однихъ, и пагубно другимъ?

— Эти несообразности можно согласовать, сказала Элинора: — конечно, въ наше просвѣщенное время, подобныя несогласія можно примирить, то-есть, разумѣется, если люди, находящіеся въ главѣ правленія, искренно хотятъ поступать справедливо; но если нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, будутъ употреблять всѣ свои старанія, чтобы сохранить и распространить ужасное зло, считая, или по крайней мѣрѣ проповѣдая, что нравственное, равно какъ и матеріальное благосостояніе народа зависитъ отъ подобной политики — тогда, я полагаю...

Она остановилась изъ деликатности, сознавая, что слишкомъ далеко увлеклась серьезнымъ разговоромъ, и не желая обидѣть челоуѣка, который изъ приличія не можетъ отвѣтить такъ же рѣзко.

Кутбертъ замѣтилъ ея неловкое положеніе, и тотчасъ поспѣшилъ къ ней на помощь.

— Пожалуйста, продолжайте, мисъ Грэзбрукъ, добродушно сказалъ онъ:— пожалуйста, продолжайте. Хотя я не могу согласиться со словами оракула, но его жрица, конечно, даетъ ему право на почтительное вниманіе. Въ случаѣ окончательнаго роковаго столкновенія враждебныхъ интересовъ, вы полагаете...

— Я полагаю, и твердо вѣрю, рѣшительно произнесла Элинора: — что въ такомъ случаѣ, та сторона непременно возьметъ верхъ, которая стоитъ за право и справедливость.

— Я не буду оспаривать вашего предсказанія! воскликнулъ смѣясь молодой человекъ: — но еслибъ мы только были увѣрены въ его исполненіи, то смотрѣли бы совершенно спокойно на будущее.

Элинора поняла его намекъ, но не продолжала разговора; и Кутбертъ Бойнтонъ также замолчалъ. Онъ уже начиналъ чувствовать въ этой блѣдой, задумчивой дѣвушкѣ какое-то особенное влеченіе, котораго лѣнивыя, апатичныя красавицы юга не могли до сихъ поръ возбудить въ немъ. Хотя онъ, конечно, со свѣтской точки зрѣнія былъ бы блестящей партією и для болѣе богатой и знатной невѣсты, чѣмъ Элинора Грэзбрукъ, но онъ вполнѣ сознавалъ, что подобныя расчеты имѣли весьма мало вліянія, какъ на самую Элинору, такъ и на Оливера Вернона — ея опекуна. Сила ея убѣжденій по вопросу о рабствѣ выразилась достаточно ясно во многихъ разговорахъ, подобныхъ предъидущему, но Кутбертъ не считалъ это особеннымъ препятствіемъ къ достиженію той мечты, которая мало-по-малу сдѣлалась цѣлью его жизни. Конечно, женщина, чувствовавшая и говорившая подобнымъ образомъ, не могла быть хозяйкою на южной плантаціи; но онъ зналъ многихъ хорошо-воспитанныхъ дѣвицъ сѣвера, которыя, покинувъ свою среду, вскорѣ совершенно мирились съ «домашнимъ учрежденіемъ», а можетъ быть и нѣтъ — прибавлялъ онъ черезъ минуту, и погружался въ мрачную дебри сомнѣній и опасеній. «Быть можетъ, Элинора послѣдуетъ ихъ примѣру», думалъ Кутбертъ.

Мистрисъ Ван-Донкъ съ подозрѣніемъ и негодованіемъ слѣдила за Кутбертошъ и мисъ Грэзбрукъ. Особенный инстинктъ заставлялъ ее всегда чутъ, когда въ воздухъ нахло сватьбой. Она жестоко и неуклонно преслѣдовала каждаго мужчину, котораго, быть можетъ, не иначе оставила бы въ покоѣ, какъ развѣ замѣтила бы наклонность къ браку не съ кѣмънибудь другимъ, а съ ея дочерью. Славная штука, нечего сказать, произносила она шопотомъ на ухо Стаггерсу: такая дѣвчонка какъ Нели Грэзбрукъ; отецъ — умеръ отъ пьянства, мать — да ужъ лучше и не говорить о ней — и вдругъ вздумала поймать въ свои сѣти молодого Бойнтонъ, родственники котораго засѣдали въ конгрессѣ, и котораго семейство почти можетъ равняться съ Ван-Донками. Ая-да Нели Грэзбрукъ.

— А сколько у ней можетъ быть капиталца? спросилъ Стаггерсъ, задумываясь.

Мистрисъ Ван-Донкъ не знала навѣрное, но полагала, что тысячъ десять или около того, и потому она совѣтовала Госсамеру держаться отъ нея подальше. Вотъ Грэсъ Вернонь — дѣло другое; она должна наследовать все состояніе старика Вернона. Ихъ семейство славное, старинное, ну какъ разъ невѣста милому Госси. Кутбертъ Бойнтонъ, однако, намѣревался ѣхать на югъ не раньше зимы, и потому Стаггерсу слѣдовало бы заманить его къ нимъ въ домъ, или еще лучше въ Ньюпортъ. Потомъ тутъ еще былъ Стивенъ Дангерфильдъ — но въ немъ было что-то странное. Посмотрите, какъ онъ играетъ платкомъ Грэсъ Вернонь, которую она считала почти своею дочерью. Вообще во всѣхъ отношеніяхъ, генеральша Ван-Донкъ была очень довольна, что ея путешествія вскорѣ должны кончиться.

Стивенъ Дангерфильдъ, по замѣчанію мистера Стаггерса, дѣйствительно очень сильно пріударилъ за хорошенькой Грэсъ. Его умъ терзало нѣчто, заставлявшее его желать какъ можно скорѣе доѣхать до дому, но по мѣрѣ приближенія къ желанному концу, онъ начиналъ находить утѣшеніе своимъ грустнымъ мыслямъ, и часто думалъ, какъ близко и удобно ему будетъ ѣздить изъ Дангерфильдскаго пріюта въ помѣстье Вернона. Къ счастью, эти планы не дошли до свѣдѣнія мистрисъ Ван-Донкъ, и были извѣстны только Грэсъ. Оливеръ Вернонь съ нетерпѣніемъ жаждалъ быть снова у себя дома. Онъ имѣлъ множество друзей въ окрестностяхъ, и огромное число бѣдныхъ, которымъ постоянно помогалъ, и его доброе сердце жаждало узнать, хотя онъ и вполнѣ довѣрялъ своему повѣренному Давиду Гринвуду, окружены ли они и безъ него тѣми же удобствами и счастьемъ, какъ при немъ. Кромѣ этого, его мучило одно страшное подозрѣніе, которое онъ желалъ какъ можно скорѣе развяснить, хотя бы это и причинило ужасное горе и ему и другимъ; но не будемъ забѣгать впередъ въ нашемъ разказѣ.

Черезъ часъ съ небольшимъ, насталъ конецъ всѣмъ опасеніямъ и сомнѣніямъ, терзавшимъ маленький міръ *Ассиріи*; величественный пароходъ спокойно выпускалъ пары у пристани, а разнородные, разноплеменные пассажиры его разбрелись по всѣмъ направленіямъ въ многолюдной комерческой столицѣ Новаго-Свѣта.

V.

Былъ пасмурный, сентябрскій вечеръ; мрачныя, дождевыя тучи застилали все небо и только изрѣдка мерцающій лучъ заходящаго солнца пробивался сквозь темную массу и на мгновеніе уныло освѣщала величественное, старинное зданіе, возвышавшее-

ся на одномъ изъ тѣхъ живописныхъ холмовъ на берегу Гудсона, которые первыми поселенцами были названы Палисадами. Древнее жилище это было колыбелью американской вѣтви рода Дангерфильдовъ, родоначальникъ которой, пламенный приверженецъ Стюартовъ, бѣжалъ изъ Англiи по воцаренiи Вильгельма, и поселился въ этомъ живописномъ мирномъ уголкѣ, гдѣ нашелъ счастье и спокойствiе подъ конецъ своей бурной, тревожной жизни. Давъ ему вѣчное названiе «Прiюта» и пристрастившись къ нему всею душою, старикъ внушилъ эту любовь и своимъ дѣтямъ, которые въ свою очередь передали ее отдаленнымъ потомкамъ. Дѣйствительно, живописность мѣста вполне заслуживала такую привязанность. Съ одной стороны великолѣпный видъ простирается по теченiю Гудсона, столь славящагося красотой своихъ береговъ, до самого океана, съ другой—до красивыхъ высотъ кошачьихъ горъ. Безчисленныя суда, пароходы, лодки, снующiе по всѣмъ направленiямъ, почти непрерывный рядъ деревень и пристаней по берегамъ, придаютъ жизнь и разнообразiе ландшафту, а поразительный контрастъ между шумнымъ, дѣятельнымъ Нью-Йоркомъ, виднѣющимся вдаль на востокѣ, и мирными нивами и зелеными лугами, разстилающимися на западѣ, какъ-бы увеличиваетъ прелесть уединеннаго уголка, гдѣ возвышается *Дангерфильдскiй Прiютъ*.

Самое зданiе, несмотря на свою ветхость, было еще очень крѣпко и представляло странное, но живописное смѣшенiе различныхъ построекъ и архитектурныхъ стилей: такъ первоначальное строенiе было каменное, двухъэтажное, въ видѣ паралелограмма съ башней на одномъ концѣ, а одинъ изъ флигелей, также каменный, но гораздо выше, другой же кирпичный. Тѣ же самыя несообразности замѣтны были и въ украшенiяхъ, въ которыхъ стиль Тюдоровъ встрѣчался рядомъ со стилемъ Елисаветы. Передъ домомъ простирался зеленый лужокъ, окаймленный красивыми алумбами цвѣтовъ. Въ этотъ садъ, между прочими комнатами, выходили окна и библиотеки, любимѣйшаго уголка всѣхъ Дангерфильдовъ. Это была большая старомодная, но очень красивая комната съ овальными, глубокими овнами и деревянными стѣнами изъ неполированного дуба. Шкафы, столы и стулья были изъ того же дерева; перешитыя книги также отличались темными цвѣтами, такъ что комната имѣла бы очень грустный видъ, еслибъ глазъ не развлекался зеленымъ сафьяномъ, покрывавшимъ конторки и всю остальную мѣбель.

Въ этой-то комнатѣ Мартинъ Дангерфильдъ проводилъ болѣешую часть своей жизни въ послѣднiе пятнадцать лѣтъ. Въ молодости онъ жилъ очень весело, игралъ въ карты, пьянствовалъ, и его имя было связано со многими неприличными похождениями,

но все же онъ никогда не былъ замѣченъ въ тѣхъ проступкахъ, которые въ свѣтѣ считаются безчестными. Онъ всегда платилъ долги, несмотря на трудность своего положенія, щедро подписывался на благотворительныя предпріятія и часто ходилъ въ церковь. Онъ былъ очень строгихъ правилъ о чести и считалъ свою фамилію и родовое имѣніе священнымъ залогомъ, которое обязанъ передать своему сыну такимъ же незапятнаннымъ и въ такой же цѣлости, каковымъ онъ его получилъ отъ своихъ праотцевъ. До сорока-пяти лѣтъ онъ жилъ широко, въ полномъ смыслѣ этого слова, но съ того времени вдругъ измѣнилъ свой образъ жизни и сосѣди начали говорить, что мистеръ Дангерфильдъ исправился. Никто, разумѣется, не могъ сказать, что онъ въ тайнѣ отъ всѣхъ дѣлалъ, но только въ пріютѣ уже не было болѣе картежныхъ вечеровъ, пьянства и кутежей.

Общее мнѣніе полагало, что переимѣна эта произошла отъ рѣзкой выходки его единственного сына, Стивена. Легкомысленный, горячій юноша дѣйствительно не разъ долженъ былъ переносить капризы и несправедливости своего вспыльчиваго, властолюбиваго и часто пьянаго отца; мать же у него, къ несчастью, умерла, когда ему было всего десять лѣтъ. Однажды послѣ подобной сцены, пятнадцатилѣтній мальчикъ бѣжалъ изъ родительскаго дома. Увлеченный своимъ вспыльчивымъ характеромъ, мальчикъ дошелъ до Нью-Йорка, гдѣ, благодаря своему здоровому и крѣпкому тѣлосложенію, ему нетрудно было наняться матросомъ на судно, отходившее въ Китай. Корабль уже былъ далеко въ морѣ, когда отцу удалось узнать, куда бѣжалъ его сынъ, который, впрочемъ, оставилъ письмо, извѣщающее объ его поступкѣ. Стивенъ, по возвращеніи домой, засталъ отца совершенно измѣнившимся. Встрѣча ихъ была какъ нельзя дружелюбнѣе и эти отношенія съ тѣхъ поръ не измѣнялись. Изъ грубаго, дикаго кутяки, Мартинъ Дангерфильдъ превратился въ тихаго, смиреннаго отшельника. Послѣ той ночи, въ которую Стивенъ бѣжалъ изъ-подъ родительской кровли, онъ никогда не слышалъ, чтобы его отецъ когда вибудь сердился или возвышалъ голосъ; напротивъ, онъ обращался съ молодымъ человекомъ со всею возможною нѣжностью, какъ-будто желая заставить его забыть прежнее свое грубое обращеніе.

Мартину Дангерфильду теперь было около шестидесяти лѣтъ отроду, но на видъ онъ казался гораздо старше, ибо совершенно сгорбился, посѣдѣлъ и глубокія морщины покрывали его чело. Несмотря на природную крѣпость тѣлосложенія, слишкомъ продолжительныя кутежи разстроили его здоровье. Лицо его обыкновенно выражало какое-то боязливое смиреніе. Странно было видѣть, какъ тѣ же самыя черты лица у сына выражали откровенность

и неустрашимое мужество. Стивенъ проводилъ время большею частію вдали отъ дома, гдѣ онъ не могъ пользоваться ни обществомъ, ни удовольствіями, до которыхъ былъ большой охотникъ. Онъ прошелъ весь курсъ юридическихъ наукъ, но, повидимому, не питалъ ни малѣйшаго желанія поступить въ адвокаты. Любовь къ путешествію все еще преобладала въ немъ, и такъ-какъ отецъ давалъ ему на это достаточно денегъ, и онъ считалъ себя обеспеченнымъ въ будущемъ, то вполне и предавался своей страсти. Однако, хотя между ними никогда не было денежныхъ неурядицъ и Мартинъ Дангерфильдъ вообще оказывалъ сыну большое довѣріе въ другихъ предметахъ, старикъ никогда не говорилъ съ нимъ о финансовомъ своемъ положеніи. Стивенъ, разумѣется, зналъ, что у его отца были фермы, дома и поля, съ которыхъ онъ получалъ постоянный доходъ, отдавая ихъ въ аренду, но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о суммѣ всѣхъ доходовъ и о томъ, не было ли у отца долговъ. Незадолго только до начала настоящаго разсказа онъ узналъ, что его отецъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ употребилъ большія суммы для неизвѣстныхъ цѣлей; одню было достовѣрно, что эти деньги не пошли на хозяйство и не принесли никакого дохода.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ мы говоримъ, Мартинъ Дангерфильдъ сидѣлъ въ своей библиотекѣ и принималъ гостя, чтò съ нимъ въ послѣдніе годы случалось очень рѣдко. Этотъ гость былъ высокій, красивый мужчина лѣтъ около сорока-пяти, очень изящно одѣтый, но въ манерахъ котораго проглядывало какое-то нахальство, а на лицѣ играла безпокойная, саркастическая улыбка.

— Уйдите своего щенка, Мартинъ Дангерфильдъ, грубо воскликнулъ онъ послѣ довольно горячаго разговора со старикомъ:—я теперь уже не такой добрый, какъ бывало, и могу больно отгрызнуться. Въ настоящую минуту онъ ни въ всякой опасности, благодаря его же собственному безумію, но онъ скоро воротится и снова станетъ меня преслѣдовать. Совѣтую вамъ его привязать, ибо я остаюсь у васъ здѣсь, понимаете? и не хочу, чтобы какойнибудь щенокъ смѣлъ меня безпокоить послѣ всего, чтò я уже перенесъ.

— Онъ дѣйствовалъ по своему собственному разумѣнію, а не по моему совѣту, отвѣчалъ старикъ, и морщинистыя щоки его покрылись багровымъ румянцемъ:—скажите, ради-Бога, зачѣмъ мнѣ мѣшать его въ эту исторію? Онъ открылъ безъ моей помощи, что кто-то мнѣ вредитъ, дѣлаетъ меня несчастнымъ, и разоряетъ его будущее состояніе. Онъ просилъ у меня объясненія—я отказалъ ему. Тогда онъ сталъ подозрѣвать, и на сколько вы справедливо сами можете судить, что какойнибудь хитрый интригантъ эксплуа-

тируетъ слабого, довѣрчиваго старика, и какъ истинно хорошій сынъ, принялся разыскивать тайну, чтобы помочь своему отцу.

— Эти поиски не приведутъ его къ добру. Я не хочу, чтобы мнѣ надоѣдали и не позволю этого никому. Я вернулся сюда, чтобы жить покойно, счастливо—однимъ словомъ, хочу наслаждаться жизнью, и вы должны позаботиться, чтобы по крайней мѣрѣ никто изъ вашего семейства не становился мнѣ поперегъ дороги.

— Но зачѣмъ вамъ было возвращаться—вѣдь свѣтъ довольно великъ для насъ обоихъ. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы обезпечить вашу будущность, и вы обѣщали остаться тамъ навсегда.

— О! отяѣчалъ незнакомецъ съ лукавой улыбкой:— это было такъ давно. У меня тогда были хорошія причины не оставаться здѣсь и ѣхать туда, а теперь совсѣмъ другое: теперь мнѣ лучше не оставаться тамъ, а воротиться сюда.

— Я полагалъ, что вы разбогатѣли и что тамошнее общество пришло къ вамъ по вкусу.

— О, золота тамъ было довольно, то-есть сначала, но наживать не значитъ беречь.

— Мнѣ сказали, что вы поселились въ Сонорѣ, купили себѣ помѣстье и обзавелись испанкою-женою; такъ что я никакъ не могъ подумать, что вы вернетесь сюда, печально произнесъ Мартинъ Дангерфильдъ.

— Вы слишкомъ мало цѣнили мою привязанность къ вамъ. Я всегда надѣялся возвратиться и провести мои послѣдніе дни у васъ, возразилъ гость веселымъ тономъ:— мнѣ надоѣло въ Сан-Франциско, тамъ слишкомъ много развелось нашего брата. Въ Сонорѣ сначала было превосходно. Мы могли бы вывезти оттуда нѣсколько сотенъ тысячъ, но мой товарищъ, въ несчастіе, сдѣлалъ ужасную неосторожность. Однажды ночью онъ металъ банкъ, и по легкомыслию передернулъ раза два карты, полагая, что играетъ съ грубыми мужиками. Одинъ изъ проигравшихъ замѣтилъ продѣлку, и схвативъ кассу, требовалъ свои деньги назадъ. Послѣдовала ужасная драка, и мой глупый товарищъ застрѣлилъ двухъ человѣкъ, за что дорого заплатился, хотя не отдалъ денегъ. Друзья убитыхъ подняли ужасный шумъ, схватили моего бѣднаго голубчика, и когда я утромъ пріѣхалъ въ городъ, онъ уже былъ повѣшанъ. Тутъ я вдругъ вспомнилъ, что у меня были очень важныя дѣла въ Стоктонѣ, повернулъ лошадь и поскакалъ на западъ.

— Но зачѣмъ имъ было преслѣдовать васъ: вѣдь вы не участвовали въ несчастномъ дѣлѣ вашего товарища?

— Э, тамъ не очень-то строго разбираютъ дѣло. Ваши судьи требуютъ доказательства дѣйствительнаго участія въ преступле-

ни, а тамъ обходятся и безъ этого—разница громаднаа, мистеръ Дангерфильдъ.

— Понимаю, задумчиво произнесъ старикъ:—но развѣ вы при этомъ потеряли все нажитое?

— Отчасти. Не желая возвращаться въ Сонору, я поручилъ вѣрному человѣку устроить мои дѣла; онъ дѣйствительно устроилъ ихъ, но съ вырученными деньгами бѣжалъ въ Европу. Впрочемъ, у меня были еще земли и дома, которые я выгодно продалъ заочно и вернулся въ Сан-Франциско.

— Я послалъ вамъ два векселя по 5,000 фунтовъ каждый и общалъ еще денегъ, если вы тамъ останетесь.

— Я не могъ тамъ долѣе оставаться, какъ бы я ни желалъ этого. Вы видите, мои дѣла были разстроены, а скорѣе они приняли еще худшій оборотъ. Я устроилъ очень хорошее и цвѣтущее маленькое заведеніе и началъ-было поправляться, какъ вдругъ мошенники полицейскіе открыли мою тайну и содрали съ меня все, что было, соглашаясь только подъ такимъ условіемъ не предать меня суду.

— Но вѣдь они долѣе не преслѣдовали васъ, и заплативъ имъ деньги, вы могли остаться тамъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что не могъ. Тамъ возникло особеннаго рода общество, которое изъ филантропическихъ цѣлей вздумало позаботиться о моей участи. Двое изъ членовъ этого *комитета благодѣанія* однажды посѣтили меня, и выразивъ мнѣ, что общество вполне меня уважаетъ и печется о моей будущности, вѣжливо пригласилъ меня уѣхать на кораблѣ, отправлявшемся въ тотъ же вечеръ изъ города.

— И вы рѣшились тогда вернуться сюда, гдѣ ваше присутствіе уже надѣлало столько горя.

— Я подумалъ, что былъ большой дуракъ, согласившись уѣхать отсюда. Оставляя въ сторонѣ мою привязанность къ вамъ, я тогда впервые созналъ, что долгъ повелѣваетъ мнѣ печься о васъ. Но хотя невозможно возвратитъ прошлаго, я рѣшился употребить всѣ свои старанія, чтобы исправить мою ошибку и посвятить вамъ остальную мою жизнь. Поэтому я и отправился въ Новый Орлеанъ, оттуда вверхъ по Миссиссиппи, и вотъ я здѣсь.

— Я не могу ничего для васъ сдѣлать болѣе того, что дѣлалъ до сихъ поръ.

— Положимъ; но здѣсь я болѣе увѣренъ въ васъ; притомъ, я скорѣе получу что мнѣ нужно, и при мнѣ вы будете дѣйствовать рѣшительнѣе. Дѣло, о которомъ вашъ сынъ узналъ, не могло бы дойти до его свѣдѣнія, еслибы вы не такъ страшно

колебались и медлили. Если вы и впредь будете такъ же вялить, онъ еще болѣе узнаеть, а это вамъ будетъ не очень пріятно.

Старикъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Однимъ словомъ, Джемсъ Кэревудъ, воскликнулъ онъ сердито:—однимъ словомъ, чего же вы наконецъ отъ меня хотите?

— Однимъ словомъ, отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ Кэревудъ:—денегъ и много денегъ. Не какія нибудь мизерныя сотни, а тысячи, однимъ словомъ—сколько мнѣ понадобится. Потому я хочу добиться положенія въ обществѣ, остепениться и вступить въ законный бракъ съ дочерью одного изъ вашихъ сосѣдей; тутъ, говорятъ, много почтенныхъ семействъ. У васъ въ домѣ должны быть всегда готовы комнаты для меня, когда я ни приѣду. Мнѣ здѣсь очень нравится, и мнѣ пора отдохнуть.

— Что касается до денегъ, отвѣчалъ Мартинъ Дангерфильдъ:—то никакое состояніе не могло бы удовлетворить вашихъ требованій. Развѣ могу я разорить въ конецъ моего сына? Вы хотите меня довести до крайности. Дѣйствуйте такъ, и вы ничего не получите. Я не могу вамъ доставить столько денегъ. У меня нѣтъ средствъ на это.

— Вы можете достать деньги. Вотъ это имѣніе...

— Никогда! сердито воскликнулъ старикъ:— я не заложу ни одной пяди земли. Вы можете отобрать у меня послѣдній грошъ, но я не разорю состоянія моего сына.

— Постоите, сказалъ Кэревудъ, задумываясь и вынимая бумажникъ:— онъ отплылъ семнадцатаго и, конечно, вернется назадъ, едва приѣдетъ въ Англію. Поэтому мы можемъ ожидать его недѣли черезъ три.

— Я знаю, на что вы намекаете, воскликнулъ Дангерфильдъ:— но я могу помѣшать этому, я могу передать имѣніе опекунамъ, и тогда вы ничего не сдѣлаете, даже если откроете все сыну.

— Вы не разъ это и прежде говорили, но никогда не исполните вашихъ угрозъ. Сынъ вашъ захочетъ когда нибудъ жениться. Пора бы вамъ подумать объ этомъ. Думали ли вы о такомъ важномъ вопросѣ? Вы гордитесь этимъ имѣніемъ, жилищемъ и наслѣдствомъ вашего рода; кто же наслѣдуетъ его послѣ вашего сына? Гдѣ наслѣдникъ, который продолжитъ этотъ безукоризненный, незапятнанный родъ?

Старикъ слегка вздрогнулъ, голосъ его немного дрожалъ, но онъ рѣшительнымъ тономъ произнесъ:

— Смѣйтесь сколько хотите, Кэревудъ. Всему есть предѣлъ, и даже моей слабости. Чтò бы ни случилось, но имѣніе никогда не будетъ ни заложено, ни продано.

— Увидимъ. Очень можетъ быть, что я не потребую этой

жертвы на алтарь дружбы. Но берегитесь, Мартинъ Дангерфильдъ, продолжалъ онъ, вдругъ перемѣняя тонъ: — съ этого времени я уже не буду попусту терять словъ. Я пріѣхалъ сюда не просить и разсуждать, а приказывать. Помните, и его лицо приняло угрожающее выраженіе: — помните, что можетъ сдѣлать одно мое слово, и какъ долго я молчалъ. Помните, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны также и другіе люди. Помните, что съ тѣхъ поръ, какъ вы меня знаете, вы никогда не видали, чтобы я колебался и не исполнилъ своей угрозы. Помните, что пока мы имѣемъ дѣло другъ съ другомъ, вамъ необходимо повиноваться, и клянусь, что я васъ заставлю повиноваться.

— Сильныя слова! воскликнулъ вдругъ голосъ у окошка: — сильныя слова, и еще кому, Дангерфильду въ Дангерфильдскомъ пріютѣ! прибавилъ Стивенъ Дангерфильдъ, входя въ комнату.

VI.

Намъ не надо прибѣгать къ избитому сравненію съ бомбой, чтобы представить изумленіе старика Дангерфильда и его страннаго гостя при неожиданномъ появленіи Стивена. Этотъ послѣдній, съ своей обычной безпечностью поклонившись отцу, бросился въ кресло и началъ очень хладнокровно осматривать съ ногъ до головы Кэрквуда. Всѣ трое молчали, и хотя это продолжалось не болѣе полуминуты, однако Стивенъ успѣлъ понять, что имѣетъ дѣло съ страшнымъ, изворотливымъ врагомъ, а Кэрквудъ съ одинаковой скоростью созналъ, что энергія и рѣшительность, блестящія въ глазахъ молодаго человѣка, сильно помѣшаютъ ему въ достиженіи его плановъ. Старикъ же Дангерфильдъ, казалось, предчувствовалъ опасность болѣе другихъ, ибо онъ весь дрожалъ отъ страха и тревоги.

— Стивенъ, Стивенъ! воскликнулъ онъ, рѣзкимъ но дрожащимъ голосомъ: — говори, что ты слышалъ?

— Ничего, папа, ничего, отвѣчалъ Стивенъ, успокоительнымъ тономъ.—Я зналъ, что вы въ библиотекѣ, и прямо прошелъ сюда.

— Ни одного слова? продолжалъ спрашивать старикъ.

— Развѣ вы меня учили подслушивать? Я сію минуту возвратился изъ Нью-Йорка и только слышалъ рѣзкое выраженіе этого джентльмена, когда входилъ на террасу.

— Выраженіе, по меньшей мѣрѣ грубое и неприличное, за которое я отъ всей души прошу извиненія, сказалъ поспѣшно Кэрквудъ.—Вы, вѣроятно, мистеръ Стивенъ Дангерфильдъ, позволите мнѣ рекомендоваться — я Кэрквудъ, давнишній другъ вашего отца, второй, я увѣренъ, точно такъ же какъ вы, простить

миѣ за неосторожное выраженіе, вырвавшееся у меня по поводу давно забытаго дѣла.

Манеры и обхожденіе Кэрвуда мгновенно измѣнились, изъ дерзкаго грубіяна онъ сталъ льстивымъ и преданнымъ. Онъ теперь обходился со Стивеномъ съ дружеской, почти родительской нѣжностью, а со старикомъ—съ почтительнымъ вниманіемъ. Стивенъ въ первую минуту чуть было не раскохотался ему въ лицо, но Мартинъ успѣшилъ замѣтить:

— Да, да, мы очень старые друзья, очень старые друзья, я былъ виноватъ; ты долженъ знать, Стивенъ, что я нѣкоторымъ образомъ вызвалъ мистера Кэрвуда на неприятное объясненіе, и потому ты долженъ забыть его слова, особенно послѣ того, что онъ такъ любезно извинился.

— Я помню васъ еще мальчикомъ, очень любезно продолжалъ Кэрвудъ: — вы уже тогда отличались своевольнымъ характеромъ; не знаю, на сколько измѣнилъ васъ тяжелый опытъ жизни: но все же я надѣюсь, что вы не подумаете обо миѣ ничего худаго за эту ребяческую вспышку, въ которой я истинно раскаиваюсь.

Слова эти и обращеніе Кэрвуда, повергли Стивена въ странное сомнѣніе; онъ инстинктивно съ первой минуты увидѣлъ въ этомъ человѣкѣ воплощенное зло, ибо разные обстоятельства побуждали его считать Кэрвуда злымъ гениемъ своего отца. Его предувѣдомили тайнымъ образомъ о появленіи Кэрвуда, бывшаго нѣсколько лѣтъ въ отсутствіи. Онъ не сомнѣвался, что этотъ гость явился только для того, чтобъ продолжать эксплуатацію бѣднаго старика. Въ послѣднее время молодой человѣкъ началъ сильно подозрѣвать, не ослабли ли умственные способности отца, и очевидно, если эти предположенія были справедливы, то старикъ еще болѣе долженъ былъ подпасть подъ вліяніе своего ужаснаго преслѣдователя. Стивенъ рѣшился потому отыскать Кэрвуда, старательно избѣгавшаго встрѣчи съ нимъ, и покончить разомъ это дѣло, приведа его въ извѣстность. Увѣренность въ грозящей опасности и таинственность источника, изъ котораго онъ получалъ постоянно свѣдѣнія о Кэрвудѣ, заставили его пренебречь всакими препятствіями и энергично стремиться къ своей цѣли. Когда онъ открылъ, что Кэрвудъ отправился въ Англію на кораблѣ А.— онъ немедленно рѣшился послѣдовать за нимъ на пароходѣ, отходящемъ сутками вавдѣе. Стивена увѣдомили въ время, что Кэрвудъ обманулъ его и не поѣхалъ, но письмо это по ошибкѣ дошло до него только когда онъ уже былъ въ открытомъ морѣ. Послѣдующія его приключенія ми уже знаемъ.

Такимъ образомъ Стивенъ имѣлъ, или полагалъ что имѣеть, достаточную причину питать недоувѣрiе въ Джемсу Кэрквуду, но удивительная искренность и простота обращенiя этого джентльмена чуть не заставили его усомниться на минуту въ своихъ подозрѣнiяхъ.

— Но какимъ чудомъ ты возвратился въ прiютъ, сынъ мой? спросилъ старикъ: — ты писалъ, что ѣдешь на *Страмболи*, и я даже читалъ твое имя въ спискѣ пассажировъ. Мы полагали, что ты уже въ Англии.

— Я только что хотѣлъ предложить подобный же вопросъ этому джентльмену. Я ожидалъ, что онъ, такъ же какъ и я, въ это время уже будетъ въ Англии. Онъ взялъ мѣсто на А, и мнѣ извѣстно, что его фамилiя также была въ спискѣ пассажировъ!

— Это удивительно, простодушно замѣтилъ Кэрквудъ: — моя фамилiя очень необыкновенна; но во всякомъ случаѣ, ваша ошибка произошла оттого, что вѣроятно у меня есть однофамилецъ, который, можетъ быть, даже не имѣеть права носить это имя.

— Вы утверждаете, восхлинулъ Стивенъ: — что вы не брали билета на А?

— Какъ могъ я это сдѣлать, если вы меня здѣсь видите? отвѣчалъ Кэрквудъ съ прежнимъ простодушиемъ.

— Конечно ясно, что вы не поѣхали на этомъ пароходѣ, но могли все же взять билетъ.

— Любезный другъ, увѣряю васъ, что я не сдѣлалъ ни того, ни другого.

— Хотите вы меня также увѣрить, настаивалъ Стивенъ: — что вы ничего не знали о томъ, что я васъ всѣми силами отыскивалъ?

— Напротивъ, отвѣчалъ Кэрквудъ: — именно этотъ фактъ побудилъ меня сюда прiѣхать.

Стивенъ вопросительно взглянулъ на своего отца.

— Мистеръ Кэрквудъ говорилъ мнѣ, сказалъ Мартинъ Дангерфильдъ нервнѣйшимъ голосомъ: — что ему передали твое желанiе видѣться съ нимъ, и онъ даже сожалѣлъ, что не засталъ тебя здѣсь.

— Что же касается до меня, продолжалъ изумленный Стивенъ: — то я обязанъ своимъ возвращенiемъ встрѣчѣ парохода въ морѣ, шедшаго въ Нью-Йоркъ; но подобный случай не можетъ же случиться два раза въ такое короткое время.

— Конечно, сухо замѣтилъ отецъ: — но тебѣ теперь нечего искать таинхъ хитрыхъ объясненiй, такъ-какъ все дѣло уже ясно само собою.

— Я не люблю казаться настойчивымъ, сэръ. Но по получен-

нимъ мною свѣдѣніямъ, я полагаю, что еслибъ я остался здѣсь, то этотъ джентльменъ никогда бы насъ не посѣтилъ.

— Ваши свѣдѣнія обманули васъ; это часто бываетъ со всѣми нами. Во всякомъ случаѣ, такъ-какъ я здѣсь, и совершенно готовъ дать вамъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о всемъ, что знаю, то кажется, нѣтъ причины, чтобы между нами были какія нибудь недоразумѣнія.

Кэрвудъ при этихъ словахъ всталъ и съ дружеской улыбкой протянулъ руку Стивену.

Молодой человѣкъ нехота пожалъ его руку и настойчиво приваивалъ:

— Надѣюсь, что поговоривъ съ вами, я дѣйствительно уничтожу всѣ недоразумѣнія.

— Нѣтъ, не сегодня — не сегодня, Стивенъ, воскликнулъ отецъ взволнованнымъ голосомъ: — ты усталъ съ дороги — мы сейчасъ будемъ обѣдать, уже шесть часовъ — и мы сегодня вечеромъ хотимъ переговорить съ мистеромъ Кэрвудомъ объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

— Какъ вамъ угодно, сэръ. Но чѣмъ скорѣе мистеръ Кэрвудъ дастъ мнѣ обѣщанныя объясненія, тѣмъ болѣе я ему буду благодаренъ.

— Мы завтра утромъ передъ завтракомъ могли бы съ вами пойти погулять, и тогда я съ величайшимъ удовольствіемъ постараюсь удовлетворить васъ, сказалъ Кэрвудъ.

— Такъ и быть, сэръ, отвѣчалъ Стивенъ, и замѣтивъ, что ему надо переодѣться, удалился изъ комнаты.

Когда дверь затворилась за нимъ, старикъ тяжело вздохнулъ.

— Не правда ли, сказалъ Кэрвудъ: — вашъ сынъ — умный и ловкій молодой человѣкъ. Я никакъ не полагалъ, что изъ него выйдетъ такой молодецъ.

— Вы его слишкомъ мало знаете, чтобы судить, отвѣчалъ старикъ съ гордостью отца.

— Нѣтъ, я сужу не по его словамъ, а по дѣйствіямъ. Какъ бы то ни было, его нельзя кормить дѣтскими сказками. Мы должны ему сказать всю правду, Мартинъ Дангерфильдъ!

— Правду?

— Правду. Чего вы пугаетесь? Это будетъ мое дѣло рассказывать ему, а не ваше. Повторяю, онъ уже слишкомъ много знаетъ изъ того, что между нами было, чтобы мы могли его кормить баснями. Онъ долженъ все знать.

— Вы съ ума сошли!

— Экой вы тупой человѣкъ, ничего не смыслите. Развѣ у насъ съ вами не одни интересы. Если мы не уснимъ навсегда

его подозрѣніе, онъ можетъ намъ надѣлать страшныхъ хлопотъ. Предоставьте все мнѣ, я ужь устрою.

— Пусть будетъ по вашему. Но я никогда не переживу откр.....

— Тсс! Вы можете недовѣрять моеѣ добротѣ, но вѣдь ваша погибель не можетъ принести мнѣ никакой пользы, а напротивъ уничтожить всѣ мои планы. Уже по этой одной причинѣ вы можете довѣриться мнѣ слѣпо.

Долго въ эту ночь мерцалъ свѣтъ въ библіотекѣ и неясныя тѣни мелькали взадъ и впередъ передъ окнами, приходившимися прямо напротивъ комнаты Стивена, который такимъ образомъ могъ слѣдить за всѣми движеніями своего отца и страннаго его гостя.

VII.

Свѣжее, веселое утро привѣтствовало Стивена на другой день послѣ его пріѣзда въ пріютъ. Завтракъ прошелъ довольно молчаливо, ибо отношенія между тремя собесѣдниками были крайне натянуты, какъ всегда передъ давноожидаемымъ объясненіемъ. Старикъ Мартинъ избѣгалъ взглядовъ своего сына, и лицо его, вѣчно печальное, обнаруживало слѣды бессонной ночи. Самъ Стивенъ былъ очень задумчивъ и озабоченъ, ибо зналъ, что Кэрквудъ будетъ стараться всѣми силами обмануть его, и въ то же время не имѣлъ возможности грубо обойтись съ нимъ, пока онъ былъ гостемъ его отца. Такимъ образомъ, ему оставалось только зорко наблюдать за хитрымъ, искуснымъ врагомъ, и держать ухо востро. Что же касается Кэрквуда, то онъ очень хорошо понималъ, чтó происходило въ головѣ молодаго человѣка, и велъ себя согласно этому. Въ послѣднее время жизнь его была чрезвычайно тревожная и беспокойная, потому онъ очень былъ доволенъ снова очутиться посреди роскоши и комфорта, къ которымъ онъ привыкъ. Мягкая постель, покойная мѣбель, отличный столъ, великолѣпное вино, услужливая прислуга — все утѣшало его несказанно, и вообще будущее казалось ему въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Къ тому же онъ умѣлъ быть совершенно добродушнымъ человѣкомъ, когда никто ему не перечилъ и не становился поперекъ его дороги, въ послѣднихъ же случаяхъ его истинная натура брала верхъ, и выказывалась въ самомъ неприятномъ свѣтѣ. Опытный наблюдатель могъ бы тогда замѣтить лучше всего, какъ сильно дѣйствуютъ окружающая среда и воспитаніе на развитіе подобной природы. Кэрквудъ родился и выросъ на большой плантаціи въ Алабамѣ; онъ жилъ, такимъ образомъ, до двадцати-пятилѣтняго возраста въ атмосферѣ рабства, и къ его несчастью — рабства самаго дикаго, отвратительнаго. Онъ былъ

побочнымъ сыномъ одного богатаго плантатора, извѣстнаго своей развратной жизнью, и молоденькой квартиранки. Отецъ его, обходившійся самымъ жестокимъ образомъ съ неграми, имѣлъ, однако, довольно человѣческаго чувства, чтобъ не забалить своего собственнаго сына — фактъ чрезвычайно рѣдкій и который, быть можетъ, обратилъ бы на себя болѣе вниманія, еслибъ ребѣнокъ походилъ хоть сколько-нибудь на негра. Но въ ребѣнкѣ не было ни малѣйшаго слѣда негритянской крови; хотя цвѣтъ лица его съ годами и потемнѣлъ, но и тогда даже онъ былъ болѣе многихъ кастильцевъ, такъ что благодаря ранней смерти матери и нѣкоторыхъ усилій отца скрыть его происхождение, Джемсъ Кэрвудъ никогда не былъ заподозрѣнъ въ томъ, что онъ не принадлежитъ къ кавказскому племени. Онъ получилъ очень недостаточное и несистематичное воспитаніе, занимался юридическими науками у одного провинціального судьи, и послѣ смерти отца, оставившаго ему небольшое состояніе, переехалъ въ Нью-Йоркъ. Объ его послѣдующей карьерѣ мы уже имѣемъ кое-какое понятіе.

Кэрвудъ явился къ завтраку очень веселый, и только послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ развеселить своихъ собесѣдниковъ, замолчалъ и принялся за ѣду. Онъ очень жалалъ войти въ дружескія, фамиллярныя сношенія съ Стивенемъ, но тотъ нимало на это не поддавался, что только усиливало къ нему уваженіе Кэрвуда, который все болѣе и болѣе убѣждался, что всего лучше быть совершенно откровеннымъ съ такимъ искуснымъ противникомъ.

Послѣ завтрака Мартинъ Дангерфильдъ ушелъ къ себѣ въ бібліотеку, а Кэрвудъ предложилъ тотчасъ приступить къ объясненіямъ.

— Ну, мой юный другъ, сказалъ онъ весело: — я къ вашимъ услугамъ. Гдѣ вы желаете переговорить со мною — на чистомъ воздухѣ во время прогулки, или вонъ въ той бесѣдкѣ?

— Гдѣ вамъ угодно, сэръ, отвѣчалъ рѣзко Стивенъ: — гдѣ вамъ удобнѣе будетъ говорить ясно и коротко.

Кэрвудъ взглянулъ на него съ сожалѣніемъ.

— Молодежь всегда торопится, сказалъ онъ глубокомысленно: — хотя бы плоды, которые мы хотимъ схватить, превратились въ песокъ въ нашихъ рукахъ. Поживите съ мое, такъ и узнаете всю справедливость пословицы: тише ѣдешь — дальше будешь.

— Я не думаю, чтобы можно было довольно торопиться, когда плодъ въ виду и путь къ нему открытъ, отвѣчалъ Стивенъ: — я, по крайней мѣрѣ, въ такихъ случаяхъ никогда не теряю времени.

— Вамъ послѣднее путешествіе, однако, можетъ служить при-
мѣромъ противнаго, замѣтилъ съ хитрой улыбкой Кэрквудъ.

— Всякій можетъ ошибаться, когда его нарочно обманываютъ,
возразилъ Стивенъ, вспыхнувъ:—но я постараюсь извлечь пользу
и изъ этого.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ они шли молча: Кэрквудъ
не хотѣлъ продолжать разговора, боясь, что воспоминаніе о глупой
ошибкѣ очень разсердило юношу; Стивенъ же, напротивъ,
готовъ былъ простить своему врагу это путешествіе, которое
дало ему случай познакомиться съ прелестной Грэсъ Вернонъ.
Наконецъ, они подошли къ бесѣдѣ. Кэрквудъ пригласилъ Сти-
вена сѣсть съ нимъ радомъ, и указывая на живописный видъ,
замѣтилъ очень сочувственнымъ тономъ:

— Какое у васъ прелестное имѣніе, мистеръ Дангерфильдъ!
жаль, если оно не останется въ вашемъ семействѣ.

Стивенъ, унесенный въ седьмое небо воспоминаніемъ о хоро-
шенькой Грэсъ, вдругъ упалъ на землю.

— Имѣете ли вы, сэръ, какое-нибудь основаніе говорить такъ?
воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ.

— Никакого, отвѣчалъ Кэрквудъ, закуривая сигару: — то-есть
если вы будете поступать съ должной осторожностью. Я думалъ
только, прибавилъ онъ послѣшно, вида что Стивенъ хочетъ его
перейти: — что вы теперь въ тѣхъ годахъ, когда молодые люди
съ вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ думаютъ о женитьбѣ.

— Вы забываете пословицу, которую вы только-что привели,
а въ этомъ случаѣ я слѣдую ей. Впрочемъ, это—предметъ, ко-
торый не можетъ имѣть для васъ большого интереса; съ вашего
позволенія мы поговоримъ о томъ, для чего пришли сюда.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хотя, повѣрьте, все, что ка-
сается Дангерфильдскаго семейства, меня очень интересуетъ, и
это не можетъ вамъ показаться дерзостью, ибо мы съ вашимъ
отцомъ самые старинные друзья.

— Если я не ошибаюсь, вы вчера изъявили готовность объ-
яснить мнѣ нѣкоторые обстоятельства, которыя кажутся мнѣ
очень сомнительными, и изслѣдовать которыя я имѣю полное право.

— Точно такъ, и повѣрьте, я очень сожалѣю, что эти объ-
ясненія такъ долго были откладываемы по желанію и требованію
вашего отца; теперь я получилъ его согласіе, и готовъ отвѣчать
на всѣ ваши вопросы.

— Онъ далъ это согласіе вчера ночью?

— Да.

— Хорошо, слѣдовательно отецъ мой подтвердитъ все, что вы
мнѣ скажете.

— Вы властны, конечно, подвергнуть истинность моих словъ этому испытанію.

— Я вамъ предложу одинъ только вопросъ, и увѣренъ, что если вы на него отвѣтите удовлетворительно, то для меня все уяснится. До меня дошло, все равно какими путями, что мой отецъ дѣлалъ въ послѣдніе годы большія выдачи денегъ, помимо обыкновенныхъ расходовъ, и что всѣ деньги шли въ одні руки.

— Продолжайте.

— Мой отецъ очень постарѣлъ, и быть можетъ болѣе уст-венно, чѣмъ физически, потому я рѣшился не говорить съ нимъ о такомъ непріятномъ для него предметѣ, тѣмъ болѣе, что я, строго говоря, не имѣю права вмѣшиваться въ его дѣла. Но постоянное безпокойство и тревожное состояніе, въ которомъ онъ находится, благодаря именно этому обстоятельству, побуждаетъ меня, какъ сына, употребить всѣ старанія, чтобъ успокоить его. Вотъ причина, побудившая меня искать человѣка, о которомъ я упомянулъ. Впродолженіе многихъ лѣтъ, мои поиски неудавались, но теперь онъ самъ предалъ себя въ мои руки, и отъ него-то я рѣшился потребовать необходимыхъ объясненій.

— Совершенно справедливо.

— Вы со мной согласны?

— Во всѣхъ отношеніяхъ.

— Это меня тѣмъ болѣе радуетъ, что мнѣ остается только прибавить, что этотъ человѣкъ — *см.*

— И въ этомъ вы совершенно правы. Чего же вы отъ меня теперь желаете?

— Какъ, чего я желаю! воскликнулъ Стивенъ съ изумленіемъ:— вы согласны, что все сказанное мною — правда?

— Совершенная истина, отъ перваго слова до послѣдняго, и потому-то я васъ и спрашиваю, чего вы отъ меня желаете?

— Чего? повторилъ молодой человѣкъ, взбѣшенный хладнокровіемъ своего собесѣдника:—Чего? Да потрудитесь, если уже вы такъ любезны, объяснить мнѣ: почему вы получили отъ моего отца столько денегъ, и что съ ними сдѣлали?

— На вашъ первый вопросъ мнѣ очень легко отвѣтить, сказалъ Кэрвудъ, очень спокойно страхиная золу съ сигары: — во второй, несмотря на все мое желаніе удовлетворить васъ, завлекъ бы меня въ слишкомъ запутанныя и мелочныя объясненія.

— Ну, положимъ, что вы прежде отвѣтите на первый вопросъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ; но позвольте вамъ напомнить, что я васъ предупреждалъ насчетъ яблока и песку. Чтобъ вамъ обстоятельно отвѣтить, я долженъ углубиться въ прошедшую исторію вашего отца; какъ мнѣ ни больно говорить о такихъ

вещахъ, касающихся моего друга, и еще его спину, но дѣлать нечего, я долженъ быть откровеннымъ. Вы, можетъ быть, не знаете, что вашъ отецъ въ молодости велъ крупную игру?

Стивенъ молча повлочился.

— Онъ по несчастію до того увлекся, что наконецъ очутился на краю совершеннаго разоренія. Конечно, онъ могъ бы отпасть отъ большей части своихъ картежныхъ долговъ, и по законамъ онъ былъ бы правъ, но гордость и глубокое уваженіе къ имени, которое онъ носилъ, не позволили ему прибѣгнуть къ этому способу выпутаться изъ затрудненія. Я въ то время былъ стриптизомъ въ Нью-Йоркѣ, и хотя находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ вашимъ отцомъ, но ничего не зналъ о его несчастной страсти и грозившей ему гибели. Въ горѣ и отчаяніи, онъ прибѣгнулъ къ моей помощи, и я взялся вывести его изъ бѣды, и сохранить въ вашемъ родѣ это великолѣпное имѣнье. Конечно, это потребовало отъ меня огромныхъ жертвованій; я продалъ все что имѣлъ, и вошелъ самъ въ большіе долги, но досталъ деньги — около ста тысячъ долеровъ. Заемъ этотъ былъ сдѣланъ подъ закладъ дангерфильдскаго пріюта, который, однако, въ то время далеко не стоилъ такой громадной суммы. Съ тѣхъ поръ вашъ отецъ аккуратно платилъ проценты, и даже выплатилъ пятую часть капитала. У меня въ рукахъ закладная, обеспечивающая уплату остальныхъ денегъ.

Стивенъ Дангерфильдъ сидѣлъ въ какомъ-то безчувственномъ оцѣпененіи, во все продолженіе разсказа Кэрквуда. Онъ жаждалъ заткнуть уши, или бѣжать стремглавъ, чтобъ не слышать открытія тайны, уничтожившей всѣ его свѣтлыя надежды на счастье въ жизни, но какая-то магическая сила приковывала его къ мѣсту. Кэрквудъ остановился на минуту, какъ-бы ожидая, не скажетъ ли онъ что-нибудь, и потомъ продолжалъ:

— Я съ радостью бы скрылъ отъ васъ эту неприятную исторію, тѣмъ болѣе, что вашъ отецъ, вѣроятно, проживетъ еще долго, и сдѣлаетъ все, что можетъ, для совершенной очистки вашего имѣнья. Фермы ваши очень выгодно отданы въ аренду, и вообще можно извлечь много доходовъ въ самое короткое время. Я вамъ разсказалъ все дѣло только въ общихъ чертахъ, но готовъ, когда пожелаете, сообщить и всѣ подробности. Вы должны теперь понять, почему я такъ долго избѣгалъ васъ, зная очень хорошо, какого рода тѣ объясненія, которыя вы, наконецъ, теперь насильно отъ меня вытребовали.

Кэрквудъ всталъ, и понявъ по поспѣшному движенію Стивена, что онъ желаетъ остаться одинъ, закурилъ новую сигару и удалился изъ бесѣды.

На бѣднаго молодого человѣка нашель какъ-бы столбнякъ. Онъ старался-было увѣрить себя, что все слышанное только сонъ, но, увы! жестокая дѣйствительность слишкомъ колола ему глаза; чтобы усомниться въ ней, онъ пробовагъ-было не вѣрить словамъ Кэрквуда, считать ихъ ложью, но всѣ обстоятельства послѣднихъ лѣтъ служили самыми ясными доказательствами истинности его разсказа, и онъ даже думалъ, что дѣла его отца могли быть гораздо хуже, чѣмъ ихъ представлялъ Кэрквудъ.

Ему оставалось теперь одно: требовать отъ отца, чтобы онъ подтвердилъ, или совершенно отвергнулъ показанія Кэрквуда. Онъ вскочилъ и побѣжалъ къ дому, но одного взгляда на открытое окно библиотеки было для него достаточно, чтобы вполне убѣдиться въ грустной истинѣ. Мартинъ Дангерфильдъ сидѣлъ облокотась на подоконникъ, грустно понуривъ свою съдую голову, и какъ-бы отъ стыда скрывая лицо руками. Стивенъ отвернулся съ отчаяніемъ въ сердцахъ. Гдѣ были теперь всѣ его свѣтлыя надежды, всѣ розовыя мечты о Грасъ Вернонъ? Онъ не былъ ни героемъ, ни святымъ, и потому естественно, что провель остальную часть этого рокового дня, завершись одинъ въ своей комнатѣ, посреди самыхъ мрачныхъ и тяжелыхъ думъ.

VERBA NOVISSIMA.

(Посвящается всему журнальному миру).

Они въ ручной вступили бой.

Дмитріевъ.

Да, теперь дошло уже до того, что «они въ ручной вступили бой». Мы предвидѣли это съ возмущеніемъ, мы увидѣли это съ отвращеніемъ. Но, по крайней мѣрѣ, враждующія стороны не могутъ сказать, чтобы мы потворствовали ихъ гнѣвнымъ увлеченіямъ. Мы говорили имъ о терпимости, о необходимости воздержанія еще въ то время, когда со всѣхъ другихъ сторонъ они слышали одни только поощренія. Съ самыхъ первыхъ попытокъ «Русскаго Слова» — освободиться изъ-подъ родительской опеки «Современника», мы постоянно высказывались въ томъ смыслѣ, что «Современникъ» обязанъ перенести эту кровную потерю, какъ стѣнокъ; пускай для всѣхъ было ясно, что дѣтище его вступало на путь самыхъ опасныхъ оболъщенийъ; но что касается до него — онъ долженъ былъ смотрѣть на это, закрывши глаза: вѣдь когда вопросъ объ «Отцахъ и Дѣтяхъ» вращался въ области чистой теоріи, не «Современникъ» ли первый явился самымъ яркимъ противникомъ всякой семейственной субординаціи? Слѣдственно, возмущаться конкретнымъ случаемъ неповиновенія собственнаго дѣтища, со стороны «Современника», по меньшей мѣрѣ, означало — идти противъ собственной утробы, разрушать свою собственную доктрину, и во всякомъ случаѣ, теоретическій интересъ принести въ жертву практическому. «Современникъ», какъ мы говорили въ свое время, не долженъ былъ поступать такимъ образомъ тѣмъ болѣе, что его поведеніе, по его же теоріи, могло быть объясняемо, пожалуй, завистію, а пожалуй, и старческою ворчаливостію противъ игриваго удалства «Русскаго Слова». Это такъ именно и случилось: говорить о старческихъ наклонностяхъ «Современника» сдѣлалось теперь самой популярной тѣмой въ «Русскомъ Словѣ».

Въ свою очередь, мы съ небольшою настойчивостью представляли и «Русскому Слову», что его строптивость не могла быть оправдана ни однимъ разумнымъ основаніемъ. Правда, оно постоянно имѣло въ виду тотъ фактъ, что «Современникъ» самъ же, и самымъ радикальнымъ образомъ, не признаетъ ни семейственного, ни всякаго другаго авторитета; но если оно и само, по слѣдамъ «Современника», не признавало ни того ни другаго, въ той же самой мѣрѣ и, приблизительно, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, то, очевидно, фактъ этотъ могъ только закрѣплять субординацію «Русскаго Слова», а не расширять его вольности, какъ оно мечтало. Съ другой стороны, если «Русскому Слову» хотѣлось понимать слова «Современника», направленные противъ субординаціи, во всей ихъ теоретической чистотѣ, и въ томъ обширномъ смыслѣ, что слушать никто никого не долженъ, ни даже «Русское Слово» «Современника», тогда опять таки, могло ли оно, въ противность такому своему пониманію, послушать «Современника» на столько, чтобы перестать его слушаться? Случай «Русскаго Слова» былъ такой, что проявить свое непослушаніе оно могло именно только тѣмъ, чтобы быть послушнымъ «Современнику» при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, наперекоръ и въ пику его ученію о непослушаніи. Тогда, и только тогда, можно было бы сказать о «Русскомъ Словѣ», что оно не хочетъ знать «Современника». Конечно, при этомъ «Русскому Слову» не избѣжать было нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ: если «Современникъ» говоритъ искренно, разумѣя въ томъ числѣ, что и его самого никому не слѣдуетъ слушать, тогда — для чего же и говорить «Современникъ»? Если же онъ говоритъ неискренно и всегда подразумѣваетъ, что слушать слѣдуетъ только его одного, тогда подобное ученіе можно ли назвать вполнѣ либеральнымъ? Наконецъ, если онъ говоритъ искренно относительно всѣхъ, и желаетъ держать въ субординаціи только «Русское Слово», тогда... какъ понимать это «Русскому Слову»? Согласимся, что отъ такого хитраго сплетенія вопросовъ и обстоятельствъ у «Русскаго Слова» могла голова закружиться. Но для того-то ему и были предложены самые обстоятельные и всесторонніе совѣты. Увы! они мало пошлѣ въ прогъ «Русскому Слову». Дѣйствуя хотя исподволь, но рѣшительно и запальчиво, оно вовлекло «Современникъ» въ самыя невообразимыя излишества, и если не превзошло его, что однако сомнительно, то все же перешло послѣдніе предѣлы невоздержности и очутилось тамъ, гдѣ начинается фантастическое царство вещей безъ названія.

Но теперь, когда прошлое невозвратно, а настоящее непо-

правимо (по крайней мѣрѣ, непоправимо для «Современника», потому что дважды молодъ никто не бываетъ), полезно обозрѣть всю карьеру, пройденную противниками, чтобы застаться хоть уроками для будущаго. Мы, разумѣется, уже обозрѣли ее, и чему слѣдуетъ научиться — научились. Оказалось, что мы слишкомъ хорошо знали это и прежде. Всѣ невоздержности, проявленныя публицистами двухъ журналовъ, всѣ ихъ чрезмѣрности, которыя, вѣроятно, не были превзойдены добродѣтельными газетчиками Содома и Гоморры, всѣ онѣ объясняются тою несчастною манерою діалектики, которая такъ часто была осуждаема на страницахъ этого журнала. Мы разумѣемъ привычку означенныхъ публицистовъ, состоящую въ томъ, чтобы въ одной журнальной статьѣ, несмотря на тѣсныя ея предѣлы, касаться всѣхъ предметовъ, задѣвать всѣ вопросы, придирается ко всѣмъ физиономіямъ, исчерпывать всѣ истины и разрѣшать всѣ задачи, такъ что, наконецъ, нѣтъ никакой возможности разобрать — чтѣ относится къ «размазнѣ», чтѣ къ философіи Шопенгауэра, и чтѣ къ «буттерброду». Нельзя сказать, чтобы манера эта была лишена всякихъ достоинствъ, къ числу которыхъ можно отнести, напримѣръ, всесторонность взгляда и неразлучную съ этимъ качествомъ забубенность; но ея недостатки такъ велики, что о достоинствахъ не стоить помнить. Первый и величайшій изъ нихъ состоитъ въ томъ, что манера эта предполагаетъ безпрестанныя и безчисленныя отступленія отъ главнаго предмета. Но, во первыхъ, отступленія уже сами по себѣ не составляютъ ничего благороднаго; во вторыхъ, при подобномъ способѣ доказывать что-нибудь, можно, пожалуй, обнаружить до извѣстной степени либеральность мыслей, но доказать рѣшительно ничего невозможно, какъ это и доказано относительно всего, чтѣ когда либо доказывалось въ «Русскомъ Словѣ»; а третьихъ, и это самое главное, подобныя-то именно отступленія, безъ расчета и оглядки, и завели «Русское Слово», предшествуемое «Современникомъ», въ тѣ печальныя дебри, откуда трудно выдти, а если и выйдешь, то совѣстно на людей смотрѣть.

Дѣйствительно, теперь уже вполне ясно, что первымъ, главнѣйшимъ и единственно интереснымъ предметомъ спора между противниками былъ вопросъ о томъ, кому главенствовать надъ молодымъ поколѣніемъ? Старому волеу или молодому голубю? Вопросъ этотъ, въ началѣ, былъ поставленъ совершенно ясно; онъ не преминулъ обнаружиться со всею очевидностію и въ концѣ; такъ что не будь между этими двумя крайностями середины, наполненной отступленіями, или не будь молодого поколѣнія, враждующія стороны рѣшительно могли бы обойтись сред-

ствами одной только словесной полемики. Вѣдь пришло же теперь къ тому, что они составили себѣ болѣе правильную программу и условились: отдать молодое поколѣніе тому, кто лучше истолковалъ «Отцовъ и Дѣтей» г. Тургенева, или написалъ больше статей объ этомъ предметѣ; кто же именно исполнилъ превосходнѣе эту задачу — о томъ спорить. Если окажется, что авторъ «Асмодея», тогда Али-пашою молодого поколѣнія быть «Современнику», еслиже авторъ «Нерѣшеннаго вопроса», то, какъ это ни странно, права Янинскаго Волка переходятъ къ молодому голубю. Слѣды этой программы (страдающей только тѣмъ, что въ ней недостаетъ самаго главнаго, именно — условія на счетъ дистанціи) можно было замѣтить еще при самой первой постановкѣ вопроса. Одно время мы разчитывали даже, что споръ такъ и будетъ производиться по этому предназначенію. Но противники вскорѣ до того одушевились, что, по сильному выраженію одного изъ нашихъ литераторовъ, въ небесахъ небесъ заря загорѣлась, и съ нашими расчетами, поэтому, случилось то, что вообще должно случаться со всѣми расчетами — на постоянство взглядовъ «Русскаго Слова» или на благонаравіе «Современника».

Такимъ образомъ, отступленія всегда и вездѣ, а въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, имѣютъ въ нашихъ глазахъ почти верховную важность. Быть можетъ, придетъ время, когда вся наша эпоха, или по крайней мѣрѣ вся наиболѣе прогрессивная сторона ея — будетъ объясняема именно изъ этого принципа. Что же касается собственно до занимающаго насъ предмета, то будущему историку тутъ прямо придется говорить съ нашихъ словъ. По крайней мѣрѣ на такомъ нашемъ понятіи объ отступленіяхъ построенъ весь планъ, по которому расположены нижеслѣдующія строчки. Изъ нихъ будетъ ясно до послѣдней возможности, что всякій разъ, когда мы застаемъ противниковъ на прямой дорогѣ и у самаго корня ихъ «главнаго предмета», они постоянно могутъ служить образцами не то — что умѣренности, а даже не совсѣмъ похвальной консервативности въ образѣ мыслей: толкуются по пяти лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, разрѣшая тѣже недоумѣнія, приблизительно тѣми же оборотами рѣчи; но какъ только ударяются въ отступленія, и особенно въ сторону естествовѣденія, тотчасъ наступаетъ азартъ, приводятся въ движеніе совершенно невужныя пружины, смѣшиваются всѣ элементы бытія и полемики, битья и логическихъ аргументовъ.

Само по себѣ разумѣется, что мы ничего не хотимъ сказать этимъ противъ той роли естественныхъ наукъ, которую они должны занимать теперь во всякой журнальной статьѣ. Съ другой стороны, мы нисколько не думаемъ безусловно осуждать отступ-

ленія, какого бы рода они ни были и къ какой бы полемикѣ ни относились. Совершенно напротивъ, полемика, по поводу которой мы говоримъ, какъ разъ представляетъ случай, гдѣ разумныя отступленія, сдѣланныя во-время, могли бы покрыться бѣльшей славой, чѣмъ знаменитое отступление десяти тысячъ Ксенофонта: Ксенофонтъ отступалъ только храбро, а здѣсь противники, кромѣ того, отступали бы великодушно. Но наша мысль объ отступленіяхъ какъ того такъ и другаго рода, а равно и о всей сущности нашего предмета, будетъ гораздо яснѣй и полнѣе, если мы и сами обратимся на минуту къ естественвѣденію, безъ котораго теперь, дѣйствительно, невозможно ни одно путное начинаніе. Понятно, что во всѣхъ царствахъ природы, сколько бы они ни полемизировали между собою, насъ могутъ занимать въ этотъ моментъ исключительно нравы и обычай только одной весьма интересной твари: это американскаго харька. Водится въ «великой американской пустынѣ»; былъ извѣстенъ еще Франклину, который называлъ его *terphis chinga*; въ торговлѣ извѣстенъ подъ именемъ *скупа*; но особенную популярность получилъ съ опубликованія г. Вольфомъ приключеній одного заблудившагося семейства янки. Слѣдующія строчки, едва ли уступающія какимъ-либо другимъ въ общепонятности изложенія, заимствованы нами изъ этого источника:

«Мы переходили черезъ небольшую поляну, разговаривая и смѣясь отъ чистаго сердца, какъ изъ одного кустарника выскочило животное и тихонько пошло рядомъ съ нами. Это былъ красивый маленькій звѣрекъ, величинюю съ кошку, съ темной лоснящейся шерстью, нѣсколько торчащей на головѣ и на шеѣ... Генрихъ не могъ выдержать и погнался за маленькимъ четвероногимъ. Напрасно я кричалъ, чтобъ остановить его. Не слышалъ ли онъ меня за лаемъ собакъ, бросившихся тоже за животнымъ, заинтересовала ли его добыча, только онъ продолжалъ преслѣдованіе... Но охота была не продолжительна. Звѣрекъ, испуганный при видѣ страшныхъ враговъ, гнавшихся за нимъ, остановился на опушкѣ лѣса, словно ожидая своихъ преслѣдователей. Хотя Генрихъ бѣжалъ быстро, однако онъ старался удержатъ собакъ, потому что ему хотѣлось взять звѣрка живымъ, котораго собаки могли задушить до его прибытія... Въ эту самую минуту, маленькое животное стало на заднія лапы, подняло хвостъ вверхъ и обратилось задомъ къ преслѣдователямъ, словно желая нанести имъ оскорбленіе. Не долго заставилъ ждать себя эффектъ этого страннаго движенія. Въ тотъ же моментъ собаки повертели назадъ; побѣдный лай ихъ смѣнился воемъ ужаса и онѣ начали бѣгать, отирая морды о траву и подпрыгивая будто въ судорогахъ. Генрихъ остановился въ изумленіи; но и онъ не долго оставался безъ движенія; черезъ секунду онъ закрылъ лицо ру-

вами и, заверчавъ, бросился бѣжать къ намъ... Это былъ *terri-
tis chinga* или *воночій американскій харекъ*. Животное это бѣ-
гаетъ не шабо и спасеніе его заключается не въ быстротѣ ногъ,
но въ этомъ зловонномъ веществѣ, которое посредствомъ муску-
ловъ оно бросаетъ на своего противника. Харекъ можетъ бро-
сить его шаговъ на пять, и рѣдко случается, чтобы оно не обра-
тило въ бѣгство его непріятелей — волковъ, собакъ и даже са-
мого человѣка. Зловонное вещество это причиняетъ иногда бо-
лѣзни, рвоту; рассказываютъ, что индійцы, которымъ оно попа-
дало въ глаза, лишились зрѣнія. На мѣстѣ, гдѣ убить харекъ,
зловоніе остается нѣсколько мѣсяцовъ, хотя бы густой снѣгъ
покрывалъ землю.» (Охотничьи Равскзы — Майя-Рида. Ч. II,
стр. 11).

Теперь вообразите, что вашъ противникъ, вмѣсто того, чтобы
дѣйствовать противъ васъ аргументами, вдругъ, ни съ того ни
съ сего, подбѣгаетъ къ вашей личности, останавливается у са-
мой ея опушки, и все такое какъ въ приведенномъ описа-
ніи. Неужели кто-нибудь можетъ находить, что вы обяза-
ны дожидаться, пока послѣдуетъ «эффектъ этого страннаго дви-
женія»? А еслибы кто и находилъ, что отступленія даже и
отъ такого рода полемики показываютъ недостатокъ мужества,
тотъ доказалъ бы только, что онъ недостаточно возмужалъ для
жизни въ цивилизованномъ обществѣ; доказалъ бы, кромѣ того,
что онъ не вполне понимаетъ все величіе обязанностей, возла-
гаемыхъ на насъ уваженіемъ къ человѣческому достоинству, а
такъ же и полицейскимъ уставомъ, гдѣ эта тема развита въ по-
дробности; наконецъ, такой человѣкъ доказалъ бы, что онъ не
умѣетъ понимать самыхъ простыхъ уроковъ, преподаваемыхъ
намъ какъ природою, такъ и нашею общественною жизнью, на
каждомъ шагу и, между прочимъ, даже въ приведенномъ при-
мѣрѣ воночаго хорька. Ибо, если во всѣхъ общественныхъ сфе-
рахъ, гдѣ не требуется особенная точность языка, даже этого
хорька, изъ вѣжливости, принято называть *скулсомъ*, то во сколько
разъ должны быть утонченнѣе названія, усвоенныя сотрудниками
двухъ либеральныхъ журналовъ другъ другу? И съ другой сто-
роны, если даже этотъ *скулсъ*, который все-таки есть только жи-
вотное, хотя бы и американское, если даже онъ болѣе или ме-
нѣе сознаетъ, что съ его способомъ самозащиты можно обитать
только въ «великой пустынѣ», и въ самой этой пустынѣ позво-
лительно обращаться къ этому способу только въ случаѣ опас-
ности жизни, то во сколько разъ должна быть деликатнѣе поле-
мика того или другаго журнала, основавшаго свою резиденцію
въ нашей прекрасной и многолюдной столицѣ, когда притомъ
жизнь его состоитъ подъ охраною законныхъ властей?

Понятно, впрочемъ, что собственно въ этотъ моментъ мы не примѣняемъ, и не имѣемъ основанія примѣнять наше сравненіе рѣшительно ни къ одному изъ всѣхъ живыхъ и пишущихъ существъ. Но мы боимся, что неотразимая сила фактовъ можетъ поставить насъ въ такую необходимость, боимся, что обороты нашей рѣчи могутъ получить совершенно прикладное значеніе. Въ такомъ случаѣ оговариваемся заранѣе: вопервыхъ, то будетъ, дѣйствительно, неотразимая сила фактовъ; а вовторыхъ, мы имѣемъ дѣло съ великимъ и закоренѣлымъ зломъ. Противъ него были испробованы и ножъ и адскій камень. Ничто не помогло. Отчего же не попробовать *скусомъ*?

Какъ бы то ни было, но ропсоть, какъ мы сказали, былъ поставленъ въ началѣ совершенно ясно. Борцами отъ «Современника» выступали въ иныхъ случаяхъ *Посторонній Сатирикъ*, въ другихъ г. Антоновичъ, иногда порознь, иногда оба вдругъ. Слѣдственно, легко понять, что дѣло началось не прямо съ начала, а съ длинныхъ прелиминаріевъ къ началу. Извѣстно, что какъ тотъ, такъ и другой изъ названныхъ сейчасъ писателей, прежде чѣмъ начать, бесконечно любятъ разводить воду на киселѣ, распространяться длинно-предлинно о томъ, что болѣе или менѣе совсѣмъ не относится ни къ началу предмета, ни къ какой-либо другой его части. Иногда этотъ приемъ ихъ бываетъ такъ обманчивъ, что вы слѣдите, съ нѣкоторымъ любопытствомъ, за всѣми его видоизмѣненіями, цѣлые мѣсяцы. Ждете: — къ чему-то, наконецъ, будетъ приступлено? Но когда приходитъ этотъ конецъ, дѣло разрѣшается неожиданностію: авторы вовсе не имѣли намѣренія приступить къ какому-нибудь началу. И это великое счастье; потому что, когда имъ удается достигнуть начала чего-нибудь, тогда протяженность ихъ рѣчи, и особенно способъ ихъ аргументаціи... но мы затрудняемся даже, съ чѣмъ можно сравнить ихъ. Развѣ съ сказкою про бѣлаго быка. Вся сказка, которую они хотятъ рассказать вамъ, не длиннѣе комаринаго носа. Но они расскажутъ ее такъ, и расскажутъ этакъ; потомъ опять такъ, и опять этакъ; и такъ далѣе, до совершеннаго изнеможенія. Въ случаѣ, который насъ занимаетъ, манера обохъ писателей проявилась въ обохъ родахъ сочиненій, и едва ли не въ самомъ лучшемъ свѣтѣ. Послѣ безконечныхъ прелиминаріевъ, которымъ, конечно, ничто не мѣшало быть еще безконечнѣй, *Посторонній Сатирикъ*, въ прошлогодней декабрьской книжкѣ «Современника», шагнулъ, однако, вдругъ... къ «предварительнымъ объясненіямъ» съ «Русскимъ Словомъ». Такъ именно и озаглавилъ: «Предварительныя объясненія». Даже самъ г. Писаревъ догадался, что это означаетъ, и охарактеризовалъ,

по поводу этой статьи, къ которой привлекъ и г. Антоновича, манеру обонхъ писателей извѣстной поговоркой, исказивъ ее такъ: «свищу, свину и не ѣду». Но отдадимъ еще разъ справедливость этой статьѣ. Посторонній Сатирикъ, по крайней мѣрѣ, съ первыхъ же ея строчекъ, говорить совершенное дѣло. Онъ говорить:

«Въ прошлой книжкѣ «Современника» (то-есть въ одномъ изъ прелиминаріевъ) я обратился къ редакціи «Русскаго Слова», затѣмъ къ гг. Благосвѣтлову и Минаеву съ вопросомъ: согласны ли они съ статьею — «Нерѣшонный вопросъ», раздѣляютъ ли они волюю всѣ сужденія автора этой статьи, какъ о романѣ «Отцы и Дѣти», такъ и о критикѣ на этотъ романъ, помѣщенной въ «Современникѣ»? («Совр.» №№ XI и XII, 1864, отд. II, стр. 156).

Начало сдѣлано отлично. Слѣдовало только продолжать неуклонно, и можно было надѣяться, что отъ начала предварительныхъ объясненій, перейдетъ къ началу самаго начала. Но Посторонній Сатирикъ, вслѣдъ за приведенными строчками, къ своему бѣлому быку припрягаетъ еще чужаго: онъ цѣликомъ перепечатываетъ отвѣтъ «Русскаго Слова», данный, какъ разумѣется — тоже въ прошлой книжкѣ. Это такъ же относится къ манерѣ Посторонняго Сатирика. Имѣя постоянною задачею — изъ краткаго предложенія сдѣлать многообширную статью, онъ обыкновенно подбираетъ на своемъ пути всѣ плохо-лежащія строчки. Онъ находитъ ихъ, гдѣ бы онѣ ни лежали; и тогда пользуется своимъ правомъ съ искреннею любовію, особенно съ изобиліемъ. Если бы вамъ случилось, говоря съ кѣмъ нибудь, сослаться на книгу, онъ, кажется, перепечаталъ бы и книгу. Любопытно знать, платится ли въ «Современникѣ» за все это изобиліе позаимствованныхъ строчекъ? Говоря строго, вопросъ этотъ щекотливый, потому что чисто-семейственный; но такъ-какъ журналы, въ нѣкоторомъ родѣ, всѣ составляютъ одну семью, хотя и не очень согласную, то мы коснулись этого вопроса собственно для проведенія мысли о единообразіи гонорарія. Но говоря еще строже, самый отвѣтъ «Русскаго Слова» не подавалъ Постороннему Сатирику никакого повода къ тому, что бы онъ, только-что приступивъ къ предварительнымъ объясненіямъ, снова возвратился къ прелиминаріамъ. «Русское Слово» въ томъ своемъ отвѣтѣ, насколько его понимать возможно, никакъ не вышло изъ тѣсныхъ предѣловъ вышепоставленной тѣмы. Намъ кажется, что въ своемъ отвѣтѣ оно даже преднамѣренно старалось быть сжатымъ, чтобы тѣмъ яснѣе обозначить, какъ всю важность пред-

мета, такъ и серьёзность своего отношенія къ нему. Печать такого рода, лежитъ на всѣхъ словахъ его отвѣта. Оно говорило:

«Начало статьи: «Нерѣшонный вопросъ», помѣщенное въ прошлой книгѣ нашего журнала, «Современникъ» принялъ за полемиическій вызовъ, обращенный къ нему, тогда какъ эта статья вовсе не имѣетъ цѣлю вызывать на полемику кого бы то ни было, тѣмъ менѣе «Современникъ». Для поясненія этого, дозволю припомнить слѣдующіе факты». («Р. Сл.», октябрь 1864, отд. II, стр. 103).

Слѣдуютъ обстоятельно изложенные факты, что съ чего началось, какъ продолжалось, и что изъ того произошло. Къ этому «Русское Слово» прибавляло:

«Еще въ началѣ 1862 года, при появленіи романа г. Тургенева «Отцы и Дѣти», когда наша журналистика съ азартомъ принялась глумиться надъ Базаровымъ, съ цѣлю опозилить этотъ типъ въ глазахъ читающей публики, еще тогда» и проч.

Разсказывается подробно, какъ «еще тогда» критики «Современника» и «Русскаго Слова» рѣзко разошлись во всѣхъ подробностяхъ, постоянно оставаясь сходными во всѣхъ главныхъ взглядахъ на этотъ романъ. Послѣ этого «Русское Слово», съ тою же серьёзностію вида, заключало:

«Для критика «Русскаго Слова», прежде всего важенъ фактъ, затронутый романомъ «Отцы и Дѣти», и по поводу котораго, можно поговорить вообще о значеніи реализма, *насколько это возможно въ настоящее время*. Онъ хочетъ защитить *этотъ типъ* (sic) отъ той клеветы, которую взвела на него наша осталная журналистика, и показать важное значеніе базаровскаго элемента въ жизни общественной и семейной, въ наукѣ и искусствѣ, словомъ — указать, *по возможности*, на тѣ реальныя основы, которыя составляютъ главную силу этого элемента, и которыя бесспорно уважаетъ и самъ «Современникъ».

Чортъ знаетъ что такое, ничего не разберешь... «Базаровскій элементъ въ наукѣ и искусствѣ» и «реальныя основы» этого элемента... Неужели это, въ самомъ дѣлѣ, напечатано?... А если такъ, то что же тутъ могли бы означать еще такія фразы, какъ «по возможности», или «насколько возможно въ настоящее время», и проч.? По нашему, всѣ эти элементы, со всѣми ихъ основами — совершенная невозможность. Но если вы, «Русское Слово», считаете ужъ и это возможнымъ, то позвольте, по крайней мѣрѣ, узнать: что вы разумѣете подъ именемъ невозможнаго? Для насъ, впрочемъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ не очень важенъ; мы интересовались главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы

уяснить здѣсь, вонервыхъ, то, что «Русское Слово» стремилось идти въ своемъ отвѣтѣ прямо, куда глаза глядятъ, и отнюдь не сбилось съ своей дороги, а ввторныхъ, то, что предложенный нами вопросъ обязанъ былъ сдѣлать «Русскому Слово» собственно Посторонній Сатирикъ. Въ самомъ дѣлѣ, то, на чтѣ мы указали, составляло слона во всемъ отвѣтѣ «Русскаго Слова». Оно, желая превзойти самого себя на нѣсколько ступеней, затмѣваетъ наонецъ всякое *мартобря*, возвышается до базаровскаго элемента въ скульптурѣ и арифметикѣ, и какъ бы и само сознавая, до чего оно возвысилось, въ той же самой фразѣ заявляетъ о своей безспорной солидарности съ «Современникомъ», относительно основныхъ взглядовъ на этотъ элементъ: кажется, это должно бы тронуть всякаго мыслящаго сотрудника въ «Современникѣ». Но Посторонній Сатирикъ, потому ли, что въ основныхъ взглядахъ онъ, дѣйствительно, не расходится съ «Русскимъ Словомъ», или потому, что главною его заботою было распространеніе своего краткаго предложенія, только онъ первый (если не считать всѣхъ предыдущихъ и по истинѣ дуриныхъ примѣровъ), пренебрегъ обязанностію быть вѣрнымъ корпоративной чести журнала, и первый же показалъ примѣръ опасныхъ отступленій. Какъ ни строго «Русское Слово» очертило для него объемъ мышленія, какъ ни отчотливо уяснило свою точку зрѣнія, а равно и совершенную безотносительность спорнаго предмета, какъ вообще къ человѣческому смыслу, такъ и въ частности ко всему на свѣтѣ, онъ всѣ слова «Русскаго Слова» понялъ отчасти совершенно лично, отчасти произвольно и двусмысленно. Понимая эти слова лично, онъ часть своихъ предварительныхъ объясненій приближаетъ... увя! мы должны сказать это роковое слово... приближаетъ къ опушкѣ г. Зайцева, едва-ли не безобиднѣйшаго изъ всѣхъ людей, а рассматривая тѣ слова двусмысленно, онъ въ остальной части останавливается передъ г. Писаревымъ. И замѣйте: г. Зайцева, когда онъ былъ безусловно консервативенъ и вѣровалъ во всѣ авторитеты «Современника» не хуже самого г. Антоновича, Посторонній Сатирикъ самъ же обыкновенно считалъ нужнымъ поощрять при случаѣ за какую-то либеральность мыслей. Но этому г. Зайцеву удалось разъ въ жизни возвыситься до проявленія истинной либеральности: онъ гдѣ-то, когда-то, по какому-то случаю выразилъ то мнѣніе, (взятое потомъ, очень скоро, назадъ) что-де сколько бы оживленная полемика ни обусловливалась важностію предметовъ, задѣваемыхъ разными современными изданіями, но что «ракалія», до которой саввошелъ «Современникъ», въ лицѣ Посторонняго Сатирика, полемизируя съ бывшимъ журналомъ «Эпохой», не можетъ быть одо-

брена ни съ какой точки зрѣнія; да и мнѣніе-то это г. Зайцевъ выразилъ, противъ обыкновенія, довольно пристойно, съ оговоркою, что дескать видѣть такой уважаемый журналъ, какъ «Современникъ», унижившимся до «ракаліи», особенно прискорбно. И теперь тотъ же самый Посторонній Сатирикъ, по этому самому весьма давно-прошедшему случаю приближается къ опушкѣ этого самаго г. Зайцева за единственную проявленную имъ либеральность. Онъ подходитъ къ нему на цѣломъ полуистѣ, какъ-будто съ вопросами:—неужели дескать, г. Зайцевъ, вы серьезно думаете, что какая нибудь «ракалія» «Современника» разрѣшаетъ и васъ, наравнѣ съ другими, отъ всякой аттенціи къ Современнику? а съ чего вы это взяли? Увлеклись примѣромъ Отечественныхъ Записокъ? Такъ я вамъ скажу, что «самыя неприличныя ругательства (sic) и выходы во всякомъ случаѣ менѣе вредны (sic), чѣмъ какія нибудь приличные хроникн въ Отечественныхъ Запискахъ, или изуродованная исторія по Мортимеру Терно» (sic, стр. 163).—Достойно всякако примѣчанія, что всѣ эти подходы, безконечно нами сокращенныя, какъ къ рѣшенію вопроса, поставленнаго противниками, не относящіяся, были, въ свою очередь, замѣнены, въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи вопроса, другими, и остались безъ всякаго возраженія. Но г. Посторонній Сатирикъ! (могъ бы сказать этому сатирику г. Зайцевъ)—такъ опровергать исторію, какъ вы это дѣлаете, значитъ вносить базаровскій элементъ въ науку, значитъ доказывать, что вы точно солидарны съ «Русскимъ Словомъ» относительно основнаго взгляда на этотъ элементъ. Или, быть можетъ, вы сошлетесь на тѣсноту предѣловъ журнальной статьи, гдѣ трудно опровергнуть фальшивость обширной исторіи? Но это будетъ значить, что вы, кромѣ того, вносите означенный элементъ еще въ искусство; потому что ваши статьи никогда не бываютъ кратки: изъ нихъ почти въ любой (при томъ неотказываясь даже отъ постороннихъ предметовъ, а только посокративъ нѣсколько сказку о бѣломъ быкѣ), можно опровергнуть документально самую длинную исторію во всемъ свѣтѣ. Съ другой стороны (могъ бы сказать тотъ же г. Зайцевъ), вы, г. Посторонній Сатирикъ, говорите—и говорите съ неподдѣльнымъ комизмомъ, потому что стараетесь придать вашему голосу какое-то надѣльное дрожаніе гражданской грусти—вы, говорите, что самыя «неприличныя ругательства (sic) менѣе вредны, чѣмъ какія нибудь приличные хроникн» и проч. Но вы не объясняете для кого вредны? Положимъ, что для общества, а не для «Современника». Но вы не указываете, даже «по возможности»: въ какомъ отношеніи? Допустимъ, что во всѣхъ. Но тогда опять: проповѣдуете ли вы это (то-есть «самыя не

приличныя ругательства»), какъ принципъ, или извиняете, какъ несчастную (постигшую васъ) случайность? Однако, нельзя не согласиться, что хроника «Отечественныхъ Записокъ» пишется по принципу, иначе вамъ нечего было бы и собираться; слѣдственно, нельзя не допустить, что и ваше нисхождение до «ракаліи» для васъ тоже принципъ. Но если это такъ, то какое же ваше вѣчное стремленіе: желаете ли вы размноженія «самыхъ приличныхъ хроникъ», чтобы тѣмъ болѣе имѣть случаевъ истощаться въ «самыхъ неприличныхъ ругательствахъ», или напротивъ, вы вовсе не хотите никакихъ хроникъ, а чтобы повсюду царствовали только «самыя неприличныя ругательства»? Если вы примите первое, вы, очевидно, разрушите вашу принципъ; если возьмете второе, вашу принципъ, неминуемо, разрушить васъ, какъ ужь отчасти и разрушаетъ. Одно горше другого и другое горше одного. Скажите же, пожалуста, можетъ ли быть кому-нибудь пріятно, увлекшись вашимъ принципомъ, подпасть подъ такую дилемму? Вы говорите, что ничего. Но Богъ знаетъ еще почему вы это говорите. Можетъ быть—потому, что вамъ однимъ-то скучно. Но взглянемъ собственно на вашу издѣльную грусть еще съ новой стороны. Вы этою грустію какъ будто хотите выразить, что направленіе приличныхъ хроникъ «От. Записокъ» съ ихъ безспорнымъ успѣхомъ вредитъ направленію «Современника», хотя тоже кое въ чомъ преуспѣвающего. Но тутъ прежде всего нужна оговорка. Именно, за свои направленія ни «Современникъ», ни «От. Записки» съ ихъ приличными хрониками не получаютъ рѣшительно никакого жалованья. Это надо признать рѣшительно и уже въ этомъ смыслѣ не подбѣгать ни къ чьей опушкѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, особенно же въ Петербургѣ противъ Москвы, что однако при нашихъ распущенныхъ міросозерцаніяхъ иногда случается. А если такъ, то ваша издѣльная грусть, г. Посторонній Сатирикъ, о направленіи приличныхъ хроникъ «От. Записокъ» въ сущности означаетъ (то-есть, у нея нѣтъ никакой сущности, и даже быть не можетъ, но мы, изъ вѣжливости, допускаемъ, что она есть) ваша издѣльная грусть означаетъ, то-есть вы какъ бы желаете выразить ея: «ахъ, какъ жаль, что издается «От. Записки»; еслибы не этотъ журналъ, и въ особенности не его приличныя хроники, тогда весь «Современникъ» могъ бы быть сочиняемъ однимъ Постороннимъ Сатирикомъ». Но согласитесь, г. Посторонній Сатирикъ, что у этого аргумента, какъ онъ притомъ ни остроуменъ, два лезвія, и острѣйшее изъ нихъ противъ васъ. «От. Запискамъ» стоитъ только преднамѣренно отказать на секунду отъ своей разсудительности и вы отъ нихъ услышите: «ахъ, какъ жаль, что из-

дается «Современникъ»; если бы не этотъ журналъ, и особенно если бы въ немъ не было Посторонняго Сатирика, тогда «От. Записки» вмѣсто двухъ разъ выходили бы три раза въ мѣсяць: два раза сами собою и одинъ разъ «Современникомъ», перемеживъ только, изъ приличія, его заглавіе». Но если принять даже невозможное и согласиться, что можетъ найтись такой неприличный журналъ, который сожалѣлъ бы о томъ, что издается другой—приличный; вашъ образъ мыслей, г. Посторонній Сатирикъ, все-таки не можетъ быть оправданъ, а ваши дѣйствія должны оказаться несоответствующими вашему образу мыслей: вамъ слѣдовало бы дѣйствовать на читателей «От. Записокъ» и именно приличіемъ и глубиной сожалѣній о томъ, что они читаютъ этотъ журналъ; вы же, напротивъ, дѣйствуете на читателей «Современника» и именно безпардонностію «самыхъ неприличныхъ ругательствъ», за которыя, рано ли, поздно ли, они могутъ отослать васъ обратно. Наконецъ—и это самое серьезное, на что можно указать вамъ: что можетъ означать вся эта многолѣтняя похвальба направленіемъ? Вы, г. Посторонній Сатирикъ, только тѣмъ и занимаетесь, что дѣлаете направленіе, а не что-нибудь въ направленіи; и вамъ, конечно, трудно отнестись сколько-нибудь объективно къ предмету вашихъ занятій. Но если бы вы могли понять хоть приблизительно, хоть «по возможности», сколько въ этомъ заключается самой одичалой рутинны, самой гасконской хвастливости, самой уничтожительной мелочности, вы... я не знаю, чтобы вы тогда надъ собою сдѣлали. Короче: знаете вы дѣйствіе натяжного пластыря? Можно сказать, адское дѣйствіе; секунды кажутся годами. Вообразите же, что вы нескончаемые годъ, годъ, все какъ будто нарываете, нарываете, и наконецъ—нѣтъ никакого терпѣнія, какъ вы долго нарываете».

Однако все это г. Зайцевъ только могъ возразить Постороннему Сатирику, но не возразилъ; у него были на это свои причины и, какъ мы скоро увидимъ, довольно странныя.—Приближенію Посторонняго Сатирика къ г. Писареву мы удивимся лишь вкратцѣ. «Русское Слово», какъ было замѣчено, дѣйствуя хотя политически, но нисколько не двусмысленно, отвѣчало Постороннему Сатирику въ томъ смыслѣ, что оно признаетъ себя солидарнымъ и съ авторомъ «Нерѣшоннаго вопроса», и съ «Современникомъ». Кажется ясно: «Русское Слово» хотеть отвязаться отъ одного изъ двухъ, и конечно, не отъ своего даровитѣйшаго сотрудника, сочиняющаго ему реальныя основы изъ базаровскаго элемента. Но Посторонній Сатирикъ не хотеть допустить, чтобы «Русское Слово» могло дѣйствовать политически, и полагаетъ, что оно дѣйствуетъ лишь двусмысленно. Потому, нисколько не думая дѣй-

ствовать рѣшительно, грянуть прямо на «Нерѣшонный вопросъ», а такъ же имѣя въ виду и свое краткое предложеніе, онъ только забѣгаетъ, забѣгаетъ... Если такъ—говорить онъ—то зачѣмъ же авторъ «Нерѣшоннаго вопроса», говоря про критику автора «Ас-модеса», восклицаетъ: *ахъ ты коробочка доброедательная! ахъ ты обличительница копеечная!* (*) и обращаясь къ самому г. Антоновичу: *ахъ ты лукошко глубокомысля!*—или еще: *глядите съ книгу, а видите фигу?* Если такъ, продолжаетъ Посторонній Сатирикъ... но продолженіе это не довольно смато, а сущность его та, что онъ называетъ критику «Русскаго Слова» *бутербродомъ глубокомысля!* (**) Но удивится мы преднамѣрились не этимъ иза-пымнымъ, хотя довольно удачнымъ, остроуміемъ противниковъ, а остроумному примѣненію одной изъ этихъ остроумъ, сдѣланному однимъ изъ противниковъ. Невинное «лукошко глубокомысленія», какъ видно, глубоко затронуло Постороннаго Сатирика, какъ тѣмъ, что оно надѣто на г. Антоновича, такъ особенно тѣмъ, что оно надѣто на этого остроумнаго писателя за его критику «Отцовъ и Дѣтей». Желая поразить однимъ камнемъ обомъ этихъ за-пцевъ, онъ прибѣгаетъ къ аргументаціи такого рода: что дескать въ 1862 г. редакцію «Современника» «завѣдывало исключительно и безраздѣльно *одно лицо*» (***), которое и приняло и напечатало означенную критику; если же эта критика не вѣрна или не остроумна, то *лукошко*, (****) «Русское Слово», по всей справедливости принадлежитъ и этому лицу.»

«Такое замѣчаніе—прибавляетъ онъ—я дѣлаю единственно и исключительно для бутерброда съ глубокомыслиемъ г. Благосвѣтлова (sic) и вообще только для критиковъ дѣтей». («Современникъ», декабрь 1864, отд. II, стр. 169).

Мы хотимъ сказать, что эта аргументація, опирающаяся на *одно лицо*, если бы она была обращена, напримѣръ, къ намъ, была бы только смѣшна, потому что мы давно привыкли не уважать чьи бы то ни было мнѣнія, если не находимъ ихъ вѣрными. Но эта аргументація приводится противъ «Русскаго Слова». Она приводится въ «Современникѣ». Мнѣніе же какъ всего «Современника», такъ и всего «Русскаго Слова», таково, что не соглашаться даже съ послѣднею нелѣпностью *одного лица* значить быть хуже, чѣмъ поджигателемъ, хуже, чѣмъ доносчикомъ, ху-

(*) Курсивъ въ «Современникѣ».

(**) Курсивъ тоже въ самомъ «Современникѣ».

(***) Курсивъ нашъ.

(****) Курсивъ Постороннаго Сатирика.

же, чѣмъ писателемъ «приличныхъ хроникъ», можетъ быть даже хуже, чѣмъ раздѣлать мѣнія г. Дудышкина или быть сотрудникомъ г. Краевскаго, хотя хуже этого они ничего еще не придумали. Предполагается притомъ, что свой взглядъ относительно совершеннаго преклоненія передъ *однимъ лицомъ*, какъ «Современникъ» и такъ и «Русское Слово» считаютъ окончательно усвоеннымъ во всемъ кругѣ ихъ читателей. Для Посторонняго Сатирика это такъ несомнѣнно, что свое *замѣчаніе* онъ считаетъ нужнымъ только для такихъ бутербродовъ и такихъ дѣтей, какъ критики «Русскаго Слова». Но если всего этого нельзя не принять въ расчетъ, тогда аргументація Посторонняго Сатирика едва ли могла представляться безопасною для тѣхъ, противъ кого она направлена. И дѣйствительно, «Русское Слово» до того переполюсовилось этою, по его мнѣнію (а такъ же и по нашему, только съ нѣкоторой разницей) «гнусностію», что намъ было и смѣшно и жалко смотрѣть на него: оно считало ограбленною—всю свою репутацію, загубленнымъ — все свое существованіе; оно цѣлыхъ два мѣсяца клялось и божилось, что противъ *одного лица* у него ничего подобнаго въ умѣ не было, и не могли придумать ничего лучшаго, кажется — рѣшилось удвоить свой либерализмъ, что должно его погубить окончательно. Чтожь это, г. Посторонній Сатирикъ, вы такъ оплошали. Можно подумать, что ваша нравственная высота, какъ удачно выразилось «Русское Слово», и вправду «понижилась въ то время до нуля и менцелизма». Вѣдь доносы, поджигательства и всякаго рода инсинуація имѣютъ совершенно одинаковое значеніе въ какому бы предмету они ни относились и кому бы ни дѣлались: грозному ли судилищу венеціанскихъ Десяти, или совершенно либеральному трибуналу, который описывается въ исторіи Мортимера Терно, или еще богѣ либеральной уличной сволочи, о которой повѣствуется въ той же исторіи... А еще находите не довольно либеральной эту исторію. Туда же!...

Безспорно, что «Русское Слово» не могло этого ни отвратить ни предузнать: съ одной стороны, его пасторальный, ариадскій либерализмъ, съ другой, его голубиное воззрѣніе на «Современникъ», потомъ самое отсутствіе въ «Современникѣ» г. Щедрина, наконецъ все, рѣшительно все способствовало къ тому, чтобъ оно не было предусмотрительнымъ. Потому, какъ только дошло до этого, какъ только Посторонній Сатирикъ не только подбѣжалъ къ «Русскому Слово», но и «не долго заставилъ ожидать эффекта», можно было ручаться, что «Русское Слово» смѣшается. Такъ и случилось. Относительно «главнаго предмета», оно, пожалуй, показало, какъ и прежде, все еще значительную непреклон-

ность взгляда. Въ своемъ отвѣтѣ на предварительныя объясненія Посторонняго Сатирика оно прописало свою первую декларацію, то-есть, что признаетъ себя солидарнымъ и съ тѣмъ и съ другимъ: съ авторомъ «Нерѣшоннаго вопроса» — во всемъ, съ авторомъ «Асмодея» — во многомъ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ главномъ. Но желая, на этотъ разъ, быть вполне понятнымъ, то-есть, желая дать знать Постороннему Сатирику, что съ нимъ отнынѣ нисколько не солидарны, оно позволило себѣ нѣкоторыя не довольно двусмысленныя рѣзкости. Такъ оно *бутерброды* Посторонняго Сатирика назвало острою, найденною имъ, будто бы, на улицѣ и оброненною, будто бы, «однимъ обмчителемъ амстятъ съ очками». Это важный промахъ. «Русскому Слову» слѣдовало выражаться именно какъ можно двусмысленнѣй, заключить Предварительнаго Сатирика въ предѣлы постороннихъ объясненій дѣтъ на пять, и потомъ осмѣять его. Но главная ошибка «Русскаго Слова» не въ этомъ. вмѣсто того, чтобы возведа всѣ разнообразныя предложенія статьи Посторонняго Сатирика къ высшему единству, дѣйствовать противъ нихъ совокупными силами, «Русское Слово» пошло въ раздробь. По скольку статья эта затрогивала убѣжденія г. Зайцева, этотъ послѣдній отвѣчалъ Постороннему Сатирику особою контр-статьею по такъ называемому вопросу «объ отношеніяхъ бѣлой и черной расъ». Невѣроятно, но вѣрно. И для этой-то именно контр-статьи онъ отказался отъ приведенной выше защиты «приличныхъ хроникъ», которую обязанъ былъ сдѣлать. Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году, въ самой серединѣ каникулъ, кажется, еще въ одинъ мѣсяць съ статьею г. Автоновича «Лѣтній литературный сезонъ», г. Зайцеву пришло въ голову утверждать, что «рабство негровъ есть явленіе совершенно естественное и нормальное». И въ другомъ мѣстѣ, «что невольничество есть *самый мучный исходъ, котораго можетъ ожидать*» (sic) всякій человекъ, какъ скоро онъ уродился ужъ черезчуръ брюнетомъ. И еще въ третьемъ мѣстѣ, «что объ этомъ могутъ скорбѣть только нюни, болѣе симпатизирующіе вздохамъ шадаме Бичеръ-Стоу, чѣмъ мнѣніямъ Фогта». Замѣтьте, что это было высказано именно въ прошлогодніе каникулы, можно сказать — самыя жаркіе каникулы, какія только запомнать въ Петербургѣ. Но Посторонній Сатирикъ, какъ обыкновенно, самага-то главнаго не замѣтилъ; онъ былъ пораженъ только странностію самага мнѣнія, и г. Зайцевъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе защищать свое мнѣніе въ самой серединѣ прошлой зимы. Впрочемъ оказалось, что «Русскому Слову» рѣшительно все равно, что зима, что лѣто. Намъ, поэтому, совершенно необходимо привести здѣсь нѣкоторые изъ аргументовъ г. Зайцева, такъ-какъ

они лучше всего показываютъ, что наше замѣчаніе о канниулахъ болѣе чѣмъ неумѣстно. Впервые:

«Этому взгляду—говорить г. Зайцевъ—слѣдуютъ всѣ ученые, (то-есть изъ бѣловурныхъ), въ томъ числѣ люди, которыхъ еще никому въ голову не приходило называть обскурантами, какъ напримѣръ, Фогтъ, Гексли и другіе (вотъ обскуранты-то, батюшки-свѣты!). Весь I-й томъ «Лекцій» Фогта о положеніи человѣка въ ряду организмовъ...» и проч.

Но этотъ аргументъ болѣе или менѣе извѣстенъ. Вовторыхъ:

«Никому еще даже не спилось говорить объ эманципаціи лошадей... Слѣдовательно, во взглядѣ моемъ на невольничество нѣтъ ничего, что бы стояло въ разрѣзъ съ мнѣніями, выражаемыми въ политическомъ отдѣлѣ «Русскаго Слова».

Это довольно пріятно узнать, но это все-таки не то. Въ третьихъ:

«Эти слова Посторонняго Сатирика о долгѣ гуманныхъ реалістовъ защищать свободу животныхъ напоминаютъ мнѣ московскаго поэта г. Алмазова, который сказалъ въ ваиныхъ-то стихахъ, что нигилисты обязаны уважать корову, какъ свою родственницу, но находящуюся пока къ дикомъ состояніи.»

Противъ этого аргумента Посторонній Сатирикъ впоследствии нашелся только сказать, что онъ «коровъ (двѣтъ шерсти не обозначенъ) уважаетъ (sic) болѣе чѣмъ многихъ изъ людей». Опроверженіе по истинѣ жалкое. Покрайней-мѣрѣ хоть шерсть или породу обозначилъ бы. Въ четвертыхъ:

«Развѣ необходимо, чтобы не быть обскурантомъ, закрывать на это (то-есть на естественность рабства) глаза, хотя наука говоритъ другое? Для многихъ это дѣйствительно необходимо. Но такая необходимость существуетъ лишь для изданій подобныхъ «Голосу» (sic). Въ «Очеркахъ» же, напримѣръ, въ одномъ изъ первыхъ №№ была статья, доказывавшая, что дѣйствія Гарibaldi въ 1860 году были далеко не безукоризненны и что во многомъ онъ выказалъ ограниченность. «Очерки» могли высказывать это свободно (потому что тамъ былъ г. Антоновичъ). Такимъ же образомъ я полагаю, что «Русское Слово» также мало нуждается въ либеральныхъ украшенияхъ, столь необходимыхъ «Голосу» и «Сыну Отечества». (Декабрь 1864, отд. II, стр. 20—85).

Этотъ послѣдній аргументъ мы считаемъ образцовымъ, какъ относительно его внутренней силы, такъ и внѣшняго блеска. Г. Зайцевъ желаетъ выразить ту мысль—хотя давно извѣстную,

но никогда еще не получавшую, даже подъ перомъ г. Антоновича, такой выразительности—мысль, что если кто либераленъ только слегка, или не совсѣмъ отчаянно (какъ, напримѣръ, «Голось» или «Сынъ Отечества»), тотъ обязанъ быть—неуклонно либеральнымъ, постоянно либеральнымъ, весьма либеральнымъ, даже отчаянно либеральнымъ, и вмѣстѣ разсудительнымъ; ибо на него, какъ только слегка либеральнаго, при малѣйшей его оплошности всѣ будутъ поазывать пальцами. И, напротивъ, кто либераленъ до совершенной отчаянности (какъ, напримѣръ, «Русское Слово» или «Очерки», гдѣ былъ г. Антоновичъ), тотъ можетъ быть и не весьма либераленъ, не всегда либераленъ, даже совсѣмъ не либераленъ, можетъ быть даже безсмысленъ до печатнаго заявленія своего уваженія къ коровамъ, можетъ быть даже очарователенъ до упорнаго признанія законности рабства; ибо ему, какъ либеральному до послѣдней отчаянности, нечего бояться, что на него будутъ указывать пальцами. Вѣрно. Противъ этого аргумента нечего возразить. Но нельзя не пожалѣть, что два такихъ аргументатора дошли до ожесточенныхъ словъ другъ другу. Намъ кажется, что они могли бы вступить въ нѣкоторую сдѣлку, нисколько не избѣгая полемики, и не отказываясь при томъ отъ взаимной солидарности. Напримѣръ, одинъ бы озаглавилъ: «Каникулы, или лѣтній литературный сезонъ». И полъ этимъ написалъ бы: «Я не люблю картофеля; и очень радъ, что не люблю его; ибо еслибы я его любилъ, я бы его ѣлъ; а это было бы мнѣ весьма непріятно; потому что, какъ сказано, я его терпѣть не могу». А другой бы ему въ отвѣтъ: «Совѣтъ г-ну Зайцеву». И потомъ: «Либеральный другъ мой, г. Зайцевъ; не спѣшите превосходить самого себя; ибо если вы въ этомъ успѣете, то кого же вамъ останется превосходить тогда?»

Но либеральные противники не вступили въ подобную сдѣлку.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ книжкахъ очередь зачинать—была опять за Постороннимъ Сатирикомъ. По всегдашнему обыкновенію, онъ зачинаетъ прямо съ дѣла. Онъ зачинаетъ:

«Русское Слово» *отмываетъ* отъ моихъ вопросовъ. *Нѣтъ, друзья мои, не на того напали; я не позволю* себя отвлечь отъ *главнаго предмета* нашего спора (то-есть поскольку кто съ кѣмъ солидаренъ въ возврѣніяхъ на «Отцовъ и Дѣтей»); *я васъ заставляю* объясниться со мною прямо. Для этого всѣ мысли свои (мысли?) въ полемику съ вами я буду формулировать въ видѣ тезисовъ и вопросовъ, а главное, каждый тезисъ или вопросъ у меня будетъ стоять подъ номеромъ, такъ что если вы уклонитесь отъ какого нибудь изъ нихъ, то я вамъ укажу на него пальцемъ,

прямо носомъ ткну васъ на нумеръ, не получившій отъ васъ отвѣта» и проч.

Всѣ эти разудалыя рѣчи прежде всего обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что онѣ предшествуютъ еще болѣе залихватскимъ, изъ которыхъ составлены обѣщанные *вопросы* или *тезисы*, числомъ тринадцать. Въ одномъ изъ этихъ благородныхъ тезисовъ авторъ — (называемъ его такъ ради приличія) — еще разъ возвращается къ вопросу о примѣняемости своего «*лукошка*» къ *одному лицу*.

«Я и теперь (т. е. снова) — говоритъ онъ — утверждаю, что *лукошко*, *фина* и *обличительница коптечная* — все это относилось къ *тому лицу*, какъ къ редактору... Итакъ, вопросъ 8-й: относится ли *лукошко*, *фина* и т. д. къ вышеупомянутому лицу...?»

Въ единственномъ, относящемся къ такъ называемому *главному предмету*, тезисѣ, по счоту въ 12-мъ, Посторонній Сатирикъ обѣщается *заставить отказаться* «Русское Слово» отъ «Нерѣшоннаго вопроса» и *расхлебать кашу*, которую» и проч.

Оканчиваются эти залихватскія рѣчи еще забубеннѣе, чѣмъ начались:

«Въ заключеніе — говоритъ Посторонній Сатирикъ — имѣю честь поздравить г. Зайцева *съ свиной закутой*» и такъ же предлагаю ему вопросъ... Итого предлагается отъ меня «Русскому Слово» всего 13 вопросовъ. *Напоминаю ему*, что всякое *отмѣниваніе* отъ отвѣтовъ на вопросы обрушится на его собственную голову и шею». («Современникъ», январь 1865, отд. II).

Ну — какъ же не подосадовать на «Русское Слово». Столько имѣть шансовъ для выигрыша дѣла и до сихъ поръ его не выиграть. Вѣдь дѣло идетъ о томъ, чья критика на «Отцовъ и Дѣтей» лучше: автора ли «Нерѣшоннаго вопроса» или г. Антоновича. Ну и сказать бы кратко: критика г. Антоновича не можетъ быть лучше ни чьей критики; потому что г. Антоновичъ пишетъ точь-въ-точь какъ Посторонній Сатирикъ; одно уже то, что Посторонній Сатирикъ такъ безконечно распинается за критику г. Антоновича должно доказывать, безъ возможности возраженія, что это должна быть недостойная критика. — Почему? — Потому, что критика произведеній такихъ писателей, какъ г. Тургеневъ, требуетъ довольно тонкихъ способностей. Но не говоря уже ни о чомъ другомъ, она требуетъ, чтобъ у критика былъ, по крайней мѣрѣ, вкусъ къ человѣческой рѣчи. Но посмотрите, что за языкъ у этого Посторонняго Сатирика, пишущаго точь-въ-точь какъ г. Антоновичъ. Что за манера пи-

сать, что за обороты, что за вольно-ямщидній тонъ! — «Тину прямо носомъ въ номеръ», или: «ниѣю честь поздравить съ свиной закутой», или: «обрушится на его собственную голову и шею», или: «я заставлю его расхлебать кашу, которую» и пр. Возможно ли, чтобы подобный критикъ могъ сочинить что-нибудь дѣльное по поводу такого деликатнаго предмета, какъ любое изъ сочиненій г. Тургенева, гдѣ всегда одинъ слогъ чего уже стоить. Анекдоты Балакирева критиковать въ дубочныхъ изданіяхъ—вотъ гдѣ мѣсто такому критику. Но «Русское Слово», легко раздѣлавшись съ критикой г. Антоновича, могло бы спросить самого Посторонняго Сатирика: почему онъ-то сатирикъ? Вѣдь даже для того, чтобы радѣя «Современнику», прославлять его, оказывая посильныя услуги другимъ журналамъ, въ чему онъ, повидимому, обязался контрактомъ, даже для этого нужно быть довольно тонкимъ наблюдателемъ, природу имѣть сдержанную и деликатную, обладать способностію выжиданія, въ характеры противныхъ журналовъ и журналистовъ умѣть смотрѣть, какъ въ зеркало, понимая ихъ во всей ихъ цѣльности, а не по отдѣльнымъ статейкамъ, бить на то, чтобы сила изображеній заключалась въ совершенной правдивости, а не то-что «въ самыхъ непристойныхъ ругательствахъ», быть не столько длиннымъ, сколько послѣднимъ, дѣйствовать не столько скусомъ, сколько обжигать молніей, а главное нужно умѣть говорить и писать.—Но Посторонній Сатирикъ, можетъ быть, скажетъ, что при слѣдственности журнальной работы трудно и почти не возможно быть ни остроумнымъ, ни краткимъ.—Я скажу (за «Русское Слово»): можно. Бросайте только подъ столъ все, рѣшительно все, что вы ни напишите, и будете и тѣмъ и другимъ.—Но Посторонній Сатирикъ, а такъ же и г. Антоновичъ, можетъ быть, опять возражать, что пельзя же оставить «Современникъ» безъ сотрудниковъ.—Я опять скажу (опять за «Русское Слово»): можно. Все, что вы тамъ дѣлаете, могутъ дѣлать за васъ наемщики, тѣ самые наемщики, которыхъ нанимають въ рекруты. Что тутъ такого мудренаго: ваша «фига»-то, чтоль? или ваша «свиная закута»? или «бутербродъ съ глубокомыслиемъ»? или очень мудроно «ткнуть носомъ въ номеръ»? или «обрушить на голову и шею»? Вздоръ! все это можетъ сдѣлать любой наемщикъ.

Какъ бы понимая необходимость того или другаго поддѣржленія, въ столь важномъ случаѣ, «Современникъ», дѣйствительно, приобрѣлъ печатное заявленіе мнѣнія о «Нерѣшонномъ вопросѣ» отъ одного изъ бывшихъ и только-что отошедшихъ сотрудниковъ «Русскаго Слова», г. Минаева: черта литературныхъ нравовъ, достойная перейти въ потомство—конечно, не для подраженія. Это заявленіе «Современникъ» такъ-таки и поставилъ рядомъ

съ тезисами Посторонняго Сатирика. Подобно тому и г. Минаевъ выразилъ совершенно прямо: несогласенъ, говорить, я съ авторомъ «Нерѣшоннаго вопроса», и никогда не былъ согласенъ. Но что онъ думаетъ о своемъ переводѣ «Чайльд-Гарольда», о томъ умолчалъ.

«Русское Слово», какъ отчасти объяснено уже, не захотѣло воспользоваться легкой побѣдой надъ Постороннимъ Сатирикомъ; можетъ быть потому, что подъ статью подписался г. Благосвѣтловъ. Литературное имя этого писателя, хотя весьма почтеннаго, въ публикѣ едва-ли пользуется, независимо отъ изданія журнала, хотъ какую-нибудь популярностью. Это, бесспорно, одинъ изъ честныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ; но, какъ нерѣдко бываетъ съ подобными талантами, мы ни въ складѣ его ума, ни въ выборѣ сюжетовъ, ни въ писательской его манерѣ, не встрѣчаемъ ничего такого, что могло бы заставить помнить о какой либо его статьѣ (кромѣ относящихся къ настоящему случаю) до другаго дня, или даже хотъ прочесть ее. Потому, намъ кажется, мы не имѣемъ особой надобности представлять сколько-нибудь точную характеристику этого писателя. Развѣ нужно замѣтить, что его слогъ можно назвать «простымъ и естественнымъ», какъ онъ и называется въ «Русскомъ Словѣ». Можно, впрочемъ, еще прибавить, что «простота и естественность» понимаются этимъ писателемъ иногда уже чрезчуръ «просто и естественно». Сущность отвѣта г. Благосвѣтлова состоитъ въ томъ, что онъ, съ своей стороны, не признаетъ себя виновнымъ въ какомъ бы ни было разномыслии съ однимъ лицомъ; лично отнесенный къ нему — г. Благосвѣтлову — упрекъ, будто онъ когда-то, при царѣ Горохѣ, выражалъ въ «От. Запискахъ» критическіе взгляды, не согласные съ таковыми же *одного лица*, и особенно, будто онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ «изъ-за спины г. Дудышкина», онъ г. Благосвѣтловъ считаетъ гнуснѣйшею клеветою, хотя и рѣшается допустить, что *одно лицо* было — человекъ, и, понимаемое въ этомъ смыслѣ, могло погрѣшати. По тому самому, *кашу* Посторонняго Сатирика г. Благосвѣтловъ называетъ *размазною*, самого его *безсовестнымъ муномъ и клеветникомъ*, который «на полторы мысли ставить по пятисотъ вопросительныхъ знаковъ». И въ заключеніе прибавляетъ, что если спорить, то спорить, и пора *начинать*. — (*Всѣ изумляются. Январскія книжки «Современника» и «Русскаго Слова» удаляются въ корзинку для бумагъ. Пишущій эти строки постепенно приходитъ въ себя и потомъ продолжаетъ*).

И вотъ такимъ-то образомъ, сколько тутъ ни поспѣшай, все еще находишься у самаго начала. Но начитавшись столькихъ образцовъ оригинальной полемики, неужели мы не можемъ воз-

высѣться до какого-нибудь отчаянно-оригинальнаго конца этому началу? Можемъ и возвышаемся:

«Современникъ» въ февралѣ. (*Дѣйствіе у опушки Русскаго Слова. Вмѣсто «главнаго предмета», котораго совѣсть невидна, передъ читающей публикой: «Глуповцы въ Русскомъ Словѣ—статья Предварительнаго Сатирика. «Эффектъ» бьетъ фонтаномъ»*).

№ 1. «До сихъ поръ вамъ, г. Благосвѣтловъ, было не житье, а масляница... Все бы это такъ и осталось, всегда бы нашему воту была масляница, но лукавый его попуталь. Вмѣсто того, чтобы сидѣть за кулисами, онъ выбѣжалъ на сцену, и весь о натурель (*)...» и проч. (**) (Соврем. обозр. стр. 368).

№ 2. «Вслѣдствіе этого, я приглашаю г. Благосвѣтлова, чтобы онъ всего себя смазалъ той *размазней* (***), о которой онъ говорить; такъ чтобы пзъ него вышелъ настоящій бутебродъ съ размазней». (Стр. 372).

№ 3. «Печатая этотъ фельетонъ (г. Щедрина, въ мартѣ прешлаго года), «Современникъ» проникнуть былъ негодованіемъ на такихъ литературныхъ шалопаевъ, какъ г. Благосвѣтловъ, и по своей гуманности хотѣлъ очищать литературу отъ гнилыхъ и заразительныхъ бутебродовъ». (Стр. 373).

№ 4. «Умилительны эти шалопайское самодовольство и близорукость, невидящая ничего дальше своего носа. Размазня, по всей справедливости, должна быть съѣдена вами, г. Благосвѣтловъ». (Стр. та же).

№ 5. «Ахъ какъ онъ безсовѣстно запирается и лжетъ, этотъ г. Благосвѣтловъ! Ну погодите же, я печатными фактами зажду вашъ лживый и болтливый ротъ». (Стр. та же).

№ 6. «Я знаю, что прежде находясь на службѣ у г. Краевского и графа Куселева Безбородко, вы смѣло говорили объ этихъ погрѣшностяхъ (то-есть *одного лица*)». (Стр. 375).

№ 7. «Да, г. Благосвѣтловъ, я могу гордиться милостями «одного лица»; эти милости безконечно честнѣе и выше, чѣмъ всѣ барскія и графскія милости, которыя приобрѣтаются усердною стойкою въ графской передней, и искуснымъ хожденіемъ на заднихъ лапкахъ передъ господами». (Стр. та же).

№ 8. «Повѣрьте, еслибы я былъ богатымъ баринномъ, и еслибы вы мнѣ хорошенько угождали, я бы тоже озолотилъ васъ: я бы подарилъ вамъ журналъ, я бы далъ вамъ типографію, я бы даже

(*) Курсивъ «Современника».

(**) Продолжить эту выписку *рѣшительно* невозможно.

(***) Курсивъ въ «Современникѣ».

дать вамъ на первоначальное обзаведеніе, на-моль, тебѣ за вѣрную службу, и помни своего барина». (Стр. 376).

№ 9. «Первый изъ насъ сталъ сплетничать г. Благосвѣтловъ». (Стр. 377).

№ 10. «Вотъ и выходитъ, что вы шалопай и бутербродъ». (Стр. та же).

№ 11. «Замаранный хвостъ г. Благосвѣтлова». (Стр. 378).

№ 12. «Онъ (г. Благосвѣтловъ) изъ-за спины г. Дудышкина сталъ лаять на одно лицо». (Стр. 382).

№ 13. «Вотъ ужъ подлинно хавронья!» и проч. и проч.

Передъ началомъ этихъ монологовъ, мы забыли сдѣлать предупрежденіе, что рѣшаемся цитировать избранныя мѣста изъ сатирическаго сочиненія «Современника». Эта оплошность наша, вѣроятно, была причиною не одного случая, гдѣ эти монологи были прочтаны лицами, которымъ, вслѣдствіе ихъ пола или возраста, бытъ можетъ, не совсѣмъ пристойно читать подобныя вещи. Въ нашей оплошности мы глубоко извиняемся. Но совсѣмъ не цитировать мы никоимъ образомъ не могли. Въ этомъ случаѣ, мы исполняемъ высшій долгъ, отъ котораго не считаемъ въ правѣ освободить себя. Тотъ, кто сочинилъ тѣ монологи, билъ рѣшительно на то, чтобы съ нимъ гадко было связываться и чтобы самому ему было, оттого, вольно и безопасно подбѣгать къ кому онъ хочетъ и къ чему пожелаетъ. Съ нимъ никто и не связывается, но можно ли позволить столько безобразія? Чувства чести, красоты и истины въ нашемъ обществѣ—и мы говоримъ это съ глубочайшимъ вниманіемъ къ этому обществу—и безъ того не сильны. Званіе писателя и безъ того не очень уважаемо. Кто остается только равнодушенъ къ тому, чтобы пробуждать первыя и поднять второе, а между тѣмъ носить званіе писателя, и тотъ уже носить его незаслуженно, и недостойнъ его. Но кто по невѣжеству или нравственной тупости, по отсутствію тѣни эстетическаго развитія, специально принимается за перо, чтобы не быть превзойденнымъ въ цинизмѣ необдѣланной рѣчи и откровенно-гадкихъ поползновеній—въ наемщикахъ, въ наемщикахъ мѣсто такому писателю. Потому, намъ и еще разъ придется обратиться къ цитатамъ изъ «Современника». Но теперь на очереди его аркадскій соперникъ.

«Русское Слово» въ февралѣ. (*Дѣйствіе у опушки Поторонняго Сатирика. На сценѣ, за отсутствіемъ «главнаго предмета эстетическія мнѣнія г. Благосвѣтлова время царя Гороха...*) Впрочемъ, какъ только коснется «Русскаго Слова», сейчасъ же и достопримѣчательность. Какимъ образомъ февральское «Русское Слово» могло отвѣтить февральскому «Современнику»?

Вопросъ довольно естественный, и все-таки неумѣстный. «Русское Слово» во все время продолжало свою дипломатію на этихъ кондіціяхъ. «Современникъ» произведетъ свой «эффектъ» въ декабрѣ, и оно ему отвѣтитъ контр-эффектомъ тоже въ декабрѣ. Тотъ въ январѣ и это въ январѣ, и такъ до нашихъ дней. Желая разрѣшать всѣ вопросы своевременно, оно кончило тѣмъ, что рѣшительно не обращаетъ вниманія на время, былъ бы ему только «Современникъ». Мы-то рассчитываемъ, что оно между тѣмъ и другимъ срокомъ уманцаетъ себя ароматами, чтобы отбить произведенный «эффектъ», а оно тоже себѣ, «по возможности», или «насколько возможно въ настоящее время», собирается съ силами для «эффекта»... Но обратимся къ эстетическимъ мнѣніямъ г. Благосвѣтлова:

1) «Можно было предвидѣть, что послѣ *черной* грязи, нанесенной въ послѣднее время гг. Ключниковыми въ литературѣ, не замедлитъ явиться и *блкая* грязь... Открытіе бѣлой грязи неотъемлемо принадлежитъ г. Постороннему Сатирику «Современника». Эту честь онъ можетъ поровну раздѣлить не только съ такими изъ своихъ прихвостниковъ, какъ г. Ив. Дмитріевъ и литературный Домино, но»... и проч. (Отд. II, стр. 66).

2) «Въ тоже время г. Посторонній Сатирикъ не пренебрегъ и другими вспомогательными средствами; онъ воспользовался услугами такой дрянн, какъ его прихвостники.» (Стр. 67).

3) «Ахъ, вы, лгунишка! Ахъ вы, сплетнигъ литературный! И послѣ этого вы собираетесь посадить меня на ладонь и показать публикѣ? Но я не совѣтовалъ бы вамъ садиться ни на чью ладонь, а спрятаться куда-нибудь въ салогъ и не показывать вашихъ безсмыслихъ глазъ» и проч. (Стр. 72).

4) «И знаетъ онъ очень хорошо, что жетъ, но если бы онъ не лгалъ, то ему не было бы повода и писать... А что онъ жетъ» и проч. (Стр. 73).

5) «Зачѣмъ же мнѣ было лаять на него (то-есть на одно лицо)? посудите вы сами, умная голова. Но вы и тутъ жете, то-есть вы рѣшительно ни одного слова не можете сказать, чтобы не соврать и не напечатать вашего вранья на 20 или 70 страницахъ.» (Стр. 74).

6) «Я возьму назадъ тотъ грязный хвостъ, который по праву возвращаю вамъ.» (Стр. 76).

7) «Я жестоко уличу васъ, и вмѣстѣ съ грязнымъ хвостикомъ, подарю вамъ и колпакъ съ ослиными ушами.» (Стр. та же).

8) «Хлестаковъ мой утверждаетъ, что я спалъ въ графской передней на ливреяхъ. Дѣйствительно спалъ, и тогда же убѣдился, что гораздо приличнѣе находится въ обществѣ ливрейныхъ лакеевъ, чѣмъ въ такой компаніи, какъ литературный лгунишка «Современника». (Стр. 77).

9) «Но если вы рѣшаетесь разоблачать чужіе инкогнито... я долженъ объявить, что подъ маской Посторонняго Сатирика де-битуруетъ г. Антоновичъ». (Стр. 78).

Этого одобрить невозможно, хотя тутъ дѣло взаимное. Но они то же самое выдѣлывали и не съ своими инкогнито. Рѣшительно тамъ только имъ и мѣсто, гдѣ сказано выше. Отдайте имъ ваше доброе имя, какъ имѣлъ неосторожность г. Ключниковъ, который виноватъ только въ томъ, что напечаталъ романъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», они и будутъ пропагандировать, будто гг. Ключниковы, а не кто другой, черную грязь нанесли въ литературу. А пожелай оставаться инкогнито—инкогнито открываютъ—и на бѣду по этому предмету и статьи нѣтъ въ сводѣ законовъ. Что же тутъ остается дѣлать, при несомнѣнномъ несочувствіи новѣйшаго общества (но не г. Зайцева) къ гладиаторству? Инкогнито могло быть единственнымъ приближеніемъ для нѣкоторыхъ уважающихъ себя личностей. Но вотъ его открываютъ, а иные это искусство—не то-что менцелизма, какъ деликатно выражается «Русское Слово», не то-что шпионства, не то-что подслушванія у дверной скважины, а чего-то несравненно худшаго—возводятъ даже въ принципъ. Съ пишущимъ эти строки и подписывающимъ ихъ Incognito, случилось съ самимъ, что въ недавнее время одинъ изъ наиболѣе гениальныхъ и благородныхъ сотрудниковъ «Русскаго Слова»—мнѣ пріятно назвать его при этомъ случаѣ, это былъ г. Зайцевъ—обратился съ прямыми представленіями оставить свое Incognito. Оно, говорить, не имѣетъ у васъ другаго основанія, кромѣ того, что вы глупы. Но это, говорить, не причина, чтó за бѣда, что глупы. И затѣмъ приводитъ свою причину, въ видѣ цитаты, изъ Шопенгауэра—(не забыть, не заспать теперъ вамъ, г. Зайцевъ, во вѣки вѣковъ этого Шопенгауэра!),—причину, почему я съ нимъ долженъ согласиться.

«Иначе—говоритъ онъ—къ вамъ бы слѣдовало отнести то, чтó говорить о неумѣстныхъ инкогнито Шопенгауэръ (то-есть, «последній идеалистъ-философъ»). А знаете ли чтó онъ говорить? Вотъ что: «анонимное рецензентство недостойно и безчестно. Рецензентъ называетъ себя m-r Nobody (г. Никто), но каждый въ правѣ сказать, что m-r Nobody мошенникъ. Поэтому, такого анонима слѣдуетъ всегда подчивать названіями мошенника и негодяя, вмѣсто того, чтобы говорить ему, какъ нѣкоторые, замаранные этою сволочью авторы: «уважаемый критикъ». «Негодяй, скрывающій свое имя»—вотъ что должны сказать ему всѣ честные люди. Кто стащить маску съ такого проходивца, пробѣгающаго подъ шинцрутенами и вытащить его за ухо на свѣтъ, тотъ окажется большую заслугу, а сова при днев-

номъ свѣтъ возбудить всеобщій хохотъ» («Русское Слово», февраль, 1865, отд. II, стр. 45).

Пожалуйте же на свѣтъ, г. Зайцевъ. Вы тотъ самый г. Зайцевъ, который, какъ будто для того только и приставлены къ «Русскому Слово», что бы исправлять обязанности его спины, пробѣгая подъ шпицруттинами анонимныхъ и подписывающихся критиковъ; вы тотъ самый г. Зайцевъ, у котораго не должны еще заживиться рубцы, нанесенные вамъ за невѣроятно-невѣжественныя сужденія ваши какъ нарочно объ этомъ «последнемъ идеалистѣ-философѣ» Шопенгауэрѣ, котораго, какъ потомъ оказалось, вы изучили по какой-то анонимной и на-смѣхъ написанной рецензій; вы тотъ самый г. Зайцевъ, у котораго не успѣли еще обсохнуть слезы публичнаго покаянія въ томъ, что въ физиологическомъ трактатѣ г. профессора Сѣченова вы рѣшились сдѣлать вашу архи-невозможную поправку—не потому, чтобы смыслили что-нибудь въ физиологій, а потому, что плохо играете въ шахматы; вы тотъ самый г. Зайцевъ, надъ которымъ вся масса образованныхъ людей въ Россіи, въ это самое время помираетъ со смѣху, читая курьезы въ «Отч. Запискахъ» «о методахъ изложенія исторіи»; вы тотъ самый г. Зайцевъ, который никогда, ни о чомъ иначе разсуждать не умѣете, какъ по образцу, приведенному выше, то-есть, что «я не люблю картофеля» и проч.; наконецъ, вы тотъ самый г. Зайцевъ, надъ которымъ смѣяться отчасти уже оказывается смѣшнымъ, а отчасти недостаточнымъ: но не смотря и на все это, какъ же вы, г. Зайцевъ, не понимаете—вѣдь это такъ ясно—такъ ясно, что слова вышеприведенной цитаты вашей составляютъ величайшее побужденіе не къ тому, чтобы отрывать свое инкогнито, а къ тому, чтобы постараться, «насколько это возможно въ настоящее время», скрывать его отъ такихъ гг. Зайцевыхъ, какъ вы, г. Зайцевъ. Или причина вашего непониманія «дневной свѣтъ»? Вѣдь теперь, г. Зайцевъ, пока пишущій эти строки, «по возможности» сохраняетъ свое инкогнито, онъ можетъ вполне удовлетвориться (и удовлетворяется) однимъ тѣмъ, что сдаетъ съ рукъ на руки вашъ зоркій умъ—для всеобщаго удивленія, а вашъ благородный характеръ—для такого же прославленія. Но еслибы онъ подписывалъ свое имя, какъ много есть такихъ неосторожныхъ людей, и особенно изъ тѣхъ, которые начали свою дѣятельность въ другое лучшее время, или даже изъ тѣхъ, которые жили прежде и никакихъ гг. Зайцевъ не могли ни предвидѣть, ни предчувствовать (вѣдь вы Пушкина обратили бы въ анонима! кто устоитъ противъ вашихъ фонтановъ?) еслибы, повторяю, онъ подписывалъ свое имя, и вы обратились бы къ нему съ вашимъ

фонтаномъ, чтò ему оставалось бы дѣлать? Предполагается, конечно, что къ наемнымъ гладиаторамъ, какъ вы г. Зайцевъ, онъ не могъ бы обратиться...

«О Немезида! чьи скрижали
Хранятъ (*) и проч.

«Современникъ» въ мартѣ. (На сценѣ статья *Посторонняго Сатирика: «Барскіе лакеи въ Русскомъ Словѣ»* (sic). «Эффектъ» нуще прежняго).

1. «Любо мнѣ, читатели, смотрѣть, какъ вслѣдствіе монхъ поддразниваній г. Благосвѣтловъ самъ себя разоблачаетъ... и вотъ вы видите теперь уже не прежняго г. Благосвѣтлова въ маскѣ радикализма, а настоящаго г. Благосвѣтлова, то-есть барскаго лакея, щедро награжденнаго бариномъ за его лакейскую службу и тоже стремящагося сдѣлаться бариномъ въ своей очереди». (Совр. обозр. стр. 203).

2. «Хлестаковъ мой» — такъ называетъ меня г. Благосвѣтловъ, вѣроятно, потому, что относительно меня онъ долженъ называться мой Осипъ». (Стр. 204).

3. «Когда пожива подлѣ г. Краевского оказалась плохого, мой Осипъ сталъ искать болѣе подходящаго барина, и дѣйствительно нашелъ... и погрѣлся изрядно, получилъ подачку въ видѣ журнала... но за то вѣдь и служилъ усердно, исправно дежурилъ въ передней, даже спалъ въ ней, просто свернувшись на ливреяхъ...» (Стр. 205).

Но вѣдь это безъ конца; связка о бѣломъ быкѣ на 15-ти страницахъ. Потому переходимъ прямо къ заключительному пункту:

«Въ заключеніе — говоритъ Посторонній Сатирикъ — я считаю себя въ необходимости избѣгать полемики съ г. Зайцевымъ до тѣхъ поръ, пока его защитники будутъ два гайдука (**), которыхъ я особенно боюсь, такъ-какъ въ моемъ арсеналѣ нѣтъ оружія, съ которыми бы» и проч. (Стр. 217).

Мы думали, что они обойдутся посредствомъ *скупса*, однако вотъ передъ нами засучиваютъ рукава гладиаторы и тоже хотятъ себѣ, «по возможности,» сдѣлаться узаконеннымъ орудіемъ полемики. Честь вашему изобрѣтенію зоркій, и еще болѣе благородный, чѣмъ зоркій — публицистъ, г. Зайцевъ. Что за блескъ отъ васъ, если посмотрѣть при солнцѣ!... конечно — пздали.

(*) Коозова. Изъ Чайльд-Гарольда.

(**) Позволяемъ себѣ цитировать это мѣсто потому, что оно напечатано давно и г. Зайцевымъ оставлено безъ возраженій.

Послѣдующіе нумера уважаемыхъ журналовъ у насъ въ рукахъ не были. Но мы положительно слышали (бывши на дняхъ въ редакціи), что противники, послѣ всѣхъ описанныхъ объясненій (конечно, предварительныхъ), сошлись, наконецъ, по крайней мѣрѣ, насчетъ главныхъ условій о томъ, какъ продолжать споръ о «главномъ предметѣ»: то-есть скунсомъ или гладиаторствовать? (Къ счастью, этого не будетъ, и мы сей-часъ расскажем, почему этого не будетъ). Мы слышали, что въ апрѣльской книгѣ «Современника» появилась уже и статья г. Антоновича, болѣе или менѣе относящаяся, будто бы, ни болѣе ни менѣе, какъ къ «главному предмету». (Какъ мы рады, что она должна обзавестись излишнемъ!) Такъ будто и называется: *Промехи.—Неръшонный вопросъ* (*). Какъ бы было печально, еслибы это могло продолжиться... Но передъ лицомъ земли и неба!.. у этого начала не будетъ продолженія, потому что не должно быть, и теперь бесполезно. То, что мы расскажемъ, мы были бы обязаны давно рассказать, но, во первыхъ, насъ удерживала мысль, авось противники сами догадаются, перейдя послѣдніе предѣлы ожесточенія, повернуть къ болѣе миролюбивымъ отношеніямъ; а во вторыхъ, то, что мы расскажемъ, до того невѣроятно, что до появленія названной статьи г. Антоновича, намъ могли бы не повѣрить. Но теперь, когда фактомъ этой статьи исчерпывается вся область невѣроятнаго... Ахъ, виноваты!... Незнающіе, могутъ указать намъ, какъ на нѣчто еще болѣе невѣроятное, предположивъ, напримѣръ, чтобы Посторонній Сатирикъ, съ видомъ человѣка знающаго себѣ цѣну, когда-нибудь сталъ говорить о заслугахъ своей полемики, чтобы онъ съ гражданской грустію сталъ жаловаться на непризнаніе этой полемики, и что бы урною для своихъ добродѣтельныхъ слезъ, онъ избралъ открытое сердце г. Зайцева?—Но вѣдь это же было; это общій тонъ почти всей статьи его, помѣщенной въ декабрѣ, и это же самое выражается почти въ половинѣ его *тринадцати* тезисовъ. Или еще. Незнающимъ, и того невѣроятнѣй могло бы показаться, чтобы г. Зайцевъ подъ всею свѣжестью впечатлѣній, только-что испытанныхъ имъ, пробѣжавши подъ шпицрутенами подписавшагося критика, за своего Шоненгауэра и упомянутую поправку у г. профессор-Сѣченова, чтобы онъ при такихъ обстоятельствахъ, могъ апеллировать къ читающей публикѣ, опираясь при этомъ на «свою преддѣльную дѣятельность»? Но вѣдь и это же было и послужило для г. Зайцева остроумнымъ сюжетомъ для цѣлой статьи въ февралѣ... И теперь, когда область невѣроятнаго такъ же вѣрно относится къ числу порѣшонныхъ вопросовъ, какъ вѣрно

(*) Это вѣрно. *Ред.*

то, что нѣтъ болѣе Авраама Линкольна, теперь вы обязаны повѣрить всему, что бы я ни сказалъ.

Разсказъ будетъ кратокъ. Дѣло въ томъ, что глубоко опечаленный наканунѣ одного выхода «Русскаго Слова» (оно иногда выходитъ), принудивъ эти строки провести въ непритворныхъ размышленіяхъ цѣлую бессонную ночь, вплоть до ясной зари. Но въ то время, когда по тому направленію, гдѣ стоитъ святой градъ Іерусалимъ, почти совсѣмъ побагровѣло, онъ услышалъ надъ самою крышей (онъ живетъ на чердагѣ) какъ бы нѣкій гоготъ и тяжелое маханіе крылъ, на подобіе тѣхъ, которые издаются стаями низко летающихъ дичихъ гусей. Онъ поспѣшилъ открыть окно: то были дѣйствительно стаи, но не гусей... Онѣ летѣли съ противоположныхъ сторонъ—одна отъ сѣвера, другая отъ юга—но направлялись какъ-будто къ одному пункту. Онъ посмотрѣлъ еще и ему показалось, что онѣ были исхудалы и голодны. Очуввшись одна отъ другой на полетъ стрѣлы, онѣ перекликнулись: «товарищи! откуда?» И одни другимъ: «изъ Современника!» А другіе однимъ: «изъ Русскаго Слова!». То были стаи молодого поколѣнія, улетавшія изъ уважаемыхъ журналовъ.

Вотъ до чего доводитъ неправильная полемика.

Incognito.

P. S. Какъ бы то ни было, но заглавіе этой статьи, прежде появленія ея въ свѣтъ, успѣло уже быть перетолкованнымъ. Verba Novissima—означаетъ просто—«новѣйшія слова», въ смыслѣ послѣдней моды. Несмотря на то, въ «Русскомъ Словѣ» стали придавать имъ какой-то апокалипсической смыслъ; стали утверждать, будто авторъ измѣнилъ своему прошлогоднему знамени, и, въ противоположность своему прежнему мнѣнію, явно перестаетъ признавать взаимную солидарность между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ»; съ другой стороны, «Русскому Слову» хочется понимать, будто послѣ «Начала Конца», опубликованнаго въ минувшемъ году (*), авторъ проводить теперь еретическую мысль о финальномъ дряганіи *Самаю Конца*. Ничего такого не было на умѣ у автора; его слова нужно понимать просто, какъ они есть. Во всякомъ случаѣ, если «Отечественныя Записки» будутъ находить нужнымъ время отъ времени возвращаться къ предмету настоящей статьи, то все, относящееся до него, въ избѣжаніе несправедливыхъ толковъ, впредь будетъ получать слѣдующее общее загла-

(*) «Отеч. Записки», июнь 1864.

віе: «О новѣйшемъ движеніи и проч.». Именно только эти слова и буквы, и ни одной буквою ни больше, ни меньше. Причина та, что напечатанное вполнѣ, заглавіе это было бы однимъ изъ постоянно встрѣчаемыхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и читалось бы такъ: «О новѣйшемъ движеніи въ расколѣ». Но позаимствовавъ его вполнѣ, значило бы поступить съ чужимъ заглавіемъ такъ, какъ поступаетъ г. Антоновичъ съ чужими книгами, или Посторонній Сатирикъ съ статьями г. Благосвѣтлова. Труды этого послѣдняго, по крайней мѣрѣ самые послѣдніе, и безъ того, кажется, мало принесли ему выгоды, а тутъ еще примѣняютъ къ нему такъ называемый пляжіатъ (*).

(*) Plagiat—литерина присвоенія, «по возможности», незаконнымъ образомъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Состояніе англійскаго законодательства. — Европейскія эпидеміи. — Прогрессъ метеорологіи. — Образцовое произведеніе топографическаго искусства.

Состояніе англійскаго законодательства. Рѣдкому изъ порядочно-образованныхъ жителей континентальной Европы не удавалось читать или слышать о хаотическомъ состояніи англійскихъ законовъ. Но вообще большинство не-англичанъ имѣть объ этомъ предметѣ слишкомъ поверхностныя понятія. Очень немногіе знаютъ основательно, какимъ образомъ могъ произойти такой странный фактъ, и что до сихъ поръ препятствуетъ англійскому правительству приступить къ коренному преобразованію законодательной части, нисколько несоотвѣтствующей тому стройному движенію, которымъ въ другихъ частяхъ своего механизма отличается общественная и государственная жизнь высоко-цивилизованной Британіи. Въ апрѣльской книжкѣ «Westminster Review» объяснены эти, вообще мало извѣстныя причины. Помѣщенная тамъ статья объ англійскомъ законодательствѣ заслуживаетъ полной довѣренности, потому что высказанныя въ ней мысли подтверждены ссылками на извѣстнѣйшихъ юристовъ, авторитетъ которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Вопросъ о необходимости для Англій свода законовъ былъ поднятъ Бентамомъ около 50-ти лѣтъ назадъ тому. Впослѣдствіи развили его съ большей полнотой и точностью сэръ Ромилли, знаменитый Аустинъ и Мэнъ. Наконецъ въ 1863 году лордъ-канцлеръ произнесъ въ верхней палатѣ рѣчь о необходимости пересмотра законовъ, и прошлой осенью былъ напечатанъ въ «Times» адресъ сэра Уильда о томъ же предметѣ. Такимъ образомъ постепенно составилось въ Англій общее убѣжденіе въ неудовлетворительномъ состояніи отечественныхъ законовъ, изъ котораго необходимо вывести ихъ и установить строгій контроль надъ ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ.

Англійское законодательство можно раздѣлить на двѣ категоріи: на законъ неписанный, *lex non scripta*, или обычный (*Common*

Law), и законъ писанный, *lex scripta*, или канцелярскій, уставный, извѣстный также подъ общимъ названіемъ «правосудія» (*Chancery Law, Statute Law, Equity*). Первый вошелъ въ силу безъ всякой законодательной санкціи. Еще въ царствованіе Эдуарда I, общинныя суды начали представлять правительству отчеты о рѣшенныхъ ими дѣлахъ. Вслѣдъ затѣмъ установился обычай ссылаться на эти отчеты, какъ на достаточную причину рѣшенія такимъ же образомъ подобныхъ дѣлъ, и наконецъ ссылка на образцы вошла въ правило, не всегда, конечно, согласное съ правосудіемъ. Обычное право до сихъ поръ дѣйствуетъ въ Англии, несмотря на все его разногласіе съ уставнымъ закономъ. «Безъ сомнѣнія—говорить лордъ-канцлеръ—многое заимствовано въ немъ изъ обычаевъ, сохранившихся только въ памяти народа. Происхожденіе нѣкоторыхъ правилъ, вошедшихъ въ акты Великаго Совѣта, совершенно неизвѣстно. Учѣлось многое отъ римскаго права, долго существовавшаго въ Англии; немало также удержалось общихъ началъ, переходившихъ отъ одного поколѣнія юристовъ къ другому. Вслѣдствіе всего этого источники общаго права имѣли въ древности самый неопредѣленный характеръ, и произволь судейскаго рѣшенія былъ вполне неограниченъ». Когда Англія, такъ-сказать, переросла древнюю форму законодательства, и «суды по общему праву» (*Courts of Common Law*) поколебались принять на себя отвѣтственность законодательной власти, въ то время канцлеры, при помощи учрежденныхъ подъ ихъ вѣдѣніемъ канцелярскихъ судовъ (*Courts of Chancery*), начали изымать общія правила изъ массы рѣшенныхъ дѣлъ и составлять уставы. Отсюда въ царствованіе Генриха III явился писанный или уставный законъ въ видѣ парламентарнаго законодательства, состоящаго изъ 45 большихъ печатныхъ томовъ. Но дѣло въ томъ, что эти статуты составлялись рѣшительно безъ всякой системы; въ нихъ соблюдался только хронологическій порядокъ. Совершенно разнородныя предметы вошли въ одну книгу, и тождественныя разсыпались по всѣмъ томамъ. Нѣкоторые законы были изданы на время, другіе отчасти или вполне отмѣнены—такъ, что теперь очень трудно не сбиться съ толку и вѣрно отдѣлать статьи, вышедшія изъ употребленія, отъ тѣхъ, которыя находятся еще въ силѣ. А такъ-какъ послѣдніе объясняются рѣшеніями общаго и канцелярскаго судовъ, которые загромождены комментаріями и противорѣчіями, то даже весьма опытному юристу стоитъ большаго труда добраться до точнаго смысла закона. Потому-то, когда къ англійскимъ адвокатамъ прибѣгаютъ за совѣтомъ, ни одинъ изъ нихъ не уважаетъ на законъ, прямо примѣнимый къ дѣлу. Имъ необходимо сдѣлать справку, то-есть свѣриться съ рѣшенными прежде дѣлами такого же рода, сравнить многія изъ нихъ, отбросить неважныя случайности, объяснить черты, подходящія къ предмету новой тяжбы, и т. д. Это необходимо потому, что писанный законъ не имѣетъ тамъ силы общихъ принциповъ, и беспорядочно разбросанныя статьи его безпрестанно противорѣчатъ другъ другу. Надобно замѣтить, что основанные на

примѣрахъ судебныхъ рѣшеній законы (Case Law), напечатанные вмѣстѣ съ сокращеннымъ текстомъ дѣлъ, занимаютъ уже 1,200 томовъ, и «сверхъ того, говоритъ лордъ-канцлеръ, въ послѣднее время представлено до 50 бипъ отчетовъ или донесеній, которые должны также влиться въ необъятный резервуаръ закона и составить такую невообразимую путаницу, которую должно назвать величайшимъ хаосомъ законодательства». Сэръ Уильдъ также пишетъ: «Въ текущее столѣтіе законъ дополнился большимъ количествомъ рѣшенныхъ дѣлъ, нежели въ пять прошлыхъ вѣковъ, взятыхъ вмѣстѣ. Это громадное приращеніе должно не только затруднить юристовъ, но также обнаружить несостоятельность министерства юстиціи. Нѣтъ возможности сравнивать и приводить въ систематическій порядокъ такіа страшныя массы дѣлъ одновременно съ притокомъ ихъ; къ тому же канцелярскіе суды, заваленныя текущими дѣлами, не имѣютъ времени заниматься строгой повѣркою этихъ рѣшеній». Въ добавокъ ко всему должно прибавить, что обычные суды не уважаютъ канцелярскихъ доктринъ, и у канцлера одно средство заставить повиноваться своимъ предписаніямъ, именно — онъ можетъ посадить въ тюрьму ослушника. Такимъ-то образомъ возникла въ Англіи страшная аномалія: рядомъ другъ съ другомъ существуютъ тамъ двѣ законныя системы, постоянно враждующія между собою. До сихъ поръ одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ одно и то же дѣло выиграть въ Вестминстерѣ и проиграть въ Линкольс-Иннѣ. До сихъ поръ англичанинъ, получившій законное право на что-либо, не можетъ считать себя безопаснымъ отъ происковъ противной стороны, если не попроситъ канцелярскій судъ запретить другимъ истцамъ хлопотать въ обычномъ судѣ о присвоеніи того, что по закону принадлежитъ ему. Каково же это! Канцлеръ долженъ грозить тюрьмою за прошеніе, поданное въ присутственное мѣсто, или же, въ противномъ случаѣ, вамъ предстоить опасность, если и не потеряетъ собственности, то по крайней мѣрѣ подвергнуться непріятностямъ безконечнаго процесса, потому что въ 1,200 томахъ рѣшенныхъ дѣлъ могутъ найдтись всякіе образцы и за васъ, и противъ васъ. Эту-то страшную путаницу противорѣчій и называетъ лордъ Вестбѣри хаосомъ англійскаго законодательства. Еще за 250 лѣтъ до нашего времени, г. Селденъ говорилъ о писанныхъ законахъ Англіи, что справедливость ихъ измѣряется совѣстью канцлеровъ. «Это все равно—прибавляетъ онъ—еслибы за норму фута приняли канцлерскую ногу. Какъ невѣрна была бы эта мѣра! У одного канцлера длинная ступня, у другаго короткая, у третьяго средняя. Такъ же и совѣсть ихъ». Надобно припомнить, что уставные или писанные законы, извлеченные изъ рѣшенныхъ дѣлъ, составлялись въ Англіи въ продолженіе вѣковъ безъ всякой, какъ мы сказали уже, однородной системы. Притомъ же тамъ не было постоянной законодательной комисіи, или другаго подобнаго учрежденія, которое контролировало бы экстракты, дѣлаемые канцеляріями изъ рапортовъ провинціальныхъ судей, и слѣдило бы за единствомъ ихъ

характера, недопускающихъ противорѣчій. Въ 1863 г. парламентъ отмѣнилъ очень многіе изъ уставныхъ законовъ; въ нынѣшнюю сесію было сдѣлано такое же обѣщаніе. Но все это не болѣе, какъ слабыя, паліативныя средства.

И такъ, если, по словамъ самого лорда-канцлера, какъ мы увидимъ ниже, англійскія судебныя мѣста могутъ по одному дѣлу постановлять два совершенно-противоположныя рѣшенія, не уклоняясь отъ законнаго основанія; если, въ видахъ устраненія ихъ отъ несправедливости, канцлеръ долженъ грозить не имъ, но просителю; если, наконецъ, сами канцлеры не всѣ и не всегда отличались особеннымъ стремленіемъ къ правосудію—то слѣдовало бы, кажется, заключить, что въ Англійи совершаются такія неправды, которымъ могло бы позавидовать турецкое своеволие. Однако же, этого положительно нѣтъ тамъ, и Англійа, несмотря на хаотическое бостояніе своихъ законовъ, все-таки признается повсюду классической страной справедливости. Чѣмъ же объяснить эту незначительность зла, когда существуютъ такія богатѣйшія для него средства? Мы убѣждены, что сильнѣйшее противодѣйствіе злу заключается въ гласности и общественномъ мнѣніи, которыя успѣли совершенно выработаться въ этой высоко-цивилизированной странѣ, и стали надежнѣйшимъ ея оплотомъ противъ злоупотребленій власти. Бываютъ, конечно, и тамъ возмутительные факты, но за то ихъ скоро узнаетъ не только Англійа, но даже весь цивилизованный міръ. Перспектива такой громкой извѣстности и тѣ результаты, которые неизбѣжно сопутствуютъ ей, должны необходимо сдерживать дурныя склонности общественныхъ дѣятелей.

Обратимся теперь къ возраженіямъ англійскихъ юристовъ противъ кодекса. Они думаютъ, что сводъ законовъ скорѣе можетъ способствовать злу, нежели искоренить его, потому что даровитѣйшій законодатель въ состояніи предвидѣть только небольшую часть комбинацій, сопровождающихъ людскія дѣла, а несовершенство языка не позволяетъ ему обнять словомъ даже и тѣхъ обстоятельствъ, которыя предвидитъ онъ. Далѣе, дѣлаются ссылки на существующіе кодексы, дополняемые обыкновенно прибавленіями, комментаріями и традиціонными объясненіями, что въ сложности составляетъ массу книгъ, значительно превышающую своимъ объемомъ самый сводъ законовъ. «Мы утверждаемъ—говорятъ они—что самый способный къ извлеченію началъ юристъ не обрабатываетъ для кодекса ни одной отрасли закона хотя бы съ десятой долею той полноты и точности, какія представляютъ рѣшенныя прежде дѣла для рѣшенія дѣлъ будущихъ». Причина этой общей несостоятельности сводовъ заключается въ томъ, по ихъ мнѣнію, что они состоятъ изъ мыслей, закованныхъ въ краткія фразы, тогда какъ полное примѣненіе образцовъ, неимѣющихъ этого недостатка, неистошимо и даже неизвѣстно судьямъ, постановившимъ приговоры по рѣшеннымъ дѣламъ, значеніе которыхъ обнаруживается исподволь, вмѣстѣ съ явленіемъ новыхъ процессовъ.

Сторонники преобразованія англійской законодательной системы, соглашаясь, что краткія статьи не могутъ обнимать всѣхъ подробностей, сопровождающихъ дѣйствія и обстоятельства, подвергаемыя судебному разсмотрѣнію, не желаютъ, однакоже, оставить неприкосновеннымъ тотъ хаосъ, въ какомъ находятся законы ихъ страны. Впрочемъ, мнѣніи относительно реформы неодинаковы. Одни признають возможнымъ для Англии сводъ законовъ; другіе, напротивъ, думаютъ, что она неготова еще къ нему. Лордъ-канцлеръ, напримѣръ, предлагаетъ ревизію уставовъ, для того, чтобы очистить ихъ отъ совершенно-негодной примѣси и привести въ систематическій порядокъ то, что будетъ признано достойнымъ уваженія. Оставшіяся въ силѣ узаконенія, совѣтуетъ онъ дополнить соотвѣтствующими приложениями обычнаго закона, извлеченными изъ судебныхъ отчетовъ. «Я нисколько не намѣренъ—сказалъ онъ въ палатѣ лордовъ—скрывать свое личное убѣжденіе. Сводъ, по моему мнѣнію, есть послѣдняя форма закона, до которой можетъ достигнуть цивилизованная нація. Англія неготова къ нему. Законъ находится у насъ въ переходномъ состояніи, онъ не созрѣлъ еще. Вы найдете въ немъ остатки варварскихъ временъ. Въ Англии до сихъ поръ существуетъ безумное раздѣленіе законовъ на обычныя и уставныя, какъ на двѣ взаимно-враждующія системы. У васъ, милорды, есть въ настоящую минуту дѣла, которыя могутъ быть рѣшены совершенно различно по ту и по другую сторону Вестминстер-Голля. Но пока не очищенъ и не приведенъ въ систематическій порядокъ, имѣющійся у насъ законодательный матеріалъ, вы не въ состояніи приступить въ составленію свода законовъ». Г. Уильдъ, принадлежащій къ той же категоріи прогрессивовъ, пишетъ, однакоже: «Я увѣренъ, что при разумномъ и неспѣшномъ трудѣ могутъ быть открыты, сравнены и сгруппированы тѣ общія начала и широкія основанія, на которыхъ покоится наше обычное право, и которыя безмолвно руководствуютъ приговорами англійскихъ судовъ». Г. Смитъ, въ своихъ «Руководящихъ Дѣлахъ», представилъ очень хорошій опытъ такого труда. Юристы, обратившіе серьезное вниманіе на приложения, находящіяся въ этой книгѣ, не могли не замѣтить, конечно, какъ легко и удобно изъ соединенныхъ вмѣстѣ большихъ группъ дѣлъ извлекаются краткія и сжатые предложенія закона». Впрочемъ, едва-ли вѣрно это мнѣніе, если только не ошибается знаменитѣйшій юристъ Англии, Аустинъ. Вотъ что говоритъ онъ въ своей «Юриспруденціи»: «Тотъ, кто знаетъ, какъ нелегко написать хорошій уставъ, не усомнится въ трудности составленія свода законовъ. Уразумѣть ясно общую цѣль устава, понять вполнѣ смыслъ постановленій, которыя ведутъ къ ней, и умѣть найти для нихъ краткое и точное выраженіе—это чрезвычайно деликатная и трудная работа, хотя законодатели часто доврѣяютъ ее низшимъ, неопытнымъ чиновникамъ. Я утверждаю, что несравненно легче понять правильно пользу закона, нежели такъ составить этотъ законъ, чтобы онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ намѣренію законодателя». О возможно-

сти для Англии свода законовъ при современномъ положеніи ея законодательства, г. Аустинъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Правила судебного закона заключаются не въ рѣшенныхъ дѣлахъ, но въ общихъ началахъ, на основаніи которыхъ рѣшены они. Люди, прилагающіе къ практикѣ эти начала, могутъ, конечно, собирать ихъ въ кодексъ, или обратитъ въ уставные законы. Для чего же этотъ процессъ индукціи, посредствомъ котораго начало находится прежде, нежели будетъ оно приложено къ дѣлу, производится только въ частныхъ случаяхъ, или въ небольшомъ размѣрѣ? Если можно изъ одного или изъ нѣсколькихъ дѣлъ извлечь общее начало рѣшенія, то, значитъ, можно и наоборотъ изъ всѣхъ рѣшенныхъ дѣлъ извлечь тѣ основанія, на которыхъ рѣшены они, и обратитъ ихъ въ законъ, отвлеченный по своей формѣ, и потому сжатый, доступный. Если же судебныя законы суть законы дѣйствительныя, то, слѣдовательно, изъ нихъ можно составить сводъ». Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ о собственномъ мнѣніи «Westminster Review». Журналъ этотъ, ужасаясь при видѣ безпорядка, царствующаго въ англійскомъ законодательствѣ, признаетъ его совершенно ненормальнымъ явленіемъ. Однакоже, соглашаясь съ Аустиномъ относительно возможности свода законовъ для современной Англии, онъ предвидитъ тѣ затрудненія, которыя могло бы встрѣтить привыкшее къ въковой рутинѣ судопроизводство при переходѣ къ новому порядку, а потому, принимая во вниманіе мнѣніе Уильяма, рѣчь лорда-канцлера и возраженія противной стороны, предлагаетъ дополнить будущій сводъ законовъ дигестомъ или извлеченіемъ изъ рѣшенныхъ дѣлъ.

Европейскія эпидеміи.—Въ майской книжкѣ «Cornhill Magazine» помѣщена любопытная статья о повальныхъ болѣзняхъ, которыя опустошали Европу въ былое время и возбудили общія опасенія въ текущемъ году. Самыя опасныя изъ этихъ эпидемій шли обыкновенно съ Востока. Огромныя массы жителей, скученныя въ большихъ городахъ Египта, Индіи и Китая, многочисленныя полчища Ксеркса, Кира, Чингис-хана и т. д. всегда были фокусомъ, гдѣ сосредоточивался животный ядъ. Полнѣйшее незнакомство этихъ полу-варварскихъ народовъ съ правилами, соблюденіе которыхъ необходимо для общественнаго здравія, ихъ непривычка къ чистотѣ и опрятности, наконецъ, жаркій климатъ, способствующій быстрому разложенію органическихъ веществъ—все это было и остается причиною мора, чумы и вообще эпидеміи. Геродотъ упоминаетъ о моровой язвѣ, которая за 767 лѣтъ до Р. Х. прошла по всему извѣстному тогда міру. Черезъ 337 лѣтъ послѣ того, передъ началомъ пелопонезской войны, Аѣны были опустошены эпидеміею, которая съ незапамятныхъ временъ посѣщаетъ періодически берега Малой Азіи. Но мы не будемъ перечислять тѣхъ эпидемій, о которыхъ историки и лѣтописцы не сообщаютъ точныхъ свѣдѣній. Другое дѣло «черная смерть», прошедшая въ половинѣ XIV вѣка два раза изъ конца въ конецъ всю Азію и Европу. Ея исторія и

отличительные признаки описаны нѣмецкимъ врачомъ Гекеромъ. Въ 1333 году, за пятнадцать лѣтъ до появленія своего въ Европѣ, она произвела страшное опустошеніе въ Китаѣ. Ея предтечами были тамъ разлитіе рѣкъ, голодъ и землетрясеніе, отъ которыхъ погибло не менѣе 400,000 человекъ. Въ слѣдовавшій затѣмъ годъ явилась «черная смерть» и сгубила около 5 миллионовъ китайцевъ. Заразительныя болѣзни распространяются иногда очень медленно. Онѣ кроются долгое время въ платѣхъ путника и въ товарахъ, перевозимыхъ изъ одной страны въ другую. «Изъ Китая—говоритъ Гекеръ—караванная дорога тянется черезъ Среднюю Азію къ берегамъ Чернаго моря. Здѣсь товары грузятся на корабли и достигаютъ Константинополя, гдѣ находится главный пунктъ сообщеній между Азіей, Европой и Африкою». Отсюда проникла «черная смерть» въ Италію, которая вела въ то время большую торговлю съ Востокомъ. Здѣсь, особенно во Флоренціи, развилась она съ тѣми послѣдствіями быстрой, непредвидимой и почти неизбѣжной смерти, которыя такъ искусно описалъ Боккачіо. По берегу Средиземнаго моря прокралась она черезъ Авиньонъ во Францію и отсюда пошла двумя путями: на сѣверъ въ Англію и, подобно холерѣ, снова потянулась въ обратный путь, на дальній Востокъ, черезъ Германію и Россію. Болѣзнь эта, названная «черной смертью» вслѣдствіе быстрого разложенія труповъ, сопровождаемая нарывами, имѣла характеръ чумы или гнилой тифозной горячки, и была въ высшей степени злокачественна. Въ Европѣ находилось тогда не болѣе 105 миллионовъ жителей, и цѣлая четверть ихъ погибла «черной смертью». Въ Англіи дѣйствовала она едва ли не съ большей силою, чѣмъ въ другихъ государствахъ, потому что впродолженіе одного года вымерло тамъ три четверти всего народонаселенія. Лѣтописцы утверждаютъ даже, что отъ нея спаслась только одна десятая англичанъ. Болѣзнь не продолжалась болѣе трехъ дней; многіе умирали черезъ нѣсколько часовъ послѣ появленія первыхъ ея признаковъ. Во Франціи поражала она совершенно здоровыхъ людей съ быстротою молніи. Въ Авиньонѣ не успѣвали хоронить умершихъ, и потому папа долженъ былъ освятить Рону, обращенную въ кладбище. Ни пола, ни возраста, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ не щадила эта страшная болѣзнь. Въ Венеціи погибло отъ нея 100,000 аристократовъ, а въ Лондонѣ столько же богатыхъ людей. Впрочемъ, предположенію о переходѣ «черной смерти» съ Востока въ видѣ заразы, занесенной товарами, противорѣчитъ самъ г. Гекеръ, говоря заодно съ современными ему лѣтописцами, что и въ Европѣ предшествовали этой болѣзни изверженія огнедышащихъ горъ, землетрясенія, голодъ и особенное состояніе воздуха, наполненнаго «густымъ, смраднымъ туманомъ, который, надвигаясь съ востока, покрылъ всю Италію». Атмосфера дѣйствительно была заражена. Даже на морѣ носились ядовитыя испаренія, отъ которыхъ гибли моряки, и нигдѣмъ неуправляемые корабли плавали съ ихъ трупами по волѣ вѣтра. Давно замѣчено, что великія общественныя бѣдствія произ-

водятъ вредное вліаніе на нравственную сторону человѣчества. «Черная смерть», грозившая всѣмъ неожиданной гибелью, разорвала почти всѣ связи семейной и соціальной жизни европейскихъ націй. Религія, къ помощи которой должны бы, кажется, особенно прибѣгать люди въ подобныхъ случаяхъ, была совершенно забыта. Впрочемъ, если и оставались колебавшіеся въ выборѣ между молитвою и общимъ стремленіемъ къ разгулу, то никому было поддерживать ихъ. Священники отчасти померли, отчасти разошлись по деревнямъ, и храмы оставались безмолвны и пусты. Всякому хотѣлось насладиться жизнью наканунѣ смерти, которая, можетъ быть, стояла уже подлѣ него. Но какъ скоро миновала эта гроза, религиозное чувство возникло въ Европѣ съ невѣдомой дотогѣ силою, получивъ фанатическій характеръ, вслѣдствіе котораго образовалось очень много до крайности безумныхъ сектъ. «Вичующіеся», ходя по городамъ и селамъ, немилосердно сѣкли себя веревками, приглашая другихъ послѣдовать ихъ примѣру. Къ числу заразительныхъ болѣзней должно отнести также средневѣковыя эпидеміи, извѣстныя подъ именемъ плясогъ св. Іоанна и св. Вита. Онѣ отличались отъ другихъ повальныхъ болѣзней тѣмъ особенно, что проводниками заразы были тутъ не легкія и не кожа, но слухъ и зрѣніе. При видѣ безумно-пляшущей толпы, здоровый человѣкъ начиналъ невольно поддаваться общему увлеченію, которое какъ-то особенно дѣйствовало на его нервную систему. Наконецъ, потерявъ сознание, онъ бросался въ среду обезумѣвшихъ плясунговъ и начиналъ скакать и ломаться, пока, выбившись изъ силъ, не упалъ въ изнеможеніи. Умалчивая о другихъ эпидеміяхъ, имѣвшихъ преимущественно мѣстный характеръ, остановимся на общезвѣстной у насъ холерѣ. Родина и постоянное гнѣздо этой болѣзни—Ост-Индіа. Тамъ, между народамъ, живущимъ на тонкихъ берегахъ большихъ рѣкъ, появилась она еще въ глубокой древности и продолжаетъ гнѣздиться въ настоящее время. Какъ ни ужасна была холера въ Европѣ, но все же по этимъ образцамъ нельзя составить совершенно вѣрнаго понятія о томъ могуществѣ, какое приобрѣла она на своей родинѣ. Индійцы рѣдко страдаютъ ею болѣе полчася. Внезапно, въ одну ночь, истребляетъ она тамъ цѣлую половину жителей какаго-нибудь города, или селенія. Какъ скоро англійская армія бываетъ принуждена идти по берегамъ индійскихъ рѣкъ, она всегда почти подвергается ударамъ этого незримаго бича, и терпитъ значительныя потери. Вѣрнѣйшимъ средствомъ избѣжать распространенія въ войскѣ холеры, признается немедленная переимѣна мѣста, но къ этому средству все-таки прибѣгаютъ въ то время, когда болѣзнь успѣетъ уже выхватить изъ строя значительное число жертвъ.

Въ началѣ нынѣшняго года Еврона была напугана слухами о заразительной болѣзни, обнаружившейся въ Петербургѣ. Теперь опасенія разсѣялись. Всѣ убѣждены, что это—возвратная горячка, новость для насъ, но не для Англій. Она явилась уже въ Шотландіи и свирѣпствовала во время голоднаго 1847 года въ Ирландіи.

Но теперь развивается другая, болѣе опасная эпидемія въ сѣверной Германіи, на границахъ Польши и въ долину, омываемую Вислою. Она заключается въ воспаленіи оболочекъ головного и спиннаго мозга, и распространяется преимущественно между молодыми людьми, не исключая дѣтей. «Cornhill Magazine» говоритъ, что причинъ этой болѣзни нельзя уже объяснить дурной пищею и неудобствомъ помѣщеній рабочаго класса, а потому и опасается перехода ея въ Англію. Впрочемъ, прилипчивыя, заразительныя болѣзни гнѣздятся постоянно въ средѣ народонаселеній. Онѣ подъ видомъ тифа, оспы, скарлатины дѣйствуютъ не такъ быстро, какъ чума или моровая язва, но, прокрадываясь тихо по городамъ и селамъ, едва-ли меньше ихъ истребляютъ людей. Напримѣръ, въ продолженіе восьми лѣтъ, отъ 1848 до 1855 включительно, холера была въ Англіи два раза, и отъ нея умерло тамъ 83, 934 человекъ. Но въ тотъ же періодъ жертвами скарлатины (scarlet fever, scarlatina), неизмѣнной слѣдственной эпидемическаго характера, стало 131,057 человекъ. Если же включить сюда прошлый 1863—4 годъ, во время котораго послѣдняя болѣзнь была особенно сильна тамъ, то число всѣхъ умершихъ ею превзойдетъ 200,000 человекъ, то-есть окажется, что скарлатина дѣйствовала въ Англіи въ два съ половиною раза опустошительнѣе грозной холеры. За изложеніемъ фактовъ слѣдуютъ мысли автора о средствахъ противъ губительнаго распространенія эпидемій. Если, говоритъ онъ, эпидемическія болѣзни происходятъ дѣйствительно отъ вліянія атмосферы, зараженной вредными, исходящими изъ земли испареніями, или гніеніемъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ, то, конечно, люди не въ силахъ заставить воздухъ обходить тѣ мѣста, гдѣ онъ насыщается ядомъ. Но въ такомъ случаѣ, мы должны обратить вниманіе на самихъ себя и позаботиться объ уничтоженіи того, что съ нашей стороны способствуетъ развитію эпидемій. Неоспоримо, что эти болѣзни зарождаются въ многочисленныхъ городахъ, и преимущественно въ тѣхъ частяхъ ихъ, гдѣ бѣдныхъ и полуголодный народъ жмется въ тѣсныхъ, сырыхъ и неопрятныхъ квартирахъ. Похитивъ здѣсь нѣсколько жертвъ, онѣ получаютъ ту силу, которая растетъ вмѣстѣ съ расширеніемъ круга ихъ дѣйствія. Потому-то говорятъ: «Нечистота поражаетъ болѣзнь, а недостатокъ и неуиѣренность развиваютъ ее. Удалите грязь, дайте возможность пить всѣмъ свѣжую воду и дышать чистымъ воздухомъ—тогда, уничтоживъ причины, которыя производятъ и поддерживаютъ эпидеміи, вы уничтожите ихъ самихъ». Нельзя отвергать, чтобы въ этихъ словахъ не было правды, но дѣло въ томъ, что заразительныя болѣзни производятъ опустошенія не только въ грязныхъ, тѣсныхъ жилищахъ бѣдныхъ людей, но также, а иногда и преимущественно, въ роскошныхъ домахъ богачей. Этотъ фактъ былъ замѣченъ еще въ XV и XVI вѣкахъ, когда свирѣпствовала въ Англіи потовая горячка (Sweating Sickness) (*), и въ недавній періодъ скар-

(*) Этотъ недугъ называется также «англійскимъ потомъ», или вообще «ан-

латина. Причины его объясняются столкновением больных, или—что еще хуже—только лишь оправившихся от болѣзни съ здоровыми людьми всѣхъ сословій въ общественныхъ экипажахъ: кэбахъ, омнибусахъ и вагонахъ, также сообщениемъ заразы въ приморскихъ городахъ, гдѣ собираются для купанья, и гдѣ церкви, ванны и занимаемыя квартиры способствуютъ широкому развитію прилипчивыхъ болѣзней. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ этого развитія авторъ признаетъ отдѣленіе больныхъ отъ здоровыхъ, и заключеніе первыхъ въ больницы, открываемыя при появлении эпидемій. Къ сожалѣнію, въ Лондонѣ на 3,000,000 жителей, устроено по одному только госпиталю для больныхъ оспой и горячкою. Очень немногія изъ провинціальныхъ больницъ имѣютъ особыя горячешныя палаты, а нѣкоторыя и совсѣмъ не принимаютъ страдающихъ прилипчивыми болѣзнями. Притомъ же, эти-то именно госпитали и палаты, гдѣ лечатся зараженные прилипчивыми недугами, лишены, сравнительно съ другими, чистаго воздуха, наиболѣе опрятнаго помѣщенія, питательной пищи и тщательнаго ухода за пациентами, тогда-какъ все это особенно необходимо для нихъ. Авторъ заключаетъ изложеніе своихъ мыслей воззваніемъ къ здравомыслію и человѣколюбію англійскаго общества.

Прогрессъ метеорологин. — «Reader» отъ 6-го мая сообщаетъ своимъ читателямъ, что теперь, согласно съ проектомъ академика Купфера, организована полная система метеорологическихъ наблюдений по всей Россіи. Существовавшія до этого времени станціи въ Архангельскѣ, Ревелѣ, Николаевѣ, Астрахани и Николаевскѣ на Амурѣ снабжены всѣми физическими инструментами и сдѣланы центральными пунктами, къ каждому изъ которыхъ присоединено по нѣсколько второстепенныхъ станцій. Ревелю подчинены Нарва, Балтійскій Портъ, Перновъ, Рига и Либава; Гельсингфорсу — Выборгъ, Або, Улеборгъ и Торнео; Николаеву — Одесса, Севастополь, Бердянскъ, Таганрогъ и Поті; Архангельску — Кола. Второстепенныя станціи обязаны посылать по телеграфу ежедневно свои донесенія въ центральныя обсерваторіи, которыя должны препровождать ихъ немедленно, вмѣстѣ съ своими наблюденіями, въ Петербургъ, гдѣ и будутъ печатать все это для всеобщаго свѣдѣнія. «Atheneum» со своей стороны говоритъ, что эти извѣстія стали такой же насущной потребностью для англичанъ, какъ политическія новости. Для удовлетворенія общаго любопытства печатаются

гійской болѣзнию», потому что изъ пяти появленій своихъ отъ 1486 до 1529 г., онъ четыре раза не выходилъ за границы Англій и—что особенно замѣчательно—болѣзнь эта поражала даже англичанъ, жившихъ во Франціи, не распространяясь на французовъ. Только во время пятаго появленія проникла она на европейскій материкъ и прошла по Германіи и Австріи вплоть до Турціи. Это—жестокая горячка, чрезвычайно быстро и разрушительно дѣйствующая на силы человѣка. Ни пятенъ, ни нарывовъ не производитъ она; ей подвергаются преимущественно сильные, крѣпкіе люди; ни одинъ періодъ ея не продолжался въ Англій болѣе пяти недель.

тамъ шесть разъ въ недѣлю таблички, гдѣ означены высота барометра, температура, направленіе и сила вѣтра, количество и качество облаковъ и состояніе погоды въ прошлый день во всѣхъ главныхъ и портовыхъ городахъ Европы. Почти то же самое, только съ меньшими подробностями, можно видѣть въ каждомъ номерѣ ежедневныхъ русскихъ газетъ. Парижская обсерваторія издаетъ каждый день метеорологическіе бюлетени, и разсматриваетъ ихъ по почтѣ въ академіи и къ частнымъ лицамъ. Въ другихъ странахъ изученіе атмосферныхъ явленій также идетъ быстро впередъ. На острове св. Елены, Вознесенія, Цейлонѣ, Ванкувера, въ Канадѣ, Соединенныхъ Штатахъ, Индіи, Австраліи производятся постоянныя наблюденія надъ погодою. Въ южной Африкѣ хотятъ устроить десять станцій по предложенію «Метеорологическаго Общества», которое сдѣлало уже много хорошаго для объясненія бурь Индійскаго океана, и теперь, при небольшомъ пособіи со стороны метрополии, намѣрено учредить центральную обсерваторію на св. Маврикіѣ. «Этотъ островъ—сказано въ отчетѣ помянутаго общества за прошлый годъ—лежитъ въ самой срединѣ Индійскаго океана, на пути возвратныхъ штормовъ (in the track of revolving storms), въ такомъ разстояніи отъ экваторіальныхъ и полярныхъ пасатныхъ вѣтровъ, что атмосферныя волненія, происходящія по краямъ ихъ, всегда болѣе или менѣе чувствительны здѣсь. Въ портъ св. Маврикія заходитъ ежегодно около 1,200 кораблей. Столь выгодное положеніе острова давно уже обратило на себя вниманіе ученыхъ авторитетовъ, которые признаютъ это мѣсто самымъ выгоднымъ пунктомъ для магнитныхъ и метеорологическихъ изысканій». Въ дополненіе къ учреждаемой здѣсь центральной обсерваторіи, будетъ устроено нѣсколько второстепенныхъ станцій на островахъ Южнаго океана. Примѣнь слѣдствіемъ совокупныхъ наблюденій должна быть огромная масса данныхъ, изъ которыхъ даровитый метеорологъ съумѣетъ вывести періодическіе законы, и объяснить сомнительныя и темныя до сихъ поръ вопросы относительно вѣтровъ, бурь и вообще состоянія погоды.

Образцовое произведеніе топографическаго искусства.—Въ англійскихъ журналахъ пишутъ, что женевское географическое общество выставило для публики выпуклую карту генерала Дюфура. Она утверждена на станкѣ съ колесами, для того чтобы можно было повертывать ее, и занимаетъ половину стѣны большой залы. Зрителя, въ которыхъ нѣтъ недостатка, удивляются искусству, съ какимъ представлены здѣсь неровности этой гористой страны. Пристальный взглядъ на нихъ оставляетъ неизгладимое воспоминаніе о положеніи долинъ, скатовъ и возвышенностей между двумя параллельными линіями Альпъ и Юры. Вторую линію, замѣчаетъ «Athenaem», слѣдовало бы означить не Альпами, но долиною, которая начинается отъ Констанцскаго озера, слѣдуетъ по теченію Рейна до Сен-Готарда, потомъ вдоль Роны до впаденія этой рѣки въ Женевское озеро. Третью параллельную линію составляетъ до-

лина, омываемая рѣкою Инномъ. Первая линия подраздѣлена на три участка — Цюрихское, Бриѣнское и Тунское озера съ рѣкою Ааромъ. Эту карту относить къ числу самыхъ замѣчательныхъ образцовъ топографическаго искусства. Замѣтимъ вкратцѣ, что нынѣшней зимою выпало очень много снѣгу въ Швейцаріи, а потому тамъ опасаются снѣжныхъ лавинъ, падающихъ съ горъ на долины. Швейцарскія газеты вспомнили при этомъ случаѣ о самой большой лавинѣ, упавшей въ 1689 г. на деревню Рашналь. Она разрушила 150 домовъ, убила 58 человѣкъ и 300 штукъ овецъ и рогатаго скота.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Научное подтвержденіе предположеній о вредномъ влияніи барбариса на хлѣбныя растенія. — Въ журналѣ «Сельскаго хозяйства и Лѣсоводства» (№ 3) мы находимъ интересное изслѣдованіе о столь же чудесномъ, сколько и вредномъ свойствѣ барбарисоваго дерева. Мнѣніе объ этомъ — сообщаетъ журналъ — сложилось очень давно, но до настоящаго времени большинство ученыхъ агрономовъ и ботаниковъ относилось къ нему съ крайнимъ пренебреженіемъ, считая его суевѣриемъ. Вопросъ о влияніи барбариса сильно занималъ русскихъ хозяевъ еще въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія. Въ «Экономическомъ Магазинѣ» Болотова содержится рядъ статей, посвященныхъ этому вопросу. Одинъ изъ сельскихъ хозяевъ того времени писалъ, что онъ развелъ у себя нѣсколько барбарисовыхъ кустовъ и утѣшался хорошимъ урожаемъ ягодъ, но въ то же время замѣтилъ, что хлѣбъ, росшій вокругъ этихъ кустовъ, былъ бѣгъ соломою и съ неполнымъ, недоразвившимся, а иногда и вовсе неразвившимся зерномъ. Десятна хлѣбнаго поля вокругъ барбарисовыхъ кустовъ дала ничтожный урожай, тогда-какъ на всѣхъ остальныхъ частяхъ того же поля хлѣбъ уродился хорошо; въ слѣдовавшемъ году повторилось то же самое. Услышавъ случайно жалобы крестьянъ на барбарисные кусты въ сосѣднемъ съ ихъ полемъ саду, помѣщикъ пересадилъ и частію уничтожилъ барбарисъ, и зло прекратилось. Въ журналѣ московскаго общества сельскаго хозяйства печатались также опыты графа М. Толстаго надъ барбарисомъ. Года три тому назадъ, барбарисъ былъ поводомъ къ судебному разбирательству. Именно, крестьяне одного селенія московской губерніи пожаловались мировому посреднику, что у нихъ бываетъ постоянный неурожай оттого, что у одного изъ ихъ односельцевъ находится большая плантація барбариса, и просили закрыть ея. По поводу возникшаго такимъ образомъ дѣла, одна изъ сторонъ обращалась въ московское общество сельскаго хозяйства и сельское экономическое общество, ко-

горня удостовѣрили, что барбарисъ не можетъ вредить хлѣбамъ; но департаментъ сельскаго хозяйства, отъ котораго также требовалось удостовѣреніе, воздержался отъ столь опредѣлительнаго мнѣнія, указавъ на подобныя жалобы, весьма нерѣдки у насъ и за границей.

Теперь вопросъ этотъ разрѣшенъ положительно извѣстными микроскопистомъ де-Вари, професоромъ въ Фрейбургѣ. Изложивъ свое изслѣдованіе о появляющейся на хлѣбныхъ растеніяхъ *полосатой ржавчины*, которая есть не что иное, какъ микроскопическіе грибки, развивающіеся весьма сложнымъ процесомъ, подробно изложеннымъ въ сочиненіи, авторъ объясняетъ, что ростки зародышей этой ржавчины обладаютъ способностью проникать исключительно только въ барбарисныя листья, гдѣ и развиваются во множествѣ и переходятъ оттуда на травяныя растенія, вѣдряясь во внутреннюю ткань ихъ. Зародыши и самыя грибки имѣютъ различную форму весной, лѣтомъ и осенью. Распространяются и размножаются они на травяныхъ растеніяхъ обыкновенно въ лѣтней формѣ, послѣ которой они получаютъ именно ту форму, въ которой перезимовываютъ; когда они бываютъ въ этой послѣдней формѣ, для ихъ развитія и размноженія необходимъ барбарисъ. Будучи занесены на него вѣтромъ, или насѣкомыми, они, достигая сначала весенней формы, созрѣваютъ и превращаются затѣмъ въ лѣтнюю форму, въ которой и распространяются, уничтожая полезныя хлѣбныя растенія.

Относительно мѣръ предотвращенія вреда, въ статьѣ говорится, что еслибы весь барбарисъ былъ вырванъ и уничтоженъ, то конечно это было бы самымъ радикальнымъ средствомъ, такъ-какъ онъ необходимъ для развитія одной изъ стадій грибка, образующаго *полосатую ржавчину*, по крайней мѣрѣ въ настоящее время нѣтъ основанія предполагать, чтобы мѣсто барбариса могло служить для развитія ржавчины какое либо другое растеніе. Но такая радикальная мѣра, во первыхъ, неудобноисполнима, а во вторыхъ нежелательна по причинѣ нѣкоторыхъ полезныхъ качествъ этого кустарника; она даже была бы излишня, такъ-какъ цѣль защиты отъ вреднаго развитія ржавчины достаточно достигается только чрезъ удаленіе барбарисовыхъ кустарниковъ отъ хлѣбныхъ полей. Вредъ барбариса условливается гораздо менѣе тѣмъ, что онъ вообще приноситъ на поля ржавчину, нежели тѣмъ, что онъ приноситъ ее именно въ то время, когда созрѣвающіе на немъ грибки достигаютъ растеній въ періодъ своего размноженія. При удаленіи барбарисовыхъ кустовъ отъ полей, конечно, не уничтожится возможность нападенія ржавчины на хлѣбное поле, но все-таки ржавчина должна добираться до него долгимъ путемъ, такъ-какъ распространеніе грибка весной и въ началѣ лѣта истекаетъ только изъ барбарисовыхъ кустовъ. Достигнувъ какой либо дикорастущей травы, напримѣръ пырея, ржавчина образуетъ на ней свои лѣтніе споры, которые, обладая огромной способностью къ размноженію, несутъ грибокъ дальше и дальше по дикорастущимъ травамъ, угрожая на-

конецъ опасностію отдаленнымъ полямъ. Такъ-какъ лѣтній періодъ развитія грибка начинается, обыкновенно, въ іюнѣ и даже позе, то чѣмъ дальше путь, который онъ долженъ пройти, чтобы добраться до хлѣбовъ, тѣмъ послѣдніе вѣрнѣе могутъ достигать наступленія своего созрѣванія, когда вредъ слишкомъ ничтоженъ и даже почти не существуетъ.

Такимъ образомъ, заключаетъ де-Бари, изложенная теорія полосатой ржавчины разъясняетъ вопросъ о вредѣ барбариса, казавшійся неразрѣшимымъ впродолженіе по крайней мѣрѣ столѣтія. Она показываетъ далѣе, какъ права была наука, отвергая, какъ безсознательныя, мнѣнія, объяснявшія вредныя дѣйствія барбариса испареніями его, или цвѣточной пылью; но она показываетъ въ то же время, насколько погрѣшала та же наука, пренебрегая постоянно повторявшимися опытами описаннаго явленія и легкомысленно касируя мнѣніе, не провѣривъ ихъ предварительно съ достаточною основательностію. Наконецъ, въ вышешленномъ же надобно искать причину возраженій, появлявшихся противъ мнѣній, приписывавшихъ барбарису вредное вліяніе, такъ-какъ теперь оказалось, что онъ не самъ собою причиняетъ ржавчину, а только вырашиваетъ зародыши, которые потомъ достигаютъ хлѣбовъ и здѣсь прозябаютъ.

Соображенія о новомъ пути (русскомъ) для открытій въ сѣверномъ полярномъ океанѣ (*). — Извѣстно, что въ Англии предполагается экспедиція для открытія сѣверо-западнаго прохода въ полярное море. По проекту капитана Осборна, экспедиція должна высадиться въ проливъ Смита на берегъ Гренландіи, и на саняхъ продолжать путешествіе къ сѣверу. Путь этотъ избирается еще въ первый разъ. Съ этимъ планомъ не соглашается извѣстный германскій географъ, докторъ Петерманъ, совѣтуя избрать морской путь къ сѣверу отъ Шницбергена, какъ лучший для достиженія полюса. Изъ этого видно, что мнѣніе первоклассныхъ ученыхъ не установилось еще даже относительно преимуществъ того или другаго пути. Каждый излагаетъ въ пользу своего плана болѣе или менѣе достовѣрныя гипотезы и соображенія. При такомъ положеніи вопроса заслуживаетъ полнаго вниманія, и въ особенности вниманія русскаго общества, планъ полярной экспедиціи, предлагаемый г. Шиллингомъ, въ статьѣ, помѣщенной имъ въ № 5 «Морскаго Сборника». Нашъ мореплаватель предлагаетъ совершенно новый путь, который, по отдаленности своей отъ Англии, конечно, и не можетъ быть принятъ англичанами, какъ неудобный для нихъ. Мы изложимъ вкратцѣ соображенія г. Шиллинга и его гипотезу, служащую основаніемъ предлагаемаго плана.

Доказано опытомъ, что въ арктическомъ океанѣ существуютъ два главные теченія, несущія огромныя массы полярнаго льда: одно, занимающее бѣольшую часть всего океана въ направленіи SW, дру-

(*) «Морской Сборникъ».

гое—почти въ противоположномъ направленіи къ SO. Явленіе это, то-есть раздѣлъ теченія въ ту и другую сторону, авторъ объясняетъ тѣмъ, что между Беринговымъ проливомъ и полюсомъ, или около, должна находиться до сихъ поръ неоткрытая земля, берегъ которой имѣетъ такое направленіе, что отражаетъ отъ себя общее теченіе полярнаго моря и направляетъ его къ востоку въ проливъ сѣвернаго американскаго архипелага. Допуская существованіе такой земли, надо полагать, что западный ея берегъ, закрытый отъ общаго теченія Ледовитаго моря къ SW, представитъ для мореплаванія тѣ же удобства, какъ и западныя стороны Шпицбергена, Новой Земли и Гренландіи. Существованіе открытаго моря или огромныхъ полынней, видѣнныхъ русскими адмиралами Врангелемъ и Анжу и многими промышленниками къ сѣверу отъ сплошныхъ льдовъ азіатскаго берега, оправдываютъ это предположеніе, безъ котораго трудно себѣ представить, какимъ образомъ за вѣчными льдами Сибири могутъ образоваться полынни значительнаго пространства. До сихъ поръ эта часть моря никогда еще не была изслѣдована морскимъ путемъ. Экспедиціи русскія: Лаптевыхъ, Прончищева, Сарычева и другихъ, были всѣ безъ исключенія—говоритъ авторъ—плохо снаряжены и вообще не могли имѣть успѣха, потому что, согласно данной имъ инструкціи, они должны были описать берега, вѣчно затертые льдами, у которыхъ плаваніе такъ же невозможно, какъ и у восточнаго берега Гренландіи, между тѣмъ какъ дальше къ востоку, ближе къ Шпицбергену, оно не представляетъ такихъ трудностей. Изслѣдованіе этой, совершенно еще неизвѣстной части Ледовитаго океана, лежащей къ сѣверу отъ сибирскихъ льдовъ, по всей вѣроятности, представитъ нѣкоторые затрудненія и опасности; но нельзя же сказать, чтобы оно было невозможно. Задача состоитъ въ томъ, чтобы попасть на суднѣ въ это море. По мнѣнію г. Шиллинга, слѣдуетъ, пройдя Беринговымъ проливомъ, направиться въ проливъ, лежащій между мысомъ Яганъ, на азіатскомъ материкѣ, и высокимъ берегомъ, видѣннымъ приблизительно въ 180° долготы отъ Гринича и означеннымъ на всѣхъ новѣйшихъ картахъ надписью: «Высокія горы, видѣнныя издали». Можно сомнѣваться, чтобы это было продолженіе той земли, о которой говорено выше, но тѣмъ не менѣе вѣроятно, что между этимъ берегомъ и вышеупомянутой неоткрытой землей находится непрерывный рядъ острововъ, удерживающихъ льды въ постоянномъ положеніи къ сѣверу отъ Берингова пролива. Такъ-какъ предполагаемый путь совершенно новый, то трудно сказать, что на немъ можетъ встрѣтиться; однако, надо полагать, что льды затруднятъ проходъ въ названномъ лишь проливѣ; но ширина этого пролива (приблизительно около 70 миль, какъ значится на картахъ), равно какъ видѣнное Врангелемъ открытое море на срединѣ этого пролива, подають надежду на то, что, выждавъ удобнаго случая, когда буря нѣсколько расчиститъ проходъ, удастся пробиться сквозь него и, побѣдивъ такимъ образомъ главное препятствіе на этомъ пути, обогнуть южную оконечность «высокаго бе-

рега». Дальнѣйшій путь долженъ совершенно зависѣть отъ обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ мѣстными условіями теченія моря, и если даже допустить, что какія либо неизвѣстныя причины не дозволятъ подняться до значительныхъ широтъ, вдоль западнаго берега неоткрытой земли, то все-таки можно полагать, продолжая путь на NW, по мѣстамъ, гдѣ видѣли открытое море, онъ приведетъ къ сѣверу отъ острововъ Новой Сибири, безъ встрѣчи безмѣрныхъ препятствій. Далѣе, къ западу Ледовитый океанъ неизвѣстенъ, но, по всей вѣроятности, какъ заключаетъ г. Шиллингъ, открытое море, видѣнное вездѣ къ сѣверу отъ сибирскихъ льдовъ, начиная отъ Берингова пролива до острововъ Новой Сибири, простирается еще значительно далѣе къ западу, и потому нельзя знать, не удастся ли на этомъ пути обогнуть Азію, и возвратиться Атлантическимъ океаномъ. Главное неудобство этого пути—отдаленность Берингова пролива—увеличить до нѣкоторой степени издержки его сравнительно съ Шпицбергенскимъ путемъ, но за то надобно думать, что препятствія отъ льдовъ, къ сѣверу отъ Азіи въ открытомъ даже весной морѣ будутъ менѣе значительны, чѣмъ къ сѣверу отъ Шпицбергена.

Соображенія эти, основанныя частію на гипотезахъ, не лишены, какъ говоритъ авторъ, нѣкоторой степени вѣроятности, и потому было бы весьма желательно, чтобы ихъ испытали на дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, подобное испытаніе обогатило бы науку новыми познаніями и, кромѣ того, оно можетъ быть полезно и въ матеріальномъ отношеніи, если окажется, что самое море въ тѣхъ мѣстахъ, или лежащихъ на немъ острова, подають надежду на богатые промыслы за вѣтами или другими звѣрами.

Въ случаѣ удачи, экспедиція, посланная въ эту часть Ледовитаго океана, можетъ увѣчаться весьма значительными открытіями, честь которыхъ будетъ принадлежать Россіи. Убѣжденіе ученыхъ обществъ таково, что одна только Англія трудится больше Россіи для пользы географіи. Въ полярныхъ странахъ мы даже одно время опередили англичанъ. Нашъ сѣверный берегъ Сибири былъ безъ малаго цѣлымъ столѣтіемъ раньше описанъ, чѣмъ принадлежащій Англіи сѣверный берегъ американскаго материка, который далеко не достигаетъ высокой широты сѣверной Азіи. Въ послѣднее время Англія своими экспедиціями для открытія сѣверо-западнаго прохода и для отысканія Франклина, бесспорно, значительно опередила насъ.

Издержки, потребныя для отправленія подобной экспедиціи, если отъ нея ожидать успѣха, должны быть довольно значительны, но при разложеніи ихъ на нѣсколько лѣтъ онѣ не были бы обременительны. Крѣпкій винтовой транспортъ, одинаково способный ходить подъ парами и парусами, необходимый для подобной экспедиціи, еслибы даже пришлось его нарочно выстроить, долго бы могъ прослужить и послѣ. Слѣдовательно дѣйствительнымъ расходомъ слѣдуетъ считать только снабженіе судна и команды всѣмъ необходимымъ для подобнаго плаванія.

Къ этому прибавимъ съ своей стороны, что полярное море, по береговому праву, есть собственность Россіи, а не какой-либо другой страны, почему и изслѣдованіе этого моря составляетъ нѣкоторую обязанность Россіи. Если планъ г. Шиллинга заслуживаетъ одобренія съ научной стороны, о чемъ должно бы сдѣлать свое заключеніе наше географическое общество, собравъ также мнѣніе и отъ извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ географовъ, то экспедиція, предлагаемая г. Шиллингомъ, не должна бы останавливать насъ издержками. Во всякомъ случаѣ, ученые экспедиціи обходятся несравненно дешевле всякой военной экспедиціи, или кругосвѣтнаго плаванія цѣлой эскадры. Ученая экспедиція, обѣщающая славу нашему отечеству, была бы новостью для нашего общества, и при настоящемъ оживленіи его, нѣтъ основанія сомнѣваться, что часть расходовъ была бы покрыта общественными приношеніями. На экспедицію могли бы сложить свои лепты: правительство—въ лицѣ морскаго министерства, географическое общество и публика, начиная съ лицъ, занимающихъ высшія общественныя ступени до скромнаго общественнаго дѣятеля. Кромѣ того, мы могли бы пригласить къ участию въ дѣлѣ нашихъ сѣверо-восточныхъ сосѣдей—американцевъ, и такимъ образомъ, кромѣ соблюденія умѣренности въ расходахъ по экспедиціи, имѣли бы случай наибольшаго сближенія съ націей, между которой и нами существуютъ начатки истиннаго сочувствія и доброжелательства. Даже обсужденіе плана г. Шиллинга наше географическое общество могло бы раздѣлить съ американскимъ морскимъ министерствомъ и американскими мореплавателями и географами.

Всѣ полезныя экспедиціи, бывшія донинѣ, опирались на гипотезы, также какъ и планъ г. Шиллинга; поэтому на него слѣдовало бы взглянуть безъ всякаго предубѣжденія и обсудить дѣло съ полнымъ вниманіемъ. Было бы крайне неутѣшительно, еслибы наше географическое общество прошло молчаніемъ изложенный планъ, не высказавъ о немъ своего мнѣнія.

Мы сочли себя обязаннымъ дать мѣсто на страницахъ нашего журнала сдѣланному нами извлеченію изъ статьи г. Шиллинга и выразили свое мнѣніе объ условіяхъ этой экспедиціи, съ цѣлью возбудить къ ней вниманіе публики. Желательно бы было видѣть участіе и со стороны другихъ органовъ нашей періодической прессы къ распространенію въ обществѣ свѣдѣній какъ о началѣ этого дѣла, такъ и о послѣдствіяхъ, если имъ суждено будетъ развиться до критическаго разбора плана г. Шиллинга и до соображеній объ осуществленіи этого плана.

Со стороны самаго автора также не мѣшало бы поэнергичнѣе взяться за дѣло, подобно капитану Осборну, предложившему полярную экспедицію, предполагаемую нынѣ въ Англии.

Воспоминанія графа Сологуба о Пушкинѣ. — Въ 5—6 номерѣ «Русскаго Архива» напечатаны очень любопытныя воспоминанія графа В. А. Сологуба о его знакомствѣ съ Пушкинымъ. Отно-
Т. СLXI. — Отд. II. 2

сясь къ послѣднимъ годамъ жизни великаго поэта, эти воспомина- нія освѣщаютъ нѣсколькими яркими чертами его внутреннюю жизнь въ то именно время, когда, повидимому, наиболѣе твердо и покойно установилось общественное положеніе поэта, и когда, между тѣмъ, онъ наиболѣе страдалъ подъ гнетомъ общественныхъ предразсудковъ. Это не только любопытный, но, можно сказать, поучительный эпизодъ изъ исторіи нашего общества; и нужно отдать справедливость графу Сологубу, что онъ истолкованъ имъ тонко и вѣрно.

Въ концѣ 1835 года, графъ Сологубъ, послѣ несостоявшейся попытки жениться на одной особѣ, уѣхалъ изъ Петербурга и жилъ нѣкоторое время въ Твери, занятый служебными дѣлами. Здѣсь онъ совершенно неожиданно получаетъ письмо отъ А. Н. Карамзина, своего товарища по дерптскому университету, съ вопросомъ: почему онъ, графъ Сологубъ, не отвѣчаетъ на вызовъ А. С. Пушкина? Подобный вопросъ былъ совершенной загадкой для графа: исполненный глубокаго уваженія къ поэту, но мало съ нимъ знакомый, онъ не могъ понять, что подало поводъ къ гнѣву Пушкина, и требовалъ объясненій у Карамзина. Оказалось, по его словамъ, слѣдующее: «Наканунъ моего отъѣзда, я былъ на вечерѣ съ Натальей Николаевной Пушкиной, которая шутила надъ моею романической страстью и ея предметомъ. Я ей хотѣлъ замѣтить, что она уже не дѣвочка, и спросилъ, давно ли она замужемъ. За тѣмъ разговоръ коснулся Ленскаго, очень милого, образ ованнаго поляка, танцовавшаго тогда превосходно мазурку на петербургскихъ балахъ. Все это было до крайности невинно и безъ всякой задней мысли. Но присутствующія дамы соорудили изъ этого простаго разговора цѣлую сплетню: что я, будто, оттого говорилъ про Ленскаго, что онъ будто нравится Натальѣ Николаевнѣ (чего никогда не было), и что она забываетъ о томъ, что она еще недавно замужемъ. Наталья Николаевна, должно быть, сама разсказала Пушкину про такое странное истолкованіе моихъ словъ, такъ-какъ она вообще ничего отъ мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную природу. Пушкинъ написалъ тотчасъ ко мнѣ письмо, никогда ко мнѣ недошедшее, и, какъ мнѣ было передано, началъ говорить, что я уклоняюсь отъ дуэли. Получивъ это объясненіе, я написалъ Пушкину, что я совершенно готовъ къ его услугамъ, когда ему будетъ угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины по такимъ и такимъ-то причинамъ. Пушкинъ остался моимъ письмомъ доволенъ, и сказалъ С. А. Соболевскому: «Немножко длинно, молодо, а впрочемъ хорошо». Въ то же время онъ написалъ мнѣ пофранцузски письмо слѣдующаго содержания: «М. г., вы приняли на себя напрасный трудъ, сообщивъ мнѣ объясненія, которыхъ я не спрашивалъ. Вы позволили себѣ невѣжественность относительно жены моей. Имя, вами носимое, и общество, вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня требовать сатисфакціи за непристойность вашего поведенія. Извините меня, если я не могу пріѣхать въ Тверь прежде конца настоящаго мѣсяца», и проч. . .

Дѣлать было нечего; я сталъ готовиться къ поединку, купилъ пистолеты, выбралъ секунданта, привелъ бумаги въ порядокъ, и началъ дожидаться — и прождалъ такъ напрасно три мѣсяца. Я твердо, впрочемъ, рѣшился не стрѣлять въ Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будетъ угодно.» Однако, Пушкинъ все не являлся въ Тверь; но впрочемъ, навѣдывался о состояніи дороги; вѣроятно, гнѣвъ его уже охладѣлъ, и «онъ понималъ немѣстность поединка съ молодымъ человѣкомъ, почти ребѣнкомъ, изъ-за самой пустой причины», во избѣжаніе какой-то свѣтской молвы... «Съ другой стороны, онъ, по особому щегольству его привычекъ, не хотѣлъ уже отказаться отъ дѣла, имъ затѣяннаго». И дѣйствительно, послѣ долгихъ ожиданій, Пушкинъ пріѣхалъ въ Тверь; но, какъ нарочно, графъ Сологубъ въ это время случился въ отсутствіи: на всякій случай онъ оставилъ письмо, которое и отвезъ Пушкину секундантъ графа, князь Козловскій. Пушкинъ выразилъ сожалѣніе, что не засталъ Сологуба, извинялся, былъ очень любезенъ и поѣхалъ однако далѣе. На другой день графъ вернулся въ Тверь, узнавъ о проѣздѣ Пушкина и, чтобы отклонить отъ себя мысль объ уклоненіи отъ дуэли, рѣшился ѣхать слѣдомъ за нимъ въ Москву. Онъ пріѣхалъ туда на разсвѣтѣ и отправился прямо въ домъ П. В. Нащокина, гдѣ Пушкинъ обыкновенно останавливался. «Въ домѣ — рассказываетъ Сологубъ — всѣ еще спали; я вошелъ въ гостиную и приказалъ человѣку разбудить Пушкина. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ во мнѣ въ халатѣ, заспанный, и началъ чистить необыкновенно длинные ногти. Первые взаимныя привѣтствія были очень холодны. Онъ спросилъ меня, кто мой секундантъ. Я отвѣчалъ, что мой секундантъ остался въ Твери, что въ Москву я только пріѣхалъ и хочу просить быть моимъ секундантомъ извѣстнаго генерала, князя Ѳ. Гагарина. Пушкинъ извинялся, что заставилъ меня такъ долго дожидаться, и объявилъ, что его секундантъ П. В. Нащокинъ. Затѣмъ разговоръ оживился, и мы начали говорить о начатомъ имъ изданіи «Современника». «Первый томъ былъ слишкомъ хорошъ», сказалъ Пушкинъ. Второй я постараюсь выпустить поскучнѣе: публику баловать не надо.» Тутъ онъ разсмѣялся, и бесѣда между нами пошла почти дружеская, до появленія Нащокина. Павелъ Воиновичъ явился въ свою очередь заспанный, съ взерошенными волосами и, глядя на мирный его ликъ, я несколько пришелъ къ заключенію, что никто изъ насъ не ищетъ кровавой развязки, а что дѣло въ томъ, какъ бы всѣмъ выпутаться изъ глупой исторіи, не уронивъ своего достоинства. Павелъ Воиновичъ тотчасъ приступилъ къ роли примирителя. Пушкинъ непременно хотѣлъ, чтобъ я передъ нимъ извинился. Обиженнымъ онъ впрочемъ себя не считалъ, но ссылаясь на мое свѣтское значеніе, и какъ будто боялся скомпрометировать себя въ обществѣ, если оставить безъ удовлетворенія дѣло, получившее уже въ небольшомъ кругу нѣкоторую огласку. Я съ своей стороны объявлялъ, что извиняться передъ нимъ ни подъ какимъ видомъ не стану,

такъ-какъ я невиновать рѣшительно ни въ чемъ; что словами были перетолкованы превратно и связаны въ такомъ-то смыслѣ. Споръ продолжался довольно долго. Наконецъ, мнѣ было предложено написать нѣсколько словъ Натальѣ Николаевнѣ. На это я согласился, написалъ преудрявое французское письмо, которое Пушкинъ взялъ, и тотчасъ же протянулъ мнѣ руку, послѣ чего сдѣлался чрезвычайно веселъ и дружелюбенъ. На этотъ разъ душевная тревога такъ улеглась въ немъ, что письмо даже никогда не было отдано по назначенію.

Такимъ образомъ, столкновение это кончилось совершенно мирно. Но не должно забывать этотъ эпизодъ, такъ-какъ въ немъ — только въ маломъ видѣ — обнаружилось дѣйствіе тѣхъ же причинъ, которыя вскорѣ послѣ того причинили печальную катастрофу. И здѣсь, и тамъ видно, что Пушкинъ очень дорожилъ свѣтскою молвою, а между тѣмъ, эта исполненная предразсудковъ свѣтская сфера, въ которой онъ вращался, была такъ невѣжественна, что не умѣла уважать его самобытно-геніальной природы и только раздражала его самолюбіе ложнымъ авторитетомъ своего мнѣнія.

Еще около 1833 года Пушкинъ встрѣтилъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ молодого француза Жоржа Дантеса, усновленнаго голандскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, барономъ Гекерномъ, вступившаго въ кавалергардскій полкъ и получившаго негласное вѣдѣніе. Сперва ихъ отношенія между собой были хорошия: Пушкинъ восхищался остротами Дантеса и охотно принималъ его къ себѣ въ домъ. Но мало-по-малу отношенія эти измѣнились. Дантесъ успѣлъ раздражить Пушкина: «Однажды — разсказываетъ графъ Сологубъ — на вечерѣ у кн. Вяземскаго, онъ вдругъ сказалъ, что Дантесъ носить перстень съ изображеніемъ обезьяны. Дантесъ былъ легитимистомъ, и носилъ на рукѣ перстень Генриха V-го. «Посмотрите на эти черты, воскликнулъ тотчасъ Дантесъ — похожи-ли онѣ на г. Пушкина?» Развѣнъ невѣжливостей остался однако безъ послѣдствій. Но раздраженіе Пушкина продолжало усиливаться и, наконецъ, доведено было до такой степени, что требовало крутого исхода. Мы говоримъ именно: «доведено», ибо есть вѣроятіе, что Дантесъ поступалъ не наивно, не просто, не очертя голову, а сознательно и даже, можетъ быть, по наущенію или съ согласія другихъ лицъ, очень значительныхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ это дѣло г. Бартевель, въ примѣчаніи къ воспоминаніямъ графа Сологуба, да иначе не слѣдуетъ понимать и слова самого повѣствователя. Но возвращаемся къ подробностямъ его разсказа...

Въ ноябрѣ 1836 года, въ Пушкинскомъ кружкѣ распространены были подметныя пакеты, въ которыхъ находились запечатанныя письма съ адресомъ, писаннымъ кривымъ почеркомъ, на имя А. С. Пушкина. Одно такое письмо доставлено было графу Сологубу. «Мнѣ тотчасъ же — говоритъ онъ — пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что-нибудь написано о моей личной исторіи съ

Пушкинымъ, что, слѣдовательно, уничтожить я его не долженъ, а распечатать не въ правѣ. Затѣмъ я отправился къ Пушкину и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго мною гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ и тотчасъ сказала мнѣ: «Я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получила сегодня же отъ Елисаветы Михайловны Хитровой: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, что безыменнымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера — вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-жѣ Хитровой.» Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполне сообразное съ его словами. Въ сочиненіи присланнаго ему всѣмъ извѣстнаго диплома, онъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ. Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманія.» Но впослѣдствіи стало извѣстно, что въ этотъ же самый день, онъ послалъ вызовъ Дантесу. Это было сдѣлано совершенно тайно; такъ что, когда, черезъ нѣсколько дней, графъ Сологубъ спросилъ Пушкина: не дознался ли онъ, кто авторъ писемъ — поэтъ высказалъ подозрѣніе на другое лицо (*), и затѣмъ, на предложеніе Сологуба, быть его секундантомъ въ случаѣ дуэли, отвѣчалъ: «Дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ присутствіе свѣтскаго человѣка мнѣ желательно для надлежащаго заявленія.» Разговоръ этотъ происходилъ во время прогулки; несмотря на сказанное, Пушкинъ заходилъ къ оружейнику и прицѣпился къ пистолетамъ, но не купилъ — по неимѣнію денегъ. Черезъ нѣсколько дней открылась тайна его намѣреній.

«У Карамзинныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора, онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ скороговоркой: «Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ, только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь.» Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ-бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, недопускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова (сестра Наталья Николаевна Пушкиной, которой на раутѣ не было) отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ Дантесъ-Гекернъ. Пушкинъ прѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Катеринѣ

(*) По всей вѣроятности, на барона Гекерна; на это есть указаніе въ извѣстной брошюрѣ г. Аммосова о смерти Пушкина.

Николаевнѣ говорить съ Дантесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ молодымъ секретаремъ французскаго посольства, мы выразительно переглянулись, но разошлись не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спросилъ его, что онъ за человекъ. «Я человекъ честный, отвѣчалъ онъ—и надѣюсь скоро это доказать». Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ поневолѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ, но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. Ночь я, сколько мнѣ помнится, не могъ заснуть; я понималъ, какая лежитъ на мнѣ отвѣтственность передъ всей Россіей... На другой день погода была страшная, снѣгъ, мятель. Я поѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться насчетъ матеріальной стороны самого безпощаднаго поединка и, наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ, отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ всю ночь не спалъ, что онъ, хотя не русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. Затѣмъ онъ мнѣ показалъ:

- 1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.
- 2) Вызовъ Пушкина Дантесу, послѣ полученія диплома.
- 3) Записку посланника, барона Гекерна, въ которой онъ просилъ, чтобъ поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли.
- 4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. Дантесъ женится на его невѣсткѣ, К. Н. Гончаровой.

Я стоялъ пораженный, какъ-будто свалился съ неба. Объ этой сватбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухнедѣльной отсрочки, причину ухаживанія Дантеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина. Одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ. Мѣра терпѣнія переполнилась. При полученіи глупаго диплома отъ безымяннаго негодая, Пушкинъ обратился къ Дантесу, потому что послѣдній, танцующая часто съ К. Н., былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Кто зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что не только въ случаѣ вродной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи, онъ не сталъ бы дожидаться подметныхъ писемъ. Одному Богу извѣстно, что онъ въ это время выстрадалъ, воображая себя осмѣяннымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими, непрерывными оскорбленіями. Онъ въ лицѣ Дантеса искалъ или смерти или расправы съ цѣлымъ свѣтскимъ обществомъ... «Вотъ положеніе дѣла, сказалъ д'Аршіакъ. Вчера кончился двухнедѣльный срокъ, и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ женить-

ся, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобы о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться, и женится во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказать отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе...» Мое положеніе было самое непріятное: я только теперь узналъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то, что я и требовать и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самого Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги, я написалъ пофранцузски къ Пушкину слѣдующую записку: «Согласно вашему желанію, я условился насчетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21-го ноября въ восемь часовъ утра на парголовской дорогѣ, на десять шаговъ барьера. Впрочемъ, изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ *честный* человекъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться и пр.» Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку, но не показалъ ея Дантесу, несмотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: «Я согласенъ. Пошлите.» Я подозвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ вести на Мойку, туда, гдѣ я былъ утромъ... Мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ, отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ-какъ по городскимъ слухамъ (*par le bruit public*) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ.» Этого достаточно, сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показавъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ съ словами: «Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видаться, какъ братья». Поздравивъ съ своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ. «Съ моей стороны—продолжалъ я—я позволилъ себѣ общать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ, какъ съ знакомымъ». «Напрасно, воскликнулъ запальчиво Пушкинъ. Никогда этого не будетъ. Никогда между домою Пушкина и домою Дантеса, ничего общаго быть не можетъ.» Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился. «Впрочемъ, добавилъ

онъ:—я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ какъ честный человѣкъ.» Больше мнѣ и не нужно, подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не явился. Онъ сердился на меня, что, несмотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ. «У него, кажется, грудь болитъ, говорилъ онъ: того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ. Вотъ у васъ тросточка. У меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее.» «А вы проиграете мнѣ всѣ ваши сочиненія» «Хорошо».—(Онъ былъ въ это время какъ-то желчно веселъ). «Послушайте, сказалъ онъ мнѣ чрезъ нѣсколько дней: вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ; однако, я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ.» Онъ заперъ дверь и сказалъ: «Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерну. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте.» Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голандскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшень, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія».

При видѣ этого гнѣва графъ Сологубъ не нашелъ возможности ничего сказать противъ; но онъ поспѣшилъ повидаться съ Жуковскимъ, и послѣднему удалось на этотъ разъ остановить порывъ Пушкина: письмо къ Гекерну не было послано, но Пушкинъ оставилъ его у себя на всякій случай. Вскорѣ послѣ того графъ Сологубъ уѣхалъ изъ Петербурга и не былъ свидѣтелемъ развязки этой печальной драмы. Изъ дальнѣйшихъ событій, предшествовавшихъ роковой дуэли, онъ рассказываетъ только слѣдующій фактъ, подобно многимъ другимъ неговорящій въ пользу Дантеса: «Какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Натальей Николаевной, подходилъ къ ней и балагурилъ съ нѣсколькимъ казарменной непринужденностью. Вызовъ былъ немнущемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площаднаго каламбура. На балѣ графа Воронцова, женатый уже, Дантесъ спросилъ Наталью Николаевну, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ его женой. «*Le pédicure prétend, прибавилъ онъ, que votre cor est plus beau que celui de ma femme.*» Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Гекерну есть намеки на этотъ каламбуръ. Письмо, впрочемъ, было то же самое, которое онъ мнѣ читалъ задва мѣсяца; многія мѣста я узналъ; только прежнее было, если не ошибаюсь, длиннѣе и, какъ оно ни покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе.»

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя графомъ Сологубомъ; мы назвали обстоятельства, сопровождавшія смерть Пушкина, поучительнымъ эпизодомъ изъ исторіи нашего общества, и въ доказательство того могли бы сдѣлать изъ рассказаннаго нѣсколько выводовъ не слишкомъ-то въ пользу той среды, въ которой вращался Пушкинъ; но графъ Сологубъ предупредилъ насъ и въ слѣдующихъ словахъ со-

вершено справедливо очертилъ отношеніе Пушкина къ тому таѣ называемому большому свѣту, въ которомъ жилъ Пушкинъ:

«Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ, и главное его несчастье заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтскою жизнью, его стубившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовать себя постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ, какъ я сказалъ выше, непостижимое пристрастіе. Наше общество еще такъ устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ официальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при развѣздахъ кричали: Карету Пушкина! — Какого Пушкина? — Сочинителя! — Пушкинъ обижался, конечно не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто-бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ: не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстухѣ, въ двубортномъ жилетѣ, съ откидными, ненакрахмаленными воротничками, подражая, быть можетъ, невольню Байроновскому джентльменству; прочимъ же условіямъ онъ подчинился. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и, слѣдовательно, предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ, для сопутствованія женѣ-красавицѣ, играть роль жалкую, едва-ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у Пушкина часто недоставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ. Наконецъ, онъ имѣлъ много литературныхъ враговъ, которые не давали ему покоя и уязляли его раздражительное самолюбіе, превозглашая съ свойственною этимъ господамъ самоувѣренностью, что Пушкинъ ослабѣлъ, устарѣлъ, исписался, что было совершенная ложь, но ложь все-таки обидная. Пушкинъ возражалъ съ свойственною ему ѣдкостью, но не умѣлъ пріобрѣсти необходимаго для писателя равнодушія къ печатнымъ оскорбленіямъ. Журналъ его «Современникъ» шель плохо. Пушкинъ не былъ рожденъ журналистомъ. Въ свѣтѣ его не любили, потому что боялись его эпиграмъ, на которыя онъ не скупился, и за нихъ онъ нажилъ себѣ враговъ въ цѣлыхъ семействахъ, въ цѣлыхъ партіяхъ, враговъ непримиримыхъ. Въ семействѣ онъ былъ счастливъ, насколько можетъ быть счастливъ поэтъ, нерожденный для семейной жизни. Онъ обожалъ жену, гордился ея красотой и былъ въ ней вполне увѣренъ. Онъ ревновалъ къ ней не потому, чтобы въ ней сомнѣвался, а что страшился свѣтской молвы, страшился сдѣлаться еще болѣе смѣшнымъ передъ свѣтскимъ мнѣніемъ. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантесъ, которого бояться ему было нечего. Когда онъ меня вызвалъ, онъ высказалъ мнѣ свою мысль. «Имя, вами носимое, общество, вами посѣщаемое, принуж-

даютъ меня просить сатисфакціи.» Слѣдовательно, онъ вступился не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы; и съ Дантесомъ было то же самое. Онъ видѣлъ въ немъ не серьезнаго соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого онъ не перенесъ.»

Русскій публицистъ 1848 года. — Въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» (1865 года, кн. I), напечатаны «Мысли, возбужденныя современными событіями въ Европѣ (1848 года)». Личность автора этой статьи намъ неизвѣстна; впрочемъ, въ текстѣ и примѣчаніи «Мыслей», мы встрѣтили на нее нѣкоторыя указанія — опять-таки безъ имени автора, «который не желалъ быть извѣстнымъ». Во всякомъ случаѣ, эти мысли такъ своеобразно замѣчательны, и такъ характеристичны для времени, въ которое были написаны, что мы не можемъ не подѣлиться ими съ читателемъ. Приведенныя ниже страницы тѣмъ болѣе дѣлаютъ чести анонимному публицисту, что и послѣ 1848 года, въ 1859, 1863 годахъ онъ твердо сохранилъ свои убѣжденія, о чемъ и заявилъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ первоначальному тексту.

«Мысли» начинаются съ очерка ужаснаго состоянія западной Европы въ 1848 году, когда, по мнѣнію нашего публициста, жемудріе отшатнуло отъ истиннаго ученія церкви, и зараза духа, болѣе смертельная, чѣмъ холера и чума, стремилась «ниспровергнуть всюду порядокъ, возмутить всѣ страсти человѣчества и перепутать всѣ права, обязанности и отношенія народовъ, правительствъ и лицъ». Затѣмъ авторъ ставитъ нѣкоторый многозначительный вопросъ относительно Россіи и, утвердивъ его на разныхъ доводахъ, развиваетъ рядъ соображеній о мѣрахъ, которыя, по его мнѣнію, настоятельно требуются въ Россіи.

«Не нужно ли и намъ — восклицаетъ анонимъ — подумать о благовременномъ противодѣйствіи проникающимъ въ Россію понятіямъ, мечтамъ и заблужденіямъ Запада? Не пора ли принять нѣкоторыя мѣры осторожности противъ возмутителей порядка и тишины въ цѣломъ мірѣ? Нѣтъ ли уже горькихъ сѣмянъ европейской заразы и на русской почвѣ?... Эти сѣмена не всегда сѣются обдуманнмъ злоумышленіемъ, но часто и довѣрчивымъ легкомысліемъ. Такъ у насъ головы шишущія и разсуждающія болѣею частью раздѣлились на западныхъ и восточныхъ. Последніе достойны уваженія, когда они желаютъ лучшей участи соплеменнымъ, роднымъ намъ народамъ, заботятся о ихъ просвѣщеніи, стараются примирить возникшія между ими и нами недоразумѣнія. Но когда они шумятъ, зачѣмъ Петербургъ — Петербургъ, а не Петроградъ, и т. п., тогда они, впрочемъ, очень немногіе, или смѣшны, или, сами не чувствуя, идутъ къ одной цѣли съ западниками, къ безсильному желанію переименовать все въ Россіи, къ желанію, однакожъ, внушаемому пламенною, хотя и неразумною любовью къ отечеству. Потому-то западники и опасны своимъ безусловнымъ по-

клоненіемъ Европѣ. Забывая, что въ Россіи, прежде всего, надо быть русскимъ, они плѣняются всѣми новыми мыслями нѣмецкихъ и французскихъ писателей и, представляя заблужденія свой толпѣ, увлекаютъ за собою безотчетно молодежь, всегда дилкую и неопытную (*). Вотъ первыя сѣмена заграничной заразы. Къ нимъ можно присоединить большое еще пристрастіе у насъ къ учителямъ, наставникамъ, дѣдкамъ, нянькамъ, даже управителямъ, поварамъ, горничнымъ, портнымъ и портнихамъ и т. п. изъ иностранцевъ и иностранокъ. Ужь, конечно, они превозносятъ все свое и уничтожаютъ все русское».

И вотъ противъ всего этого предлагаются разныя мѣры: «относительно мудрованій запада» дѣло легкое: нужно только установить въ университетахъ преподаваніе нравственно-христіанской философіи, да не запрещать ввоза философскихъ книгъ: тогда дѣльныя возраженія тотчасъ же торжественно обличатъ ихъ несостоятельность. Труднѣе справиться съ иностранцами; поэтому и мѣры противъ нихъ сложнѣе: предлагается и запретить содержаніе иностранныхъ гувернеровъ, и выслать за границу иностранцевъ, нерусскихъ подданныхъ, и не допускать черезъ границу бродягъ разнощиковъ съ духами, помадой и спичками: «желающихъ же изъ нихъ остаться — поселить въ существующихъ колоніяхъ южнаго края, а малолѣтнихъ и сиротъ опредѣлить въ кантонисты». Всѣ эти мѣры необходимы потому, что эти иностранцы, равно какъ и русскіе бродяги, составляютъ «опасный зародышъ пролетаріевъ, то есть бобылей, неимѣющихъ осѣдности, ни вѣрныхъ средствъ къ своему пропитанію». «Если же — продолжаетъ авторъ — присоединить къ нимъ шатающихся безъ занятія вольноотпущенниковъ, часто престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, отставныхъ солдатъ и солдатокъ, вообще мѣщанъ, неимѣющихъ ни земли, ни ремесла, ни торгу, ихъ семейства, ихъ вдовъ и сиротъ, изгнанныхъ изъ службы или отставленныхъ безъ пенсіи военныхъ и статскихъ офицеровъ, чиновниковъ, почтовыхъ смотрителей, курьеровъ и т. д. съ ихъ женами, вдовами, сиротами, заштатныхъ церковнослужителей, а также вдовъ и сиротъ ихъ, священническихъ и дьяконскихъ, наконецъ воспитанниковъ и воспитанницъ воспитательныхъ домовъ, студентовъ не дворянскаго происхожденія, и семинаристовъ, остающихся безъ назначенія, по неимѣнію мѣстъ для такого множества тѣхъ и другихъ — то можно сказать, что у насъ образовалось уже и *tièrs-état* (**). А къ чему въ Россіи среднее состояніе между высшими сословіями дворянства, духовенства и кучества и простымъ на-

(*) Какъ въ стану славянофиловъ встрѣчаются люди ужѣренные, такъ и посреди поклонниковъ Запада многіе желаютъ только улучшеній въ Россіи, и съ этой цѣлью хотѣли бы перенести къ намъ съ Запада все разумное и дѣйствительно полезное.

Прим. аноним. публициста.

(**) Читатель замѣтилъ, конечно, что мы передаемъ мысли автора во всей ихъ неприкосновенности. Уже изъ опредѣленія *tièrs-état* видно, какъ русскій публицистъ силенъ въ политическихъ наукахъ.

родомъ: земледѣльцевъ, мѣщанъ, солдатъ? (Купечество — высшее сословіе, а мѣщане — народъ!!) Всѣ эти лица и семьи, вмѣстѣ взятыя, образуютъ у насъ, особенно въ столицахъ и большихъ городахъ, англійскій павперизмъ (*), огромное сословіе бѣдныхъ, стидящихся, и нищихъ безстыдныхъ попрошаекъ, дармоѣдовъ, къ обремененію общественной и частной благотворительности. Итакъ мы имѣемъ уже павперизмъ, пролетаріевъ и тьерсъ-эта, то-есть всѣ гибельныя сѣмена неустройствъ, отчаянной рѣшимости на самоуправство и готовности къ междоусобіямъ.»

Противъ всѣхъ этихъ ужасовъ анонимъ опять совѣтуетъ разные мѣры: однихъ изъ этихъ пролетаріевъ ояъ предлагаетъ поселить, какъ поселялись отставные солдаты при Екатеринѣ; другихъ, именно семинаристовъ и студентовъ не дворянъ, безъ назначенія, и *опредѣлить въ военную службу или водворить среди казачьихъ и минейныхъ войскъ*, и т. д. Наконецъ, авторъ находитъ нужнымъ отправить къ мѣсту назначеній ссыльныхъ, содержимыхъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія по причинѣ болѣзни. «Если все это (то-есть ихъ недуги) не препятствовало имъ бродяжничать, воровать, злодѣйствовать, такъ почему же не дойти имъ до Сибири, хоть бы и не подвергаясь тѣлесному наказанію? Да еслибы нинѣ изъ нихъ и не дошли, что часто случается съ бессмысленными и здоровыми людьми, *какая же тутъ убишь государству?* А ужъ пользы нѣтъ никому никакой! Человѣколюбивые законы, конечно, прекрасны, но потворство — не милосердіе. Строгость нужна для поддержанія порядка. У насъ, слава-богу, нѣтъ смертной казни, и мы можемъ похвалиться этимъ передъ хвастливую Европою, но кормить, одѣвать и лелѣять грабителей и зажигателей — это значитъ: уничтожать въ народѣ всякій страхъ заслуженнаго наказанія при преступленіи.»

Обсудивъ вопросъ объ «англійскомъ павперизмѣ», и французскомъ «тиерсъ-эта» въ Россіи, авторъ обращается къ разсмотрѣнію нуждъ нашего народнаго образованія и къ нравственной оцѣнкѣ русскаго простонародья. «Просвѣщеніе — говоритъ онъ — какъ и человѣколюбіе, необходимо для блага народовъ. Это неоспоримо. Однакожъ есть степени просвѣщенія, есть предѣлы и человѣколюбію. Много у насъ теперь толкуютъ о всемірной грамотности. Хотятъ особенно просвѣтить крестьянскихъ дѣвочекъ, и ужъ начали сочинять для мужиковъ повѣсти (**)! Мысль западная: Эме-Мартенъ давно ужъ издалъ книгу «О воспитаніи матерей», въ которой, разумѣется; много философскихъ пошлостей и нехристианскихъ выходовъ. Грамотѣ латинской церкви, не понимая св. службы, сидятъ во время обѣдни съ книжками. Протестанты также читаютъ на лавкахъ въ храмѣ Господнемъ. Вотъ наши западники и

(*) Должно замѣтить, что въ 1848 г. у насъ слово павперизмъ было въ такомъ же ходу, какъ теперь нигилизмъ; одно другаго стоять.

(**) Въ то время явился Антонъ-Горемыка г. Григоровича и первые рассказы въ «Записокъ Охотника» г. Тургенева.

закричали, что надо русскимъ крестьянамъ и крестьянкамъ, всѣмъ, безъ исключенія, читать и писать; что безъ этого имъ никогда не быть христіанами; что это только совершитъ ихъ нравственное воспитаніе. Итакъ, по мнѣнію нашихъ европейцевъ, православная Русь — государствомъ не христіанское и народъ русскій — народъ безнравственный!... Не говоря уже о невозможности засадить за узаку и за перо нѣсколько миліоновъ мужчинъ и женщинъ, старшихъ и малыхъ, если допустить мысль, что рано ли, поздно ли, вся Россія примется читать — гдѣ повѣсти, гдѣ часословъ, а гдѣ писать пустится всякую всячину, кто же будетъ воздѣлывать землю, проводить пути сообщенія, воздвигать зданія, добывать металы и минералы, работать на промыслахъ и заводахъ и т. п.? Какъ найти довольно времени и на вседневныя труды, и на чтеніе?...

До сихъ поръ авторъ касался преимущественно отрицательныхъ сторонъ русской жизни и, строго ихъ осуждая, предлагалъ средства для устраненія вредныхъ элементовъ, въ нее закравшихся. Взглянемъ теперь на его сужденія о томъ, что русская жизнь представляетъ положительнаго и гдѣ основы ея процвѣтанія.

Изъ всѣхъ взволнованныхъ нинѣ въ Европѣ народовъ только англичане еще могутъ противодѣйствовать возмутителямъ, и это потому, что въ Великобританіи аристократія сохранилась во всей своей чистотѣ. Въ Россіи совокуплены всѣ силы къ охраненію ея народности. Остается только *приподнять* нѣсколько упавшее дворянство, *закрыть* легкіе пути къ достиженію этого званія недворянамъ, *возстановить* обмельчавшіе роды князей и бояръ, *ограничить* между прочимъ *раздробленіе* владѣльческихъ имѣній до известной степени, ниже которой они недѣлимы, напримѣръ, 400 или 500 душъ, или 1,000 или 2,000 десятинъ земли; словомъ, возсоздать вельможество или столбовое дворянство. Оно потому и называлось искони *столбовымъ*, что дворяне — коренные *столбы престола*, на которыхъ онъ почіетъ и зиждетъ. Это — сила силы! Это двигатели — въ рукахъ двигателя! Это драгоцѣнный алмазъ, въ вѣнцѣ порфирородныхъ на Русі!... Дворянскіе и княжескіе роды и православное духовенство въ Россіи во всѣ бѣдственныя години наши были и будутъ первымъ оплотомъ народа, всегда готоваго на службу царю и отечеству, лишь бы были путеводители, съ крестомъ и благословеніемъ со стороны духовенства, съ мечомъ и самоотверженіемъ со стороны дворянства. Быть можетъ, эта историческая истина поведетъ къ *правильному раздѣленію* древнихъ и новыхъ родовъ (?), и къ образованію, напримѣръ, поколѣній княжескихъ и графскихъ изъ родовъ, заслужившихъ это званіе; поколѣній боярскихъ изъ родовъ, достигшихъ дворянства до Петра, или хоть до Еватеріны I, и поколѣній младшихъ дворянъ, со времени Петра или Еватеріны I, и понинѣ возведенныя въ это достоинство, съ подраздѣленіемъ ихъ на *разряды (касты ?)* дворянъ-чиновниковъ, дворянъ-воиновъ, дворянъ-художниковъ или писателей и дворянъ-дѣятелей-благотворителей, по ученымъ трудамъ и открытіямъ, по

примѣрамъ нравственнымъ, по подвигамъ челоуѣколюбія, по полезнымъ изобрѣтеніямъ»...

Таковъ русскій публицистъ 1848 года. Въ 1848 г. у насъ публицисты не печатали своихъ произведеній, а потому соображенія неизвѣстнаго анонима явились только теперь. Но мы знаемъ, что мысль эта не была одиночною, а раздѣлялась очень многими. Мы могли бы дополнить эту характеристику русскаго публициста 1848 года... и, можетъ быть, это сдѣлаемъ когда-нибудь.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Посольство командора Веггидци въ Римъ.—Въ какомъ положеніи находится у насъ городское хозяйство.

Важнѣйшимъ событіемъ въ политическомъ мірѣ были въ послѣднее время переговоры итальянскаго правительства съ папскою куріей. Переговоры эти особенно важны при томъ неопредѣленномъ положеніи, въ которомъ находится королевство итальянское относительно римскаго вопроса. Съ одной стороны Римъ составляетъ завѣтное стремленіе итальянскихъ патріотовъ, съ другой стороны предположенная столица Италіи защищена французскимъ знаменемъ отъ всякихъ попытокъ со стороны итальянцевъ.

Одинъ изъ политическихъ дѣятелей Италіи, бывшій министръ финансовъ, Санктисъ, извѣстный вѣрностію взгляда на дѣла этой страны и прямодушіемъ въ отзывахъ о современномъ состояніи своего отечества, охарактеризовалъ недавно въ неаполитанской газетѣ «Italia» настоящее положеніе Италіи въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы находимся въ виду неизвѣстнаго, въ виду переговоровъ, предѣлы, предметъ и дѣль которыхъ намъ неизвѣстны; передъ нами что-то неопредѣленное, представляющее въ одно и то же время и выгоды и неудобства».

«При такомъ, болѣе чѣмъ сомнительномъ положеніи дѣлъ, общественное мнѣніе колеблется, умы увлечены двумя потоками. Среди противорѣчій можно отыскивать общественное мнѣніе, но нельзя сказать, чтобъ оно уже установилось».

«Не надобно однако предаваться мечтамъ. Запутанность дѣлъ не доказываетъ еще, чтобы въ душѣ итальянцевъ не установилась твердая, опредѣленная мысль. Въ тотъ день, когда вопросъ разрѣшится въ духѣ противномъ національной программѣ, народному голосу и постановленіямъ парламента, г. Персиньи увидитъ, что «non possumus» папы встрѣчаетъ отпоръ въ возгласѣ итальянца—«non possumus!»

Между тѣмъ и чланъ герцога Персини состоитъ въ сущности въ томъ, что если кардиналу Мероду удастся склонить папу оставить Римъ послѣ удаленія французскихъ войскъ, то французское и итальянское правительства принимаютъ на себя предупрежденіе всякаго революціоннаго движенія, и временное правительство, образовавшееся въ Римѣ, должно будетъ ввести такую администрацію, какая существуетъ во всѣхъ прочихъ частяхъ Италіи.

Упоминають однако газеты и о томъ, что если и послѣ удаленія французскихъ войскъ папа останется въ Римѣ, то жители Рима произведутъ «мирную революцію». Они будутъ собираться толпами и не станутъ давать папѣ покоя своими прошеніями о перемиріи правительства, и такія демонстраціи будутъ повторяться ежедневно. Если же кардиналъ Меродъ будетъ противиться сходкамъ толпы и подачѣ прошеній, то онъ будетъ арестованъ. Незначительное войско, на которое кардиналъ можетъ опереться и которое большею частію состоитъ изъ иностранцевъ, будетъ обезоружено, при чемъ, по возможности, избѣгутъ всякаго кровопролитія. Наконецъ, или мирнымъ путемъ принудятъ папу согласиться на перемиріе образа правленія, или же, помимо его согласія, но только отъ его имени произведутъ всѣ желаемыя перемирія. Прежде всего будутъ уничтожены границы, таможи и паспорта, препятствующіе соединенію Италіи, какъ одному государству, и вообще будутъ произведены такія реформы, вслѣдствіе которыхъ владѣнія, оставшіяся за папою, хотя и будутъ считаться самостоятельнымъ государствомъ, но уже ни въ чемъ не будутъ отличаться отъ прочихъ областей, вошедшихъ въ составъ королевства итальянскаго.

Всѣ эти предположенія, невыходящія изъ области вѣроятности, должны будутъ усложнить рѣшеніе римскаго вопроса въ томъ смыслѣ, въ какомъ домогаются произвести это съ одной стороны императоръ Наполеонъ, а съ другой—крайніе итальянскіе патриоты. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Пій IX и Викторъ-Эмануэль, для которыхъ римскій вопросъ представляетъ особенную важность, позаботились о томъ, чтобъ по возможности рѣшить его безъ участія Франціи и итальянскихъ революціонеровъ.

Изъ Рима пишутъ о какомъ-то таинственномъ послѣ Викторъ-Эмануила, бывшемъ у папы въ ночь съ 27-го на 28-е мая. Королевскій уполномоченный, рассказываютъ газеты, прибылъ въ Римъ съ послѣднимъ поѣздомъ въ 11¹/₂ часовъ вечера, и въ ожидавшей его каретѣ прямо поѣхалъ къ папѣ. На немъ былъ бѣлый галстухъ и чернѣйшій сюртукъ подъ дорожнымъ пальто. Онъ, не переминивъ своего костюма, явился къ папѣ, который принялъ его въ полночь, когда всѣ папскіе царедворцы были уже распущены. Послѣ того, какъ папа прочелъ привезенныя таинственнымъ посланцемъ депеши, между ними произошелъ краткій разговоръ. По окончаніи разговора, папа сѣлъ къ письменному столу, а путешественникъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ ему подали ужинъ. Черезъ четверть часа послѣдовалъ болѣе продолжи-

тельный разговоръ, и только въ четыре часа пополудни посолъ оставилъ папу и въ той же самой каретѣ поѣхалъ на желѣзную дорогу, откуда съ первымъ поѣздомъ отправился во Флоренцію.

Что же касается впечатлѣнія, произведеннаго въ Италіи посольствомъ въ Римъ г. Вегецци, то въ сущности противъ примиренія съ папою поднялось весьма немного голосовъ. Такъ, заявили свое неудовольствіе противъ начавшихся переговоровъ муниципалитеты нѣкоторыхъ, небольшихъ впрочемъ городовъ, нѣсколько тайно существующихъ патріотическихъ обществъ, такъ называемый римскій комитетъ, представляющій скорѣе призракъ, нежели дѣйствительность, горячая молодежь въ университетахъ неаполитанскомъ, болонскомъ, павійскомъ и туринскомъ, и два, происходившіе въ Миланѣ и Туринѣ, митинга римской эмиграціи. Изъ протестовъ, наиболѣе замѣчательныхъ по рѣзкости выраженій, былъ протестъ города Остуніи, находящагося въ провинціи Отранто. Протестъ этотъ былъ поданъ принцу Гумберту во время открытія желѣзной дороги между Бари и Брандизи.

«Печальное и приводящее въ броженіе извѣстіе о попыткѣ примиренія между папскимъ Римомъ и итальянскимъ правительствомъ повергло насъ—пишутъ протестующіе—въ глубокую скорбь, и мы энергически протестуемъ противъ подобной попытки, какъ противъ очевиднаго нарушенія національныхъ правъ.» Упомянувъ о низложеніи Бурбоновъ и объ избраніи Виктора-Эмануила, граждане Остуніи заявляютъ, что они считаютъ рѣшеніе плебисцита за истинную политическую програму Италіи, и что они поклялись поддерживать это рѣшеніе цѣною своей крови. Протестъ выражаетъ скорбь о раненомъ «аспромонтскомъ мученикѣ», который далъ Италіи девять миллионовъ сыновъ и который будетъ въ состояніи подать помощь тѣмъ немногимъ, которые остаются еще доселѣ въ когтяхъ римскаго волка и сѣвернаго, то-есть австрійскаго, орла.

«Но нынѣ—сказано въ заключеніе—когда мы видимъ, что волка ласкаютъ невѣдомыя руки, когда отъ насъ требуютъ, чтобы мы протянули нашу руку исконному врагу Италіи, палачу Данте, Галилея, Савонаролы, Кампанеллы и Джіаноне; когда мы видимъ, что вашему политическому существованію грозитъ опасность, а нашей свободѣ и независимости наносятъ оскорбленіе, что единство, купленное кровью нашихъ братьевъ, разрушается и за наши жертвы платятъ намъ такъ дурно; когда мы видимъ, что постановленіе плебисцита замѣняется трактатомъ, который мы считаемъ для себя смертнымъ приговоромъ—мы протестуемъ, и твердые въ нашихъ принципахъ, мы приготовляемся, въ союзъ съ 22 миллионами итальянцевъ, поддерживать наше право и защищать его противъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, которые провидятъ въ возрожденіи Италіи гражданское и политическое обновленіе всей Европы.»

Впрочемъ, если придавать подобнымъ демонстраціямъ не частный, а общій характеръ, то онѣ должны показаться довольно-

странными сравнительно съ тѣмъ спокойствіемъ и можно даже сказать съ тѣмъ одобреніемъ, съ какими была встрѣчена сентябрьская конвенція о перенесеніи столицы. Едва-ли переговоры г. Вегецци съ римскимъ дворомъ могли идти далѣе этой конвенціи, отодвинувшей надежды итальянскихъ патріотовъ относительно Рима на неопредѣленное время. По замѣчанію французскихъ газетъ, посольство г. Вегецци встрѣчено съ бѣльшимъ равнодушіемъ, нежели сентябрьская конвенція. Хотя съ перваго взгляду митинги въ Миланѣ и въ Туринѣ, особенно въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ, кажутся важными фактами въ патріотическомъ движеніи Италіи, но и въ нихъ проглядываетъ скорѣе взаимное соперничество городовъ сѣверной части полуострова, нежели стремленіе разрѣшить общій для всѣхъ итальянцевъ національный вопросъ.

Что же касается итальянскихъ газетъ, то бѣльшая часть серьезныхъ изданій обнаружила въ этомъ случаѣ сдержанность, которую признаютъ почти-что явнымъ одобреніемъ посольства г. Вегецци. Въ Туринѣ «Opinione», въ Миланѣ «Perseveranza», во Флоренціи «Nazione», и въ Неаполѣ «Italia» отнеслись къ этому факту упомянутымъ образомъ. Если же вообще происходившіе въ Римѣ переговоры производятъ нѣкоторое раздраженіе въ общественномъ мнѣніи итальянцевъ, то это надобно сказать о сѣверной части Италіи, гдѣ вражда къ папскому Риму проявляется особенно сильно.

Собственно же говоря, и итальянскій народъ и итальянское правительство, не видя средствъ рѣшить въ скоромъ времени римскій вопросъ въ пользу итальянскаго единства, готовы повиديوму помириться съ Римомъ, если только это возможно. Въ то же время и папская курія, не видя въ покров тельствѣ Франціи достаточнаго ручательства за самобытное свое существованіе, не прочь войти въ соглашеніе съ Викторомъ-Эмануиломъ. Сямо собою разумѣется, что при такомъ соглашеніи требуются взаимныя уступки и съ той и другой стороны, но до чего — спрашиваютъ всѣ — должна простираться въ настоящемъ случаѣ взаимная уступчивость? Между тѣмъ папа хочетъ сохранить попрежнему свои верховныя права надъ областями, составлявшими до 1859 года достояніе св. Петра и отошедшими въ Пиемонтъ. Съ своей стороны итальянское правительство не считаетъ возможнымъ на территоріи новаго королевства допустить существованіе на особыхъ правахъ такихъ провинцій, которыя представляли какъ бы государство въ государствѣ.

Посольство г. Вегецци не вызвало въ итальянской пресѣ особыхъ возгласовъ ни за ни противъ тѣмъ не менѣе послужило для всѣхъ итальянскихъ газетъ весьма важнымъ матеріаломъ. Въ нихъ теперь каждый день подъ рубрикой «Ultime Notizie» (последнія извѣстія) являются свѣдѣнія о ходѣ этого посольства.

Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя какъ итальянскими, такъ и другими газетами, согласны между собою въ томъ, что мысль начать пере-

говору съ римскимъ дворомъ принадлежитъ самому королю. Это объясняютъ не только политическими потребностями, но отчасти и личнымъ характеромъ Виктора-Эмануила. Въ настоящее время королю Виктору-Эмануилу уже сорокъ-пять лѣтъ. Онъ въ свое довольно-продолжительное царствованіе видѣлъ много и неудачъ и славы, такъ что опытъ могъ убѣдить его въ суетности земнаго величія. Обращаясь къ преданіямъ савойскаго дома, король можетъ видѣть, что предки его умирали добрыми католиками на попеченіи заботливыхъ духовниковъ, и что онъ между тѣмъ, какъ отлученный отъ церкви, будетъ лишень этой успокоительной обстановки. Викторъ-Эмануиль, несмотря на вражду съ папой, все-таки преданъ католической церкви и онъ всегда былъ набоженъ. Такимъ образомъ поддержка Франціей папскаго господства въ Римѣ, личныя свойства короля и наконецъ перенесеніе столицы во Флоренцію, какъ-бы пріостановившее ходъ итальянскаго вопроса, побудили Виктора-Эмануила подумать о примиреніи съ главою католической церкви.

Немедленно по заключеніи конвенціи 3-го (15-го) сентября, Викторъ-Эмануиль сообщилъ папѣ черезъ довѣренныхъ лицъ, о своей скорби по поводу продолжающагося разрыва между имъ и церковью; вмѣстѣ съ этимъ онъ заявилъ о своей преданности къ особѣ святаго отца и о своей готовности къ примиренію. Извѣстно, что сентябрская конвенція, поставившая Пія IX въ затруднительное положеніе, была собственно дѣломъ французской дипломатіи и кавалера Нигра, чѣмъ дѣломъ короля, и что Викторъ-Эмануиль съ огорченнымъ сердцемъ подписалъ актъ, заставившій его покинуть древнее мѣстопробываніе савойскаго дома.

Заявленія, сдѣланныя королемъ папѣ, были приняты въ Ватиканѣ весьма холодно и даже невѣжливо, такъ-какъ на нихъ не было дано никакого отвѣта. Только въ половинѣ апрѣля папа сообщилъ приближеннымъ къ нему кардиналамъ, что онъ вѣрить личнымъ, дружественнымъ чувствамъ короля и охотно готовъ, въ видахъ религіозныхъ потребностей нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ, страдающихъ отъ незамѣщенія епископскихъ кафедръ,—вступить въ переговоры съ Викторомъ-Эмануиломъ.

Прибавляютъ, что въ этомъ случаѣ внимательность папы простерлась до того, что онъ просилъ прислать въ Римъ для предстоящихъ переговоровъ по дѣламъ церковнымъ не духовное, а свѣтское лицо, такъ-какъ лицо, не принадлежащее по своей должности къ церковной іерархіи, будетъ дѣйствовать въ отношеніи къ римской куріи съ большею независимостію. Такимъ назначеніемъ Піи IX хотѣлъ устранить всякую мысль о вліяніи римской куріи на посланника, дѣйствующаго во имя короля, и тѣмъ самымъ оказать съ своей стороны полную готовность къ уступкамъ. Король воспользовался назначить въ Римъ г. Вегацци, который и былъ принятъ въ Римѣ весьма дружжелюбно. Собственно цѣль этого посольства заключалась въ устройствѣ дѣлъ духовныхъ, то-есть вопросъ шель о заключеніи конкордата, послѣ котораго

могло быть приступлено и къ соглашенію по вопросамъ, имѣющимъ политическое значеніе.

Открытіе переговоровъ между королемъ Италіи и папою было принято въ Вѣнѣ недовѣрчиво, но вѣстѣ съ тѣмъ и безъ особой радости. Разладъ Виктора-Эмануэля съ церковью и неокончательный исходъ римскаго вопроса выгоденъ для Австріи въ томъ отношеніи, что такое положеніе дѣлъ въ Италіи обезпечиваетъ за габсбургскимъ домою Венеціанскую область гораздо вѣрнѣе, нежели это будетъ въ ту пору, когда Италія, уладивъ свои дѣла съ Римомъ, употребитъ усилія для исторженія Венеціи изъ-подъ владычества австрійцевъ. При извѣстіи о начавшихся переговорахъ между г. Вегецци и римскимъ дворомъ, австрійскій посланникъ въ Римѣ баронъ Бахъ попросилъ объясненій у кардинала Антонелли. Кардиналъ поспѣшилъ увѣрить барона, что переговоры г. Вегецци имѣютъ чисто-церковный характеръ и что невозможно касаться никакихъ дипломатическихъ вопросовъ, такъ-какъ его святѣйшество не сдѣлаетъ относительно ихъ ни малѣйшихъ уступокъ.

Въ Вѣнѣ однако не удовлетворились этими объясненіями. Въслѣдствіе положительныхъ предписаній своего правительства, баронъ Бахъ явился лично къ кардиналу Антонелли для словесныхъ съ нимъ объясненій, и старался доказать ему, что вѣнскій кабинетъ, выгоды котораго столь тѣсно связаны съ выгодами римскаго двора, весьма сильно встревоженъ извѣстіями о переговорахъ г. Вегецци, такъ-какъ въ затронутыхъ при этомъ вопросахъ вѣнскій кабинетъ не можетъ отдѣлать церковнаго характера отъ политическаго. Мало этого, г. Бахъ заявилъ, что въ самомъ открытіи переговоровъ съ посломъ отъ Виктора-Эмануэля вѣнскій кабинетъ видитъ признаніе папою итальянскаго королевства и одобреніе того порядка, который существуетъ теперь въ Италіи и на который Австрія не можетъ смотрѣть равнодушно. Что же касается присяги епископовъ на вѣрность королю, то, по толкованію г. Баха, въ малѣйшей уступкѣ со стороны папы по этому предмету Австрія увидѣла бы нарушеніе интересовъ папскаго престола, что было бы для нея крайне прискорбно. Въ заключеніе своей бесѣды австрійскій дипломатъ совѣтовалъ государственному секретарю не торопиться уступками даже по дѣламъ чисто-церковнымъ.

На представленія барона Баха кардиналъ Антонелли съ горечью отвѣтилъ, что такъ-какъ всѣ старанія, употребленныя до сихъ поръ святымъ престоломъ относительно территориальнаго обезпеченія папскихъ владѣній, остались безъ послѣдствій и что даже вѣнскій кабинетъ не слишкомъ усердно поддерживалъ съ своей стороны эти старанія, то римская курія, разсчитывая отнынѣ только на себя, рѣшилась вступить въ прямыя переговоры съ Викторомъ-Эмануиломъ. Папа, замѣтилъ кардиналъ Антонелли, какъ глава католической церкви, не можетъ смотрѣть долѣе безъ состраданія на печальное положеніе католиковъ въ Италіи,

и потому вынужденъ стараться о соглашеніи съ флорентинскимъ кабинетомъ. Эти переговоры касаются только духовныхъ вопросовъ, по которымъ папа намѣренъ сдѣлать самыя обширныя уступки, какія только совмѣстны съ правами церкви, и онъ сдѣлаетъ это съ дѣлюю водворить миръ между Италіей и Римомъ. Что же касается политическихъ вопросовъ, то они, по замѣчанію государственнаго секретаря, должны быть хорошо извѣстны вѣнскому кабинету изъ многочисленныхъ заявленій, сдѣланныхъ римскимъ дворомъ, и до конвенціи 3-го (15-го) сентября и послѣ нея. Отъ этихъ вопросовъ святой престолъ не думаетъ отказываться. Относительно же присяги епископовъ на вѣрность королю, вѣнскій дворъ можетъ быть совершенно спокоенъ, такъ-какъ папа никогда не утвердитъ подобной присяги.

Баронъ Бахъ не удовольствовался однако этими объясненіями и имѣлъ съ кардиналомъ Антонелли еще третье совѣщаніе. На этомъ совѣщаніи онъ просилъ кардинала извѣстить своевременно вѣнскій кабинетъ, если римскій дворъ, по достиженіи соглашения въ церковныхъ дѣлахъ, захочетъ перейти къ политическимъ вопросамъ. Отвѣтъ кардинала на это предложеніе былъ чрезвычайно уклончивъ.

Заведенные въ Римъ переговоры не понравились не одной только Австріи, но и іезуитамъ, и надобно отдать имъ справедливость въ томъ отношеніи, что они весьма ловко успѣли повернуть всѣмъ дѣломъ. Командоръ Вегецци, возвратившись въ Римъ, послѣ кратковременной отлучки, встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе къ примиренію между Римомъ и Италіей, которое іезуитская партія считаетъ гибелью для всѣхъ своихъ надеждъ.

Между тѣмъ, повидимому, поѣзда г. Вегецци должна была привести дѣла къ хорошему исходу. Предстоящее исполненіе конвенціи 3-го (15-го) сентября, въ сущности невыгодной ни для папы, ни для Виктора-Эмануила, побуждало ихъ обоихъ къ миролюбивой сдѣлкѣ, которая была бы сколь возможно болѣе въ вліяніи тюльрійскаго кабинета. Съ своей стороны французское правительство поступило въ этомъ случаѣ весьма тонко. Оно уклонилось совершенно отъ переговоровъ, происходившихъ между кардиналомъ Антонелли и г. Вегецци. Мало этого, даже французскій посланникъ въ Римѣ г. де-Сартижъ выѣхалъ оттуда по приѣздѣ г. Вегецци, чтобъ устранить всякое подозрѣніе относительно вмѣшательства Франціи въ пользу той или другой стороны. Надобно однако замѣтить, что до отъѣзда изъ Рима, г. де-Сартижъ напомнилъ римской куріи, что французскія войска ни въ какомъ случаѣ не останутся въ Римѣ по истеченіи двухъ-годичнаго срока, опредѣленнаго конвенціей 15-го сентября. Само собою разумѣется, что такое заявленіе не могло пройти безъ вліянія на расположеніе римскаго двора—приступить къ соглашенію съ Викторомъ-Эмануиломъ въ виду будущихъ обстоятельствъ, не слишкомъ благоприятныхъ для господства папы въ Римѣ.

Несмотря на то, что къ открытію переговоровъ обѣ стороны под-

готовились довольно долго, самое веденіе переговоровъ представляло чрезвычайную неопредѣленность. Всѣ полагали, что г. Вегедци снабженъ формальными уполномочіями, такъ что онъ будетъ вести переговоры отъ имени итальянскаго правительства. Между тѣмъ въ сущности г. Вегедци былъ только довѣренное лицо Виктора-Эмануила и руководствовался словесно-данными инструкціями, безъ опредѣленнаго заранѣе плана на счетъ хода и окончательной цѣли завязавшихся сношеній. Собственно г. Вегедци поручено было передать только отвѣтъ короля на письмо папы о желаніи его святѣйшества облегчить положеніе католической церкви въ тѣхъ итальянскихъ епархіяхъ, которыя остаются доселѣ безъ епископовъ. Министры и даже генераль Ламармора были совершенно чужды этой послылки, а нѣкоторые изъ нихъ даже вовсе не знали объ этомъ. Замѣчательно, что королевскій посолъ, встрѣтивъ затрудненіе при исполненіи возложеннаго на него порученія, посылалъ во Флоренцію депешу за депешей, прося указаній какъ дѣйствовать, а между тѣмъ на всѣ эти запросы не получилъ въ отвѣтъ ни одной строки.

Увидя себя какъ будто совершенно забытымъ, г. Вегедци рѣшился отправиться самъ во Флоренцію, чтобы переговорить съ королемъ и министрами. Онъ полагалъ, что въ его отсутствіи министры не согласятся между собою на счетъ необходимыхъ инструкцій. По пріѣздѣ во Флоренцію, г. Вегедци былъ встрѣченъ замѣчаніемъ со стороны генерала Ламармора за самовольное оставленіе посланческаго поста, но г. Вегедци возразилъ, что онъ подчиненъ непосредственно королю, а не министрамъ, которые оставили его безъ всякихъ руководительныхъ указаній. Только спустя мѣсяць послѣ этого, г. Вегедци получилъ болѣе опредѣленныя инструкціи, на которыхъ долженъ былъ основываться весь ходъ переговоровъ.

При начавшемся личномъ сближеніи между папою и королемъ Викторомъ-Эмануиломъ, вмѣшательство Австріи, возни іезуитовъ и противодѣйствіе папской канцеляріи должны были затруднить открывшіеся переговоры. Папская канцелярія нашла, что всего лучше не допускать посланника до личныхъ объясненій съ его святѣйшествомъ, и г. Вегедци долго имѣлъ дѣло только съ кардиналомъ Антонелли. Представился однако такой пунктъ, который потребовалъ личнаго свиданія между г. Вегедци и Пиемъ IX, вслѣдствіе чего посолъ Виктора-Эмануила получилъ аудіенцію у папы.

Послѣ этого свиданія, три пункта были улажены во взаимному удовлетворенію, а именно: 1) на счетъ назначенія епископовъ было рѣшено, что въ Пиемонтѣ оно будетъ предоставлено королю, сообразно съ прежнимъ конкордатомъ. Въ присоединенныхъ же провинціяхъ право назначенія епископовъ должно будетъ остаться за папою, но съ условіемъ полученія официального согласія со стороны итальянскаго правительства. 2) Сокращеніе числа монастырей было рѣшено въ принципѣ. Римскій дворъ не принималъ

на себя гласнаго заявленія о необходимости этой мѣры; онъ соглашался только не заявлять никакихъ претензій, въ случаѣ, если по открытіи настоятельныхъ должностей въ монастыряхъ, должности эти не будутъ замѣщены новыми лицами; 3) наконецъ былъ составленъ проектъ конвенціи между папою и королемъ. Тагъ-какъ папа не соглашался заключить формальнаго акта съ непризнаннымъ имъ государемъ, то предполагалось всѣ условія конкордата помѣстить въ простомъ письмѣ, написанномъ въ двухъ экземплярахъ и подписаннымъ одновременно папою и королемъ.

Несмотря на всѣ миролюбивыя стремленія г. Вегедци, камнемъ преткновенія для окончательной сдѣлки послужилъ вопросъ о присягѣ епископовъ, а между тѣмъ необходимо было объяснить съ должною точностью этотъ весьма важный пунктъ. Викторъ-Эмануиль, желавшій непремѣнно достигнуть соглашения съ римскимъ дворомъ, требовалъ, чтобы епископы давали присягу только въ повиновеніи «законамъ государства» и не приносили бы присяги королю. Викторъ-Эмануиль надѣялся, что двусмысленность этой фразы устранить всѣ затрудненія. Между тѣмъ, на основаніи встрѣченной неопредѣленности, римскій дворъ и счелъ нужнымъ отвергнуть эту формулу соглашения. Между тѣмъ французское правительство указало спорящимъ сторонамъ комбинацію, которая хотя бы и не разрѣшила прямо затрудненія, но устранила бы его. Комбинація эта заключается въ томъ, чтобы отмѣнить вовсе присягу для итальянскихъ епископовъ. Предлагая эту комбинацію, французское правительство указывало на то обстоятельство, что во Франціи въ разное время бывали цѣлыя батогоріи должностныхъ лицъ, уволившихся отъ присяги, какъ на-примѣръ, члены университета, для которыхъ присяга не была обязательна въ промежутокъ времени отъ 1830 до 1852 года.

Встрѣтивъ по вопросу о присягѣ несогласія со стороны римскаго двора, г. Вегедци отъ имени своего правительства предъявилъ новое требованіе, а именно, чтобы всѣ епископы безъ различія провинцій, въ которыхъ они управляютъ епархіями, присягнули на вѣрность королю, такъ что изъ этой мѣры не исключаются епископы легатствъ, Мархій и Умбріи, то-есть провинцій, принадлежавшихъ нѣкогда папскому престолу.

Папа, лично почти готовый согласиться на присягу епископовъ въ провинціяхъ, никогда ему не принадлежавшихъ, не захотѣлъ сдѣлать этой уступки относительно епископовъ территорій, входившей прежде въ составъ церковной области. Въ этомъ случаѣ папа дѣйствовалъ уже самостоятельно внѣ вліянія со стороны Австріи и іезуитовъ. Онъ отвѣчалъ г. Вегедци въ слѣдующемъ смыслѣ:

«Если я дозволю присягу епископамъ въ епархіяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда папскому престолу, то я тѣмъ самымъ какъ-бы признаю законность короля Виктор-Эмануила и безмолвно откажусь отъ Мархій, Умбріи и Романьи. Что касается лично меня, то я охотно отказался бы отъ нихъ, потому что свѣтская власть

для меня слишкомъ тяжелое бремя; но въ качествѣ папы и главы римской церкви, я не могу отдавать то, что не принадлежитъ мнѣ. Я самъ связанъ двойною присягою, которую я давалъ, какъ кардиналъ и какъ папа. Я не болѣе, какъ временной хранитель папскаго сана, правъ котораго я долженъ передать въ цѣлости моимъ преемникамъ. Если же я допущу присягу, то приму такое условіе, которое будетъ важнымъ нарушеніемъ правъ, принадлежащихъ папскому сану.»

Нынѣ получено извѣстіе, что переговоры г. Вегецци остались безъ всякихъ послѣдствій. Несмотря на это, они составляютъ весьма важный фактъ въ лѣтописяхъ дипломатіи и показываютъ, какъ трудно достигнуть дипломатическимъ путемъ соглашенія тамъ, гдѣ въ основѣ вражды лежатъ вѣковыя преданія. Одна изъ французскихъ газетъ хорошо поняла это. Говоря объ уклончивой политики римской курии, упоминаемая газета предсказывала, что открывшіеся переговоры ни къ чему не поведутъ и что Виктору-Эмануилу всего удобнѣе войти въ соглашеніе съ папою тѣмъ способомъ, который былъ въ 1801 году употребленъ первымъ консуломъ французской республики противъ упорствовавшего Пія VII.

Между тѣмъ изъ Италіи въ «Кѣльнскую Газету» пишутъ, что въ случаѣ неуспѣшнаго исхода переговоровъ съ Римомъ, будущіе выборы въ итальянскій парламентъ наполнять скамьи его радикальными членами, которые будутъ настаивать на самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ противъ церковныхъ вѣществъ и монастырей, а партія движенія дѣлаетъ приготовленія къ тому, чтобъ провозгласить Римъ столицей Италіи, если папа, въ отвѣтъ на сдѣланное ему предложеніе, произнесетъ свое обычное: «non romanus».

При вопросахъ о дѣятельности земскихъ учрежденій идетъ главнымъ образомъ рѣчь объ уѣздномъ, а не городскомъ благоустройствѣ, между тѣмъ какъ на попеченіи земства лежитъ забота и объ этомъ предметѣ. Правда, что главныя потребности, какъ-то устройство путей сообщенія, сельскихъ училищъ, разложеніе земскихъ сборовъ, относятся преимущественно къ уѣздному, а не городскому хозяйству; тѣмъ не менѣе и вопросъ объ этомъ послѣднемъ составляетъ существенную часть занятій, предстоящихъ для земства. Само собою разумѣется, что успѣшный или неуспѣшный ходъ дѣлъ по городскому благоустройству будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ тѣхъ средствъ, которыя будутъ найдены въ распоряженіи городской казны. Надобно однако замѣтить, что прежній порядокъ по управленію общественными дѣлами въ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ могъ весьма мало содѣйствовать къ увеличенію средствъ городской казны и

въ правильному распредѣленію между жителями прямихъ и косвенныхъ налоговъ.

Вообще у насъ весьма еще мало знакомы съ экономическими условіями городского быта, и имѣется далеко неполный запасъ такихъ данныхъ, которыми должно руководствоваться при разрѣшеніи вопросовъ, относящихся къ городскому благоустройству. Довказательствомъ этому можетъ служить изданная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ книга «Объ экономическомъ бытѣ нашихъ городовъ». При первомъ знакомствѣ съ этимъ, до нѣкоторой степени весьма полезнымъ трудомъ, легко убѣдиться, какъ неотчетливы еще у насъ свѣдѣнія по многимъ, самымъ главнымъ условіямъ городского быта. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ не опредѣлено у насъ въ точности числа лицъ, владѣющихъ въ городахъ домами и другимъ недвижимымъ имуществомъ, хотя число этихъ лицъ и предполагается въ общей сложности до 480,000. Еще не такъ давно, то-есть года три тому назадъ, не было извѣстно пространство земли, находящейся въ городской чертѣ Петербурга. Вообще нельзя не сказать, что мы слишкомъ поздно принялись за изученіе нашего экономическаго состоянія, такъ что въ этомъ отношеніи всѣ реформы застали насъ врасплохъ.

Что, впрочемъ, говорить о научно-статистическихъ требованіяхъ, если даже въ практикѣ по вопросамъ, относящимся къ городскому хозяйству, представляется у насъ порою замѣчательное въ своемъ родѣ незнаніе. Извѣстно, что сравнительно со всеми нашими городами Петербургъ долженъ служить образцомъ по организаціи городского общественнаго управленія. Извѣстно также, что управленіе это дѣйствуетъ на пользу столицы около 20 лѣтъ, что въ немъ сосредоточены представители всѣхъ городскихъ сословій и что между членами городской с.-петербургской думы есть такіа лица, которыя занимаютъ весьма видныя мѣста на службѣ. Казалось бы, всѣ эти условія должны были вести какъ къ правильно-организованной системѣ городского хозяйства, такъ и къ болѣе самостоятельности городской думы по распоряженію вѣренными ей дѣлами. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, приходится разубѣдиться въ подобныхъ предположеніяхъ. Городское хозяйство Петербурга находится нынѣ въ положеніи далеко неудовлетворительномъ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ «Доклада особой комисіи, составленной для пересмотра городскихъ доходовъ С.-Петербурга».

Комисія эта была учреждена при городской общей думѣ, и нынѣ, окончивъ возложенное на нее порученіе, она представила на разсмотрѣніе гласныхъ подробный по этому дѣлу докладъ, вмѣстѣ съ проектомъ выработаннаго, на основаніи изложенныхъ въ докладѣ соображеній, новаго «Положенія о городскихъ сборахъ въ пользу петербургской столицы».

Важность этого предмета въ дѣлѣ городского хозяйства — связано въ докладѣ комисіи — даетъ полное право ожидать самаго сосредоточеннаго, самаго всесторонняго его обсужденія, не только въ

средѣ городского общественнаго управленія, но даже и на попримѣ литературной дѣятельности. Съ своей стороны мы съ полною готовностію отзываемся на это заявленіе, и постараемся обсудить это дѣло съ полнымъ безпристрастіемъ, замѣтивъ прежде, что комисія вполне добросовѣстно и весьма отчетливо исполнила возложенное на нее порученіе. Кромѣ собранія необходимыхъ историческихъ и современныхъ свѣдѣній о различныхъ статьяхъ городского дохода здѣшней столицы, «Докладъ» съ похвальною откровенностію указываетъ на положеніе хозяйственныхъ дѣлъ Петербурга. Очень понятно, что еслибы комисія, обходя нѣкоторые щекотливые вопросы по городской администраціи, пустилась въ любезности на счетъ энергіи и мудрости здѣшняго городского общественнаго управленія, то она далеко уклонилась бы отъ предназначенной ей, вполне практической цѣли. Мы думаемъ, что отъ прямодушныхъ объясненій, безъ всякихъ прикрасъ, каждое дѣло выигрываетъ гораздо болѣе, нежели при умилительной, такъ сказать, его обстановкѣ, когда представляется на наружу только хазовой конецъ и запырявается подалеке все остальное.

Надобно замѣтить, что относительно употребленія общественныхъ средствъ Петербурга установлены особыя правила. Въ силу счетной инструкціи, данной въ руководство здѣшней думѣ, составляются на каждый годъ такъ называемыя «Росписи городскихъ доходовъ и расходовъ». Росписи эти составляются городской распорядительною думою, обсуждаются въ общей думѣ и, вмѣстѣ съ приговоромъ этой послѣдней, подвергаются дальнѣйшему пересмотру въ подлежащихъ инстанціяхъ, а потомъ, чрезъ государственный совѣтъ, восходятъ на высочайшее утвержденіе. Первая инстанція, въ которой начинается этотъ пересмотръ—такъ называемый губернской комитетъ по росписи, состоящій подъ предсѣдательствомъ военнаго генерал-губернатора изъ членовъ: начальника губерніи, обер-полицеймейстера, городского головы, начальника 1-го округа путей сообщенія и депутатовъ отъ города, назначаемыхъ по выбору общей думы. Затѣмъ постановленіе этого комитета передается министру внутреннихъ дѣлъ, и вмѣстѣ съ мнѣніемъ его вносится въ государственный совѣтъ.

Очень понятно, что при такихъ постепенныхъ переходахъ первоначальный городской бюджетъ подвергается нерѣдко болѣе или менѣе важнымъ измѣненіямъ.

Кромѣ того, встрѣчаются нѣкоторыя неопредѣленности въ отношеніяхъ между общею и распорядительною думою.

По тому значенію, которымъ пользуется общая дума въ средѣ городскихъ общественныхъ учреждений, какъ представительница городского общества, она не можетъ оставаться въ неизвѣстности, при какихъ условіяхъ извлекается доходъ съ имуществъ, ввѣренныхъ ей попеченію. Напротивъ того, ей, какъ учрежденію совѣщательному, по преимуществу принадлежитъ инициатива всѣхъ мѣропріятій, касающихся городского хозяйства. Въ виду этого, упоминаемый нами «Докладъ» предлагаетъ проектъ распредѣленія

обязанностей думы общей и распорядительной, по отношенію къ за-вѣдыванію общественными имуществами и городскими доходами. На основаніи этого проекта, въ числѣ предметовъ общественныхъ совѣщаній въ общей думѣ должны заключаться:

1) предварительное обсужденіе, прежде представленія на утвержденіе начальства, вновь вводимыхъ, въ пользу города, сборовъ, какъ по проектамъ частныхъ лицъ, такъ и мѣрами, предлагаемыми со стороны вѣдомствъ, соприкосновенныхъ къ городскому управленію;

2) разсмотрѣніе условій отдачи въ арендное пользованіе вновь возникающихъ оброчныхъ статей городского хозяйства;

3) перемѣщеніе статей городского дохода изъ оброчнаго содержанія въ хозяйственное управленіе и

4) ходатайство о дополненіи или измѣненіи существующихъ положеній по сборамъ, взимаемымъ за пользованіе имуществами, находящимися въ хозяйственномъ управленіи.

Въ добавокъ къ указаннымъ нами недостаткамъ по организаціи городского общественного управленія здѣшной столицы, надобно сказать, что управленіе, по многимъ хозяйственнымъ вопросамъ, стѣсняется различными формальностями. Формальности эти чувствительнѣе всего отзываются на порядкѣ утвержденія торговъ, производящихся въ думѣ. Порядокъ этотъ основанъ на узаконеніяхъ 1785 и 1806 годовъ, и послѣдующее развитіе его не уклонилось отъ первоначальной исходной точки. По правиламъ счетной инструкціи, данной въ руководство распорядительной думѣ, только торги на сумму не свыше пяти тысячъ рублей подлежатъ окончательному ея утвержденію. Затѣмъ, соразмѣрно суммѣ и даже тому сроку, на который отдается отъ города въ содержаніе какая либо оброчная статья, утвержденіе торговъ зависитъ или отъ главнаго начальника столицы, или отъ министра внутреннихъ дѣлъ или, наконецъ, отъ сената.

Легко понять, что такая обусловленность утвержденія торговъ заставляеть лицъ, желающихъ участвовать въ торгахъ, принимать въ расчетъ медленность дѣла, и возможность отъказа въ той или другой инстанціи, и вслѣдствіе этого не предлагать городу, за взятіе въ содержаніе оброчной статьи, ту сумму, которая была бы предложена, еслибы арендаторъ могъ быть съ перваго раза увѣренъ въ томъ, что на сдѣланное имъ заявленіе не будетъ получено отъказа.

Полная справедливость требуетъ сказать, что столь сложный порядокъ по утвержденію торговъ на отдачу городскихъ имуществъ въ оброчное содержаніе не соотвѣтствуетъ уже современнымъ взглядамъ нашего законодательства. Стоитъ только сравнить описанный нами порядокъ, существующій въ городскомъ общественномъ управленіи, съ тѣмъ порядкомъ по тѣмъ же самымъ дѣламъ, который допущенъ «Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ». Упомянутое «Положеніе», возлагая на земскія учрежденія всю отвѣтственность за исполненіе тѣхъ повинностей, которыя законъ при-

знать обязательнымъ для земства, въ то же время значительно распространяеть кругъ ихъ самостоятельныхъ распоряженій по управленію ввѣренными имъ попеченію земскимъ хозяйствомъ и общественными имуществами. На всемъ завѣдываемомъ имъ пространствѣ они пользуются правомъ: приобрѣтать и отчуждать именемъ земства недвижимыя и движимыя имущества, заключать договоры и принимать обязательства, устанавливать новыя сборы на земскія потребности, распоряжаться общественными капиталами, и совершать займы въ размѣрахъ, непревышающихъ двухгодовую сумму земскаго сбора. Только въ весьма-немногихъ случаяхъ, указанныхъ въ 90 и 92 статьяхъ этого «Положенія», хозяйственные распоряженія земскихъ учреждений подлежатъ утвержденію губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ, но, однако, и такое ограниченіе не распространяется на утвержденіе торговъ по земскому хозяйству. Напротивъ, по точному смыслу 104 и 105 статей, всѣ распоряженія, какъ по производству этихъ торговъ, такъ и по заключенію, на основаніи ихъ, контрактовъ, возлагаются окончательно на земскія учреждения.

Между тѣмъ, городское общественное управленіе Петербурга, по его составу, образу дѣйствій и по самому его значенію, не отличается ничѣмъ отъ земскихъ учреждений. Вслѣдствіе этого—какъ весьма справедливо замѣчаетъ «Докладъ» — не представляется никакихъ видимыхъ причинъ и достаточныхъ основаній подчинять городскія хозяйственныя операціи какимъ-либо инымъ условіямъ, кромѣ тѣхъ, которыя позднѣйшимъ законодательствомъ о земскомъ хозяйствѣ признаны за лучшія. Нужно принять въ соображеніе и то еще обстоятельство, что городское общественное управленіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно входитъ въ составъ земскихъ учреждений, и что это самое, какъ нельзя болѣе, требуетъ возможнаго единства, по крайней мѣрѣ въ образѣ дѣйствій какъ городского управленія, такъ и земскихъ учреждений.

Наконецъ замѣтимъ, что несмотря на ту самостоятельность, которую въ размѣрахъ, опредѣленныхъ закономъ, должно пользоваться городское общественное управленіе—вмѣшательство полицейской власти нарушаетъ иногда значеніе этого управленія. Такъ, напримѣръ, мы видимъ изъ «Доклада», что одинъ изъ сборовъ, которымъ подвергается судопромышленность въ Петербургѣ, а именно сборъ припускѣ судовъ въ Фонтанку, установленъ по буквальному выраженію «Доклада», нетолько вопреки указаннаго 536 ст. Т. XI порядка, но даже и безъ вѣдома городского управленія, обыкновеннымъ приказомъ с.-петербургскаго обер-полицеймейстера. Сборъ этотъ существуетъ три года. Онъ поступаетъ не на хозяйственныя нужды города, а въ пользу полицейскихъ унтер-офицеровъ, завѣдывающихъ впускомъ судовъ въ Фонтанку, и при томъ въ пользу ихъ отчисляется только половина этого сбора, а куда употребляется остальная часть, того—замѣчаетъ «Докладъ» — изъ даннаго по полиціи приказа не видно.

Указанныя нами причины, а отчасти невнимательность город-

скаго общественнаго управленія, и наконецъ, случайныя обстоятельства содѣйствуетъ къ тому, что городское хозяйство Петербурга находится въ положеніи далеко-неудовлетворительномъ. Судя по отчетамъ, надобно думать, что положеніе его весьма блистательно, но не то откроется, если углубиться въ самые расчеты, на которыхъ строится видимое равновѣсіе ежегодныхъ городскихъ бюджетовъ.

Такъ — говорить «Докладъ» — если прослѣдить рядъ ихъ, начиная, напримѣръ, съ 1850 года и сравнить расходныя исчисленія съ тѣми средствами, которыя представлялись городу въ его текущихъ обыкновенныхъ расходахъ, то оказываются постоянно болѣе или менѣе значительныя недочеты послѣднихъ передъ первыми.

«Докладъ» приводитъ подробныя цифры дефицитовъ за 14 лѣтъ. Одинъ разъ, именно въ 1859 году, дефицитъ достигъ 1,127,689 рублей, и только однажды, именно въ 1855 году, понизился до 85,646 руб.

Для пополненія этихъ дефицитовъ, въ распоряженіи городского управленія не было другаго средства, какъ употреблять запасный или остаточный капиталъ, образующійся экономическими сбереженіями отъ асигновокъ предшествующихъ лѣтъ. Оно вводило въ городскіе бюджеты отчисляемыя изъ этого капитала позаймствованія подъ видомъ особаго отдѣла «доходовъ чрезвычайныхъ». Само собою разумѣется, что отъ этого финансовыя обороты здѣшной столицы представлялись весьма благопріятными съ перваго вида.

Надобно впрочемъ сказать, что новое городское общественное управленіе Петербурга, окончателно введенное въ 1847 году, приняло въ свое завѣдываніе городское хозяйство, обремененное значительнымъ долгомъ. Долгъ этотъ простирался до 1,042,452 руб. Долгъ этотъ вскорѣ долженъ былъ значительно увеличиться новыми займами: на покрытіе окончательныхъ расходовъ по сооруженію постоянного моста черезъ Неву, на перестройку зданій городской думы, и на устройство хлѣбной пристани, такъ что городской долгъ въ 1850 году быстро возвысился до 1,872,010 руб. и почти равнялся годовому приходу въ городскую казну. Тогда городское управленіе постановило употребить запасный капиталъ на погашеніе этого долга.

Такимъ образомъ, городское хозяйство Петербурга было приведено въ это время въ положеніе, весьма близкое къ тому положенію, при которомъ уже значительная часть городскихъ запасныхъ средствъ могла бы быть назначаема на исполненіе многихъ существенно-необходимыхъ мѣръ по городскому благоустройству. Но въ это время возникли новыя обстоятельства, неблагопріятно подѣйствовавшія на финансовыя обороты столицы. Такъ, городу было прекращено пособіе отъ казны; блокада кронштадтскаго порта уменьшила доходъ Петербурга по торговымъ пошлинамъ, и кромя того, по случаю двукратнаго объявленія Петербурга на военномъ

положеніи, городъ понесъ до 140,000 рублей расхода по одной только военной части.

Комисія, о которой мы упоминали, занималась разсмотрѣніемъ 66 статей, приносящихъ доходъ городу. Статьи эти не имѣютъ между собою ничего общаго, ни въ основныхъ началахъ установленныхъ съ нихъ сборовъ, ни въ способѣ взиманія, ни въ порядкѣ наблюденія за правильностію поступленія. Нѣкоторыя же изъ этихъ статей оставались въ совершенно-безконтрольномъ положеніи. Весьма немногія изъ нихъ истекаютъ непосредственно изъ существующихъ законоположеній, большая же часть ихъ беретъ начало изъ разныхъ мѣстныхъ установленій. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ прошедшему столѣтію, безъ всякаго слѣда въ общихъ узаконеніяхъ.

Короче, вся система городского хозяйства въ Петербургѣ представляется, можно сказать, въ довольно безпорядочномъ видѣ. Если это дѣлается въ центрѣ нашей цивилизаціи, то что же происходитъ въ другихъ городахъ? Не примемъ ли мы усердно за столь важное общественное дѣло, какъ городское хозяйство, и не удастся ли намъ привести его въ лучшій порядокъ?...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Права авторскія и контрфакція. В. Спасовича. С.-Петербургъ. 1865 г. Изданіе Вольфа.

Права авторскія, то-есть право авторовъ располагать обнаруженіемъ ихъ произведеній умственныхъ или художественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещать другимъ лицамъ приступать къ подобному обнаруженію и распространенію — выработались лишь съ развитіемъ права вообще въ новѣйшее время; они возникли послѣ изобрѣтенія книгопечатанія. До появленія этого изобрѣтенія, сочиненія обращались въ весьма тѣсной и ограниченной сферѣ, въ видѣ рукописей, при чемъ невиднo, чтобы кто либо воспрещалъ или затруднялъ переписываніе своихъ твореній. При этомъ весьма трудно было бы и доказать существованіе такой рукописи, сдѣланной вопреки желанію или согласію автора; она передавалась бы совершенно тайно однимъ лицомъ другому и сберегалась бы весьма тщательно, какъ вообще всякая рукопись того времени, представлявшая уже сама по себѣ значительную цѣнность, несравненно большую нежели любая книга въ настоящее время.

Книгопечатаніе породило двѣ важныя промышленности — типографскую и книгопродавческую; а съ распространеніемъ въ народѣ потребности читать — явился цѣлый классъ людей, добывающихъ себѣ средства къ существованію при посредствѣ двухъ вы-

шеназванныхъ видовъ промышленности. При этомъ вскорѣ возникла и контрфакція, то-есть перепечатываніе книги безъ согласія автора и первоначальнаго ея издателя, дѣлающая самый чувствительный подрывъ производителямъ — авторамъ и издателямъ, которымъ предстояло одно только средство спасенія, именно обратиться къ правительству и просить о пожалованіи въ видѣ милости особыхъ привилегій на исключительное право печатанія и продажи книгъ, предполагаемыхъ къ изданію. Первые подобнаго рода привилегіи относятся къ послѣднимъ годамъ XV столѣтія и встрѣчаются впервые въ итальянскихъ и германскихъ государствахъ, особенно въ Венеціи и Миланѣ, а также въ Нюрнбергѣ и Бамбергѣ. Императоръ Максимилианъ I-й назначилъ въ то же время особаго генерал-супер-интенданта надъ типографіями въ священной Римской Имперіи, который вмѣстѣ съ верховною цензурою надъ книгами соединялъ и право раздавать привилегіи на ихъ печатаніе. Подобно императору, такія же привилегіи раздавали и германскіе князья; города Франкфуртъ и Лейпцигъ сдѣлались главными мѣстами нѣмецкой книжной торговли; при чемъ во Франкфуртѣ находилась особая императорская комсія, а въ Лейпцигѣ — княжеская комсія для надзора за монополіею привилегій и должнаго ихъ охраненія (Bluntschli-Staatswörterbuch, т. I, стр. 616). Во Франціи, гдѣ вся книжная торговля сосредоточилась въ Парижѣ, подобныя привилегіи раздавались королемъ, а также и парижскимъ парламентомъ (какъ верховнымъ судомъ королевства), университетомъ и префектомъ города Парижа; но въ XVIII столѣтіи это право раздачи подобныхъ привилегій сдѣлалось исключительно королевскимъ. Этого мы, однако, не встрѣчаемъ въ брошюрѣ г. Спасовича, который сообщивъ, что нигдѣ эксплуатація труда авторскаго издателями-капиталистами не достигла такихъ громаднхъ размѣровъ, какъ въ Англіи, приводитъ, что въ 1566 году учреждена была въ этой странѣ особая корпорация, заключающая въ себѣ книгопродавцевъ, типографщиковъ, бумагопродавцевъ и переплетчиковъ, которой было предоставлено право печатанія. Желаящій печатать книгу долженъ былъ вступить ея въ особый реестръ корпорации и получать, за уплатой извѣстной пошлины, письменное разрѣшеніе на печатаніе (license). Контрфакція стала невозможною; Карлъ I-й указомъ 1637 года ограничилъ 20-ю число типографщиковъ на всю Англію. Такой порядокъ вещей продолжался до 1694 года, когда отмѣненъ былъ licensing act и установлена полная свобода печати, а съ нею вмѣстѣ издатели и авторы подверглись опять опасностямъ контрфакціи, потому что ихъ монополія только и охранялась предварительнымъ разрѣшеніемъ цензуры на печатаніе сочиненій. Изъ сдѣланнаго г. Спасовичемъ обзора современныхъ, главнѣйшихъ законодательствъ въ отношеніи постановленій о правахъ авторскихъ оказывается, что въ Англіи закономъ 1842 года іюня 1-го срокъ авторской монополіи продолженъ значительно за предѣлы жизни автора, до 7 лѣтъ отъ момента его смерти, или до 42 лѣтъ

со дня перваго изданія, смотря по тому, который изъ этихъ сроковъ выгоднѣе для пріобрѣтателя монополіи. За ввозъ въ Великобританію изъ-за границы перепечатанныхъ сочиненій, виновный, сверхъ конфискаціи экземпляровъ, которые истребляются, подвергается еще штрафу 10 фунтовъ стерлинговъ и взысканію двойной цѣны каждаго противозаконно вознимаго экземпляра. Въ Соединенныхъ Штатахъ, по закону 1831 года, нынѣ дѣйствующему, срокъ авторской монополіи 28 лѣтъ; но если при истеченіи этого срока авторъ живъ или если онъ оставилъ вдову и дѣтей, то она можетъ ходатайствовать о продолженіи своей монополіи еще на 14 лѣтъ.

Во Франціи указы императоровъ Наполеона I—1810 года и Наполеона III—1854 года обезпечиваютъ за авторами исключительное право на ихъ сочиненія въ теченіе всей жизни автора; вдова получила право пользоваться авторскою монополіею мужа пожизненно; срокъ пользованія нисходящихъ наслѣдниковъ назначенъ закономъ 1854 года тридцатилѣтній со дня смерти автора, предъ ихъ. Права авторскія на произведенія автора, оставившаго послѣ себя ни жены ни дѣтей или уступившаго свою монополію при жизни постороннему лицу, прекращаются за истеченіемъ десятилѣтняго срока со дня смерти автора.

Бельгія руководствуется французскими законоположеніями и закономъ 1817 года, которымъ права авторскія прекращаются истеченіемъ 20 лѣтъ со дня смерти автора. То же самое встрѣчаемъ мы и въ Нидерландахъ, Швеціи и Норвегіи. Данія и Португалія, а также прежнее королевство обѣихъ Сицилій (по Блунчли) даютъ правамъ авторскимъ 30 лѣтнее существованіе со дня смерти автора; Испанія — двадцатилѣтній и пятидесятилѣтній; Греція — пятнадцатилѣтній; Мексика — десятилѣтній. Въ Швейцаріи союзные кантоны заключили конкордаты, по которому авторскія права обезпечиваются на 30 лѣтъ со дня перваго изданія, или, если авторъ еще живъ — по конецъ жизни автора. Посмертныя изданія охраняются въ такомъ только случаѣ, если они сдѣланы въ теченіе 10 лѣтъ съ момента смерти автора. Германскій союзъ постановленіемъ 1845 года опредѣлилъ, что права авторскія обезпечены на всю жизнь автора и на 30 лѣтъ послѣ его смерти.

Не останавливаясь на этомъ поразительномъ и едва-ли объяснимомъ производѣ, выражающемся въ сдѣланномъ различными государствами опредѣленіи весьма разнообразныхъ сроковъ для авторской собственности, на производѣ, который немало способствовалъ тому, что одни отвергли всякую авторскую собственность, а другіе — всякое ограниченіе этой собственности, г. Спасовичъ переходитъ къ разсмотрѣнію авторской собственности въ Россіи. Законодательство наше началось предоставленіемъ привилегій исключительнаго издательства нѣкоторымъ юридическимъ лицамъ, ученымъ корпораціямъ, и весьма недавно занялось только признаніемъ правъ авторскихъ за частными лицами. Такъ съ самаго начала своего существованія, академія наукъ

издаетъ календарь и вѣдомости, и пользуется исключительнымъ правомъ на всѣ книги, напечатанныя въ академической типографіи. Права же авторскія частныхъ лицъ опредѣлены впервые положеніемъ о правахъ сочинителей въ 1828 году, изданномъ въ дополненіе къ цензурному уставу, и высочайше утвержденнымъ положеніемъ государственнаго совѣта 1830 года о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей. вмѣстѣ съ положеніемъ о собственности художественной, изданнымъ въ 1846 году, и о собственности музыкальной 1845, эти постановленія составляютъ основаніе нынѣ-дѣйствующей системы гарантіи для авторскаго труда съ тѣмъ только измѣненіемъ, что положеніемъ государственнаго совѣта 1857 года, срокъ пользованія авторскими правами удвоенъ, такъ что изъ двадцатипятилѣтняго онъ превратился въ пятидесятилѣтній. Затѣмъ, г. Спасовичъ представляетъ весьма интересный и подробный разборъ постановленій русскаго законодательства объ авторской собственности, которые онъ и рассматриваетъ съ трехъ сторонъ: гражданской, уголовной и судопроизводственной, не касаясь нисколько самаго вопроса объ авторской собственности вообще. Придерживается ли онъ строго принципу авторской собственности или нѣтъ, допускаетъ ли онъ въ немъ ограниченія, и какія именно — остается, собственно говоря, неизвѣстнымъ читателю, который можетъ составлять, лишь въ этомъ отношеніи, свои предположенія и догадки изъ немногихъ словъ, высказанныхъ г. Спасовичемъ по поводу брошюры Прудона, содержаніе которой имъ вкратцѣ передано. Онъ говоритъ (стр. 33): «право авторское однородно по существу и значенію съ привилегією на изобрѣтеніе: они родные братья, члены одной семьи. Право авторское и выросло на нашихъ почти глазахъ изъ привилегіи, жалуемой каждому сочинителю порознь, по милости правительства; разница только та, что право изобрѣтателя въ промышленности и до сихъ поръ является только въ видѣ привилегіи частной, между тѣмъ какъ авторское право превратилось, посредствомъ обобщенія, въ особенное право, принадлежащее безъ спеціальнаго пожалованія со стороны правительства цѣлому классу произведеній, на поприщѣ литературы и искусства». Слѣдовательно, г. Спасовичъ признаетъ права авторскія съ нѣкоторыми ограниченіями, какъ это можно заключить и изъ слѣдующихъ словъ письма г. Спасовича къ редактору журнала «Фотографъ» А. Фрибесу, помѣщеннаго въ концѣ брошюры, стр. 103: «Я полагаю, что и для литературной собственности 25 лѣтъ было бы весьма достаточно (мы позволимъ себѣ спросить только, почему 25 лѣтъ весьма достаточно, 30 — много, а 20 мало? на какомъ основаніи все это говорится); даже, можетъ быть, *слишкомъ* много (почему? или неужели можно доказать разумно, достаточно будетъ 21 годъ, или вообще какое-либо другое число лѣтъ, а 25 лѣтъ, именно 25 — уже *слишкомъ* много; жаль, что г. Спасовичъ не доставилъ намъ случая прочесть подобное, весьма занимательное и курьозное доказательство). Для фотографической же собствен-

ности полувѣковая монополія, не принося никакой существенной пользы фотографамъ (мы думаемъ, что она имъ приноситъ такую же пользу, какъ авторамъ вообще, и книгопродавцамъ въ особенности), будетъ только вредить имъ въ общественномъ мнѣнїи, какъ напрасное стѣсненіе свободы коммерческаго оборота свѣтописныхъ изображеній (Мы замѣтимъ, что авторская собственность представляетъ собою стѣсненіе свободы коммерческаго оборота литературныхъ произведеній. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Отмѣна авторской собственности или ея ограниченіе? и въ послѣднемъ случаѣ, въ какой степени, и почему въ меньшей, нежели относительно фотографической собственности?).

Зачѣмъ установлены — спрашиваетъ Спасовичъ — права авторскія? Затѣмъ, чтобы потрудившійся на своемъ вѣку авторъ былъ обезпеченъ на старости лѣтъ, относительно хлѣба насущнаго, чтобы онъ могъ пристроить дѣтей, и умереть (вѣроятно, умереть) спокойно (картина недурна), зная, что семья его не будетъ лишена средствъ къ существованію тотчасъ послѣ его кончины. Эта цѣль вполнѣ достигается нѣсколько двадцатипятилѣтнимъ, но даже и пятнадцатилѣтнимъ срокомъ монополіи. (Замѣчательно въ высшей степени! на какомъ основаніи высказывается такое рѣшительное положеніе? авторъ можетъ и въ пятидесятилѣтній срокъ монополіи своей не быть обезпеченъ на старости — относительно насущнаго хлѣба, не пристроить дѣтей, и можетъ умереть не спокойно; онъ можетъ не найти сбыта своему труду, и въ 50 лѣтъ не продать его выгодно и т. д., на все это срока точнаго опредѣлить нельзя). «Мнѣ важнее, что и для публики и для фотографовъ было бы безобидно сократить срокъ пользованія правами авторскими, въ области свѣтописи — на 10 лѣтъ со дня изданія въ свѣтъ изображенія». Проходя молчаніемъ, что въ высшей степени трудно рѣшить вопросъ о контрфакціи въ отношеніи свѣтописныхъ произведеній, что присвоенъ авторскую собственность произведеніямъ фотографіи, нѣтъ причины не присвоить ее всякимъ копіямъ вообще, потому что собственно фотографія есть та же копія, но только посредствомъ свѣта-дароваго, а не красокъ или чернилъ — мы замѣтимъ, что если брать при назначеніи авторскихъ правъ въ области свѣтописи въ расчетъ, будетъ ли это *безобидно* для публики или нѣтъ, то нѣтъ причины не брать того же въ соображеніе при назначеніи вообще срока всякой авторской собственности: при чемъ очевидно, что чѣмъ меньше таковой срокъ, чѣмъ онъ короче, тѣмъ для публики безобиднѣе, пріятнѣе. Но едва-ли основательно, при опредѣленіи *права* какого-либо лица, вообще сообразоваться съ тѣмъ: будетъ ли это пріятно и безобидно другимъ лицамъ или нѣтъ. Очевидно, что чрезъ это *право* лица (если таковое право только существуетъ) ставится въ совершенную зависимость отъ доброй воли другихъ лицъ, въ интересъ которыхъ, нужно замѣтить, по возмужности не допускать подобныхъ правъ. Вообще говоря, мы не совсемъ-то ясно поня-

маемъ, какимъ образомъ у г. Сласовича право, хотя бы и авторское — однородно съ привилегією, и какъ изъ привилегіи авторской, а слѣдовательно и другой, какой бы то ни было вообще, можетъ выростать *право*. Мы сожалѣемъ, что авторъ не потрудился нѣсколько глубже взглянуть въ сущность самой авторской собственности, въ отношеніи которой, по словамъ Эдуарда Лаблэ, представляется слѣдующая дилема: «собственность или привилегія; если право авторское есть право собственности, то нѣтъ предѣловъ его расширенію; если оно привилегія, то благо разумно ограничивать его». — Эта дилема была бы давно разрѣшена, если бы съ нею не связывался денежный вопросъ — о вознагражденіи авторовъ за ихъ трудъ.

Литературные майораты. Сочиненіе П. Ж. Прудона. Переводъ съ французскаго. Петербургъ. Изданіе Жиркевича и Зубарева. 1865 г.

По распорядженію императора Наполеона III, въ 1862 году, подъ предсѣдательствомъ государственнаго министра Валуевскаго, составлена была въ Парижѣ особая комсія, которой поручено было представить проектъ новаго закона о литературной собственности. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, комсія признала полезнымъ установить въ пользу авторовъ особый видъ безсрочной, наследственной привилегіи, то-есть признать за авторами полное, ничѣмъ неограниченное, и вѣчное право собственности надъ ихъ произведеніями. Проведеніе новаго принципа вызвало сильный протестъ со стороны г. Прудона, который, со свойственною ему силою краснорѣчія, написалъ по этому поводу вышеназванную книгу, съ содержаніемъ которой мы и намѣрены по возможности вратѣсь познакомить гг. читателей.

Замѣтивъ, и притомъ совершенно справедливо, что вопросъ не въ томъ, имѣетъ ли литераторъ-изобрѣтатель или художникъ *право* на вознагражденіе за свой трудъ: кто же думаетъ отнимать кусокъ хлѣба у человѣка, будь онъ поэтъ или обычный крестьянинъ? — Прудонъ полагаетъ, что разъ навсегда слѣдовало бы бросить этотъ пустой вопросъ, подающій только поводъ къ самымъ смѣшнымъ декламациямъ, и опредѣлить только свойства авторскихъ правъ и способъ вознагражденія этого рода труда.

Какъ ни существенно различіе между областью прекраснаго, справедливаго, святаго, истиннаго и областью полезнаго; какъ ни рѣзка черта, раздѣляющая эти области во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; но если принять въ соображеніе только то, что для всякаго сочиненія, автору нужно употребить физическую силу, время, деньги, припасы — словомъ, если смотрѣть на этотъ предметъ единственно съ точки зрѣнія политической экономіи, то писатель не что иное, какъ *производитель*; сочиненіе же его не что иное, какъ продуктъ, который если будетъ пущенъ въ обращеніе, пораждаетъ право на вознагражденіе, жалованье или заработную плату.

Единственная разница между ремесленникомъ и писателемъ та, что первый, непосредственно дѣйствуя на матерію, изображаетъ, и такъ-сказать, воплощаетъ въ ней свою (а иногда, замѣтимъ мы, и чужую) идею, между тѣмъ какъ философъ, ораторъ, поэтъ, если можно такъ выразиться, не производитъ ничего внѣ собственнаго своего существа, и произведеніе ихъ, устное или письменное — ограничивается *словомъ*. Человѣкъ не творитъ своихъ идей, но получаетъ ихъ: онъ не образуетъ истину, но открываетъ ее; онъ не изобрѣтаетъ ни красоты, ни справедливости — онъ сами открываются ему при наблюденіи явленій и взаимнодѣйствія предметовъ: Для насъ недоступенъ ни умственный, ни чувственный фондъ природы; причина и сущность вещей не нашихъ рукъ дѣло; даже идеаль, о которомъ мы мечтаемъ, въ которому стремимся, и изъ-за котораго дѣлаемъ столько глупостей — созданъ не нами. Наблюдать и увидѣть, искать и открыть, овладѣть матеріею и видовзмѣнять ее сообразно тому, что мы видѣли и открыли — вотъ что политическая экономія понимаетъ подъ словомъ *производства*, степень и размѣръ котораго зависитъ отъ нашихъ силъ, отъ нашей организаціи, отъ воспитанія, которое мы получили, отъ среды, въ которой мы живемъ. Подобно тому, какъ землевладѣлецъ видовзмѣняетъ только небольшую частичку почвы, воздѣлываетъ только клочокъ земли — словомъ, добываетъ себѣ насущный хлѣбъ, такъ и мыслитель не сразу открываетъ истину, а доходить до этого путемъ многихъ заблужденій; да и та истина, открытіемъ которой онъ хвалится, не что иное, какъ на минуту блеснувшая искра, которая завтра же исчезнетъ въ сіяніи вѣчно-восходящаго свѣтила общечеловѣческаго разума. Произведеніе человѣка, каково бы оно ни было, такъ же ограничено, несовершенно, эфемерно и недолговѣчно, какъ и самъ онъ. Произведеніе, которымъ мы восторгаемся и называемъ идеальнымъ, въ сущности — ничтожно, несовершенно, брэнно, требуетъ постоянныхъ возобновленій. Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляють собою великія произведенія, оставленныя намъ вымершими, но по нашимъ понятіямъ, бессмертными народами? — муміи.

Произведенная вещь или форма принадлежитъ производителю, который имѣетъ многозначительное право пользоваться и распоряжаться ею. Но составляетъ ли *собственность* писателя самый продуктъ его, *самое сочиненіе*, матеріалы для котораго почерпнуты изъ общечеловѣческаго запаса свѣдѣній, и которое въ свою очередь послужитъ матеріаломъ для дальнѣйшей разработки? Сочиненіе писателя есть такой же продуктъ, какъ и жатва крестьянина; литераторъ-производитель, его продуктъ принадлежитъ ему. Но что же изъ этого? нельзя требовать отъ литератора его произведеній даромъ. Такъ: но что же изъ этого?

Послѣ этого Прудонъ приступаетъ къ разбору мѣны произведеній; замѣчаетъ, что законы ея извѣстны, что продукты обмѣниваются одинъ на другой, при чемъ оцѣнка ихъ зависитъ отъ взаимныхъ отношеній спроса и предложенія, и дѣлаетъ слѣдующій

выводъ: «всякій продуктъ чистаго мышленія или промышленности, если онъ пущенъ въ оборотъ, считается не *фондомъ*, не собственностью, а потребляемою и уничтожаемою отъ потребления вещью (какая же разница, спросимъ мы, между вещью и собственностью, и развѣ вещь не бываетъ собственностью?); распорядиться этою вещью можетъ только произведшій ее, или тотъ, кто получилъ ее, представивъ въ замѣнъ ея извѣстный эквивалентъ. (Права другого, замѣтимъ мы, на какой-либо результатъ труда, ему непринадлежащаго, опредѣляются лишь условіями мѣны, которыя могутъ быть очень различны).

Авторъ представляетъ собою одну изъ мѣняющихся сторонъ; съ кѣмъ же онъ мѣняется? ни съ кѣмъ въ частности, но вообще съ публикою. Съ какой стати устанавливать постоянный пенсіонъ въ пользу производителей, труды которыхъ столько же, сколько и всѣ прочіе продукты, носить на себѣ отпечатокъ индивидуальности и духа времени, и по своему существу столько же ограничены, несовершенны, непрочны и недолговѣчны. Произведенія мысли изнашиваются такъ же скоро, какъ и промышленные продукты, уничтожаются постояннымъ движеніемъ человѣческой мысли, поглощаются и видоизмѣняются другими носящими сочиненіями. Но должно замѣтить, что литературное произведение не капиталъ писателя, а его продуктъ; капиталъ же заключается въ его воспитаніи, въ собранныхъ имъ матеріалахъ, въ начатыхъ имъ работахъ, въ его наблюденіяхъ и т. д.; онъ не пускается имъ въ обращеніе, не передается публикѣ, которой онъ ни на что и не нуженъ, потому что капиталъ имѣетъ значеніе въ рукахъ того человѣка, который умѣетъ придать ему цѣнность; капиталъ этотъ важенъ только для самаго автора, но бесполезенъ, и слѣдовательно не имѣетъ никакой цѣны для публики, которая пользуется только произведеніемъ автора. На какомъ же основаніи обратитъ договоръ мѣны въ источникъ безсрочной ренты, хотя услуга или товаръ, служащій объектомъ мѣны, можетъ быть или разомъ оплаченъ, или платежъ можетъ быть разсроченъ на нѣсколько дней. Писателю, которому предоставлено на *извѣстный срокъ* исключительное право на продажу своихъ сочиненій, вознагражденъ *стоимъ*. Если за сообщеніе сочиненій *заплатено*, если экземпляръ книги проданъ, то обнародованіе уже совершилось. Деньги, заплаченные за книгу (рѣчь идетъ не о книгѣ, а о правѣ издавать литературное произведеніе), даютъ приобретающему ея право пользоваться ею, дѣлать изъ нея какое угодно употребленіе, передавать ее другимъ, читать ее, дѣлать изъ нея извлеченія и т. д. При этомъ мы позволимъ себѣ замѣтить, что Прудонъ не указываетъ, какой же именно извѣстный срокъ на исключительное право продажи своихъ сочиненій онъ предполагаетъ назначить для авторовъ, и не доказываетъ основаній, по которымъ онъ отдаетъ преимущество одной какой-либо цифрѣ срока предъ другими;

2) что уплата денегъ за сочиненіе можетъ принять самыя разнообразныя формы, какъ напримѣръ, форму безсрочныхъ или

пожизненных рентъ, которыя опять могутъ выразиться тѣмъ, что издатель частное лицо или все общество — не имѣя достаточныхъ средствъ для приобрѣтенія въ полную собственность сочиненія автора — отъ свободнаго усмотрѣнія котораго зависить исполнѣ назначить за свое произведение какую угодно цѣну — можетъ купить лишь право на изданіе сочиненія въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ, только лишь на извѣстный срокъ, по прошествіи котораго авторъ можетъ продать это право другому и т. д.

3) Всѣ означенныя положенія Прудона имѣютъ, какъ видно, условный характеръ; онъ говоритъ: *если* продать, *если* заплачено и т. д.; очевидно, что право на какое-либо сочиненіе именно и приобрѣтается условиями купли и продажи, полную свободу которыхъ Прудонъ въ своей книгѣ не предлагаетъ подвергнуть какимъ-либо стѣсненіямъ и ограниченіямъ. Слѣдовательно, мы, собственно говоря, и не видимъ, чтобы Прудонъ опредѣлилъ способъ вознагражденія авторскаго труда, какъ это обѣщано было имъ въ началѣ книги. Онъ справедливо, по нашему мнѣнію, доказываетъ, что сочиненіе есть продуктъ, а не капиталъ автора; но этимъ самымъ нисколько не подвинулось разрѣшеніе вопроса о способѣ вознагражденія авторовъ, которыхъ, какъ и Прудонъ находитъ, не должно заставлять работать даромъ. Но какъ же именно вознаграждать ихъ, какъ оцѣнивать трудъ писателя, и чѣмъ руководствоваться при назначенія ему платы за оный — Прудонъ не указываетъ; онъ говоритъ (не доказывая, впрочемъ), что безсрочная привилегія несоразмѣрна съ заслугами писателей, что она нарушаетъ законы мѣны, и давая свыше эквивалента, узаконяетъ паразитство, становится поборникомъ несправедливости, составляетъ нарушение правъ общества, для котораго такимъ образомъ умственные труды частныхъ лицъ идутъ во вредъ, а не въ пользу. Почему это все такъ и быть должно — остается необъяснимымъ. Далѣе, онъ находитъ примѣнимыми къ философу тѣ же принципы, что и къ законодателю, къ судѣ и къ священнику — именно то, что награда его заключается въ распространенія той истины, которую онъ проповѣдуетъ, и сказавъ, что истинной торговать нельзя, что никто ее не можетъ себѣ присвоить — совѣтуетъ найти средство обезпечить безбѣдное существованіе мыслителя, не прибѣгая къ помощи торговли. Но извѣстно гг. читателямъ, что *указывать на отысканіе средствъ*, не значить еще ихъ найти; а потому и это предложеніе Прудона мы пока причислимъ къ числу множества другихъ *ria desideria*.

По этому поводу Прудонъ пускается въ нѣкоторыя разсужденія, которыя мы считаемъ излишними сообщить читателямъ. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Цѣлый міръ открытъ для поэзіи и искусства; никакихъ границъ для нихъ не существуетъ; артисты и литераторы служатъ только одной истинѣ, отступить отъ которой не могутъ, не унижая своего достоинства. Только изъ соединенія разсудка, права и искусства вытекаетъ свобода человѣка.

Продажность унижает и губитъ истину, точно такъ же какъ религію и правосудіе. Правда ли, что для большинства писателей литература—ремесло, доходная статья, если не единственное средство пропитанія? Въ такомъ случаѣ никакого различія нельзя ожидать между ними и ремесленниками вообще; разъ что писатель, бросивши молотокъ, берется за перо и дѣлается ремесленникомъ, онъ долженъ до конца быть вѣрнымъ своему назначенію. Онъ долженъ понять, что служить истинѣ ради ея самой, печатать только истину—значитъ возстановлять противъ себя весь свѣтъ; что личный интересъ велитъ писателю стать на сторону той или другой изъ властей, служить извѣстному кружку, партіи или правительству; что прежде всего нужно научиться не затрогивать предразсудковъ, личныхъ интересовъ и самолюбія людей. Вслѣдствіе подобнаго взгляда на свое назначеніе, писатель будетъ слѣдить за всѣми колебаніями общественнаго мнѣнія, сообразоваться со всѣми видоизмѣненіями моды; онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы удовлетворить вкусу, настроенію общества въ данную минуту, будетъ курить еміями современнымъ кумирамъ и извлекать свою выгоду изъ всякой гнусности. Такимъ-то образомъ литература наша упала очень низко. Забывши, что главнымъ руководящимъ принципомъ ея должно быть *самопожертвованіе* и погнавшись за барышами, она менѣе чѣмъ въ полвѣка изъ литературы истинной обратилась сначала въ литературу скандальную, а потомъ и въ рабскую. Была ли литература когда нибудь такъ пуста, какъ въ настоящее время, несмотря на все обиліе поучительныхъ событій? Преклоняясь предъ золотымъ тельцомъ или трепеща предъ грозною властью, литераторъ заботится только о томъ, чтобы извлечь наиболѣе процентовъ изъ своего литературнаго капитала, и для этой цѣли онъ или вступаетъ въ сдѣлки съ властями, которымъ подчиненъ, или добровольно себя обезображиваетъ. Онъ забываетъ, что подобныя средства ведутъ въ искривленію души и убиваютъ генія, что литераторъ такимъ образомъ становится простымъ наемникомъ, и что въ подобномъ случаѣ все равно, кто бы ему ни платилъ—издатель или полиція. Онъ забываетъ, что истинный писатель, истинный артистъ, то есть тѣ, для которыхъ чувство изящнаго стоитъ выше ремесленныхъ и утилитарныхъ соображеній,—при полной своей независимости не можетъ отрѣшиться отъ святости своего призванія. Онъ передаетъ, предвозвѣщаетъ божественныхъ истинъ; онъ просвѣтитель общества; назначеніе его вытекаетъ изъ самаго его дарованія; формы, въ которыя писатель и художникъ облачаютъ религіозныя, нравственныя и философскія мысли, на столько же священны, какъ и сама религія, нравственность и истина. Подобно тому, какъ судья связанъ требованіями справедливости, а философъ—требованіями истины, поэтъ, ораторъ связаны требованіями красоты; они обязаны улучшить насъ самихъ, подвергнуть критическому разбору нашу личность, подобно тому, какъ философъ подвергаетъ анализу нашъ разумъ, а юриспруденція

вашу совѣсть.» Обращаясь послѣ этого исключительно къ Франціи, Прудонъ замѣчаетъ, что упадокъ развитія буржуазіи, зараженной утилитаризмомъ, начался при Луи-Филиппѣ, въ то время, когда правительство стало покровительствовать первоначальному образованию. Буржуазія отказалась отъ прежней *доброй методы* (то есть классической) обученія, и предалась изученію математики и промышленности. Къ чему намъ знакомиться съ греками и римлянами? Къ чему философія, языки, юридическія науки, изученіе древности? Давайте намъ инженеровъ, прикащиковъ, подмастерьевъ и т. д. Открытія, сдѣланныя современною промышленностью, окончательно ослѣпили эту касту торгашей; то, чему слѣдовало бы вести къ облагороженію умовъ, принесло новое торжество обскурантизму, и причинило то, что у насъ не существуетъ политическихъ и социальныхъ убѣжденій, и національность наша, сохранившаяся въ одной лишь официальной сферѣ, стертая наплывомъ иностранцевъ и искусственностью, вошедшею въ нравы, обратилась въ мнѣе. Литературное занятіе стало промышленностью и причинило то, что продолженіе долгаго времени намъ не суждено имѣть ни истинной литературы, ни истиннаго искусства. Будутъ у насъ должностныя лица, на жалованьѣ, будутъ и наемные писавы, научившіеся правильно писать пофранцузски и классическимъ слогомъ толковать о какихъ угодно предметахъ. Подобное положеніе конечно грустно, гнусно и глупо. Но утѣшимся! Мало по малу публика узнаетъ истинную цѣну этой контрафакціонной литературы, этого флибустьерскаго искусства. Мнѣ самому надоѣла эта болтовня, это бумагомаранье, это малярство, говоритъ Прудонъ, и какъ-бы съ отчаянья восклицаетъ: «Пускай авторамъ, изобрѣтателямъ, усовершенствователямъ *чѣмъ угодно* обезпечиваютъ способъ полученія вознагражденія, но пусть не вводятъ никакихъ привилегій, никакихъ безсрочныхъ монополій. Вездѣ и во всемъ да соблюдается принципъ свободной конкуренціи».

Но не умрутъ ли, при подобной конкуренціи, съ голода авторы и изобрѣтатели, если только не найдутъ какихъ либо особенныхъ средствъ и способовъ вознаграждать ихъ? Пока однако такихъ средствъ и способовъ—не найдено и даже не указано; нѣтъ ничего легче какъ сказать—*вознаграждайте чѣмъ угодно*—но это нисколько не разрѣшаетъ задачи.

Женщины французской революціи — Сталь и Роланъ. С.-Петербургъ. 1865. Изданіе Сульва.

Шюсеръ въ своей Исторіи XVIII столѣтія (въ 5 томѣ) сказавъ лишь очень немного о нѣкоторыхъ личностяхъ временъ французской революціи, хотѣлъ, какъ-бы въ дополненіе въ этому, представить болѣе подробныя характеристики особенно выдающихся дѣятелей прошлаго столѣтія и выбралъ для начала—паралель двухъ писательницъ — мадамъ де-Сталь и мадамъ Роланъ. Обѣ выказали таланты, умъ, образованіе, знаніе и энергію, дѣй-

ствуя на томъ поприщѣ, которое считали честнымъ и полезнымъ, что, впрочемъ, не мѣшало имъ часто раскодиться совершенно во взглядахъ и сужденіяхъ. Онѣ имѣли вліаніе на умнѣйшихъ людей того времени, помогая имъ, не чувствомъ и красотою, а умомъ своимъ, писать или готовить рѣчи, удивлявшія Францію. По вліанію своему, по поэтической силѣ и героизму, по взглядамъ и пр. и пр., обѣ эти женщины столько же отличались между собою, какъ и по внѣшнему обращенію.

Роланъ была красавица, мила и обворожительна; чуждая безнравственности аристократіи и гордой небрежности или презрительности парижскихъ дамъ, игравшихъ роль покровительницъ литературы, она отличалась самыми привлекательными, простыми и безпритязательными манерами. Сталь же была вполне лишена женской привлекательности; обширный умъ замѣнялъ ей красоту, и по тону, манерамъ, свободной рѣчи и смѣлости не уступая настоящимъ придворнымъ дамамъ, она стояла несравненно выше ихъ по уму, образованію и способностямъ. Ее трогали проповѣди Неккера: она, по Монтескье, восхищалась англійскою конституціею, какъ идеаломъ гражданства, и полагала, что конституцію можно давать какъ лекарства. Она не имѣла понятія о надеждахъ средняго сословія, съ которыми никогда не сталкивалась, а тѣмъ менѣе о нуждахъ крестьянъ; она знала народъ только по романамъ. Она никогда не сходила со сцены, на которой блистала и гдѣ усвоила себѣ воззрѣнія лицъ, приходившихъ съ ней въ соприкосновеніе. Присутствуя въ ея салонѣ, мы съ увлеченіемъ слушаемъ хозяйку дома; но поверхностная, шаткая, незаключающая въ себѣ ничего поучительнаго и слишкомъ ораторская рѣчь ея производитъ слабое впечатлѣніе. Салону ея должно во всякомъ случаѣ предпочесть салонъ госпожи Роланъ, которая собирая вокругъ себя республиканцевъ, исполнена была искреннаго энтузіазма, простоты и одушевленія; она имѣла чувства въ душѣ и не щеголяла ими для одного блеска. Ей постоянно хочется повторить одну мысль, наполняющую всю ея душу—мысль о томъ, какъ осуществить мечту Руссо жить для одной идеи и быть готовой умереть за нее. Последняго она, какъ извѣстно, достигла; она сдѣлалась жертвою республиканскихъ мечтаній, между тѣмъ какъ госпожа Сталь ускользнула и осталась идеаломъ аристократическаго общества и образованія. Роланъ, замѣчаетъ Шлюсеръ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленіе, чѣмъ ужаснѣе было ея пробужденіе отъ прекрасныхъ грезъ и мечтаній о свободѣ и о парижской республикѣ античнаго характера. Своимъ пламеннымъ перомъ она изображала намъ новую Францію столь прекрасною и нашла ее столь страшною въ дѣйствительности! Кто же не будетъ удивляться ей, когда она не упала духомъ даже въ тюрьмѣ, не дрожала предъ угрожающею смертію и не отвергала всякой мысли о свободѣ и благородствѣ въ сердцахъ толпы изъ-за того, что этою мыслию воспользовались злые люди для своихъ преступленій. Присутствіе духа и весь свой характеръ выдерживаетъ

она до самой послѣдней минуты—при чтеніи смертнаго приговора и на эшафотѣ. Даже при казни твердость эта не измѣнилась; ея покорность судьбѣ никогда не доходила до слабости.

Намъ остается прибавить только, что эта небольшая параллель двухъ женщинъ, написанная Шлоссеромъ, читается такъ же легко и увлекательно, какъ и прочія произведенія одного изъ первыхъ нѣмецкихъ современныхъ историковъ. Переводъ очень удовлетворителенъ.

Положеніе правосудія во Франціи, въ особенности о примѣненіи уголовнаго закона и о смѣлкѣ въ Каенну. Публичная лекція профессора Гольцендорфа. Переводъ Языкова. С.-Петербургъ. 1865 г.

Рошеръ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о колоніяхъ (Koloniën, Kolonialpolitik und Auswanderung. 1856 г.), между прочимъ замѣчаетъ, что во всѣ времена исторіи, государства весьма охотно прибѣгали, какъ скоро имѣли, конечно, къ тому возможность, къ депортации (deportation), высылая въ пустыя и отдаленныя мѣста преступниковъ или вредныхъ и опасныхъ государству лицъ. Они полагали подобнымъ средствомъ не только осуществить дѣйствительное наказаніе въ отношеніи къ однимъ лицамъ, создавъ въ то же время другимъ угрозу, которая воздерживала бы ихъ отъ совершенія преступленій, но и освободить государство самымъ основательнымъ образомъ отъ кроющихся въ немъ зародышей всякаго рода для него опасностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть всѣхъ благихъ послѣдствій и выгодъ, пріостекающихъ отъ колонизаціи (то-есть населенія и воздѣлыванія) странъ относительно новыхъ. Такъ во времена Александра Македонскаго находились около Элефантины, въ самой южной части Египта, особыя поселенно-рабочія колоніи для возмущившихся солдатъ; въ Китаѣ же, по свидѣтельству Риттера, съ незапамятныхъ временъ находятся значительныя для наказанія преступниковъ рабочія колоніи за предѣлами большой каменной стѣны. Швеція при Густавѣ-Адольфѣ заселяла преступниками Ингерманландію; на Мысѣ Доброй Надежды первое европейское женское населеніе, водворенное голландцами, состояло изъ лицъ, вывезенныхъ изъ различныхъ тюремныхъ заведеній ихъ странъ. Мѣстомъ ссылки для португальцевъ долгое время служила Бразилія, а теперь таковымъ служитъ Мозамбикъ, точно такъ, какъ англичане, сперва высылавшіе немало преступниковъ въ Сѣверную Америку, заселяютъ ими теперь Австралію. Въ Пруссіи до сего времени служатъ мѣстомъ водворенія различнаго рода бродягъ и негодяевъ весьма плохо воздѣланный и рѣдко населенный округъ Олецкій, точно такъ же какъ у насъ для этой же цѣли по преимуществу служатъ необъятныя пространства Азіатской Россіи, а во Франціи—степи Алжира и болота Каенны, получившей въ общественномъ мнѣніи Франціи, невольно заставляющее содрогнуться названіе colonie mortuaire—колонія смерти.

Французская Гвѣана или коротче Каенна, открытая Христофоромъ Колумбомъ въ третьемъ его путешествіи по Антильскимъ островамъ, занимаетъ часть обширнаго пространства земли между Атлантическимъ океаномъ и рѣками Орнково и Амазонскою. Немногія земли могутъ сравниться съ Каенною количествомъ воды, находящейся въ ней; поверхность земли между рѣками, изрѣзывающими страну, покрита или болотами, изъ глубины которыхъ возвышаются затонувшіе лѣса, или неизмѣримыми лѣсами. Понятно, что въ такой странѣ сообщенія должны быть затруднительны; въ настоящее время не имѣется еще ни одной большой дороги во всей странѣ. Берега плоски и отдѣляются отъ открытаго моря грядами ила, на которыхъ разбиваются волны океана: большіе корабли должны искать безопасности въ открытомъ морѣ, ибо плохая Каенская гавань доступна лишь очень мелкимъ судамъ. Слѣдовательно для всемірной торговли портъ Каенны негодится, и если съ финансовыми затрудненіями и можно сдѣлать изъ него новый Шербургъ, то едва-ли будетъ отъ этого какая либо польза кромѣ славы. Что же касается до климата, то въ немъ преобладаютъ постоянные и однообразные жары, почти никогда замѣтно неуменьшающіеся, недостатокъ морскаго вѣтра и необычайная сырость; самый холодный мѣсяцъ февраль имѣетъ среднюю теплоту въ 20° Реомюра. Всѣ единогласно свидѣлствуютъ, что въ тяжелой, всеуныпляющей жарѣ Каенны, европеецъ *безопасно* не можетъ работать и даже совсѣмъ не въ состояніи заниматься земледѣліемъ. Свойства почвы и климата обуславливаютъ появленіе два раза въ году климатическихъ лихорадокъ, отъ которыхъ рѣдко можно избавиться чѣмъ либо другимъ, какъ перемежною жительствомъ. Къ лихорадкамъ этимъ присоединяется еще желтая горячка, которая производитъ страшныя опустошенія.

Все это вполнѣ объясняетъ, почему всѣ, дѣлавшіеся въ 1626 году, попытки колонизировать эту страну европейцами, имѣли весьма плачевный исходъ; всѣ поселенцы вымирали. Подробныя свѣдѣнія объ этихъ попыткахъ и ихъ результатахъ сообщены Гольдендорфомъ; намъ остается только сказать, что въ 1851 году Франція рѣшила вновь колонизировать эту страну, несмотря ни на опыты исторіи, ни даже на то обстоятельство, что населеніе и въ минуту подобнаго рѣшенія все уменьшалось сравнительно съ народонаселеніемъ этой страны въ 1848 году: тогда считалось въ ней 28,000 жителей, а въ 1858 году, ровно черезъ *десять лѣтъ*, ихъ было только 13,000. Но тѣмъ не менѣе, указомъ 1851 года декабря 8-го, Каенна возведена на степень карательной колоніи Франціи: таковой смыслъ подвергали тѣхъ, которые нарушаютъ правила полицейскаго надзора, или окажутся виновными въ принятіи участія въ тайныхъ обществахъ, и тѣ, которые въ теченіе нѣсколькихъ дней не оставятъ Парижа, по объявленіи имъ приказа о томъ. При уничтоженіи въ 1852 году каторжныхъ работъ при морскихъ тюрьмахъ (*bagnes*), лицъ, содержащихся на этихъ работахъ, по ихъ же-

лазію перевозили въ Каенну или подвергали одиночному заключенію; а въ 1854 году постановлено закономъ, что впредь всѣ преступники, приговоренные въ каторгѣ, должны сослаться въ Каенну на *тяжкія* земледѣльческія работы (въ климатѣ, гдѣ вообще работать европейцу гибельно).

Такимъ образомъ принудительная колонизація Каенны основывается на выселеніи:

1) всѣхъ обыкновенныхъ тяжкихъ преступниковъ;

2) тѣхъ, которые, вслѣдствіе указа 1851 года о подозрительныхъ лицахъ, будутъ вынуждены къ путешествію въ Каенну.

При этомъ однако нельзя не замѣтить, что вмѣстѣ съ учрежденіемъ карательной колоніи въ Каеннѣ французское правительство приняло мѣры о невозможно большемъ уравниваніи климатовъ Франціи и Каенны, издавъ еще въ 1851 году указъ *обулучшеніи воздуха*. Оно очевидно забыло правило, что правительство, какъ бы оно сильно ни было, не можетъ и не должно ставить себѣ цѣли недостижимыя. Никакое правительство не могло на экваторѣ понизить ртуть въ термометрѣ на нѣсколько градусовъ; оказалось дѣломъ совершенно невозможнымъ перевести климатъ Каенны въ нѣкоторыя улицы Парижа и обратно—воздухъ парижскихъ тюремъ перенести въ Каенну.

Опытъ подтвердилъ эту невозможность самымъ грустнымъ образомъ: сослаемые умирали въ страшныхъ размѣрахъ. Первые отчеты показываютъ за послѣдніе *три мѣсяца 1864 года сто-семьдесятъ смертныхъ случаевъ* на 2,500 сосланныхъ, что можетъ составлять въ годъ 680 смертныхъ случаевъ на 2,500 человекъ или болѣе 25⁰/₀.

По недавно напечатаннымъ письмамъ іезуитовъ, которые содержатъ въ Каеннѣ особую миссію, отправляющую духовныя требы, смертность доходитъ и до *сорока процентовъ*. Изъ этихъ же писемъ узнаемъ мы, что сосланные, оставшіеся въ живыхъ, ни въ чемъ не подвинули успѣховъ земледѣлія, что правленіе колоніи, основывая арестантскія поселенія среди огромныхъ болотъ, показываетъ рвеніе къ пресѣченію возможности покушеній на бѣгство, а нисколько не къ развитію колонизаціи или исправленію еслаемыхъ.

Вообще говоря, читая прекрасныя лекціи берлинскаго профессора, нельзя не сознаться, что замѣнять смертную казнь ссылкой въ такую страну, какъ Каенна — значить злоупотреблять расположеніемъ или наклонностію людей въ каждой, даже, по-видимому, только либеральной и современно-прогрессивной мѣрѣ, видѣть хорошее, вышнее, не слишкомъ-то пускаясь въ разоблаченіе истинно-горестнаго содержанія, прикрытаго только снаружи этою вышней, но блестящею оболочкою. Ссылка въ Каенну не только равносильна, но даже и хуже смертной казни, ибо день исполненія оной остался лишь отсроченнымъ на неопредѣленное время, при чемъ неотразимо убійственный климатъ принялъ на себя роль палача.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О законоподчиненности повидимому произвольныхъ человеческихъ поступковъ. *Часть вторая.* А. Вагнера (*).

О появленіи *первой* или *общей* части этого вполне замѣчательнаго сочиненія въ литературѣ статистики вообще, было своевременно заявлено «Отеч. Зап.». Вышедшая недавно вторая часть этого труда, занимается исключительно статистикою самоубійства. Посвятивъ этому важному явленію въ сферѣ человеческихъ дѣяній около 300 страницъ мелкой печати, Вагнеръ, разобравъ по возможности всѣ обстоятельства, оказывающія вліянія свои на число совершаемыхъ самоубійствъ, пришелъ къ слѣдующимъ главнымъ результатамъ:

1) число совершаемыхъ изъ году въ годъ въ европейскихъ государствахъ самоубійствъ обнаруживаетъ изумительную правильность и какъ-бы опредѣленность;

2) число самоубійствъ въ Европѣ постоянно и правильно увеличивается и притомъ въ большей степени, чѣмъ общее народонаселеніе; это замѣчаніе относится одинаково какъ къ городскому, такъ и къ сельскому населенію;

3) повидимому, вліяетъ имѣть вліяніе на самоубійства, хотя и не придаетъ числу оныхъ особенно рѣзкаго, отличительнаго характера. Наибольшее число самоубійствъ совершается въ протестантскихъ странахъ сѣверо-восточной Европы, населенныхъ германскими племенами; число это уменьшается по мѣрѣ склоненія на юго-западъ и по мѣрѣ того, какъ населеніе исключительно германское смѣшивается съ славянскими племенами или романскими, которыя исповѣдуютъ и другую вѣру уже. Наименьшаго размѣра достигаетъ число самоубійствъ на югѣ и на западѣ Европы, въ странахъ, населенныхъ романо-кельтическими племенами, исповѣдующими исключительно католическую религію;

4) времена года оказываютъ несомнѣнное вліяніе на *время* совершения самоубійствъ: наибольшее число ихъ совершается въ іюнѣ мѣсяцѣ, а наименьшее—въ декабрѣ; въ теченіе времени отъ зимы къ лѣту число самоубійствъ увеличивается, а отъ лѣта къ зимѣ—опять уменьшается;

5) *время дня* оказываетъ, повидимому, вліяніе на случаи самоповѣшанія; на прочіе виды добровольнаго лишенія жизни вліянія его не замѣчено; вѣшаются же по преимуществу ночью;

6) вліяніе свойствъ мѣстности, ея качествъ и положенія при современномъ состояніи статистическихъ средствъ и данныхъ, еще не обнаружено самоубійства;

(*) Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkührlichen menschlichen Handlungen vom standpunkte der statistik von Adolph Wagner. Zweiter oder specieller Theil. Hamburg. Boyen und Geisler.

7) состояніе погоды въ теченіе года и результаты жатвъ и урожая *не* оказываютъ на число самоубійствъ того вліянія, которое отъ нихъ можно было бы, повидимому, ожидать;

8) также *не* замѣчено вліянія общаго состоянія народнаго здоровья на самоубійства;

9) вліяніе различія половъ въ высшей степени постоянно; безусловно всегда лишаютъ себя жизни мужчины въ большемъ числѣ, нежели женщины, хотя пропорція между ними въ этомъ отношеніи бываетъ неодинаковая въ различныхъ странахъ;

10) возрастъ имѣетъ важное, рѣшительное и притомъ по всей Европѣ вполне одностороннее вліяніе на число самоубійствъ, которое постоянно и вполне правильно увеличивается вмѣстѣ съ возрастомъ. Это одинаково справедливо относительно мужчинъ и женщинъ. Начиная съ дѣтства, число самоубійствъ увеличивается съ возрастомъ, достигаетъ наибольшей цифры въ промежуткѣ отъ 51 до 70 года, и затѣмъ начинаетъ опять уменьшаться весьма понемногу, впрочемъ такъ, что и въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ самоубійства встрѣчаются чаще, нежели въ средніе или юные годы;

11) физическія и духовныя качества обазываютъ свое вліяніе на самоубійства тѣмъ, что случаи самоубійствъ совершаются чаще между больными тѣломъ или духомъ, нежели между здоровыми;

12) происхожденіе, различіе по племенамъ и національностямъ оказываютъ на число самоубійствъ важное вліяніе, хотя и трудно точно опредѣлить всю долю онаго. Самоубійства встрѣчаются чаще между германскими, нежели романскими племенами, и между сими послѣдними чаще, нежели у славянъ. Отношенія между ними выражаются цифрами 5 (даже 6): 4: 2. Наболѣе самоубійства совершаются у скандинавовъ, затѣмъ у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, у славянъ, внѣ Россіи живущихъ, у русскихъ, итальянцевъ, португальцевъ;

13) гражданское положеніе имѣетъ также вліяніе на число самоубійствъ; бракъ уменьшаетъ оное; жизнь безбрачная, напротивъ того, увеличиваетъ. Это одинаково справедливо относительно мужчинъ и женщинъ;

14) религія и ея вѣроисповѣданія имѣютъ чрезвычайно важное вліяніе на этотъ родъ преступленій. Чаще всего оно случается между протестантами, и притомъ у реформатовъ чаще еще, нежели у лютеранъ. Между католиками число самоубійствъ значительно меньше, а между послѣдователями православной церкви еще менѣе. Между евреями совершается, повидимому, менѣе самоубійствъ, нежели даже между христіанами, съ тѣмъ только исключеніемъ, что у христіанъ православнаго исповѣданія, это отношеніе будетъ еще болѣе благопріятно, нежели у евреевъ;

15) распространеніе общаго образованія не оказало вліянія на уменьшеніе числа самоубійствъ. Вообще должно замѣтить, что между образованными встрѣчается большее число самоубійствъ, нежели между необразованными;

16) родъ занятій оказываетъ вообще вліяніе на смертоубійства, число которыхъ бываетъ обыкновенно въ городахъ болѣе, нежели въ деревняхъ. Наибольшее число самоубійствъ встрѣчается между прислугою вообще, и тѣми лицами, которыя, по роду ихъ занятій, наиболѣе ограничены въ личной своей свободѣ;

17) нельзя съ точностію показатъ вліянія на число самоубійствъ общественнаго положенія и имущественнаго благосостоянія лицъ, а также политическаго положенія и государственнаго устройства страны; то же самое должно сказать также и о вліяніи общественной нравственности и нравовъ вообще;

18) самыя *виды* самоубійствъ обнаруживаютъ изумительную правильность и постоянство тѣмъ, что ежегодно извѣстные виды лишенія жизни повторяются въ томъ же самомъ процентномъ содержаніи. Это замѣчено въ отношеніи обоихъ половъ. Сравнительныя статистическія изысканія показываютъ, что чаще всего самоубійства совершаются посредствомъ веревки или воды. Этими двумя способами лишаютъ себя жизни рѣдко менѣе 50% общаго числа самоубійствъ, и рѣдко болѣе 90% онаго. При этомъ веревка употребляется въ два и даже три раза чаще, нежели вода, и рѣдко одинаковое съ нею число разъ. Затѣмъ остальные самоубійцы прибѣгаютъ къ содѣйствію огнестрѣльнаго оружія, холоднаго и употребляемыхъ въ домашнемъ быту острыхъ орудій. Весьма немногіе сбрасываются съ высотъ, или задыхаются отъ угара или отравляются. Остальныя средства лишенія себя жизни являются лишь рѣдкими исключеніями.

Вагнеръ-н этимъ еще не удовлетворился: онъ сталъ разсматривать вліяніе каждаго изъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ на выборъ самого *способа* лишенія себя жизни, и пришелъ къ разнымъ заключеніямъ, какъ напр., что мужчины по преимуществу вѣшаютъ; женщины же выдаются въ воду и очень рѣдко обращаются къ огнестрѣльному оружію, употребляемому весьма часто мужчинами. Въ холодныхъ и сѣверныхъ странахъ по преимуществу всѣ вѣшаютъ, тогда какъ въ теплыхъ, лежащихъ на югѣ и западѣ, болѣе выдаются въ воду и т. д.

Такимъ образомъ, такое, повидимому, произвольное и случайное дѣйствіе какъ лишеніе себя жизни, тѣмъ не менѣе также зависитъ отъ извѣстныхъ, постоянныхъ, вѣдшихъ причинъ. Мы можемъ, слѣдовательно, говорить и о законахъ самоубійства ибо видимъ, что опредѣленныя и извѣстныя причины порождаютъ подобное же появленіе случаевъ самоубійства. Такъ, напрямѣръ, различіе въ фізіологическомъ отношеніи служитъ причиною тому, что самоубійство обыкновенно проявляется чаще между мужчинами, нежели между женщинами. Но найти самую причину таковой причины до сего времени не удалось. Мы, конечно, можемъ указать и дать объясненіе тому, что ближайшая, открытая причина оказываетъ свое вліяніе такимъ-то образомъ и въ такомъ-то направленіи; но этимъ мы еще немного достигли. Что женскій родъ подверженъ въ меньшей степени самоубійству нежели мужскій, мо-

жесть быть объяснено тѣмъ, напримѣръ, что на женщинъ вообще, вслѣдствіе ихъ образа жизни и общественнаго положенія, многія неблагоприятныя обстоятельства и побудительныя причины къ самоубійству, дѣйствуютъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ на мужчинъ. Поэтому, выражаясь точно и опредѣлительно, нельзя сказать, что женскій родъ *самъ по себѣ* подверженъ и способенъ къ самоубійству въ меньшей степени, нежели мужскій родъ; половое различіе обусловливаетъ само по себѣ различныя вліянія разнобразныхъ обстоятельствъ на мужчину и женщину, порождаетъ совсѣмъ другое положеніе для нихъ въ общественной жизни, и вслѣдствіе всего этого появляется уже и совсѣмъ другая относительная величина числа самоубійствъ между мужчинами и женщинами. Если меньшее число случаевъ самоубійства между женщинами является результатомъ (функцию) тѣхъ причинъ (фактовъ), которыя въ свою очередь считаются результатами полового различія, то необходимо, конечно, меньшее число самоубійствъ между женщинами считать непосредственнымъ результатомъ ихъ полового различія. Но причину этой причины мы не знаемъ. Дальнѣйшимъ объясненіемъ этого вліянія нельзя считать, напримѣръ, доводъ, что меньшее число самоубійствъ между женщинами объясняется вообще женскимъ характеромъ, потому что и женскій характеръ также принадлежитъ къ числу различныхъ, составныхъ частей общаго полового отличія.

То же самое можно замѣтить и относительно прочихъ обстоятельствъ и причинъ, обусловливающихъ правильность свершающихся самоубійствъ. Мы можемъ сказать, что есть возможность указать на много условій, которыя должны быть выполнены прежде, нежели мы увидимъ совершеніе въ извѣстной странѣ соответствующаго ей числа самоубійствъ. Но хотя намъ и извѣстны точныя на число самоубійствъ вліянія весьма многихъ причинъ, мы однако *весьма далеки* отъ того, чтобы знать ихъ *всѣ*. Даже о причинахъ намъ извѣстныхъ уже, мы знаемъ только относительныя, но не абсолютныя (безусловныя) вліянія на самоубійства. Абсолютное число самоубійствъ, встрѣчающееся въ извѣстный періодъ времени, среди опредѣленнаго народонаселенія, является результатомъ (функцию) всѣхъ совокупныхъ причинъ (факторовъ), одновременно на народъ этотъ дѣйствующихъ. Тутъ останавливается могущество нашихъ статистическихъ познаній и математическихъ вычисленій; только одна высшая, божественная математика можетъ опредѣлить въ точности ту математическую формулу, по которой совершаются самоубійства. Эту задачу никогда не будетъ въ состояніи разрѣшить земная статистика; eine Aufgabe welche die Statistik niemals gewachsen sein wird!

Съ этимъ, вполнѣ основательнымъ для нашего времени заключеніемъ Вагнера, едва-ли согласятся наши рыные приверженцы Бюхнера, Фохта, Молешотта и т. п. По ихъ мнѣнію, Вагнеръ долженъ быть дуракъ, ибо сознается въ своемъ невѣдѣніи, а не отважи-

вается рѣшать неразгаданные вопросы путемъ громкихъ фразъ, обличающихъ высокоуміе, равное полному невѣжеству.

Законы развитія государственной жизни, Редигера (*).

Вышеназванное нами сочиненіе представляетъ весьма удачную попытку, по возможности, выяснить научнымъ образомъ появленіе и развитіе государственнаго организма, включивъ въ нравственное самоопредѣленіе государственной личности все свойственное природѣ человѣка, а слѣдовательно, также религію и церковь. Строго придерживаясь различнымъ, естественнымъ, побудительнымъ причинамъ, а также законамъ, свойственнымъ физической и духовной природѣ, авторъ постепенно раскрываетъ предъ нами основанія человѣческаго общества, различныхъ формъ государствъ и ихъ развитій, и переходитъ постепенно къ представителямъ государствъ, къ законодательству, къ управленію, ученію о верховной власти и т. д. Онъ оканчиваетъ свое сочиненіе изложеніемъ недостатковъ въ государственномъ строѣ Германіи, предлагаетъ мѣры къ ихъ устраненію и проводитъ при всякомъ случаѣ ту идею, что продолжительное или постоянное вліяніе на жизнь государства возможно только лишь при строгомъ соблюденіи опредѣленныхъ, естественныхъ законовъ.

Пытаясь разрѣшить тѣ государственные вопросы, которые съ начала вѣка занимали и по сей день глубоко волнуютъ еще родъ человѣческій, сочиненіе это не является однимъ лишь сухимъ, отвлеченнымъ философскимъ разсужденіемъ. Напротивъ того, оно вращается въ средѣ дѣйствительной жизни и самыхъ животрепещущихъ вопросовъ настоящаго времени, и лишь только по формѣ изложенія имѣетъ строго-логическій характеръ. Оно предназначено для чтенія исключительно не большому числу специалистовъ, а вообще всякому здравомыслящему читателю, и отличалась необычайною простотою изложенія, а также блестящимъ слогомъ, оно, по всей вѣроятности, проникнетъ во всѣ слои общества, въ которыхъ находятъ еще отголоски сочувствія разсужденія о правахъ и благополучіи рода человѣческаго, и въ которыхъ любовь и стремленіе къ истинѣ увеличиваетъ достоинство человѣка, а склонность къ идеаламъ охраняетъ вѣчныя украшенія человѣческаго разума и всей его природы.

О процентномъ правѣ въ Германіи, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до изданія въ 1654 году законовъ о процентахъ, дѣйствующихъ еще и въ настоящее время. Макса Неймана. 1865 (**).

(*) DIE GEGESZTE DER BEWEGUNG in Staatsleben, und der Kreislauf der Idee, von Fr. Rödinger. 1865 г.

(**) GESCHICHTE DES WUCHERS in Deutschland bis zur Begründung des heutigen Zinsgesetzes (1866). Nach handschriftlichen und gedruckten Quellen, von Max. Neumann. Halle. 1865.

Въ означенномъ сочиненіи Нейманъ весьма подробно разбираетъ развитіе и судьбу различныхъ каноническихъ постановлений, относительно роста и ростовщиковъ, проявившихся въ гражданской и экономической жизни Германіи. Сдѣлавъ краткій очеркъ происхожденію церковныхъ постановленій о ростѣ, Нейманъ рассматриваетъ самыя опредѣленія роста, постановленія о немъ, а также различныя наказанія, назначаемыя за это, съ допущеніемъ, конечно, немалого числа исключеній, въ папскихъ декретахъ и всѣмъ каноническимъ правомъ вообще. Потому авторъ налагаетъ, каковымъ образомъ эти церковные законы о ростѣ пріняли въ письменное право Германіи, какъ въ немъ развивались, и притомъ совершенно параллельно съ развитіемъ ихъ въ каноническомъ правѣ. Но тѣмъ не менѣе можно ясно замѣтить, что даже германское письменное право, а тѣмъ болѣе обычное, основанное исключительно на воззрѣніяхъ и понятіяхъ народа, признавало исполнѣе необходимымъ и согласнымъ съ природою вещей вознагражденіе за пользованіе чужимъ капиталомъ или вообще имуществомъ, и постепенно вытѣсняло постановленія церкви о ростѣ, значительно стѣснявшія лишь экономическую жизнь народа и право собственности вообще. Скоро появились и въ нѣмецкомъ правѣ положительныя исключенія изъ общаго правила, запрещавшаго брать какіе либо проценты, въ какомъ бы то ни было видѣ и размѣрѣ. Таковыя сдѣланы были въ отношеніи евреевъ и ибнгалъ; денежные и процентныя дѣла первыхъ, авторъ рассматриваетъ весьма подробно и доказываетъ, что высокой размѣръ процентовъ, взимаемыхъ въ то время евреями, единственно происходилъ отъ церковныхъ *запрещеній брать проценты*, хотя въ свою очередь и служилъ причиною различныхъ преслѣдованій евреевъ. Впослѣдствіи появились такъ называемыя *незаконныя обходы* церковныхъ постановленій о ростѣ (*ungesetzlichen Umgebungen des Zinsverbotes*), которыя значительно уменьшили силу и значеніе подобныхъ запрещеній; римское же право и реформація только отчасти способствовали паденію каноническихъ постановленій о ростѣ, тогда какъ наука оказала германскому праву самую полную въ этомъ отношеніи услугу, хотя и съ своей стороны наложила ему стѣсненіе, опредѣливъ *размѣръ* процентовъ. Назначено было брать не болѣе пяти процентовъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ шесть. Этими окончательно были вытѣснены изъ дѣйствительной жизни каноническія постановленія о ростѣ; современная же потребность экономическаго развитія народовъ, а также доводы науки—политической экономіи—дѣлають въ настоящее время необходимымъ отмѣнить въ отношеніи процентовъ и тѣ предѣлы, которые назначены были имъ закономъ 1654 года, составившимъ въ свое время эпоху въ промышленномъ развитіи германскихъ странъ.

Такимъ образомъ сочиненіе это представляетъ собою весьма важную монографію для исторіи германской культуры и всего экономическаго положенія страны; оно наглядно рисуетъ намъ

ту сильную и упорную борьбу, которая происходила между идеально нравственными воззрѣніями христіанской религіи, то-есть церковными постановленіями о ростѣ и ростовщикахъ съ одной стороны, и взглядами народа, понятіями его о правахъ имущественныхъ, а также условіями и законами экономической жизни съ другой стороны. Борьба эта продолжалась нетолько въ продолженіе всей средневѣковой эпохи, но и гораздо поодѣе, въ новѣйшія времена уже; скажемъ откровенно, даже и въ настоящее время еще она не доведена до окончательныхъ практическихъ результатовъ, свидѣтельствуя лишь о томъ поразительномъ грустномъ фактѣ, до какой степени медленно распространяются здравыя и правильныя понятія между людьми и съ какими неимоверными усиліями осуществляются они въ положительныхъ законодательствахъ.

Много прошло уже лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый Тирго въ своей запискѣ (*Mémoire sur les prêts d'argent*) доказывалъ законность роста (процентовъ) и несостоятельность всѣхъ постановленій противъ такъ-называемыхъ ростовщиковъ; другой же великій мыслитель, Бентамъ, двадцать лѣтъ спустя, въ предѣлахъ нашего отечества, на берегахъ Азовскаго моря, написалъ свою знаменитую защиту роста (*defence of usury, showing the impropriety of the present legal restraint on pecuniary bargains*), которая немало поколебала мнѣніе необходимости и полезности опредѣлять законами величину того роста (процентовъ), который слѣдовало брать при ссудахъ различныхъ капиталовъ.

Въ нашемъ Сводѣ Законовъ относительно процентовъ существуютъ слѣдующія постановленія: что деньги, выданныя подъ залогъ корабельной вѣрности, не могутъ быть отдаваемы съ полученіемъ *болѣе* шести процентовъ (т. XI, ст. 1,234), что по векселямъ простымъ, по просрочкѣ ихъ, должники обязаны платить сверхъ капитала узаконенный ростъ. Количество сего роста опредѣляется по половинѣ процента въ мѣсяць (уставъ торговый, ст. 663), или, что займодавцамъ *дозволяется* брать ростъ съ капитала, отдавнаго въ долгъ, но не выше *шести* процентовъ на сто въ годъ; запрещается постановлять, что на сей капиталъ проценты будутъ сложные и т. д.; взиманіе роста въ количествѣ свыше узаконеннаго именуется лихвою и влечетъ за собою наказаніе и т. д. (томъ X ст. 2020—22). Подобныя постановленія все еще существуютъ, несмотря на то, что есть множество способовъ и средствъ обойти подобныя правила, и тѣмъ самымъ облегая въ совершенно законную форму дѣйствія, законами воспрещенныя, дѣлать подобныя постановленія совершенно бесполезными, уменьшая чрезъ это уваженіе къ святости закона и его безусловно обязательной для всѣхъ силы. При этомъ, конечно, нельзя не упомянуть, что и на основаніи самихъ законовъ лихвенными процентами не почитаются излишніе, *малымъ образомъ* (!) получаемые дворянскою опекою на капиталы малолѣтнихъ по доброй волѣ и желанію заемщиковъ (ст. 2022, т. X

ч. I Св. гр. зак. 1856 года). Что такое добрая воля заемщиков? и почему, если дозволяется ему, по тагъ-называемой доброй волѣ платить болѣе шести процентовъ на капиталы малолѣтнимъ, занимаемые имъ въ дворянской опека, то почему же ему не предоставить право платить такіе же проценты по своему усмотрѣнію, по доброй волѣ и на капиталы малолѣтнихъ, занимаемые имъ прямо отъ родителей, опекуновъ и т. д. безъ всякаго участія въ томъ дворянской опеки? И почему только для дворянской опеки сдѣлано такое исключеніе, которое должно быть безусловнымъ общимъ правиломъ для всѣхъ и каждаго, ибо

1) величина роста въ каждомъ мѣстѣ въ различное время бываетъ весьма различна; она зависитъ отъ предложенія и спроса капиталовъ, а потому законъ не можетъ заранѣе опредѣлить ту величину его, которая исключительно опредѣляется соревнованіемъ предложенія и согласіемъ потребителей;

2) самый родъ займа, и еще болѣе предполагаемое потребленіе занимаемаго капитала обусловливаютъ и величину роста;

3) невозможно услѣдить за исполненіемъ всякаго рода подобныхъ постановленій, ибо много займовъ совершается безъ всякаго участія правительственной власти, которая о нихъ вовсе ничего и не знаетъ. Слѣдовательно является полная возможность обходить законъ, нарушать его вполнѣ безнаказанно;

4) подобное опредѣленіе законами размѣровъ процентовъ не достигаетъ своей цѣли: нерѣдко, или точнѣе, болшею частью высокій размѣръ процентовъ происходитъ отъ того, что заемщикъ не можетъ представить достаточнаго ручательства въ вѣрности уплаты какъ процентовъ, такъ и капиталовъ. Подобный заемщикъ ни въ какомъ случаѣ, несмотря тамъ ни на какіе законы, не найдетъ для себя возможнымъ занять по меньшимъ процентамъ; онъ долженъ будетъ отказаться вовсе отъ займа, что для него нерѣдко можетъ быть хуже, чѣмъ занять по высокимъ процентамъ. Съ другой же стороны, такое опредѣленіе величины процентовъ не приноситъ пользы для людей неразсудительныхъ, склонныхъ къ мотовству и т. д.; оно нисколько не воспрепятствуетъ имъ разориться, потому что не найдя возможнымъ занять, они всегда имѣютъ полную возможность продать свое имущество, при отсутствіи котораго они не займутъ ни по какимъ процентамъ. Они могутъ занимать, пока имѣютъ еще какое либо имущество, болѣе или менѣе цѣнное; для ихъ разоренія, конечно, все равно, будутъ ли они занимать по очень высокимъ процентамъ подъ залогъ имущества, или совершенно отчуждать, то-есть продавать оное.

Жизнь и переписка Петра Деламина, соч. Уильяръ-Бреолля (*).

Въ 1134 году, пріоръ одного изъ главныхъ французскихъ мо-

(*) *Vie et correspondance du PIERRE DE LA VIGNE, par A. Huzlard-Breholles. Paris. 1865.*

настырей въ одномъ письмѣ своемъ жестоко отзывался о тѣхъ свѣтскихъ стремленіяхъ, какимъ предавалось современное ему западное духовенство. По его отзыву, духовные эти были настоящими хищными феодалами: владѣя независимой поземельною собственностью, они только занимались отставаніемъ своихъ государственныхъ интересовъ и проливали человѣческую кровь... Если такое сужденіе и слишкомъ обобщено, если въ немъ духовенство XII вѣка выставлено черезчуръ свирѣпнымъ и кровожаднымъ, то все же въ этомъ взглядѣ есть своя доля правды. Безспорно то, что тогдашняя западная церковь, обогатившись разными благочестивыми приношеніями, а также различными промыслами, возгордилась и увлеклась духомъ феодализма. Она вторглась въ область свѣтскихъ интересовъ. Само общество замѣчало неестественность такого положенія церкви; потому горожане гораздо терпѣливѣе переносили болѣе суровую власть свѣтскихъ сюзереновъ, чѣмъ, хотя и болѣе мягкую подчасъ, но, по ихъ внутреннему убѣжденію, менѣе законную свѣтскую власть духовенства. Отсюда цѣлый рядъ столкновеній между свѣтскимъ и духовнымъ началами. Свѣтское начало мало-по-малу отымаетъ у духовенства всѣ несвойственныя ему права: право сбора податей и пользованія ими, право чеканки монеты, суда, содержанія войска и право войны. Города и свѣтскіе владѣтели подѣлили между собой всѣ эти приобрѣтенія. Цѣль сочиненія Уильяра-Бреолля—разъяснить попытку, противоположную домогательствамъ средневѣковаго духовенства—попытку свѣтской власти вторгнуться въ область духовныхъ интересовъ, попытку императора Фридриха II уничтожить самостоятельность духовной власти. Дѣятельнымъ помощникомъ и ловкимъ руководителемъ германскаго государя, въ этомъ дѣлѣ, былъ Петръ Делавинь. Просвѣщенный цезарь, обладавшій блестящимъ умомъ, философъ съ направленіемъ, враждебнымъ религіозному началу, Фридрихъ II, преслѣдуя свои особенныя цѣли, домогался устройства еретической церкви, хотѣлъ сдѣлаться ея главою и присвоить себѣ право ея внутренняго управленія чрезъ свѣтскихъ викаріевъ. Уильяръ-Бреолль впервые предпринялъ разработать въ подробности этотъ любопытный историческій вопросъ. Ему удалось заинтересовать своихъ читателей. Онъ переноситъ насъ въ XIII вѣкъ, чуждый намъ по своимъ предразсудкамъ, и заставляетъ съ вниманіемъ слѣдить за дѣйствіями Фридриха II, этого императора тудесковъ, этого чловека азіатскихъ нравовъ, въ дѣйствіяхъ котораго однако какъ-бы сказывается духъ будущихъ временъ—человѣка, который, для достиженія своихъ цѣлей, пустилъ въ ходъ всѣ средства своей обширной имперіи, всѣ средства своего сильнаго духа; и хотя былъ побѣжденъ отовсюду и глубоко уязвленъ своими неудачами, однако до конца считалъ свой образъ дѣйствій правымъ.

Историческій трудъ Уильяра-Бреолля начинается 1240 годомъ. Тогда Фридрихъ II только что подчинилъ Сицилію началамъ административнаго единства; его желанія въ то время, казалось,

были скромны; онъ только предполагалъ дать всей Италиі вообще подобное же государственное устройство, при которомъ бы она, какъ Сицилія, могла умиротвориться. Но и это предположеніе заключало въ себѣ величайшія трудности. Повидимому, занятіе нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ открывало Фридриху свободный путь въ Римъ. Но лишь только онъ приблизился къ этому городу — народъ вооружился. Если народъ этотъ жаловался на своихъ честолюбивыхъ и беспокойныхъ папъ, это еще не значило, чтобы ему хотѣлось промѣнять ихъ на спокойное рабство; онъ еще болѣе, чѣмъ папъ, ненавидѣлъ иноземное господство. Фридрихъ принужденъ былъ избрать другой путь для своихъ цѣлей. Онъ, казалось, умно воспользовался смертью папы Григорія IX и возвелъ на папскій престолъ своего приверженца. Но и тутъ онъ обманулся. Лишь только Синибальдъ Фиеско, старый другъ Фридриха, провозглашенъ папой Иннокентіемъ IV, какъ онъ дѣлается открытымъ врагомъ императора. Римскій дворъ хорошо понималъ замыслы Фридриха, и потому-то для каждаго прелата римской церкви входить въ сдѣлки съ Фридрихомъ было то же, что измѣнять дѣлу религіи. Было мнѣніе, что Григорій IX и его современники ошибались, или по крайней мѣрѣ дѣлали видъ, что ошибаются въ истинномъ характерѣ Фридриха, что они придавали его планамъ и честолюбію гораздо обширнѣйшіе размѣры, чѣмъ какіе были на самомъ дѣлѣ. Но собранные Уильяръ-Бреоллемъ и объясненные имъ документы разсвѣтъ всякія такія предположенія. Папство дѣйствительно и справедливо опасалось Фридриха, нѣтъ сомнѣнія, замышляя основать новую церковь на развалинахъ старой. И свои реформы императоръ думалъ произвести не по плану какихъ-нибудь калабрскихъ отшельниковъ; у него ничего не было общаго съ аббатомъ Флоромъ или Іоанномъ Пармскимъ. Онъ былъ не мистикъ, а свептикъ, хотя и не сознавалъ того самъ. Церковь, какою она выработалась въ теченіе двѣнадцати вѣковъ, казалась Фридриху учрежденіемъ слишкомъ независимымъ и сильнымъ; она мѣшала его планамъ всесвѣтнаго господства; и вотъ онъ задумалъ другую церковь, которая бы служила его господству, а не мѣшала ему. Иннокентій весьма ясно выразался, когда писалъ своимъ епископамъ: «Въ чемъ главная причина ненависти Фридриха къ католической церкви? Въ томъ, что церковь всегда стоитъ между нимъ и его честолюбіемъ, его домогательствами подчинить себѣ другія царства. Церкви же, въ ея материнской привязанности, именно приличествуетъ защита вольности другихъ христіанскихъ королей, духовныхъ сыновей церкви». Вотъ какъ самъ Фридрихъ обнаружилъ въ своихъ собственныхъ словахъ то самое, въ чемъ его обвинялъ папа: «O felix Asia! восклинулъ онъ однажды въ порывѣ хмурой откровенности: — о счастливая Азія, о счастливые ея владыки, имъ не надо бояться ни оружія ихъ подданныхъ, ни интригъ ихъ жрецовъ!»

Итакъ, едва-ли кто изъ современниковъ Фридриха пренебрегалъ болѣе его правами религіи. Не встрѣтивъ въ религіи по-

корную служительницу, онъ задумалъ ее устроить на свой ладъ. Его реформаторскія наклонности истекаютъ изъ чисто-свѣтскихъ причинъ. Его свѣтское устройство духовенства должно было пасть, какъ и другія попытки въ подобномъ же родѣ. Трудно угадать, чѣмъ бы сказалось это устройство. На основаніи писемъ и декретовъ можно лишь оцѣнить, съ какимъ буйствомъ приступалъ къ нему Фридрихъ. Фридрихъ такъ обращается, въ письмѣ къ своему сыну: «Божественная отрасль Цезарской крови». Это—языкъ втораго Константина. Но, принявъ христіанство, Константинъ не сталъ бы говорить о своемъ родномъ городѣ съ неистовою гордостью: «Bethleem postea». Послѣ этого нельзя удивляться, если клерки, обращаясь къ Петру Делавиню, писали: «Петръ, на камнѣ котораго зиждется императорская церковь, Петръ, въ которомъ почиетъ душа августѣйшаго владыки въ то время, какъ онъ совершаетъ служеніе среди учениковъ своихъ».

Дѣйствія соотвѣтствовали словамъ. Фридрихъ поставилъ тѣхъ епископовъ, которыхъ Григорій IX призналъ недостойными и святотатственными. И папѣ было отвѣчено, что тѣ именно могутъ быть признаны святотатцами, кто сомнѣвается въ нашемъ (то-есть императора Фридриха) вѣдѣніи». Изъ такого положенія истекало, что кого Фридрихъ признаетъ святотатцемъ, того должно сжигать. И дѣйствительно, существуетъ декретъ объ этомъ. Имъ постановлялось, что кто будетъ сообразоваться съ инструкціями Рима, и нарушитъ правила императора, того сжигать. И по всей Сициліи воздвиглись костры, и на эти костры влеклись толпы папистовъ, другими словами—святотатцевъ. Чтò бы было съ человѣчествомъ, еслибы попытки, подобныя попыткамъ Фридриха, удавались; еслибы нравственные интересы вполне подчинились свѣтскимъ интересамъ, направляемымъ личными убѣжденіями и расположеніями? Вышло бы зло неменьше того, какимъ дарилъ человѣчество узкіе религіозные интересы, подчинявшіе себѣ всѣ другія жизненныя проявленія.

Исторія карикатуры въ древности, соч. Шанфлера (*).

Авторъ этой книги, какъ извѣстно, одинъ изъ талантливыхъ романистовъ современной французской литературы; онъ неразъ заявлялъ свои эстетическіе взгляды и именно высказывалъ, что онъ поклонникъ реализма въ искусствѣ. Не ограничиваясь чисто-литературною дѣятельностью, онъ рѣшилъ прослѣдить идею реализма и въ пластическомъ искусствѣ, и занялся одною изъ самыхъ, такъ-сказать, крайнихъ сторонъ послѣдняго—карикатурой. Была ли карикатура у древнихъ—таковъ вопросъ, который задаетъ себѣ Шанфлеръ.

Чтобы вполне рѣшить этотъ вопросъ, нельзя ограничиваться свидѣтельствами литературы и надписей; необходимо изученіе са-

(*) *HISTOIRE DE LA CARICATURE ANTIQUE*, par *Champfleury*. Paris. 1865.

ныхъ намятниковъ живописи и скульптуры; такъ и сдѣлавъ Шанфлерн и пришелъ къ тому убѣжденію, что карикатура не была чужда древности. Авторъ полагаетъ даже, что она существовала у египтянъ и асиріянъ; но это можно принять только съ нѣкоторыми ограниченіями—если мы примемъ въ расчетъ, какое уваженіе къ лицу человѣка предписывалось религиозными идеями и нравами Востока. Что касается Греціи и Рима, то, разумѣется, въ странахъ Аристофана и Плавта карикатура могла получить широкое развитіе. Въ изложеніи авторъ умѣлъ соединить дѣльность съ интересомъ, и это дѣлаетъ его книгу явленіемъ очень пріятнымъ. Онъ обѣщаетъ современемъ издать исторію карикатуры новой.

Исторія астрономіи въ связи съ религіею, соч. Ружмона (*).

Галилей, его значеніе въ науку, жизнь и процессъ, соч. Труссара (**).

Небольшое сочиненіе Ружмона написано съ знаніемъ дѣла, но не безъ мистическаго оттѣнка въ мысли; авторъ старается показать, что постепенное развитіе астрономическихъ знаний шло рука объ руку съ религиозными понятіями народовъ. Въ первые вѣка человѣчества, во времена наивныхъ и безотчетныхъ вѣрованій, эти вѣрованія и замѣняли всякое познаніе небеснаго свода и даже возводились въ системы: отсюда и произошла астрология. Лишь у однихъ евреевъ замѣчается въ этомъ отношеніи нѣкоторое различіе между вѣрованіемъ и спокойнымъ научнымъ наблюденіемъ. Въ Греціи первыя открытія по части астрономіи принадлежатъ философамъ и были осуждены представителями народной греческой религіи. Однако, они пережили полиоизмъ и были сохранены въ средніе вѣка христіанами и магометанами. XVI вѣкъ—вѣкъ дѣйствительнаго прогресса астрономическихъ знаній; является система Коперника и Галлея. Но и она была осуждена римскою церковью. Тѣмъ не менѣе она торжествуетъ и сама становится доводомъ въ пользу или теизма, или атеизма. Наконецъ, созданная Гершелемъ звѣздная астрономія подготавливаетъ, по мнѣнію автора, примиреніе христіанскихъ вѣрованій съ выводами астрономической науки.

Небольшая книжка Труссара о Галилеѣ не заключаетъ въ себѣ ничего особенно новаго, но представляетъ очень полный и занимательный очеркъ этой знаменитой личности.

Отчетъ министру земледѣлія, торговли и общественныхъ работъ, объ изслѣдованіи устройства

(*) L'HISTOIRE DE L'ASTRONOMIE DANS SES RAPPORTS AVEC LA RELIGION, par *Fréd. de Rougemont*. Paris. 1865.

(**) GALILÉO, sa mission scientifique, sa vie et son procès, par *Troussard*. Paris. 1865.

промышленнаго образованія въ Германіи и Швейцаріи, соч. генераломъ Моренемъ (*).

Это изслѣдованіе объ устройствѣ промышленнаго образованія въ Германіи и Швейцаріи произведено Моренемъ, Пердонне и Монье по порученію французскаго министра общественныхъ работъ. Изслѣдователи выполнили возложенное на нихъ порученіе съ добросовѣстностью, безъ предвзятыхъ мыслей и національнаго пристрастія. Они отдають полную справедливость нѣмцамъ за ихъ стараніе о распространеніи первоначальнаго образованія, но въ то же время и замѣчаютъ недостатки въ этой дѣятельности нѣмцевъ. Вотъ результатъ изслѣдованія Морена, Пердонне и Монье:

Въ Германіи о первоначальномъ образованіи гораздо болѣе заботятся, чѣмъ во Франціи; оно и лучше ведется, и болѣе распространено, хотя и *не вездѣ обязательно*. Правительство, въ своихъ стремленіяхъ распространить образованіе въ народѣ, находитъ себѣ дѣятельную поддержку въ частныхъ лицахъ. Въ Пруссіи людей неграмотныхъ приходится лишь 60—70 человекъ на тысячу; для Виртемберга, Саксоніи и многихъ кантоновъ Швейцаріи эта цифра еще менѣе. Кромѣ первоначальныхъ школъ, существуютъ еще высшія школы, такъ-называемыя реальныя (Realschule), родъ второстепенныхъ промышленныхъ школъ; ихъ назначеніе въ дѣлѣ промышленнаго образованія подобно назначенію гимназій или французскихъ коллегій въ образованіи классическомъ. Въ реальныхъ школахъ молодые люди приобрѣтають довольно обширныя и разнообразныя познанія, нужныя для торговли, ремесла и промышленныхъ искусствъ. Но тѣмъ не менѣе такое образованіе есть приготовительное и для высшаго промышленнаго образованія. Въ Германіи есть нѣсколько высшихъ заведеній, изъ которыхъ выходятъ инженеры, горно-заводчики, архитекторы. Въ однихъ изъ нихъ введено болѣе практическое преподаваніе, въ другихъ преобладаетъ теорія. Вообще эти заведенія могутъ быть уподоблены извѣстнымъ французскимъ заведеніямъ — *Ecole polytechnique* и *Ecole centrale*. Подобное же заведеніе есть въ Швейцаріи; это — цюрихскій *Polytechnicum*. Тамъ преподаваніе ведется во французскомъ духѣ, въ курсъ включены: литература, политическая экономія и другія вспомогательныя науки. Польза заботъ о томъ, чтобы съ первоначальнымъ общимъ образованіемъ подвигалось впередъ и первоначальное техническое — очевидна. Чѣмъ болѣе будутъ замѣняться ручныя работы механическими, тѣмъ болѣе выиграють и духовныя интересы массы. Потому разбираемое изслѣдованіе французскихъ ученыхъ, написанное съ этимъ убѣжденіемъ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

(*) *Rapport à S. E. le Ministre de l'Agriculture, du Commerce et des Travaux Publics sur une mission relative à l'organisation de l'enseignement industriel en Allemagne et en Suisse, par le général Morén. Paris. 1865.*

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время появились въ печати слѣдующія сочиненія:

ATLAS DER KRISTALL-FORMEN des Mineralreiches, von Dr. Alb. Schrauf. (Атласъ кристалльных формъ минеральнаго царства, Алб. Шрауфа). 1864.

BEITRÄGE ZUR GESCHICHTE des deutschen Rechts, von Otto Stobbe. (Объ исторіи германскаго права, О. Штоббе). 1865.

DER DEUTSCHE REINTRE-GRAVEUR von Dr. A. Andressen. (Нѣмецкія живопись и гравированіе, А. Андресена). 1864.

ENCYCLOPÄDIE der philosophischen Wissenschaften. 3 Band. von Dr. Hein. Ritter. (Энциклопедія философскихъ наукъ, Г. Риттера). 1864.

GESCHICHTE SPANIENS, von Herm. Baumgarten. (Исторія Испаніи, Г. Баумгартена). 1865.

GÖTTE'S ELFENBALLADEN und Schiller's Ritterromane, von A. W. Grube. (Балады изъ міра эльфовъ Гёте и рыцарскіе романы Шиллера, А. В. Грубе). 1864.

DER GROSSE NORDDEUTSCHE KANAL zwischen Ostsee und Nordsee. (Большой нѣмецкій каналъ между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями). 1864.

HANDBUCH DER ZENDAVRASCHÉ. Altbaktisches Wörterbuch, von Ferd. Justi. (Руководство къ изученію зендскаго языка, Ф. Юсти). 1864.

IOHANN, Graf von Luxemburg und König von Böhmen, von Pr. Dr. Joh. Schötter. (Иоаннъ, графъ луксембургскій и король богемскій, Йог. Шёттера). 1865.

KÖNIG IOHANN von Böhmen und Bischof Nanker von Breslau, von Dr. C. Grünhagen. (Богемскій король Иоаннъ и бреславскій епископъ Нанкеръ, К. Грюнхагена). 1864.

PLATONISCHE STUDIEN, von Pr. Dr. G. Schwanitz. (Изученіе Платона, Г. Шванница.) 1864.

SCHILLER'S CALENDER vom 18 Juli 1796 bis 1806, herausgegeben von Emilie von Gleichen-Russwurm, geb. von Schiller. (Календаръ Шиллера, изданный его дочерью). 1865.

SCHWÄBISCHE FRAUEN. Lebensbilder aus den drei letzten Jahrhunderten, von J. P. Glöckler. (Швабскія женщины. Картины изъ жизни трехъ послѣднихъ вѣковъ, П. Глёлера). 1865.

ZUR SCHULVEREINFACHUNG, von Ad. Stählin. (По вопросу о преобразованіи училищъ, А. Штелина). 1865.

URKUNDEN ZUR GESCHICHTE des Römerzuges Kaiser Ludwig des Baiern, von Pr. Dr. Jul. Ficker. (Документы къ исторіи римскаго похода императора Лудвига баварскаго, Юл. Фикера). 1865.

SIEBEN BÜCHER zur Geschichte des Platonismus. 2 Theil. Verhältniss des Platonismus zum klassischen Alterthum und zum Christenthum; von Pr. Dr. Hein. Stein. (Семь книгъ къ исторіи платонизма, II часть. Отношеніе платонизма къ классической древности и христіанству, Г. Штейна). 1864.

- VELIAL, a Novel. (Велиалъ, романъ). 1865.
- A CAMPAIGNER AT HOME, by *Shirley*. (Возвратившійся ветеранъ, *Ширлей*). 1865.
- ELIEN JAH'S STORY, or private life of eastern queen, by *W. Knighton*. (Исторія Элигу-Джи, или домашняя жизнь восточной королевы, Уил. Найтона). 1865.
- FIFI, or memoirs of a canary bird, by *Mrs. Buckle*. (Фифи, или мемуары канарейки, г-жи Букле). 1865.
- THE FIVE PLANTS OF INDIA, Africa and our colonies, by *James Dickson*. (Волокнистыя растенія Индіи, Африки и нашихъ колоній, Джемса Диксона). 1865.
- FROST AND FIRE, natural engines etc., by a *Traveller*. (Морозъ и огонь, природныя машины и т. д., путешественника). 1865.
- THE HILLIARS AND THE BURTONS, a story of two families, by *H. Kingsley*. (Гейльямри и Буртоны, исторія двухъ семействъ, Г. Кингислей). 1865.
- THE HUNTING-GROUNDS of the Old World. 3 *Edit.* (Мѣста для охоты стараго свѣта. 3 *Изд.*). 1865.
- IRISH ALMANAC and Official Directory. (Ирландскій альманахъ). 1865.
- LECTURES ON PUBLIC HEALTH, by *E. D. Mather*. (Лекціи объ общественномъ здоровьѣ, Е. Д. Матера). 1865.
- LIFE IN NORMANDY. 3 *Edit.* (Жизнь въ Нормандіи. 3 *Изд.*). 1865.
- MISCELLANEOUS OBSERVATIONS on the Blood, by *John Davy*. (Разныя наблюденія надъ кровью, Джона Дэви). 1865.
- PHILOSOPHY, or Truth? by *S. C. Malan*. (Философія, или истина? С. Ч. Малана.) 1865.
- THE SENSES and the Intellect, by *Al. Bain*. (Чувства и разумъ, Ал. Бейна). 1865.
- SKIN DISEASES, by *Tilbury Fox*. (Накожныя болѣзни, Т. Фокса). 1865.
- STONES SWYING OUT ETC. (Возидущіе камни и т. д.). 1865.
- TEN YEARS IN SWEDEN, by an old *Swahman*. (Десять лѣтъ въ Швеціи, стараго жителя гѣсовъ). 1865.
- MILES BULLER, or the Little World of Onniegate, a Novel. (Мильсъ Буллеръ, или Оннигэтскій Мирокъ, романъ). 1865.
- LOCKING BACK, or Pique, Verique and Capot, by *G. A. Walstab*. (Взглядъ на прошлое, романъ Дж. Ар. Уалстеба).

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

СѢВЕРНАЯ ЛИРА.

Собрание романсовъ и пѣсенъ для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепьяно.

	к.
АВТЪ, Ф. Разлука	40
АДЕНАРЪ. Калабрійскій разбойникъ	40
БУЛАХОВЪ, П. 4 новые романса: № 1. «За окномъ въ тѣни мелькаетъ», слова Полонскаго, 60 к.; № 2. «Свѣжъ и душистъ твой роскошный»... слова Фета, 50 к.; № 3. «Сважи душою откровенной», слова Толстаго, 50 к.; № 4. «Вблизи тебя» изъ драмы Анжело	50
ВАРЛАМОВЪ, А. Е. Взволнуютъ море непогоды	40
— Я васъ любилъ	40
ВИТГЕНШТЕЙНЪ, вн. Э. Л. Не женися молодець (на 2 голоса)	40
ВИТЕЛЯРО. Возлѣ рѣчки, возлѣ моста (пѣсня, пѣтая съ большимъ успѣхомъ г-жею Платоновой)	75
ГУРИЛЕВЪ, А. Не спрашивай	40
— Право маленьки скажу	40
ДАРГОМЫЖСКІЙ. А. Романсы и пѣсни: № 1. Я затеплю свѣчу 50 к.; № 2. Любила, люблю я, вѣкъ буду любить 60 к.; № 3. Я помню глубоко 60 к.; № 4. Ночевала тучка золотая. Трио 75 к.; № 5. Одвлась туманомъ Гренада. Испанскій романсъ. 75 к.	
ДЕЛЮСТО. Иной есть міръ (на 2 голоса) 50 к.; И скучно и грустно 50 к.; Къ чему роптать 40 к.; Разочарованье 40 к.; Пѣснь пьянаго 40 к.; Молитва 50 к.; Какъ ты вротка 50 к.; Пѣснь Грека	85
ДЕССАУЕРЪ. Очарованіе	50
ДЕРФЕЛЬДТЪ. Два романса:	
№ 1. Забыта я! забыта я! }	50
» Не говори: забыта я! }	
Малютка	40
ДЮТШЪ, О. Ив. Пѣсня: Ты кольцо мое колечко, пѣтая г-жею Самойловой въ драмѣ: «Деньги». 50	50
— Пусть птичка Божія поетъ, романсъ пѣтый г-жею Самойловой въ драмѣ: «Деньги». 60	60
ЗЫБИНА, С. А. Собрание романсовъ: № 1. Молитва, слова Лермонтова 40 к.; № 2. Вечеръ мгlistый 40 к.; № 3. Quand tu chantes 60 к.; № 4. Такъ здѣсь-то суждено вамъ было 50 к.; № 5. Еще томлюсь тоской желаній	40 к.

КАСТНИОТО-СКАНДЕРВЕКЪ , В. Романсы и пѣсни: № 1. И скучно и грустно 50 к.; № 2. Гдѣ ты 40 к.; № 3. Дорриа 50 к.; № 4. Черкеская пѣсна 40 к.; № 5. Слышу ли голосъ твой 40 к.; № 6. Узникъ 50 к.; № 7. Есть тихая роща 75 к.; № 8. Зачѣмъ безвредную скузу 40 к.; № 9. Пѣснь Эсморальды 40 к.; № 10. И нѣтъ въ мирѣ очей 40 к.; № 11. Лила 50 в.; № 12. Я вась молю 50 к.; № 13. Я не могу ее забыть . . . . . 40 в.	
КОЧЕТОВЪ , Какъ ангелъ неба безматейный 50 в.; Ужъ ночь ложится на поля 50 к.; Я долго стоялъ неподвижно. Дуэтъ 50 к.; Она моя . . . . . 60 в.	
МЕНДЕЛЬСОНЪ-БАРТОЛЬДИ . Фиалка 40 в.; Свиданіе . . . . . 30 »	
МЕЦЕРСКАЯ , кн. А. М. Перстень золотой . . . . . 40 »	
— Два чувства . . . . . 50 »	
МОНЮШКО , С. Романсы и пѣсни: № 1. Утро 75 в.; № 2. Вечеръ 50 в.; № 3. Къ прелестной пташкѣ 60 к.; № 4. Пряжа 50 в.; № 5. Навѣста 50 в.; № 6. Сердце и рѣчка 50 к.; № 7. Кулушка 50 к.; № 8. Горестъ сердца 50 к.; № 9. Весна 50 к.; № 10. Вечерній звонъ . . . . . 50 в.	
ОГАРЕВЪ , Н. Романсы и пѣсни: № 1. Баюшки-баю 75 в.; № 2. Тоска по родицѣ 40 в.; № 3. Полно братцы 40 в.; № 4. Море жизни 40 к.; № 5. Даръ напрасный 50 к.; № 6. Никаморка 40 в.	
ПЕТЕРСЕНЪ , П. Что задумалась ты? Романсъ . . . . . 60 »	
Р... Пѣсня любимая. Скажите мнѣ. . . . . 40 »	
САВИНИНЪ , М. С. Весеннія воды 50 в.; Слезы . . . . . 50 »	
САМОЙЛОВЪ , В. Двѣ пѣсни изъ шутки водевиля: Цыганскій таборъ № 1. Цыганъ удалецъ 40 в.; № 2. Ахъ кути-гуляй головушка. 40 в.	
САМСОНОВА , Н. Намъ сулите что хотите (для хора) 50 в.; Не женися молодець 30 к.; Узникъ 40 в.; Не смущай мою ты душу. . . . . 40 в.	
СОКОЛОВЪ , Вл. Романсы: Все спитъ 40 в.; Встрѣча 60 »	
— Соловей . . . . . 50 »	
СТИГЕЛИ . Прелестные глаза . . . . . 40 »	
ТИВОЛЬСКІЙ , Н. На душѣ свободной 40 в.; Какъ ты вротка какъ ты послушна 40 в.; Полно спать тебѣ дѣвица . . . . . 40 »	
ШУБЕРТЪ , Ф. У моря . . . . . 50 »	

Новѣйшіе танцы и марши для фортепьяно.

Piano muet (нѣмое фортепьяно) для упражненія рукъ, новой конструкции, фабрики Плейеля въ Парижѣ. Цѣна безъ пересылки. . . . . 30 руб.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *съ музыкальными сочиненіями, идѣ и какъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять—руб. 25 проц.; на десять руб.—30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, вромѣ того, не платятъ за пересылку. Требования гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.*

А. ВИТЕНЬРЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой
Морской № 10.

**Дешевое издание полныхъ оперъ для одного фор-
тепьяно.**

(Цѣны крайнія, за пересылку же прилагается особо).

- ADAM.** Giralda (3 p. 20 к.). Le postillon de Lonjumeau (4 p.).
AUBER. L'ambassadrice (4 p.). Le cheval de bronze (4 p.). La
Circassienne (4 p.). Le domino noir (3 p. 20 к.). Fra-Diavolo
(2 p. 15 к.). Fenella (2 p. 15 к.). Le maçon (2 p. 15 к.).
BEETHOVEN. Fidelio (2 p.). Collection complète des mélodies
pour piano seul (2 p. 80 к.).
BELLINI. Beatrice di Tenda (2 p. 60 к.). I Montecchi ed i Ca-
pulletti (2 p. 60 к.). Norma (2 p. 60 к.). Il Pirato (2 p. 60 к.).
I Puritani (2 p.). La Sonnambula (2 p. 60 к.). La Straniera
(2 p. 60 к.).
BOIELDIEU. La dame blanche (2 p. 15 к.). Jean de Paris (1 p. 70 к.).
CHERUBINI. Les deux journées (Водовозъ) (2 p. 15 к.).
CIMAROSA. Il matrimonio segreto (3 p.).
DAVID. Lalla Roukh (4 p.).
DONIZETTI. Anna Bolena (3 p. 45 к.). Elisire d'amore (2 p. 60 к.).
La favorite (4 p.). Lucia di Lammermoor (2 p. 60 к.).
FLOTOW. Martha (4 p.). Stradella (4 p.).
GOUNOD. Faust (4 p.). Philemon et Baucis (4 p.). La reine de
Saba (4 p.).
HALEVY. La Juive (4 p. 60 к.). Les mousquetaires de la Reine
(3 p. 20 к.). Le val d'Andorre (3 p. 20 к.).
HAYDN. La création (2 p.).
HEROLD. Zampa (2 p. 15 к.).
MERCADANTE. Il Giuramenta (2 p.). La Vestale (2 p. 80 к.).
MEYERBEER. L'étoile du nord (4 p.). Le Pardon de Ploërmel
(4 p.). Le Prophète (4 p.). Robert le diable (4 p. 80 к.).
Les Huguenots (4 p. 80 к.). L'Africaine (4 p. 80 к.).
MOZART. Così fan tutte (2 p. 15 к.). Don-Juan (2 p. 30 к.).
L'enlèvement du sérail (1 p. 45 к.). Figaro (2 p. 15 к.). La
Jardinière (2 p. 60 к.). Idomeneo (2 p.). Titus (1 p. 30 к.).
La flûte magique (1 p. 70 к.). — Всѣ семь оперъ вмѣстѣ въ
одной книгѣ, съ портретомъ Моцарта, и красивымъ заглав-
нымъ листомъ (10 p.).
ROSSINI. Le barbier de Séville (1 p. 70 к.). Cenerentola (2 p. 60 к.).
Le Comte Ory (4 p.). La donna del lago (2 p. 15 к.). La
Cazza ladra (2 p. 60 к.). Guillaume Tell (4 p. 80 к.). Moïse
(2 p. 15 к.). Otello (2 p. 15 к.). Semiramis (2 p.). Le siège
de Corinthe (2 p. 60 к.). Tancred (2 p. 15 к.).

VÉRDI. Un ballo in maschera (4 p.). Aroldo (4 p.). Ernani (2 p. 60 к.).
Lombardi (2 p. 60 к.). Luisa Miller (4 p.). Macbeth (4 p.).
Rigoletto (4 p.). Simon Boccanegra (4 p.). La Traviata (4 p.).
Il Trovatore (4 p.). Vêpres Siciliennes (6 p.).
WEBER. Der Freischutz (2 p.). Oberon (2 p.).

**Дешевое изданіе полныхъ оперъ для фортепьяно
въ четыре руки.**

(Цѣны крайнія, за пересылку прилагается особо).

AUBER. Fenella (La muette de Portici) (4 p. 75 к.). Le maçon
(4 p. 30 к.).
BELLINI. Norma (3 p. 85 к.). La Sonnambula (3 p. 85 к.).
BOIELDIEU. La dame blanche (4 p. 30 к.).
DONIZETTI. Lucia di Lammermoor (3 p. 85 к.).
GOUNOD. Faust (6 p.).
HEROLD Zampa (3 p. 45 к.).
MOZART. Così fan tutte (4 p. 75 к.). Don Juan (4 p. 75 к.).
L'enlèvement du serail (3 p. 85 к.). Figaro (4 p. 30 к.).
Titus (3 p. 85 к.). La flûte magique (3 p. 85 к.).
ROSSINI. Le barbier de Séville (4 p. 30 к.).
VERDI. Ernani (4 p. 30 к.).

Разныя сочиненія.

(Цѣны крайнія, за пересылку прилагается особо).

ШУБЕРТЬ. 40 любимѣйшихъ мелодій, переложенныхъ для фор-
тепьяно А. Дюбукомъ (3 p., съ пересылкою 3 p. 75 к.).
МЕНДЕЛЬСОНЪ-БАРТОЛЬДИ. Полное собраніе его сочиненій для
фортепьяно. Новое красивое изданіе въ 4 томахъ (подписная
цѣна 10 p., съ пересылкою 13 p.).

Цѣны вышеозначеннымъ операмъ крайнія, и за пересылку
оныхъ прилагается особо. Выписывающіе оперъ на сумму не ме-
нѣе пятнадцати руб. сер., за пересылку ничего не прилагаютъ.—
За сочиненія же Шуберта, Мендельсона, Бетговена и Шопена слѣ-
дуетъ за пересылку прилагать особо.— Изъ магазина М. Бер-
нарда можно выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ бы
они не были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го іюля седьмая тетрадь музы-
кальнаго журнала «Нувелистъ» (годъ XXVI), содержащая въ
себѣ новѣйшія сочиненія *Ричардса, Смита, Шлессера, Фохта,*
Вахтмана и др., всего 10 пьесъ, 1 русскій романсъ и литера-
турное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (годовая цѣна
подписки 10 p., съ пересылкою 11 p. 50 к.). Желающіе подпи-
саться на «Нувелистъ», получаютъ сполна всѣ тетради, вышед-
шія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *ролли, роляно, скрипки,*
смычки, флейты, итары, гармонифлейты, метрономы, и проч.
по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Дено лучшихъ итальянскихъ струнъ.

5

ПОДПИСКА НА «ОТЕЧ. ЗАПИСКИ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Новымъ подписчикамъ 1865 г. выдаются двѣ первыя части романа В. В. Крестовскаго «Петербургскія трущобы».

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ въ 1865 году

выходять два раза въ мѣсяцъ (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ до 15-ти печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

состоящее изъ двадцати-четырехъ книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

**ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:**

Для иногороднихъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ П. В. Базунова, на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, № 38-й, продаются:

изданныя редакціею «Отечественныхъ Записокъ» книги:

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ФИЛИППА ВТОРАГО, короля испанскаго. Соч. Вильяма Прескотта. 2 тома. Ц. 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ. Соч. Отисена Тьюри. 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Соч. Гизѣ. 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

Редакторы-издатели: А. Краевскій и С. Дубининъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1865

І Ю Л Ъ

КНИЖКА ВТОРАЯ

№ 1.

	СТР.
I. Разсказъ дворянки. Очеркъ. С. Зинаровой.....	175
II. Наша сельская жизнь. Забѣтки литератора-обывателя. Главы X—XV.....	246
III. Нашъ взаимный другъ. Романъ Чарльза Диккенса. Книга третья. Главы VII—VIII.....	282
IV. Мысли Джона-Стюарта Милля о позитивной философіи Огюста Конта. II. II—ва.....	304
V. Передъ грозой. Романъ изъ американской жизни и нравовъ. Главы VIII—XII.....	320
<hr/>	
VI. Политическая хроника. Венгрія и Австрія. — Финансовыя дѣла австрійской имперіи. — Преобразование судебной части по военному и морскому вѣдомствамъ въ Россіи.....	75
VII. Обзоръ спеціальныхъ журналовъ. О церковномъ законодательствѣ. — Произведенія Закавказья для вывозной торговли. — Принадлежатъ ли великороссы къ арійскому племени? — О полярной экспедиціи	91
VIII. Интересы литературы и науки на западѣ. Бельгійскія пещеры. — Робенгаузенскія свайныя постройки. — Калифорнскія велингтоніи и теорія естественнаго выбора г. Дарвина. — Mesosaurus Tenuidens. — Обь измѣненіи дѣнъ, г. Девонса. — Изслѣдованіе законовъ природы, опредѣляющихъ цѣлесообразную мѣстность различныхъ отраслей промышленности, Вильгельма Рошера, и проч.....	104
IX. Литературная лѣтопись. Русская литература.....	116
X. Новыя иностранныя книги.....	130
XI. Курьезы.....	133

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Кравскаго (Литейная, № 38).

РАЗСКАЗЪ ДВОРЯНИН.

ОЧЕРКЪ.

Благодаря моему прилежанію, но никакъ не блистательнымъ способностямъ, я, какъ говорится, окончилъ курсъ наукъ; къ общей семейной радости, получилъ очень хорошую должность въ провинціи, и послѣ недолгихъ сборовъ, отправился къ мѣсту моего назначенія.

Послѣ удобствъ желѣзной дороги, пришлось мнѣ испытывать пріятности ухабовъ, почтовыхъ станцій, задержекъ, не говоря уже о томъ, какъ страдала моя физіономія и вся моя жиденькая фигура, непривычная къ холоду и дорожнымъ толчкамъ. Были минуты, въ которыя мнѣ казалось, что меня непременно мертваго привезутъ въ С. Такъ томился я сутки; наступили и другія, а вмѣстѣ съ ними такая мятежь и вьюга, которой мнѣ никогда не приходилось видѣть въ чистомъ полѣ. Съ визгомъ поднимались снѣжные столбы, скрывая отъ глазъ извозчика утомленную тройку, которая фыркая едва шлепалась.

Колокольчикъ звучалъ какъ-то глухо, и мы сами едва могли его слышать; сани, занесенныя снѣгомъ, какъ сугробъ, медленно двигались, то проваливаясь въ яму, то раскатываясь и грозя опрокинуться. Минуты казались часами, наконецъ лошади стали. Извозчикъ крикнулъ, взмахнулъ кнутомъ — онѣ не трогались съ мѣста. Всѣ мокрыя, опустивъ головы, онѣ тяжело дышали, паръ валитъ отъ нихъ клубомъ.

— Вотъ тебѣ и знай! сказалъ извозчикъ, слѣвая и поклонивая рукавицами, поглядывая кругомъ.

— Чтѣ случилось? спросилъ я, поднимаясь съ подушки, которая, намерзнувъ, торчала, какъ копь.

— Сбились... отвѣчалъ онъ, показывая кругомъ саней: — и слѣда нѣтъ, и ветелки пропали...

Т. СЛХІ. — Отд. I.

12

— Какъ сбились? Не можетъ быть; дорога прямая, съ чего тутъ сбиться...

— Вѣстимо, съ чего сбились, зги божьей не видать! Лошадей всѣхъ порѣзали; вишь, того и гляди издохнуть... Куда теперь на нихъ поѣдешь?

— Что ты тутъ рассказываешь! вскричалъ я, выскакивая изъ саней: — не стоять же намъ среди поля... Садись, поѣзжай!

— Да куда, ваше благородіе, ѣхать-то?... Вы сами извольте посмотрѣть, все какъ есть едино, бѣлая стѣна!

Къ стыду долженъ признаться, что отвѣтъ его подѣйствовалъ на меня раздражительно. Я началъ браниться, кричать... Извозчикъ, парень лѣтъ семнадцать, совсѣмъ оторопѣлъ.

— Да вы, баринъ, чего же гнѣваетесь? говорилъ онъ увѣщательно:—мнѣ самому жизнь-то мила; кому умирать хочется!... Да и за лошадей, поди-ко, что отъ хозяина достанется... Стоять-то тутъ—чего стоять... Маленько пушай отдохнуть... Вы за ними, ваше благородіе, посмотрите, а я пойду, повью дороги.

Я остался одинъ. Въ нетерпѣніи и тоскѣ шагаль я подлѣ саней, всматриваясь въ пространство, и ничего не видя. Наконецъ я сталъ громко кричать; сперва мнѣ показалось, что какъ будто мнѣ откликнулись, потомъ за вѣтромъ ничего не было слышно. Холодъ пронизывалъ меня насквозь, а не зналъ что дѣлать. Мысли одна одной нелѣпѣе лѣзли мнѣ въ голову. Мнѣ казалось, что извозчикъ обманулъ меня, нарочно ушелъ, и теперь гдѣ нибудь преспокойно сидитъ и отогрѣвается, а я вотъ тутъ такъ и останусь, и пропаду ни за что!

Прошелъ мучительный часъ, а онъ все не шелъ. Я то садился, то опять вставалъ; лошади то опускали головы, то приподнявъ ихъ вострили уши... Я съ надеждой слѣдилъ за ними въ ту сторону, въ которую онѣ, казалось, вслушивались; наконецъ, схвативъ колокольчикъ, я началъ ожесточенно звенѣть.

— Спасибо, баринъ, догадались позвонить-то, раздался подлѣ меня голосъ моего извозчика, точно выросшаго изъ земли:—а то бы, пожалуй, еще цѣлый часъ проходилъ... Чай, ваше благородіе думалъ, я пропасть?

— Нашелъ, что ли, дорогу? сказалъ я, внутренне ужасно ему обрадовавшись, но по какому-то глупому, необъяснимому чувству, не желая это высказать.

— Проходилъ-то долго, а толку-то мало... Идешь, а она тѣ такъ и крутить, такъ и крутить... Кажись, какъ будто попали

мы на просѣлокъ, больно ужъ что-то сугробисто. По сторонамъ-то, можетъ, и жилье какое занесено... Поѣдемъ, баринъ, авось богъ-дастъ родительскими молитвами и выберемся куда нибудь... Ну вы, съ Богомъ! звонко крикнулъ онъ и ловко вскочилъ на облучокъ.

Мнѣ казалось необходимымъ поддерживать энергію извозчика, и потому я безъ умолка говорилъ, боясь что едва мы замолчимъ, какъ опять пропадемъ. Иванъ—такъ звали парня—посвистывая и покрикивая, гналъ тройку впередъ, на-авось. Такъ проѣхали мы еще съ часъ, и на дворѣ уже почти совсѣмъ стемнѣло. Я невольно опять замолчалъ, все во мнѣ опять начало какъ-то болѣзненно сжиматься. Лежать я не могъ, а безнадежно метался изъ стороны въ сторону, усиливаясь разсмотрѣть окружающее, отчего глаза мои страшно ломло.

— Что, баринъ, никакъ противъ Бога не пойдешь, сказалъ Иванъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы:—моченьки моей нѣтъ, всего разломилъ, хоть ложись да умирай!

Я молчалъ. Измученный, разбитый, не видя этому конца, я какъ-то онемѣлъ.

— Что же, баринъ, молчишь-то? приставалъ онъ во мнѣ:—ты чего нибудь бы сказалъ, а?... аль замерзъ?

Вдругъ съ сильнымъ порывомъ вѣтра, явственно послышался звукъ колокола, точно какъ будто-бы онъ былъ въ десяти шагахъ отъ насъ.

— Иванъ! вскричалъ я, вздрогнувъ и хватая его за руку:— слышалъ? или ужъ это мнѣ такъ показалось, отъ усталости, можетъ быть... Слышишь и теперь, только далеко, точно колоколь. Мы остановились и стали прислушиваться. Матерь поднялась еще сильнѣе, морозъ къ ночи окрѣпъ, вѣтеръ рѣзалъ какъ ножомъ. Простоявъ съ четверть часа въ напрасномъ ожиданіи долетѣвшаго звука, мы печально тронулись съ мѣста, разбивая снѣговую стѣну, которая становилась намъ въ упоръ.

Потерявъ всякую надежду попасть куда нибудь на ночлегъ, усталые, замерзшіе, мы, не сказавъ другъ другу ни слова, отдались на произволъ судьбы.

О чемъ я думалъ, что я чувствовалъ—сказать этого не съумѣю; знаю только, что мнѣ было ужасно грустно; дыханіе мое стѣснилось. Тѣлу было неловко; ноги отяжелѣли, руки окоченѣли; голова валялась съ подушки и я не могъ ее поднять, такъ же какъ и открыть глаза, несмотря на всѣ свои усилія. Мнѣ хотѣлось го-

ворить, закричать, но языкъ не поворачивался. Я зналъ, что нахожусь въ опасномъ положеніи, что мнѣ нужно движеніе, что меня клонитъ смертній сонъ. Вдругъ опять ударъ колокола почти надъ самой головой, заставилъ меня подняться, и въ ту же минуту лошади остановились. Онѣ уперлись въ стѣну маленькаго домика, почти совсѣмъ занесеннаго снѣгомъ.

— Баринъ, вскричалъ радостно извозчикъ:—скажи: слава тебѣ Господи, куда-то пріѣхали! Вылѣзай скорѣй, ноги разомни, да руками-то постучи хорошенько въ стѣну, онѣ у тебя и разойдутся...

Онъ помогъ мнѣ вылѣзть; я едва держался на ногахъ, голова кружилась; шатаюсь, спотыкаясь въ сугробахъ, мы добрались до стѣны, и стали въ нее стучать.

— Кричи, баринъ, громче, говорилъ извозчикъ, совершенно оживясь и работая изъ всѣхъ силъ руками.

Движеніе и ожиданіе стали тоже меня согрѣвать. Пробившись такъ минутъ съ десять, мы начинали терять терпѣніе.

— Пустое, что-ли, жилье-то, али всѣ послули, заговорилъ опять Иванъ. — Колода тутъ, баринъ, а я обойду, посмотрю, нѣтъ-ли снѣговъ, либо окошка какого.

Рѣшившись во что бы то ни было дозваться когонибудь, мы неумоимо стучали. Одна мысль, что опять придется сѣсть и ѣхать, придавала мнѣ силы за двоихъ.

Наконецъ въ совершенно почти занесенномъ маленькомъ окошкѣ, котораго мы и не замѣтили, показался огонекъ и исчезъ; черезъ нѣсколько минутъ съ скрипомъ полуотворилась перевернутая дверь, и въ ней послышался заспанный женскій голосъ.

— Кто тутъ?... Кого вамъ надо?... Ишь растучались, нелегкая васъ въ этакую погоду принесла.

— Пусти, тѣтушка, кричалъ Иванъ: — съ дороги сбились; смерть, обмерзли.

— Мало васъ тутъ шатается, всякаго съ большой дороги пускать! Какой добрый человекъ теперь носъ сунеть! Вѣстимо воры, либо мошенники какіе... Пошли дальше. Захлопнувъ дверь, она ушла и погасла огонь.

Неудача эта страшно насъ раздосадовала, тѣмъ болѣе намъ не хотѣлось отстать.

— Ишь, старая вѣдьма, сказалъ извозчикъ: — ты у меня не заснешь теперь, буду стучать до бѣла-свѣта, все равно — идти некуда.

И онъ изъ всѣхъ силъ стучалъ въ дверь, которая едва держалась на петляхъ.

Жильцы, испуганные нашимъ стукомъ, опять поднялись. Опять показался огонь, и опять слышались шаги; только на этотъ разъ слышно было, что шелъ не одинъ, а два человѣка.

— Бога вы не боитесь, закричалъ тотъ же голосъ, не отворяя двери: — чего вы ломитесь? Сказано: идите дальше.

— Ты-то чего боишься? кричалъ ей Иванъ:—отвори, тебѣ говорить, пусть ночь переночевать, не воры — проѣзжіе, съ дороги сбились.

— Здѣсь не постоялый дворъ, отвѣчалъ тотъ же голосъ:—пошли на деревню.

— Да гдѣ у васъ деревня-то, Богъ васъ знаетъ!... Нехристи вы, что ли, какіе, что людей у себя на порогѣ морозите? Сама, чай, бабка, въ гробъ глядишь, пусть Христа-ради.

За дверью слышались глухіе переговоры.

— Да что за люди-то? Ипустишь-то, богъ-знаетъ кого. Вѣдь въ домѣ живеть не простая казая, а дворянка, сказалъ одинъ голосъ, обращаясь къ намъ.

— Можеть, и мерзветъ-то не холопская душа, а дворянская, безчестья не будетъ пустить, провзнесъ другой.— Ну, бабушка, поворачивайся.

— Погодите маленько, отвѣчалъ первый голосъ: — пойду барынь скажу.

Прошло еще нѣсколько минутъ; наконецъ дверь отворилась, и на порогѣ показалась фигура, съ головой покрытая овчиннымъ тулупомъ; въ рукѣ она держала фонарь, и приподнявъ его, подозрительно оглядывала насъ.

— Пожалуйте, сказала она, пристально взглянувъ на мое лицо.

Согнувшись пополамъ, влѣзъ я въ маленькую дверь, прошелъ за ней по снѣгамъ, устланнымъ старымъ бревенчатымъ поломъ, и вошелъ въ прихожую, гдѣ, со свѣчою въ рукахъ, встрѣтила меня женщина, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Это была хозяйка.

— Извините, пожалуйста, сказалъ я:—мы васъ потревожили...

Хозяйка свѣтила мнѣ прямо въ лицо, и оглядывала съ ногъ до головы.

— Пора-то поздняя такая, сказала она.— Одежу съ себя, батюшка, снимите, вся замерзла... Повѣсите ее тутъ, она обсохнетъ.

Я снялъ съ себя шубу. Съ шарфа и шапки текла вода, отъ сапогъ стояли лужи на полу.

— Пожалуйте сюда, говорила она, вводя меня въ маленькую пріемную.

Въ это время, въ сѣняхъ послышался сильный споръ моего извозчика, все съ той же женщиной, которая такъ долго не хотѣла пускать насъ въ домъ.

— Ваше благородіе, говорилъ Иванъ, отворяя дверь въ прихожую: — что прикажете мнѣ дѣлать? Баба меня на дворъ не пускаетъ, куда же мнѣ теперь съ лошадьми-то дѣваться?

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я, обратившись къ хозяйкѣ: — позвольте ему переночевать у васъ и лошадей тоже поставитъ.

— Да какъ же, батюшка? отвѣчала она:—вѣдь тройна... Мѣсто, положимъ, имъ найдется, да...

— Да что вы за кормъ, что ли, боитесь? заговорилъ опять Иванъ.—Небось, кормить даромъ не станемъ. Баринъ заплатитъ.

Рѣшительно не ожидавши такого оборота дѣла, я однако былъ очень радъ, что извозчикъ велъ за меня переговоры, и съ своей стороны поддержалъ его.

— Пожалуйста, сударыня, обратился я снова къ хозяйкѣ:—не беспокойтесь, я очень хорошо понимаю... Будьте увѣрены, что я съ благодарностью...

Я не зналъ, какъ кончить. Хозяйка вѣроятно поняла мою мысль, потому что помолчавъ немного, и все еще какъ-то нерѣшительно поглядывая на свою работницу, наконецъ сказала:

— Ну, чего же ты стоишь, Матрена? пустить надоть; куда же имъ взаправду теперь ѣхать? ни въ одномъ дворѣ не дотолкаешься. Зажги фонарь, лошадей подъ навѣсъ, корму дай. Да осторожнѣе съ огнемъ-то... Вѣдь эти извозчики, не приведи Богъ, озорники такіе!

— Небось, барыня, не сожгу, отвѣчалъ Иванъ, окончательно повеселѣвшій.

— Позвольте, сударыня, сказалъ я: — принести въ прихожую мои вещи, погребець мой...

— Что же, батюшка, прикажите.

— Да вамъ бы, баринъ, теперь чайку напиться, замѣтилъ Иванъ, который, понявъ, что имѣеть дѣло съ новичкомъ, новидному, взялся быть моимъ менторомъ.

— Вѣдь я барыня-то чуть живаго до васъ доведу, продолжалъ онъ: — поди, въ немъ и теперь вся внутренняя дрожать, такъ извѣстное дѣло, ему нужно обогрѣться.

— Ну, ужь безъ тебя знаютъ, сказала хозяйка, которой очень не нравилось вмѣшательство извозчика.— Пошелъ, тамъ въ избѣ на нечѣй толкуй, а въ горницахъ болтать-то нечего. И пустишь этотъ народъ, такъ не обрадуешься... Самоваръ-то вамъ поставить прикажете? спросила она меня.

— Да я бы съ удовольствіемъ чайку выпилъ. Только вы пожалуйста не беспокойтесь; со мной все есть дорожное... Мнѣ только одинъ самоваръ. Иванъ, принеси-ка сюда мой чемоданъ да погребецъ.

Почувствовать наконецъ себя защищеннымъ отъ ятели, я вдохнулъ свободно. Хозяйка моя пошла хлопотать о самоварѣ, а я оставшись одинъ, и снявъ съ себя дорожную сумку, которая хотя была и не очень-то тяжела, все-таки порядочно оттанула мнѣ плечо, сталъ разсматривать комнату, въ которую забросила меня непогода.

Она была очень небольшая, но довольно чистенькая: диванъ, подлѣ него четыре кресла, круглый столъ, покрытый зеленымъ бумажнымъ платкомъ съ розовымъ узоромъ; въ углу кіотъ съ образами; тамъ же и пожелтѣвшія вѣнчалныя свѣчи, перевязанныя лентами и цвѣтами. Кривое зеркало, украшенное кисейнымъ полотенцемъ, обшитымъ кружевомъ, составляло не главную роскошь комнаты; первое что бросалось въ глаза, были два портрета въ золотыхъ полинялыхъ рамахъ: мужской, въ старинномъ флотскомъ мундирѣ, и зрительной трубою въ рукахъ, и женскій— съ верховымъ лифчикомъ, и прическою десятыхъ годовъ. Комнату раздѣляла перегородка съ дверью, куда я заглянуть не посмѣлъ.

Обойдя нѣсколько разъ это пятишаговое пространство, я съ наслажденіемъ закурилъ папирску. Въ эту минуту она была для меня пріятнѣе лучшей гаванской сигары, точно такъ же, какъ жесткій диванъ казался мнѣ спокойнѣе мягчайшей петербургской мебели, а бунующій самоваръ, милѣе всего на свѣтѣ.

Хозяйка поставила на столъ поднось, Матрена взвалила на него разъяреннаго звѣря, а Иванъ въ одной ситцевой рубашкѣ, съ распростирывшимся лицомъ, сіяющими глазами и лукавой улыбкой, несъ за свободу мой погребецъ. Вглянувъ на него, вспомнивъ всѣ наши недавнія невзгоды, я вынулъ цѣлковый, и отдавая ему сказалъ: — поди, Иванъ, и ты погрѣйся.

Матрена, подпершись рукою, съ любопытствомъ слѣдила за всѣми моими движеніями. Хозяйка покачала головою и сказала:

— Вадуете ихъ, батюшка. На добро, что-ли, ваши деньги пойдутъ? Народъ сталъ такой непутный; гроша не стоятъ!

Извозникъ въ смущеніи вертѣлъ деньги въ рукахъ. Наконецъ, сказавъ: — благодаримъ поворно, пошелъ въ прихожую; за нимъ, тяжело стучая сапогами, отправилась Матрена.

Мы остались одни. Хозяйка молча сѣла въ кресла и внимательно глядѣла, какъ я рылся въ погребѣ, вынимая оттуда свои запасы.

— Погода-то васъ давно захватила? спросила она, когда я, разобравшись, налилъ чайникъ и поставилъ его на самоваръ.

— Да съ утра еще, какъ выѣхали со станціи. Сперва пошла небольшая, а тамъ ужъ и богъ-знаетъ что! Не попада ми сюда, вѣрно бы замерзли, да лошади ужъ сами слѣдъ нашии.

— А далеко изволите ѣхать?

— Изъ Петербурга.

— Куда же, въ помѣстье?

— Нѣтъ; на службу.

— На службу... Куда же, въ губернію?

— Да, въ С.

— А имя ваше и отчество?

— Сергѣй Владиміровичъ.

— Сергѣй Владиміровичъ... А по фамили какъ?

— Валерьевъ.

— Что же, мѣсто, что ли, какое получили въ С-то?

— Да, должность.

— Что же, жалованье хорошее?

— Да. Тысячи полторы...

— Видите...

Я предложилъ хозяйкѣ чаю, она съ удовольствіемъ согласилась и пошла за чашкой. Я все еще не зналъ, кто она, и потому, когда она возвратилась, спросилъ ее въ свою очередь:

— Позвольте же и мнѣ узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— То-есть, вы хотите знать, кто я-то? Помѣщица, батюшка, Агафья Тихоновна Калининна. Живу вотъ адѣсь съ дочкой. Мулато давно склонила, одна и мамосъ.

Я налилъ себѣ стаканъ, и предоставивъ ей распорядиться, внимательно разглядывалъ ее.

Агафья Тихоновна была еще крѣпкая старуха, и въ молодости, должно быть, ведурна. Густые волосы съ прясѣдью, залетонные

въ восу, лежали почти на маковѣ въ видѣ еловой шишки, черные живые глаза не ладили съ плачевнымъ голосомъ. Темная ситцевая блуза облегала всю ея полную фигуру, слегка согнутую, кажется больше отъ привычки, нежели отъ старости. Она съ наслажденіемъ выпивала чашку за чашкой, предоставивъ мнѣ полную свободу наблюдать за ней.

— Что же это вы, батюшка, сами-то не кушаете? сказала она:— я себѣ пью, да пью.

— Сдѣлайте одолженіе, кушайте, я больше не буду.

— То-то люди съ достаткомъ, сказала она, взявшись опять за чайникъ.— А мы—грѣшный народъ, какъ уж самоваръ-то согрѣешь, такъ его весь и выпьешь, пустой и снесешь. Ей-богу, право, прибавила она, засмѣявшись добродушно.

Чай подѣйствовалъ на нее благотворно. Сонливость ея прошла; она сдѣлалась ко мнѣ внимательнѣе, то-есть еще любопытнѣе. Разспросамъ ея не было конца: и кто мои родители, и какою у меня чинъ, и велико-ли мое состояніе. Отвѣчая по возможности на всѣ ея вопросы и желая поскорѣе отъ нихъ избавиться, я спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, Агафья Тихоновна, куда это я заѣхалъ, и далеко ли теперь до города?

— Да губернія-то отъ насъ будетъ верстъ семьдесятъ.

— Вотъ какъ! Да теперь-то я гдѣ? Въ селѣ, что ли, и въ какомъ?

— Какъ же, въ селѣ; Заравово прозывается. Дворяней много бѣдныхъ живутъ, а богатыхъ помѣщиковъ только одинъ; да они здѣсь зимой никогда не бываютъ.

— Гдѣ же они, въ Москвѣ, или въ губернскомъ городѣ?

— А Богъ ихъ знаетъ! говорятъ, у васъ тамъ въ Петербургѣ, у замужней дочери.

— Кто такіе?

— Башаловы, Андрей Николаичъ и Катерина Федоровна.

— Не слыхалъ.

— Они у насъ извѣстны, батюшка.

— Что же, богаты, что-ли, очень?

— Ну, богаты-небогаты, чтобы сказать очень-то ужъ, а богатѣе умѣютъ.

— А вы, Агафья Тихоновна, давно въ этомъ селѣ живете?

— Давно, батюшка. Мужа своего здѣсь похеронила, дѣтей что на погостѣ положила, вотъ теперь съ дѣвчоночкой послѣд-

ней и живу. Ужь и жизнь-то, бабушка, какаа... Какаа въ ней сладость? Нужды, заботы, грѣхи только одни. Всего-то и нѣтъ десять десятинъ, да усадьбишка, и живи какъ хочешь. Благодарителей такихъ нѣтъ, какъ другимъ Богъ посылаетъ, чтобы въ бѣдности помогли. Известно, Сергѣй Владиміръчъ, дѣло женское; всего не доглядишь, и безъ того-то день-деньской, туда, сюда, а оно и не подь силы, и спину-то всю разломить, и ногами-то хоть не тронись.

Не знаю, на сколько хворала Агафья Тихоновна, но я по крайней мѣрѣ чувствовалъ себя что-то нехорошо.

Всѣда наша продолжалась слишкомъ долго. Самоваръ погасъ, свѣча почти совсѣмъ догорѣла. Агафья Тихоновна, положивъ руки на колѣна и склонивъ голову на бокъ, часто зѣвала и крестила ротъ. Меня пробирала дрожь, а голова горѣла. Я сильно боялся заболѣть, и только думалъ о томъ, какъ бы мнѣ скорѣе лечь и заснуть, а завтра пораньше выбраться.

Убравъ свое добро, я прижался въ уголь дивана, и закрывъ глаза, едва говорилъ. Минутами я совсѣмъ засыпалъ.

Агафья Тихоновна тоже, кажется, утомилась, потому что случались промежутки совершеннаго молчанія.

Наконецъ, охая и съ трудомъ поднимаясь съ кресла, она сказала:

— Вамъ постельку не прикажете-ли приготовить? Устали, отдохнуть небось хотите? Поздно; теперь того гляди нѣтухи вьюры запоютъ.

— Пожалуйста, сказалъ я, тоже вставая и придерживаясь за столъ, потому что у меня все вертѣлось въ глазахъ.

Долго еще Агафья Тихоновна, несмотря на всѣ мои просьбы, ходила съ Матреной, тоская перину и подушки, и убирала кругомъ. Наконецъ мы распростились до утра, и я, не помня себя, бросился на диванъ и заснулъ какъ убитый.

Я не пресыпался во всю ночь, и въ состояніи былъ бы пролежать весь день, еслибы меня не разбудилъ шорохъ и осторожные шаги. Открывъ глаза, я увидалъ Агафью Тихоновну совсѣмъ въ парадѣ, крадучись пробравшуюся изъ-за перегородки въ прихожую. Замѣти, что я гляжу на нее во всѣ глаза, она поздоровалась со мной, и спросила, какъ я провелъ ночь.

— Благодарю васъ, прекрасно; кажется, даже и пресыпалъ; пора ужъ и ѣхать.

— Охъ, бабушка мой, сказала она, всплеснувъ руками и покачивая головой:—да какъ вы поѣдете-те? Вѣдь на дворѣ-то свѣто-

преставленье! Ужь такая-то несеть, такая несеть! Я пятый десятокъ на свѣтѣ живу, такой страсти не видала! Малый-то вапъ и то думалъ запрагать, да гдѣ!... Въ двухъ шагахъ не видать чтѣ дѣлается! Прогнѣвали мы Господа Бога!

— Да какъ же такъ, мнѣ нужно ѣхать? Мнѣ вѣдь на дорогѣ жить нельзя.

— Не знаю, батюшка мой. А ѣхать, жизнь значить свою терять.

— Какую тутъ жизнь терять? чтѣ ужъ это вы такъ, Агафья Тихоновна, напугались. Да и извощикъ вѣрно со вчерашняго дня не опомнится. Вотъ, погодите, я пойду самъ; все увижу.

— Поглядите, поглядите, коли намъ не вѣрите. Извольте вставать.

Я наскоро одѣлся и вышелъ въ сѣни. Отворивъ дверь во дворъ, и высунувшись посмотрѣть чтѣ дѣлается, я едва удержался, потому что вѣтеръ совсѣмъ было-сблъгъ меня съ ногъ. Вымоченный мелкими снѣжными брызгами, я воротился назадъ и позвалъ къ себѣ на совѣтъ Ивана, который не менѣе моего горевалъ о невозможности ѣхать.

— Какъ же намъ быть? А вѣдь ѣхать-то надо?

— Вѣстимо надо, отвѣчалъ онъ:—да какъ поѣдемъ-то? Я ранехонько всталъ, пошелъ лошадей напоить; и лошадей-то едва нашель. Сунулся-было къ воротамъ, а ихъ и отворить нельзя, все замело, и отчищать-то ихъ теперь, простоишь цѣлыхъ полдня.

— Ну, такъ какъ же ты думаешь?

— Да по мнѣ, какъ вашей милости угодно.

— Да мнѣ чтѣ, братецъ, какъ угодно? ты долженъ лучше моего знать, можно ѣхать или нѣтъ. Можно, такъ запрягай. Я—человѣкъ должностной, меня служба ждетъ, мнѣ нельзя сидѣть, переждать погоды.

— Выѣхать-то можно, да проплутаешь опять цѣлый день. И опять же теперь лошади еще не отдохнули; поди съ ними, вовсе корма почти не ѣдятъ, больно вчера замаялись. Я давеча къ нимъ пришелъ, а коренникъ лежитъ, и сѣно-то почтай не тронутое; теперь ихъ въ недѣлю не поправишь.

— Ну, нельзя—такъ и нельзя, ты и говори прямо, а попустому слова терять нечего; подождемъ до вечера, на ночь поѣдемъ, коли вогода уймется; ужъ лучше ночь ѣхать, чѣмъ опять въ полѣ мерзнуть.

— Да оно такъ-то такъ... А теперь поди-гось, хозяинъ лошадей-то ждетъ, ужъ и задасть же мнѣ.

— Вздоръ мелешь, это ужь мое дѣло. Ступай себѣ, уймется погода—йдемъ, не уймется—опять здѣсь погуляемъ. Похлопочи-на лучше мнѣ у ховайки объ самоварѣ.

Посмотрѣвъ еще разъ въ окно и убѣдившись, что дѣйствительно ѣхать нельзя, я рѣшился ждать до послѣ-обѣда. Какъ ни досадны были мнѣ эти проволочки, но я былъ радъ отдохнуть хотя еще нѣсколько часовъ. Я былъ совершенно разбитъ, и съ удовольствіемъ бы опять легъ въ постель, еслибы этому не помѣшала Матрена, которая съ вѣнникомъ въ рукахъ пришла подметать комнату. Усѣвшись въ уголокъ и поджавъ ноги, чтобы не мѣшала ей, я въ раздумѣ поглядывалъ кругомъ. Матрена тоже прерывала свое занятіе, чтобы разогнуться и посмотреть на меня.

Подожедши къ перегорождѣ, она пріотворила дверь, и заглянувъ туда, сказала:

— Ты чего же тутъ сидишь? Выходи.

Ея отвѣчали шопотомъ.

— И, поди ты, бѣда какая! Чего бояться-то?

Когда Матрена обернулась ко мнѣ, я спросилъ ее:

— Не мѣшаю ли я кому нибудь?

— И, кому мѣшать-то? Вонъ, барышня у насъ тамъ сидитъ, видти боится, робѣеть. Знамо, дѣло непривычное, пріважишь у себя такихъ сроду не видали. Вечоръ-то, продолжала она:—съ просонюмъ мы и вправду перенюгались. Долго ли до грѣха—заѣдутъ, оберуть такъ, что и останешься въ одной рубахѣ. И то ночью, проснись, проснись—дай погляжу, что малый-то дѣлаетъ. А онъ-то себѣ на нечѣ, знай спать, и ухомъ не ведеть, что я за нимъ приглядываю. Ея-богу, право!

— Ну, что же теперь, покойна?

— Теперь-то чего бояться? видно, люди непростые.

— Матрена, сказала Агафья Тихоновна, входя изъ сѣней въ прихожую:— ты ужь тутъ заболталась? Очень Сергѣю Владиміричу твои слова пріятно слушать, а тамъ самоваръ ушелъ; ноги, носи его сюда. Вотъ баба! Какъ робость съ нее соидеть, такъ ужь и пошла говорить; а того не войметъ, что мужичкѣ съ господами говорить не пристало.

— Что же, барыня, сказала Матрена, зажимая ротъ рукой:— на господь-то посмотрѣть лестно.

— То-то лестно; да намъ, господамъ, спроси—съ вами лестно ли? Иди, тебѣ говорить, носи самоваръ. Что, Сергѣй Владимі-

рыть, продолжала Агафья Тихоновна, обдергивая рукава и застегивая ихъ на пуговики:—нынче никого не уймешь; дура баба—и та тебѣ ни въ чемъ не уступаетъ. Ну, что, ѣдете?

— Да нѣтъ, Агафья Тихоновна, нельзя. Позвольте подождать до послѣ-обѣда. Миѣ, право, такъ совѣстно...

— Что же дѣлать? Я вѣдь давеча вамъ говорила; не изволили вѣрять. На миѣ, батюшка, не взъищите; чѣмъ богата, тѣмъ и рада; угостить миѣ васъ нечѣмъ, а человекѣтъ бѣдный; если не погнушаетесь нашей пищей, милости прошу, чѣмъ богъ послалъ.

— Ахъ, не безпокойтесь, пожалуйста, ни объ чемъ Агафья Тихоновна, я — человекѣтъ неприхотливый. Да съ дороги, должно быть, миѣ и ѣсть ничего не хочется.

— Ну, цѣлый день не ѣвши нельзя; все чего-нибудь перекусить захотите.

— Вотъ намъ сейчасъ подадутъ самоваръ, сказалъ я, прерывая ея рѣчи: — вы миѣ сдѣлаете удовольствіе, покушаете чайку, Агафья Тихоновна?

Она засмѣялась и сказала, весело покачивая головой:

— Грѣшница, Сергѣй Владиміръчъ, отъ этого не откажусь. Миѣ вѣдь передъ вами надо стыдиться, хороша хозяйка — гость еще моего куска не попробовалъ, а я у него другой самоваръ выпиваю; поди-ты, поди-ты, безстыдница старая.

И она, все еще смѣясь, отправилась за чашками.

Заглядѣвшись въ окно, въ которое, какъ говорится, свѣта божьяго не было видно, я не замѣтилъ, какъ ходила кругомъ меня Агафья Тихоновна. Мысль далеко уносила меня, и воспоминаніе одно за другимъ вставало и смѣнялось. Вмѣсто бѣлаго, матоваго отъ снѣга стекла, передо мной рисовались улицы съ бѣлыми высовыми въ лѣнію домами; въ нихъ мелькали миѣ знакомыя лица, слышались знакомые голоса, а говорилъ съ ними сердцемъ, которое смалось и ныло. Какая непогода удержала бы меня бѣжать, бѣжать безъ отдыха въ мой милый уголокъ, всегда убранный заботливой рукой—той рукой, которая, бывало, нѣжно будила меня ребѣнкомъ, лаская чтобы не испугать, и которая первая отворяла миѣ двери, слышавъ мои шаги! Избалованный ласками семьи, я съ грустью думалъ о моемъ будущемъ одиночествѣ. Жизнь въ С. представлялась миѣ нерадостной; къ ней примѣшивалась забота о моемъ новомъ положеніи. Умѣнье взяться за дѣло, поставить себя въ отношенія къ людямъ, узнать ихъ—все это было для меня новостью, на которую я глядѣлъ не

совсѣмъ легко. Судьба, въ несчастью, не надѣлила меня способностью разомъ страхивать съ себя все старое, и съ жадностью бросаться на новое. Ко всему мнѣ нужно сперва поприглядѣться, тогда и отъ меня можно чего нибудь ждать.

— Самоварь-то, должно быть, нужно будетъ подогрѣть, сказала Агафья Тихоновна: — почти совсѣмъ погасъ... Сергѣй Владиміръ, объ своей сторонкѣ, чтѣ-ли, думались?

Я очнулся. Агафья Тихоновна сидѣла у стола, подверши голову рукой. Звала ли она меня, или уважая мое молчаніе сама молчала—ничего не знаю; видно было только, что ей пришлось долго меня дожидаться.

— Простите, сказала я, вставая и подходя къ ней: — вы бы мнѣ сказали.

— Да не разъ васъ, батюшка, вликала. Вы ужъ въ такую думу вдались, все-то, я полагаю, на сердцѣ своемъ припомнили?

— Да, вспомнилось кое-что... Ну-съ, подвигайтесь, Агафья Тихоновна, примитесь за дѣло.

— Примемся, батюшка, запомнимъ свое горе: вы свое молодое, я—свое старое.

Мы точно какъ будто принялись за дѣло. Разговоръ не ввязался. Мнѣ было скучно здѣсь, скучно ѣхать, скучно глядѣть на свѣтъ божій. Мы молчали; тишина была невозмутимая. Дверь въ перегородкѣ тихонько скрипнула; тамъ послышался шорохъ. Агафья Тихоновна поставила чашку, улыбнулась, и побачавъ головой посмотрѣла на перегородку.

— Варичка, иди сюда, иди, дурочка, чего боишься-то?... Поди, чайку выпей. Такая-то дикая, прибавила Агафья Тихоновна, вставая, и смѣясь отправилась за перегородку.

— Чего ты тутъ, въ потемкахъ зацѣлась? говорила она. — Иди къ намъ, чего тебѣ стыдиться? Платъице на тебѣ чистенькое; головка причесана, чего же еще, Господи помилуй! Стидно? точно и въ правду мужичка кака, выдти боятся... Иди, иди, упраться нечего.

Агафья Тихоновна вывела за собой дѣвочку лѣтъ пятнадцать, смуглую, черноволосую, въ пестромъ ситцевомъ платьѣ, въ голубомъ шелковомъ платочкѣ на шеѣ, и съ бѣлымъ большимъ носовымъ платкомъ въ рукахъ.

Дѣвочка неловко и застѣнчиво поклонилась мнѣ, и молча сѣла подлѣ матери, которая, улыбаясь, погладила ее по головѣ.

Я налилъ чашку, Агафья Тихоновна передала ее дочери; та, взглянув изподлобья, шопотом отказывалась.

— Ну, вадорь какой, сказала Агафья Тихоновна, подвигая къ ней чашку: — пей, небось ѣсть хочешь? Поди, спроси Матрену, лепешки готовы, что-ли? Принеси сюда, поподчивая Сергѣя Владиміръча нашей деревенской ѣдой. Я думаю, вамъ ихъ сроду не приводилось кушать?

— Напротивъ, даже очень люблю.

— Любите?... Поди, Варичка, въ кухню, тарелку захвати съ собой. Проси, матушка, Сергѣя Владиміръча лепешками.

— Покушайте, батюшка, говорила Агафья Тихоновна, суетась кругомъ меня. — Кухмистеры мы не столичные, а лепешки въ свое время пекали хорошо. Покушайте на здоровье.

Покончивъ съ чаемъ, я не зналъ что дѣлать. Погода не унималась, а минутами казалась еще свирѣйше. Миѣ хотѣлось лечь, но лечь было негдѣ, да какъ-то совѣстно, потому что хозяйки мои усѣлись здѣсь и работали.

Агафья Тихоновна, прищуривъ лѣвый глазъ и склонивъ голову на бокъ, усердно вивала толстый чулокъ. Варянька сѣла у окна за пальцы. Туго натянутый валенкоръ трещалъ подъ иглой, ножницы дрожали и какъ-то жалобно звенѣли отъ непрерывно выдергиваемой нитки; я ходилъ изъ угла въ уголъ, безъ милосердія закуривая ихъ моими папиросами.

— Гляжу я на васъ, Сергѣй Владиміръчъ, сказала Агафья Тихоновна, положивъ чулокъ на колѣни: — точно звѣрочекъ какой въ клетку попался. Скучаете? Люди мы необразованные; я стара, изъ ума выжила, да и съ молоду-то его у меня много не было; съ учеными людьми разговаривать не умѣла. Эта — и вовсе ребѣнокъ неразумный... Такъ вотъ вы все и молчите, занятые мы васъ ничѣмъ и не можемъ. Что дѣлать, батюшка, отъ недостатковъ своихъ и людьми не вышли.

Наивная исповѣдь Агафьи Тихоновны очень меня тронула; вообще, не знаю почему, она пришлась миѣ по душѣ. Въ лицѣ ея, съ котораго не сходила улыбка, было много доброты.

Агафья Тихоновна была одною изъ тѣхъ личностей, о которыхъ я зналъ только по наслышкѣ. Типъ бѣдной дворянки представлялся миѣ всегда въ видѣ какой-нибудь плаксивой и назойливой приживалки. Подобныя существа представлялись миѣ необходимыми деревенскимъ зломъ. Они были свзвой хозяйки, помѣхой въ ея занятіяхъ, докучной снлетницей. Я зналъ объ ихъ суще-

ствованіи, виѣ ихъ собственнаго дома; домашняя же ихъ жизнь оставалась тайной, которую не желали проникать расквасчики. Полная, добродушная фюзіомія Агафьи Тихоновны, ничего съ вида не представляла подобнаго.

— Агафья Тихоновна, сказалъ я, порядкомъ находивъ себѣ ноги и полуложась на диванъ: — дочку сами учили руководѣлю?

— Этому-то добру сама, бабушка, научила; уму-разуму отдавала чужимъ людямъ учить... Ну, да Богъ съ ними, прибавила она, махнувъ рукой.

— Чтò же?

— А то, Сергѣй Владиміръчъ, сказала она, глядя чулокъ на окно и протирая глаза: — бѣдный богатому не товарищъ. Что ужъ тутъ говорить!

Агафья Тихоновна замолчала; она не поддавалась на разговоръ.

— Агафья Тихоновна, сказалъ я, помолчавъ еще немного: — что это, родные ваши, вотъ, портреты-то висятъ?

— Родные, сказала она, вскинувъ на нихъ глазами. Въ голосѣ ея слышалось раздраженіе. — Пѣсь мнѣ ихъ родными дѣлать.

— А? Чтò вы сказали? спросилъ я, не совсѣмъ понимая ея слова.

— Какіе они мнѣ родные, откуда они ко мнѣ пришли?

— Да откуда же они у васъ взялись? продолжалъ я приставать къ ней.

— Добрые люди повѣсили, отвѣчала она, сердитымъ голосомъ, и не находя мѣста своему чулку. — На, говорятъ, Агафья Тихоновна, повѣсь ты себѣ этихъ идоловъ на шею, да и любуйся ими...

— Я васъ, Агафья Тихоновна, не понимаю, вы мнѣ скажите...

— Да чтò и говорить-то? Взглянуть на нихъ не могу—такъ все сердце во мнѣ поворачивается. Грѣхъ мой, разореніе мое виситъ у меня на стѣнѣ, спихнуть ихъ отсюда не могу, никому этого добра не нужно. Конечно, кромѣ меня, другого такого дурака не найдется... Вѣкъ душой изжила, и въ могилу такая поидешь.

Агафья Тихоновна волновалась, утирая слезы. Печаль ея очень меня заинтересовала, тѣмъ болѣе, что причина повидимому была такая пустая: два дрянныхъ портрета, въ старыхъ, полинявшихъ золоченныхъ рамахъ. Чего, казалось, проще отъ нихъ избавиться? Забросить ихъ на чердакъ, эту общую могилу всего отжившаго.

— Агафья Тихоновна, сказала я:—да вы изъ чего такъ беспокоитесь, кто же вамъ мѣшаетъ ихъ выбросить?

— Выбросить? Да они мнѣ стоятъ кровныхъ 50 рублей! приданое Варички.

Слезы закапали у нея по щекамъ.

Признаюсь, слезы Агафьи Тихоновны, въ эту минуту, казались очень забавными. Я не иначе объяснялъ ихъ себѣ, какъ-такъ: Агафья Тихоновна, вѣроятно, прельстясь живописью, купила эту драгоценность, думая современемъ продать ее съ барышомъ; но бѣдная меценатка жестоко ошиблась: портреты оставались у нея на рукахъ и, какъ говорится, ежеминутно кололи ей глаза. Въ утѣшеніе я сказала ей:

— Да вѣдь эти ошибки бывають очень часто. Прежде, нежели покупать ихъ, вамъ нужно было бы съ кѣмъ нибудь посоветоваться.

— Покупать! вскричала Агафья Тихоновна:—да зачѣмъ бы я стала ихъ покупать?... Никогда я не покупала.

— Теперь вы меня извините, Агафья Тихоновна, я ничего ужъ не понимаю. Вижу, что вы огорчены, разстроены... Скажите мнѣ, можетъ быть, горю можно будетъ какъ-нибудь помочь?

Агафья Тихоновна, осушивъ слезы, улыбалась, въ раздумьи покачивая головой. Варичка работала какъ машина. Она оставалась совершенно равнодушна къ горю матери. Разговаривая съ Агафьей Тихоновной, я все время слѣдилъ за ней. Повременамъ она взглядывала на меня изподлобья, и сейчасъ же принималась усердѣе за работу, отчего нитка ея рвалась, и она, перемѣняя ее, опять взглядывала на меня, и послѣ этого бесполезно суетилась и шарила по пальцамъ, видимо конфузясь. Дѣвочка была жалка; видно было, что присутствіе мое очень ее стѣсняло, и она охотно бы ушла, еслибы не боялась встать съ мѣста.

— Вотъ, батюшка мой, Сергѣй Владимірычъ, начала Агафья Тихоновна: — въ толкъ я никакъ не возьму, съ чего бы богатымъ людямъ бѣдняга обижать? Живуть себѣ въ довольствѣ — а при случаѣ и нашимъ добромъ поживиться не побрезгаютъ. Точно намъ, бѣднымъ людямъ, ничего не нужно, точно ужъ мы какъ необразованные и ѣсть и пить не хотимъ, и раздѣтне ходить можемъ! Диковинно это, право. Они стонуть, недостаетъ имъ какихъ затѣй заморскихъ — а у насъ крыша развалилась, все это отъ нашего нерадѣнія, отъ лѣности, говорятъ, привыкли мы къ дармоѣдству. Жизнь, говорятъ, мы скотскую ведемъ, не

думаемъ и не желаемъ знать, какъ и изъ чего какую пользу можно извлекать. Отчего это они къ намъ такъ строги, а на себя-то не оглянутся? Вѣдь у богатыхъ-то и свое добро въ трубу летить, да и чужаго они за своимъ много ташать. Отчего это они у бѣднаго человѣка сердца не замѣчаютъ? Что все ему можно наговорить, все онъ снесетъ, ничѣмъ не обидится, а коли обидится, такъ самъ же за свою амбицію отъ нихъ пострадаетъ.

— Не знаю, Агафья Тихоновна, мнѣ что-то этого не случилось еще видѣть.

— То-то молоды вы, не испытали, да и не испытаете. Человѣкъ вы съ состояньемъ; должность хорошую имѣете. Такъ гдѣ же вамъ все это знать? а вотъ намъ-то, горемычнымъ, куда подчасъ солоно приходится, что обидь примешь — все ихъ на своемъ сердцѣ наньчишь.

— А что, Агафья Тихоновна, много развѣ на вашу долю досталось?

— Довольно, батюшка мой; другой бы давно изсохъ какъ жердь, а вотъ только съ глупа-то толста. Вы вотъ въ привольѣ выросли, сухарь-сухаремъ, а въ моей бы жизни давно ужъ бы ногъ не волочили... Вы меня простите, сказала она, смѣясь: — я вѣдь спроста. Я, родной мой, послѣ мужа-то осталась самъ-пяты, а имѣнья-то всего на всѣхъ двадцать десятинъ, да изба на курьяхъ лапкахъ. Вотъ и думайте, какъ я жила? Чѣмъ бы тутъ, кажется, около меня богатымъ людямъ поживиться, а наши!... Вотъ вамъ загадка, разгадайте-ка; вы люди ученые.

— Ну, Агафья Тихоновна, сказалъ я, подсаживаясь къ ней: — расскажите мнѣ ваше житье-бытье; теперь я отъ васъ не отстану.

— Житье мое, Сергѣй Владимірычъ, куда было несладкое. Теперь только, можно сказать, Богъ мнѣ покой послалъ, а то куда много горя видѣла! Семья насъ у батюшки съ матушкой была большая; все на ихъ бѣду дѣвки, такъ, стало-быть, въ хозяйствѣ батюшкѣ отъ насъ подспорья было мало. Батюшка — царство ему небесное — былъ человѣкъ хворый, да какъ достатки-то наши были небольшіе, ему самому въ полѣ работать приходилось. Такъ-то, Сергѣй Владимірычъ, хотъ и столбовые дворяне, а также наряду съ мужиками работали. Я тоже съ сестрами жать ходила; сами и пряли, сами и ткали, а ужъ объ стряпнѣ-то и говорить нечего. Такъ вотъ, при такой-то жизни, гдѣ же насъ было грамотѣ обучать? — всѣ и остались безграмотные. Родители наши, какъ говорится, и не оглянулись, какъ мы всѣ по-

выросли; вотъ ни дать ни взять какъ я теперь на свою смотрю. Давно ли въ колебели качалась, а глядишь—и замужъ пора отдавать. Пришлось и нашему отцу съ матерью объ насъ подумать. Насъ вѣдь замужъ, батюшка, отдавали не спрашивали — любовь ли не любовь — съ ругъ бы долой, да и брали насъ такіе же бѣдняки, лишь бы работницу взять въ домъ хорошую. А приданое за нами какое было?—Руки только свои. Мнѣ же Господь послалъ особенное счастье. У моего Василя Николаича было двадцать десятинъ земли, избеночка, скотинка; я, какъ говорится, пришла въ полный домъ, а за собой-то принесла два ситцевыхъ платья, да бѣлое каленкоровое, въ которомъ вѣнчалась, перинку... и это-то мои родители ужъ кое-какъ, кое-какъ сбились да дали: боялись, чтобъ изъ-за приданого дѣло не разошлось, женихъ-то былъ хорошъ. На семнадцатомъ году я и вышла замужъ. Мужъ меня годовъ двадцать былъ старше. Привезъ онъ меня сюда къ себѣ, говорить: «Ну, Агаша, будь мнѣ хорошей хозяйкой, а во всемъ порядокъ люблю».

— Я, царство ему небесное, въ ту пору куда его боялась! онъ такой, покойникъ, на видъ былъ суровый, характеромъ горячій. До замужества своего, я его только разъ всего и видѣла: смотрѣть меня прѣзжалъ; а потомъ вскорѣ и подъ вѣнецъ меня повели. Вотъ у насъ, батюшка, каково дѣло-то дѣлается. Жила я съ нимъ не бранилась; все молчала, ни въ чемъ ему не перечила, зная его горячность, а пуще потому, что и году не прошло, какъ онъ съ моими родителями разошелся и меня къ нимъ пересталъ пускать.

— Батюшка, покойникъ, какъ человекъ старій, больной, прѣдетъ, бывало, къ намъ, бывало, скажетъ ему: «Ты бы, зятекъ, мнѣ помогъ, болѣзнь одолѣла!»

— Василю Николаичу осерчалъ. «Что, говорить, я всю семью, что ли, вашу на свою шею взялъ? У меня, говорить, вотъ уже скоро родится; въ пору только своихъ прокормить, а жену родню всю не укормишь».

— Такъ ужъ чтобы его не раздражать, да своего сердца не надирать, чтобы бѣдностью, да родителями глазъ не кололъ—все ему, бывало, спускаешь... А Бога гнѣвить нечего; нужды за нимъ я въ ту пору не знала. Человекъ онъ былъ работящій, хозяйнъ; вездѣ свой глазъ. Такъ, батюшка, шель у насъ годъ за годъ, я и оглянуться не успѣла, какъ состарѣлась, и дѣтей трое, а старшаго сыночка и въ ученье пора отдавать: десятый годокъ

ему тогда, моему голубчику, шелъ. Василій Николаичъ задумалъ его въ губернію отвезти; просилъ нашего уѣднаго предводителя, чтобы его на казенный счетъ въ заведеніе отдать. Приняли его, батюшка, отхлопотали, отвезъ его Василій Николаичъ. Мальчикъ! такой былъ поватный, такъ все начальство имъ было довольно, и поведенія какого былъ примѣрнаго; Богу не угодно было намъ его оставить. Да такіе и не жильцы на этомъ свѣтѣ! Что ни годъ, онъ все въ наукахъ повышается, а листы похвальные получалъ. Приѣдетъ, бывало, домой, распустятъ ихъ на лѣто, такъ душа только на него радуется. И собой-то былъ какой красавецъ! Случился такой грѣхъ, утопулъ, въ глазахъ отца утонулъ!

Агафья Тихоновна горько заплакала; у меня тоже сжалось горло.

— Умеръ мой ангелочикъ, продолжала она:—и счастье все съ собою унесъ, такъ съ его смертью все и пошло! Былъ ему годовъ четырнадцать, приѣхалъ онъ лѣтомъ въ побывку. Сердце мое чувствовало, что вижу его въ послѣдній разъ. Такъ я ему обрадовалась, такъ обрадовалась, ну вотъ плачу, и откуда у меня тогда такія слезы брались! Целую его, целую, а въ сердцѣ и сжиманіе какое-то, и точно тебя льдомъ обольетъ, сама не понимаю, что со мной дѣлается. «Будетъ тебѣ, говорить Василій Николаичъ: малаго не отпускаемъ, авось не на одинъ день приѣхалъ, наглядисься». И наглядѣться Господь не привелъ! Съ недѣлю никакъ прошло, пошли они съ отцомъ купаться. И рѣченка-то не богъ-знаетъ какая, да кабы плавать не умѣлъ, а то и плавалъ, конечно, все ужъ божеское попушеніе! Не то у него, моего голубчика, голова закружилась, либо онъ въ яму оступился, только крикнулъ онъ, мой батюшка: «панелька!» А Василій Николаичъ ужъ на берегъ вышелъ. Глянулъ, а онъ, этакъ въ водѣ барахтается, голову все вверхъ поднимаетъ. Василій Николаичъ, какъ ахнетъ, да въ воду за нимъ, самъ-то ужъ очень оторопѣлъ. Нырнулъ, схватилъ его, да захватилъ-то неловко, онъ у него изъ рукъ и выскользнулъ; онъ опять за нимъ, нырять, нырять, нырять, не нашель, а его ужъ водой отнесло. Какъ закричитъ мой Василій Николаичъ! Сталъ народъ сбѣгаться. Я сажу яду-пожду, долго что-то нейдутъ; гляжу — мимо оконъ народъ бѣжитъ, и бабы и ребятишки въ рѣдѣ-то — такъ у меня сердце и упало! «Батюшки, кричу, родимые, что тамъ, что такое? Христомъ-Богомъ скажите!»

— Держала я въ ту пору ребѣнка на рукахъ, дѣвочка была, по

другому годочку; не помню, какъ я бросила ее на порогъ, пустилась бѣжать за народомъ. А на берегу-то, полкъ-полкомъ, гвалтъ, шумъ! Василій Николаичъ мой по берегу мечется, а въ водѣ-то мужики ныряютъ, ищутъ... Я ужъ тутъ и не помню, что со мной было! И спрашивать не стала, такъ объ землю и ударилась. Вытащили его, конечно, такъ и не откачали.

Агафья Тихоновна замолчала. Видно было, что горе это не умерло въ ней. Глаза ея остановились, и изъ нихъ выкатывались крупныя слезы.

— Такъ мнѣ потомъ все опротивѣло, Сергѣй Владимірычъ, что и на свѣтъ божій глаза мои не глядѣли. Дѣтей видѣть не могла; Богу вовсе перестала молиться, стою истуканомъ. Гляжу на образъ, а у самой передъ глазами все не то. Отъ Василья Николаича въ день-то, бывало, слова не услышишь. То былъ хмурый, а ужъ тогда и вовсе. Вся-то душа во мнѣ изныла. Думаешь, бывало, кабы изъ своихъ родныхъ кровныхъ былъ бы кто поближе, все легче было бы. Родители мои ужъ тогда на погостѣ лежали, сестры всѣ замужемъ по разнымъ сторонамъ — одна бобылемъ. Долго я такъ томилась, покуда, наконецъ, Господь скалялся надо мной. Стала я, хоть если горе свое не забывать, такъ, по крайней мѣрѣ, опять годнымъ человѣкомъ сдѣлалась. Да какъ пойдетъ несчастье, такъ ужъ оно валить-валить, покуда совсѣмъ тебя не задавитъ. Василій Николаичъ съ горы совсѣмъ запустилъ хозяйство; гдѣ не доглядитъ, такъ все у него какъ будто изъ рукъ валялось. Бывало, прежде, гдѣ еще до зари встанетъ, все у него такъ и кипитъ. Поле вспахано на заглядѣнье; на гумнѣ хлѣбъ поставленъ да закрытъ тагъ, хоть бы богатымъ господамъ поставить. Всякая телега въ своемъ видѣ... Въ саду яблони подчищены; однимъ словомъ — хорошо. А тутъ все кое-какъ да кое-какъ. Говорить ему не смѣешь: сильное въ немъ тогда было раздраженье, а совладѣть, значить, съ собой не могъ. Видеть, что ни отъ кого другаго, какъ отъ самого себя эти запусценія идутъ, а попробуй, бывало, ему это сказать, такъ-такъ зашумитъ-зашумитъ, что ужъ и пропадай лучше все, къ горю-то еще тошнѣе становилось! А дѣтей гуча; такъ, бывало, и думаешь, что въ умѣ помутисься... Да ужъ какъ назначено человѣку все перенести—все перенесетъ. Случилось Василью Николаичу надобность въ городъ ѣхать. Дѣло-то было по веснѣ, деньги нужны были къ святой, такъ хлѣбецъ какой былъ лишній, продать. Поѣхалъ онъ одинъ; насыпалъ возъ, а погода-то стояла

теплая-претеплая; снѣгъ разомъ почти рушился, такъ что и бѣдноты настоящей ни на чемъ не было, такъ кое-какъ, кому нужда была тащились по краюшкамъ дороги. И моему Василию Николаичу нельзя было оставаться. Поѣхалъ онъ; дорогой возъ у него и застрянь въ зажорѣ. Бился онъ съ нимъ, бился, по полю въ водѣ, всю ночь такъ промучался, иззябъ, до костей всего промочило, а справиться одинъ не могъ; у воза, въ водѣ да снѣгу всю ночь простоялъ, на зарѣ ужъ проѣзжіе подмогли, вытащили. Онъ мокрый да перезаблный въ городъ пріѣхалъ, къ базару поспѣшалъ; хлѣбъ-то продалъ, да тѣми же оглоблями назадъ, торонился: боялся, чтобы въ сутки дорога бы нуще не испортилась. Пріѣхалъ домой, да и свалился: горячка, значить, сдѣлалась. Я было къ доктору... куда тебѣ — и слышать не хочеть! «Что ти, говоритъ, на погостъ, что ли, меня стащить хочешь? Налезусъ еще, успѣю, и такъ пройдетъ». Недѣль шесть онъ такъ пролежалъ; исхудалъ такъ, въ чемъ душа держится. Сталъ вставать съ кровати, а на ногахъ-то не держится, въ рукахъ тоже владѣнія мало. Все думали такъ, отъ слабости, а онъ ногами-то все жалуется, все ломъ да ломъ въ нихъ, безъ палки и перешагнуть не можетъ, да и въ рукахъ-то силы, какъ у малаго ребенка прибавляется. Пора пришла рабочая, а отъ него подспорья мало: лошадь запречь не можетъ, пороется-пороется скрябкой въ саду, такъ и повалится. Сталъ меня въ поле посылать. Приду, бывало; гляжу, сейчасъ видно, нѣтъ хозяйскаго глаза. Вернусь домой, правды ему не скажу, чтобы больше болѣзни не прибавлять, а у самой на сердцѣ точно что наростаетъ. А онъ, мой батюшка, на что былъ терпѣливъ, примется стонать, до слезъ даже доходилъ. «Агаша, матушка, чѣмъ бы полечиться? смерть моя приходитъ». Стала я его дома лечить; того послушаю—говорить отъ ломоты вотъ это хорошо, другой говоритъ—вотъ это сдѣлай; все передѣлала—нѣтъ ничего лучше. Ноги всѣ изсохли, совсѣмъ какъ плети. Положила я его на телегу, отвезла къ доктору. Тотъ посмотрѣлъ, говоритъ: «Прежде бы хватились, болѣзни очень запустили, въ кости вся взошла, мудрено что сдѣлать». Прописалъ мазь какую-то: «трите, говоритъ, авось будетъ лучше». Что этой мази перекупили, все не легчѣеть. Бросилъ все Василий Николаичъ, съ кровати не вставалъ, день и ночь стонеть, душу всю вытянулъ. Ъсть ничего не ѣсть, тоскуеть. Я и за нимъ-то, и за дѣтьми, и по хозяйству, просто ужъ не въ ногу. Дѣти малы, плацать, промежь себя ссорятся; онъ лежитъ,

всѣмъ тревожится... Господи, думаю, грѣшница, подь часъ, хоть бы васъ Богъ прибралъ, куда я съ вами дѣнусь. А вотъ теперъ, какъ осталась одна дѣвчоночка, какъ пришлось всѣхъ перехоронить, такъ и мучаешься, что сама на нихъ смерти намолила. Ни много ни мало, Сергѣй Владимыръчъ, Василій Николаичъ мой годъ такъ-то пролежалъ. Совсѣмъ исчахъ, вернуться самъ не могъ; бывало, поднимешь его на рукахъ, да такъ и переложить на другой бокъ. А послѣднее время такъ тосковалъ, что я отъ него и не отходила, цѣлый день только и знаешь, что его поднимаешь. Задолжала кругомъ, все такъ въ упадокъ пришло. Дѣти всѣ оборвались: ни зашить, ни спить на нихъ некогда, да и взять-то неоткуда. Люди продадутъ по цѣнѣ, а я за что попалю, лишь бы деньгу перехватить. Бывало, посмотришь-посмотришь вокругъ себя, домикъ нашъ былъ старъ—Василій Николаичъ собирался все новый поставить — ужъ совсѣмъ покачнулся, крыша почти вся раскрылась, течетъ; на гумнѣ хлѣбца ни зернышка нѣтъ въ застоѣ.... Господи, думаю: чтò я буду дѣлать? Чѣмъ я за все возьмусь, къ кому пойду просить помощи? все-то кругомъ бѣдность... А пуще всего заботили меня дѣти. Ничего не смыслятъ. Которые еще побольше, увидятъ, я плачу—тоже заплачутъ, а маленькимъ и горя мало. Осенью умеръ Василій Николаичъ. Скоронила я его, вою цѣлый день, дѣти тоже за мной, на сосѣдей одурь нагнала. Придутъ ко мнѣ: «Агафья Тихоновна, матушка, побойся ты Бога, чтò ты такъ надрываешься?» А я еще пуще.

— За что ни хватись—все недостатки. Топить нечѣмъ; навалишь подну печку соломы, того и глади вспыхнетъ, ужъ и вовсе некуда дѣваться. Ребятишки забьются на печку, переугорять, стащишь ихъ оттуда, положишь на кровать, отдохнуть—хорошо, а не отдохнуть—Богъ съ ними. Одѣжа-то на нихъ была плохонькая, перепростудятся, выскочатъ на дворъ—дѣло ребячье, да и не углядишь, нашлають-нашлають, даже всѣ посинѣють, такъ двое старшенькихъ тѣмъ и померли. Завалило имъ всю глотку, я ихъ и тѣмъ и сѣмъ—нѣтъ: такъ обѣихъ на одной недѣли похоронила. Только и знаютъ сосѣди, что отъ Калининой на погостъ таскають. Народила-то ихъ шестеро, а осталась вотъ съ этой одной, по четвертому годочку тогда была. Вся выродилась въ отца; оттого-то ей, можетъ, и счастье будетъ другое. Ну-съ, какъ осталась я съ ней одна, думаю себѣ, вѣдь нужно же какъ небудь за умъ взяться. Вѣдь съ однимъ работникомъ всего не

уберешь, а другога—держать достатка нѣтъ. Домшко на боку, и повалится когда, совсѣмъ тебя пришибетъ. Продамъ, думаю, половину земли, съ долгами расплачусь по крайности. Уголь себѣ хотъ новый поставлю, а ужъ въ могилѣ-то этой куда тошно приходилось. Такъ, батюшка, и сдѣлала: продала землю, купила у мужика новую избу, вотъ изволите видѣть, поставила, устроилась, живу себѣ теперь, слава тебѣ Господи, не нуждаюсь, всего есть понемножку, да намъ многога-то и не нужно: сыты по милости божьей, еще капиталецъ маленькій оставался, Варничкѣ берегла, да и берегла...

— Что же, видно, потратить пришлось?

— И, куда намъ тратить... Въ люди отдала, да и поклонила.

— Какъ такъ?

— Да такъ, вотъ. Еще богачи взяли-то; коли бы свой братъ бѣднякъ, такъ ужъ съ него и взять нечего, а то нѣтъ... Вонъ видите. И Агафья Тихоновна злобно ткнула кулакомъ въ стекло:—вонъ хоромы-то барскіе торчатъ, тамъ и проглотили. Не подавился онъ, прости-меня-Господи.

— Да вѣдь на это судъ есть, вы бы требовали.

— Почему, батюшка, требовать-то?

И Агафья Тихоновна залилась слезами.

— Вѣдь я давала на честность, и писулечки съ него никакой не взяла. Стала у него было-просить: «вы бы, молъ, Андрей Николаичъ, мнѣ бы хотъ такъ, на клочкѣ бумажки для памяти записали»... А онъ захохоталъ, да и говоритъ: «Матушка моя, изъ этихъ штукъ стѣнитъ ли бумагу марать? Не беспокойтесь: не забуду; хотъ бы и хотѣлъ забыть, такъ ваша дочка, каждый день у насъ, поневолѣ вспомнишь». Ну, ужъ я послѣ этого и говорить не стала. Чтѣ, думаю, еще ребѣнку глаза колоть стануть.

— Да развѣ ваша дочка жила у нихъ?

— И нѣтъ, батюшка; это, вотъ видите ли, цѣлая исторія. Имѣніе это было не Вашиловыхъ, а Немирова, Михаила Федоровича. Катерина Федоровна Вашилова была по себѣ Немирова, сестра Михаила Федоровича. Оно имъ и пришлось-то не по наследству, а какъ-таки просто выманили. И какого грѣха они съ этимъ имѣніемъ набрались, не проспять имъ его! Когда Михаилъ Федоровичъ былъ холостой, Катерина Федоровна жила у него и такая ужъ была пожилая, некрасивая. Понравился ей Андрей Ни-

колантъ. Служилъ онъ гдѣ-то въ палатѣ, къ Михаилу Федоровичу ходилъ по дѣламъ. Человѣкъ онъ былъ бойкій, суетливый, изъ себя нельзя сказать, чтобы некрасивъ, годовъ на пять моложе Катерины Федоровны. Сосватались они съ нимъ. Взялъ онъ ее за богатство, а самъ гроша не имѣлъ за душой, одно только—что былъ столбовой дворянинъ. Михаилъ Федоровичъ наградила сестру, далъ ей сто душъ, обвинчалъ ихъ, переѣхалъ въ подмосковную, да вскорѣ и самъ тамъ женился. Разсказывали люди, что Катерина Федоровна женидбой его ужасно была недовольна. Ей его изъ рукъ страсть—какъ выпускать не хотѣлось. Она и не знала, какъ онъ въ Москвѣ сосватался; ей ужъ сказалъ, какъ все дѣло кончилось. Взялъ небогатую, самъ ей сдѣлалъ приданое. Катерина Федоровна, говорятъ, рвала, метала. Однакожь ѣзжала къ нимъ, гащивала подолгу, всегда бывала ими обласкана. Немировъ послѣ женидбы вскорѣ захворалъ. Богъ-знаетъ, чтò съ нимъ сдѣлалось; все на него какая-то задумчивость находила. По ночамъ, бывало, не спитъ, всего боится, худъ, въ чемъ душа дерается. Жена его была женщина кроткая, добрая, все за нимъ ухаживала, и жизнь свою, можно сказать, въ него положила. Пріѣзжалъ онъ въ Заразы изрѣдка, либо одинъ, либо съ женой. Я по бѣдности моей всегда къ нимъ хаживала за помощью. Поживеть здѣсь недѣлку-другую, да въ подмосковную, а съ этого имѣнія имъ доходы высылали. А имѣние, Сергѣй Владиміръчъ — золотое дно! Чтò при немъ лѣсу, да и земли такой у насъ во всемъ уѣздѣ нѣтъ. Только бы имъ жить, а вышло иначе. Жена его чахнуть да чахнуть, да Богу душу и отдала.

— Осталась у него одна дочка, Лидіей звали, дѣвочка, должно быть, годовъ тринадцати была. При ней отъ рожденья взята была гувернантка, вдова-англичанка, вывели они ее съ собой изъ-за границы. Покойная жена Михаила Федоровича тамъ съ ней познакомилась, при нихъ она овдовѣла. Въ бѣдности въ большой, говорятъ, осталась, мальчикъ у нея лѣтъ восьми былъ. Михаилъ Федоровичъ бралъ ее къ себѣ съ ребѣнкомъ; родные ея взяли его къ себѣ на воспитанье; она имъ, говорятъ, почти все свое жалованье туда отсылала, ничего, говорятъ, на сына не жалѣла. Покойница ее очень любила, и ужасно они дружно жили, а ужъ послѣ нея-то, она и вовсе была полной хозяйкой въ домѣ. Послѣ смерти жены, Михаилъ Федоровичъ въ своемъ здоровьѣ еще хуже сталъ. Вашиловы, какъ узнали о его горѣ, пи-

шутъ ему почти каждую почту, утѣшаютъ; наконецъ Катерина Ѳедоровна стала звать его изъ Москвы. Писала ему, говоритъ: «Братецъ, что вы въ этой живой могилѣ живете? Здоровьемъ своимъ пренебрегаете. Развѣ у васъ нѣтъ родныхъ, которыми вы дороги, которые васъ могутъ успокоить? Развѣ я вамъ не родная сестра? Конечно, ѣхать къ вамъ въ Москву мнѣ мои средства не позволяютъ, и семейства я бросить не могу; а пріѣзжайте вы на весну въ Заразы. Деревенскій воздухъ васъ поправитъ, да и любовь моя и моего мужа, и всѣхъ насъ, дастъ вашей душѣ отраду... Подумайте о вашей малюткѣ, которая такъ же дорога моему сердцу, какъ мои собственные. Право, братецъ, послушайте меня, пріѣзжайте». Такъ они его этими родственными письмами взманили; только, говорятъ, и толковали: ѣхать да ѣхать. А гувернанткѣ это было не по сердцу; она Катерину Ѳедоровну знала, и какъ люди рассказывали, всегда съ ней была на холодахъ, и ни слова объ ней никогда не говорила; а тутъ Михаилъ Ѳедоровичъ и спитъ и видитъ—ѣхать въ Заразы. Отговаривала она его:

«— Можно ли, скажите, съ вашимъ здоровьемъ въ глушь забиваться? Вамъ нужно леченье, при васъ постоянно долженъ быть докторъ, а тамъ богъ-знаетъ, найдете ли вы какое пособіе? Всѣ у васъ средства есть, поѣзжайте на всѣ четыре стороны—вотъ вамъ развлеченье!

«— Нѣтъ, говоритъ: моей душѣ надо теперь родное, а тамъ увидимъ»...

— Наконецъ пріѣхали они сюда. Катерина Ѳедоровна на другой же день къ нему. Чтѣ у нихъ было за свиданье—такъ этого и пересказать нельзя! Ни на минуту она его не оставила. Утѣшаетъ его всячески, угождаетъ ему; дѣвочку его съ глазъ не спускаетъ; ласкова, какъ мать родная. Съ гувернанткой внимательна, о покойницѣ ее спрашиваетъ, плачетъ. Со всѣми въ домѣ обходительна; меня, бывало, у нихъ увидитъ, тоже помянется, такъ что именно сказать—истинная родная. Разстаться съ нимъ не можетъ. Станетъ собираться ѣхать къ себѣ—ей имѣніе, приданое за ней было дано, отъ Заразовъ нашихъ верстъ пятьдесятъ—плачетъ: «Жаль мнѣ, говоритъ, братецъ, васъ покинуть, да вѣдь знаете, у самой семья, дѣтей своихъ, мужа для васъ бросила, пора и къ нимъ. Грустятъ обо мнѣ, да и объ васъ беспокоятся». А онъ ей говоритъ: «не покидай меня. Пріѣзжай ко мнѣ съ мужемъ, дѣтми, соберемъ всѣ вѣстѣ».

— Извѣстно, дѣло деревенское, богатые господа пріѣхали, все наслуху. Люди-то всѣ давно знакомы были; привычки, тотъ другой, въ церкви увидишься, все знаешь, что у господъ дѣлается. Только нѣсколько дней спустя, глядимъ—въ коляскѣ, всей семьей, ѣдутъ Башиловы къ Михаилу Федоровичу. Встрѣтилъ онъ ихъ, говорятъ, на крыльцѣ, обрадовался имъ какъ и богъ-знаетъ чему. Дѣти ихъ къ нему съ такимъ почтеньемъ, все въ ручкѣ, всѣ ему въ глаза смотрять. Гувернантка съ ними пріѣхала, глазъ съ нихъ не сводитъ, чтобы чѣмъ нибудь дядиньку не обездолили. Дѣтей у Башиловыхъ было трое: два сына да дочь. Дочь годами двумя старше Лидиньки, а ростомъ поменьше ея — вылитый отецъ: черноглазая да бойкая, плечики, бывало, подниметь вверхъ, говорятъ такъ скоро на разныхъ языкахъ. Отецъ съ матерью надъ ней обмирали. — Анеточка, да Анеточка, только Богу на нее не молились. Мальчики—бѣда! Какъ это примутся разомъ всѣ говорить, такъ даже, бывало, уйдешь изъ комнаты, на дворъ выйдешь, освѣжиться немного. Какъ пріѣхали они къ Немирову, Андрей Николаичъ за нимъ, пуще Катерины Федоровны ухаживаетъ. — Братецъ, братецъ... И въ маковку, и въ плечики его цалуешь, дѣтей своихъ такъ къ нему и подталкиваетъ. Анеточка вся въ буляхъ завитая, присѣдаетъ передъ нимъ, подушку за нимъ какую-то таскаетъ, надутую съ пружинами, музыкой его развлекаетъ.

— Михаила Федоровича дочка, говорятъ, цѣлый день не знаетъ, какъ къ отцу подойти. Ни на минуту его одного не оставляютъ. А она дѣвочка была такая тихонькая, да застѣнчивая, да какъ видно, что такъ скоро и привыкнуть къ нимъ не могла, все больше сторонилась, отъ гувернантки своей ни на шагъ. Катерина Федоровна старалась всячески свою Анеточку съ ней свести. Возьметъ ихъ обѣихъ, обниметъ, говоритъ Анетѣ, чтобы она ее не ревновала къ Лиди; Анета тоже ее обнимаетъ, такъ ласковы, что ужъ и сказать нельзя. Живутъ Башиловы все лѣто у Михаила Федоровича. Андрей Николаичъ то пріѣзжаетъ, то уѣзжаетъ, а Катерина Федоровна безвыѣздно съ дѣтьми. Такъ Михаилъ Федоровичъ къ ней привыкъ, что какъ не видитъ ея—ищетъ, повинуется ей во всемъ, на все ея глазами смотритъ, цѣны-мѣры ей не знаетъ.

«— Богъ, говорятъ, послалъ мнѣ скорбь, послалъ въ насъ и утѣшеніе. Вотъ Лизавета Осиповна, гувернантка, не совѣтовала

мнѣ сюда ѣхать, боялась, что мнѣ здѣсь хуже будетъ, а я окрѣпъ, гораздо окрѣпъ»...

— А какой окрѣпъ. Сидить, голова у него на грудь свалится, самъ пальцами перебираетъ, а если встанетъ, такъ-такъ зашатается, что непременно нужно кому нибудь его подъ руку вести. Въ хозяйствѣ просить, бывало, Андрея Николаича распорядиться; придетъ управляющій, онъ и его въ Андрею Николаичу отсылаетъ. Люди видятъ, что между господами пошли какіе-то толки. Заберутся въ кабинетъ Михаила Ѳедоровича, долго о чемъ-то говорятъ. Катерина Ѳедоровна плачетъ, обнимаетъ его, на образъ клянется, Андрей Николаичъ тоже. Разбираются въ какихъ-то бумагахъ, Михаилъ Ѳедоровичъ пишетъ. Напало на всѣхъ какое-то смущеніе, всѣ въ голосъ говорятъ: «что нибудь да задумалъ! Башиловы не съ проста въ домъ въѣхали; даромъ они его любить не стануть».

— Немировскій народъ не любилъ Башиловыхъ. Заразовскіе люди у насъ по всему околodку гремѣли; привыкли жить въ довольствѣ, у Михаила Ѳедоровича все было барской рукой. Одѣты были не въ примѣръ лучше нашего брата дворянина; рѣдко у каѳого лакея часовъ не было. Народъ красивый, на подборъ... А про Башиловыхъ слухъ-то шелъ совсѣмъ другой... Тѣ жили въ тѣснотѣ, господа ихъ любили коепечку колотить. Видимъ мы однажды, что Андрей Николаичъ на Михаилъ Ѳедоровича лошадахъ поѣхалъ куда-то. На другой день вернулся, съ какими-то господами; а тамъ смотримъ—за батюшкой отцомъ Лаврентіемъ присылаютъ. Продержали его почти цѣлый день; къ вечеру только вернулся. Живемъ-то мы близко, съ матушкой его я кума, смерть хочется узнать. Пошла я къ нимъ на другой день.

«— Что, молъ, отецъ Лаврентій, вы вчера у Немирова такъ долго засидѣлись?»

«— Дѣло, говорить, было, кумушка; во свидѣтели былъ призванъ. Духовное завѣщаніе свидѣтельствовавъ.

«— Какъ, какое духовное завѣщаніе?»

«— Да говорить: Михаилъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ посмертное распоряженіе; ѣхать собирается въ чужіе края для излеченія, тамъ тамъ неизвѣстно, что можетъ случиться, въ животѣ и смерти Богъ воленъ...

— Больше онъ ничего мнѣ не сказалъ. Онъ у насъ на языкъ былъ крѣпокъ, лишняго словечка не проронить. А между прочимъ, люди всѣ какъ насторожѣ, ждутъ сами не знаютъ чего.

И точно, собравъ Михаилъ Федоровичъ всю дворню, управляющаго, всѣмъ объявилъ, что онъ Андрея Николаича поставилъ надъ всѣми господиномъ, вмѣсто самаго себя; что самъ онъ ѣдетъ, а Андрея Николаича чтобы слушались, во всемъ ему повиновались, чтобы безпорядковъ никакихъ не дѣлали, его бы этимъ не тревожили. Послѣ этого позвалъ въ себѣ дочь, и говоритъ ей: «Вотъ тебѣ мать и отецъ, и ты и все въ ихъ руки отдано. Люби и почитай ихъ какъ меня, ты теперь отъ нихъ зависишь. Я покоенъ; оставляю тебя на такихъ родныхъ, которые кромѣ добра ничему другому не научатъ. Сестрица такая мать, какихъ мало... Заслужи ея любовь и будешь счастлива. Я ѣду; ты видишь, я человѣкъ полумертвый, мнѣ нужно о своемъ здоровьѣ подумать»...

— Всѣ, послѣ этого объявленія, какъ въ воду опущенные ходили. Толкуютъ, шепчутъ. Барышня тоже, говорятъ, все приставала къ гувернанткѣ, да нянькѣ: «что же ей дѣлать, чтобы ее полюбили? и на долго ли все это папаша устроилъ?»

— Гувернантка тоже была смущена; ходила съ Михаиломъ Федоровичемъ объясняться на счетъ себя. Онъ, говорятъ, ей сказалъ:

«— Сестра все знаетъ, все ей отдано; надѣюсь, что все будетъ постарому.

— Послѣ всѣхъ своихъ распоряженій, Михаилъ Федоровичъ ни до чего не доходилъ. Другаго разговора у него не было, какъ осенью ѣхать въ теплые края. Катерина Федоровна его въ этомъ поддерживаетъ: говорить, что ему въ нашемъ воздухѣ жить нельзя, что онъ давно свое здоровье запустилъ, что онъ теперь только о томъ и долженъ думать, какъ его поправить. Наконецъ, настали и сборы. Барышня, Лидія Михайловна, плачетъ, просится съ отцомъ. Катерина Федоровна ее уговариваетъ. «Папашѣ, говорить, надобно лечиться, онъ къ намъ пріѣдетъ здоровый, а ты, мой ангелъ, поживи съ нами. Развѣ мы тебѣ, душечка, не нравимся? Развѣ ты мою Анеточку не полюбила?» И мадамъ тоже говорить: «Вы женщина разсудительная, вы ее уговорите... Куда же ему въ самомъ дѣлѣ больному человѣку ѣхать съ ребенкомъ... Да и объ себѣ подумайте, вѣдь вамъ въ этомъ путешествіи, кромѣ хлопотъ и заботъ, ничего не предстоитъ»...

— Михаилъ Федоровичъ и самъ братъ ихъ не соглашался. Такъ проводили его одного. Сталъ онъ съ дочерью прощаться, перекрестилъ ее, наверхуясь у него слезы. «Помни, говорить, мое приказанье: живи счастливо». Больше ничего не сказалъ. Отъ

болѣзни, что ли, не было въ немъ никакой горячности, точно онъ какъ будто всѣмъ и всему чужой. Съ Катериной Ѳедоровной истерика. Андрей Николаичъ самъ вскрикиваетъ, самъ сунется въ карету, носомъ тамъ вездѣ обшарить, со всего размаха садеть на подушки, мнетъ, мнетъ ихъ. «Братцу, говорить, чтобы покойниче было сидѣть». Вскочить оттуда, бросится на брата, примется его цаловать, да все съ разными приговорами. Такъ Михайлъ Ѳедоровичъ этимъ прощаньемъ разстроился, что въ карету-то его почти-что положили. Вышли всѣ за ворота его провожать. Катерина Ѳедоровна стоитъ, все платкомъ ему машетъ, а Андрей Николаичъ крестить, да такъ дробно, словно какъ, прости Господи мое согрѣшеніе, мухъ отгоняетъ. На народѣ просто лица нѣтъ, глядятъ ему вслѣдъ.

— Скрылся онъ изъ глазъ, а всѣ еще стоять въ раздумьи. Я въ ту пору тутъ же была, благодѣтеля своего приходила проводить. Андрей Николаичъ первый опомнился, крикнулъ: «Ну, ребята, по мѣстамъ, по мѣстамъ, ворота запирайте... Пойдемъ, дружечегъ Катю (онъ ее всегда такъ называлъ), не разстраивай себя... Дѣти, ведите мать, ведите ее на покой, на покой»...

— Подхватилъ ее подъ руку, дѣти тутъ же на одной ногѣ вертятся, потащили ее; а Лидія Михайловна сиротинчковой пошла съ своей мадамой. Я тоже пошлелась къ себѣ, думала тогда, что мнѣ въ домъ-то больше ужъ не бывать... Катерина Ѳедоровна госпожа такая важная, нашего брата-бѣдняка, пожалуй, и принять не захочетъ. А вышло на повѣрку — пришлось почти не выходить отъ нихъ. Оставили Вашиловы свое имѣніе, поселились въ Заразахъ. Андрей Николаичъ по деревнѣ ходить, въ каждой избѣ побывалъ, до послѣдняго хлѣва мужицкаго осмотрѣлъ. Самъ и въ поле, самъ и въ лѣсъ, ничто мимо его глазъ не проходитъ. Катерина Ѳедоровна сама отъ бабъ и тальки и холсты принимаетъ. Слышимъ-послышимъ отъ дворни—во всемія другіе порядки завелись. Пищу у нихъ соѣражали: бывало, и пироги, и жареное, ѣдали такъ, что иной въ христовъ день такъ не разговѣется. Теперь же, каждый цыпленочекъ, каждый утеночекъ на счету, каждая ложечка масла на вѣсу... Сами на всю семью одну курицу жарили, а чтобы въ городъ послать за мясомъ какимъ, не взыщите—извольте кушать баранинку. Варышня съ мадамой къ этой ницѣ были непривычны, день-то голодаютъ, попросить чего у экономки, той дать нечего—влючи у Катерины Ѳедоровны. Съ первыхъ-то дней все молчали, потомъ стали лю-

ди мадамъ жаловаться. «Заступитесь хоть вы за насъ, Лизавета Осиповна; мы молчали-молчали, да не въ мочь. Насъ вѣдь голодомъ поморили; мы ужь по дворамъ начали ходить кормиться... Когда же это у насъ бывало?»

«— Потерпите, говорить, скажу».

— И Лидія Михайлова что-то блѣднѣть начала. То на то, то на другое пожалуется. Стала тутъ Лизавета Осиповна говорить Катеринѣ Федоровнѣ, что Лидинька не совсѣмъ здорова, и желудокъ разстроенъ, что она тяжелой пищи никогда не кушала, нельзя ли что закаивать полегче. Что вотъ и люди тоже недовольны, что они уже не разъ приходили къ ней, просили... Катерина Федоровна обиделась, говорить: «Къ вамъ люди ходятъ жаловаться, а я-то тутъ что жь такое? Всѣ, кажется, знаютъ, что кромѣ меня здѣсь нѣтъ другой хозяйки. Что же, вы намѣрены вступаться? Тагъ вы тоже слышали отъ брата, кому все отдано на руки... Прошу васъ въ другой разъ ко мнѣ съ такими выговорами не подходить... Какія прихоти! мы ѣдимъ, мои дѣти ѣдятъ, чѣмъ же они хуже Лидочки?»...

— Ну, Лизавета Осиповна и перестала говорить. Живутъ они тагъ мѣсяць-другой, а къ нимъ въ домъ невхожа, объ житѣ ихъ со стороны знаю, только слышу—мадамъ приходитъ плохо. Чашку чая, кофею лишнюю выпьетъ,—Катерина Федоровна морщится. Стала она себѣ особенно покупать. Отсторонила ее Катерина Федоровна отъ всего. Швеи, бывало, сидятъ, шьютъ, Лидочкѣ полны сундуки готовить; Катерина Федоровна задала свои работы, ее и не спросила. Бывало, рѣдкій мѣсяць какой, чтобы Лидочкѣ обновокъ какихъ, либо забавъ не выписывалось; теперь нѣтъ этого ничего. Все повернули по своему. Лизавета Осиповна учила Лидиньку сама, къ башиловской гувернантѣ ее не пускала и сама въ ихъ дѣла не мѣшалась.

— Та садеть съ своими; дѣти-то, Анеточка да братья учатся громко, говорятъ рѣзко, мадама возьметъ Лидочку да уведетъ въ другую комнату, а то, бывало, говорятъ, встанетъ, да и вовсе отъ нихъ двери затворитъ. Возьметъ книгу, обниметъ Лидиньку, ходить съ ней по залѣ, читаетъ. Сядутъ въ уголокъ съ работой, и тихонько безъ умолка разговариваютъ. Придетъ къ Лизаветѣ Осиповнѣ въ комнату нянька Лидіи Михайловны, она и мать покойную ее вынуждала, садеть съ ними съ чулкомъ. Лизавета Осиповна имъ о своей сторонѣ рассказываетъ, про сына, что вотъ онъ теперъ большой, скоро пріѣдетъ, и также какъ она

будеть наниматься по домамъ въ учителя, плачетъ, палуетъ его портретъ, съ которымъ никогда не разставалась. Лидинья ее утѣшаетъ, сулитъ ей золотыя горы и счастье, такъ дни и ночи въ надеждахъ проводили, все особнячкомъ. Стала Анеточка говорить матери, что Лизавета Осиповна ее съ сестрой разлучаетъ, что гувернантка ихъ обижается, что она видитъ, что мадамъ считаетъ ее невѣждой, что она такъ жить не можетъ, будетъ просить расчета. Анеточка плачетъ, говоритъ, что Лизавета Осиповна Лидочку отъ себя не отпускаетъ, боится ихъ оставить вдвоемъ, какъ будто она такая дурная дѣвочка, что можетъ испортить сестру, рыдаетъ до истерики, кричить:

«— Я такъ обожаю Лиду, а мнѣ мѣшаютъ ее любить! Несчастливая я!»

— Катерина Федоровна сама плакать! Выговариваетъ мадамъ, за что она между дѣтьми вражду поселяетъ, что ей сдѣлали ея дѣти? Чѣмъ они виноваты, что Михаилъ Федоровичъ довѣрился имъ роднымъ, а не ей, посторонней... Такую-то подняла исторію! Мадамъ сперва говорила, что и въ умъ-то у нея ничего не было такого; видитъ, съ ней не сговоришь, замолчала, ушла къ себѣ и Лидочку увела. Только что ни день, то новыя у нихъ дѣла. Играютъ ли вмѣстѣ—Анеточка боится къ Лидочкинимъ игрушкамъ прикоснуться; идетъ ли она мимо комнаты мадамы—переступаетъ на пальчикахъ; заговорить ли та съ ней—вся она какъ будто оторопѣетъ, точно та богъ-знаетъ что съ ней дѣлается. Катерина Федоровна, говорятъ, бывало, плачетъ, вздыхаетъ, жалуется своей гувернанткѣ, что Анеточка ее совсѣмъ измучена. Лизавета Осиповна терпѣла-терпѣла, вздумала писать Михаилу Федоровичу. Стала просить его адреса — Андрей Николаичъ не даетъ.

«— Какіе, говорить, вамъ секреты писать? Нѣтъ у меня адреса. Жалобы, что ли на насъ писать хотите?... Жить вамъ скверно у насъ? Поѣзжайте, не держимъ! Вы намъ ни на что не нужны, можете уѣзжать. Есть при нашихъ дѣтяхъ гувернантка, и Лидочка можетъ у нея учиться... А вамъ по пустякамъ деньги платить—только лишніе расходы... Опоздали писать-то, я ужъ братцу обо всемъ писалъ... Можете себѣ искать другаго мѣста, а мы васъ не желаемъ—дѣтей только нортить. Братецъ—человѣкъ больной, характера вашего не замѣчалъ; да гдѣ ему и замѣтить было: съ покойницей его вертѣли имъ, какъ хотѣли... А мы съ Катю все видимъ... Вы племянницу отъ насъ отбиваете, мы все вѣ-

дмъ, да голову-то ей разными нустаями набиваете... Она вѣдь немаленькая; вмѣсто дѣла—чувствительности, да нѣжности разныя объ своемъ синочѣ толкуете! Я этого больше терпѣть не могу, сердце все изстрадаюсь, отравляете дѣтское счастье. Нѣтъ, покорно васъ прошу, уважайте... У насъ съ Катѣ всякое терпѣнье лопнуло! Какое же при васъ можно воспитанье дать ребѣнку? Что же Катѣ можетъ сдѣлать?... Вамъ платили тысячи, чему вы ее научили? Ни у нея манеры, ни у нея разговора... Все что-то съ ней нодъ носъ шепчетесь; чего же отъ этого ждать хорошаго? Мы съ Катѣ взяли воспитать племянницу и воспитаемъ, а васъ намъ не надо».

— Какъ онѣ это ей сказали, она, говорятъ, точно помѣшалась. А Андрей Николаичъ одно знаетъ, твердить: «съ Богомъ, съ Богомъ, матушка... Знаемъ мы эти слезы... Жалованья большаго терять не хочется, барыней жить привыкли, командовать, а какъ теперь воли не даютъ, такъ и сумасшествуете... Отправляйтесь, безъ разговора, безъ разговора... Миѣ платить вамъ нечѣмъ. Братцу тысячи посылай, вамъ давай, это и доходовъ недоставетъ! Съ своего имѣнья, что ли, для васъ тащить? Пожила, Богъ съ вами, и довольно. Мы, говорятъ, это съ братомъ порѣшили».

— Такъ они съ нея, можно сказать, голову сняли. Стала она плавать, просить ихъ. «Не надо, говорить, миѣ никакого жалованья, буду жить даромъ, только съ Лидочкой не разлучайте!»

«— И даромъ жить нечего, кричитъ Андрей Николаичъ!—Васъ, матушка, чего нибудь да стѣнитъ поить-кормить да одѣвать, а за все это моя Катѣ грубости отъ васъ выносить будетъ? Да и съ дѣвочкой-то, по вашей милости, сладу не будетъ; она и теперь волчонкомъ смотреть, тѣтка съ дядей отъ нея ласковаго слова не слышали... Такъ этого, сударыня, допускать нельзя... Намъ этого допускать нельзя. Мы съ Катѣ и передъ Богомъ и передъ братцемъ отвѣчать станемъ.

— Однимъ словомъ, батюшка мой Сергѣй Владиміричъ, и полгода не прожили они вмѣстѣ, спихнули-таки ее со двора. Ходе ей просто никакого не давали. Нянька, бывало, со слезъ надрывается, говорить: «Стали они барышню отъ нея отлучать. Велѣли ей въ ученье ходять къ ихъ гувернантѣ, а послѣ ученья Катерина Федоровна заберетъ ихъ къ себѣ, да и велитъ сидѣть въ своей комнатѣ, такъ что мадамъ по цѣлымъ днямъ не видитъ Лидочки.»

— Отобрали у нея все дѣтское добро, отдали своей гувернантѣ на руки. Лидія Михайловна, говорятъ, сидеть у тѣти, а у самой слезы такъ и текутъ. Придетъ къ нимъ Андрей Николаичъ, затарантитъ: «Катò, Катò, ты тутъ съ дѣтьми, съ дѣтьми? Лядочка въ куколки, въ куколки, играй, играй...»

— Схватить ее за руки, начнеть по комнатамъ крутить.

«— Дѣти, дѣти, кричить своимъ:—идите сюда, вертите ее, тормошите хорошенько, хорошенько...»

— Дѣвочка, непривычная къ этому, упирается... Вирвется отъ нихъ, покраснѣетъ вся, садеть въ уголокъ къ игрушкамъ, да и сидеть. Андрей Николаичъ посмотреть на нее, руки заложить въ карманы, плечи да брови поднять вверху, а Катерина Федоровна губу къ носу, да махнетъ на нее головой. Былась-былась мадамъ; довели до того — уложила свое добро, навляя подводу, свезла все къ пону и сама пришла къ нему, да и говорить:

«— Ватюшка, примите меня на время, дайте вашей повозочки, я вамъ заплачу, доведите меня до города.»

— Барышня, говорятъ, въ домѣ рвалась, металась, къ ней почти совсѣмъ было-убѣжала, не пустили тѣтка съ дадей. «Вотъ, говорятъ, дѣвочку пустять по чужимъ дворамъ шататься. Безумная эта сбѣжала, и эта еще за ней летить! Сиди здѣсь. Мы, матушка, отцомъ твоимъ надъ тобой поставлены старшими.» Такъ она съ ней больше и не видалась. Прожила мадамъ дня съ три, покуда пошъ съ лошадыи собрался, уѣхала въ городъ. Видѣла я ее тогда у отца Лаврентія, такъ-то она плакала, такъ плакала! Какъ уѣхала Лизавета Осиповна отъ Башиловыхъ, Андрей Николаичъ всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ въ уши трубить:

«— Вѣда, кричить, съ чужимъ добромъ навязаться! Только дурной славы наживешь. Чѣмъ она насъ съ Катò выставляетъ? Злодѣями... А что мы сдѣлали? Братцевы деньги сберегли. Безъ призора развѣ мы его дочь оставили? На чьихъ она рукахъ? Кто мы ей?»

— Конечно, всякій передъ нимъ молчалъ, потому что кому какое было дѣло мѣшаться? Родные между собой какъ хотятъ, такъ и дѣлають. Михаилъ Федоровичъ какъ въ воду кануль. Деньги ему, говорятъ, Андрей Николаичъ посылаетъ, а отъ него-то всего одно письмо получили. Люди всѣ ходять скучные, ни у нихъ гѣсеня, ни забавъ прежнихъ; Катерина Федоровна не любила. «Что, говорить, за гвалтъ такой, тутъ домъ не пустой, господа живутъ, терпѣть не могу этого мужицаго веселья.» Такъ, признаться спа-

затъ, какъ переѣхали къ намъ Башкиловы, въ Заразахъ скучно стало. Прежніе господа, хотъ когда и паѣзжали, удовольствію никогда не мѣшали. Всегда ужъ это передъ домоу качели ставились, хороводы водились, а тутъ все пошло на другой манеръ. Рѣдко-рѣдко гдѣ у дворянъ пѣсню услышишь. Попа нашего совсемъ замучили. Бывало, онъ въ восемь часовъ поблаговѣститъ, народъ соберется, отслужитъ себѣ обѣдню—и правъ. А тутъ благовѣстять-благовѣстять, народъ ждетъ, ребятъ-которыхъ принесутъ, кричатъ, оголодаютъ: извѣстно, къ такому великому дѣлу готовится, ѣсть не даютъ, просто смерть, а они все не ѣдутъ. Какъ завидятъ ихъ, начнутъ трезвонить. Андрей Николаичъ, бывало, всегда идетъ впередъ. Локти разставитъ, по народу такъ и идетъ, за нимъ отъ дѣтей чтò толчковъ достанется; Катерина Ѳедоровна послѣ всѣхъ; станутъ на свое мѣстечко. Андрей Николаичъ кругомъ мѣста-то всѣхъ разгонитъ. Катерина Ѳедоровна стоятъ все время на колѣнахъ, все по книжѣ молится. Андрей Николаичъ поетъ на всю церковь. Подвернется ему тутъ мальчишка или дѣвчонка какая, онъ имъ задастъ щелчка, самъ какъ ни въ чемъ не бывало. И грѣхъ, и смѣхъ на него смотрѣты! Вотъ я такъ-то, однажды, стою въ церкви, думаю себѣ: «вѣдь нужно мнѣ подойти къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, съ праздникомъ ее поздравить? Вѣдь она видѣла же меня у Михаила Ѳедоровича; не подумала бы она, что у меня гордость какая, либо непочтенье; подойду, думаю себѣ, чтò будетъ»...

— Кончилась обѣдня. Катерина Ѳедоровна сѣла на кресло, дожидается покуда народъ выйдетъ. Всѣ идутъ мимо нея, кланяются. Я стою, поджидаю покуда просторнѣе будетъ; тамъ иду съ Варичкой, подхожу къ ней, говорю: «честь имѣю съ праздникомъ поздравить». Она мнѣ поклонилась, говоритъ: «спасибо вамъ, давно васъ не видала, зайдите когда нибудь».

«— Покорно васъ благодарю... Боюсь васъ безпоконть, сударыня»...

«— Ничего, говоритъ, приходите. Дочка ваша?»

«— Моя, сиротка.

— Подвернулся тутъ Андрей Николаичъ.

«— Идемъ, Катò, идемъ. Дѣти, дѣти! Руками всѣхъ собираетъ.

— Кивнулъ мнѣ головой.—Здорово живешь, сосѣдушка?

— Самъ бѣжитъ, самъ кричитъ: «заходи, заходи... Сиротку Богъ не обидитъ»...

— Поклонилась я имъ вслѣдъ, поблагодарила за ласку, въ умѣ

своемъ положила, что надобно будетъ сходить. Обождяла дня два, да послѣ-обѣда и собралась, Варичку съ собой взяла. Прихожу къ нимъ на дѣвичье крыльцо, прошу доложить господамъ; говорить: еще кушаютъ, подождите. Сѣла съ Варичкой въ дѣвичьей, съ нянькой тутъ кое о чемъ поговорили; слышу, встаютъ изъ-за обѣда. Дѣти бѣгутъ по корридору, забѣжали въ дѣвичью; я встала, поклонилась имъ, они это во всѣ глаза на меня посмотрѣли, да и бросились къ матери, стали ей, должно быть, пофранцузски говорить, что вотъ мы тамъ ожидаемся. Позвали насъ къ ней. Сидитъ она на диванѣ, поклонилась мнѣ. Я Варичкѣ говорю: «педи поцалуй ручку».

— Она ей дала руку, говорить:— здравствуй, здравствуй...

— Я стала отъ нея этапъ поодоль, Варичка ко мнѣ прижалась.

«— Садитесь, говорить».

— Сѣла я съ краюшка у двери; дѣвчонка-то моя отъ меня не отходить; ухватила за меня, да и смотреть на ихъ дѣтей; а они то придуть, то уйдутъ. Посмотрать, побѣгутъ къ гувернанткамъ, тамъ ей говорить, говорить... Гувернантка придетъ, начнетъ Катеринѣ Федоровнѣ со смѣхомъ что-то рассказывать, та ей тоже съ улыбкой отвѣчаетъ. Думаю себѣ, объ насъ говорить; ну, да Богъ съ ними! Гляжу, Андрей Николаичъ идетъ. Поклонилась я ему; онъ говоритъ: «не зналъ, не зналъ, да прибѣжали дѣти, сказали: посмотрите, какая у насъ гостя сидитъ! Какая, думаю, гостя? А это вотъ кто пожаловалъ!»

— Стала я ихъ тутъ спрашивать о Михаилѣ Федоровичѣ: какъ онъ въ своемъ здоровѣи поправляется... что молю за него Бога, благодѣтель онъ мнѣ былъ, послѣ моего покойника, и что никогда меня не оставлялъ, что добродѣтель его я всегда помню. Андрей Николаичъ на это говорить:

«— Мы, матушка, тутъ гости, гости... У насъ тутъ всякая муха въ счетъ идетъ... Отчетъ, во всемъ отчетъ. Обузу взялъ, свое все пропадаетъ, надъ чужимъ сижу, трясусь... Благодѣльствамъ конецъ теперь, вонецъ!...

«— Я не къ тому это сказала, батюшка мой Андрей Николаичъ, говорю ему.—Я, по милости Бога и благодѣтеля, всѣмъ теперь довольна, все у меня есть, ни въ чемъ нужды не имѣю; живу слава-богу. Доминико мой на мой вѣкъ станеть, землищи немного, да съ меня будетъ... Садыкъ мужъ хорошъ оставилъ, съ него доходець небольшой получаю, такъ чего же мнѣ еще?... Я это для того говорила, что въ душѣ моеи всегда ихъ благо-

дѣяніи въ памяти... А просить мнѣ чегонибудь отъ вашей милости передъ Богомъ грѣхъ, да и передъ людьми совѣстно.

«— Грѣхъ, говорятъ Андрей Николанчъ:—конечно грѣхъ, еще бы этого всего мало! Ты, матушка, какъ тебя зовутъ не знаю...

«— Агафья Тихоновна, говорю.

«— Да, Агафья Тихоновна, ты богаче насъ съ Катю. У насъ вотъ, видишь — трое дѣтей, воспитаніе, матушка, воспитаніе чего одно требуетъ. А взять гдѣ? Чтò такое наше имѣніе съ женой? Нуль... Сыновьямъ нужно служить въ гвардіи, куда же больше? Имъ нѣтъ другаго мѣста. Анеточка, видишь, какая растетъ? Вѣдь такія, матушка, въ губерніи не провисаютъ, ей въ столицѣ блистать! Вотъ и разсуди, достанетъ ли тутъ состоянья. А вамъ чтò? Ты вѣкъ пожила прекрасно. Дочкѣ твоей чтò нужно? Грамота русская, такъ это что жь? За даромъ этому выучится. Значить, ты все копн да копн.

«— Копить-то, я говорю, гдѣ ужъ, Андрей Николанчъ; слава тебѣ Господи, хотъ концы съ концами сводишь. Конечно, ваше дѣло другое; вы люди большіе, намъ и думать нечего съ вами равняться, а все-таки хотѣлось бы и свою дочку чемунибудь научить. Нишѣ, такъ какъ я—безграмотной не проживешь. Я, конечно, ничего не могу ей больше предоставить, а все-таки по крайности хотъ порусскому, да счету научить. И этого-то здѣсь за деньги не сдѣлаешь. Къ руководѣлю съ шести годочковъ стала ее приучать. Она у меня и чулки вязать мастерица, и вышиваетъ по каленкору, хотъ нехорошо, да я и сама на эту работу не очень исправна, потому что гдѣ же мнѣ было такую чистую работу работать... Вѣлье ее шить заставлять—мала, такъ все за бездѣльнымъ дѣломъ и сидеть, а года-то идутъ, грамоту-то и не начинали. Купила на ярмаркѣ азбучку, все думала—попрошу отца Лаврентія»...

— Вдругъ мнѣ на это Катерина Федоровна говоритъ: «Я благодѣтельствовать вамъ, какъ мой братъ, не могу, а доброе дѣло сдѣлать не прочь. Мои дѣти шутя выучатъ вашу дочку. Присылайте ее ко мнѣ; тутъ она у дѣвокъ и работамъ встати поучится, все пригодится. Баловаться не будетъ, я и своихъ баловать не люблю, всегда стараюсь ихъ чѣмънибудь занять. Присылайте».

— Я встала, да въ ноги ей поклонилась, поймала ее руку да поцеловала.

«— Вы, говорю, мнѣ, сударыня, такое дѣлаете благодѣяніе, что я и во всю жизнь мою этого не забуду! И чѣмъ заслужить вамъ—

не знаю. Все что прикажете, вѣчная ваша раба. Кланяюсь, Варичка, въ ножки своей благодѣтельница! Человѣкомъ тебя сдѣлать хотять... И чѣмъ это мы передъ Господомъ-Богомъ такую милость заслужили!»

— Не могла я тутъ отъ слезъ удержаться. Андрей Николаичъ тоже твердить:

«— Мы отъ добраго дѣла не прочь... Присылай, присылай, дорого не возьмемъ выучить! ха, ха, ха, покатывается. Взяточку, взяточку готовы!»

— Я отъ радости точно одурѣла.

«— Батюшка мой Андрей Николаичъ, говорю ему:—по силѣ моей возможности, всѣмъ служить рада!

— Онъ такъ и заливается, хохочетъ.

— Посидѣла я у нихъ еще немного, пошла домой, боялась ихъ беспокоить. Ухожу, а Катерина Федоровна повторяетъ, чтобы и Варичку приводила. Такая-то я отъ нихъ пошла веселая, дорогой-то этой дурочкѣ толкую: «Вотъ, Варичка, учись, будь умница, сами господа за тебя взяли... Видишь, какъ грамотные-то умные люди живутъ, дѣтей своихъ въ чужія руки не отдають... А я вотъ безграмотная, и пришлось людямъ кланяться, чтобы дѣтищу родному счастью предоставили... Смотри же, дятятко мое ненаглядное!»

— А она у меня знай одно: «Я, мама, боюсь...»

«— Чего, говорю, боишься, и, глупенькая: грамота не звѣрь, не кусается.»

— Пришла домой, да сейчасъ къ кумѣ-попадѣ, радость ей свою объявить.

«— Дай-богъ, говорю, имъ здоровья. И вправду по лицу людей не узнаешь, и обласкали и добро сдѣлали.

— Въ добрый часъ, говоритъ, кума. А ты молебень отслужи, да свѣчку поставь, а съ понедѣльника ее и поведешь.

— Такъ это я все и сдѣлала. Помолившись Богу, одѣла, причеса-ла дѣвочку, азбуку завернула ей въ платокъ, повела къ Вашиловымъ. Ходитъ моя Варичка къ нимъ недѣлю-другую, цѣлые дни у нихъ сидитъ; я только Богу за нихъ молюсь, что сироту при-зрѣли. Отдала ее на ученье Катерина Федоровна племянницѣ, говорить: «моей Анеточкѣ время совсѣмъ нѣтъ. Цѣлые дни сама все сидитъ за науками; я ужъ рада, когда у нея въ рукахъ книжки вижу. А вотъ Лидія Михайловна такъ перебалована, глѣнна. Ея самой въ пользу пойдетъ съ вашей дѣвочкой заниматься». Ну

ужь, думаю себѣ, это ваше дѣло, тамъ кому хотите ее отдавайте. Придетъ домой, спрашиваю ее: понимаетъ ли науку-то?

«— Скоро ли ее, говорить, поймешь...

«— Ты, говорю, не лѣнись, старайся, не гнѣви ихъ. Мы люди маленькіе, нетолько что господамъ, и горничнымъ подь часъ уважить должны. Чтѣ же дѣлать, коли Господь-Богъ тагъ поставилъ?

— Слушаетъ, бывало, меня, слушаетъ, «маминька, скажеть: ты бы мнѣ чего поѣсть дала... Я вѣдь дѣлный день не ѣмши... за столъ не сажають, а чего сносятъ— не дають, а просить сама не станешь!

— Бывало, говорить, а у самой слезы капають.

— Что, обратилась Агафья Тихоновна къ дочери:—не забыла, какъ въ богатыхъ хоромахъ съ голоду было-померла?

— Будеть вамъ, маменька, сказала Варя, еще ближе наклонившись къ пальцамъ.

— Чего будеть-то, продолжала Агафья Тихоновна, засмѣявшись:—чего же тутъ молчать-то? Тутъ вѣдь нѣтъ никакого порока, что ребѣнокъ ѣсть захотѣлъ. И большому доведись день-другой не поѣсть, и онъ голосомъ завоетъ... Накормлю ее, батюшка Сергѣй Владиміръчъ, чѣмъ богъ-послалъ. У матери для своего дѣтища всегда хоть корка найдется; самъ не съѣшь—ребѣнку отдашь. Сама, бывало, ее кормлю, а сама все причитываю: «объ ѣдѣ-то, дурочка, плавать нечего; вотъ коли чего не понимаешь—объ томъ плачь...

— Дамъ ей часокъ погулять, а тамъ опять за книжку посажу.

«— Тверди, говорю, чтѣ тамъ показано.

— Разъ, какъ-то, Катерина Ѳедоровна приказываетъ мнѣ съ Варичкой придти къ ней съ утра. Повела я ее сама. Прихожу, застаю Катерину Ѳедоровну въ кладовой, сундуки передъ ней раскрыты, набиты полотномъ, видимо-невидимо, все, значить, та гувернантка для Лидочки клада. Катерина Ѳедоровна сидитъ, отбираетъ самыя тонкіе, съ дѣвшкой ихъ размѣраетъ.

«— Здравствуйте, говорить, я за вами послала... Вы говорили, бѣлье уѣдете шить? Вотъ не возьметесь ли, мнѣ тутъ нужно кое-что подѣлать? Чужихъ людей на себя работать не хочу заставлять, а съ вами сочтется...

— А у нихъ въ ту пору изъ двора довольно-таки народу повнбыло. Житье какъ пошло плохое, лучшія швеи да мастерицы жить не захотѣли, отступились на волю, родные помогли, а кто на оброкъ пошелъ.

«— Съ великимъ монимъ, говорю, удовольствіемъ за счастье себѣ почту вамъ работать, чѣмъ нибудь вамъ за ваши благодѣянія угодить.

«— Спасибо, говорить; такъ мы вотъ тутъ покроемъ, а ужъ вы шейте. Да теперь вечера дѣлаются длиннее; что же вашей дѣвочки ничего не дѣлать? Я велѣла нитокъ размотать, дамъ вамъ чулокъ на мѣрку, вы и ей начните. Она трудится будетъ не даромъ.

«— И, Богъ съ вами, говорю, благодѣтельница вы наша! Какихъ же ей еще отъ васъ милостей надо? Ваша работа намъ нисколько не въ отягощеніе, только пожалуйте.

— Набрала у нея, Сергѣй Владиміричъ, цѣлый узелъ, притащила домой. Чуть зорька, а я ужъ на ногахъ; справимся кое-какъ съ своимъ домашнимъ дѣломъ, да и за иголку. Бывало, сидишь день-то весь, да вечеръ, шьешь, всю спину разломить. Хочется хочется прилечь отдохнуть, нѣтъ—удержишься: думаешь, какъ поскорѣе да усерднѣе сдѣлаешь, такъ и они, можетъ, къ ребѣнку усерднѣе будутъ. Прошелъ мѣсяць-другой; «что, говорю, Варичка, ты бы мнѣ чего въ книжкѣ почитала?

«— Гдѣ же, говорить, маменька: я только тройные склады прокожу.

«— Чтò такъ это у васъ долго? вонъ, ужъ у пона давно читають по складамъ. Ты, вѣрно, тамъ шалишь! Вотъ я сама ходитъ стану къ Катеринѣ Федоровнѣ, погляжу, чтò ты тамъ дѣлаешь. Смотри, Варя, спуска не дамъ!

— Дѣвка моя въ слѣзы.

«— Какъ же мнѣ, говорить, маменька, еще учиться? чтò велеть, чтò дѣлаю; я развѣ виновата, боли мнѣ такъ показываютъ. Что же, учишься-то всего одинъ часъ, а то все сидишь за пальцами. Я въ эти два мѣсяца никакъ аршинъ десять Катеринѣ Федоровнѣ прошивокъ нашила!

— Нечего дѣлать; браню-браню ее, да замолчу.

— Нѣтъ, думаю себѣ; пойду я, посмотрю, какъ у нихъ дѣла идутъ. Какъ это такъ, Господи Боже мой, крестьянскіе ребята азбуку ненимають... Неужто ужъ она у меня такая безтолковая! Зло мени на нее разбирало. Пришла я однажды къ Катеринѣ Федоровнѣ; сорочки покончила, ей пригласла. Посидѣла, да и говорю: «Позвольте мнѣ, матушка, послушать, какъ моя Варичка учится».

«— Что жъ, идите, она тамъ у Лиди въ комнатѣ.

— Подошла я тихонько къ двери; слышу, Варя моя склады

то мнѣнть! Я дверь немножко отворила, да на ципочвахъ вошла, чтобы не мѣшать имъ. Гляжу, Лидія Михайловна сидитъ у окна, уткнувши голову въ стекло, а Варя отъ нея на концѣ комнаты у стола. Какъ услышала Лидія Михайловна, что кто-то вошелъ въ комнату, вскочила, увидала меня, поклонилась.

«— Здравствуйте, говорю ей, барышня; вотъ, пришла посмотреть, что моя дочка дѣлаетъ.»

«— Учится. Сама сѣла опять къ окну.»

«— Да какъ она у васъ, мой ангелъ, учится-то?»

«— Какъ умѣю, такъ и учу...»

«— Да вы-то, говорю, умѣете, моя красавица, ова-то понятна ли?»

— Она мнѣ ничего на это не отвѣчаетъ, сидитъ, да изподлбья на башмаки свои поглядываетъ. Я тоже стою, на нее гляжу. Совсѣмъ пережѣнилась, и узнать-то ее почти нельзя. Волосы на двѣ косы заплетены, платье старенькое, голубое пол-терва мытое, изъ Анеточкинаго перешито. Лицо какъ-то пожелтѣло, подъ глазами черно... А глазами прямо не глядитъ, какъ-то въ сторону, либо опуститъ ихъ. Посмотрѣла я на нее, вздохнула, да и говорю:

«— Спасибо вамъ, мой ангелъ барышня, что вы сиротку не оставлете, за это васъ самъ Богъ не оставитъ... Что, по папинькѣ скучаете?»

— Она молчитъ.

«— Письма онъ вамъ часто присылаетъ? спрашиваю ее.»

«— Рѣдко, говоритъ. Сама опять въ окно уткнулась.»

— Я постояла еще, да и говорю:

«— Ну, прощайте, барышня, поворно васъ благодарю. А ты, Варичка, барышню слушай, понимай. Пошла я къ дверямъ, Лидія Михайловна говоритъ Варѣ: «читай!» Постояла я еще у дверей, притворила ихъ, да и пошла къ Катеринѣ Федоровнѣ. Сѣла у окна, работаю, на нихъ посматриваю. Они собрались всѣ вмѣстѣ. Анеточка, такая разодѣтая, съ книжкой. Посмотрѣла на меня, отвернулась. Она со мной никогда двухъ словъ не сказала. Я, бывало, по глупости своей, думаю тоже велика ли! Подойду такъ, книжечку ея, либо платице ея возьму въ руки, посмотрю, похваляю, она на меня покосится, такъ отъ нея и уйду.»

— То-есть гордости въ этомъ ребѣнѣ, и не приведи Богъ сколько было написано. Ужъ не только что со мной, она и въ домѣ-то передъ всѣми пось поднимала. Куда тебѣ — и не узнаешь, бывало, та ли эта Апеточка, что у Лидии Михайловны чуть-ли не ручки целовала! Нынѣ на нее и не глядеть; станетъ съ ней

говорить, такъ все съ какими-то ужимками, либо нехоты. Приласкаться—никогда! Да я, признаться сказать, никогда не видала, чтобы Лидію Михайловну кто-нибудь изъ нихъ ласкалъ. Мальчишки ее эти, за угломъ куда подчасъ обижали. Варя, бывало, поразскажетъ: все ее рыжей англичанкой дразнить. Ученьемъ ея никогда гувернантка не бывала довольна, рѣдко когда на нее жалобъ Катеринѣ Федоровнѣ не приносила, все ей Лизаветой Осиповной глаза колола; каждый ея шагъ судили. И взойдетъ-то не такъ, и сидеть неовно, и говорить-то, что никто ничего понять не можетъ. Гувернантка-хитрячка, такъ Анету во всемъ на видъ выставляла. Катерина Федоровна съ ней была первый другъ; ужь несмотря на то, что была жадна, какъ жидъ какой, прости меня Господи! все-таки дѣлала ей подарки. Придетъ къ нимъ Лидія Михайловна, возьметъ работу, сидеть въ сторонкѣ, словечка не промолвить, словно, право, чужая. Андрей Николаичъ взойдетъ, пытитъ. Умался, говоритъ: госпожи нашей Лидіи Михайловны доходы повѣрялъ. Чтѣ, матушка, молчите? Станетъ къ ней приставать. Чѣмъ недовольны? Обидѣли васъ тутъ, чтѣ-ли?

— Она вся покраснѣетъ, все молчитъ.

«— Перестань, скажетъ Катерина Федоровна:—ты видишь, что тутъ ни шутокъ, ничего не понимаютъ... Пора, кажется, привикнуть. Ужь годъ живемъ вмѣстѣ. Есть ли тутъ къ кому-нибудь любовь? Есть ли тутъ къ чему-нибудь привязанность? Машина!... пошла, пришла, сѣла... Не знаю, чтѣ изъ этого будетъ дальше.

— Тутъ начнетъ гувернантка ей говорить по своему, да обѣ, одна за одной. Анеточка черезъ книгу на нее посматриваетъ. Андрей Николаичъ заложить руки въ карманы, плечи подниметъ, ходить по комнатѣ; а Лидія Михайловна ни словечка, только ужь такъ покраснѣетъ, что даже уши загорятся. Я сижу, на нихъ смотрю, даже жаль ее станеть, встану, уйду въ рабочую, гдѣ моя Варя за пальцами сидѣла. Нянька Лидіи Михайловны сидитъ, чулокъ вяжетъ, а у самой лицо въ пятны пошло, въ голосъ ихъ просто ругаетъ.

«— Господи, говоритъ, и какія это, прости Господи, баринъ нашъ поѣхалъ лихія болѣсти лечить! Отдалъ ребенка на митарство. Всю-то ее разули-раздѣли, возу свою вырядили... Съ голоду просто поморили, да еще цѣлый день пилать. Какіе это родные; весь бѣдный свѣтъ пройди, такихъ не найдешь. Про нихъ, что-ли, сундуки-то наготовили? Все забрала до послѣдней ниточки, рѣжетъ, крамсаеть, знать ничего не хочеть! Вашишки ре-

бенюкъ износить, донанивай Анюточкины!... Да что она, холопка, что-ли, барскіе обноски носить? А ея всё новыя повытаскали, да на свою надѣли, платья всё лучшія своей перешили!... Спихнули Лизавету Осиповну со двора, давай все изъ дома тащить! Чего-чего они въ свое это поганое Курьино ни перевезли! Веза ломается! Что корней изъ сада повпрыгли, всё поля нашимъ зерномъ обсыяли... А изъ кладовой-то? И самовары, и лампы, и подсвѣчники, и холсты-то, и нитки, и сукно, дворню свою голую обшивать.. А наши вонь-стали съ продранными локтями ходить... Да что это за срамъ такой! Какіе это господа, ненасытные какіе-то! Прежде, бывало, пріѣдетъ, проситъ, дай ему мѣшечковъ зерна насыпать, старостѣ показать, видишь видѣлка у нихъ дурна; а тутъ и горохъ, и крупа и мука—все въ отличномъ видѣ, навезетъ всего этого домой, да сидитъ кормится, а вотъ теперь поровитъ всякаго обобратъ... Курьяна на дворѣ понравилась—неси ее въ праздникъ на поклонъ; мужикъ провинился—нѣтъ чтобы по справедливости взымать, онъ съ него телушку либо овцу тащить!... Да что это, мои батюшки, просто грабежъ, отъ роду моего этого не видала, шестьдесятъ лѣтъ прожила, людямъ въ глаза стыдно посмотришь. Всякій говорить, Заразовскимъ господамъ не клади плохо. Когда это было, чтобы наши Заразовскіе господа такую объ себѣ черноту пускали!»...

— Какъ она ужъ очень расходится, я оттуда поскорѣе бѣжать—боюсь услышать, сважутъ: вотъ сидитъ тутъ, насъ ругаютъ, а она за наши благодѣянія только слушаетъ. И не знаешь, что и дѣлать. Хочется съ Варей посидѣть, нельзя; душа просто дрожить; пойдешь опять къ нимъ, а тамъ никто съ тобой не говорить. Такая-то скука, даже дремота одолѣветъ. Работашь-работашь, да подчасъ и носомъ клянешься. Сейчасъ это дѣти замѣтатъ и на смѣхъ поднимаютъ. Андрей Николаичъ во все горло загрохочетъ. «Что, сосѣдушка, во снѣ видишь?»

«— Встала-то, говорю до зарни, оттого и дремлетъ.

— Такъ, батюшка мой Сергѣй Владиміръ, и годъ сровнялся, я почти все за чужой работой просидѣла. А Варвара моя въ этотъ годъ, съ записками да принписками только-только читать выучилась. Ужъ на что я, непонимающій человекъ, и тѣ, бывало, такъ въ спину и хочется толкнуть, чтобы она слова-то поскорѣе выпускала. Ну, думаю себѣ, и за это слава тебѣ Господи; не жетъ, съ весной-то лучше будетъ. А весной-то и случись такой грѣхъ! Должно быть, въ исходѣ мая, пошла Вара, по обыкнове-

нiю, къ Башкиловымъ, а я, убравшись, вела скамеечку да сѣла въ саду подъ яблонками. День-то просто благодать! Все въ цвѣту, запахъ такой, словно медъ глотаешь. Сижу себѣ, работаю, слышу, Вара меня въ сѣняхъ кличетъ.

«— Здѣсь, говорю ей. Ты чего пришла?»

«— Маминька, скажи царство небесное: Михаилъ Федоричъ померъ.»

— Такъ я испугалась, руки просто опустились. Перекрестилась, да и говорю: «помяни его, Господи, во царствiи твоемъ. Отъ кого слышала?»

«— Какъ же, говорить. Дѣти всѣ учились, Катерина Федоровна тутъ же ходила, а Андрей Николанчъ въ полѣ былъ. На дороге съ нимъ встрѣтился кучеръ изъ города, съ почты письмо привезъ. Какъ подалъ ему, Андрей Николанчъ распечаталъ, началъ читать, а самъ ну креститься, да такъ скоро-скоро побѣжалъ. Кучеръ сказывалъ: гляжу на него, а у самого сердце упало.»

— Андрей Николанчъ прибѣжалъ, бросилъ шапку въ лакейской, да черезъ корридоръ къ дѣтямъ въ учебную, письмо держитъ въ рукахъ. «Гдѣ, говоритъ мать, а? Гдѣ?» Увидалъ ее. «Молись, говоритъ, мой другъ, нѣтъ его больше на свѣтѣ, нѣтъ!»

— Лидiя Михайловна сейчасъ это поняла, съ неожиданности замертво покатила! Нянъка бросилась на нее, подняла, положила на постель, такъ надъ ней востъ. Дѣвки всѣ работы побросали, всѣ надъ ней егонились, плачуть... Такой-то у нихъ въ домѣ теперь плачь, причитанье!... Я пальцы закрыла да и убѣжала.

— Поди ты, поди ты, горе какое! Вотъ и чужие края не помогли! Пойду, сердце не тернить, посмотрю, что съ сиротой дѣлается. Покрылась платкомъ, прихожу въ нимъ во дворъ. Прикащикъ изъ дома выходитъ, утирается.

«— Здравствуйте, говорю, батюшка Иванъ Демьяничъ, услыхала о вашемъ горѣ, прибѣжала. Благодѣтель нашъ»... Да такъ ужъ и договорить не могла.

— Онъ въ платокъ уткнулся, рыдаетъ. Говорить: «посѣтилъ насъ Господь, Агафья Тихоновна!»

«— Кто пишетъ-то? спрашиваю его.»

«— Камердинеръ... Да вы зайдите, Агафья Тихоновна, ко мнѣ во фангаль, въ домъ-то теперь не до васъ»...

— Вошла я къ нему. Жена его меня встрѣчаетъ, подаловалась а съ ней, она такъ годосомъ завyla.

«— На кого, говорить, насъ кормилецъ нашъ оставилъ! Куда мы теперь горькіе дѣвнемся... Жили прежде въ повоѣ, въ радости, что теперь-то намъ будетъ!...

— Иванъ Демьяничъ ходитъ, только головой потряхиваетъ.

«— Иванъ Демьяничъ, говорю я ему:—гдѣ они свончались-то?

«— Въ нѣмецкомъ городѣ. Пишетъ лакей; велѣли ему доктора вѣдн какія-то пить; онъ ихъ пилъ, легче ему не дѣлалось; они его еще куда-то послали, в тамъ лечился, все пользы нѣтъ никакой; отправили-было они его еще, поѣхалъ, да въ городѣ какомъ-то заболѣлъ и ѣхать не могъ, тутъ и жизнь повончилъ. Совсѣмъ теперь Андрей Николаичъ нашимъ господиномъ сталъ.

«— Васъ-то, мой батюшка, говорю ему:—въ духовной помѣстилъ, что-ли?

«— Царство ему небесное, ни объ комъ ничего не сказалъ, и заслуги наши всѣ даромъ пропали; все отдавъ въ руки Башиловыхъ; какъ хотѣть, такъ и дѣлають! Нужно, значить, ждать теперъ милостей отъ барышни...

«— Подкрѣпи ее-то Господи, говорю; чай, я думаю, она безъ памяти, моя голубушка?

«— Будешь, матушка, безъ памяти, какъ поддержки никакой не осталось. Чтѣ толковать, нынче родные хуже чужихъ стали... Сами видите, не за горами примѣровъ искать...

«— Хочется мнѣ въ комнаты пройти, посмотрѣть на нее, мою горькую.

«— Идите, коли хотите. Тамъ, говорить, душа не выдержитъ.

— Взшла я на заднее крыльцо, прошла въ дѣвничью; тамъ дѣвви собрались въ кучку, плачутъ, шепчутся, другіе суетятся, кто съ водой, кто съ уксусомъ. Я подошла къ нимъ, спрашиваю: чтѣ съ барышней, что-ли, дурнота-то?

— Сама, говорятъ, Башилиха съ радости убивается.

— Я на цыпочкахъ подошла къ ея комнатѣ, двери настелъ, я остановилась. Смотрю, Катерина Федоровна лежитъ на кровати, Андрей Николаичъ ей ноги третъ, гувернантка съ Анеточкой ей уксусомъ голову поливаютъ, а она сама дикими такими глазами на всѣхъ поводитъ, и вдругъ какъ завизжить, такъ, батюшка, что меня даже всю морозомъ обхватило. Андрей Николаичъ вскочилъ, бросился въ двери, спибъ-было меня съ ногъ. Бѣжить, кричить, поѣхали-ли за докторомъ.

— Я вышла оттуда, спрашиваю: гдѣ же Лидія Михайловна?

«— У себя въ комнатѣ, съ нянькой.

«— Можно туда прейти?

«— Отчего же? идите. Хоть чужой кто провѣдаетъ, свол-то всё отступились.

— Пошла я къ ней, отворила дверь, кровать ея за ширмочками стояла. Слышу, онѣ тамъ; подошла потихонько, заглянула, да такъ сама слезами и залилась.

— Нянъка сидитъ на постели, а Лидія Михайловна у нея на колѣняхъ; обнялись-то онѣ такъ крѣпко... что Господи-Боже мой, до сихъ поръ я этого забыть не могу! Вотъ ужъ подлинно круглой сиротой осталась.

— Я вамъ этого какъ-то и рассказать не смѣю... Видала я сиротъ, и свои оставались, да все какъ-то кругомъ ихъ добрые люди приступались; хоть такой же бѣднякъ, хоть помощи никакой не могъ принести, все хоть заплачетъ-то вмѣстѣ, ласковое слово въ горѣ скажетъ! А эта, моя голубушка, одна-одинешенька. Ухватилась за свою старуху, такъ, кажется, ее не оторвешь.

— И правду русская пословица говорить: черезъ золото слезы льются. Погибла черезъ свое богатство! Ужъ гдѣ эта проклятая денъга заведется; около нея всегда, прости меня Господи, сатана хвостомъ виляетъ!

— Съѣла я тутъ подлѣ нихъ. Лидія Михайловна и глазами не открываетъ. Нянъка посмотрѣла на меня, побачала головой такъ-то горько, что всякой бы понялъ, какъ имъ легко было. Пробыла я съ ними тутъ до вечера и дѣвчонку свою дома позабыла. Нянъка уложила Лидію Михайловну въ постель. Андрей Николаичъ пришелъ къ ней съ докторомъ. Посмотрѣли на нее. Андрей Николаичъ говоритъ: «ничего... съ ней ничего». Ушли. Нянъка разливается, плачетъ!

«— Съ нами, говорить, все ничего, мы отъ всего оттерпимся. Господи-Боже мой, чтѣ-то съ этимъ ребѣнкомъ будетъ? Какія она еще мытарства перенесетъ! Нѣтъ-то защиты ни въ комъ на дѣломъ бѣломъ свѣтѣ; одна-то я старая, и ту теперь куда хотить, туда сплхнуть! До чего еще моя сѣдая голова доживетъ!

«— Что, говорю, вы ужъ такъ убиваетесь, матушка Прасковья Семеновна? Вѣдь не чужіе же они ей, все и кусокъ у нея свой остался, не на ихнемъ же она дѣлѣ будетъ жить.

«— Обожрутъ они ее, матушка, всю, всю обожрутъ!... Чего же они у нея въ этотъ годъ-то ни потаскали? Вѣдь мы разгѣ не видимъ. Гдѣ же ей на нихъ суда-то искать? все въ ихъ алчныя руки покойникъ отдалъ... А теперь-то какъ опекуномъ сидеть,

такъ ни кола ни двора не оставить; развѣ мы этихъ примѣровъ не видали, развѣ мало по міру отъ этихъ енекуновъ-то пошло?... Покойниа челоѣка, что ли, надъ ребѣнкомъ своимъ да надъ добромъ поставилъ? Вора голоногаго, въ чужихъ штанахъ вѣнчался... Такъ развѣ такой челоѣкъ помагѣть? А она-то что? Ея у насъ не учиться наживаться. Старую дѣвку спихнулъ баринъ съ рукъ. Кто бы ее звалъ-то съ ея двадцатью душами? Нашъ же наградилъ, прикупилъ ей сто душъ, а она все, бывало, у насъ вѣжить... Какое, бывало, наша барыня захочетъ платье дѣвѣ подарить, такъ она и то выпросить. Когда въ нихъ какое благородство было! А теперь и спрашивать не у кого; бери только зная, а тамъ отнисувайся, что на нее потратили... И на грѣхъ только этотъ ребѣнокъ родился, лучше бы я ее съ другими похоронила!

«— Что вы, Прасковья Семеновна! все во власти божьей; ужъ не такіе же они алме, все хоть сколько нибудь Бога побоятся!

«— Матушка, матушка Агафья Тихоновна, куда ты, не во гнѣвъ твоему дворянству, проста-то! Гдѣ же ты это ихъ добро-то видишь? Что они тебя въ гостиной сажаютъ, да опивку тебѣ чая дадутъ... Эхъ, бѣдность, она это добротой называетъ! Скажешь, дѣвчонку твою сюда каждый день водятъ, грамоту учить? Такъ она наровиѣ съ нашей Лушкой въ дѣвничей въ пальцахъ-то, твоей милосердой Катеринѣ Ѳедоровнѣ шьетъ, да и у самой-то у тебя никакъ ужъ на пальцѣ вся кожа исшита... А спасибо много ты отъ нея видѣла? два рваныхъ платишка тебѣ бросили, которыми порядочная баба полъ подотреть... Полно ужъ говорить-тѣ. Благодарна ты имъ, ну и молчи, а насъ успокоивать нечего».

— Выслушала я это отъ нея, Сергѣй Владиміръчъ; что дѣлать—смолчала. Вѣдь этотъ народъ въ барскихъ домахъ хуже самихъ господъ съ нами обращается. Какъ ты имъ ни потрафляй, они все найдутъ, чѣмъ тебя уколоть. Ужъ я ли, кажется, съ ними была не ласкова, особливо за дѣвчонку свою, каждому, бывало, въ глаза глядѣла — нѣтъ, мой батюшка, этотъ народъ ничѣмъ не прива- жешь! Идешь, бывало, такъ мимо ушей пропускаешь, что тебѣ вслѣдъ-то говорятъ... Такъ тебѣ насмѣшки и подпускаютъ, за то, что господа обласкали. А я, бывало, думаю себѣ: плевать на васъ, я отъ Катерины Ѳедоровны зла не вижу, добро она моей дѣвчонкѣ дѣлаетъ, и я ей служу, чѣмъ могу. Какія еще тутъ обиды, что она со мной не говоритъ, сами садутъ за столъ меня

не позовутъ, Богъ съ ними; я знаю, человекъ я необразованный. То-то дура была; глѣзла сама, не знала куда! Ну-съ, батюшка мой, погоревала-погоревала я съ ними тогда, пришла домой, говорю: «Варичка, въ Вашиловымъ погоди ходить, имъ теперь не до тебя. Гдѣ Лидіи Михайловнѣ при горести своей съ тобой возиться? сиди дома. Напомнать хорошо, а не напомнать — такъ, стало-быть, тому и быть. Сама тоже въ нимъ неяду. Чего тамъ, думаю, сидѣть, глазами хлопать, какое я имъ утѣшеніе сважу? Такъ только въ церкви видались, служба у насъ была заказная, и то Катерина Федоровна не замѣчаетъ. Въ такую горестъ далась, не прошло того раза, чтобы съ ней дурноты не дѣлались, просто всему народу на удивленье. Бывало, межъ собой толкують: вотъ убивается-то сестра! куда противъ дочери... А у насъ, батюшка, въ простомъ народѣ, кто объ своемъ родномъ голосомъ не воетъ, тотъ ужъ, должно быть, и не жалѣетъ. Помянули они его шесть недѣль, Андрей Николаичъ уѣхалъ въ городъ, опеку принимать, да духовную предъявлять. Оставалась Катерина Федоровна одна. Пошла я къ ней относить работу, дошивала еще кое-что; она мнѣ и говорить:

«— Что же ваша Варинька не ходитъ?

— Я ей въ отвѣтъ:—да потому не посылаю, что въ такое время боялась васъ беспокоить, до нея ли теперь Лидіи Михайловнѣ!

«— Что же такое? Вѣдь это не танцамъ учить, тутъ-то отца и помянуть добрымъ дѣломъ.

«— Да оно, конечно, говорю, доброе дѣло, да какъ на умъ другое, такъ это, можетъ, имъ въ отягощенье.

«— Вотъ, вздоръ какой! Что ужъ горе, такъ и сидѣть слова руки, да она и безъ горя ничего не дѣлала. Горе, матушка, должно быть въ душѣ. Я побольше ея огорчена потерей моего единственнаго, незабвеннаго друга, брата; да вотъ видите? Дѣлаю, тружусь, забочусь объ ней, и она должна дѣлать что-нибудь. Присылайте, присылайте. Нечего ей сидѣть дома, забывать. За работу спасибо, сочтемся. Я вотъ вамъ еще тутъ приготовила такъ, кое-какія бездѣлицы... А въ счетѣ у себя запишу, что я вамъ должна.

«— И, что вы, говорю, Катерина Федоровна, обижаете меня, какіе счеты! Я и такъ много вашими ласками довольна, сироту не оставляете; какой же мнѣ еще милости надо? Васъ Господь наградитъ за вашу добродѣтель.

— Стала мнѣ Катерина Федоровна жаловаться на свое здоровье.

«Заботы, говорить, меня изнуряютъ. Такое головокруженіе, боюсь умереть... Да и потеря эта меня сразила! Докторъ здѣсь плохой, надобно бы полечиться, своихъ средствъ нѣтъ... Ходить, говорить, больше надо; куда ужъ ходить, ноги не носятъ! Дождусь Андрея Николаича, пойду гулять — къ вамъ приду.

«— За великое почту счастье, пожалуйста, истинный будетъ праздникъ. Въ садикъ мой съ дѣтками пожалуйста погулять.

«— Приду, говорить, непременно приду. Такая тоска; не знаю, гдѣ и разсѣяться.

— Прихожу домой; говорю, вотъ этой-то моею черномазой: «вѣдѣла тебѣ Катерина Федоровна приходять къ нимъ опять. Пускай ее, говорить, учится, нечего ей дома дѣлать, забывать науки.» А она у меня, батюшка Сергѣй Владиміръчъ, въ слѣзы!

«— И какая это, говорить, наука—мука только одна! Видно тебѣ, маменька, меня не жаль, что ты меня къ нимъ отпускаешь; видно, я у тебя нелюбимая осталась!

«— Дурочка ты, дурочка, говорю я ей:—не твоего-ли я добра хочу. Ты вѣдь посмотри, нынче ужъ послѣдній дрянной мужичиска и тотъ свое дѣтище учить. Что же ты у меня безграмотная-то останешься; да кто тебя за себя возьметъ? Нынѣ ужъ не старые порядки...

— А она мнѣ въ отвѣтъ:

«— Насмѣшка только одинъ терпишь отъ этихъ чертенятъ Андрея Николаича. Придетъ, который за платокъ дернетъ, другой говорить: барышня-свинопаска... Одинъ возьметъ меня за голову, другой Лущву, толкнуть насъ лбами да и убѣгутъ. Я говорю: вашему папенькѣ съ маменькой пожалуюсь... Они говорить: «попробуй-ка? Такого кулака получишь, въ другой разъ не скажешь!» Что въ день однихъ концовъ въ кухню сдѣлаешь по приказанью Катерины Федоровны, какъ холопка ей служишь, да и отъ людей-то тоже, только развѣ щелчковъ не получаешь.

«— Ну, наплевать на нихъ, а все-таки твоя польза у нихъ есть.

«— Какая, говорить, польза? Коли бы отучился да домой пришелъ, нѣтъ—садись, спину для нихъ гни...

«— Нехорошо, говорю, Варичка; нужно быть благодарной. Деньгами мы имъ не платимъ, нужно чѣмъ нибудь заслужить.

«— Имъ никогда ничѣмъ не заслужишь; они только, знай, подкладываютъ... Самимъ на себя рубашки некогда зашить, у самой всѣ пятки въ чулкахъ провалились, а имъ все вижи да вижи...

«— Молчи, говорю ей. Мать знаетъ, что дѣлаетъ... Видишь, принялась разговаривать? Ума-то въ головѣ на горошину нѣтъ, а тоже чужія слова повторяетъ, у дѣвокъ-то наслушалась... Ты хоть съ ними и сидишь, а все должна помнить, что благородная, а не ихъ мужицкія рѣчи слушать. Башкиловскія дѣти богатая, имъ повѣсничать можно; на нихъ, видишь, сколько ругъ работаетъ; а тебѣ повѣсничать нельзя; ты, вотъ какъ ни вертись—одна; такъ благо есть гдѣ уму-разуму поучиться, а шельки-то заживутъ, обижаться ими нечего... Они намъ честь дѣлаютъ, придти хотятъ, вниманіе показываютъ; гдѣ намъ маленькимъ людямъ въ амбицію лѣзть! мы должны имъ уважать, кавамъ ужъ тутъ гордость.

— Толковала я ей толковала, выплакала-таки она у меня, чтобы я еще хоть немножечко обождала къ Башкиловымъ ее посылать. Гляжу — денька черезъ три, они всей гурьбой идутъ ко мнѣ, Андрей Николаевичъ, ну всѣ, всѣ. День былъ просто рай. Вечеромъ они часовъ въ шесть пришли. Я выскочила на крыльцо, прошу ихъ покорно взойти въ комнату.

— А ужъ у меня, не въ похвальбу сказать, въ зальцѣ всегда чисто. Взошли они. Я сейчасъ Катерину Федоровну прошу на диванъ, Андрея Николаевича тоже. А онъ куда тебѣ, и не садится, такъ по комнатѣ и суетится.

«— Видишь, видишь, говорить, Катò, какъ сосѣдшка наша поживаетъ? Славно, славно, чего же еще?... Перегородочка...

— Сунулся туда; за нимъ дѣти.

«— Кровать, а, Катò, кровать... Сундукъ... Небось, сосѣдка добра много наколотила, а? Самъ по спинѣ меня колотить.

«— А тутъ что? Сѣни?

— Полетѣлъ въ сѣни, за нимъ дѣти, и гувернантка не отстаетъ. Я среди комнаты верчусь, не успѣваю оглядываться, только твержу: «прошу покорно», а они такъ мимо меня и ширяютъ!

— А Варька вотъ эта дрянная, забилась на свѣтелку да и сидитъ тамъ, нпчѣмъ ее оттуда не вытацишь!

— Обшарили они у меня весь дворъ, въ кадушки-то вездѣ заглянули; я ужъ не знаю, гдѣ ихъ и искать. Слышу—они въ саду. Андрей Николаичъ кричитъ: «Катò, иди сюда; чего вы въ бомятѣ забились?... У сосѣдки ягодъ много»...

— Я иду къ нимъ съ Катериной Федоровной. Говорю: «кушайте, прошу покорно»... А они и безъ того всѣ по кустамъ разсѣпались. И Катерина Федоровна моя въ малинѣ поплыла.

— Я бросилась отъ нихъ на свѣтелку. Грѣшный человѣкъ, Варю больно тогда за косы оттаскала. «Пошла, говорю, въ садъ къ господамъ, малины набери... У меня вѣдь не четыре руки, сливокъ подать надо, самоваръ согрѣть».

— Всплзнула моя дѣвка, пошла. А она-то, Боже мой, въ саду; вѣрьте, Сергѣй Владиміръчъ, даже кусты трещать! Дивилась я, не потому чтобы мнѣ жаль чего было—жалѣть-то нечего, воробы же вѣдь оклевываютъ; но ужь этакой жадности, мой батюшка, и не видывала! Точно будто они сроду не ѣдали—такъ зубами и трещать, безъ разбора, и спѣлую и неспѣлую! Яблонка у меня есть скороспѣлочка, такъ Андрей Николаичъ ее почти-что всю обтресъ. Самъ трасеть, самъ приговариваетъ: «сосѣдка не прогнѣвается, что гости въ кои-то вѣни пришли и яблочекъ поѣли!»

«— На здоровье батюшка, кушайте... Дѣточки, извольте взять гостиничку, дома полакомитесь».

— Такъ эта гувернантка да Анета, вѣрьте, въ фартуки больше, чѣмъ по десятку положили; а сыновья-то и въ карманы, и въ платки, ну такъ-таки безъ всякой совѣсти. Катеринѣ Федоровнѣ я отобрала самыхъ лучшенькихъ въ корзиночку; была у меня такая хорошенькая, такъ я ей и поклонилась—не отдали. Бывало, вижу ее, либо въ неѣ клубен казіе, либо что другое положено, взять какъ-то самой совѣстно, а они не отдаютъ, такъ у нихъ и осталась. Часа съ два они у меня пробыли; угостила я ихъ только какъ могла, и чѣмъ Богъ мнѣ послалъ. Пошла провожать ихъ до дома. Андрей Николаичъ дорогой все это мое заведенъице выхваляетъ. А я вѣдь, батюшка, дура. У меня вѣдь что на азыкъ-то держится? Нѣтъ — ничего; я ему и скажи: «посоветуйте мнѣ, батюшка Андрей Николаичъ, есть у меня пятьдесятъ рублей: отъ землицы, что я продавала — осталось, да такъ трудами моими сколотила... Хотѣлось бы мнѣ ихъ отдать въ вѣрныя руки, процентикъ положить небольшой, чтобы какъ Варичка моя подростетъ, чтобы была у нея какая копейка, въ случаѣ, если Богъ благословитъ ее замужъ пойти; а не выйдетъ ей такого случая, денъга ей и въ дѣвкахъ пригодится. Такъ какъ вы думаете? Что же имъ у меня въ сундукѣ безъ всякой пользы лежать? еще мыши, пожалуй, сгривутъ когда»...

«— Что же, хорошее дѣло, сосѣдка. Дочкѣ-то всего десять лѣтъ; ну, если черезъ шесть лѣтъ понадобится капиталъ, такъ онъ наростетъ процентами.

«— То-то, и я такъ, мой батюшка, думаю. Только отдать-то не знаю кому: все у насъ тутъ бѣдность.

«— Кому отдать? Да отдай мнѣ. Мнѣ вотъ жену надо осенью въ городъ отправлять, лечиться. Денегъ своихъ мало, на саротскія не поѣдешь, я съ радостью возьму... Положу тебѣ пять процентовъ, въ шесть лѣтъ пятнадцать цѣлковыхъ; вѣдь они, матушка, не валяются—все пригодятся... Отдавай, я возьму.

«— Я такъ подумала съ минуту. Сказала сама, да вдругъ и оробѣла, да потомъ и образумилась. Чтò, думаю, Господи, поущеніе на меня какое... Что они и вправду нехристи, что ли, какіе, сиротской послѣдней крохой попользуются? Покуда у меня все это на умѣ проходило, Андрей Николаичъ мнѣ и говорить:

«— Ты, можетъ, сосѣдка, сомнѣваешься, что тебѣ гдѣ-нибудь больше процентовъ дадутъ? Нѣтъ, матушка, это—вздоръ, обманъ. Я тебѣ по сиротству дамъ пять, а не хочешь ли три у другихъ.

— И тутъ-то, Сергѣй Владиміръчъ, я съ этими пятидесятью рублями и порѣшила. Дернула же меня нелегкая объ нихъ заговорить. Все-то глупость моя всему виною. И была бы моя Варичка съ приданымъ, а осталась теперь, по милости своей матушки, вотъ при одномъ этомъ клоукѣ... Възя свой будетъ на меня плакаться. То-то все по себѣ судила, чужимъ словамъ вѣри не давала. Коли бы я тогда глядѣла въ оба, никогда бы этому не бывать. А то ввѣрилась имъ; слышу, чтò про нихъ говорятъ—мимо ушей пропускаю. Одно заадила себѣ: не просила я ихъ, сами на добро моей дѣвочкѣ напросились. Есть въ нихъ, стало быть, доброта; на всѣхъ вѣдь, и то сказать, не угодишь...

— Наущеніе на меня, что ли, тогда какое было, ужъ и сама не знаю.

Агафья Тихоновна заплакала. На этотъ разъ я не мѣшала ей, понимая причину; я терпѣливо ждалъ, когда она успокоится, и начнетъ свой рассказъ, который очень меня занималъ.

— Ну, батюшка, какъ проводила я ихъ до дома, вернулась, стала объ своемъ дѣлѣ обдумывать. Ночь всю не спала, въ головѣ все перемутилось. Коли бы я тогда своего сердца послушалась, можетъ быть, и не отдала, да пожадничала на проценты, за то меня Господь Богъ и наказалъ. Положила все-таки на томъ: напомнить Андрей Николаичъ — отдамъ, а сама напоминать не стану. Такъ прошло лѣто, наступила осень; въ концѣ сентября мнѣ и говорить Андрей Николаичъ: «сосѣдка, привнеси же деньги; я черезъ два дня ѣду въ городъ, женѣ квартиру нанять... Своихъ

пособралъ, да и твоихъ признанъ приходится». Такъ у меня сердце унало; а отказаться не посмѣла — побоялась.

«— Хорошо, Андрей Николаичъ, завтра принесу.

— Пришла домой, отперла сундукъ, достала ихъ. Лежали они у меня въ кошелькѣ еще батюшки-покойника, и теперь тамъ пустой остался. Пересчитала, положила подъ подушку, легла спать, всю ночь на нихъ провертѣлась, не заснула. Поутру къ обѣду отнесла. Андрей Николаичъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ; я ему отдаю, да и говорю, да не складно какъ-то: «вы ужь, батюшка Андрей Николаичъ, маѣ дайте обезпеченье какое»...

— Онъ какъ захохочеть.

«— Какое же тебѣ, Агафья Тихоновна, обезпеченье?

«— Да хоть расписочку какую... Что, вотъ деньги взялъ, проценты будутъ наростать... Ну, однимъ словомъ, Сергѣй Владиміръичъ, богъ-знаетъ чтò горожу.

— А онъ такъ и заливается — хохочеть. А чему хохоталъ? Я не смѣлю — говорю, а онъ смѣлится, да не хочетъ сдѣлать.

«— Какую же тебѣ расписку? Пиши я тебѣ на цѣломъ листѣ, что вотъ взялъ, буду платить... Да вѣдь ты читать-то не умѣешь? А дашь кому другому прочесть, такъ вѣдь тебѣ и навратъ и украсть могутъ. Какія тутъ расписки? Дала, матушка, такъ вѣрн на слово».

— Ну, чтò же мнѣ ему послѣ этихъ словъ было говорить? Помылась-помылась, да и замолчала. А онъ пошелъ къ Катеринѣ Федоровнѣ, сталъ ей разсказывать; она тоже это, такимъ обидчивымъ голосомъ приняла; такъ меня дуру съ толка и сбили. Въ концѣ октября стала Катерина Федоровна собираться въ городъ. Взяла съ собою Анеточку, а гувернантка съ Лидіей Михайловной да съ сиротками оставалась въ деревнѣ. Андрей Николаичъ наѣздомъ, то въ городѣ, то здѣсь. Анеточки-то ихъ, должно быть, годовъ семнадцать сровнялось. Катерина Федоровна говоритъ: беру ее въ городъ для того, чтобы ее при концѣ во всѣхъ наукахъ усовершенствовать, послѣдніе ей уроки дать.

— Обозъ такой снарядили, что просто бѣда! Комнаты почти что всѣ оголили. Диваны, кресла, зеркала, все это самое лучшее; съ оконъ занавѣски, все это у покойника Михаила Федоровича матеревое было, ковры богатѣйшіе бархатные. Съѣстные всѣ припасы. И птицей-то, и вареньемъ, и соленьемъ, ну, просто—полный домъ вывезли. Ужъ не говоря что изъ сундуковъ! Муфты-то собольи, покойной жены Михаила Федоровича, и хвосты-то, и шали

и серебро, всего не перечесть. Прасковья Семеновна только себя под нось ворчить, глядеть, какъ это все мимо нея таскають.

«— Гляди и ты, говорить она мнѣ:—гляди, матушка, казнись; отдала мнѣ свою послѣднюю рубашку съ тѣла, ну, и поминвай какъ звали, попомни мое слово».

— Молчу, крѣплюсь, а у самой сердце такъ и щемить. И вѣрится и не вѣрится. Думаю: Господи, люди они ученее и въ книжкахъ читали, какъ по божьё жить-то надо, какъ тамъ сказано, одѣжу одну себя, а другую бѣдному отдай... Ну, они хоть своей-то не отдавай, да и чужой не бери!

— Они суетятся, а я у нихъ все на глазахъ верчусь. Думаю, авось дастъ какую росписочку. Рѣшилась опять вымолвить.

«— Андрей Николаичъ, батюшка, вы ужъ сироту-то не забудьте. Послѣднее вѣдь»...

— А онъ на меня какъ закричитъ!

«— И, да будетъ тебѣ, Агафья Тихоновна, приставать! Съ вашимъ братомъ мелкотой связись, такъ не радъ жизни. Ея одолженіе сдѣлали, а она каждый день ноетъ. Твоя дѣвчонка, я думаю, у насъ въ эти два года не на пятьдесятъ рублей съѣла, да и то не считаемъ... А ты дала въ заемъ, да еще проценты какіе стянула, и каждый день какъ съ пожомъ къ горлу! Заплачу. Чортъ дернулъ дѣло съ тобой имѣть. У любого бы мужика взялъ, такъ тотъ бы такъ не надоѣдалъ».

— А я, Сергѣй Владиміричъ, характера робкаго: на меня кричи только, я сейчасъ оторопѣю. Я заплакала, да и говорю:

«— Вы, благодѣтель мой, Андрей Николаичъ, не извольте гнѣваться. Какъ мнѣ могутъ противъ васъ какія мысли приходить... А такъ-какъ я это своими трудами нажила...»

«— Ну, нажила, нажила. Все я это знаю, да ужъ сказано одинъ разъ, такъ и толковать нечего».

— Съ тѣхъ поръ, батюшка, я объ нихъ ни-гугу. Думаю, Богъ съ ними совсѣмъ, стыда-то этого не возьмешь, какъ когда-нибудь тебя съ дѣвчонкой со двора вогонать. Будь его святая воля!

— Только ужъ очень я это стала тосковать, такъ и Варю свою неохотно отпустила; а Катерина Федоровна наказала, уѣзжая, Лидіи Михайловнѣ ею заниматься, и гувернанткѣ велѣла за этимъ смотреть; а на гувернантку весь домъ оставила.

— Уѣхала Катерина Федоровна, Андрей Николаичъ поѣхалъ ихъ провожать. Осталась гувернантка одна, и такой-то форсъ взяла, что ну тебѣ!

— Лежить, до двѣнадцати часовъ спать. Встанеть, пошла на лакеевъ кричать, что не въ время ей чай подаютъ, кушать ее долго ждать заставляютъ. Дѣвки ей неглаженны юбки подаютъ; и то не такъ, и другое не такъ, бубнить цѣлый день какъ бубенъ.

— Мальчашекъ совсѣмъ распустила. Позоветь ихъ, посадить за книгу, поддержать полчаса, пошли на всѣ четыре стороны.

Всѣхъ изъ лакейской да дѣвичьей не выпихнеть. Дерутся, ругаются; когда это они успѣли всему научиться, кто ихъ знаетъ, срамъ просто! Съ Лидіей Михайловной гувернантка въ ладъ двухъ словъ не скажетъ. Той тоже не стало ужъ втерпѣжъ. Стала и она ей срывать, и братьямъ сдачи давать; такъ-то ихъ тоже хватить, бывало, по уху либо за вихорь, только держись. Поднимуть плачь, жалобы. Гувернантка вытолкаетъ Лидію Михайловну въ комнату, оставить ее либо безъ обѣда, либо цѣлый день оттуда не выпускаетъ, пошлетъ мою Варю къ ней въ ученье. А какое ужъ тутъ ученье, сами вы посудите? Подъ сердитую руку, обшипеть ее, оборветъ; придетъ моя дѣвка домой, глаза какъ у кролика красные.

— Чтѣ за пропасть, думаю, ну ихъ, содомъ этотъ! Перестала ее пускать. Не пускаю недѣлю, не пускаю другую. Слышу: Андрей Николаичъ вернулся изъ города, присылаетъ за мной.

«— Здравствуй, сосѣдка, давно не видались. Жена поклонъ тебѣ прислала, да дѣльцо кое-какое, не знаю, тамъ узелъ у экономки спросишь. А тутъ безъ насъ Луиза Егоровна, гувернантка, мнѣ поразказала; Лидія Михайловна свой характерецъ показала, всѣмъ досталось?... А, матушка, чтѣ прикажете дѣлать, какъ тутъ ее исправлять? Вотъ, у васъ на глазахъ, скажите, бить ли ее, бранить ли, требуютъ только должнаго... Вотъ оно, воспитаніе-то безъ матери, только баловство одно. Осиповна эта, только деньги брала, да всѣ ея прихоти исполняла, а какъ пришлось къ дѣлу, такъ она кулаки да грубость всѣмъ показала. Нѣтъ, моя голубушка, этого нельзя!... Катѣ моя хочеть доброе дѣло сдѣлать, чтобы когда-нибудь твоя дѣвочка ей спасибо сказала, а она драться? Нѣтъ, этому не бывать... Ты на это, сосѣдка, не смотри, дѣвочку свою присылай, насъ этимъ не обижай. Лидію Михайловнѣ потачки давать нечего, и слышать я этого не хочу, чтобы завтра же здѣсь была.

— Такъ онъ мнѣ наговорилъ, насуетилъ, что я и слова ему въ отвѣтъ не сказала. Пришла домой, Варю къ нимъ послала, сама

не знала что дѣлала. Опутали они меня, связалась я съ ними по рукамъ и ногамъ. Закабалла меня Катерина Ѳедоровна въ свою работу, благо дешево пришлось, все счеты какіе-то сводила, и по сю пору, должно быть, считаетъ; по глупости своей вѣбраться я отъ нихъ не знала какъ.

— Теперь-то я все это разсудила, а тогда-то, поди-ка, казалось, чего лучше дочку отдать въ благородный домъ. А чему она въ этомъ благородномъ домѣ научилась? Славу только объ себѣ Башкиловы пустили, что вотъ мы, дескать, доброе дѣло дѣлаемъ. А какое дѣло? Катерина Ѳедоровна никогда Варю и не спросила, выучила-ли она что-нибудь, а воли и спросить что, такъ такъ напустился на Лидію Михайловну, что Варѣ же отъ этого хуже достается. Только, бывало, ей наравнѣ съ своими дѣвками уровни въ пальцахъ задавала, да нитки на самени мѣривла... Охъ, ужъ и говорить-то совѣстно, въ глупости своей признаваться. Лучше бы я платила полтинникъ попу въ мѣсяцъ, и жила бы себѣ не подневольной какой... То-то все наша дворянская гордость, а пора бы намъ дворянамъ проучиться, какъ въ богатымъ господамъ въ домъ лѣзть. Вѣдь эти богатые, чего изъ насъ не дѣлаютъ? Пословица русская говоритъ: хоть не дуракъ, а зовись такъ. Между собой-то мы гордимся, что къ нимъ вхожи, а тамъ-то изъ насъ шутовъ корчатъ... Конечно, все отъ бѣдности своей... Нѣтъ, ужъ Варя моя теперь учена!

— Ухъ! халь Андрей Николаичъ, и пошли у нихъ тамъ опять баталіи, только еще хуже. Вступилась нянька за Лидію Михайловну. Съ гувернанткой такъ зубъ за зубъ! Та кричитъ: «во всемъ пожалуюсь, дай Катеринѣ Ѳедоровнѣ пріѣхать; либо меня не будетъ, либо тебя спихну со двора, я этакихъ обидѣ отъ хамки переносить не могу!»

— И, Боже мой, что тутъ бывало! Нянька виѣ себя отъ злости ужъ не помнить, что и про кого говорить. Ругаетъ и Андрея Николаича, и Катерину Ѳедоровну, и дѣтей-то всѣхъ. Дѣвкамъ ее унимаютъ, она одно твердитъ: «миѣ одинъ ковецъ, смылай куда хотать! Что, я уважать имъ, что-ли, стану? Какъ же не такъ, плевать и хотѣла! Всякаго сброда, нехриста поганого въ домъ возмутъ, я ему голову подставлять стану? Какъ бы не такъ, много взяли... Гоня меня, хоть убей меня, всѣмъ, всѣмъ буду говорить, грабители, вотъ имъ что! Жалуйся она на меня, поди! Я в ѣмъ-то тоже въ глаза сажу, накажи меня Богъ, скажу!»

«— Будешь тебѣ, Прасковья Семеновна, говорю ей: — что ты себѣ на старости лѣтъ, какую исторію готовишь!

«— А ужъ ты молчи, Агафья Тихоновна, ты меня не сердн! Я вѣдь по твоему барскихъ хвостовъ не лизала! Чертенка своего черномазаго барышнѣ на шею навязала, еще за нее — за эту пакостницу, каждый день ругаютъ! Я ужъ ее когда-нибудь погоню, она у меня не поидеть.

— Я заплакала: такъ мнѣ это горько и обидно стало, да и сказала ей:

«— Матушка, Прасковья Семеновна! чѣмъ же ребѣнокъ виновать, да и я-то тутъ чему причинной? Сама Катерина Федоровна хотѣла намъ эту милость сдѣлать, я и не просила.

«— Милость? Да ты ослѣпла, что ли, не видишь, какая тутъ милость! Что она вамъ всѣмъ досталась-то? Ты говоришь: своему ребѣнку предоставить счастье хочешь, а она не ребѣнокъ, что ли? Статочное ли дѣлю, день-деньской они плять тамъ, съ твоей види сиди. Да Катерина Федоровна свою-то бы козвуху заставила твою дочь учить... Нѣтъ, видно не очень... Добро взялись ей сдѣлать, а сами носъ-отъ воротять, навязали на Лидію Михайловну, тиха досталась... Чье же это, наконецъ, Господи-Боже мой, терпѣнье выдержитъ! Что она, не понимающая, что-ли? Она и то молчала-молчала, два года вѣдь не шутка терпѣтъ, чье сердце выдержитъ! Ты посмотри, на кого она стала похожа-то? Она росла у насъ — Анечка ихъ ей въ подметки не годилась! Обмыли ту, обчесали, вырядили въ ея добро, а ее въ лохмотьяхъ, ночитай, пустили? Ты посмотри, осталась ли въ ней кровинка?... Такъ есть ли въ васъ послѣ этого Богъ, и въ тебѣ-то тоже? Мало ей еще и безъ твоей Варьки заботы... Всѣ-то вы, какъ посмотрю я на васъ, отъ богатыхъ до голышей, норовите свой интересъ соблюсти! Ну, ужъ оборветесь вы всѣ, отольются вамъ ся слезки!

— И, Господи, такъ-то ужъ она всѣхъ тутъ кляла, что у меня уши просто горѣли. Взала я свою Варю, одѣлась поскорѣе, да домой. Боже меня сохрани, говорю, когда тебѣ къ нимъ пустить! Коли бы я знала только, что изъ этого выйдетъ, нога бы моя въ ихъ домѣ не была.

— Пошла къ отцу Лаврентію, рассказала ему, что вотъ такъ и такъ, обиды только однѣ, а толка-то никакого изъ этого не вышло; возьмитесь вы, батюшка, ее учить, а я ее отъ Катерины Федоровны возьму. Онъ отказывается. «Я, говоритъ, имъ наперекоръ не пойду; я самъ человекъ отъ нихъ зависимый; что же мнѣ себѣ

непріятности наживать. Сами вы, кумушпа, разсудите, и радъ бы душой, да не могу.

— Вотъ, на томъ все ея ученье и покончилось. Какъ гувернантка ко мнѣ послѣ этого ни присылала, я все не ходила. Ну, Богъ съ вами совсѣмъ; хотъ и приняла стыдъ, да ужъ рада была, что развизалась. Думаю себѣ: деритесь вы тамъ, какъ хотите, мое дѣло сторона. Я и по совѣсти, и передъ Богомъ, и передъ людьми ничѣмъ неповинна. Коли бы не бѣдность моя, такъ какой бы меня шутъ къ вамъ понесъ!

— И свои-то сосѣди на сибѣхъ тоже поднимали. Придетъ кто навѣститъ: «что, говорятъ, сосѣдка, дома засѣла? Студѣмо, что-ли, въ барскихъ хоромахъ показалось? Бывало, гдѣ нашу Агафью Тихоновну исвать, все у Башилихи, да у Башилихи. А ношѣ ты что-то и носа туда не кажишь?»

— Такъ только съ дурусти своей, сраму съ ними наприжималась. Послѣ святой, воротилась Катерина Федоровна. И такая-то у нихъ, говорятъ, пошла перепалка въ домѣ, не приведи-то Господи! Гувернантка стала ей жаловаться на няньку, на Лидію Михайловну.

«— Какъ, говоритъ, вамъ угодно: либо няньку вонъ, либо мнѣ пожалуйте разсчесть, а я съ ней въ одномъ домѣ жить не могу. Съ Лидіей Михайловной при ней слада нѣтъ никакого, она ея и противъ васъ и противъ всѣхъ научааетъ. Пошлите за Агафѣй Тихоновной, я вамъ ея въ свидѣтели поставлю, она и ея и дочь ея изъ дома выгнала».

— Присылаетъ за мной Катерина Федоровна. Дѣвка-то это мнѣ все разсказываетъ. Батюшки мои, такъ у меня душа и упала!

— И зачѣмъ это, Господи, меня-то куда суютъ! Нечего мнѣ тамъ говорить... Чего я пойду?

«— Идите, говоритъ дѣвка: — тамъ Прасковѣй Семеновѣй и за васъ досталось, гонать со двора».

«— Да, батюшки мои, за меня-то за что же? Я жалобъ никакихъ не приносила, я ея никогда не была обижена... Мало ли что въ сердцахъ говорится...»

«— Тамъ какъ знаете, говоритъ дѣвка: — а на судъ къ Катеринѣй Федоровнѣ идите».

— Такъ это было мнѣ непріятно, а нечего дѣлать — пошла. Вошла я въ дѣвичью; думала, оны въ другихъ комнатахъ, а оны тутъ всѣ столпились. Катерина Федоровна на лавкѣ сидитъ, тутъ и дѣти всѣ, и Андрей Николанчъ. Лидія Михайловна въ углѣ

стоятъ, плачутъ, а нянька съ гувернанткой посерединѣ комнаты, такъ другъ другу не уступаютъ!

— Увидалъ меня Андрей Николаевичъ, кричитъ: «Ну, вотъ она, вотъ на лицо!»

— Нянька даже на меня не взглянула, говоритъ: «Мнѣ никого не надо, я отъ своихъ словъ не отпираться! Мнѣ хоть весь свѣтъ соберите, при всѣхъ скажу: нѣтъ этому ребѣнку житья! Не родны ваши руки, на тиранство только покойный баринъ вамъ ее оставилъ! Пьете, ѣдите, и содомъ весь свой на ее счетъ содержите. Скоро въ домѣ палки не останется, собаки изъ-подъ стола выгнать! Вотъ вамъ мои слова! Ссылайте куда хотите, жалуйтесь пойдите на меня, а я губернатору то же въ глаза скажу!»

— Андрей Николаичъ и Катерина Федоровна въ голосъ кричатъ:

«— Какое это? Какъ вамъ нравится: такія слова выслушивать за все наше добро къ этой дряннѣ! На Лидію Михайловну показываютъ.

«— Молчи! кричитъ Андрей Николаичъ на няньку: — слово еще если пикнешь, я тебя до смерти убью!

«— Не дорось, сударь, драться-то! Самъ за меня гдѣ-нибудь въ болотѣ сгниешь! Я, батюшка, вольная, господамъ моимъ изъ любви служила, да изъ жалости къ спротивъ этой горемычной, а такимъ-то какъ вы, и не кланялась. Пойдемъ со мной по суду, я молчать нигдѣ не стану... Ты-то что, сударь, скажешь? За мной всѣ въ свидѣтели побдугъ, всѣ поважемъ, какъ ты тысячи-то ее въ свои карманы набиваешь!

«— Гони ее вонъ, кричитъ Катерина Федоровна. — Вонъ, не могу ее видѣть, мерзавка старая, вытолкайте ее...

«— Не горячитесь, матушка Катерина Федоровна, сама пойду; на мнѣ, говоритъ, еще ничья рука не была, да и не будетъ!... Ради меня столкнуть, помѣхой еще вамъ оставалась... Подноготную-то всю вашу знала споконвѣка; такъ оно, должно быть, за сердце-то и щемить. То-то, правды врагъ не любить, а мнѣ на старости лѣтъ лгать не приходится. Умру гдѣ-нибудь въ углѣ, да съ спокойной совѣстью, нѣтъ на мнѣ ничего чужого; что заслужила, то и есть!

«— Да ты уймешься или нѣтъ? крикнулъ Андрей Николаичъ. — Вонъ; тащите ее вонъ, пускай идетъ куда хочетъ! Эй! люди, дѣвчѣ, толкайте ее въ затылокъ хорошенько»...

— Онъ-то кричитъ, а никто съ мѣста не трогается. Да кому ее было толкать-то? Кому тѣтя, кому сватья, кому мать крестная; всѣми любима, всякій стоитъ, да на нее плачется.

— Прасковья Семеновна ужъ въ такомъ была азартѣ, посмотрѣла на всѣхъ, да какъ захохочеть....

«— Что, говорить, батюшка, много взялъ? Собери своихъ колоповъ; можетъ, они и погонять, а отъ нашихъ, смотри, самъ не полети!» Тутъ ужъ Андрей Николаичъ изъ себя вышелъ, какъ замахнется на нее кулаками!

— Лидія Михайловна, что есть духу изъ угла бросилась на няньку: обняла ее, тащить за собой. Катерина Федоровна въ истерику. Андрей Николаичъ на жену не глядеть, топаетъ ногами, кричить... Я до того испугалась, поскорѣе было бѣжать. Губернантъ поймала меня на дорогѣ, сунула мнѣ въ руку пузырекъ бабой-то, говорить: «въ носъ, въ носъ ей».

— Анеточка бросилась на мать, сыновья отъ отца не отстаютъ; и табая-то каша, кригъ, гвалтъ. Господи, думаю: унеси ты меня отсюда!

— Катерина Федоровна опомнилась, кричить: «Умру, если она здѣсь останется, умру, умру»!

— Такъ опять глазами и закатыть.

— Андрей Николаичъ у Лидіи Михайловны въ комнатѣ расправляется.

— Та приволокла няньку къ себѣ, не пускаетъ; онъ ее рветъ, та кричитъ на весь домъ: «Не пущу, не дамъ! Няничка, няня, что я безъ тебя буду дѣлать?»

— Андрей Николаичъ кричитъ: «Отдашь, отдашь... Вонъ эту язву!»

«— Я васъ слушаться не хочу, не стану, кричить Лидія Михайловна:—я васъ ненавижу, сами подите вонъ — все мое, не дамъ няньку»!

— Выгналъ Андрей Николаичъ Прасковью Семеновну, какъ Лидія Михайловна ни билась, и ее заперъ на ключъ.

— Боже мой, она въ эти двери и ногами и кулаками! Слышно, лю комнатѣ мечется, нитко къ ней войти не можетъ. Глядеть въ замочную скважину, что она дѣлаетъ. Окно у нея въ комнатѣ еще было вставлено, она въ него стучитъ, няньку со двора зоветъ. Перебила всѣ стекла, сама повалилась. Побѣжали, открыли дверь, а она безъ памяти на полу лежитъ, руки всѣ въ крови... Испугалась всѣ до смерти. Подняли ее поскорѣй, ужъ не знаю, кто командовалъ за докторомъ. Часа два она жалала такъ. Докторъ надъ ней стоялъ-стоялъ, чего ни дѣлалъ,

насилу привелъ въ себя. Отъ крови да отъ крика такъ она ослабѣла, что только чуть-чуть дышала.

— Докторъ остался ночевать. Башиловы ему всю эту исторію рассказали. На племянницу жалуются, со слезами говорятъ, чего они отъ нея да людей натерпѣлись; что по добротѣ только своей ее не оставляютъ — грѣха на свою душу брать не хотятъ. Что попробовалъ бы кто-нибудь, пожылъ съ ней — такъ увидалъ бы, какая это мука! Такую объ ней славу пустили, что и слушать-то не хотѣлось. А кому за нее было вступиться? Нашему брату-мелкотѣ да холопу кто повѣритъ? съ нами и говорить-то не стануть!... А извѣстно—дурная слава бѣжить.

— Повѣрите ли, Сергѣй Владиміръчъ, что изъ такого вроткаго ребѣнка, какая она была, когда ее привезли въ Заразы, ее узнать нельзя было? Озлобили ее такъ, что она ни въ одномъ словѣ имъ не молчала. Станетъ ли ей что-нибудь Катерина Федоровна приказывать, по ней ли, не по ней ли—ни за что ничего не сдѣлаешь! Ее бранять, а она имъ въ глаза смѣется. Лицо у нея стало постоянно сердитое да желтоватое, какъ больное, въ голосѣ такъ злость и дрожить; а на словахъ-то, такъ безъ пощадъ: «Дурна, говорить, я для васъ—откажитесь; на Андрея Николаича мѣсто всякій пойдетъ, а выгодно—такъ терпите».

— Такъ, бывало, отрѣжетъ, что и сказать ничего не найдется.

— Андрей Николаичъ видитъ, что ему и отъ прислуги нѣтъ должнаго уваженія—всѣхъ распихалъ. Ивана Демьяныча изъ управляющихъ вонъ, занесть, дѣвокъ, всѣхъ—идите куда хотите, оброки положилъ на нихъ-таки, слава тебѣ Господи... Перевезъ изъ Кургина своихъ. Нянька Прасковья Семеновна пожила-пожила тутъ на деревнѣ, уѣхала въ губернію къ роднымъ. Около Лидіи Михайловны и прислуги-то своей не осталось. Знаете, Сергѣй Владиміръчъ, въ домъ у нихъ какъ-то жутко бывать стало; а неволя моя туда меня изрѣдка загоняла, какъ интересъ мой у нихъ въ рукахъ былъ. Бывало, придешь и не знаешь, какъ уйдти. Хочешь заговорить объ своемъ дѣлѣ, минуточки не выберешь—такъ это они все между собой не ладятъ.

— Разъ какъ-то Катерина Федоровна и говорить Лидіи Михайловнѣ, какъ ее за живое тронуло, что она ея Анеточкѣ безпрестанно насмѣшки вертывала.

«— Лидія Михайловна, уймись! Вспомни отцовскія слова, какъ онъ тебѣ, уѣзжая, приказывалъ съ нами быть! Ты не забудь,

ты теперь въ нашихъ рукахъ, вѣдь мы терпимъ-терпимъ, да вѣдь и терпѣнье лопнуть можетъ!

— А она ей въ отвѣтъ:

«— Знаю, мое вотъ лопнуло. Я отъ нея да отъ васъ всѣхъ много переносила, попробуйте и вы! Объ отцѣ моемъ говорить нечего... Онъ самъ не зналъ, что приказывалъ! Сами-то вы тѣ ли, что при немъ были?»... Ей-богу, Сергѣй Владиміръчъ, такъ вотъ такими словами и говорить!

— Вѣрите Богу, бывало, глядя на нихъ, да думаешь: «Господи, да изъ чего же они эту муку переносятъ! Вѣдь не можетъ же быть, чтобы Катерина Федоровна такъ брата любила, чтобы ради его такія грубости терпѣла. Ну, пожилъ они, когда она еще дитя была, молчала, а теперь какъ большая стала — брось ты все, развяжись съ ней, довольно ужъ! Нѣтъ, плачетъ Катерина Федоровна, твердитъ одно: въ память брата не могу этого сдѣлать! А какое въ память брата; какъ послѣ-то оказалось, когда Михаилъ Федоровичъ уѣзжалъ за границу, они его такъ настроили, онъ, знаете, какое духовное-то завѣщаніе написалъ?»

— Пишетъ тамъ, ужъ не знаю, какъ это по формѣ-то дѣлается: «Отдаю, говорить, дочь мою и ея имѣніе въ полныя руки родной моей сестры и зятя. Завѣщаю зятю моему быть надъ ней опекуномъ, а по окончаніи малолѣтства, приять надъ ней попечительство. Пусть они распоряжаются ею и всѣмъ имѣніемъ, какъ я самъ бы распоряжался. Дочь мою питаютъ, одѣваютъ, воспитаютъ, соблюдаютъ ее, какъ свое собственное дитя. Поручаю ее имъ, и заклинаю ихъ замѣнить ей отца и мать. А буде же она окажетъ имъ непочтительность, неповорность, неповиновеніе — лишаю ее при совершеннолѣтіи благопріобрѣтеннаго моего имѣнія и отдаю въ пользу сестры моей, въ награжденіе за ея заботы объ ней». Вотъ они какихъ дѣлъ-то надѣлали! Духовную писалъ онъ самъ, два свидѣтеля да бабушка третій свидѣтельствовали, и отдалъ онъ ее Катеринѣ Федоровнѣ на сохраненіе. Будь они добрые родные-то, они бы должны были вмѣсто свидѣтелей лекаря ему привезть, осмотрѣть, въ умѣ ли онъ? А они все это дѣло обдѣлали, да въ руки ее и приняли, да и довели до того, что она, какъ бѣшеная, зря, при всѣхъ имъ не молчала, сама имъ на себя руки накладывать позволяла!

— Вотъ, вѣдь, Сергѣй Владиміръчъ, грѣхи-то какіе бываютъ! А пуще всего я грѣхомъ считаю, что они Лидіи Михайловнѣ

объ этой духовной молчали. Знай она, такъ, вѣрно, и нянька и гувернантка молчали бы, да и она-то тоже остереглась бы. А то нѣтъ. Стала имъ выговаривать, что пора бы ей тоже свѣтъ божій увидать, что будетъ имъ на ея счетъ жить, что она сама своимъ богатствомъ пользоваться хочеть. Переѣхали на житье въ городъ.

— Я тутъ, какъ они увѣжали, сунулась къ Андрею Николаичу.

«— Бога ты не боишься, Агафья Тихоновна, и, правда, должно быть, за грабителей считаютъ! Отдамъ я тебѣ твои проклятые пятьдесятъ рублей—не приставай.

— Сказано, не приставай—съ тѣмъ и отошла.

— Живутъ они въ городѣ, спросишь когда у людей, что слуху о господахъ.

«— Ничего, говорятъ: что имъ дѣлается».

— Приѣхалъ Андрей Николаичъ весной одинъ къ пахотѣ. Была у него—сказали дома нѣтъ, такъ и увѣхалъ; я его не видала. Спрашиваю опять: «Что когда, слышно, господа приѣдутъ?»

«— Вовсе, говорятъ, не приѣдутъ; будутъ жить лѣто въ подмосковной.

— Я такъ и обмерла! Думала-думала, что дѣлать? Спросила ихъ адресъ на Москву, заставила Варю написать. Не то она неразборчиво написала, не получили они, либо отвѣчать не хотѣли—нѣтъ на мое письмо никакого увѣдомленія.

— И они и денежки мои точно въ воду канули!

«— Батюшка мой, пристаю къ старостѣ: — вѣдь пишешь же ты имъ, репортуешь, вложи ты Христомъ-Богомъ мою записочку въ свое письмо, авось что отвѣтятъ». Нѣтъ ничего, точно ихъ и на свѣтъ нѣтъ.

— Годъ цѣлый я такъ промучалась. Какія, думаю, средства изыскать? Только разъ какъ-то, это ужъ было послѣ святой, недѣли черезъ три, снжу я подъ окномъ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ; гляжу, кто-то на бѣговыхъ дрожкахъ ѣдетъ къ господскому дому. Я такъ обрадовалась, вскочила, накинула платокъ на голову, вацавейку, пошла на барскій дворъ. Смотрю, лошадь ужъ отпряжена и человекъ идетъ въ флигель, гдѣ Иванъ Демьянычъ жилъ; я за нимъ.

«— Постойте, говорю, батюшка, вы откуда?

«— Изъ Куркина. Вамъ что?

«— Что, батюшка, гдѣ господа-то ваши?

«— Дня съ три какъ приѣхали изъ Москвы.

«— А сюда-то когда, слышно?

«— Не будутъ вовсе; все лѣто тамъ останутся.

— Ушелъ онъ отъ меня. Побрела я домой. Думаю себѣ: вѣдь авось не за горами пятьдесятъ верстъ; куда не шло, ве пятидесяти рублей стоитъ, съѣзжу, что Богъ-дасть.

— Посовѣтовалась я съ добрыми людьми, собралась въ Куркино. Взяла у батюшки тележку въ одну лошадь съ работникомъ, пустилась въ путь. Варя съ Матреной дома оставались. Выѣхала я еще до разсвѣта, а къ ночи и у нихъ.

— Приѣзжаю; вошла въ дѣвичью; вижу, лица кое-кто знакомы.

«— Что, говорю, господа еще не почиваютъ? Можно, что ли, ихъ видѣть?

— Услыхалъ Андрей Николаичъ чужой голосъ, кричитъ: «Кто тамъ?» Дѣвушка отворила дверь, говоритъ: «Агафья Тихоновна приѣхала».

«— Какая Агафья Тихоновна? Что ты тамъ врешь?

«— Да Агафья Тихоновна изъ Заразовъ.

— Бѣжить Андрей Николаичъ ко мнѣ.

«— Агафья Тихоновна изъ Заразовъ? Ты таки, матушка, пробралась... зачѣмъ пожаловала?

«— Да вотъ, говорю, вашу милость провѣдать.

«— Провѣдать, какъ же?... Ну, поди сюда.

— Повелъ онъ меня въ гостиную, Катерина Федоровна лежитъ на диванѣ. Поздоровалась я съ ней, да и говорю:

«— Привывши столько лѣтъ жить вмѣстѣ, узнала объ вашей милости, приѣхала на моихъ благодѣтелей взглянуть.

«— Спасибо, говоритъ Катерина Федоровна сквозь зубы.—Ну, что скажешь хорошенькаго?

«— Что у насъ, говорю, хорошенькаго? Заразы безъ васъ опустѣли. Живемъ—людей не видимъ. Дочка моя свидѣтельствуетъ вамъ свое почтенье, приказала ручку поцаловать.

«— Ну, что, какъ она?

«— Да ничего, славу-богу, жретъ со мной, помогаетъ. Ваши дѣточки здоровы ли?

«— Анета съ нами одна. Сыновой отдали въ заведение, а Лидія Михайловна насъ оставила.

«— Оставила? Да гдѣ же она?

«— У Осиповны своей проживаетъ, говоритъ Андрей Николаичъ, самъ по комнатѣ ходитъ.

«— Это у своей гувернантки-то? Скажите!... Да какъ же они ее розыскали?

«— Коли намъ сдѣлать что-нибудь на зло—такъ мы на все готовы, все разыщемъ... Осрамила просто! Да кому хуже сдѣлала? себѣ только.

«— Да, говорить Катерина Федоровна:—два дня ее по Москвѣ искали, до полиціи дѣло доходило.

«— Что вы, говорю: ахъ, бабушки мои!

«— Вотъ, расскажи, Катѣ, Аграфенѣ Тихоновнѣ, она ее еще хорошенько узнаеть.

«— Да помилуй, что же я тутъ стану рассказывать! Смѣшонъ ты, право. Кто же ее не знаетъ и кто отъ нея чего хорошаго ждалъ? Что мнѣ ей говорить? то, что она сама пять лѣтъ видѣла, да и на себѣ пробовала. Росла хороша, а выросла еще лучше. Такъ что жъ послѣ этого удивительнаго, что она со двора сбѣжала... Сбѣжала, какъ бѣгаютъ... Своевольна сдѣлалась такъ, что изъ рукъ вонъ. Уйдетъ изъ дома одна, шатается по улицамъ; кто же могъ ее удержать, когда она никого знать не хотѣла? А шататься она съ дѣтства привыкла съ своей Елизаветой Осиповной, и наткнулась на нее гдѣ-то: вѣрно, все ее розыскивала. Начала бѣгать къ ней сперва потихоньку, покуда, наконецъ, совсѣмъ убѣжала. У насъ полгорода въ гостяхъ, балъ на Анетины именины, ночь на дворѣ, хватились ее, зовутъ, а дѣвка говоритъ: «Лидіи Михайловны нѣтъ дома».

«— Какъ нѣтъ дома?

«— Они надѣли капоръ, сами взяли салоуъ и ушли. Я спрашиваю: куда вы, барышня? Я пойду тѣненьгѣ скажу. Они говорятъ: не твое дѣло.

«— Гдѣ же приважете искать, кто это знаетъ? Объявили по всѣмъ частямъ; два дня искали, нашли Лидію Михайловну у этой старой дурнѣ, съ сыномъ ея ученымъ, такимъ же мошеникомъ, какъ она сама, приголубиваютъ тамъ нашу Лидію Михайловну. Звали ее; ѣдемъ, довольно осрамила, по всей Москвѣ гремать твои дѣла. «Что хочу, говорить, то и дѣлаю; вышла изъ дѣтей, всѣ ваши власти надо мной кончились, совершеннолѣтняя. Вотъ съ кѣмъ буду жить, съ Лизаветой Осиповной, съ ней буду дѣлать, что имѣю, а вамъ нѣтъ ничего... Ну, это мы увидимъ; что вы съ ней дѣлать-то будете!

«— Вотъ какія дѣла, Агафья Тихоновна, говорить Андрей Николаичъ.—За всѣ наши хлопоты! Говорить, мы ее тиранили, мы

ее разорили. Да развѣ на нее мало выходило? Развѣ богѣвъ ея батюшки дешево стоила? Вы спросите, сколько я ему денегъ-то переслала. Вѣдь у меня всѣ отчеты до копейки представлены... Ну, а теперь, конечно, сама потерпите... Посмотримъ, посмотримъ, да покончимъ. Насъ и Богъ не осудить... Я вѣдь и то сказать: на нее не работникъ!... Живете теперь въ Москвѣ, а какъ живете—спросите!

«— Какъ живете? говоритъ Катерина Федоровна, сама усмѣхается въ свое удовольствіе... Лизавета Осиповна соединила своихъ дѣтокъ, радуется на нихъ, кланется, что кусокъ съ ней послѣдній будетъ дѣлится... Вреть, надѣется на богатство Лидіи Михайловны; думаетъ, за это отъ нея тысячи получить! гроша не достанется.

«— Какъ же, говорю, по милости божіей и покойнаго родителя, бѣдствовать имъ не придется... Имѣніе у нихъ такое большое...

«— Имѣніе? говоритъ Катерина Федоровна:—нѣтъ у нея никакого имѣнія. Все мое, мое, нѣтъ ей ничего. Она осрамила наше имя, объ Анетѣ моей, по милости ея, богъ-знаетъ что могутъ думать; она меня опозорила, нѣтъ ей ничего и на глаза мои не показывайся! Просись она ко мнѣ теперь, такъ я ее не пушу на порогъ!

— Въ такомъ она была азартѣ, Сергѣй Владиміръчъ, что мнѣ даже страшно стало. Дѣлъ я ихъ не понимала, разспрашивать не смѣла; дивилась еще, какъ она мнѣ и это-то сказала. Проговорили они весь вечеръ объ своихъ дѣлахъ, спать стали расходиться, такъ я объ себѣ и словечка не успѣла вымолвить.

«— Ты, говоритъ Андрей Николаичъ, надолго пожаловала?

«— Завтра, батюшка, нужно было бы пораньше выѣхать. Я, Андрей Николаичъ, вамъ объ себѣ хочу напомнить... Писала вамъ въ Москву... должинко-то мой».

«— Ну, хорошо-хорошо. Лѣтомъ, сама знаешь, какія деньги. Прощай съ Богомъ, завтра рано уѣдешь, не увидимся.

— Тагъ я, Сергѣй Владиміръчъ, какъ русская пословица говоритъ: поѣхала ни пошто, привезла ничего, наслушалась только ихъ разговоръ. Вышла я на крыльцо, отыскала работника подъ навѣсомъ, велѣла ему лошадь попонть да накормить. Достала изъ мѣшечка хлѣбца краюшку да яицъ, его накормила, да сама съ нимъ поѣла, объ животахъ-то нашихъ господа не подумали! Взяла изъ тележки свою подушечку да кацавейку, свернула съ въ

дѣвичьей на скамейкѣ, провалилась такъ до свѣта, отъ думы и сонъ на умъ не шель, съ тѣмъ и уѣхала.

— Пріѣхала домой, спрашиваютъ: что?

«— Да нѣтъ ничего.

— И лѣто прошло, и осень, и зима подошла, сидитъ Агафья Тихоновна, не знаетъ, гдѣ ея денежки вмѣстѣ съ Башиловыми гуляютъ! Только вскорѣ такъ послѣ новаго года, присылаетъ отецъ Лаврентій.

«— Не будешь ли что кума приказывать въ городъ? завтра ѣду: Башиловъ зачѣмъ-то вызываетъ; не знаю, что за надобность такая.

«— Вы, батюшка, мое дѣло знаете; больше мнѣ нечего приказывать. Коли будетъ случай, напомните имъ обо мнѣ.

«— Ну, говорить, похлопочу, скажу, не пропадать же имъ.

— Такъ это время, я всѣ глаза проглядѣла, дождалась его. Думала, много-много дня съ четыре проѣздить, а его и недѣля—нѣтъ, пошла другая. Кума-попадья совсѣмъ испугалась. И что это Господи значить, и зачѣмъ это его вызвали? Дѣлъ за нимъ никакихъ, кажется, нѣтъ, чтобы до архіерея либо до консисторіи доходило... просто, говорить, ума не приложу! Я съ ней сижу, тоже горюю. Дождались мы его никакъ на десятый день. Пріѣхалъ, обмерзъ весь, холода стояли страшные.

«— Что, говоримъ, батюшка, зачѣмъ ѣздили?

«— Да, Боже-мой, такіа дѣла, что и не ожидалъ вовсе! Изъ негрѣшнаго дѣла, вышло богопротивное! Ужъ и не знаю, какъ и приступить, какъ и разсказать!

«— Батюшка, пристаётъ къ нему попадья:—ты скажи, не проштрафилса ли?

«— Оборони Богъ, нѣтъ.

— Я къ нему:—кумъ, мое, что ли?

«— Объ тебѣ, кума, и рѣчи не было... Заразы наши, говорить, споконвѣка Немировскіе были, Башиловскіе стали!

— Я перекрестилась, да и говорю:—Что вы, батюшка, такое сказали? я что-то не совсѣмъ поняла.

— У попадья чуть чашка изъ рукъ не выпала.

«— Да, говорить отецъ Лаврентій. Самъ по комнатѣ ходять, опустя голову, руки такъ-то за спину заложилъ.—И моя невинная рука, этому грѣшному дѣлу причастна!

«— Да, батюшка, говорить попадья:—не томъ; скажи, въ чемъ ты причастенъ?

«— Вотъ въ чемъ я причастенъ. Свидѣтельствовавъ я духовное завѣщаніе покойнаго Михайла Ѳедоровича, когда онъ собирался за границу. Позвали меня тогда. Говоритъ мнѣ Михайлъ Ѳедоровичъ: «вотъ, батюшка, подпишите мою послѣднюю волю. Ъду; одному Богу извѣстно, что со мною можетъ быть; а какъ распорядишься, такъ покойнѣе на душѣ».

«— Доброе, говорю, дѣло, къ смерти это не приближаетъ, а самъ господинъ надъ своимъ добромъ и рабомъ властелннъ. Подписалъ, а въ чемъ состояло духовное завѣщаніе—не зналъ, да и умѣстнымъ не находилъ любопытствовать. Что же нынѣ овазывается? Завѣщаніе такого рода».

— И говорятъ намъ, какъ я вамъ уже рассказывала, что Михайлъ Ѳедоровичъ, дочь и имѣніе отдаетъ въ руки сестры и зятя, а буде со стороны дочери неповиновеніе къ нимъ, то лишаетъ ее наслѣдства, и все отказываетъ въ пользу сестры, то-есть Катерины Ѳедоровны.

— Ну-съ, теперь Башилова подала просьбу въ палату. Что такъ-какъ племянница ея бѣжала, что извѣстно московскому мѣстному начальству, и что по неоднократному требованію ея, она къ нимъ не возвращается, и жить съ ними не хочетъ, а кромѣ того на вызовы ея отвѣчаетъ дерзкими письмами, которыя представляетъ при просьбѣ—то Катерина Ѳедоровна проситъ палату, принявъ во вниманіе поступки ея племянницы, утвердить за ней имѣніе, на которое она имѣетъ право по духовному завѣщанію ея покойнаго брата, Михайла Ѳедоровича. Всѣхъ это поразило!

— Андрей Николаевичъ хлопочетъ въ палатѣ, вызвалъ насъ, свидѣтелей, чтобы мы подтвердили, что дѣйствительно завѣщаніе писано рукою Михайла Ѳедоровича въ полномъ разумѣ, и что подписи точно наши, что духовная не фальшивая. Все это, по совѣсти, долженъ я былъ подтвердить, что я и сдѣлалъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, говоритъ отецъ Лаврентій. Потому что черезъ это Лидія Михайловна лишилась всего своего состоянья!

— Такъ мы руками и всплеснули!

— Батюшка, говоримъ, да неужто на нихъ и суда нѣтъ? Какъ же такъ безъ всего-то оставить... Ну, она бы на нихъ просила, все, можетъ быть, кто и вступился бы.

«— Ничего нельзя сдѣлать, говоритъ отецъ Лаврентій.—Вамъ покойнаго священна, никто ее опровергнуть не можетъ... Въ домъ къ нимъ она не возвращается, принудить ее на это нельзя, она

совершеннолѣтняя, примириться съ ними она отказывается... Имѣють полное право. Конечно, все это сдѣлано, дѣлалось и дѣлается не по божью... Грѣхъ, сребролюбіе!

— Осталась теперь она при двадцати душахъ родоваго, остальное все перешло къ Башиловымъ. Уговаривали ихъ, предлагали разные мѣры—и слышать не хотять! Катерина Ѳедоровна говоритъ: «мы отъ нее не скрывали, она все знаетъ, никто въ этомъ не виноватъ, кромѣ ее самой».

— Въ письмѣ она имъ пишетъ: «Все равно, я знаю, рано или поздно, а это такъ бы и кончилось. Какъ только мой отецъ отдалъ вамъ меня на руки, я ужъ была нищая. Берите все. А жить такъ, какъ я у васъ жила, съ меня довольно и двадцати душъ; а еслибы у меня и этого не было, я бы пошла съ сумой, но къ вамъ бы не пришла».

— Горько намъ стало за сироту, заплакали мы съ кумой.

«— Да, говорятъ отецъ Лаврентій:—хоть рѣши слезъ лей, ничему не поможешь. Разбогатѣли Башиловы, и въ скорое время. Да богатство-то тяжелое: въ руку ли оно имъ будетъ!»

— Всѣ-то мнѣ тутъ припомнились слова няньки Прасковьи Семеновны, какъ по писанному говорила!

— Такъ-то жаль было народа—и сказать нельзя. Какъ узнали—они подняли вой, Башиловыхъ-то никто не любилъ... И Михаила Ѳедоровича косточки тронули!

— Какъ всѣ объ этомъ ни горевали, какъ ни толковали, а сѣли Башиловы господами; ввели ихъ во владѣніе, и горя мало! Господи, подумашь, совѣсть гдѣ! Только не прошло это и мѣсяца, какъ пошелъ у насъ говоръ по селу, что Башиловы свою дочку просватали за какого-то важнаго служащаго, что свадьба у нихъ на Красную горку положена, и въ приданое за ней Катерина Ѳедоровна Заразы даетъ. Изъ ихъ дома этотъ слухъ идетъ; говорятъ, того и гляди, Андрей Николаичъ пріѣдетъ. Слушаю, послушаю, думаю, какъ бы мнѣ своего дѣла не прогулять. Сижу, сторожу и на барскомъ дворѣ приказала, какъ пріѣдетъ, чтобы мнѣ сказали, на чай обѣщала.

— И точно, мой батюшка Сергѣй Владиміричъ, на второй недѣли поста онъ и пріѣзжаетъ. Дали мнѣ это знать. Сказали: «вы, Агафья Тихоновна, не мѣшайте, онъ пріѣхалъ ненадолго, подводы поднимаетъ, къ свадьбѣ изъ дома все вывозить.. Вы его ловите».

— Я, не думавши долго, да на другой день къ нему. Вхожу; две-

ри всё настѣжъ, все таскають, столяры въ ящики заколачивають. Андрей Николаичъ въ крымскомъ тулупчикѣ кушакомъ подпоясанъ, шапка на головѣ, по комнатамъ бѣгаетъ, распоряжается.

«— Здорово, здорово, говорить мнѣ:—узнала?... Спасибо.

— Сундуки изъ кладовой таскаеть; ключей дѣлая связка въ рукахъ, отпереть, посмотреть, а они съ приданнымъ покойной матушка Лидіи Михайловны наколочены... Прежде таскали, всего не повытаскали!

«— Дочку, говорить, замужъ отдаемъ... Пара, любоваться только! свою просватала, что ли?

«— У моей, говорю, женихъ еще неготовъ, приданое просить, вотъ къ вашей милости пришла. Надобно, Андрей Николаичъ, отдайте, сдѣлайте божескую милость.

«— Въ время, говорить, пришла! Гдѣ у тебя смыслъ-то, Агафья Тихоновна? Человѣку по-горло дѣла, а она объ своихъ деньгахъ толкуеть!... Гдѣ же мнѣ теперь тебѣ взять наличныхъ, когда мнѣ самому каждая копейка нужна!

«— Да мнѣ-то что же дѣлать, батюшка Андрей Николаичъ? у меня-то вѣдь это послѣднее!

—Хожу я за нимъ изъ комнаты въ комнату; онъ и къ тому и къ другому, а я ужъ положила отъ него не отставать, думаю—одинъ конецъ.

«— Отдамъ, отвязись, кричить:—вещью отдамъ, иди домой пришла...

«— Да, батюшка, какою же вещью?... Куда же я съ нею дѣнусь...

«— Глупая ты этакая, вещь—тѣ же деньги!... Видишь—вотъ вѣдь вещи кладутъ, вѣдь денегъ онѣ стоятъ, а не битыхъ горшковъ?... Сказалъ—пришла, ну, и убирайся; таскается тутъ, безъ тебя дѣла много... Мѣшаетъ тутъ, надъ ухомъ воетъ, уходитъ—тебѣ говорятъ.

— Такъ мнѣ было, Сергѣй Владимірычъ, совѣстно; при мужахъ, да дворовыхъ кричатъ на меня, гонять; отъ стыда не знала, куда глаза дѣвать! Пришла домой; сижу, разливаюсь, плачу. День этотъ весь прошелъ—не присылаеть. На другое утро Матрена говорить: «въ ночь обозъ отправилъ, самъ еще не уѣзжалъ». Глазъ не осушаю; какъ взгляну на Варю, такъ и зальюсь. Въ сумерки прилегла я на постель, съ горя-то совѣтъ какъ разбитая. Вара въ кухнѣ на печкѣ грѣлась; только слышу, бѣжить она

ко мнѣ, говорить: «поди, маменька, тамъ тебѣ отъ Андрея Николаича принесли что-то».

— Я вскочила, перекрестилась, говорю: «слава тебѣ Господи, хоть что-нибудь получила». Думала, онъ мнѣ изъ платья либо изъ бѣлья чего-нибудь прислалъ, все-таки годится. Отворила прихожую, гляжу—стоитъ столяръ Василій, съ нимъ мальчишка, вотъ этихъ идоловъ къ притолкѣ приставили.

«— Что, говорю, тебѣ, Василій?»

«— Да вотъ, Андрей Николаичъ вамъ прислалъ. Приказалъ вамъ ихъ уладить.

— Самъ изъ кармана гвозди вынимаетъ.

«— Да Бога онъ не боится, на какого они мнѣ шута нужны! Просто я такъ голосомъ я завyla.

— Неси ему ихъ, говорю, пусть онъ ихъ себѣ вѣшаетъ... Скажи ему, я ему кровными моими давала, слезами моими ихъ сколотила... Видно, ему сладки сиротскія деньги показались, не до сыта еще ими наѣлся?... Не надо мнѣ, пусть онъ свое добро назадъ возьметъ, неси ему.

— Они ужъ ѣхали.

— Такъ я, Сергѣй Владимірычъ, на скамейку въ прихожей и упала! Ужъ ничего не помню; слышу, онъ тамъ молоткомъ колотить, точно гробъ мой заколачиваетъ!

«—И чьи такіе? И откуда такіе? И жили ли когда на свѣтѣ божемъ? Такъ, можетъ, какихъ-нибудь намалевали...

Агафья Тихоновна замолчала.

— Ну, Агафья Тихоновна, что же вы?

— Да что же, батюшка? Вотъ и все.

— Какъ все? а Башыловы?

— Башыловы? Да что имъ дѣлается! Дочь отдала замужъ, живутъ богато...

— А Лидія Михайловна?

— Лидія Михайловна!... Богъ-вѣсть... Ничего вамъ объ ней не могу сказать. Кому у насъ объ ней поминать!

С. ЗИМАРОВА.

НАША СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ ЛИТЕРАТОРА-ОБЫВАТЕЛЯ.

Х.

Контрактъ.

Часовая стрѣлка стоитъ на шести утра, слабый свѣтъ едва проникаетъ сквозь опущенныя зеленыя занавѣсы... На турецкомъ диванѣ, огибающемъ комнату, одинъ за другимъ помѣщаются три помѣщика; ихъ не слишкомъ громкое, но въ высшей степени согласное храпѣніе имѣетъ въ себѣ что-то гармоническое и музыкальное; въ альковѣ за занавѣсью виднѣется становой приставъ и скромно вторитъ помѣщикамъ... Я одинъ бодрствую, ворочаясь на постели, и въ сотый разъ проливаю привычку свою вскакивать ни свѣтъ, ни заря.

Вдругъ на лѣстницѣ послышались чьи-то торопливые шаги... Дверь съ шумомъ растворилась, и въ комнату появилась взъерошенная фигура сосѣднаго помѣщика, извѣстнаго въ обществѣ подъ именемъ «надломленнаго господина» съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ выразился о себѣ такимъ образомъ, и не болѣе двухъ лѣтъ, какъ послѣ всякихъ житейскихъ передрагъ и бурь, поселившася въ своей наслѣдственной Жемковкѣ, какъ въ совершенно безопасной и невозмутимой пристани.

Войдя въ комнату, «надломленный господинъ» опростетью нырнулъ къ алькову, въ которомъ наслаждался становой приставъ, и съ размаху не отдернулъ, а оторвалъ занавѣску, украшавшую альковъ; желѣзный пруть, на которомъ она двигалась, звени, полетѣлъ на полъ, спящіе помѣщики и становой приставъ разомъ вскочили на ноги и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ взглянули на взъерошенную фигуру «надломленнаго господина».

— Спасайте невинность! взывалъ тотъ, обращаясь къ становой приставу:—меня самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманули; все, что я дѣлалъ для этого человѣка, все это забыто... меня кругомъ обмошенничали.

— Что такое? что же случилось? спрашиваетъ становой, протирая глаза...

— Дѣло вотъ въ чемъ: годъ тому назадъ, какъ я сдать мельницу по контракту на восемь лѣтъ, бывшему сидѣльцу Скачкову. Представьте себѣ, этотъ человѣкъ пріѣхалъ ко мнѣ: такъ и такъ, говорить, имѣю твердое желаніе бросить свое прежнее ремесло, дѣти подростаютъ, какой имъ примѣръ въ кабакѣ, да и самому, признаться вамъ, опротивѣло возиться съ пьянымъ народомъ; что это за ремесло—послѣднее дѣло. Желаю оставить все это и снять у васъ мельницу. Я, разумѣется, очень радъ; я всегда радуюсь всякому проявленію хорошаго въ человѣкѣ. Совершаемъ контрактъ. Скачковъ съ семействомъ поселится на мельницѣ. Я дѣлаю ему всевозможныя снисхожденія: дарю лѣсу, соломы, отсрочиваю оброкъ, наконецъ даже скидываю часть арендной суммы. Нынѣшней зимой было особенно много мелева... Скачковъ набралъ множество муки. Приходитъ срокъ уплаты; является Скачковъ. «Прибѣгаю къ стопамъ ногъ вашихъ, не отвергните»... Что такое? — Да на недѣлку отсрочьте оброкъ, потому что я продалъ сосѣду мѣщанину пятьсотъ пудовъ муки, а денегъ еще не получалъ. Я ничего не подозрѣваю, и соглашаюсь. Прѣходить недѣля, снова является Скачковъ и говорить, что мѣщанинъ ѣздилъ за деньгами въ городъ, но не засталъ того, у кого думалъ взять ихъ, а потому нельзя ли отсрочить еще на недѣлю. Соглашаюсь, тѣмъ болѣе, что контрактъ — святое дѣло. Прошла еще недѣля... тутъ узнаю, что все что ни говорилъ мнѣ Скачковъ, все это—вранье, что онъ давно вывезъ всю муку, всѣ свои вещи къ сосѣду, скотину тоже угналъ, и такимъ образомъ, втихомолку изготовился къ тому, чтобы въ одно прекрасное утро нарушить контрактъ и бѣжать съ мельницы. Сегодня утромъ посылаю за Скачковымъ и объявляю ему, что все знаю; а онъ на меня еще накинулся — обозвалъ тираномъ, грабителемъ, и отъ мельницы рѣшительно отказался. Сажусь въ сани, чтобы ѣхать къ вамъ, гляжу—съ мельницы все расхищается и лошадь у Скачкова запряжена; я приказываю задержать лошадь, ѣду за старшиной и съ нимъ вмѣстѣ являюсь на мельницу, тамъ происходитъ тревога. Скачковъ ругается; подговоренные заранѣе

кредиторы берутъ подъ уздцы лошадь, везутъ лежень съ плотвыи. Шумъ, крикъ, споръ; обращаюсь въ толпѣ крестьянъ—я вообще не желаю, чтобы обо мнѣ сосѣди мои были дурного мнѣнія — объясняю имъ все, что было между мною и Скачковымъ, все что дѣлалъ я для Скачкова — никто меня не слушаетъ, никому дѣла нѣтъ, что я обманутъ, что я кругомъ правъ, и десятки пьяныхъ голосовъ зѣваютъ заодно съ Скачковымъ, что я грабитель, тиранъ и проч. и проч. Я въ сани, и къ вамъ, измученный, разбитый...

Проснувшіеся помѣщики и становой приставъ ни разу не смигнули, внимая разказу «надломленнаго», тѣмъ болѣе, что тотъ, если уже начиналъ говорить о чемънибудь, то говорилъ долго, съ необычайнымъ одушевленіемъ, даже, можно сказать, картинно говорилъ.

— Вы поймите мое положеніе, поймите... продолжалъ между тѣмъ «надломленный господинъ»:—что меня въ этомъ дѣлѣ болѣе всего возмущаетъ не потеря, не убытки, а самый фактъ — неизмѣримая подлость, ложныя показанія, безстыдство: это на здоровье ложится, это жизнь укорачиваетъ, я и безъ того не богатырь, а тутъ переживать такія нравственныя передраги. И «надломленный господинъ» съ размаху, какъ снапъ, покатылся въ вресло.

Помѣщики и становой приставъ, полушутя, полусерьезно разспрашивали о подробностяхъ, по обмѣновенію толковали много и безъ толку, но «надломленный господинъ» отвѣчалъ на все одними глубокими, душу выворачивающими вздохами, и только торопилъ становаго пристава.

Прощаясь съ хозяиномъ и гостями, неперестававшими двусмысленно и лужаво улыбаться, «надломленный господинъ» предложилъ мнѣ, какъ старому товарищу по университету, сопутствовать ему и раздѣлить съ нимъ дни скорби и печали. Чтобы утѣшить его, я поспѣшилъ согласиться.

Дорогой, смотря на грустное, желтое лицо стараго товарища, я припомнилъ то время, когда онъ, послѣ всякихъ житейскихъ бурь, пріѣхалъ наконецъ въ свою мирную пристань, въ свою Жемковку, какъ думалъ устроить свое скромное, но прочное положеніе, сдавши землю и мельницу по контракту, въ святость котораго твердо вѣровалъ; какъ утѣшался надеждой устроить въ высшей степени интимныя и человѣческія отношенія къ временно-обязаннымъ, и какъ потомъ до такой степени надоѣлъ имъ

своимъ вѣчнымъ забѣганіемъ въ глаза, вѣчными услугами, а главное — вѣчными благоразумными совѣтами и желаніемъ «направлять меньшихъ братій», что тѣ сначала подозрительно и внимательно осмотрѣли его съ ногъ до головы, а потомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, подняли на смѣхъ и дурачили при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ человѣка добренькаго, слабенькаго, а главное «какъ не хозяина своему добру», что, какъ мнѣ кажется, прежде всего и мимо всего неминуемо роиаетъ каждаго въ глазахъ нашего крестьянина.

Я еще разъ взглянулъ на желтое, почти что страдальческое лицо «надломленнаго господина», и мнѣ невольно пришло на мысль, что съ тѣхъ поръ какъ судьба забросила меня въ глушь, то-есть въ самую глубь русской жизни, я, вращаясь въ обществѣ, по большей части встрѣчаю лица двухъ разборовъ: или закругленные, глянцовитыя, какъ будто слегка тронуты лакомъ, и въ то же время въ высшей степени самодовольныя, пошлыя и апатическія; или же лица желтоватыя, осунувшіяся, на которыхъ сквозитъ напускную веселость, равнодушіе, даже сквозитъ смѣхъ, постоянно глядитъ на васъ и неприятно поражаетъ скрытая, но глубокая, душевная рана. И что за причина, что мнѣ почти не случалось видѣть въ глуши нашей лицъ съ выраженіемъ разумнымъ, человѣческимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спойнымъ, здоровымъ?

Въ маленькой прихожей господскаго дома ожидалъ насъ старшина съ знакомъ на груди

— Понятыхъ сейчасъ сюда... приказалъ становой.

— Да вотъ какое дѣло, заговорилъ старшина, круглое и рябоватое лицо которого выражало величайшее недоумѣнье.— Тутъ все тащатъ зря, даже образъ успѣли унести изъ избы, а теперь вонъ муку подбираютъ остатки.

— Да вѣдь тебѣ говорили, чтобы ты ничего до моего приѣзда не позволялъ расхищать? напустился становой.

— Приказывать-то приказывали, отвѣчалъ старшина, почесывая затылокъ.

— Такъ что же ты смотришь?

Старшина еще разъ почесалъ затылокъ и пошелъ собирать понятыхъ.

Съ полчаса спустя, въ сѣняхъ завозилась куча вошедшихъ крестьянъ.

Старшина доложилъ, что понятые и Скачковъ на лицо... Становой принялъ озабоченный видъ и направился къ дверямъ.

«Надломленный господинъ» какъ трупъ повалился на диванъ, а въ растворенную дверь послышался слѣдующій разговоръ:

— Ты мѣщанинъ Свачковъ?

— Точно такъ-съ.

— Ты снималъ мельницу на восемь лѣтъ у г. Борисова?

— Не знаю-съ.

— Какъ не знаю?

— Я теперь ничего не знаю, послѣ такого поприща, какое со мною послѣдовало; семейство убито, плачетъ... я тоже въ слезахъ, совершенно потерявъ, себя не помню.

— Да ты отвѣчай!

— Извольте выслушать поприще моихъ несчастій, и въ которыхъ поставленъ я гонителемъ моимъ, господиномъ Борисовымъ.

— Да ты отвѣчай мнѣ, заключалъ ли контрактъ?

— А также выслушайте, сдѣлайте милость, поприще, совершенное со мною господиномъ Борисовымъ, отобраніемъ у меня насильственно лошади, съ находившимся въ саняхъ имуществомъ и драгоценными вещами.

— Этого только недоставало, застоналъ «надломленный господинъ» и живо уткнулъ лицо въ подушку.

— Да ты не путай, ты отвѣчай на то, что спрашиваютъ.

— Вы меня не сбивайте, ваше благородіе, я—человѣкъ робкій, сейчасъ стою на ногахъ и сейчасъ же могу сомлѣть, а о томъ прошу васъ нижайше, войдите въ мое поприще; контрактъ—священная вещь, а съ мельницы меня столкнули; ни продать, ни взять я не могу ничего съ мельницы... разграбленъ... отнята у меня на большой дорогѣ лошадь съ драгоценными вещами, я карауль закричу.

— Да ты отвѣчай на мой вопросъ, а чужь-то нечего нести. Ты думаешь, что это такъ тебѣ и сойдетъ; оклеветалъ человѣка, да и все тутъ—нѣтъ, за это еще въ острогъ насидишься, горачится потерявшій терпѣніе становой.

Становой вовсе не походилъ на тѣхъ становыхъ, надъ которыми съ такимъ остроуміемъ издѣвались наши обличители; онъ былъ человѣкъ вполне честный и хорошій.

— Въ немъ особенно хорошо то, что онъ нисколько не походитъ на становаго пристава, весьма справедливо замѣтилъ о немъ одинъ изъ моихъ сосѣдей.

— Въ острогъ, такъ въ острогъ; такъ-какъ я сбить съ мельницы, разграбленъ, такъ-какъ поприще мое кончено, то я побор-

нѣше прошу васъ, возьмите меня, скуйте меня. Я уже на то пошелъ, скуйте же меня, въ свою очередь горячился Скачковъ.

— Что за каналья, что за каналья! И этому человѣку я помогаю, этого человѣка выручалъ, стоналъ «надломленный господинъ», не поднимая головы отъ подушки.

Въ прихожей растворилась дверь и вошли еще три-четыре человѣка.

— Вы что? снова раздался голосъ становаго.

— Мы свидѣтели, отозвались въ одинъ голосъ вошедшіе.

— Чего же вы свидѣтели?

— Такъ-какъ мѣщанинъ Скачковъ точно сбить съ мельницы и даже грабежомъ отнята у него лошадь, такъ мы въ томъ свидѣтельствуемъ.

— Вонъ! крикнулъ освирѣпѣвшій становой.

Озадаченные свидѣтели поспѣшили убраться, между тѣмъ какъ «надломленный господинъ» уже стоялъ на ногахъ среди комнаты, запустивши въ волосы свои руки.

— Знаете ли вы, что это за люди пришли сюда, свидѣтельствовать противъ меня? Знаете ли вы это? съ горечью и вмѣстѣ съ нѣкоторой торжественностью спрашивалъ меня «надломленный господинъ».

— Нѣтъ, не знаю.

— Это здѣшніе дворники... Одного изъ нихъ я на ноги поставилъ и домъ ему помогъ выстроить; другому вотъ уже два года отпускаю въ долгъ овса и сѣна; третій грамотный, охотникъ читать, ему газеты посылаю, книги, дѣтей его учу... И вотъ такая благодарность... вотъ чего дождался!... Говора это, «надломленный господинъ» сдѣлалъ шагъ къ дверямъ, какъ будто собираясь публично уличить своихъ бывшихъ пріятелей.

— Такъ ты отвѣчай мнѣ... снова входя въ роль безстрастнаго слѣдователя, продолжаетъ становой.

— Нѣтъ, вы лучше ведите меня въ острогъ, я на это поприще рѣшаюсь. Я лучше соглашаюсь въ острогъ. Совершенно упалъ духомъ; мнѣ только бы до мѣста, да грохнуться, видимо сробѣвши заговорилъ Скачковъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше пойдѣмъ съ понатыми на мельницу, отвѣчалъ становой, и дѣйствительно пошелъ на мельницу въ сопровожденіи мужиковъ и Скачкова.

— Ну, что же теперь съ нимъ будетъ? сиди за вечернимъ чаемъ, не безъ нѣкотораго волненія, обратился къ становаму «надломленный господинъ».

Онъ до такой степени увѣровалъ въ святость и ненарушимость контракта, что даже въ душѣ трепеталъ за будущую судьбу Скачкова.

— Сейчасъ только Скачковъ обращался ко мнѣ съ тѣмъ же самымъ вопросомъ, отвѣчалъ становой.

— Что же вы ему отвѣчали?

— То же, что и вамъ отвѣчу: прійдетъ въ вамъ слѣдователь.

— А потомъ?

— Произведетъ слѣдствіе.

— А потомъ?

— А потомъ дѣло пойдетъ въ уголовную палату.

— А потомъ?

— А потомъ будетъ его разсматривать уголовная палата.

— И долго все это продлится?

— Годъ-другой, пожалуй...

— А неустойку четыреста рублей серебромъ откуда я получу?

Становой молчалъ.

— Что же, это такое дѣло, ясно какъ день: меня подлѣйшимъ образомъ оболгали, обокрали, а тутъ жди годъ-два, а можетъ быть, и вѣкъ ничего не дождешься... Гдѣ же тутъ святость и ненарушимость контракта?

Становой продолжалъ молчать.

За то, когда снова понадобился Скачковъ, то лицо его выражало полярнѣйшее спокойствіе, онъ весело глядѣлъ прямо въ глаза становому приставу.

— Ты это на носу себѣ заруби, что я тебя непременно упрячу въ яму, угрожаетъ ему «надломленный господинъ».

Скачковъ улыбается.

— За три года деньги впередъ внесу.

— Если ваша милость будетъ, я готовъ, я согласенъ, хоть сейчасъ, съ моимъ великимъ удовольствіемъ, улыбаясь отвѣчаетъ Скачковъ. Онъ тоже воображалъ, до настоящей минуты, что человѣкъ, неисполнившій того, что обязался исполнить по контракту — пропащій человѣкъ, что его сейчасъ же должны взять, сковать, снять съ него послѣдній кафтанъ и потомъ везти куда-то далеко, чуть ли не въ Камчатку; но когда Скачковъ убѣдился, что ничего подобнаго не произойдетъ и дѣло можетъ пойти въ оттяжку: прійдетъ новый чиновникъ, начнутся новые разпросы, дознанія, а тамъ дѣло поступитъ въ уголовную палату, потребуются новыя объясненія и дополненія,

бумаги принакопится достаточно, наконецъ дойдетъ до того, что вопиющее дѣло надоѣсть и судьямъ праведнымъ, и самому господину Борису, и уйдетъ гнѣвъ послѣдняго, и плюнетъ онъ на вопиющее дѣло, строго приказавши окружающимъ никогда не поминать въ присутствіи его о мѣщанинѣ Скачковѣ — онъ, то есть мѣщанинъ Скачковъ, сейчасъ же пріободрился и розы снова показались на полныхъ щекахъ его.

— А мѣщанинъ-то, сосѣдъ-то... отличился, нечего сказать... Вѣдь это все его штуки... Я даже увѣренъ, что онъ и научилъ Скачкова, къ нему перевезена вся мука. Основываясь на его словахъ, я отсрочилъ Скачкову оброкъ... И это человѣкъ, гражданинъ, продолжалъ казнить «надломленный господинъ».

— Да вотъ я только что получилъ отъ него отъѣвъ, сказалъ становой и прочелъ слѣдующее:

«На запросъ вашего благородія имѣю честь донести, что не я мѣщанину Скачкову, а мнѣ мѣщанинъ Скачковъ былъ долженъ триста рублей серебромъ, въ счетъ коихъ и навязалъ онъ мнѣ до семисотъ пудовъ муки. Ко всему этому считаю долгомъ своимъ присовокупить, что мѣщанинъ Скачковъ человѣкъ вполне заслуживающій всякой похвалы и всякаго довѣрія.»

— Нѣтъ, послѣ этого жить нельзя, до такой степени все изогалось и оподѣло! вскричалъ «надломленный господинъ», и точно ужаленный змѣей вскочилъ на ноги.

— Рѣшено... съ нынѣшняго же дня завожу записную книгу, продолжалъ онъ:—куда буду вносить всякую случившуюся со мною подлость и гадость. Посмотрите, какъ скоро наполнится—и «надломленный господинъ» засуетился, старая желаніемъ тотчасъ же привести въ исполненіе свою мысль.

Недѣли черезъ двѣ я заѣхалъ въ Жемковку и на письменномъ столѣ моего стараго товарища дѣйствительно нашелъ толстую книгу, съ надписью: «Дневникъ всякихъ подлостей, совершающихся въ мирной пристани Жемковкѣ».

Я раскрылъ книгу и прочелъ слѣдующее:

«Вторникъ, 9-е марта. Приходилъ бочкаревскій мужикъ, просить продать ему съ мельницы два пуда муки и три пуда посыпки; потому вспоминаетъ, что ему еще нужно купить соли, и потому платитъ мнѣ только за одинъ пудъ муки и за два пуда посыпки. Вечеромъ захожу на мельницу, и безъ малѣйшаго удивленія узнаю, что бочкаревскій мужикъ взялъ два пуда муки и три пуда посыпки.

«Среда, 10-е марта. Приѣзжій мужикъ купилъ у меня сотню кирпичей, заплатилъ шестьдесятъ копеекъ серебромъ; потомъ явился тотъ же мужикъ, взялъ еще пятьдесятъ кирпичей, обѣщаясь непременно на другой же день привезти за нихъ деньги. Я нисколько не сомнѣвался въ его желаніи надуть меня, но все-таки согласился; мужикъ дѣйствительно исчезъ безвозвратно.

«Четвергъ, 11-е марта. Сегодня кто-то увезъ у меня гуменныя ворота, вмѣстѣ съ столбами и замкомъ.

«Пятница, 12-е марта. Сегодня купецъ изъ нашего уѣзднаго города на базарѣ собралъ сосѣднихъ мордвовъ, единственныхъ съемщиковъ земли госпожи Коклюшиной, и уговаривалъ ихъ ни въ какомъ случаѣ не давать г-жѣ Коклюшиной болѣе одного рубля пятидесяти копеекъ за десятину земли, между тѣмъ какъ самъ не разъ подсылалъ къ ней дьячка и давалъ одинъ рубль семьдесятъ копеекъ за десятину.

«Субота, 13-е марта. Тормозовскій станціонный смотритель прислалъ мнѣ сказать съ ямщикомъ, что если я тотчасъ же не пришло ему двадцать-пять пудовъ муки, то не видать мнѣ ни журналовъ, ни газетъ, а за письма назначилъ особенно по десяти копеекъ серебромъ за каждое письмо.

«Воскресенье, 14-е марта. Гарышникъ Парфенычъ беретъ каждый вечеръ по двѣ свѣчи на мельницу; сегодня узналъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе одну свѣчу заносить домой, половину свѣчи отдавать цѣловальнику, и только другую половину употребляетъ дѣйствительно въ мою пользу, на освѣщеніе мельницы.

«Понедѣльникъ, 15-е марта. Третьяго-дня новый мельникъ, Емельянъ Колесовъ, заключилъ со мною условіе въ волостномъ правленіи, по которому обязался служить на моей мельницѣ въ теченіе года и ничего не требовать за свою службу кромѣ проски*. Сегодня явился ко мнѣ тотъ же самый Емельянъ Колесовъ и потребовалъ отъ меня, сверхъ проски, двадцать-пять рублей серебромъ жалованья. Напрасно ссылался я на то, что заключенное условіе — Емельянъ Колесовъ былъ непоколебимъ, и въ заключеніе всего посоветовалъ мнѣ прискаты другаго мельника, и немедленно скрылся.

«Вторникъ, 16-е марта. Звѣрообразный помѣщикъ Шишманловъ грозится раздавить меня какъ муху, за то, что будто бы я описалъ дѣянія его въ какомъ-то журналѣ. Вообще все письмо Шиш-

* Добровольное пожертвованіе помошца въ пользу мельника.

взмыва дышетъ неукротимымъ гѣвномъ и желаніемъ, ни съ того ни съ сего, переломать мои кости.

«Среда, 17-е марта. Такъ же точно, по дошедшимъ до меня слухамъ, желаютъ поступить со мной окрестные мужички, если я въ теченіе нынѣшняго лѣта буду такъ же строго и неутомимо наблюдать за дневными и ночными караулами и объѣздами по случаю пожаровъ, какъ наблюдалъ (по приглашенію мирового посредника) въ прошедшемъ году. Изъ чувства самосохраненія я долженъ бы немедленно бѣжать изъ сихъ мѣстъ, что я и сдѣлалъ бы, еслибы было куда бѣжать.»

— А знаете ли, что я придумалъ? прервалъ мое чтеніе «надломленный господинъ», мгновенно переходя отъ чернаго цвѣта къ розовому. Онъ былъ въ высшей степени склоненъ къ такого рода скачкамъ, и если сегодня говорилъ о крестьянахъ, какъ о сословіи, отличающемся одними животными свойствами, да смѣлкой какъ лучше схитрить да обмануть, то это нисколько не мѣшало ему завтра же благоговѣть и ставить на недосягаемую высоту здравость ума и нравственныя свойства русскаго мужика.

— Знаешь ли, что пришло мнѣ въ голову — что лучше всего было бы снять мою мельницу крестьянамъ всѣмъ обществомъ. У нихъ былъ бы общій трудъ, общій доходъ—однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ ассоціаціи рабочихъ, къ чему, какъ извѣстно, стремится весь образованный Западъ и рабочій народъ въ Англии. Я уже говорилъ крестьянамъ; они сейчасъ же поняли меня, и оцѣнили мое предложеніе. Наконецъ это будетъ прекрасный прихѣръ для окрестныхъ крестьянъ... тѣмъ болѣе, что артель жить, такъ-сказать, въ натурѣ русскаго человѣка.

Я не противорѣчилъ, не громилъ воздушныя замки, на скорую руку построенныя моимъ старымъ товарищемъ, хотя ясно понималъ, что общинное владѣніе насолитъ ему столько же, сколько насолитъ Скачкочу, если не болѣе. Но продолжая перелистывать книгу, заведенную «надломленнымъ господиномъ» для записыванія всякихъ подлостей и гадостей, совершающихся въ мирной пристани, я все болѣе и болѣе впадалъ въ мрачное, тяжелое настроеніе духа; и въ самомъ дѣлѣ, для подобной книги въ нашей мѣстности за матеріаломъ недостатка не будетъ.

Я не говорю о городахъ нашихъ—я ихъ не знаю; да, впрочемъ, и стоитъ ли говорить о нашихъ городахъ, объ этихъ песчинкахъ, едва примѣтныхъ на необъятномъ пространствѣ нашего отечества; но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что

въ нашихъ вѣсяхъ можно смѣло возвести въ законъ слѣдующія положенія:

- 1) каждый изъ насъ можетъ смѣло занять деньги у ближняго своего, съ тѣмъ чтобы не платить ихъ ни въ какомъ случаѣ;
- 2) чтобы окончательно разстроить нервы, здоровье и преждевременно состариться, стоитъ только переѣхать въ какую нибудь Жемковку, съ благородной цѣлью усовершенствовать свое хозяйство, завести человѣческія отношенія и проч. и проч.

XI.

ВЕСНА.

Потемнѣла дорога; кое-гдѣ, по пригоркамъ, разорвалось сплошное бѣлое покрывало и открылись черныя земляныя полосы... Въ полдень солнце начинаетъ уже сильно нагрѣвать оконныя стекла, гонить снѣгъ, густымъ слоемъ покрывавшій крыши домовъ, всевозможныя домашнія животныя въ неописанномъ наслажденіи подставляютъ свои спины подъ теплые лучи его и въ избыткѣ удовольствія замуриваютъ глаза; тамъ и сямъ, какъ-будто для забавы уличныхъ мальчишекъ, начинаютъ образовываться небольшія лужи, предвѣстницы будущихъ заморозовъ, будущихъ несчастій и приключеній бѣднаго чиновника, посланнаго по казенной надобности, или обозника, взявшагося доставить товаръ къ извѣстному сроку; прилетѣли грачи и уже завелись своимъ хозяйствомъ на недосыгаемыхъ вершинахъ старыхъ ветель. Мужики лѣниво сходятся около постоялаго двора погрѣться на весеннемъ солнышкѣ, и въ сотый разъ потолковать о томъ, что никакой круговой поруки ненадо, а каждый знай себя и за себя отвѣчай... Ихъ болѣе всего смущаетъ круговая порука, и не смотря на то, что каждому изъ нихъ очень хорошо было извѣстно, что въ уставной граматѣ именно было сказано, что повинности отбываются крестьянами за круговую порукою, грамота неприкосновенно лежала въ волостномъ правленіи, а въ дѣйствительности о круговой порукѣ не было и рѣчи, каждый отвѣчалъ за себя и отчаянно шумѣлъ, лишь только дѣло касалось того, чтобы снять одну или двѣ души съ какаго нибудь Бориса—старика, едва таскаваго ноги и къ тому же обремененнаго огромнымъ семействомъ, единственной опорой и плательщикомъ котораго былъ двадцатилѣтній парень Моисей, или Мысьва, какъ звали его крестьяне.

Но вотъ къ видѣвшемуся вдали новенькому волостному правленію шибко подѣхала пара лошадей съ колокольчикомъ подъ дугой, а вслѣдъ затѣмъ съ крыльца правленья однимъ прыжкомъ скакнулъ сотникъ и бѣгомъ направился къ сходкѣ.

— Анараль ѣдитъ! анараль! новый губернаторъ, велѣно всѣхъ поголовно выгонять на большую дорогу ухабы ровнять... Живо собирайся! живо поворачивайся! еще издали кричить сотникъ, размахивая палкой.

Крестьяне встрепенулись, и дѣйствительно, не прошло десяти минутъ, какъ я видѣлъ уже безконечную вереницу саней, выѣзжавшую изъ селенія.

Вслѣдъ затѣмъ на берегу рѣчки появилась цѣлая куча бревенъ и дѣятельно застучали топоры.

— Что это вы, ребята, дѣлаете? спрашиваю я плотниковъ, проходя мимо.

— Паромъ справляемъ... отвѣчали плотники, продолжая неутомимо работать топорами.

— Зачѣмъ это?

— Знамо, зачѣмъ: людей и поштву переправлять.

— Да вѣдь прежде этого не было?

— Мало ли чего не было прежде...

Въ эту минуту подошелъ писарь становаго пристава, поднявшій на ноги все селеніе: топоры застучали еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ.

— Скажите, зачѣмъ этотъ паромъ? обращаюсь я къ писарю.

— Больше насчету примѣра и виду... Такъ-какъ его превосходительство изволить ревизовать губернію, такъ оно тутъ будетъ у мѣста... объяснилъ писарь.

— Ну, что же слышно насчетъ новаго губернатора? полюбопытствовалъ я.

— Губернаторъ во всей формѣ: строгій, взыскательный... до всего доходить, въ судъ съ семи часовъ утра забрался, въ полночь вышелъ... начальство разобралъ: кого подъ судъ, кого просто на покой...

Наконецъ въ одно прекрасное весеннее утро, мимо оконъ моихъ проѣхалъ новый губернаторъ, въ простыхъ рогожныхъ саняхъ, на тройкѣ лошадей, безъ всякаго шума и погрома, безъ скачущихъ впереди исправника и становаго пристава, должствующихъ изобразить въ эту минуту громъ и молнію, всегдашнихъ предвѣстниковъ Юпитера.

Новый губернаторъ укротилъ ревность полиціи, пригласивши ее лучше дѣломъ заниматься, нежели тратить дорогое время на бесполезную сляку и прислуживаніе.

Вскорѣ чиновничество громко возроптало на неутомимую дѣятельность новаго губернатора, находя что это ни въ какомъ случаѣ нейдетъ въ сановнику, даже нѣсколько роняетъ его сановитость. Дворянство въ свою очередь вознегодовало на то, что новый губернаторъ ни съ кѣмъ не знакомится и никому руки не подаетъ... Кто-то даже рѣшился издалева намекнуть ему, что такъ нельзя, что здѣсь дворянство весьма почтенное и образованное, на что будто-бы губернаторъ отвѣчалъ: «что онъ пріѣхалъ въ губернію не знакомиться, а дѣло дѣлать».

Эти слова мигомъ облетѣли всю губернію, возбуждая надежды и упованія всего, что только было порядочнаго въ ней.

Въ эту минуту, когда весна съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать, когда въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то новымъ, успокоительно дѣйствующимъ на раздраженные нервы, когда совершенно открылось и пріятно зазеленѣло далекое озимое поле, и то и дѣло обращаются въ его сторону полныя надеждъ и сладостныхъ предчувствій глаза помѣщиковъ и крестьянъ, когда въ тепломъ воздухѣ, вмѣсто воя вьюги, раздается пѣсня жаворонка — въ эту минуту, далеко выступающую изъ длиннаго, скучнаго ряда безотрадныхъ дней, въ эту минуту, переполненную всякими надеждами и ожиданиями, въ эту чудную минуту, мнѣ кажется, безъ всякой особенной натяжки можно сблизить появленіе весны, возбуждающей столько надеждъ на урожай и вообще на лучшее будущее, съ появленіемъ новаго губернатора.

Отъ новаго губернатора, какъ отъ приближающейся весны, всѣ ожидали всего лучшаго, утѣшительнаго: ожидали, что не рискуя жизнью, можно будетъ ѣздить по дорогамъ, даже въ весеннее и осеннее время; ожидали, что полиція выйдетъ наконецъ изъ летаргическаго сна; помѣщичьи и крестьянскія лошади не будутъ уже пропадать безслѣдно, какъ камень, брошенный въ воду; безпаспортные и бродяги всякаго рода не будутъ прогуливаться по губерніи такъ же безопасно, какъ прогуливаются они гдѣ-нибудь въ Англіи или въ Швейцаріи, гдѣ, какъ извѣстно, никакихъ паспортовъ не требуется; ожидали, что полицейскія мѣры при взыскаіи съ господъ, имѣющихъ благородную привычку не платить долговъ своихъ, не будутъ только од-

ной ни къ чему неведущей формальностью, средствомъ оттянуть дѣло, средствомъ необычнаго размноженія подражателей и послѣдователей господъ, имѣющихъ благородную привычку не платить долговъ своихъ — однимъ словомъ, ожидали, что полиція наша, наконецъ, будетъ пригодна на что нибудь другое, кромѣ скаканія на поклоны къ вліятельнымъ лицамъ въ уѣздѣ, кромѣ отписки и переписки бумагъ, кромѣ обдѣлыванія втихомолку своихъ собственныхъ дѣлъ—ожидали, что законъ, какъ весеннее солнце, засіяетъ на всю губернію и все живущее на необъятномъ пространствѣ ея, безъ всякаго различія: богачи и бѣдняки, чиновные и нечиновные, все это, волей или неволей, разомъ преклонится передъ закономъ — ожидали... да мало ли какія надежды возлагаютъ въ глуши на новаго губернатора!

А между тѣмъ весна все болѣе и болѣе радуется, все ликуетъ, суровыя лица мужиковъ оживляются улыбкой, коровы и лошади уже не грѣются на солнышкѣ, а скачутъ взадъ и впередъ по деревьямъ, поднявши хвосты; рѣчка потемнѣла, вздулась и къ общему удовольствію крестьянъ и неописанному горю содержателя мельницы, яростно хлынула на плотину, унося безъ всякаго разбору: лѣсъ, землю, навозъ, однимъ словомъ—все, чѣмъ думалъ остановить ее человекъ.

Толпы любопытныхъ и любителей даровыхъ зрѣлищъ со всѣхъ сторонъ стекаются на берегъ рѣки полюбоваться на то, какъ дрожить и стонетъ плотина, подъ непрерывными ударами громадныхъ льдинъ, какъ безъ толку суетится и мечется, точно одурѣвшій хозяинъ мельницы, и сидя на мокромъ пескѣ, на всю окрестность вопить и причитываетъ его жена, окруженная цѣлымъ десяткомъ оборванныхъ дѣтей... Въ черной толпѣ праздно стоявшихъ мужиковъ начинаются соображенія на счетъ того, во сколько обойдется содержателю мельницы прудва плотины и сколько можно будетъ заработать имъ около мельницы... На противоположномъ берегу рѣки показывается почтовая тройка.

— Давай паромъ! паромъ! Черти, давай паромъ, неистовствуютъ почтальонъ и ямщикъ съ бляхами на кафтанѣ, повидимому, какъ вельча болѣе довольные случаемъ разыграть начальство и позѣвать.

Перевозчики, грѣвшіеся у костра, опрометью кидаются на паромъ и разомъ берутся за веревку. Паромъ быстро отплываетъ отъ берега, но потомъ приостанавливается и тихо-тихо начинаетъ опускаться на дно рѣки.

Паромъ былъ слишкомъ тяжелъ, а рѣка слишкомъ мела.

— Сто чертей дери вашу душу! продолжаетъ неистовствовать почтальонъ, и уткнувши руки въ бока, съ угрожающимъ видомъ подвинулся на телегѣ.

А паромъ опускался все ниже и ниже... перевозчики стояли уже по колѣна въ водѣ и тоже кричали, что было силъ. Публика, толпившаяся на берегу, не отставала отъ перевозчиковъ, каждый гдѣ съ благоразумнымъ совѣтомъ, каждый старался перекричать своего сосѣда и такимъ образомъ шумъ выходилъ неописанный.

Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы среди толпы зрителей не появился въ эту минуту нашъ мировой посредникъ верхомъ на маленькой проворной лошадекѣ. Все тотчасъ же приумокло и послышались распоряженія посредника, а пять минутъ спустя почта уже ѣхала въ объѣздъ, а паромъ былъ вытаскнъ на берегъ, какъ вещь не только бесполезная, но даже опасная.

Исполнивши у перевоза роль полиціи, мировой посредникъ повернулъ на базаръ, гдѣ уже поджидали его лавочники съ жалобой на то, что съ нихъ берутъ деньги за свидѣтельство, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними торгуютъ безъ всякаго свидѣтельства. Не отговариваясь и ни мало не смущаясь, посредникъ разобралъ дѣло, и такимъ образомъ еще разъ добровольно исполнилъ обязанность полиціи. Дѣлать дѣло, не откладывая въ долгій ящикъ, приносить существенную пользу обществу—было его призваніемъ, такъ же точно какъ призваніе многихъ полицейскихъ чиновниковъ въ глуши есть вѣчное выслуживаніе въ глазахъ того, кто можетъ сейчасъ же страхнуть ихъ съ лица губерніи, и совершенное равнодушіе ко всему, что не въ силахъ распорядиться съ ними такимъ образомъ.

Встрѣтившись съ посредникомъ на улицѣ, я пригласилъ его къ себѣ, но ему, по обыкновенію, было некогда.

— Что же это у васъ за дѣло?

— Въ троицкомъ волостномъ правленіи сходъ ожидается. Старшина принялъ на себя всевозможныя должности: и волостныхъ судей, и сборщика, и мирового посредника... Мерзвѣйшее дѣло... Мнѣ наговорилъ на крестьянъ, крестьянкамъ—на меня... однимъ словомъ, всѣхъ перессорилъ и обмошенничалъ... И чего бы, вѣстается, пророче: крестьянкамъ предоставляется полная возможность и право слѣдить за расходомъ мирскихъ денегъ, это даже требуется отъ нихъ; наконецъ, собственный интересъ ихъ замѣшая, а между тѣмъ дѣльнымъ обществомъ одного мошенника не могутъ войнать и усчи-

тать... Вотъ полюбуйтеся... и говоря это, подалъ мнѣ листъ испи-
санной бумаги.

Я прочелъ слѣдующее:

«Водворенныхъ на помѣщичьей землѣ временно-обязанныхъ
крестьянъ села Троицкаго.

«ПРОШЕНІЕ.

«Волостной старшина села Троицкаго, Еремей Ивановъ, продол-
жая сборъ съ крестьянъ денегъ, расходовалъ ихъ по своему усмо-
трѣнію. По окончаніи послѣдняго сбора, по просьбѣ его сдѣла-
но ему волостнымъ правленіемъ два учета, по коимъ оказалось,
по учету первому, на сходѣ 29-го декабря, недочету 2 р. 30 к.
сер., а по второму, на сходѣ 25-го января, уже недочету 615 р.
сер.; а какъ въ это малое время этого произойти не могло, а ме-
жду тѣмъ недочетъ денегъ все увеличивается, поэтому жалаемъ
мы временно-обязанные крестьяне села Троицкаго повѣрить за все
время службы волостнаго старшины Еремея Иванова, въ деньгахъ
и произвести учетъ чрезъ постороннее лицо, знающее письменную
и счетную часть, а потому просимъ покорнѣйше ваше высокобла-
городіе собрать сходъ для составленія приговора на допущеніе къ
учету, при уполномоченныхъ отъ общества, посторонняго лица.»

— Что же, по вашему, дѣло плохо, и съ самоуправленіемъ да-
леко не уйдемъ? спросилъ я посредника, возвращая ему прошеніе
троицкихъ крестьянъ.

— Нѣтъ, вообще этого нельзя сказать; у меня есть одна во-
лость, именно тепловская, гдѣ рѣшенія волостныхъ судовъ чрез-
вычайно дѣльны; въ другихъ, напротивъ, изъ рукъ вонъ плохи:
ни старшины, ни судьи рѣшительно не понимаютъ своихъ обя-
занностей, несмотря на то, что уже прошло болѣе трехъ лѣтъ,
со введенія Положенія 19-го февраля. То они займутся тѣмъ, что
вовсе не подлежитъ ихъ разбирательству; то старшина разсудитъ
самъ какъ знаетъ, и даже распишется вмѣсто судей; то всякій про-
ступокъ примутся рѣшать миролюбіемъ, то-есть выпивкой. А васъ
развѣ интересуютъ волостные суды и самоуправленіе?

— Очень.

— Такъ не хотите ли, я на время пришлю къ вамъ книги всѣхъ
волостныхъ правленій, для записыванія рѣшеній волостныхъ су-
довъ?

— Я буду вамъ весьма благодаренъ.

— Непремѣнно пришлю... еще разъ повторилъ посредникъ, и

на прощанье кивнувши мнѣ головой, крупной рысью поѣхалъ вдоль улицы.

На другой день рано утромъ явился ко мнѣ сельскій староста съ двумя стариками и вручилъ мнѣ слѣдующій съ крестьянъ оброкъ; въ недоимкѣ осталось только двадцать руб. сер. за семействомъ Бориса, съ часу на часъ ожидавшаго возвращенія своего сына Мыськи изъ-за Волги, гдѣ онъ нанимался въ работники именно за двадцать руб. сер. съ покрова до святой недѣли.

ХП.

МЫСЬКА.

Въ эту минуту, версть за полтора, въ прихожей стараго барскаго дома, чернѣвшаго на крутомъ берегу Волги, стоялъ Мыська—тощій, взъерошенный парень, въ сплошныхъ лохмотьяхъ, а передъ нимъ уже пожилой, но еще свѣжій помѣщикъ средней руки съ краснымъ лицомъ, въ широкомъ красномъ же халатѣ.

— Что... или къ дворамъ собираешься? спрашиваетъ помѣщикъ.

— Собираюсь, Семень Васильчъ, тупо улыбаясь, отвѣчалъ Мыська.

— Къ празднику, видно, захотѣлось, съ бабами да съ дѣвками давно не видался, въ хороводъ тянеть... продолжаетъ красный помѣщикъ, впадая въ шутивый и отчасти фамиллярный тонъ.

Эта, повидимому, совершенно излишняя замашка краснаго помѣщика, какъ нельзя болѣе помогала ему, въ его частыхъ отношеніяхъ съ крестьянами.

— Надо бантъ дѣло... говорили окрестные мужики, когда рѣчь доходила до Семена Васильевича:—баринъ простой, простецкій баринъ.... душа... и повалявать съ человѣкомъ и пошутить, все это онъ можетъ.

Расположеніе крестьянъ къ Семену Васильевичу доходило до того, что если онъ, что называется, «нагрѣвалъ» когонибудь изъ своихъ друзей и поклонниковъ, то они принимали это какъ должное, и тихо, добродушнѣйшимъ образомъ подсмѣиваясь надъ нагрѣтымъ, говорили: «ловко обулъ, нечего сказать, ловко нагрѣлъ, Семень Васильчъ; а все-таки баринъ славный, простой».

— Такъ вотъ тебѣ, братецъ ты мой, твое жалованье... получай... продолжаетъ между тѣмъ Семень Васильевичъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вручаетъ работнику двѣ совершенно новенькія красныя бумажки.

Мыська примаць ихъ какъ величайшую драгоценность, и тотчасъ же завязалъ въ грязную тряпицу.

— А это, братецъ ты мой, тебѣ награда, за твою усердную службу... получай... продолжалъ помѣщикъ, подавая Мыськѣ два пятака.

Семень Васильевичъ представлялъ типъ совершенно исключительный и рѣдкій; между помѣщиками онъ былъ человѣкъ въ высшей степени расчетливый; онъ былъ именно то, что называется между крестьянами «хозяинъ своему добру».

— Получай, братецъ ты мой... получай... за то, что всегда былъ при своемъ мѣстѣ, за свое смиренство... внушалъ Семень Васильевичъ, желая повидимому подолѣе насладиться своимъ великодушiемъ...

Мыська низко кланялся.

— За то и жаую тебя, что безоблыжно и усердно служилъ... размызывалъ, повидимому, тронутый помѣщикъ.

Мыська кланялся еще ниже.

— За то, что нивагихъ худыхъ дѣловъ за тобою не было...

Мыська все кланялся.

Часть-другой спуста, тотъ же Мыська, въ какихъ-то дрянныхъ рубищахъ, подпоясанный веревкой, съ тощей вотомкой за плечами, и длинной палкой въ рукѣ, крупно шагаль по дорогѣ къ родному селу; ему уже мерещится зеленый выгонъ, точно цвѣтами усыпанный, красными сарафанами и рубашками... Тѣсно, весело, шумно — рядъ слегка-покачивавшихся, и ослѣпительно блеснувшихъ на вешнемъ солнышѣ хоругвей — тихо выступаетъ изъ проулка, слышатся знакомые голоса мужиковъ, голосащихъ, что было мочи: «Христось воскресе изъ мертвыхъ»... и все это смѣшенiе родныхъ звуковъ то и дѣло покрывается неумолкаемымъ звономъ колоколовъ, на всю святую поступившихъ въ полное распоряженiе съѣхавшихся пожуировать на праздникъ семинаристовъ.

Но до родного села еще недалеко, и мало ли можетъ быть расхоловъ и препатствiй на дорогѣ... На Волгѣ едва льдомъ не опрокинуло парома, но это еще съ полгоря, а горе въ томъ, что пришлось Мыськѣ отдать перевозчикамъ одинъ изъ наградныхъ пятаковъ, и уже съ однимъ пятакомъ продолжать дальнѣйшiй путь... Пятакъ не богъ-вѣсть какiя деньги: разъ ноѣлъ на постоакомъ, и его уже нѣтъ, а до села еще верстъ съ сотню будетъ.

Идет парень по дорогѣ; денекъ выдался свѣтлый, теплый; поля радостно зеленѣютъ, бархатный вѣтерокъ точно ласкаетъ лицо, точно живые — заговорили ручьи; всякая птица ликуетъ и воспѣваетъ начало весны. Вѣдная, еще полузамерзшая природа, усиливается во что бы то ни стало улыбнуться, и принять праздничный видъ. Но не до весны и не до праздника бѣдному Мыськѣ: голодъ все ближе и ближе подступаетъ, изъ силы выбивается парень — въ одномъ селеніи христовымъ именемъ крадишку хлѣба выпросилъ, въ другомъ наотрѣвъ отказали: «Самимъ, говорятъ, ѣсть нечего — голодъ».

Вѣжить Мыська безъ отдыха, съ какой-то лихорадочной торопливостью, бѣжить отъ голода, точно отъ злѣйшаго, неумолимѣйшаго врага.

— Донеси, Господи, донеси, Господи, шепчетъ Мыська въ эту критическую минуту, и, безъ всякаго сомнѣнія, скорѣе бы рѣшился умереть страшной смертью, нежели посягнуть на драгоценность, завязанную въ грязную тряпку и потомъ изъ предосторожности запрятанную въ онучи...

Наконецъ-то вдали показалось селеніе: вотъ, кажется, рукой подать, кажется, полверсты остается — не больше, но прошелъ часъ и другой, когда Мыська, измученный и голодный, вступилъ въ околицу.

Плетется Мыська знакомой улцей.

— Мыська идетъ! оброкъ несетъ... Здорово, Мысько!... раздается въ ухахъ его; но не отвѣчая на привѣтствія, едва передвигая ноги, плетется Мыська; страшный голодъ все ближе и ближе подступалъ къ нему... Нѣтъ болѣе мочи терпѣть; въ глазахъ потемнѣло, ноги разомъ подкосило, и Мыська рухнулъ на землю, противъ отцовской избы.

— На другой день сельскій староста, и, нѣсколько важничая своей акуратностью, приобрѣтенію, впрочемъ, безъ всякаго желанія, а единственно вслѣдствіе нѣсколькихъ штрафовъ и взимсканій посредника — вручилъ мнѣ оставшіеся въ недоимкѣ 20 руб. сер.

— Чтò это такое? спрашиваю я.

— Мыська, Бориса Васильева сынъ, пришелъ, оброкъ ярился.

— Давно пришелъ?

— Вчерашняго числа... и какой случай вышелъ, продолжалъ сельскій староста, послѣ непродолжительнаго молчанія: — съ

Минской-то... Борисовичъ сыномъ, съ тѣмъ, что въ работникахъ наймывался за Волгой... мало не содохъ...

— Что ты!

— Известно, парень робкій, смиренный... опять же деньги получил большія... опять же крупныя, а дорога тоже дальняя... мужику пить-ѣсть нужно... и сельскій староста передалъ мнѣ то, что я только что рассказалъ вамъ, мон, вѣроятно, немногочисленные читатели.

XIII.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВѢТЛАГО ПРАЗДНИКА.

Цѣлую ночь, въ страшной тѣмѣ завывалъ вѣтеръ, дождь хлесталъ въ окна, ставни скрипѣли и хлопали. Въ такія ночи спится необыкновенно крѣпко и сладко, можетъ быть, потому, что живѣе чувствуется вся прелесть и удобство теплой комнаты и покойной постели. Я отрываю глаза, слышу жаркій колокольный звонъ, и такимъ образомъ узнаю, что любители уже успѣли забраться на колокольню, и что не только заутрени, но и обѣдня давно уже кончена.

Въ комнатѣ какъ-то особенно свѣтло; подхожу къ окну, и останавливаюсь въ величайшемъ изумленіи: на крышахъ, на деревьяхъ, на дорогѣ, на дальнихъ поляхъ, однимъ словомъ, на всемъ лежитъ свѣжное покрывало. Нигдѣ ни лоскута земли, ни кучи навоза, ни клок грязной соломы — все чисто и ослѣпительно-бѣло. Зима такая же, какъ въ январѣ мѣсяцѣ.

Столъ уже накрытъ, и, какъ слѣдуетъ, установленъ куличами, яйцами и проч. Лица окружающихъ до крайности истомлены, носятъ явные слѣды проведенной безъ сна ночи. Всѣ жуютъ молча, и то и дѣло зѣваютъ.

— Христосъ воскресъ! раздается въ прихожей. Я узнаю голосъ сосѣда, мелкотравчатого дворянина Куроѣдова, всегда довольнаго и веселаго, несмотря на то, что послѣ освобожденія крестьянъ, у него осталось всего-на-всего 100 десятинъ неидущей съ рукъ земли, и четверо дѣтей, или, какъ выражался дворянинъ Куроѣдовъ: «осталось четверо дѣтей въ полѣ, и ничего болѣ».

Всгдъ затѣмъ въ комнатѣ появляется господинъ въ изысканномъ ополченскомъ костюмѣ.

Онъ громко смѣялся, и какъ только исполнилъ христіанскій обрядъ, то-есть похристосовался, тотчасъ же принялся разсказывать, какъ послѣ заутрени перессорились церковники изъ-за того, что дьячокъ заподозрилъ пономаря въ захватѣ львиной части, и какъ потомъ тотъ же самый дьячокъ, въ великомъ азартѣ, вскопчилъ въ вадушку съ яйцами, и ногами перебилъ что въ ней было...

— Ну, что вы подѣлываете? спрашиваю я дворянина Куроѣдова, усаживаясь съ нимъ на диванѣ, въ душѣ весьма довольный тѣмъ, что не обреченъ на полнѣйшее уединеніе, среди безотрадно-бѣлѣвшихъ кругомъ сугробовъ.

— А я у себя такіе комфорты устроилъ, началъ мелкотравчатый, такой счастливый и довольный, какъ будто кругомъ насъ цвѣли сады райскіе. — Противъ оконъ качели соорудилъ, купилъ пудъ сѣмечковъ для бабъ. Посмотрите-ка, что у меня вечеромъ будетъ народу — эти бабы, дѣвки — пѣсня... Я вамъ скажу, это — великолѣпнѣе что такое будетъ... Разуспе-деликатесь... и, говоря это, мелкотравчатый дворянинъ только-что не прыгаль отъ удовольствія...

— Ну, что у васъ новаго? что мужики?

— Намедни жмакинскій управляющій идетъ мимо меня, я его тоже спрашиваю: что мужики? А онъ въ отвѣтъ: «курами смѣнялись, пьютъ напропалую»...

— Какъ курами смѣнялись?

— Точно такъ-съ, что было — все смотали, теперь нечего дѣлать, такъ выдумали курами мѣняться: промѣняются, и пьютъ на радости. Намедни я загналъ лошадь жмакинскаго мужика; приходитъ хозяинъ, я требую штрафъ, а онъ трясеть пустымъ мѣшкомъ, да и говорить: «вотъ одинъ остался — съ другимъ жена по міру пошла; и весь мой тутъ капиталъ».

— Что же старшина смотреть?

— Чай пьеть, брюхо растутъ... Намедни пріѣхаль ко мнѣ, туда же руку суетъ, садится. Я, признаюсь, не вытерпѣлъ: «Ты, говорю, милый человѣкъ, не забывайся... я тебѣ не свой братъ — сиволапый мужикъ... я — столбовой дворянинъ Куроѣдовъ»... Смотрю, мой старшина ноги-то поднялъ на вытяжку, только голова трясется... Этакъ-то съ ними лучше.

— Иди теперь къ хрѣстному — христосоваться... радастся въ эту минуту въ прихожей.

Велѣдъ загнѣвъ, послышались чья-то тяжелые шаги. Дверь кабинета растворилась.

— Ну, иди къ крестному... скажи: Христось воскресъ, говорить высокая, и, несмотря на старость, все еще красивая женщина, помогая своему крошечному сыну влечь громадные, смазанные дегтемъ сапоги.

— Что же ты молчишь, балясникъ? что же ты ничего не говоришь? обезпоясалась мать.

— Лубаску... лубаску красную... шепчетъ сынъ.

Всѣ смѣются.

— Я какъ прѣйду къ себѣ, у меня тоже вся дворян явится, все крестники. У меня человекъ двадцать крестниковъ, этихъ рубашекъ не напасусь, прихвастнулъ при этомъ случаѣ мелко-травчатый дворянинъ, забывая, что вся дворян его заключалась, въ настоящее время, въ одной старухѣ, и то болѣе похожей на тѣнь человѣческую, нежели на живое существо.

Входитъ сельскій староста.

— Ты что?

— Мужики пришли къ вашей милости христосоваться.

Я выхожу въ прихожую, набигую крестьянами.

— Съ праздникомъ... съ праздникомъ... съ высовоторжественнымъ... разомъ заговорили крестьяне, и началось обычное цалованіе. Потомъ принесли воды, и въ прихожей уже невозможно дышать отъ запаха сивухи, соединеннаго съ запахомъ новыхъ овчинныхъ тулуповъ, надѣтыхъ въ первый разъ по случаю свѣтлаго праздника.

Лица мгновенно оживляются, языки тоже, начинается разговоръ, что снѣгу много выпало, что кто живъ будетъ, тотъ послѣ пасхи пахать начнетъ, и такъ далѣе.

— Покорно благодаримъ за угощеніе... говорятъ одинъ изъ стариковъ.

— Покорно благодаримъ, поворно благодаримъ, пестораятъ десятки крестьянъ, и не торопясь выходить изъ прихожей...

Опять кабинетъ, опять одиночество, если не считать дворянина Куроѣдова и вьюги, плакавшей надъ занесеннымъ снѣгомъ селеніемъ.

Отъ нечего дѣлать, я начинаю разспрашивать своего собесѣдника о его прошломъ.

— Гдѣ вы учились?

— Въ гимназін, въ Ухабинскѣ, до четвертаго класса дошелъ и обратно — вспять возвратился: гимназисты были тогда не то,

что нынче, бороду брили; а Померанцевъ, что теперь въ гимназїи учить, былъ еще вновь, и такой же былъ сумасшедшїй, какъ и теперь: бывало, придетъ къ намъ въ гимназїю: «барышни, тише», а въ екатериненскомъ женскомъ училищѣ говорить: «Что вы, мужчины, кричите!»

— Я бы, можетъ быть, и не ушелъ изъ гимназїи, да однажды больно поповичей избили... Смертный бой былъ; инспекторъ прїѣхалъ разнимать, а мы свое; директоръ присвакалъ, а мы все свое. Наконецъ, полиція явилась... Ну, на другой день всѣмъ поргу, а зачинщиковъ, и меня въ томъ числѣ, вонъ изъ гимназїи.

— А при васъ порку часто давали?

— Очень часто; бывало, въ курткѣ всегда табакъ нюхательный; какъ сторожа налетать вязать, такъ сейчасъ имъ табакъ въ глаза — они и прочь...

Дверь снова отворяется.

— Старшина съ писаремъ пришли христосоваться... тонкимъ дискантомъ, докладываетъ дворовый мальчикъ, исправляющїй должность слуги.

Перецаловавшись съ старшиной и писаремъ, и получивши отъ нихъ, неизвѣстно зачѣмъ принесенный и завязанный въ красный носовой платокъ фунтъ гнилыхъ орѣховъ, я снова возвращаюсь въ кабинетъ, и снова принимаюсь разспрашивать мелкотравчатаго дворянина.

— А гдѣ вы служили?

— Въ уѣздномъ судѣ два года. Я долго отбивался отъ гражданской службы, и мнѣ страсть какъ хотѣлось въ военную... Ну, да покойный батюшка уперся: нѣтъ тебѣ, говорить, на то моего родительскаго дозволенїя. Судьба... что же дѣлать, а впрочемъ, служба моя была легкая: люди въ судъ идутъ, а я въ гости. Тутъ приспѣло ополченїе... я въ ополченїе, къ Ѳеодору Ивановичу въ роту. Ну, и давай, и давай... Сперва какъ есть въ походъ собрались: засѣдали лошадей, заставили горниста генерал-маршъ играть... маршъ изъ города; Ѳеодоръ Ивановичъ впередъ, а мы субалтеры за нимъ. Родные ревутъ, народъ провожаетъ, а мы на всѣ стороны кланяемся: «прощайте, прощайте»... Въ зимнее время, особливо, какъ собрались пять-шесть человѣкъ, такъ и кутежъ... Купцы тоже вечера дѣлали... Меня съ Бвграфомъ Козынымъ поставили къ одному чиновнику въ домъ... Случился вутѣлъ; чиновникъ нарядился въ шпагу и шляпу, и явился къ намъ: «ти-

ше! тише! говорить, господа; здѣсь домъ губернскаго секретаря»—стихами отстрочилъ... Федоръ Иванычъ лихой былъ командиръ; бывало, выйдетъ передъ фронтъ: «пой, ребята, пой...» и пошло: «Дружина храбрая впередъ... дирекція направо... кто первый на стѣну взойдетъ, тому честь и слава... Хорошо, ступайте домой, что васъ мучить»—больше никакого ученья и не видали.

— Что же вы дѣлали послѣ ополченія?

— Зажилъ въ деревнѣ, собакъ завелъ первый сортъ, отъ Федора Иваныча вывелъ; въ первую же осень ведемъ волковъ затравилъ, да, кажется, штукъ двадцать лисеноевъ. Сосѣдство было большое, жила душа въ душу, весело жили, не то что нынче. Тутъ братецъ пріѣхалъ съ Кавказа, капитанъ, у полковника дочь взялъ, да двадцать-пять тысячъ приданого получилъ; фортуна послужила... Пріѣхалъ: коверъ мнѣ подарилъ отличный, нагайку, работы великолѣпной... Ну, пожилъ, потребовалъ свою часть—раздѣлились; а тутъ крестьянъ отобрали, и лопнулъ я, какъ шведъ подъ Полтавой. Вамъ нечего сказывать; вы лучше знаете: всего добра осталось четверо дѣтей въ полѣ...

Послѣ обѣда, глаза мелкоотравчатаго дворянина замѣтно слипались, и языкъ отказывался служить, но онъ, какъ будто, считаетъ долгомъ всячески бодриться, и во что бы то ни стало, поддерживать разговоръ.

— Третьяго года, рассказываетъ мой собесѣдникъ, все болѣе и болѣе изнемогая въ напрасной борьбѣ съ приступавшимъ сномъ:— третьяго года, кинулась на меня бѣшеная собака; я какъ выхватилъ чеченскій кинжалъ—съ Кавказа братъ привезъ—такъ и пропоролъ ее насквозь. А нужно вамъ сказать, что кинжалъ былъ намазанъ какимъ-то составомъ. Я много разъ приставалъ къ брату: скажи, что за составъ—не говорить; такъ ничего и не добился.

Наконецъ, матеріалъ совершенно истощался, да и дальнѣйшая борьба стала невозможна, и полудремлющій мелкоотравчатый дворянинъ, извиняясь, убрался восвояси.

Единственнымъ собесѣдникомъ моимъ, единственнымъ существомъ, раздѣлявшимъ мое уединеніе, единственнымъ утѣшеніемъ осталась неугомонная, неутомимая вьюга, все громче и громче рывавшая надъ занесеннымъ снѣгомъ селомъ.

Хорошъ же первый день свѣтлаго праздника!

XIV.

Волостные суды.

Наступило 20-е апрѣля, второй мѣсяцъ весны; казалось бы, все должно радоваться и красоваться: деревья распускаться, трава и озимь зеленѣть, жаворонки пѣть хвалебную пѣсню творцу, мирные поселяне, въ потѣ лица, воздѣлывать землю и сѣять овесъ; помѣщики суетиться, и на послѣдній грошъ нанимать работниковъ; но вмѣсто всего этого, глазамъ моимъ представляется картина безотраднѣйшаго свойства: холодно, какъ среди зimy, небо загромождено бѣлыми тучами, издали похожими на альпійскіе ледники; вѣтеръ жалобно воетъ, ставни стучать, ни травы, ни озимей, ни мирнаго поселянина, въ потѣ лица воздѣлывающаго землю, ни жаворонка съ жалобною пѣснью — ничего этого нѣтъ и въ поминѣ; все голо и пустынно; мужики то и дѣло, вздыхая и охая, залегли на печки, и вовсе не думаютъ браться за соху, потому что нельзя же пахать мерзлую землю; помѣщики окончательно изныли, и совершенно увѣренные въ томъ, что противъ нихъ сама природа, стихія, съ которыми борьба невозможна — принялись каждый за свое дѣло: одни — за нескончаемую стуюлку, другіе облеклись въ халаты, залегли на такъ называемые турецкіе диваны, съ книгой въ рукахъ, и при этомъ, вслѣдствіи стараясь не глядѣть въ окна и не выдать возмутительныхъ прощелковъ, совершающихся въ природѣ.

Въ коннатѣ вдругъ потемнѣло такъ, что читать не было никакой возможности; нехотя бросаю книгу, и съ нѣкоторымъ отвращеніемъ гляжу въ окно. Снѣгъ падаетъ такими хлопьями, какими никогда даже зимой не случалось ему падать; уже не видно ни амбаровъ, ни скотнаго двора, ни даже колодца, находящагося въ какихъ-нибудь десяти шагахъ отъ окна. Тяжелое, бѣлое покрывало, волыхаясь, идетъ все ближе и ближе къ окну, наполняя неприятнѣйшимъ мракомъ комнату.

Въ эту, по истинѣ печальную минуту, какъ нельзя болѣе кстати явился ко мнѣ посланный отъ мирового посредника съ общими мнѣ книгами — рѣшеній волостныхъ судовъ.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я прилежно читаю и перечитываю книги волостныхъ судовъ, и такимъ образомъ развлекаясь, и даже не замѣчаю болѣе возмутительныхъ явленій природы,

опровергнувшихъ вверхъ дномъ всѣ надежды и предположенія помещиковъ и крестьянъ.

Дѣло въ томъ, что я давно уже стремлюсь уяснить себѣ явленія нашего крестьянскаго быта, и ближе познакомиться съ нимъ. Первыми наставниками моими въ этомъ случаѣ были наши романы и повѣсти изъ народнаго быта. Я постоянно читалъ ихъ съ величайшей жадностью; но въ однихъ изъ произведеній этихъ, нашелъ скрытый протестъ противъ крѣпостнаго права, облеченный въ форму повѣсти или романа, и безусловное поклоненіе крестьянскимъ добродѣтелямъ: добротѣ природной, мягкости сердечной, здравости ума и практической мудрости русскаго простолюдина; въ другихъ, напротивъ, бросилось въ глаза бессмысленное глумленіе надъ глупостью и табунными свойствами нашего крестьянина, дичяческіе портреты, и безтолковое повтореніе различныхъ поговорокъ и выраженій, схваченныхъ на улицѣ, у перваго попавшагося на глаза сельскаго балагура, котораго, недолго думавши, и выдаютъ намъ за типъ нашего крестьянина, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, балагуръ этотъ скорѣе составляетъ исключеніе, нежели типъ.

Все это не только не способствовало мнѣ составить сколько-нибудь ясное и опредѣленное мнѣніе о нашемъ простомъ народѣ, но еще болѣе затемнило дѣло, и потому-то я съ такой жадностью читалъ и перечитывалъ книги волостныхъ судовъ, надѣясь отыскать въ нихъ отраженіе, хотя, можетъ быть, и слабое, дѣйствительной жизни, не сочиненнаго, а настоящаго простонароднаго быта.

Всѣхъ книгъ, присланныхъ мировымъ посредникомъ, было семь; изъ нихъ книга тѣпловскаго волостнаго правленія отличалась отъ другихъ какъ своимъ объемомъ и вообще приличнѣйшимъ наружнымъ видомъ, такъ и множествомъ изумительно-дѣльно и разумно рѣшенныхъ дѣлъ... Первое, то-есть объемъ книги, объясняется тѣмъ, что въ завѣдываніи тѣпловскаго волостнаго правленія находится 4,000 душъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, между тѣмъ, какъ въ каждой изъ остальныхъ шести волостей, книги которыхъ были ко мнѣ доставлены, числилось душъ не болѣе тысячи, или даже менѣе; а второе, то-есть поразительная дѣльность и разумность рѣшеній волостныхъ судовъ — по общему, разъ составившемуся убѣжденію, слѣдовало отнести къ тому, что въ завѣдываніи тѣпловскаго волостнаго правленія находились бывшіе удѣльные крестьяне болѣе развитые, незнавшіе всей та-

жести крѣпостнаго права, и даже нѣсколько приученные удѣломъ къ самоуправленію.

Каждый спѣшилъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, и тёпловскій волостной судъ продолжалъ служить образцомъ крестьянской мудрости, и всегда готовымъ возраженіемъ противъ людей, увѣрившихъ, что искусственный составъ волостнаго суда несовмѣстенъ съ понятіями, обычаями и привычками крестьянъ, и едва ли когда-нибудь будетъ пользоваться ихъ довѣріемъ. Дошло до того, что при первомъ удобномъ случаѣ, посредникъ обратилъ на тёпловскій волостной судъ вниманіе начальника губерніи, какъ на явленіе въ высшей степени отрадное, и начальникъ губерніи пришелъ въ восторгъ, и даже, несмотря на недостатокъ времени, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать изъ книги тёпловскаго волостнаго суда, въ свою записную книгу, двухъ-трехъ рѣшеній, громко говорившихъ за здравость ума, сметливость русскаго крестьянина и за способность его къ самоуправленію.

Я тоже, въ слѣдъ за другими, не уберегся, и едва только прочелъ книгу тёпловскаго волостнаго суда, какъ уже рукоплескалъ ему и раздѣлялъ общее умиленіе. Самое содержаніе дѣлъ, рѣшенныхъ тёпловскимъ волостнымъ судомъ, имѣетъ болѣе характеръ гражданскій и вообще мирный, такъ что дѣло о побояхъ, о томъ, что на сходкѣ крестьянинъ Илья Макаровъ назвалъ сельскаго старосту «овечникомъ», то-есть человѣкомъ, котораго приглашали колоть чужихъ овецъ — о томъ, что крестьянинъ Иванъ Григорьевъ пропиваетъ все имущество свое, и вообще дѣла буйнаго и скандальнаго свойства совершенно теряются во множествѣ дѣлъ, возникшихъ по долговымъ обязательствамъ, по спорамъ между наслѣдниками, по жалобамъ на работниковъ, неисполнившихъ своихъ обязательствъ и преждевременно бѣжавшихъ отъ хозяевъ, по жалобамъ на поправу и собаку, истребившую десятокъ гусей... и проч. и проч.—дѣлъ, по большей части рѣшенныхъ миролюбіемъ, и какъ нельзя болѣе дѣльно.

Но кромѣ разумности и дѣльности рѣшеній тёпловскаго волостнаго суда, они отличались даже заботливостью объ общественной нравственности, и даже невиданной и неслыханной въ крестьянскомъ быту гуманностью судей... Такъ, напримѣръ: въ дѣлѣ о дракѣ между крестьянкою Агафьею Васильевой и ея мужемъ, судьи рѣшили «супруга наказать розгами, а съ Агафьи Васильевой, снисходя и уважая полъ ея, взыскать 1 руб. штрафа».

и такое уваженіе къ нѣжному полу встрѣчается каждый разъ, когда дѣло касалось женщины.

Еще болѣе поразила меня разумность и дѣльность тѣловскаго волостнаго суда, когда прочелъ я книги волостныхъ судовъ со-сѣднихъ селеній... Что за невѣжество судей, то берущихся судить дѣло, вовсе неподлежащее суду ихъ, то безтолково сла-быхъ и назначающихъ ничтожнѣйшій штрафъ за воровство со взломомъ, то безтолково жестокихъ и за каждую бездѣлицу гото-выхъ съчъ самымъ безпощаднѣйшимъ образомъ, то подписываю-щихъ свои приговоры, то считающихъ свою подпись совершенно излишней. Мало того, самня дѣла, поступавшія на разсмотрѣніе судей, отличаются какимъ-то дикимъ, буйнымъ характеромъ, и каждая изъ книгъ волостнаго суда носила на себѣ свой особен-ный мѣстный колоритъ, далеко неутѣшительнаго свойства.

Раскрываю книгу пилюгинскаго волостнаго суда, и пробѣгая ее, ничего не нахожу кромѣ постоянного буйства, перемѣшаннаго съ непослушаніемъ при отбываніи издѣльной повинности: то «волостной судья Горбачевъ, явсь въ волостное правленіе, объ-явилъ, что прохода селомъ на праздникъ пасхи, былъ остано-вленъ пьянымъ крестьяниномъ Стрежневымъ, который безъ вся-кой причины сталъ судью Горбачева ругать, а потомъ ударилъ по головѣ»; то «крестьянинъ Елизаровъ, прохода, въ пьяномъ видѣ, мимо волостнаго старшины Промахина, сидѣвшаго у во-ротъ своего дома, остановился и обругалъ его непристойными словами, и даже плевалъ на него»; то «крестьянинъ Чуфаровъ, явившись на барщину въ нетрезвомъ видѣ, работъ не произво-дилъ, а только ходилъ по барщинѣ, ругая всѣхъ, и подойдя къ крестьянкѣ Оринѣ, толкнулъ ее сильно безъ всякой причины, ко-торая, будучи беременна, упала на землю и пр. и пр.»; то «Бѣло-ключенскій волостной старшина Хрусталева, проѣзжая селомъ Пилюгинимъ, остановился возлѣ дома крестьянина Кляшева, куда пришелъ крестьянинъ Ермолай Ивановъ въ пьяномъ видѣ, сталъ старшину ругать полакомъ и зажигателемъ; когда же стар-шина Хрусталева надѣлъ свой знакъ, то Ермолай Ивановъ на-чалъ ругать его еще поноснѣе, и подойдя, ударилъ по головѣ» и т. д. въ такомъ же родѣ.

Перехожу къ книгѣ хохловскаго волостнаго правленія.

Тутъ прежде всего поражаетъ совершенное незнаніе ни судьями, ни старшиной ихъ обязанностей, и еще то обстоятельство, что бѣльшая часть дѣлъ, рѣшенныхъ хохловскимъ волостнымъ судомъ,

вовсе не подлежали суду его, какъ, напримѣръ, дѣло о томъ, что «крестьянинъ Слесаревъ, выломавши окно у крестьянина Колесова, и проникнувши, такимъ образомъ, въ его избу, изломалъ конникъ и вытащилъ изъ него небольшой сундукъ съ деньгами, и потомъ былъ пойманъ въ ту минуту, когда намѣревался зарыть въ землю только что украденный сундукъ съ деньгами». Кромѣ того, всѣ рѣшенія о покражѣ отличаются необычайнымъ послабленіемъ, и какъ будто даже одобреніемъ молодецкой удалы, или скорѣе невинной шалости, между тѣмъ, какъ разбирательства по жалобамъ помѣщиковъ на крестьянъ, явнымъ образомъ клонятся къ тому, чтобы, во что бы то ни стало, выгородить крестьянъ.

Какъ образчикъ слабости рѣшеній хохловскаго волостнаго суда въ дѣлахъ между помѣщиками и крестьянами, и невольной створчивости первыхъ, можно привести слѣдующее дѣло. Но здѣсь нужно замѣтить, что хохловская волость только что вышла изъ-подъ завѣдыванія посредника, главнымъ правиломъ котораго было невмѣшательство и предоставленіе полнѣйшей свободы волостнымъ судамъ.

«2-го іюля за № 209 помѣщикъ Говорковъ подалъ жалобу въ томъ, что крестьянинъ общества г. Полякова, Павелъ Воронинъ, бывъ по найму полѣсовщикомъ въ участіи г. Говоркова, на большомъ оврагѣ, сдѣлалъ въ хранимомъ имъ участкѣ, въ разныхъ мѣстахъ, порубку, у котораго по обыску и найдено 100 деревъ разнаго лѣса... Волостной судъ, для разъясненія и рѣшенія дѣла, пригласилъ въ присутствіе помѣщика Говоркова, и сталъ склонять его къ миролюбивому окончанію дѣла и примиренію... Выслушавъ предложеніе суда, отвѣтчикъ Павелъ Воронинъ присоединилъ свои просьбы къ просьбамъ судей, и просилъ прощенія за свой проступокъ у помѣщика Говоркова, который, во избѣжаніе дальнѣйшихъ могущихъ возникнуть несприятностей и бесполезной проволоочки дѣла, на первый разъ простилъ Воронина, на слѣдующемъ, однако, договорѣ: чтобы на будущее время полѣсовщикъ Воронинъ старался вѣрно и безъ ущерба г. Говоркова исполнять возложенную на него обязанность и никакимъ образомъ самъ не дѣлалъ бы порубокъ въ ввѣренномъ ему участкѣ, подъ опасеніемъ большаго штрафа и отвѣтственности. Вслѣдствіе чего приговоръ сей утвердить на основаніи 110 ст. общ. положенія».

Остальныя книги рѣшеній волостныхъ судовъ, присланныя мнѣ

посредникомъ, принесли еще менѣе утѣшительнаго по части крестьянскаго самоуправленія и процвѣтанія волостныхъ судовъ. — Такъ, напримѣръ, чириковскимъ волостнымъ судомъ въ теченіе 1864 года рѣшено не болѣе шести дѣлъ, да и тѣ касаются только ямщика Ивлеева и сосѣда его, ямщика Яковлева... Изъ нихъ, то Ивлеевъ прибѣжить въ волостное правленіе и заявить, что когда привезли къ нему Ивлееву разгонъ, и онъ шелъ за дегтемъ, то сосѣдъ его, ямщикъ Яковлевъ, подойдя къ нему, спросилъ: «зачѣмъ ты ходилъ мимо моего двора?» и ударилъ его кулакомъ по головѣ... То бѣжить ямщикъ Яковлевъ и жалуется на принесенные ему временно-обязаннымъ крестьяниномъ Ивлеевымъ побои; то уже бѣгутъ оба вмѣстѣ, то-есть и Ивлеевъ и Яковлевъ, и одинъ изъ нихъ увѣряетъ, что «приѣхавши съ разгономъ, онъ выпрягъ лошадей изъ купеческаго тарантаса, когда сосѣдъ его Яковлевъ влѣзъ на заборъ и назвалъ его зажигателемъ, на что онъ, не стерпѣвши, отвѣчалъ: «отъ зажигателя слышу!»; другой, напротивъ, доказываетъ, что Ивлеевъ первый выбранилъ его зажигателемъ, на что онъ, Яковлевъ, не стерпѣвши, и отвѣчалъ: «отъ зажигателя слышу!» Потомъ на сцену выступили бабы, и тоже прибѣжали съ жалобой... При разборѣ оказалось, что жена Ивлеева побила жену Яковлева, «но какъ я, защищаясь, вѣнникъ вврвала», цоказывала Яковлева, «то Ивлехи, ухвативши серпъ, ударила меня имъ по рукѣ, отчего сдѣлалась глубокая рана».

Неуживчивые сосѣди, а также и жены ихъ, безъ всякаго снисхожденія къ ихъ полу, были нѣсколько разъ высѣчены, что, впрочемъ, нисколько не возстановило между ними согласія.

Попавшаяся мнѣ потомъ книга рѣшеній гаревскаго волостнаго суда отличалась глубочайшимъ характеромъ, и казалось, вся дѣятельность почтенныхъ судей обратилась единственно на преслѣдованіе сельскихъ камелій, и вообще любовныхъ приключеній: нѣсколько разъ повторяется обмазываніе дегтемъ мужичьихъ воротъ, и какимъ-то горючимъ веществомъ бабьихъ сарафановъ и шубьяковъ, стаскиваніе платковъ и выбиваніе оконъ у солдатокъ. Есть даже одно дѣло о томъ, что дѣвица Дарья Ефимова, какою-то снадобьемъ хотѣла приворожить къ себѣ крестьянина Провофья Григорьева, собственно для того, чтобы онъ ей купилъ гостиницы, что недѣли за двѣ до троицы найдетъ сестрой Григорьева въ сундукѣ у жены его Аграфены узелокъ съ солью, и по спросѣ жены своей на счетъ соли, она будто бы ему объяснила, что соль эту ей дала крестьянка Фіона Егорова, то-

есть родная мать дѣвцы Дарьп, для того, чтобы приворожить его, Григорьева, то-есть ея мужа.

Двѣ остальные книги, изъ числа присланныхъ мнѣ мировымъ посредникомъ, не заслуживаютъ уже того, чтобы говорить о нихъ, какъ по незначительности содержанія, такъ и по необычайно малому количеству дѣлъ.

И такъ изъ всего, что я только что прочелъ, книга рѣшеній тѣпловскаго волостнаго суда представляла единственное отрадное исключеніе.

Я еще раздумывалъ о томъ, чему именно приписать такое видное превосходство рѣшеній тѣпловскаго суда, когда въ кабинетъ мой вошелъ плотный рыжій мужикъ, одѣтый въ длинный сюртукъ тонкаго сукна: это былъ тѣпловскій волостной старшина.

— Я къ вашей милости, началъ онъ, усаживаясь противъ меня на креслѣ...

— Въ чемъ дѣло?

— Такъ-какъ у насъ теперь въ тѣпловской волости вышло разстройство, мужики куськинскіе бунтуются и даже жалобу подали г. мировому посреднику на писаря Табачкова, то я, знавши ваше знакомство съ посредникомъ, рѣшился просить вашего заступничества.

— За что же жаловался мужики на Табачкова?...

— Жалуются на то, будто бы писарь Табачковъ взялъ съ односельца ихъ, куськинскаго крестьянина Сидорова, 50 р. сер. за то, чтобы избавить сына его отъ рекрутской очереди.

— Чѣмъ же я могу помочь?

— Знавши ваше знакомство съ мировымъ посредникомъ, писарь Табачковъ прибѣгаетъ къ стопамъ ногъ вашихъ... И я, съ своей стороны, прошу, потому что потерять такого человѣка, какъ Табачковъ, легко, а нажить трудно... Онъ хотя и пьяница горькій, а все-таки такого дѣльца не сыщешь, пожалуй, въ цѣлой губерніи. И волостной старшина ярко расписалъ мнѣ достоинства писаря Табачкова, главнымъ образомъ упирая на то, что тѣпловскій волостной судъ получалъ такую извѣстность, и даже обратилъ на себя вниманіе начальника губерніи, только благодаря неуспыннымъ трудамъ писаря Табачкова; что завтра же, отставъ Табачкова—и волостные судьи ничего не подѣлаютъ, тѣмъ болѣе, что волостные судьи въ тѣпловской волости назначаются по очереди: то-есть мѣсяцъ ходятъ одни, мѣсяцъ другіе; и, несмотря на это, волостной судъ все-таки процвѣтаетъ, по

тому что судьи разъ навсегда передали дѣло это въ руки Табачкова. И такимъ образомъ всѣ рѣшенія, столь сильно порадовавшія начальника губерніи и доставившія такую громкую извѣстность тѣпловскому волостному суду, сочиняются все тѣмъ же ловкимъ человѣкомъ, и дѣйствительно, замѣчательно дѣльнымъ писаремъ Табачковымъ.

Само собою разумѣется, что я не взялся хлопотать объ участи писаря, но зато въ самомъ непродолжительномъ времени имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости всего, что говорилъ мнѣ тѣпловскій волостной старшина.

И такъ не къ чему мнѣ болѣе ломать свою голову надъ тѣмъ, какъ объяснить себѣ изумительное превосходство тѣпловскаго волостнаго суда: ялюзи разсѣялись, розовыя облака расплозились и передо мной появилась безотрадная дѣйствительность въ образѣ пьянаго, но чрезвычайно ловкаго писаря Табачкова.

Тагъ же мало принесло мнѣ утѣшительнаго желаніе найти въ книгахъ рѣшеній волостныхъ судовъ отраженіе дѣйствительной простовародной жизни. Я нашелъ въ нихъ послабленіе и какъ-будто бы даже поощреніе воровства, величайшее неуваженіе къ чужой собственности, самыя превратныя понятія о справедливости, вѣчное пьянство, убійство, обмазываніе вупоросомъ чужихъ шубняковъ и сарафановъ, обмазываніе дегтемъ чужихъ воротъ—вѣчныя розги, розги, розги, и въ заключеніе всего встрѣчаюсь съ личностью писаря Табачкова, отлично излагающаго и рѣшающаго каждое дѣло, уважающаго нѣжный полъ, гуманнаго, схватившаго кое-какія верхушки изъ газетъ, даже выпи-сывающаго «Сына», и въ то же время пьянствующаго напропалую, деспотически рѣшающаго дѣла и берущаго взятки и съ праваго и съ виноватаго. А между тѣмъ, въ мопхъ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ крестьянами, мнѣ, если и не особенно часто, то и нерѣдко случается встрѣчать явленія болѣе отрадныя, а между молодымъ поколѣніемъ крестьянъ личности, въ высшей степени располагающія къ себѣ—личности, къ которымъ тагъ и тянетъ васъ, какъ къ чему-то освѣжающему и уврѣпляющему вѣру въ русскаго человѣка.

Можно смѣло надѣяться на свѣтлое будущее, смѣло вѣровать, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ послѣднихъ слѣдовъ крѣпостнаго права, съ правильнымъ судомъ, развитіемъ нравственнаго чувства въ народѣ, ослабленіемъ деспотическаго и въ высшей степени вреднаго вліянія сельскихъ стариковъ, готовыхъ кончить

всякое дѣло попойкой, съ распространеніемъ грамотности, цивилизующее начало проникнетъ, наконецъ, въ темное крестьянское царство. Однимъ словомъ, можно и должно надѣяться; но отъ надежды и ожиданія лучшаго, далеко еще до того безграничнаго благоговѣнія передъ мудростію, здравымъ смысломъ и добродѣтелями нашего крестьянина, до того поклоненія меньшей братіи, которымъ отличаются наши столичные прогресисты и Маниловы новаго поволабнія.

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время, если, хвала Творцу, не такъ уже часто, какъ бывало, встрѣчаются Ноздревы, зато чуть не на каждомъ шагу сталкиваемся съ Маниловыми, размножившимися въ изумительномъ изобиліи, точно грибы послѣ дождя.

Заговорили о вольномъ трудѣ, а они, наши Маниловы, уже тутъ какъ тутъ, и глаза зажмурили отъ избытка удовольствія, и уже занеслись богъ-знаетъ куда, и уже рѣшили впередъ, какъ это все будетъ мило и прелестно, и какими хорошенькими фермами и коттеджами украсится наша глушь, живо напоминая Англію; заговорили о меньшей братіи, призванной къ новой жизни и къ самоуправленію. Маниловы стелились во множествѣ и страшно засуетились, точно мухи вокругъ куска сахара, и умилившись до послѣдней возможности, пошли толковать о непочатыхъ силахъ, о сліяніи, о природной добротѣ и практической мудрости русскаго мужика.

Толкуютъ годъ (толковать не дѣло дѣлать) — всѣ слушаютъ и даже удивляются Маниловымъ; на другой годъ ихъ тоже слушаютъ, но уже зѣвая и скучая; на третій годъ все та же пѣсна, все то же море фразъ и ни капли дѣла. Приуныли, наконецъ, слушатели и потекли врозь, всячески стараясь обходить Маниловыхъ и не встрѣчаться съ ними...

XV.

Волостной сходъ.

Пріѣхалъ мировой посредникъ, мрачный и грозный, какъ туча, несущая громъ и молнію. Онъ былъ на пути въ Тѣшловку, гдѣ съ утра уже дождался его волостной сходъ.

— Не хотѣлось бы, говорилъ посредникъ въ величайшемъ волненіи, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ:—не хотѣлось бы отдавать подъ судъ, а дѣлать нечего—придется... чтобы дру-

гѣ писаря видѣли и остерегались. А все-таки жаль, потому что Табачковъ—человѣкъ необходимый для волости, человѣкъ умный, любовнательный: книги читаетъ, газеты выписываетъ—однимъ словомъ, такого писаря я еще не встрѣчалъ... Вы слышали?

— Слышалъ...

— Досадно, очень досадно! И неужели же, въ самоѣ дѣлѣ, оно такъ и быть должно, что какъ человѣкъ поумнѣе, такъ и плутъ, раздражаясь все болѣе и болѣе, говорилъ посредникъ, и изливши, наконецъ, «всю желчь и всю досаду», накопившуюся на душѣ, направился въ Тѣпловку, пригласивши меня ему сопутствовать.

Часа два спустя, мы уже входили въ тѣпловское волостное правленіе, набитое крестьянами до такой степени, что трудно было дышать. Жаръ и духота были невыносимы, какъ всегда при приближеніи грозы.

Гроза не замедлила разразиться...

Въ присутствіи всего волостнаго схода, мировой посредникъ заставилъ куськинскаго крестьянина повторить свое обвиненіе, и потомъ, яростно накинувшись на писаря Табачкова, потребовалъ, чтобы 50 руб. сер., взятые имъ у куськинскаго мужика, были немедленно возвращены.

Поднялся шумъ: Табачковъ, принявши видъ мученика, готово смирено нести возложенный на него крестъ, божился и даже покушался снять образъ, въ доказательство того, что никогда не бралъ взятки; въ свою очередь, куськинскій крестьянинъ и его родственники тоже божились, на чемъ свѣтъ стоитъ, и тоже намѣревались снять со стѣны образъ.

— А ты зачѣмъ третьяго-дня приѣзжалъ въ Куськино мряться, и деньги назадъ отдавалъ? съ краснымъ, пылающимъ лицомъ и слезами на глазахъ кричалъ куськинскій крестьянинъ.

— Тебѣ вольно показывать, что въ голову придетъ; тебѣ, видно, душа ненужна... Я, я вотъ сейчасъ образъ со стѣны...

— А свидѣтели были, когда онъ тебѣ деньги отдавалъ? ты свидѣтелей приведи, тогда и наваливай на него, азартно вступился за Табачкова краснолицый старецъ съ бѣлой какъ ленъ бородой и плутовскими глазами — первый капиталистъ и мироѣдъ въ цѣлой волости.

— Свидѣтелей приведи, безъ свидѣтелей нечего человѣка обносить... Свидѣтелей подавай, поддержалъ почтеннаго старца

цѣлый десятокъ такихъ же старцевъ, одѣтыхъ въ новыя, желтые кафтаны и завладѣвшихъ первыми мѣстами вокругъ стола.

— Безъ свидѣтелей нельзя обвинять... Слава-богу, у насъ земля не безсудная... Мало ли что ты выдумаешь, да наплетешь, ободрился Табачковъ, мѣняя роль мученика на роль торжествующей добродѣтели.

— Да зачѣмъ же ты ѣздилъ въ Кузьмино? зачѣмъ тебѣ было ѣхать? Это—явная, неоспоримая улика... А онъ еще свидѣтелей требовать, горячился посредникъ.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, я ѣздилъ въ гости единственно для препровожденія времени... Я и въ глаза не видалъ этого мужика... Я, слава-богу, десять лѣтъ живу здѣсь, и никто обо мнѣ худого слова не скажетъ...

— Мы всѣ довольны, и лучшаго намъ писаря не найтить, хоромъ грянули старцы.

— Правда, что такого плута не найтить! прошепталъ кто-то надъ самымъ моимъ ухомъ. Я оглянулся, и увидѣлъ бѣдно-одѣтаго мужика, съ грустно улыбающимся лицомъ.

— Мы всѣ готовы поручиться за Табачкова... Мы его всѣмъ мпромъ одобряемъ, продолжали шумѣть старцы.

— Ложь—все это ложь, это все благопріятели Табачкова, заранее сговорились, горячился посредникъ.

— Такъ, такъ... Онъ правду сказалъ, шепталъ голосъ надъ моимъ ухомъ.

— Образъ сниму со стѣны, рука не дрогнетъ... Забожусь отцомъ и матерью, уфѣрялъ Табачковъ.

— Не попуститъ Богъ, не попуститъ такой неправды—на мѣстѣ расшибеть, кричали въ свою очередь кузькинскіе.

— Нѣтъ, вы свидѣтелей подавайте, свидѣтелей, голоса старцы.

— Молчать! среди страшнаго хаоса раздался грозный голосъ посредника.

Все пріумолкло.

— Слушайте меня, началъ посредникъ, напрасно стараюсь сдерживать гнѣвъ свой. — Слушайте: брать ли съ когонибудь изъ васъ писарь Табачковъ взятки?

— Не брать! Никогда ничего не брать! грянули старцы.

— Съ кого только не брать—со всѣхъ брать, кто поплосе, снова шепталъ голосъ надъ ухомъ моимъ.

— Съ меня взялъ ведро водки, совершенно неожиданно сказалъ одинъ изъ куськинскихъ мужиковъ.

— Иди ближе... Когда взялъ? спрашивалъ посредникъ.

— На крещенье...

— Быть не можетъ... Онъ сроду и не видалъ ведра водки... гдѣ ему взять ведро водки... мужикъ бѣдняющій, грядутъ старцы.

— Молчать! снова возвышается голосъ посредника.

— Деньги! Сейчасъ же отдай мужику деньги! сію минуту!... Не то подѣ судъ, продолжалъ посредникъ, грозно наступая на Табачкова.

— Если вы, ваше высокоблагородіе, приважете, въ такомъ случаѣ я готовъ...

Но въ эту минуту почтенные старцы и молодые благопріатели Табачкова, куськинскій мужикъ и его родственники, всѣ разомъ подняли такой шумъ и гвалтъ и божбы, что ничего уже нельзя было разобрать: кто былъ правъ, кто виноватъ, кто былъ за Табачкова, кто противъ него...

Посредникъ, съ отчаяннымъ видомъ, махнулъ рукой, живо напоминая въ эту минуту несчастнаго кормчаго, рѣшившаго, что нѣтъ уже никакой возможности спасти судно—и руль пополамъ, и въ клочки разорванный парусъ улетѣлъ богъ-вѣсть куда, и громкій голосъ кормчаго не слышенъ среди неумолкаемо, неудержимо ревущихъ волнъ.

(Продолженіе будетъ).

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

VII.

ДРУЖЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТІЕ СТАНОВИТСЯ НА ТВЕРДУЮ НОГУ.

Не успѣлъ Бофинъ захлопнуть ворота, какъ наши друзья тотчасъ приподнялись, и усѣвшись на полу, стали подозрительно по-сматривать другъ на друга, едва переводя духъ отъ усталости. Въ слабыхъ, больныхъ глазахъ Винеса и въ каждомъ его рыжемъ волосѣ, пробивалось явное недоувѣріе къ Вегу, и твердая рѣшимость броситься на него при первой необходимости. Напротивъ, въ грубомъ лицѣ Вега и во всей его вытянутой фигурѣ, походившей на нѣмецкую деревянную куклу, выражалось примирительное настроеніе, хотя далеко не чистосердечное. Оба чрезвычайно раскраснѣлись и запыхались отъ недавней схватки; почтенный же Вегъ, падая на полъ, такъ крѣпко ударился затылкомъ, что до сихъ поръ почесывалъ его съ видомъ самаго непріятнаго удавленія. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, они оба молчали; каждый изъ нихъ хотѣлъ, чтобы другой началъ.

— Братъ, сказалъ, наконецъ, Вегъ:—вы правы, а я виновать. Я забылся.

Мистеръ Винесъ знаменательно покачалъ головой, словно полагая, что Вегъ не забылъ себя, а скорѣе вспомнилъ, сбросивъ маску и представъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

— Но, товарищъ, продолжалъ Вегъ:—вы никогда не знали мисъ Элизабетъ, мистера Джорджа, тѣтки Анны и дяди Паркера.

Мистеръ Винесъ согласился, что онъ никогда не зналъ этихъ почтенныхъ особъ, но прибавилъ, что даже никогда не имѣлъ ни малѣйшаго желанія съ ними познакомиться.

— Не говорите этого, товарищъ, отвѣчалъ Вегъ:— не говорите этого! Потому что, не зная ихъ, вы никогда не поймете,

какъ можетъ взбѣсить человѣка одинъ видъ этого дерзкаго похитителя ихъ собственности.

Съ этими словами, совершенно, по его мнѣнiю, извинявшими его поступокъ и еще придававшими ему кабую-то благородную доблесть, мистеръ Вегъ ползкомъ добрался до кресла, и схватившись за него, благополучно поднялся на ноги. Винесъ послѣдовалъ его примѣру.

— Товарищъ, сказалъ Вегъ: — садитесь и говорите. Я вижу по вашему лицу, что вы хотите говорить.

Мистеръ Винесъ инстинктивно провелъ рукою по лицу, и потомъ посмотрѣлъ на руку, словно хотѣлъ удостовѣриться, не стеръ ли онъ выраженiе, которое такъ ясно показывало, что онъ хочетъ говорить.

— Я даже вижу по вашимъ выразительнымъ чертамъ, продолжалъ Вегъ, показывая пальцемъ на лицо своего друга:—что вы хотите меня спросить.

— О чемъ? повторилъ Винесъ.

— Почему я не говорилъ раньше о своей находкѣ, весело отвѣчалъ Вегъ:—ваше лицо говоритъ мнѣ: зачѣмъ вы не сказали мнѣ этого въ первую минуту, когда я пришелъ? Зачѣмъ скрывали до тѣхъ поръ, пока не испугались, не пришелъ ли мистеръ Бофинъ за тѣмъ, что вы отыскиали? Ваше выразительное лицо говоритъ яснѣе всякаго языка. Ну-ка, можете ли вы прочесть на моемъ лицѣ то, что я вамъ отвѣчу?

— Нѣтъ, я не могу.

— Я въ этомъ былъ увѣренъ, возразилъ Вегъ тѣмъ же довольнымъ тономъ:—я вовсе не претендую, чтобъ мое лицо отражало все, что я чувствую и думаю, ибо я очень хорошо знаю свои недостатки. Не всѣ одарены одинаковыми достоинствами. Но я могу отвѣчать словами. И скажу вотъ что: я хотѣлъ сдѣлать вамъ сюр...п...ризь.

Протянувъ торжественно это слово, мистеръ Вегъ схватилъ своего друга за обѣ руки, и трахнувъ его изо всей силы, хлопнулъ ладонью по его колѣнкамъ, словно онъ былъ его благодѣтель и просилъ не упоминать о той маленькой услугѣ, которую ему оказалъ,

— Ваше лицо теперь снова спрашиваетъ: что же вы нашли? продолжаетъ Вегъ.—Я такъ и слышу этотъ вопросъ!

— Ну, такъ что же? возражаетъ Винесъ, дожидаясь немного: — если вы слышите мой вопросъ, отчего же вы на него не отвѣчаете?

— Выслушайте меня до конца! восклицаетъ Вегъ: — я вамъ все скажу. Выслушайте меня до конца. Человѣкъ, братъ и то-

варишь по чувствамъ, начинаніямъ и дѣламъ. Я объявляю, что нашелъ шватулку.

— Гдѣ?

— Выслушайте меня до конца! воскликнулъ Вегъ, который всегда очень неохотно рассказывалъ про свои дѣйствія, и постоянно прибѣгалъ къ этой спасительной фразѣ:—однажды, сэръ...

— Когда? рѣзко спросилъ Винесъ.

— Н... нѣтъ, отвѣчалъ Вегъ, качая головой: — нѣтъ, сэръ. Этотъ вопросъ дѣлаетъ не ваше выразительное лицо, а языкъ— только одинъ языкъ. Но, продолжаю; однажды, сэръ, я гулялъ по двору, то-есть совершалъ свой обходъ, какъ часовой, о которомъ говорится въ пѣснѣ:

Когда въ тиши ночной
Природа отдыхаетъ,
Вдругъ замка часовой
Обходъ свой совершаетъ.

И во время этой случайной прогулки по двору, сэръ, однажды вечеромъ, я также случайно имѣлъ въ рукахъ желѣзный засовъ, который какъ-то ударился о что-то, называть которое совершенно неужно...

— Нѣтъ, нужно. Чтò же это такое было? съ сердцемъ спросилъ Винесъ.

— Выслушайте меня до конца! возразилъ Вегъ: — это была труба. Когда я ударилъ объ нее засовомъ, то въ ней что-то какъ-будто зашумѣло, я поглядѣлъ поближе и оказалось, что верхушка трубы открывалась, а внутри была маленькая, длиненькая шватулка. Долженъ ли я прибавить, что она была совершенно легка?

— Въ ней были бумаги, сказалъ Винесъ.

— Вотъ теперь ваше выразительное лицо говорить! воскликнулъ Вегъ:—тамъ была одна бумага, а снаружи ящика, запертаго, перевязаннаго и запечатаннаго, красовалась надпись на пергаментѣ: *«Мое завѣщаніе, Джонъ Гармонъ, временнохранящееся здѣсь»*.

— Мы должны узнать, чтò сказано въ этомъ документѣ, прозвнесъ Винесъ.

— Выслушайте меня до конца! воскликнулъ Вегъ: — я то же самое сказалъ себѣ, и взломалъ ящикъ.

— Какъ, безъ меня! воскликнулъ Винесъ.

— Точно такъ, сэръ! отвѣчалъ Вегъ съ нѣсколькими рѣзкой живостью:—я это сдѣлалъ на томъ основаніи, что если васъ обрадовать сюрпризомъ, то надо чтобъ онъ былъ полный, совершенный. Такимъ образомъ, какъ вы изволили догадаться, я прочелъ до-

кументъ. Онъ очень коротокъ и написанъ и засвидѣтельствованъ законнымъ порядкомъ. На томъ основаніи, что онъ никогда не имѣлъ друзей, а собственное его семейство бунтовало противъ его власти, онъ, Джонъ Гармонъ, этимъ документомъ оставлялъ Никодиму Бофину маленькую кучу мусора, совершенно для него достаточную, все же остальное предоставлялъ казнѣ.

— Надо посмотрѣть, однако, завѣщаніе, которое уже признается законнымъ, замѣтилъ Винсъ:—оно, быть можетъ, написано позже только что найденнаго.

— Выслушайте меня до конца! воскликнулъ Вегъ:—я тоже подумалъ и заплатилъ шиллингъ (на вашу долю приходится половина) чтобъ взглянуть на теперешнее завѣщаніе. Братъ, оно написано нѣсколькими мѣсяцами раньше найденнаго завѣщанія. Ну, теперь, какъ человѣкъ, близкій и товарищъ въ одномъ дружескомъ предпріятіи, прибавилъ Вегъ, снова схватывая его за руки и ударяя его по колѣнямъ:—скажите, хорошо я исполнилъ свое дружеское намѣреніе и удивлены ли вы сдѣланнымъ вамъ сюрпризомъ.

Мистеръ Винсъ подозрительно взглянулъ на своего близкаго и товарища и сухо отвѣчалъ:

— Это правда, важная вѣсть, мистеръ Вегъ. Этого отрицать нельзя. Но я былъ бы болѣе доволенъ, еслибъ вы рассказали мнѣ все случившееся до вашего испуга сегодня вечеромъ и еслибъ вы спросили меня, какъ вашего товарища, что тутъ дѣлать.

— Выслушайте меня до конца! воскликнулъ Вегъ:—я зналъ, что вы это скажете, но я одинъ не съ на себѣ бремя безпокойства, пускай одинъ буду нести и вину! прибавилъ онъ съ видомъ торжественнаго великодушія.

— Ну, сказалъ Винсъ:—посмотримъ завѣщаніе и ящикъ.

— Хорошо ли я васъ понялъ, братъ? отвѣчалъ Вегъ, очень неохотно:—вы желаете посмотрѣть на это завѣщаніе и...

Мистеръ Винсъ молча ударилъ кулакомъ по столу.

— Да выслушайте же меня до конца! подхватилъ Вегъ:—я сейчасъ пойду и принесу ящикъ.

Послѣ долгаго времени, словно онъ изъ корысти никакъ не могъ рѣшиться показать сокровище своему товарищу, Вегъ наконецъ воротился съ шляпной кордонкой въ рукахъ, въ которую онъ спряталъ найденный ящикъ для уничтоженія всѣхъ подозрѣній.

— По моему, не слѣдуетъ его открывать здѣсь, сказалъ Сайлесъ вполголоса, озираясь по сторонамъ:—онъ можетъ воротиться, а, пожалуй, онъ и здѣсь гдѣ нибудь спрятался. Послѣ того, что мы видѣли, онъ, конечно, способенъ на все.

— Это дѣло, согласился Винсъ:—пойдемте ко мнѣ.

Вегъ остановился въ нерѣшительности: съ одной стороны онъ боялся нести свою драгоценную ношу въ чужое мѣсто, а съ другой—столько же страшился тотчасъ открыть ящикъ.

— Ну, пойдѣмъ, говорить, пойдѣмъ, повторилъ Винесъ съ сердцемъ.

Не видя возможности отказаться, Вегъ пробормоталъ:

— Да выслушайте меня до конца! Конечно идемъ.

Послѣ этого Вегъ заперъ павильонъ и они отправились въ путь; при этомъ Винесъ взялъ своего друга подъ руку и держалъ его съ замѣчательной силой и упорствомъ.

Они нашли попрежнему окно въ лавкѣ мистера Винеса освѣщенное мерцающей свѣчкой, такъ что выставленная на окнѣ группа дерущихся лягушекъ едва видѣлась и то какъ-бы въ туманѣ. Мистеръ Винесъ отперъ дверь, и войдя съ Вегомъ, снова заперъ ее, потомъ закрылъ ставни въ окнѣ и торжественно объявилъ: «теперь никто не попадетъ сюда и мы можемъ быть совершенно спокойны». Съ этими словами онъ растопилъ каминъ и снялъ со свѣчи; мало по малу пламя освѣтило почернѣвшія стѣны и изъ нихъ какъ-бы выдѣлились индѣйскій ребѣнокъ, африканскій ребѣнокъ, собранный англійскій ребѣнокъ, группа череповъ и вся остальная коллекція—они всѣ неожиданно явились на своихъ мѣстахъ, словно и они также, какъ ихъ хозяинъ, ходили со двора и только что воротились, чтобъ присутствовать при торжественномъ открытїи тайны. Французъ значительно выросъ съ тѣхъ поръ, что его видѣлъ Вегъ, у него уже была теперь голова и ноги, недоставало только рукъ.

Сайлесъ молча сѣлъ на деревянный ящикъ передъ огнемъ, и Винесъ, помѣстившись въ своемъ креслѣ, досталъ подносъ съ чашками и поставилъ котелокъ на огонь. Сайлесъ внутренно одобрилъ всѣ эти приготовления, надѣясь, что Винесъ хоть часомъ разжигаетъ свой слишкомъ твердый и точный умъ.

— Ну, сэръ, сказалъ Винесъ:—теперь все готово. Посмотримъ-ка находку.

Все еще неохотно и боязливо поглядывая на скелеты, какъ-бы опасаясь, чтобы они не выхватили у него изъ рукъ драгоценный документъ, Вегъ открылъ шляпную багдонку, вынулъ шкатулку, вскрылъ ее и представилъ завѣщаніе. Онъ подалъ его Винесу, крѣпко держа за одинъ уголь; Винесъ схватилъ за другой и очень внимательно прочелъ документъ.

— Справедливо я рассказывалъ его содержаніе, товарищъ? спросилъ Вегъ, послѣ долгаго молчанія.

— Да, товарищъ, отвѣчалъ Винесъ.

Тутъ Вегъ сдѣлалъ очень граціозное движеніе, какъ-бы же-

лая свернуть бумагу, но Винесъ не выпускалъ ее изъ своихъ рукъ.

— Нѣтъ, сэръ, сказалъ онъ, качая головой:—нѣтъ, товарищъ. Теперь вопросъ въ томъ, кто будетъ беречь эту драгоценность. Вы знаете, товарищъ, у кого она будетъ сохраняться.

—У меня, отвѣчалъ Вегъ.

— О, нѣтъ, товарищъ, отвѣчалъ Винесъ:— вы совершенно ошибаетесь, я буду беречь ее. Вотъ видите, мистеръ Вегъ, я вовсе не желаю ссориться съ вами, тѣмъ менѣе имѣть какиа-нибудь отношенія по части анатоміи.

— Чтѣ вы хотите этимъ сказать? — спросилъ поспѣшно Сайлесь.

— Я хочу сказать, медленно отвѣтилъ Винесъ:—что трудно, почти невозможно человѣку питать къ ближнему болѣе дружественныя чувства, чѣмъ я питаю къ вамъ, въ настоящую минуту. Но вѣдь я у себя, я окруженъ трофеями своего искусства и мои инструменты чрезвычайно ловко дѣйствуютъ.

— Чтѣ вы хотите сказать, мистеръ Винесъ? снова спросилъ Вегъ.

— Я окруженъ, какъ уже замѣтилъ, трофеями моего искусства, продолжалъ такъ же спокойно Винесъ:— ихъ множество, этихъ трофеевъ, у меня порядочный запасъ человѣческихъ костей, вся лавка ими набита и я не нуждаюсь въ настоящую минуту въ большемъ ихъ количествѣ. Но я люблю свое искусство и умѣю обходиться съ своими инструментами.

— Конечно, никто лучше васъ не умѣетъ дѣлать это, замѣтилъ мистеръ Вегъ съ нѣскольکو изумленнымъ видомъ.

— Въ ящикѣ, на которомъ вы сидите, продолжалъ Винесъ:— находится цѣлое собраніе различныхъ человѣческихъ образцовъ. А за дверью стоитъ прекрасный сборный человѣкъ изъ такихъ различныхъ образцовъ. А вотъ этому все еще недостаетъ рукъ, прибавилъ Винесъ, указывая на француза:— конечно, я не говорю, чтобы я очень торопился *достать* ему руки.

— Вы, должно быть, бредите, товарищъ, замѣтилъ Сайлесь.

— Вы извините меня, но я дѣйствительно иногда брежу, отвѣчалъ Винесъ:—но я люблю свое искусство, умѣю владѣть инструментами и намѣренъ сохранить въ своихъ рукахъ этотъ документъ.

— Но чтѣ же онъ имѣетъ общаго съ вашимъ искусствомъ? спросилъ вкрадчиво Сайлесь.

Винесъ заморгалъ своими слабыми, больными глазами, и поправляя котелокъ замѣтилъ про себя вполголоса:

— Закипитъ черезъ минуту.

Т. CLXI. — Отд. I.

19

Сайлесъ взглянулъ на котелокъ, на полки, на француза и содрогнулся, увидавъ, что мистеръ Винесъ, продолжая мигать глазами, искалъ чего-то въ жилетномъ карманѣ незапятой рукой, положимъ хоть ланцета. Онъ еще болѣе содрогнулся, когда вспомнилъ, что они такъ близко сидятъ другъ подлѣ друга, держа бумагу за оба конца, и еще вкрадчивѣе замѣтилъ:

— Товарищъ, знаете, что я вамъ предложу? разорвемъ документъ на двѣ части и каждый будетъ беречь свою половину.

— Нельзя, отвѣчалъ, качая головою, Винесъ:—мы погубимъ тогда все дѣло, разорванный онъ не будетъ имѣть никакой силы.

— Товарищъ, началъ снова Вегъ, послѣ минутнаго молчанія, въ продолженіе котораго они пристально смотрѣли другъ на друга: — ваше выразительное лицо, кажется, говорить, что вы нашли средній путь?

Винесъ снова покачалъ головою.

— Товарищъ, вы уже однажды скрыли эту бумагу отъ меня, сказалъ онъ рѣшительно: — вы никогда уже болѣе этого не сдѣлаете. Я вамъ предлагаю ящикъ съ надписью, а бумагу буду самъ беречь и ни за что вамъ не отдамъ.

Сайлесъ колебался еще нѣсколько минутъ, и потомъ, вдругъ выпустивъ изъ рукъ драгоцѣнный документъ, съ прежнимъ веселымъ видомъ воскликнулъ:

— Что жизнь безъ довѣрія? что человекъ безъ чести? Берите, я вамъ отдаю, товарищъ, съ полнымъ довѣріемъ

Продолжая молчать попрежнему, и ни мало не торжествуя одержанную побѣду, Винесъ свернулъ бумагу, и заперевъ ее въ ящикъ, спряталъ ключъ въ карманъ. Потомъ онъ такъ же спокойно произнесъ: — чашку чая, товарищъ? На что Вегъ отвѣчалъ: — Очень благодаренъ, товарищъ. Чай былъ поэтому сдѣланъ и розлитъ.

— Теперь, сказалъ Винесъ, выливая чай на блюдечко и пристально смотря на своего друга: — теперь вопросъ: какъ намъ поступить?

Касательно этого Сайлесъ имѣлъ сказать многое. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе своего брата и товарища на впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ въ этотъ вечеръ на мистера Бофина, который очевидно дѣлалъ сближеніе тѣхъ, о комъ они читали, съ покойнымъ владѣльцемъ павильона, что получаетъ еще болѣе важности при находкѣ селянки и ящика въ мусорныхъ кучахъ. Не было никакого сомнѣнія, что послѣдняя находка была для нихъ цѣлымъ состояніемъ, ибо имъ стоило только назначить цѣну найденному документу, и они получаютъ ее отъ балошня судьбы. Эта цѣна, по его мнѣнію, выражалась однимъ

словомъ—половина! Вопросъ теперь былъ только въ томъ, когда требовать эту половину, касательно чего онъ имѣлъ предложить цѣлый планъ дѣйствія. Этотъ планъ состоялъ въ томъ, чтобъ терпѣливо выждать событія. Они должны позволить свезти всѣ мусорныя кучи, но обратить это въ свою пользу, то-есть воспользоваться чужой работой и расчисткой для своихъ ночныхъ поисковъ. Когда всѣ кучи будутъ свезены и они выручатъ изъ нихъ все, что могутъ, тогда, и только тогда они должны наброситься на баловня судьбы. Но при этомъ могло быть одно обстоятельство, которое совершенно измѣнило планъ дѣйствія, и на этотъ пунктъ Вегъ обратилъ особенное вниманіе своего брата и товарища. Низачто не надо позволить баловню судьбы похитить хоть бездѣлицу изъ того, что они считали теперь своей собственностью. Когда онъ, Вегъ, нѣсколько часовъ тому назадъ, видѣлъ какъ баловень судьбы тайкомъ похитилъ склянку съ неизвѣстными сокровищами, то онъ почелъ его за вора и грабителя и отнял бы у него силою захваченную незаконнымъ образомъ вещь, еслибъ, къ счастью, братъ и товарищъ не вступился и не удержалъ его. Повтореніе подобнаго обстоятельства могло сполна измѣнить ихъ планъ: то-есть если они снова накроютъ его въ похищеніи чего бы то ни было, то мечъ, висящій надъ его головой, долженъ въ ту же секунду поразить его. Тогда слѣдуетъ его подвергнуть самому строгому допросу обо всемъ, что онъ знаетъ или подозрѣваетъ, и подъ угрозой разоренія держать его въ нравственномъ рабствѣ до той минуты, когда они согласатся дать ему свободу въ обмѣнъ на половину его состоянія.

— Если я ошибся, прибавилъ Вегъ:—назначивъ условіемъ выкупа—половину, то надѣюсь, что мой братъ и товарищъ поправитъ мою слабость. Быть можетъ, справедливѣе взять двѣ-третьи, или три четверти? На этомъ не постою, и всегда готовъ принять поправку.

Мистеръ Винесъ, выпивъ во время этой длинной рѣчи три блюда чая, выразилъ свое согласіе на предложенный планъ. Водушевленный этимъ, Вегъ протянулъ свою правую руку, торжественно объявляя, что эта рука никогда еще... дагѣ онъ не продолжалъ, и не входилъ ни въ какія подробности. Винесъ, не переставая пить свой чай, выразилъ въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ свою увѣренность, что *дѣйствительно* эта рука никогда... Однако, онъ не пожалъ ее, а удовольствовался тѣмъ, что взглянулъ на нее.

— Братъ, началъ снова Вегъ, когда они такъ дружески кончили съ дѣлами:—я бы желалъ васъ кое о чемъ спросить. Помните вы тотъ вечеръ, когда я впервые васъ здѣсь посѣтилъ, и

нашелъ, что вашъ могущественный умъ виталь въ чайныхъ парахъ?

Винесь утвердительно махнулъ головой, и продолжалъ прилеживать чай.

— И вотъ вы сидите точно такъ же, словно вы не перемѣняли, съ тѣхъ поръ, своего положенія! продолжалъ Вегъ, восторженнымъ тономъ: — вы сидите, сэръ, и пьете чай, словно вы можете вмѣстить въ себѣ безграничное количество этого душистаго зелья!

— Вы сказали, что желаете спросить меня кое о чемъ, и не спросили, замѣтилъ очень сухо Винесь.

— Въ ту ночь вы были въ безпокойномъ состояніи духа, отвѣчалъ Вегъ, съ нѣжнымъ сочувствіемъ: — ну, а теперь какъ? Ви, а надѣюсь, спокойнѣе?

— Она не хочетъ видѣть себя въ извѣстномъ свѣтѣ, не хочетъ, чтобъ и другіе видѣли ее въ этомъ свѣтѣ, сказалъ Винесь, очень комично, соединяя въ своемъ тонѣ презрѣніе въ нѣжной меланхоліей: — нечего объ этомъ болѣе и говорить.

— Скажите, пожалуйста! воскликнулъ Вегъ, устремляя пavidому глаза на огонь, а въ сущности слѣдя пристально за своимъ другомъ: — но таковы всѣ женщины; я помню также, что въ ту ночь, когда вы были въ очень безпокойномъ состояніи духа, вы упомянули, что принимали интересъ въ дѣлѣ о наследствѣ Гармона. Странная случайность!

— Ея отецъ былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, продолжалъ Винесь, между двумя глотками чая.

— Вы не назвали, кажется, ея имени? замѣтилъ Вегъ, задумчиво: — нѣтъ, вы дѣйствительно не назвали ее.

— Плезантъ Ридергудъ.

— Неужели! воскликнулъ Вегъ: — Плезантъ Ридергудъ, какое пріятное имя! Я надѣюсь, что я не растравлю вашей раны, если спрошу васъ, мистеръ Винесь, какъ вы съ ней познакомились?

— Я былъ на берегу, сказалъ Винесь, и остановился, чтобъ пропустить глотокъ чая: — искалъ попугаевъ... онъ снова остановился и снова прихлебнулъ чая.

— Вы наврядъ-ли могли охотиться на попугаевъ въ нашемъ климатѣ? замѣтилъ Вегъ, чтобъ поддержать разговоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, возразилъ съ испугомъ Винесь: — я только ходилъ на берегъ, чтобъ купить попугаевъ у матросовъ, которые часто ихъ привозятъ.

— А! замѣтилъ Вегъ.

— Я также искалъ двѣ змѣи, которыхъ мнѣ заказали приготовить, и судьбѣ было угодно натолкнуть меня на эту женщину. Это именно было въ то время, когда нашли тѣло Гармона въ

рѣвъ. Ея отецъ видѣлъ, какъ это тѣло тащили въ лодкѣ на буксирѣ. Я воспользовался интересомъ, который возбудило это дѣло повсюду, и воротился къ ней, чтобъ еще болѣе съ ней познакомиться, и съ тѣхъ поръ я сталъ совершенно инымъ человѣкомъ. Мои кости сохнутъ; такъ я постоянно, вѣчно думаю о ней. Я увѣренъ, что принеси мнѣ мои кости въ борзникѣ для подборки, то я ихъ не призываю за свои. Вотъ до какой степени я опустился.

— Я еще помню, мистеръ Винесъ, сказалъ Вегъ, устремляя свой взглядъ на одну изъ полокъ. — Я помню, ибо я никогда не забываю того, что вы говорите, какъ вы въ ту ночь посмотрѣли на полку и сказали: «Ну, все равно».

— Да, тамъ лежитъ попугай, котораго я купилъ у ней, произнесъ Винесъ:—онъ такъ же изсохъ, какъ я; но у меня никогда не хватить смѣлости набить его.

Сайлесъ отвернулся, сильно разочарованный, и повидимому терявъ на время всякую способность выражать поддѣльное сочувствіе къ горю Винеса, принялся перевязывать свою деревянную ногу, которая очень распаталась отъ всѣхъ гимнастическихъ упражненій этого вечера.

Оставивъ мистера Винеса упиваться чаемъ до самозабвенія, Сайлесъ взялъ шляпный кардонъ и вышелъ на улицу. Обдумывая по дорогѣ все, что случилось, онъ сталъ упрекать себя, зачѣмъ онъ взялъ въ товарищи этого артиста. Онъ чувствовалъ теперь съ горечью, что преувеличивалъ важность намековъ мистера Винеса, которые теперь оказались вполне неотносящимися къ дѣлу. Занятый подобными мыслями, недоумѣвая, какъ разстаться съ своимъ товарищемъ безъ денежной потери и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествуя въ глубинѣ сердца своей чисто-случайной находкѣ, онъ наконецъ дошелъ до великолѣпнаго дома золотого мусорщика, ибо считалъ совершенно невозможнымъ лечь спать въ этотъ день не взглянувъ на это богатое жилище въ новой роли злого гения. Сила (исключая силы разума и добра) всегда плѣняетъ низкія натуры, и потому мысленно объявить этому роскошному дому, что онъ имѣетъ силу разорить его однимъ дуновеніемъ, какъ карточный домикъ, доставляло неизъяснимое удовольствіе Вегу.

Пока онъ съ торжествомъ смотрѣлъ на жилище своего врага, къ подъѣзду подватила блестящая карета.

— Скоро ты исчезнешь, прошепталъ Вегъ, грозя ей шланымъ ящикомъ:—уже твой лакъ тускнѣетъ.

Мистрисъ Бофинъ вышла изъ кареты и медленно стала подниматься по лѣстницѣ.

— Скоро спотыкнетесь, госпожа мусорщица! подумалъ Вегъ. Белла выпрыгнула вслѣдъ за нею и побѣжала наверхъ.

— Какъ мы шибко бѣгаемъ! промолвилъ Вегъ:—но я не думаю, красавица, чтобъ ты такъ весело побѣжала въ нищенскую квартиру твоего отца. А придется тебѣ снова у него жить.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ дверей вышелъ секретарь.

— Тебя, молокососъ, предпочли мнѣ, но я бы тебѣ теперь совѣтовалъ искать другаго мѣста, замѣтилъ глубокомысленно Вегъ.

Почти въ то же время въ окнахъ бель-этажа отразилась фигура Бофина, который ходилъ по комнатамъ взадъ и впередъ.

— Ага! воскликнулъ Вегъ:—ты тутъ. А гдѣ слянца? Ты бы охотно помѣнялся на шатулку, не такъ ли, мусорщикъ?

Успокоившись теперь совершенно, Вегъ вернулся домой. Онъ до того былъ жаденъ къ деньгамъ, что теперь сталъ раздумывать, нельзя ли какъ нибудь сдѣлать такъ, чтобъ оттягать у Бофина не половину, не двѣ трети, не три четверти его состоянія, а все цѣликомъ.

— Нѣтъ, все у него отобрать можно только въ случаѣ, если онъ не согласится насъ подкупить, рассуждалъ онъ самъ съ собою:—а тогда мы не получимъ ни гроша.

Мы всегда судимъ о другихъ по себѣ, такъ что Вегу никогда не приходило въ голову, что Бофинъ можетъ отказаться иль подкупить и предпочтетъ обману честную бѣдность. Онъ вздрогнулъ, когда вдругъ созналъ возможность подобнаго обстоятельства, но скоро успокоился.

— Онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ, чтобъ на это рѣшиться, сказалъ онъ почти вслухъ:—онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ!

Эти слова его такъ утѣшили, что онъ во всю остальную дорогу притоптывалъ своей деревянной ногой и въ тактъ повторялъ:

— Онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ! Онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ!

Даже на другое утро, когда пріѣхали возы для уборки мусорныхъ кучъ, Сайлесъ успокоивалъ себя этимъ утѣшительнымъ изреченіемъ, и во весь этотъ день, ходя часовымъ взадъ и впередъ по маленькой, протоптанной имъ дорожкѣ и не спуская глазъ съ рабочихъ, онъ повторялъ мысленно: «Онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ! Онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ!»

VIII.

Конецъ долгаго странствія.

Длинные ряды возовъ тянулись съ утра до вечера въ навиль-онъ и изъ него, не убавляя, повидимому, ни одной соринки

въ мусорныхъ кучахъ, хотя съ теченіемъ времени — эти кучи и замѣтно понижались. Милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ, когда вы, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ и усилій, нагромоздили громадную, мусорную кучу ошибокъ и промаховъ, вы должны скинуть свои благородные фраки, и приняться за уборку этой самой кучи, при помощи всѣхъ людей и всѣхъ лошадей ея величества королевы, иначе громада пошатнется, и, надав, задавитъ насъ всѣхъ.

Аминь, аминь, глаголю вамъ, милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ, съ помощью божьею вы должны это сдѣлать, ибо когда мы дошли до того, что имѣя огромныя средства для оказанія помощи бѣднымъ, заставляемъ лучшихъ изъ этихъ бѣдныхъ ненавидѣть наше милосердіе, бѣжить отъ насъ и умирая съ голода навлекать на наши головы вѣчный позоръ — тогда невозможно болѣе думать о благосостояніи, невозможно болѣе такъ существовать. Можетъ быть, вы не наймете этого текста для проповѣди въ евангеліи Подзнапства или въ отчетахъ вашихъ комитетовъ, но тѣмъ не менѣе — это истина, была истиной съ тѣхъ поръ, что созданъ міръ, и будетъ истинной пока міръ не потрясется въ своихъ основахъ мощной десницей Создателя. Хваленое дѣло рукъ вашихъ, которыми мы такъ гордимся, не пугаетъ нищихъ по ремеслу и отъявленныхъ мошенниковъ, а лишь наноситъ смертельный ударъ несчастнымъ, страждущимъ бѣднякамъ и служить роковымъ пугаломъ тѣмъ, кто всего достойнѣе нашего милосердія. Мы должны измѣнить это, милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ, или въ злую минуту ваша работа сотретъ съ лица земли каждаго изъ насъ.

Старая Бети Гигденъ жила посреди своихъ постоянныхъ страстей, какъ живетъ многое множество подобныхъ ей грубыхъ, но честныхъ созданій обоего пола, трудящихся и работающихъ въ потѣ лица своего на пути земной жизни. Терпѣливо нажить себѣ скудный кусокъ хлѣба, и мирно умереть вдали отъ богадѣленъ — вотъ все, чего она желала.

Бофинны не получали отъ нея никакихъ свѣденій съ той минуты, какъ она вышла изъ ихъ дома. Погода въ продолженіе всего этого времени была ненастная, и дороги очень дурны, но душа ея не увывала. Другой, не столь рѣшительный и стойкій человекъ, быть можетъ, поддался бы вліянію неблагоприятныхъ обстоятельствъ, но она упорствовала, ибо хотя изъ сдѣланнаго ею займа не было уплачено еще ни копейки, и она чувствовала себя гораздо хуже чѣмъ ожидала, она все еще стремилась доказать исполнимость своего плана и поддержать свою независимость.

Благородная душа! Когда она говорила Роксмиту, что повре-
менамъ на нее находить оцѣпенѣніе, она слишкомъ мало обра-
щала на это вниманія, полагаясь на свое мужество и силу; но
теперь эти припадки случались все чаще и чаще, все мрачнѣе
и мрачнѣе, словно это была тѣнь приближающейся смерти. Что
тѣнь эта была плотная, мрачная, подобно настоящей, дѣйстви-
тельной тѣни—то это вполне согласно со всѣми законами фи-
зической природы, ибо источникъ свѣта, сіявшаго въ душѣ Бети
Гигденъ, былъ по ту сторону могилы.

Бѣдная старуха пошла вверхъ по Темзѣ, тамъ она обитала въ
последнее время и знала весь околodoкъ. Она прожила нѣсколько
времени по близости своего бывшаго жилища, и вязала и прода-
вала, потомъ пошла далѣе; красивые городки Чертсей, Вальтонъ,
Кингстонъ и Стэнсъ служили на время ей пріютомъ, всѣ жители
въ нихъ вскорѣ узнали ее и привыкли къ ней, но она и тутъ
не осталась, а продолжала свой путь.

Она обыкновенно брала лотогъ на рынкѣ, гдѣ таковыя были,
или помѣщалась на главной улицѣ городка, или, наконецъ, хо-
дила по большимъ дорогамъ, и останавливалась у важныхъ домовъ,
прося позволенія у привратника войти со своей корзинкой, что,
однако, ей не всегда удавалось. Всего же чаще блестящія дамы,
проѣзжая въ красивыхъ экипажахъ, покупали у ней какую-нибудь
бездѣлицу, прельстившись ея свѣтлыми, блестящими глазами и
добродушной рѣчью, дышавшей надеждою и энергіею. Это по-
слѣднее въ связи съ тѣмъ, что она была всегда опрятно одѣта,
послужило поводомъ къ баснѣ о томъ, что она будто бы была
въ очень хорошемъ положеніи, даже богата, говоря сравнительно.
Этому многіе вѣрили, да и вообще подобныя басни долго поль-
зовались большою популярностію между нами, ибо очень пріятно
думать, что ближній обезпеченъ, когда это никому не стоитъ ни
гроша.

Въ этихъ живописныхъ маленькихъ городкахъ на берегу Темзы,
вы постоянно слышите грохотъ воды, сдержанной плотинами, а
съ мостовъ вы видите, какъ юная рѣка, подобно ребѣнку, рѣзався и
игралъ, бѣжить подъ тѣнью деревьевъ, еще неоскверненная ожи-
дающими ее впереди нечистотами, и не слыша еще грознаго
вова океана. Несправедливо было бы думать, однако, что подоб-
ныя мысли входили въ голову Бети Гигденъ—нѣтъ, но она слы-
шала, какъ многія другія, подобныя ей, несчастныя созданія, со-
блазнительный шопотъ рѣки: «Приди ко мнѣ, приди ко мнѣ!
Въ минуту страха и опасенія жестокаго поворота, такъ долго то-
бой избѣгаемаго, приди ко мнѣ. Я стражъ, назначенный вѣчною
судьбой приносить помощь и избавленіе людямъ; меня не уа-

жасть, но мнѣ горе мало. Мои объятія мягче объятій больничной сидѣлки; на лонѣ моемъ умирать легче, чѣмъ между фельдшерами богадельни. Приди ко мнѣ!»

Было мѣсто въ ея простомъ, безыскусственномъ умѣ и болѣе нѣжнымъ мечтамъ. Всѣ эти богачи, ихъ дѣти, жившіе въ этихъ роскошныхъ домахъ, думали ли они, смотря на нее, о томъ, что такое быть голоднымъ, что такое быть холоднымъ? Чувствовали ли они, видя ее, то удивленіе, которое они вселяли въ ней! Христось съ вами, смѣющіяся дѣти! Еслибъ вы видѣли моего бѣднаго, больнаго Джони, заплакали бы вы или нѣтъ? Поняли ли бы вы, еслибъ видѣли Джони, умершаго на его постелькѣ? Но все же христось съ вами, милыя дѣти, ради него, моего Джони! Точно такъ же нѣжно смотрѣла она и на болѣе скромныя жилища, въ окнахъ которыхъ въ сумерки привѣтливо свѣтился пылающій огонекъ, и упрекала себя въ глупой фантазіи за то, что когда къ ночи добрые люди закрывали ставни, ей входила не разъ въ голову мысль, какъ жестоко лишать бѣдняковъ безъ крова—хоть издали наслаждаться теплымъ свѣтомъ камелька. Проходила ли она мимо блестяще-освѣщеннаго магазина, въ которомъ была отворена дверь изъ внутренней комнаты, гдѣ хозяева весело пили чай—Бети думала о томъ, болѣе ли удовольствіе доставляла имъ ѣда, питье и одежда, потому что они торговали этими предметами и жили ими; приблизилась ли она къ уединенному кладбищу—она говорила себѣ: «я одна, кажется, съ мертвецами на улицѣ въ такую погоду, въ такой поздній часъ! Но тѣмъ лучше должно быть всѣмъ, у кого есть теплый уголокъ». Честная душа, она не завидовала никому посреди своихъ лишеній, не роптала, что у другихъ есть то, чего у ней нѣтъ.

Чѣмъ слабѣе она становилась, тѣмъ, однако, старинная ненависть къ богадельнямъ все болѣе и болѣе увеличивалась, ибо эта ненависть находила себѣ по дорогѣ болѣе пищи, чѣмъ сама бѣдная Бети. Часто случалось ей видѣть цѣлыя группы несчастныхъ въ лохмотьяхъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стоявшихъ терпѣливо у затворенныхъ дверей благотворительнаго учрежденія, начальникъ котораго, злоупотребляя довѣріемъ избравшихъ его гражданъ, думалъ только о томъ, какъ бы вывести изъ всякаго терпѣнія прибѣгающихъ къ помощи бѣдняковъ, и тѣмъ отъ нихъ навсегда отдѣлаться. Потомъ она встрѣчала неравъ на дорогѣ подобную себѣ бѣдную, опрятно-одѣтую женщину, предприимавшую путешествіе въ нѣсколько миль, чтобъ посѣтить какого-нибудь родственника, старика или старуху, котораго благотворительность увлекла насильно далеко отъ роднаго дома, и заперла въ громадную, каменную богадельню, которая по уходу въ ней, ѣдѣ

и помѣщенію, походила гораздо болѣе на исправительное заведеніе чѣмъ окружная тюрьма, равняющаяся съ ней только по отдаленности, что для мелкихъ сельскихъ преступниковъ всегда составляетъ самую тяжелую часть наказанія. Иногда же она слышала, какъ читали въ газетахъ отчетъ благотворительныхъ комитетовъ о количествѣ людей, умершихъ въ послѣднюю недѣлю отъ голода и холода — для которыхъ почтенные чиновники отвели особую графу въ итогѣ, словно они составляли необходимую его составную часть, какъ копейки при рубляхъ. Бѣдная Бети слышала, какъ все это обсуждали простые люди—обсуждали такъ, какъ мы, милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ, въ нашемъ величіи никогда не слыхивали, и отъ всего этого она бѣжала, лѣтъ на крыльяхъ отчаянія.

Это послѣднее выраженіе не есть риторическая фигура—нѣтъ, старая Бети Гигденъ, какъ бы она ни устала, какъ бы у ней ни болѣли ноги, вскакивала съ мѣста и бѣжала, лишь только воскресалъ въ ея памяти старинный страхъ попасться въ руки благотворителей. Нечего сказать, замѣчательное христіанское нововведеніе; добрый самаритянинъ обращенъ въ роковую фурию, и это не исключеніе, нѣтъ, Бети Гигденъ не одна на свѣтѣ, а много, много, много.

Два обстоятельства увеличили еще въ сильнѣйшей мѣрѣ эту безразсудную ненависть, безразсудную и ни на чемъ не основанную, потому что народъ всегда безразсуденъ и неоснователенъ, вѣчно съ рѣдкимъ упрямствомъ производя дымъ безъ огня, не тагли, милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ?

Однажды Бети сидѣла со своей корзинкой на скамейкѣ, подлѣ кабачка на рыночной площади, какъ вдругъ на нее нашло то оцѣпенѣніе, съ которымъ она такъ мужественно боролась; въ глазахъ у ней помутилось, и когда она пришла въ себя, то увидѣла, что лежитъ на землѣ. Голову ея поддерживала кабая-то добрая торговка, а вокругъ собрался цѣлый кружокъ зѣвакъ.

— Лучше вамъ теперь, матушка? спросила одна изъ женщинъ:— можете вы встать?

— А развѣ я была больна? спросила Бети.

— У васъ былъ обморокъ или какой-то припадокъ, отвѣчали ей:— васъ не трясло, а вы просто лежали безъ чувствъ, какъ мертвая.

— А! это оцѣпенѣніе, оно находитъ на меня повременамъ, возразила Бети, совершенно приходя въ себя.

— А теперь прошло?

— Да. Я буду еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Благодарю васъ, м-

лыя, за ваше попеченіе, и да воздадутъ вамъ тѣмъ же, когда вы доживете до моихъ лѣтъ.

Добрые люди помогли ей встать, но она была еще такъ слаба, что не могла держаться на ногахъ и снова опустилась на скамью.

— Голова немножко кружится и ноги отяжелѣли, сказала Бети, припавъ лицомъ къ груди близъ стоявшей женщины: — все обойдется черезъ минуту, это пустяки.

— Спросите, есть ли у ней кто, сказалъ одинъ изъ столпившихся фермеровъ.

— Есть у васъ кто нибудь съ родни, матушка? спросила та же добрая женщина.

— Еще бы, отвѣчала Бети: — я слышала, что говорилъ этотъ господинъ, но не могла такъ скоро отвѣчать. У меня много друзей, не бойтесь.

— Но есть ли кто по близости? спросили нѣсколько мужчинъ въ одинъ голосъ.

— Довольно близко, отвѣчала Бети, вставая: — не бойтесь за меня, добрые люди.

— Но вѣдь вы не можете теперь идти пѣшкомъ.

— Куда вы идете? снова спросили хоромъ всѣ окружающіе.

— Я пойду въ Лондонъ, когда все распродамъ, сказала Бети: — у меня добрые друзья въ Лондонѣ. Миѣ ничего не нужно, благодарствуйте. Не безпокойтесь, со мной ничего не случится.

Съ этими словами, она съ трудомъ встала на ноги; увидѣвъ это, какой-то здоровенный фермеръ съ краснымъ лицомъ, громко замѣтилъ, что ее бы не слѣдовало отпускать.

— Ради-Бога, оставьте меня въ покоѣ! воскликнула бѣдная старуха со страхомъ: — я теперь совсѣмъ здорова и должна сейчасъ идти.

Она схватила корзинку, но не успѣла еще сдѣлать нѣсколькихъ нерѣшительныхъ шаговъ, какъ тотъ же фермеръ остановилъ ее за руку, говоря, что ей необходимо пойти съ нимъ къ приходскому доктору. Видъ себя отъ отчаянія, бѣдная старуха собрала послѣднія силы, вырвалась изъ рукъ фермера и пустилась бѣгомъ. Она ни разу не остановилась, пока не отошла отъ города мили на двѣ; тогда только она, какъ дикій звѣрь, преслѣдуемый охотниками, спряталась за кустарниками, чтобы перевести духъ. Тутъ только она вспомнила, какъ во время своего бѣгства она остановилась на секунду въ концѣ города, и оглянувшись увидѣла ту же толпу передъ бабачкомъ, съ удивленіемъ смотрѣвшую ей въ слѣдъ, но и непомышлявшую о погонѣ. Второй случай былъ еще страшнѣе. Нѣсколько дней передъ тѣмъ съ ней такъ же былъ припадокъ оцѣпенѣнія, и теперь она, едва оравившись, медленно шла по дорогѣ,

извивавшейся у самаго берега рѣки. Пройдя порядочное пространство, она сѣла на траву, чтобъ отдохнуть, и устремила глаза на тянущуюся къ ней на встрѣчу барку. Долго смотрѣла она на эту барку, наконецъ, когда при быстромъ оборотѣ рѣки, бичева рухнулась въ воду, ея мысли вдругъ помутились, въ глазахъ зарябило и ей показалось, что на палубѣ барки стоятъ всѣ ея дѣти и манять ее къ себѣ; потомъ бичева натянулась, капли воды, словно крупные брильянты, посыпались въ рѣку, но вотъ Бети виднѣть, словно веревка лопнула и треснулась со всей силой объ ея бѣдную голову. Когда она открыла глаза, рѣка, барка, берегъ, свѣтлый, солнечный день, все исчезло; нагнувшись надъ нею, стоялъ какой-то незнакомый ей человѣкъ со свѣчкой.

— Ну, сударыня, сказалъ онъ: — откуда вы и куда идете?

Несчастливая, еще не совершенно очнувшись, отвѣчала вопросомъ — гдѣ она?

— Я шлюзникъ.

— Шлюзникъ?

— Да, это шлюзная сторожка, а я собственно помощникъ шлюзника, но это все равно, пока его тутъ нѣтъ. Вы изъ какого прихода?

— Прихода! воскликнула Бети, и въ ту же минуту вскочила съ кровати и протянула руку къ своей корзинѣ, съ ужасомъ смотря на шлюзника.

— Васъ спросить объ этомъ въ городѣ, продолжалъ онъ: — васъ не примутъ иначе какъ на время, и съ возможной скоростью препроводятъ въ вашъ приходъ. Вы не въ такомъ положеніи, чтобъ васъ принялъ чужой приходъ.

— Опять оцѣпенѣніе! пробормотала Бети, схватившись рукою за голову.

— Конечно, оцѣпенѣніе, отвѣчалъ шлюзникъ: — хотя это слово не довольно сильно: вы были какъ мертвая, когда мы васъ принесли сюда. Есть у васъ друзья, сударыня?

— Лучшіе на свѣтѣ.

— Я бы вамъ совѣтовалъ обратиться къ ихъ помощи. А есть у васъ деньги?

— Немножко, сэръ.

— Вы желаете ихъ сохранить?

— Конечно, сэръ.

— Ну, какъ хотите, а приходское начальство въ городѣ отберетъ у васъ эти деньги, продолжалъ шлюзникъ, пожимая плечами и качая головою.

— Такъ я не пойду въ городъ.

— Они васъ заставятъ заплатить за то, что примутъ васъ на время и отошлютъ потомъ въ вашъ приходъ.

— Благодарствуйте, сэръ, за ваше предостереженіе, благодарствуйте за ваши хлопоты и прощайте.

— Погодите, возразилъ шлюзникъ, заслоняя дверь: — зачѣмъ вы такъ дрожите и куда торопитесь?

— О, сэръ, сэръ! воскликнула Бети: — я всю жизнь бѣгала отъ богаделенъ и приходской благотворительности, и хочу умереть на свободѣ.

— Но я, право, не знаю, долженъ ли я васъ отпустить, сказалъ шлюзникъ: — я честный человѣкъ, наживаю кусокъ хлѣба по томъ лица моего и могу получить неприятности, если васъ отпущу. Я уже не разъ попадался въ такихъ исторіяхъ и теперь сталъ осторожнѣе. Вѣдь съ вами можетъ снова случиться припадокъ, въ какой-нибудь четверти мили отсюда, и тогда скажутъ, зачѣмъ честный помощникъ шлюзника отпустилъ ее, а не препроводилъ въ приходъ? Ему слѣдовало—скажутъ всѣ—препроводить ее въ приходскую богадельню, прибавилъ онъ, хитро пользуясь ея испугомъ.

Бѣдная старуха всплеснула руками и залилась слезами.

— У меня есть добрые друзья, сэръ, промолвила она: — лучше въ свѣтѣ. Вотъ письмо, которое докажетъ, что я говорю правду и они будутъ вамъ благодарны за все, чтò вы сдѣлаете для меня.

Шлюзникъ открылъ письмо и посмотрѣлъ на него очень серьез-но, но лицо его ни мало не измѣнилось, ибо, увь, онъ не умѣлъ читать.

— Вы говорите, что у васъ есть немножко денегъ, сказалъ онъ наконецъ послѣ минутнаго размышленія: — чтò вы называете немножко? Сколько это будетъ монетъ?

Бети поспѣшно высыпала одинъ шиллингъ и нѣсколько пенсовъ.

— Еслибъ я васъ отпустилъ теперь на всѣ четыре стороны, вмѣсто того чтобъ препроводить въ приходъ, продолжалъ помощникъ шлюзника, считая монеты:—не захотѣли ли бы вы оставить эти деньги здѣсь?

— Возьмите, сэръ, я ихъ отдамъ съ большимъ удовольствіемъ и благодарностью.

— Я вѣдь человѣкъ, замѣтилъ шлюзникъ, отдавая письмо и опуская въ карманъ деньги: — и наживаю кусокъ хлѣба въ потѣ лица своего. (Тутъ онъ обтеръ рукавомъ лицо, словно послѣднія деньги онъ заработалъ особенно трудной работой).—Я не стану васъ задерживать. Идите себѣ, куда душѣ угодно.

Получивъ позволеніе, Бети Гигденъ тотчасъ вышла изъ шлюзной сторожки и пошла, хотя и нѣтвердыми шагами, по большой дорогѣ. Но ей странно было идти впередъ, страшно было и возвращаться: сзади была ужасная сторожка, изъ которой она едва вырвалась; впереди—еще болѣе страшный городъ. Чтò ей было дѣ-

латъ? Она бросилась въ сторону, и стала пробираться по маленькимъ тропинкамъ. Эту ночь она провела за скирдой на полѣ, срываясь тамъ отъ добродѣтельнаго самаритянина, въ его современномъ, официальномъ видоизмѣненіи, и еслибъ—стоитъ объ этомъ подумать, братья христіане—еслибъ самаритянинъ прошелъ въ эту глухую ночь «по ту сторону дороги», то она пламенно возблагодарила бы небо за свое спасеніе.

На другое утро она снова пустилась въ путь, но въ головѣ ея было чрезвычайно туманно и смутно, хотя твердая рѣшимость идти впередъ не покидала ее ни на минуту. Сознавая, что силы вполнѣ оставляютъ ее, и что долгая постоянная борьба съ жизнью приходитъ къ концу, она не была, однако, въ состояніи размыслить, какъ бы ей поскорѣе добраться до своихъ покровителей, она не могла связать ни одной мысли. Двѣ вещи были только ясны для ея ослабѣвающаго сознанія—страхъ, преслѣдовавшій ее всю жизнь, и твердая, упорная рѣшимость, возбужденная этимъ страхомъ, умереть на свободѣ неопозоренной. Поддерживая себя надеждой одержать-таки, несмотря на все, побѣду въ роковой битвѣ жизни, старая Бети Гигденъ продолжала идти впередъ.

Теперь настала минута, когда она перестала ощущать всѣ потребности жизни. Она уже болѣе не чувствовала голода и не могла бы съѣсть ни куска, какихъ бы роскошныхъ блюдъ ей теперь ни предлагали. День былъ холодный, сырой, но она этого не чувствовала. Она пробиралась по самымъ отдаленнымъ тропинкамъ, бѣдная женщина, какъ преступникъ, боящійся погони, и не сознавала ничего, кромѣ страха упасть безъ чувствъ на землю, пока еще свѣтло, и быть найденной живой. Пережить ночь она уже не боялась.

Деньги, спрятанныя ею на похороны, были всѣ въ цѣлости и зашиты въ лифѣ ея платья. Еслибъ она только могла протянуть еще этотъ денекъ, и потомъ на ночь лечь гдѣ-нибудь подъ деревцомъ, она бы умерла свободной, независимой. Если же ее поймаютъ живой, то деньги у нея отнимутъ, такъ-какъ нищій не имѣетъ право имѣть собственность, и ее потащатъ въ ненавистную, проклятую богадельню. Но если она достигнетъ своей давно-желанной цѣли, умереть на свободѣ, то письмо Бофиновъ найдутъ на ея груди радомъ съ деньгами, и ея добрые покровители, получивъ его обратно, скажутъ: «Старая Бети Гигденъ дорого цѣнила это письмо, вѣрная душа, она—пока жила, не допустила ему попасть въ руки тѣхъ, кого сама такъ страшно боялась». Конечно, эта идея совсѣмъ нелогична, неконсеквентна, и даже легкомысленна; но вѣдь гдѣ же искать глубокомыслія у несчастныхъ странниковъ въ долигѣ смерти. И къ тому же бѣдные, трудящіеся люди всегда имѣютъ глупую привычку размышлять такъ же безразсудно, какъ они живутъ;

вотъ дѣло другое, еслибъ имъ дать десять тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода—такъ они, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе философски оцѣнили бы наши благотворительныя учрежденія.

Такимъ образомъ, прятаясь за деревьями и избѣгая людей, эта безпокойная старуха промаялась еще цѣлый день. Но какое огромное различіе было между нею и всѣми бѣглецами вообще! Чѣмъ болѣе склонялось время къ вечеру, тѣмъ скорѣе билось ея сердце, тѣмъ ярче вспыхивали яркимъ блескомъ ея слабыя глаза, и она, казалось, съ восторгомъ лепетала:

— Благодарю тебя, Господи, что я пережила этотъ день.

Не будемъ говорить о тѣхъ неземныхъ силахъ, которыя, ей казалось, поддерживали ее въ этомъ бѣгствѣ отъ добродѣтельнаго самаритянина; не будемъ говорить о нѣжномъ зовѣ изъ мрака могильнаго, который поминутно слышался ей; не будемъ говорить о томъ, что ей то чудился на каждомъ шагу Джонъ, сидѣвшій на ея колѣняхъ и съ любовью обдергивавшій ея шаль, то несметное количество всадниковъ, летѣвшихъ на нее со всѣхъ сторонъ съ дикимъ крикомъ: «Стой, Бети Гигденъ! Держи ее! Стой!» Лучше не будемъ касаться послѣдняго бреда этого бѣднаго, добраго созданія, которое бѣжало отъ людей, отъ ихъ жилищъ, словно она убійца, и весь міръ поднялся на нее.

Наконецъ, долгій, нескончаемый день исчезъ; наступила ночь. Съ самаго утра, какъ Бети, бывало, ни очнется на минуту отъ своего бреда и какъ ни оглянется кругомъ, она всегда повторяла грустно—луга, луга, луга! Теперь изъ мрака, покрывшаго землю, привѣтливо выглянуло громадное зданіе съ множествомъ освѣщенныхъ оконъ. Дымъ струился клубомъ изъ высокой трубы, позади зданія, а со стороны раздавался глухой гулъ водянаго колеса. Между этимъ зданіемъ и Бети Гигденъ — былъ маленькій прудъ, въ которомъ, искрясь и сияя, отражались освѣщенные окна. На берегу росло нѣсколько деревьевъ.

— Благодарю тебя, о Господи! проговорила Бети Гигденъ, простирая къ небу свои исхудалыя руки: — благодарю тебя, что я достигла конца моего земнаго странствія!

Она подвралась тихонько къ старому пню, откуда сквозь зелень окружающихъ деревьевъ она могла видѣть и освѣщенные окна, и блестящее отраженіе ихъ въ водѣ. Она поставила свою корзинку подлѣ себя, и опустившись на землю, припала головою къ пню. Это напомнило ей подножіе креста, и она съ теплою мольбой предала себя тому, кто умеръ на крестѣ; ея послѣднія силы быстро исчезали, и она успѣла только поправить письмо за пазухой такъ, чтобы всякій его увидѣлъ.

«Я здѣсь безопасна», думала она уже почти безсознательно,

чувствуя, какъ поддается страшному оцѣпенѣнію: «Меня найдеть у подножія креста, свой братъ-работникъ — вонъ они тамъ трудятся, гдѣ огоньки свѣтятъ. Уже невидать мнѣ ихъ свѣта, но я знаю, гдѣ онъ, вонъ тамъ... тамъ. Благодарю тебя Господи... за все!»

Мракъ исчезъ и какое-то чудное лицо наклонилось надъ ней.

— Это не красавица! лепечеть Бети Гигденъ.

— Я не слышу, что вы говорите. Дайте, я промочу вамъ губы виномъ. Я только-что принесла его; вамъ, можетъ, показалось, что я долго ходила?

Лицо было женское, оваймленное роскошными, темными волосами; оно дышало красотой и юностью. Но нѣтъ, все кончено, это должно быть ангель, подумала Бети.

— Давно я умерла?

— Я не слышу, что вы говорите; дайте, я опять смочу вамъ губы. Я торопилась какъ только могла, и не позволила никому идти со мной, чтобъ вы не умерли отъ испуга, при видѣ столькихъ незнакомыхъ лицъ.

— Развѣ я не умерла?

— Я не слышу, вы такъ тихо говорите. А меня вы слышите?

— Да.

— Вы говорите: да?

— Да.

— Я шла съ работы домой по наружной тропинкѣ, и услыжавъ стонъ, нашла васъ здѣсь.

— Съ какой работы, милая?

— Вы спрашиваете, съ какой работы? Съ бумагопрядильни.

— Гдѣ она?

— Ваши глаза обращены на небо, и вы не можете видѣть; она здѣсь совсѣмъ близко. А мое лицо вы видите между небомъ и вами?

— Да.

— Можно васъ приподнять?

— Нѣтъ еще.

— Даже нельзя положить вашу голову ко мнѣ на руки? Я тихонько это сдѣлаю, вы и не почувствуете.

— Нѣтъ, подождите. Бумага — письмо.

— Вы говорите о бумагѣ, торчащей у васъ изъ-за пазухи?

— Да, христось съ вами!

— Открыть мнѣ? Прочестъ?

— Да, христось съ вами!

Она прочла письмо съ изумленіемъ, и посмотрѣла съ еще бѣльшимъ сочувствіемъ на неподвижное лицо старухи, подлѣ которой она стояла на колѣняхъ.

— Я знаю имена этихъ людей. Я часто о нихъ слыхала.

— Вы отошлете письмо, милая?

— Я не слышу, погодите: надо еще вамъ промочить губы и потереть лобъ. Вотъ такъ бѣдная, бѣдная, прибавила она сквозь слезы: — ну, что вы спрашиваете? Я прильну ухомъ къ вашимъ губамъ?

— Отошлете вы письмо, милая?

— Отошлю-ли я письмо тѣмъ, кто его писалъ? Вы это спрашиваете? Конечно, отошлю.

— Вы не отдадите его никому, кромѣ нихъ?

— Нѣтъ.

— Не отдадите въ ея приходъ? промолвила Бети, вздрагивая.

— Нѣтъ, даю слово.

— И не позволите приходу ни дотронуться до меня, ни даже взглянуть на меня? прибавила Бети, снова вся вздрогнувъ.

— Нѣтъ, влянусь, нѣтъ.

Свѣтлая улыбка благодарности и торжества блеснула на исхудаломъ лицѣ бѣдной старухи, и глаза ея, до тѣхъ поръ поднятые къ небу, съ глубокимъ чувствомъ, устремляются на прелестное, омоченное слезами лицо молодой женщины.

— Какъ васъ зовутъ, милая?

— Лизи Гэксамъ.

— Я, должно быть, очень изуродована. Вамъ противно меня поцаловать?

Горячій поцалуй былъ отвѣтомъ на эти слова; и холодныя, но все еще улыбающіяся губы Бети Гигденъ лепечать въ послѣдній разъ:

— Христось съ вами! Теперь можно, приподымите меня, голушка!

Лизи Гэксамъ осторожно, нѣжно приподымаетъ изнуренную, сѣкую голову старухи — приподымаетъ ее высоко-высоко, до самаго неба.

МЫСЛИ ДЖОНА-СТЮАРТА МИЛЛЯ О ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ ОГУСТА КОНТА.

(WESTMINSTER REVIEW. Апрель 1865).

Теперь каждому из читателей русских журналов знакомы слова «позитивизмъ» и «позитивная философія»; но при жизни Огюста Конта, который первый назвалъ такъ свой образъ мыслей, слово *позитивизмъ* было почти неизвѣстно даже во Франціи. Его употребляли въ то время только ученые французскаго философа, изъ которыхъ ни одинъ не пользовался большою извѣстностью. Уже по смерти Конта получило оно то важное значеніе, которое заставляеть теперь каждаго мыслителя опредѣлить свое отношеніе къ позитивной философіи и спросить самого себя, кто онъ — позитивистъ, или нѣтъ? Франція, повидимому, такъ пристрастная къ новизнѣ, очень неохотно поддается новымъ взглядамъ и направленіямъ; она слишкомъ консервативна въ области ученаго мышленія. Потому-то теорія Огюста Конта, прежде нежели стала она общезнѣвна его соотечественникамъ, приобрѣла огромное число прозелитовъ въ Англіи. Теперь много у нея и враговъ и поклонниковъ; явились даже писатели, желающіе найти такъ-называемое «*juste milieu*», согласить позитивизмъ съ враждебнымъ ему направленіемъ. Къ числу примирителей принадлежать извѣстный критикъ Тэнъ и знаменитый химикъ Бертелло. И такъ, настало время оцѣнить это новое движеніе умовъ, которое успѣло уже выясниться, и опредѣлить его свѣтлую и темную стороны. Этотъ трудъ взялъ на себя извѣстнѣйшій изъ современныхъ мыслителей Англіи, Джонъ-Стюартъ Милль. Въ «*Westminster Review*» за вторую четверть этого года помѣщенъ его критическій разборъ первыхъ сочиненій Конта, съ легкими ссылками на то, что было написано французскимъ философомъ въ послѣднія десять лѣтъ его жизни, продолженіе которыхъ онъ значительно измѣнилъ взглядъ свой на многое и отказался отъ заблужденій, не выдержавшихъ его собственной критики.

По мнѣнію Конта, основной характеръ позитивной, равно какъ и всякой истинной философіи заключается въ убѣжденіи, что мы знаемъ одни только факты и явленія, и что наши свѣдѣнія о нихъ относительны, но никакъ безусловны. Намъ неизвѣстна самая сущность ихъ, мы понимаемъ только взаимное отношеніе ихъ другъ къ другу на основаніи послѣдовательности и сходства. Эти отношенія постоянны, то-есть они всегда тѣ же при тѣхъ же обстоятельствахъ. Неизмѣнное подобіе, соединяющее ихъ въ группы, и постоянный порядокъ, поддерживающій ту связь между ними, вслѣдствіе которой они относятся другъ къ другу, какъ предъидущее къ своему послѣдующему, называются законами природы. Мы знаемъ только эти законы; но первоначальная причина, конечная цѣль и самая суть предметовъ и явленій міра дѣйствительнаго совершенно неизвѣстны намъ. Контъ не заявляетъ притязаній на оригинальность или новизну этой мысли. Онъ говоритъ, что ее раздѣляли всѣ спекулятивные умы со времени Бэкона, Декарта и Галилея. Въ древнѣйшій періодъ жизни человѣчества, знаніе имѣло характеръ предвидѣнія «*savoir pour prévoir*»; теперь же предвидѣніе фактовъ и власть надъ ними зависятъ отъ дѣйствительнаго, положительнаго знанія того порядка, въ какомъ слѣдуютъ они другъ за другомъ. Мы предвидимъ явленія и факты только при помощи фактовъ, которые предвѣщаютъ ихъ, которые относятся къ нимъ, какъ причины къ слѣдствіямъ, если, разумѣется, предшествовавшій опытъ убѣдилъ насъ въ неизмѣнности такого отношенія между ними. И такъ, всякое предвидѣніе и всякая умственная дѣятельность возможны на столько, на сколько родъ человѣческій приобрѣлъ положительныхъ свѣдѣній о послѣдовательности явленій. Никакими другими средствами нельзя достигнуть знакомства съ практическими силами природы. Эта простая истина не могла, конечно, быть извѣстна людямъ въ ранній періодъ развитія мысли. Даже Бэконъ и Декартъ только предчувствовали ее, стремились къ ней. Ясно же отразилась она въ гениальномъ умѣ Ньютона. Юмъ зашелъ по этому пути далѣе Огюста Конта, утверждая, что нѣтъ другихъ причинъ явленій, кромѣ неизмѣнныхъ фактовъ, которые предшествуютъ имъ. Противъ этой мысли возсталъ Кантъ. Соглашаясь, что мы не знаемъ дѣйствительныхъ причинъ, онъ допускалъ однакоже ихъ существованіе. Докторъ Томасъ Броунъ, Бенгамъ, Джемсъ Милль, сэръ Уильямъ Гамильтонъ—тоже позитивисты. Слѣдовательно, начало, на которомъ основана теорія Конта, не изобрѣтено имъ, напротивъ—оно составляетъ общее достояніе нашего вѣка. Контъ принадлежитъ только болѣе полное развитіе этого принципа, особенный спо-

собъ ученой обработки его, вслѣдствіе котораго позитивизмъ сталъ по преимуществу его доктриною *.

Онъ говоритъ, что позитивному методу мышленія предшествуютъ два взгляда на природу: теологическій и метафизическій. Мірѣ, по логикѣ теологическаго метода, управляется не неизмѣнными законами, но произволомъ дѣйствительныхъ, или воображаемыхъ существъ, надѣленныхъ жизнью и разумомъ. Люди, въ періодъ дѣтскаго состоянія опытности и развитія умственныхъ силъ, считаютъ всѣ окружающіе ихъ предметы одушевленными явленіями. Ближайшій затѣмъ шагъ ведетъ ихъ въ мысли о незримыхъ существахъ, изъ которыхъ каждое управляетъ цѣлымъ классомъ предметовъ и явленій. Это—вѣкъ политеизма. Наконецъ множество боговъ соединяются въ понятіе о единомъ Богѣ, который создалъ вселенную и управляетъ ею.

Метафизическій методъ мышленія, вмѣсто личностей, признаетъ тайныя силы, присущія явленіямъ природы, но неслитія съ ними, хотя и одушевляющія ихъ. Вмѣсто дриадъ, возсѣдающихъ на деревьяхъ, является растительная душа, которая обращается потомъ въ пластическую силу и наконецъ становится жизненнымъ началомъ. Возвышеніе воды въ безвоздушной средѣ насоса объясняется отвращеніемъ природы отъ пустоты. Стремленіе внизъ тяжелыхъ тѣлъ и вверхъ дыма и пламени приписывается порывамъ ихъ занять натуральныя и свойственныя имъ мѣста. Много важныхъ слѣдствій выводится изъ предположенія, что природа не допускаетъ скачковъ (*non habet saltum*). Въ медицинѣ приписывается врачующей силѣ природы (*vis medicatrix*) то, что новѣйшая физиологія объяснила на точныхъ началахъ науки, извлеченныхъ изъ опыта.

Въ этихъ мысляхъ нѣтъ ни малѣйшей новизны. Все это было высказано другими писателями прежде Конта. Но ему исключительно принадлежитъ мысль о необходимомъ соединеніи всѣхъ трехъ методовъ мышленія въ исторіи каждаго яснаго уразумѣнія природы. Онъ доказываетъ, что мышленіе необходимо проходитъ по этимъ тремъ ступенямъ, начиная съ теологическаго метода и кончая позитивнымъ, который основанъ на сознаніи неизмѣнныхъ законовъ, управляющихъ природою. Метафизическій методъ служитъ соединительнымъ звеномъ двухъ крайностей, сохраняя

* Не такъ смотрятъ на Конта французы, какъ извѣстно, плохіе знатоки въ исторіи философіи. Такъ же поверхностно взглянулъ, въ этомъ отношеніи, на Конта и извѣстный Лотре, издавшій въ прошломъ году цѣлый объемистый томъ о позитивизмѣ *своего учителя*—такъ Лотре вездѣ называетъ Конта. Ему кажется, что до Конта никто не имѣлъ понятія о томъ, что такое позитивизмъ.
Ред.

однакоже свою самостоятельность. Эта общая теорема дополнена у него подразделениемъ теологическаго метода на фетишизмъ, полиеизмъ и моноеизмъ, послѣдовательность которыхъ обусловливается постепеннымъ усиленіемъ двухъ другихъ способовъ мышленія, прокладывающихъ путь къ своему преобладанію. Это обобщеніе ихъ составляетъ самую фундаментальную часть теоріи Конта. Здѣсь собственно находится ключъ ко всѣмъ его мыслямъ и выводамъ. Онъ съ нѣкоторой досадою отвергаетъ догматическій атеизмъ, и даже въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій говоритъ, что люди, признающіе причиною созданія вселенной определенное намѣреніе, поступаютъ несравненно рациональнѣе тѣхъ мыслителей, которые допускаютъ гипотезу о происхожденіи міра вслѣдствіе какого-то безотчетнаго механизма. Мало этого: онъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ смотритъ на пользу, оказанную человѣчеству христіанской религіею и церковью. Рѣшительно ни одинъ философъ не отзывался съ такимъ безпредѣльнымъ уваженіемъ о заслугахъ духовенства на поприщѣ мировой цивилизаціи, съ какимъ говоритъ о нихъ Огюстъ Контъ. Его похвалы, думаетъ Милль, могутъ показаться слишкомъ преувеличенными даже англичанамъ, этимъ заклятымъ врагамъ атеизма. Но, повторяемъ, въ первыхъ его произведеніяхъ есть мысли, отъ которыхъ самъ онъ отрекся впоследствии. Потому-то, говоря о позитивизмѣ Конта, надобно быть очень осторожнымъ и, прочитавъ одну его книгу, не торопиться выводить о немъ общихъ заключеній. Онъ сознается, что дѣйствительное начало всего сущаго неизвѣстно человѣку, и что мы лишены возможности отыскать эту тайну, потому что она превышаетъ средства и силу нашего разума. Позитивизмъ не требуетъ отрицанія сверхъестественнаго; онъ отсылаетъ только этотъ вопросъ къ началу всѣхъ вещей. Если міръ безначаленъ, то его происхожденіе должно быть сверхъестественно: законы природы не объясняютъ своего собственнаго происхожденія. Позитивный мыслитель не лишенъ свободы вѣрить общими преданіямъ человѣческаго рода. Хотя опіиона ихъ и составляетъ одинъ изъ вопросовъ позитивной философіи, однакоже послѣдователи ея могутъ думать о предметахъ, недоступныхъ положительному изслѣдованію, каждый по своему. Эта философія утверждаетъ только, что въ кругу существующаго порядка вселенной, или точнѣе—извѣстной намъ части ея, ближайшія причины всякаго явленія имѣютъ не чудесный, но естественный характеръ. Этой теоріи не противорѣчатъ ни мысль о созданіи міра, ни вѣра въ Бога, постоянно-управляющаго міромъ по законамъ, имъ же созданнымъ, которые, будучи не въ состояніи измѣнить сами себя, могутъ однакоже быть из-

мѣнены другими законами, Богомъ же предписанными. Каждый изъ насъ, если только признаемъ мы всѣ явленія частями неизмѣннаго порядка, необходимыми результатами предшествовавшихъ условій, принадлежитъ къ числу послѣдователей позитивной философіи, независимо отъ того, раздѣляетъ онъ или нѣтъ традиціонныя убѣжденія о началѣ всего сущаго.

Общее, такъ-сказать, инстинктивное стремленіе ума заключается въ уподобленіи всѣхъ дѣйствующихъ силъ природы одной изъ нихъ, ясно-понятой. Съ каждымъ предметомъ, который дѣйствуетъ повидимому произвольно, не подчиняясь постороннему влиянію, люди соединяютъ понятіе о жизни, волѣ, сознаниіи. Самое простое наблюденіе доказываетъ имъ, что многіе предметы, при данныхъ условіяхъ, дѣйствуютъ одинаково. Вслѣдствіе этого человекъ соединяетъ ихъ въ группы и объясняетъ однообразныя дѣйствія влияніемъ одной воли, проявляющейся во всѣхъ этихъ предметахъ. Но такъ-какъ ихъ много, то отсюда выводится заключеніе, что воля эта существуетъ отдѣльно отъ нихъ, что она принадлежитъ незримому существу, которое управляетъ предметами, находясь въ неопредѣленномъ отъ нихъ разстояніи. Сколько разнообразныхъ видовъ дѣйствующихъ предметовъ, столько и незримыхъ волей, управляющихъ ими. Это — многобожіе. Оно, какъ доказываютъ наблюденія надъ неграми, бываетъ слито отчасти съ фетишизмомъ, или обототвореніемъ отдѣльныхъ предметовъ, напримѣръ, рѣки, горы и т. д. Боготвореніе земли (Tellus или Pales) и нѣкоторыхъ другихъ планетъ удерживалось въ періодъ полиэизма. При полномъ развитіи греческой мнѳологіи, солнцу и лунѣ приносились жертвы, какъ богамъ, существовавшимъ прежде Зевеса и его потомковъ, которые произошли отъ древнѣйшей династіи титановъ. Поклоненіе звѣздамъ Контъ признаетъ формою фетишизма, переживающею другіе виды его, потому что эти свѣтила, будучи недоступны человѣку, долге другихъ предметовъ скрываютъ отъ него свою неодушевленность.

По мѣрѣ ослабленія фетишизма, въ сферу теологическаго взгляда на природу начинаетъ врываться метафизическій или отвлеченный образъ мышленія. Какъ скоро отдѣльный предметъ перестаетъ управлять независимо самъ собою, и вмѣстѣ со всѣмъ родомъ или видомъ своимъ подчиняется волѣ незримаго существа, которое находится внѣ его, то вслѣдъ за этимъ убѣжденіемъ является мысль о невозможности управлять очень издалека огромнымъ числомъ разбросанныхъ предметовъ безъ существованія между господствующими силами и подчиненной имъ природою какой-либо среды, хотя бы незримо соединяющей ихъ. Пред-

разсудокъ, не позволявшій Ньютону допустить возможности имѣ же открытаго закона тяготѣнія безъ эфира, который, наполняя пустоту, передавалъ бы планетамъ силу ихъ взаимнаго притяженія—этотъ же самый предразсудокъ, торжественно изобличающій несовершенство человѣческаго ума, подсказалъ людямъ, что боги должны имѣть *что* посредствующее между своей личностью и подвластными имъ предметами, для подчиненія послѣднихъ влiанiю своего могущества. Когда была признана необходимость называть это воображаемое *что*, его назвали «природою предметовъ, ихъ сущностью, силами», и другими, столько же неопредѣленными словами. Такимъ образомъ фетишизмъ, полнѣеимъ и метафизическiй или отвлеченный взглядъ на природу смѣшались еще въ раннiй перiодъ развитiя ума, тогда какъ мысль о существованiи неизмѣнныхъ законовъ, составляющая позитивный способъ мышленiя, медленно возникала изъ-подъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ опытъ и наблюденiе открывали въ разныхъ группахъ физическихъ предметовъ законы, дѣйствительно управляющiе природою. Накопившаяся исподволь масса положительныхъ знанiй была главной причиною перехода мысли отъ многобожiя къ монотеизму.

Переходъ этотъ совершился, безъ сомнѣнiя, очень медленно. Понятiе о единствѣ природы, неразлучное съ мыслью о единой волѣ, которая управляетъ вселенною, по мнѣнiю Конта, нисколько не принадлежитъ къ числу самыхъ простыхъ, натуральныхъ убѣжденiй. Человѣкъ доходитъ до этого понятiя послѣ долгаго перiода разныхъ предположенiй, потому что видимый порядокъ вещей ведетъ умъ его къ мысли о разрозненной самостоятельности физическихъ явленiй и о господствѣ надъ ними многихъ, независимыхъ другъ отъ друга силъ. Американскiе индiйцы вѣруютъ, напримѣръ, въ «великаго духа», но въ этомъ вѣрованiи многобожiе перемѣшано съ остатками фетишизма. Когда монотеизмъ, подъ видомъ высочайшей формы своей — христiанской религiи, проникъ изъ маленькаго уголка Азiи, гдѣ въ продолженiе многихъ вѣковъ существовалъ онъ, къ грекамъ и римлянамъ, то усвоенное проповѣдниками истинной вѣры понятiе о дьяволахъ, чрезвычайно облегчило имъ путь къ распространенiю христiанства. Новообращаемые не разставались окончательно съ вѣрою въ прежнихъ, мифологическихъ боговъ, но только обращали ихъ въ демоновъ, безсильныхъ противиться истинному Богу. Примѣръ подобнаго паденiя политеизма представляетъ русская демонологiя. Простой народъ до сихъ поръ вѣритъ у насъ въ существованiе домовыхъ, лѣшнихъ, вилкоморъ, но считаетъ теперь этихъ прежнихъ боговъ вечной силою, отъ навожденiй которой можно избавиться крест-

нимъ знаменіемъ, или молитвой, обращенною къ Богу. Еще долго до христіанства, всѣ мѣстныя божества покоренныхъ римлянами варваровъ подчинялись патронамъ римской республики. Вообще въ римской имперіи порядъ началомъ христіанской проповѣди вѣра въ идоловъ чрезвычайно ослабла. Этому способствовало преимущественно практическое чутье, убѣждавшее въ неизмѣнности законовъ природы. Вѣра въ единого Бога идетъ рядомъ съ этимъ убѣжденіемъ, тогда какъ многобожіе рѣшительно противорѣчитъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, открывая взаимную связь между разнородными явленіями природы, человѣкъ не могъ допустить общей гармоніи въ ея дѣйствіяхъ при существованіи многихъ боговъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ власть исключительно въ своемъ только удѣлѣ. При такомъ условіи, между ними должны были происходить столкновенія, вражда, и, вслѣдствіе этого, постоянный беспорядокъ въ природѣ. Тогда какъ понятіе о единой и притомъ всемогущей волѣ, безконтрольно правящей вселенною, допускало, напротивъ, мысль какъ о ея неизмѣнности въ отношеніи къ самой себѣ, такъ и о постоянствѣ законовъ, назначенныхъ ею для управленія природою. Греки и римляне въ началѣ христіанской эры достигли уже той степени умственного развитія, которая допускаетъ предположеніе относительно ихъ способности къ вѣрѣ въ единого Бога. Геометрія, доведенная ими до высокой степени совершенства, ознакомила образованные умы съ понятіемъ о неизмѣнныхъ законахъ. Логическій анализъ процесса мышленія, установленный Аристотелемъ, доказалъ подобное однообразіе законовъ въ области умственной дѣятельности. Астрономическія наблюденія достигли той точности, на основаніи которой можно было предсказывать нѣкоторые явленія въ солнечной системѣ. Хотя общее изученіе законовъ природы находилось еще въ младенческомъ состояніи, однако же многіе подмѣченные факты намекали ясно на ихъ неизмѣнность. При такомъ прогрессѣ ума, вѣра въ цѣлый сонмъ боговъ была рѣшительно невозможна. Жрецы хорошо понимали окончательный исходъ позитивнаго направленія умственной дѣятельности, и потому, когда философи, въ позднѣйшій періодъ полнелѣзья, вздумали объяснить физическія явленія физическими причинами, ихъ доктрины были признаны кощунствомъ, оскорбленіемъ боговъ. Анаксагора изгнали, Аристотель подвергался большой опасности, а Сократъ былъ осужденъ на смерть. Понятно, что послѣ этого философи ради были развязаться съ олимпійскими богами и мифологическими сказками, которыя не позволяли имъ шагнуть впередъ. Итакъ, метафизическій и позитивный методы мышленія, врывшись въ теологическій взглядъ человѣчества на природу, способствовали не-

рекоду ума отъ идолопоклонства и многобожія къ вѣрѣ въ еди-наго Бога.

Нѣкоторые ученые отвергаютъ возможность одновременнаго существованія этихъ трехъ видовъ мышленія, настаивая на ихъ послѣдовательномъ явленіи другъ за другомъ. Но Контъ твердо убѣжденъ, что всѣ они, хотя и не въ равной степени, существовали еще въ до-исторической періодъ, и продолжаютъ существовать въ настоящее время. Если же умъ нашъ долженъ такъ или иначе пройти непременно по этимъ тремъ ступенямъ, то все же различныя отрасли его, никогда неидущія мѣрнымъ шагомъ, не въ состояніи дружно и одновременно подниматься съ одной ступени на другую. Необходимо допустить нѣкоторый порядокъ для перехода различныхъ наукъ изъ одной сферы мышленія въ другую. Контъ совершенно понялъ необходимость такой послѣдовательности, и, согласно съ нею, расположилъ науки. Такъ-какъ въ его философіи, класификація играетъ вообще очень важную роль, то составленную имъ систему взаимнаго отношенія наукъ нельзя оставить безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что она вполне заслуживаетъ его.

Прежде всего онъ раздѣляетъ науки на отвлеченныя и конкретныя, или на чистыя и прикладныя. Первые занимаются объясненіемъ общихъ законовъ, которые, управляя элементарными явленіями, могутъ однакоже имѣть иной характеръ взаимнаго соединенія, сравнительно съ тѣми комбинаціями, какія даны имъ самой природою. Прикладныя же науки занимаются, напротивъ, особенными, частными сочетаніями дѣйствительно-существующихъ фактовъ. Напримѣръ, физика и химія объясняютъ, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ могутъ образовываться физическіе предметы, и какіе должны быть способы и слѣдствія ихъ химическаго соединенія. Минералогія же имѣетъ дѣло только съ агрегатами и комбинаціями, дѣйствительно-находящимися въ природѣ, не касаясь того, что можетъ быть произведено исключительно въ лабораторіи. Очевидно, что первыя двѣ науки — чистыя, а послѣднія — прикладная. Такъ же точно, объясняемые физиологіей законы организаціи и жизни относятся не только въ существующихъ на землѣ животнымъ и растеніямъ, но и въ такимъ видамъ ихъ, которые могутъ существовать; тогда какъ зоологія и ботаника ограничиваются предметами органической природы, дѣйствительно-находящимися на нашей планетѣ. Развитіе прикладныхъ наукъ совершается медленно, не потому, чтобы предметы, которыми занимаются онѣ, узнавались поздно — напротивъ, ихъ изучаютъ рагѣе, какъ необходимыя данныя для вывода отвлеченныхъ законовъ — но потому, что на изученіи небольшого числа

отдѣльныхъ предметовъ природы, нельзя основать теоріи конкретныхъ явленій. Необходимо узнать прежде общіе законы, уравниющіе дѣльными группами однородныхъ фактовъ. Но такъ-какъ законы эти до сихъ поръ только отчасти извѣстны намъ, то, слѣдовательно, при современной неполнотѣ чистыхъ наукъ, прикладныя науки, за исключеніемъ астрономіи, такъ далеки отъ совершенства, что ихъ можно назвать только систематическимъ сборомъ матеріаловъ по разнымъ отраслямъ будущей конкретной теоріи. Вслѣдствіе этого, оставя ихъ въ сторонѣ, Огюстъ Контъ занялся классификаціею только чистыхъ наукъ, которыя расположены у него на основаніи возрастающей сложности входящихъ въ нихъ элементовъ, такъ что каждая послѣдующая наука зависитъ отъ истинъ всѣхъ предшествующихъ ей наукъ, дополняя объясненные ими законы своими собственными истинами.

Классификація начинается математикой. Числовыя истины вѣрнѣе другихъ, притомъ же онѣ основаны на своихъ собственныхъ законахъ. Поэтому, ариметика и алгебра могутъ быть изучаемы безъ отношенія къ какимъ бы то ни было другимъ отраслямъ вѣдѣнія. Геометрическія истины предполагаютъ знакомство съ числовыми правилами и, сверхъ того, объясняютъ особый родъ законовъ, относящихся къ формамъ протяженныхъ тѣлъ, не вдаваясь въ дальнѣйшихъ знаніяхъ. Отсюда геометрія можетъ быть изучаема независимо отъ всѣхъ другихъ наукъ, за исключеніемъ теоріи чиселъ. Далѣе слѣдуетъ рациональная механика, для которой, кромѣ истинъ, добытыхъ алгеброй и геометрией, необходимо объясненіе собственно ей принадлежащихъ законовъ равновѣсія и движенія. Три предъидущія науки даютъ средство для развитія астрономіи, объясняющей сверхъ того законъ тяготѣнія. Математика и астрономія становятся вспомогательными науками физики, потому что всѣ физическія явленія находятся подъ вліяніемъ движеній земли и небесныхъ тѣлъ. Затѣмъ идутъ химія, фивіологія, и наконецъ наука, объясняющая условія общественной жизни человѣчества или социологія.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что чѣмъ сложнѣй наука, чѣмъ больше вспомогательныхъ знаній требуетъ она, тѣмъ менѣе удовлетворительно ея современное состояніе. Сверхъ того Контъ доказываетъ, что всѣ онѣ должны пройти по тремъ ступенямъ развитія человеческой мысли, и что въ то время, когда нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ уже позитивный характеръ, другія все еще продолжаютъ придерживаться метафизическаго и даже чисто-теологическаго направленія. Математика, напимѣръ, едва-ли при самомъ появленіи своемъ находилась подъ вліяніемъ теологическаго взгляда на природу, потому что вѣроятно никто не приписыв-

валъ волѣ боговъ тѣхъ препятствій, которыя не позволяютъ встрѣтиться двумъ паралельнымъ линіямъ, или не быть разности меньше уменьшаемаго числа. Также ни одинъ народъ не поклонялся богу тяжести или вѣса. Не то было съ астрономіею. Небесныя тѣла признавались прежде богами, потому что правильность ихъ движенія объяснялась метафизически, именно—стремленіемъ природы къ совершенствованію. Даже Кеплеръ былъ нечуждъ этой мысли. Математика до сихъ поръ не освободилась отъ вліянія метафизики: въ ней все еще есть воображаемыя величины, безконечное, безконечно-малыя и т. д. Современные химики признаютъ какое-то *сродство*, вслѣдствіе котораго происходитъ будто-бы химическое соединеніе тѣлъ. Фیزیологическая школа Овена и возникшій во Франціи анимизмъ Стала почти такъ же метафизичны, какъ философія Гегеля. Самая сложная изъ всѣхъ наукъ, соціологія, находится въ настоящее время подъ вліяніемъ теологическаго и метафизическаго способовъ мышленія. Вывести ее изъ этого застоя, дать ей чисто-позитивный характеръ—вотъ что было главной задачею Конта, и онъ думалъ, что рѣшилъ ее. Инициатива принадлежитъ не ему. Монтескьё, Макіавелли, Адамъ Смитъ, всѣ политико-экономисты, равно какъ и Бенгамъ съ своими послѣдователями раздѣляли убѣжденіе въ постоянствѣ законовъ, на которыхъ основаны соціальныя явленія, и стремились открыть и уяснить ихъ. Но ни одинъ изъ мыслителей—говоритъ Милль—не можетъ сравниться съ Огюстомъ Контомъ въ выборѣ методовъ, ведущихъ къ открытію этихъ законовъ. Онъ далъ соціологій ту строго-научную форму, вслѣдствіе которой за истинами, столь же необходимыми для этой науки, какъ законъ тяготѣнія для астрономіи, можно слѣдить до ихъ конечнаго результата. Съ этой цѣлью составилъ онъ классификацію всѣхъ предшествующихъ соціологій наукъ съ такимъ искусствомъ, которое ставитъ его въ разрядъ величайшихъ умовъ нашего времени, если бы даже не написалъ онъ ничего больше. Контъ развилъ философію пяти главныхъ наукъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, что Джонъ Милль—по его собственному сознанію—всякій разъ, когда случится ему заглянуть въ сочиненія французскаго философа, не можетъ не удивляться той силѣ и ясности ума, которыя обнаружены имъ даже въ слабѣйшей части его изслѣдованій, въ той книгѣ, гдѣ разсуждаетъ онъ о химіи и біологій, наукахъ, сдѣлавшихъ въ послѣднее время такіе успѣхи, что мысли, высказанныя Контомъ много лѣтъ назадъ тому, кажутся теперь слишкомъ устарѣлыми.

Философіею науки называется ея собственная логика, касающаяся не результатовъ, добываемыхъ наукою, но только тѣхъ

средствъ, которыя способствуютъ ей достигать ихъ. Она состоитъ изъ двухъ частей: методовъ изслѣдованія, и качествъ или условій доказательства. Контъ занимался преимущественно первой частью, и едва-ли кто превзошелъ его на этомъ поприщѣ умственной дѣятельности. Главный недостатокъ его теоріи заключается въ томъ, что онъ, объяснивъ вѣрный путь въ изысканію результатовъ, не показалъ способа, при помощи котораго могли бы мы увѣриться, что результатъ, достигнутый нами, дѣйствительно вѣренъ. Относительно дедукціи, онъ не признаетъ силлогистической системы Аристотеля, и ничего не предлагаетъ въ замѣнъ ея. Отвергая законность гипотезы, недоказываемой фактами, онъ, стало-быть, сознаетъ необходимость индуктивнаго доказательства; но, не опредѣляя ни одного изъ нихъ, онъ какъ-бы отрицаетъ самую проблему логики. Сначала говоритъ онъ, что методъ можетъ быть изучаеми въ самомъ актѣ его приложенія, и что изученіе логики, то-есть философіи всякой науки, можетъ принести пользу только при близкомъ знакомствѣ съ этой наукою. Но впоследствии онъ принимаетъ уже болѣе отрицательный тонъ и называетъ химерою самую идею чистой логики. Это—безъ сомнѣнія, ошибка; въ которой сознался потомъ Контъ, но тѣмъ не менѣе имъ сдѣлано все, что можетъ отбить охоту у другихъ мыслителей въ дополненію этой части позитивной философіи. Не разъ говорилъ, что онъ отвергаетъ изслѣдованіе причинъ. Однакоже это не совсемъ вѣрно. Контъ не касается только начального происхожденія предметовъ, отличая отъ него ближайшія, такъ-называемыя физическія причины. Впрочемъ, самое слово «причина» не нравится ему. Онъ говоритъ только о законахъ послѣдовательности, и такимъ образомъ, отнявъ у себя слово, имѣющее положительно-опредѣленный смыслъ, онъ затемнилъ понятіе, которое выражаетъ оно, и лишилъ себя способности уразумѣть индуктивную логику, основанную на этомъ понятіи. Вообще его философія химія наполнена противорѣчіями, которыхъ, казалось бы, нельзя было ожидать отъ такого свѣтлаго и положительнаго ума. Онъ требуетъ, на примѣръ, неограниченной свободы гипотезъ, удовлетворяющихъ законную склонность нашего разума, который инстинктивно стремится къ простотѣ и общности понятій. «Самая философская точка зрѣнія—говоритъ онъ—указываетъ на такое объясненіе законовъ вѣшняго міра, которое могло бы удовлетворить существенныя склонности нашего разума». Подъ словами «существенныя склонности» онъ разумѣетъ не только «наше инстинктивное пристрастіе къ порядку и гармоніи», но также чувство изящнаго «les convenances purement esthétiques». Очевидно, что это противорѣчатъ и его обращенію отъ гипотезъ и существен-

нымъ началась позитивной философіи. Здѣсь видно уже начало того переворота въ убѣжденіяхъ, который совершился въ позднѣйшій періодъ жизни Огюста Конта. Онъ отвергаетъ также возможность психологическихъ наблюденій надъ умственной дѣятельностью. Психологія возбуждаетъ въ немъ презрѣніе; онъ не включилъ ее даже въ число наукъ. О нравственныхъ и умственныхъ отправленияхъ онъ говоритъ въ біологіи, смотря на нихъ съ фізіологической точки зрѣнія. Онъ думаетъ, что человѣкъ можетъ приобрести познанія объ умѣ только при помощи наблюденій надъ другими людьми. Наблюдая за собою—говоритъ Контъ—мы можемъ узнать кое-что о чувствахъ, но объ умѣ ровно ничего не узнаемъ, потому что онъ неспособенъ слѣдить самъ за собою, или производить наблюденія надъ тѣмъ, какъ наблюдаетъ онъ, изучать законы мысли во время самаго акта мышленія; да еслибы умъ нашъ и былъ способенъ къ этому, то вниманіе, обращенное имъ на свою собственную дѣятельность, уничтожило бы предметъ наблюденія, превративъ наблюдаемый процессъ. Но, во первыхъ, Контъ не объясняетъ, какимъ образомъ могли бы мы производить наблюденія надъ умственной дѣятельностію другихъ людей и объяснять ее признавая, не ознакомясь съ ихъ значеніемъ посредствомъ опыта надъ процессомъ своего собственнаго мышленія. Вовторыхъ, Кардельякъ и Гамильтонъ доказали, что умъ нашъ не только можетъ отдавать отчетъ себѣ въ нѣсколькихъ впечатлѣніяхъ, но и одновременно слѣдить за ними. Втретьихъ, намъ дана возможность помнить все, не исключая и самого процесса мышленія. Слѣдовательно, мы можемъ прослѣдить подробности этого акта вслѣдъ за его прекращеніемъ, когда воспоминавіе о немъ свѣжо еще. Итакъ, эти простые факты разрушаютъ всѣ доказательства Конта. И что же въ замѣтъ прямого умственнаго наблюденія надъ нашими «моральными и интеллектуальными отправлениями» предлагаетъ онъ? Сказать обвѣстно—френологію! Конечно, съ оговорками. Но дѣло въ томъ, что новѣйшія фізіологическія изслѣдованія доказали положительно несостоятельность френологическихъ гипотезъ. Впрочемъ, еслибы онѣ и были вѣрны, то все же психологическое наблюденіе осталось бы необходимымъ, потому что нельзя опредѣлять взаимнаго отношенія двухъ предметовъ, производя опыты только надъ однимъ изъ нихъ. Для установленія правильнаго понятія объ отношеніи между дѣятельностію ума и фізіологіею мозга, необходима не только параллельная система наблюденій надъ каждымъ изъ нихъ, но—въ чемъ согласенъ отчасти и самъ Контъ—анализъ умственныхъ способностей «des diverses facultés élémentaires», безъ всякаго отношенія къ физическимъ условіямъ. Это необходимо потому, что

теоретическое доказательство должно заключаться въ соответственномъ раздѣленіи мозга на органы, и ума на способности, каждаго порознь, а такой анализъ требуетъ высокаго развитія психологіи, какъ науки. Этотъ капитальный промахъ Конта не есть частный недостатокъ; онъ ведетъ его къ серьезнымъ ошибкамъ, какъ автора социальной науки.

Послѣ этихъ замѣчаній, относящихся вообще къ позитивной философіи французскаго мыслителя, Милль приступаетъ къ разбору общахъ началъ его социологіи.

Огюсть Контъ относитъ политическія убѣжденія теоретиковъ къ теологическому и метафизическому способамъ мышленія. Люди, усвоившіе первый методъ, основываютъ свои доктрины на божескихъ предписаніяхъ; метафизики строятъ ихъ на отвлеченныхъ началахъ. Однакоже, оба эти метода имѣютъ здѣсь не то значеніе, какъ въ наукахъ, объясняющихъ неорганическую природу. Въ социологіи прилагаются они къ обязанностямъ и образу дѣйствій человѣка, а не къ происхожденію самыхъ фактовъ. Школы, усвоившія эти направленія, утверждали, что нравственныя правила и даже политическія учрежденія были не средствами къ достиженію общаго блага, но слѣдствіями естественнаго права. Такъ думали преимущественно въ странахъ, гдѣ публицисты основывали свои идеи на римскомъ правѣ. Законодатели западной континентальной Европы слѣдовали по стопамъ римскихъ юристовъ, которые руководствовались мыслями греческихъ метафизиковъ, признававшихъ источникомъ нравственной правды и несправедливости воображаемые законы какой-то фантастической природы. Этотъ образъ мыслей достигъ высшаго развитія въ головѣ Руссо и сдѣлался столь же могучимъ орудіемъ разрушенія, какъ и бессильнымъ средствомъ къ созданію. Французская революція осуществила на практикѣ торжество этой теоріи тоже на короткое время. Контъ разсматриваетъ поочередно всѣ главныя доктрины революціонныхъ политическихъ школъ и признаетъ ихъ годными только для нападенія на прежнюю социальную систему. Постоянной твердости общественныхъ истинъ онъ не находитъ ни въ одной изъ нихъ. Защищая свободу личнаго убѣжденія, онъ, однакоже, востаетъ рѣшительно противъ пессимистическихъ людей, которые осмѣливаются рѣшать серьезные вопросы; сильно-интересующіе общественное мнѣніе. «Въ астрономіи, физикѣ, химіи, даже физиологіи свободы убѣжденія не существуетъ — говоритъ онъ. Недовѣріе со стороны массы общества къ началамъ, установленнымъ въ этихъ наукахъ знатоками ихъ, сочлось бы сумасбродствомъ. Если же мы видимъ противоположное въ политикѣ, то причина такого вольнодумства объясняется

шатостью мнѣній, которыя не успѣли еще установиться». Поэтому, практическое рѣшеніе социальныхъ вопросовъ судомъ общественнаго мнѣнія, онъ признаетъ противнымъ здравому смыслу. Какъ скоро, думаетъ онъ, каждый человѣкъ будетъ считать себя компетентнымъ судьей въ самыхъ трудныхъ социальныхъ вопросахъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякій станетъ признавать себя способнымъ къ занятію высшихъ общественныхъ должностей, и такимъ образомъ конкуренція на власть и наиболѣе видныя мѣста будетъ испадать постепенно на низшіе уровни умственныхъ способностей. Отсюда онъ выводитъ заключеніе, что человѣчество въ нравственныхъ и политическихъ вопросахъ, еще болѣе, нежели при рѣшеніи математическихъ и физическихъ задачъ, должно быть руководимо малымъ числомъ умовъ высшаго разбора, хорошо приготовленныхъ къ этой профессіи, и что, при законномъ дозволеніи дебатовъ, попытка второстепеннаго ума контролировать ихъ заключенія должна быть признаваема непростительнымъ посягательствомъ на обще-уважаемые авторитеты. Впрочемъ, Контъ далекъ отъ мысли подчинить ихъ вліанію необразованный народъ. Онъ вмѣняетъ въ обязанность обществу, чтобы каждый членъ его, достигшій совершеннѣтїа, мужчины и женщины, прошли полный курсъ всѣхъ наукъ. Возставая противъ революціонныхъ школъ, которыя говорятъ обыкновенно только о томъ, чего не должно быть, онъ отвергаетъ доктрину, отнимающую у правительства право на какую бы то ни было инициативу общественнаго прогресса, называя это мнѣніе чисто-метафизическимъ. Хотя Контъ отрицаетъ возможность безусловныхъ истинъ въ политическомъ искусствѣ, однакоже *laissez-faire*, *laissez-passer* признаетъ столько же непрактичною, какъ и неоснованною на научныхъ началахъ доктриною. Мысль о равенствѣ также противна ему. Родъ человѣческій, замѣчаетъ онъ, дѣйствию съобща, сложился въ группы сообразно съ отношеніемъ къ неравенству способностей, которое требуетъ подчиненія однихъ лицъ другимъ. Милль не отвергаетъ справедливости этой мысли, но спрашиваетъ: «Если же народъ достигнетъ той степени цивилизаціи, которая дастъ возможность составнымъ единицамъ его размѣститься въ другомъ порядкѣ, болѣе выгодномъ для ихъ общихъ интересовъ и болѣе согласномъ съ неравенствомъ ихъ способностей, останется ли онъ доволенъ той классификаціею, какая дана ему общественными учрежденіями?» На этотъ практическій вопросъ не отвѣчаетъ социологія Конта. Она не доказываетъ также, чтобы сторонники доктрины «*laissez-passer*» не были изъ двадцати девятнадцать разъ ближе къ истинѣ, чѣмъ враги ея. Контъ критикуетъ—и по большой части справедливо—

неудачныя усилія нѣкоторыхъ мыслителей дать соціальной наукѣ позитивный характеръ. Онъ жестоко нападаетъ на политическую экономію, называя ее отраслью метафизики и т. д. Но стоитъ прочесть нѣсколько страницъ его критики, чтобы убѣдиться, какъ мало знакомъ онъ съ этой наукою. Одно только замѣчаніе имѣеть нѣкоторую цѣну. Онъ говоритъ, что изученіе поровнь условій народнаго богатства нераціонально, потому что разнообразныя виды общественныхъ явленій, взаимно дѣйствующіе другъ на друга, не могутъ быть понаты вѣрно, если стануть брать ихъ поодиначѣ. Это, по его мнѣнію, не доказываетъ, впрочемъ, невозможности полезнаго обобщенія матеріальныхъ и промышленныхъ фактовъ соціальной жизни, даже въ ихъ отвлеченномъ видѣ, но дѣло въ томъ, что эти обобщенія должны сообразоваться съ данною формою цивилизаци и съ данною степенью общественнаго прогресса.

Ознакомясь съ тѣмъ, что называетъ Милль ключомъ къ позитивной философіи Огюста Конта, мы, слѣдуя за нимъ, должны были бы приступить теперь къ разбору собственной социологіи французскаго мыслителя, но это мы отложимъ до другого раза. Теперь же, не утомляя подробностями вниманія читателя, мы представимъ здѣсь только практическій результатъ ученыхъ трудовъ Конта, или — другими словами — очеркъ созданнаго имъ идеала общественнаго устройства.

Онъ прежде всего предполагаетъ корпорацию философовъ, получающихъ умѣренное содержаніе отъ государства, окруженныхъ общимъ уваженіемъ, но неимѣющихъ никакой политической власти и лишенныхъ средствъ къ обогащенію. Единственное занятіе ихъ заключается въ общемъ направленіи народнаго образованія. Имъ нетолько предоставлено право и даже вмѣнено въ обязанность давать совѣты всѣмъ гражданамъ, и заботиться о поддержаніи нравственныхъ началъ въ семейной жизни и общественной дѣятельности, но также контролировать занятія ученыхъ людей, для того, чтобы они не тратили времени на труды, бесполезныя человѣчеству. Правительство состоитъ изъ аристократіи капиталистовъ, значеніе и власть которыхъ соотвѣтствуютъ вообще качеству ихъ умственныхъ способностей, и объему производимыхъ ими операций. Въ первомъ ряду находятся банкиры, потомъ слѣдуютъ корифеи торговаго и промышленнаго сословія, и, наконецъ, земледѣльческій классъ. Никакой представительной системы или другой народной силы, могущей ограничивать правительственную власть, не допускается. Ея злоупотребленія должны предупреждаться духовнымъ вліяніемъ философовъ, то-есть ихъ совѣтами и указаціями, равно какъ неограниченной свобо-

дою народа разсуждать гласно о дѣйствіяхъ правительства. Въ проектѣ Конта мало говорится о способахъ исполненіи обвѣнными властями возложенныхъ на нихъ обязанностей, но общая мысль заключается въ томъ, чтобы дать философамъ такое вліяніе на всѣхъ гражданъ безъ исключенія, вслѣдствіе котораго законъ былъ бы по возможности совсѣмъ ненуженъ. Личная свобода составныхъ единицъ народной массы нисколько не входитъ въ ображенія Конта. Онъ смотритъ на нее съ нетерпимостью школьнаго педагога, или официального цензора совѣсти. Всякій отдѣльный поступокъ человѣка въ кругу домашней или общественной жизни долженъ быть доступенъ всевидящему оу публики и отличатся характеромъ, заслуживающимъ похвалы и одобренія философовъ.

Милль замѣчаетъ, что мысли, которыя довели автора «Позитивной философіи» до такого практическаго результата, могутъ показаться нестоящими труда серьезно заниматься ими, но что это мнѣніе было бы несправедливо. Хотя Контъ не сдѣлалъ ничего такого для соціологіи, чего не надо было бы улучшить или передѣлать, однакоже, несмотря на то, онъ сильно двинулъ впередъ эту науку и сдѣлалъ возможнымъ ея созданіе. Вѣроятно, слава Огюста Конта была бы громче и прочнѣе, еслибы, указавъ путь къ построенію соціологіи на позитивныхъ началахъ, онъ не считалъ себя дѣйствительнымъ творцомъ ея, и не думалъ бы, что цѣлое зданіе политическаго искусства можетъ быть сложено изъ тѣхъ данныхъ, которыя выработаны имъ и его предшественниками.

Считаемъ излишнимъ упомянуть въ заключеніе, что Контъ составилъ нѣчто въ родѣ позитивнаго календаря, въ которомъ каждый день года соединенъ съ именемъ одного главнаго и нѣсколькихъ второстепенныхъ благотворителей человѣчества. Въ немъ пропущены только имена, принадлежащія знаменитостямъ въ сферѣ отрицанія и разрушенія. На этомъ основанія сюда не вошли французскіе философы и протестантскіе религіозные реформаторы. Вольтеръ и Дидро включены въ число благодѣтелей рода человѣческаго, разумѣется, не какъ философы.

Е. В—въ.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

РОМАНЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ.

VIII.

Мы видѣли, что сдѣлалось съ Стивеномъ Дангерфильдомъ послѣ его прибытія въ Нью-Йоркъ; бросимъ теперь взглядъ и на другихъ пассажировъ *Ассирин*. Эліотъ и Кутбертъ Бойнтонъ, сойдя на берегъ, отправились вмѣстѣ въ одинъ изъ отелей, сговорившись остаться денѣка на два въ Нью-Йоркѣ, и осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности, прежде чѣмъ ѣхать на морской берегъ. Разставаясь съ ними, Оливеръ Вернонъ очень радушно звалъ ихъ къ себѣ въ имѣніе, куда самъ тотчасъ же поѣхалъ съ семействомъ.

Женскія представительницы знаменитаго рода Ван-Донкъ, какъ только прибыли въ свой великолѣпный домъ, въ Пятой улицѣ, такъ начали суетиться и распаковывать свои чемоданы съ вывезенными прямо изъ Парижа модными нарядами, съ цѣлю выбрать необходимое оружіе для предстоящаго открытія военныхъ дѣйствій въ Нью-Портѣ. Госсамеръ же былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа; страшный Гейденсокеръ находился гдѣ-то далеко на водахъ для поправленія здоровья и еще болѣе финансовъ; освобожденный такимъ образомъ отъ мгновенной опасности даже безъ обѣщанной помощи Элайаса Стагерса, молодой человекъ смотрѣлъ съ надеждой на будущее; онъ даже написалъ цѣлостное посланіе къ миссъ Вернонъ, съ предложеніемъ руки и сердца, но еще не отсылалъ его, дожидаясь одобренія своего друга и помощника. Между тѣмъ самъ мистеръ Стагерсъ прямо полетѣлъ на биржу, гдѣ его встрѣтили съ распростертыми объятіями друзья, смотрѣвшіе на него какъ на финансоваго гения и очень уважавшіе его, несмотря на несовсѣмъ чистыя его дѣла. Максвиндль оставилъ совершенно свой планъ касательно помини негритянки, ибо онъ боялся навлечь на себя непріязнь ея покровителей, и къ тому же Кутбертъ Бойнтонъ, на помощь котораго

онъ надѣялся, очень презрительно отказался участвовать въ подобномъ дѣлѣ; потому почтенный джентльменъ, показавшись на минуту въ сродной ему атмосферѣ городской ратуши, удался въ свой любимый трактиръ, гдѣ былъ встрѣченъ громкими криками радости горстью своихъ соотечественниковъ, большинство которыхъ напоминали своей наружностью то странное зрѣлище, когда факельщики на похоронахъ подъ торжественной, грустной физиономіей, скрываютъ самыя нахальныя черты разбойника.

Спрингъ былъ героемъ минуты въ редакціи *Глашата*, гдѣ онъ рассказывалъ и описывалъ самыя удивительныя исторіи о своихъ приключеніяхъ и подвигахъ, такъ что главный редакторъ пригласилъ его обѣдать, точно также какъ и Слаймера, который имѣлъ искусство всюду втираться.

Нью-Йоркъ произвелъ на Роберта Эліота почти то же впечатленіе, какъ на большинство англичанъ, впервые пріѣзжающихъ въ коммерческую столицу Новаго-Свѣта. Все здѣсь блеститъ и сіяетъ, размышлялъ онъ:—даже слишкомъ сіяетъ для глазъ, привыкшихъ къ туманной атмосферѣ нашей родины. Бродвей, конечно, очень красивая улица—быть можетъ, красивѣе и навѣрно длиннѣе нашей Пикадили или Оксфордской, но на ней царствуетъ ужасное смѣшеніе элементовъ въ магазинахъ и во всемъ остальномъ. Гигантскіе отели слишкомъ громадны и прозачны; конечно, жертвуя подѣ ними столько мѣста, можно было бы украсить эту громаду камня и кирпича хоть тѣнью поэзіи. Магазины, безъ сомнѣнія, великолѣпны, но при первомъ взглядѣ кажется, что весь товаръ изъ кладовыхъ наваленъ на окна. И потомъ за прилавками сидятъ такіе здоровенные молодцы, что невольно спрашиваешь себя, отчего они не пахнутъ или не служатъ въ арміи? Всѣ, которыхъ встрѣчаешь на улицѣ, страшно озабочены, задумчивы и всегда впопыхахъ, всегда куда-то торопятся, что, впрочемъ, естественно: люди всегда торопятся въ коммерческихъ столицахъ. Остановитесь въ Лондонѣ противъ Банка или у Темплъ-Бара, и вы увидите то же зрѣлище, что и на Бродвее. Женщины въ Нью-Йоркѣ очень-очень хороши собою, но слишкомъ худошавы на нашъ взглядъ; притомъ онѣ очень скоро старѣютъ, говорятъ—отъ климата, но я скорѣе думаю, что отъ недостатка движенія и гимнастики. Физиономія у большинства американцевъ не очень пріятная, очертанія рта слишкомъ рѣзки, а глаза слишкомъ блестящи. Вообще имъ недостаетъ, по моему мнѣнію, артистической закваски и побольше свободнаго отъ трудовъ времени, для умственныхъ, возвышающихъ душу занятій. Женщины слишкомъ наряжаются; я, напримѣръ, видѣлъ за утреннамъ завтракомъ, одну барыню всю въ брильянтахъ! Въ Англіи бы ее сочли за

сумасшедшую, да она вѣроятно и была рехнувшись. То же можно сказать и про мужчинъ; они, кажется, и не понимаютъ, какаа разница можетъ быть между утреннимъ и вечернимъ костюмомъ. Самое неприятное здѣсь—это недостатокъ извозничьихъ кэбовъ. Чтò прикажете дѣлать безъ нихъ? Омнибусы очень неудобны в возять изъ рукъ вонъ тихо; къ тому же, сколько времени идетъ на остановки, чтобы принимать и выпускать каждаго пассажира. «Отчего же у васъ нѣтъ кэбовъ?» спрашивалъ я у американцевъ. «Владѣльцы омнибусовъ и конныхъ желѣзныхъ дорогъ очень сильно противятся этому». Но я думалъ, что это—страна свободы по промышленности, и что вы, американцы, все любите дѣлать скоро. Полсмены здѣсь превосходные и такіе видные, что мы ихъ въ Англии непременно перевели бы въ гвардію. «А зачѣмъ вы позволяете обозамъ ходить по Бродвею? отъ этого лучшая улица въ городѣ постоянно загромождена, тогда какъ обозы могли бы проходить очень спокойно по паралельнымъ улицамъ, чтò избавило бы отъ неприятнаго зрѣлища и отъ большой потери времени». Много еще подобныхъ замѣчаній дѣлалъ Робертъ Эліотъ, но всѣ они болѣе или менѣе уже извѣстны изъ сочиненій большинства англійскихъ писателей объ Америкѣ.

На другой день, послѣ обѣда, къ нашимъ молодымъ людямъ явился Стагерсъ и подбилъ ихъ отправиться въ *chateau* Ван-Донкъ.

— Вы должны познакомиться съ генераломъ, сказалъ онъ, Бойнтону:— это настоящій представитель нашей царственной столицы. Онъ ненавидитъ аболіціонистовъ хуже чумы, и стоитъ за истинные интересы страны. Вы же, прибавилъ онъ, обращаясь къ Эліоту:— желаете повидать всякаго рода американцевъ, слѣдовательно вамъ необходимо посмотрѣть на Ван-Донка. Это одинъ изъ нашихъ коммерческихъ князей; онъ дворянинъ не по происхожденію, а по природѣ.

— Я думалъ, что онъ военный, замѣтилъ Эліотъ.

— Да, онъ служитъ въ милиціи, этомъ оплотѣ нашихъ республиканскихъ учреждений. Наша регулярная армія невелика, только ядро, какъ мы выражаемся, будущей арміи. Мы—народъ практический, мистеръ Эліотъ, и вовсе не желаемъ держать большое количество войска въ мирное время. Когда у насъ война, то мы призываемъ къ ружью всю силу и мощь нашей великой націи; а чуть наступитъ миръ, мы ихъ отпускаемъ по домамъ, и они своими трудами увеличиваютъ могущество и богатство страны.

Прибывъ къ мѣсту назначенія, Эліотъ очень удивился, что дверь ничь отворилъ англійскій лакей въ ливрѣѣ.

— Это немного анти-демократически, мистеръ Стагерсъ, замѣтилъ онъ.

— Правда, и наши соотечественники надъ этимъ издѣваются, объяснилъ Стагерсъ:—но вы обязаны это дѣлать, если принадлежите къ высшему кругу. Здѣсь вѣдь не заставишь природнаго свободного американскаго гражданина надѣть ливрею, поэтому и приходится нанимать иностранцевъ, которые привыкли къ униженію и холопству. Впрочемъ, и они недолго поддаются; какъ только подышать годка два воздухомъ свободы, то и приходятъ къ тому убѣжденію, что они не хуже другихъ и сами могутъ попасть въ президенты, если будутъ ловко дѣйствовать.

— Но вѣдь кто нибудь да обязанъ исполнять должность слугъ, замѣтилъ Эліотъ:—если всѣ отказываются служить вамъ, то какъ же вы живете?

— О, постоянно прибываютъ новые поселенцы изъ Англіи, Ирландіи и Германіи; одни служатъ до тѣхъ поръ, пока имъ надоѣстъ, а тамъ ихъ замѣняютъ другіе.

— Я полагалъ, что въ свободной странѣ никакой честный трудъ не можетъ считаться униженіемъ.

— Вотъ видите, ставить одного человѣка въ зависимость отъ другаго—не въ духѣ нашей конституціи, и потому всѣ противъ этого возстаютъ. Вы знаете, у насъ всякій имѣетъ право голоса, такъ что этотъ молодецъ въ ливреѣ имѣетъ такую же точно силу, какъ самъ генераль; потому неудивительно, что несмотря на большое жалованье, онъ вскорѣ найдетъ недостойнымъ себя быть холопомъ.

— Дѣло въ томъ, Эліотъ, прибавилъ Кутбертъ Бойнтонъ:—что громадное большинство нереселенцевъ изъ Европы принадлежитъ самымъ низшимъ, необразованнымъ класамъ общества, и они не хотятъ или не могутъ видѣть разницу между необходимымъ политическимъ равенствомъ и невозможнымъ социальнымъ равенствомъ.

— Такъ зачѣмъ же давать имъ всѣ права, прежде чѣмъ они приучатся цѣнить ихъ?

— У насъ нѣтъ различій, гордо произнесъ Стагерсъ:— мы того мнѣнія, что всѣ люди свободны и равны, за исключеніемъ, конечно, негровъ.

Эліотъ ничего не отвѣчалъ на это торжественное заключеніе, и ихъ всѣхъ троицъ провели въ великолѣпную гостиную, которая, по цѣнности находившихся въ ней вещей, если не по изяществу, могла сдѣлать честь любому дворцу. Всюду глазъ только и видѣлъ пунцовый цвѣтъ и золото; мѣбель, сквозившая кое-гдѣ сквозь коричневыя холстинныя чохлы, не уступала въ роскоши стѣ-

намъ и потолку; громадная люстра ясно говорила, что когда ее зажгутъ, эта комната будетъ залита свѣтомъ. Бронзы и мраморы торчали въ каждомъ углу, а на полу лежалъ коверъ удивительнаго рисунка и толщины.

— Генеральша знаетъ толкъ, дѣластъ все на большую ногу, сказалъ Стагерсъ, пока они ждали хозяевъ:—вѣдь этотъ коверъ навѣрно стоитъ долеровъ десять аршинъ, прибавилъ онъ съ восхищеніемъ, смотря на полъ.

Молодые люди молча посмотрѣли другъ на друга, и отвернулись чтобы скрыть улыбку. Въ эту минуту отворилась дверь и мистрисъ Ван-Донкъ съ дочерью вошла въ комнату.

— Очень, очень рада васъ видѣть, господа, сказала генеральша:— это очень любезно съ вашей стороны, мистеръ Стагерсъ. А вы, я надѣюсь, совершенно здоровы, мистеръ Бойнтонъ? Какъ вы находите Нью-Йоркъ, мистеръ Эліотъ? Теперь въ городѣ такъ скучно.

— О, ужасно, произнесла Церлина Ван-Донкъ нѣжнымъ голоскомъ:— ужасно скучно.

— Всѣ наши загородомъ, прибавила Віолета тѣмъ же самымъ голосомъ и съ удивительной быстротой:— вы не увидите, какъ мы здѣсь живемъ, мистеръ Эліотъ, пока не отправитесь въ Нью-Портъ.

— Я нахожу много интереснаго въ Нью-Йоркѣ, сказалъ Эліотъ, немного смущенный этимъ вихремъ восклицаній и привѣтствій.

— Прехорошенькій узоръ, не правда ли, мистеръ Стагерсъ? сказала генеральша къ большому удовольствію Эліота, неизъяснимаго ни малѣйшаго удивленія при видѣ, что Стагерсъ, не смущаясь ничѣмъ, продолжалъ разсматривать коверъ:— я очень горжусь своимъ домомъ, прибавила она, получивъ утвердительный отвѣтъ Стагерса:— еслибъ не лакеи, то я была бы всѣмъ довольна; но эти лакеи просто бѣда и они съ каждымъ годомъ все хуже и хуже.

— Мистеръ Бойнтонъ не вѣдаетъ этого горя, воскликнула Церлина, бросая на юнаго плантатора смѣшанный взглядъ зависти и страха:— у него всегда одни и тѣ же слуги и они обязаны почтительно исполнять все, что имъ прикажутъ.

— Но они требуютъ столько заботъ и такого ухода, миссъ Ван-Донкъ, что я не думаю, чтобы вы много выиграли отъ мѣны.

— Но я слышала, что у васъ слуги иностранцы, замѣтилъ Эліотъ, обращаясь къ генеральшѣ.

— Конечно, нѣкоторые изъ нихъ. У насъ французъ поварь,

франужена горничная, шотландецъ кучеръ и англичанинъ лакей; но что касается до простыхъ служанокъ, то мы должны довольствоваться низкими, грубыми ирландками. А съ ними всегда страшная воня, онѣ годъ отъ году все болѣе зазнаются, носятъ шелковыя платья, ничего не дѣлають дѣлныи день, и грубятъ на каждомъ шагу.

— Я очень рада, что вамъ нравится Нью-Йоркъ, произнесла Виолета, обращаясь къ Эліоту:—конечно, онъ не столь *антикъ*, какъ Лондонъ, и не столь *комифо*, какъ Парижъ, но онъ все же имѣеть своего рода прелести. Вы должны непременно посмотретьъ большой отель въ Пятой улицѣ, академію, центральный паркъ, высокой мостъ и...

— Виолета, перебила ее сестра: — мистеръ Эліотъ вовсе не затѣмъ пріѣхалъ, чтобъ смотрѣть на такія вещи; онъ вѣроятно желаетъ любоваться Миссиссипи и Ніагарой, а болѣе всего познакомиться съ нашимъ высшимъ обществомъ.

— А гдѣ генералъ? спросилъ мистеръ Стагерсъ у госпожи Ван-Донкъ, тономъ живаго сочувствія: — неужели онъ еще не возвратился изъ городу?

— О, да, давно; онъ сейчасъ придетъ, а теперь занятъ въ кабинетѣ съ какимъ-то гостемъ. Все у него политическія дѣла.

— Должно быть, онъ вступитъ въ борьбу, не правда-ли? сказалъ Стагерсъ, значительно улыбаясь.

— Право, я не знаю, отвѣчала генеральша: — онъ издержалъ слишкомъ много денегъ два года тому назадъ, чтобъ снова понести тѣ же издержки; но, впрочемъ, его друзья требуютъ, чтобъ онъ явился кандидатомъ. Мистеръ Кольтъ говоритъ, что онъ настоящій представитель народа и произнесъ на прошлой недѣли очень блистательную рѣчь, въ которой коснулся «высокаго мѣста, предназначеннаго благодарнымъ народомъ безкорыстному патриоту и высоко-образованному джентльмену Ван-Донку». Но генералъ говорить, что ему слишкомъ будетъ тяжело.

— Ван-Донкъ, именно такой человекъ, котораго всякій долженъ избрать, воскликнулъ Стагерсъ съ необыкновеннымъ жаромъ: — къ тому же вы знаете, сударыня, прибавилъ онъ вполголоса:—что это мѣсто теперь вдвое болѣе принесетъ, чѣмъ два года тому назадъ, а это — важное дѣло.

— У васъ вѣроятно происходятъ выборы, въ родѣ того, какъ у насъ въ Англій? замѣтилъ Эліотъ.

— Да, въ родѣ, въ родѣ; кромѣ того, конечно, что мы не лишаемъ права голоса честную рабочую силу. У насъ всѣ, исключая негровъ, наравнѣ подаютъ голоса, чѣд, конечно, служить огромнымъ различіемъ между нашей свободной республикой и старыми

гнилыми аристократіями Европы. Извините, мистеръ Эліотъ, я говорю только такъ къ слову, ни мало не желая васъ оскорбить.

— Я нисколько и не обижаюсь, отвѣчалъ Эліотъ, котораго очень забавляли выходы Стагерса: — я полагаю, что всѣ подобныя опыты имѣютъ свою пользу и, если ваша попытка увѣнчается продолжительнымъ успѣхомъ, то я не сомнѣваюсь, что мы въ концѣ-концовъ возьмемъ васъ за образецъ.

— Я надѣюсь, что этого никогда не будетъ! воскликнула Церлина: — ваша королева, ваши лорды и ваши депутаты имѣютъ какой-то величественный видъ, и все у васъ такъ порядочно, такъ прилично. Госсамеръ говоритъ, что наша система чрезвычайно вульгарна и вся политическая власть переходитъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе въ руки грубой черни.

— Стыдно тебѣ такъ говорить, Церлина, замѣтила генеральша: — твой братъ не смыслитъ ничего. Онъ повторяетъ только слова Де-Тольбот-Джонса, который шумитъ объ этомъ въ клубахъ, а Госсин думаетъ, что выразаться такимъ образомъ очень прилично и *дистеме*.

— Ну, я не знаю, мама, возразила Церлина: — какая честь, занимать официальное мѣсто, когда ихъ занимаютъ такіе низкіе люди. Въ нашъ мѣсяцъ явился кандидатомъ на мѣсто альдермана, а Максвидъ, который обманомъ оттягалъ имѣніе своихъ племянницъ и нарочно поджогъ свою лавку, чтобы получить деньги съ страховаго общества, уже съ годъ членомъ городского совѣта, а Магэмъ, который сидѣлъ въ тюрьмѣ за то, что во время драки откусилъ своему противнику носъ, назначенъ...

— И на солнцѣ есть пятна, миссъ Церлина, перебилъ ее Стагерсъ: — и эти пятна только еще рельефнѣе выказываютъ весь блескъ и славу нашихъ демократическихъ учреждений.

Въ эту минуту на порогъ показался генералъ Ван-Донкъ; онъ былъ плотный мужчина, низенькій ростомъ, съ краснымъ лицомъ и очень высокимъ лбомъ. Онъ говоритъ тихо, торжественно, и такъ отрывисто, словно у него во рту было что-то мѣшавшее произношенію.

— Какъ ваше здоровье, мистеръ Стагерсъ? мистеръ... кто? а, мистеръ Эліотъ... вашъ покорный слуга... очень радъ съ вами познакомиться; мой домъ открытъ всѣмъ знатнымъ иностранцамъ... и вы мистеръ... кто? а, мистеръ Бойнтонъ... очень радъ... Въ съ Юга... счастливая комбинація... старій гнилой деспотизмъ и страна свободы... родина...

— Чтò ты это толкуешь? воскликнула генеральша, поспѣшно являясь на помощь своему смущенному супругу.

Генералъ самъ не зная, о чемъ онъ говорилъ; онъ еще разъ

повторилъ, что радъ повнакомиться съ новыми гостями, повертѣлся немного на одномъ мѣстѣ, раза два высморкался, и наконецъ, кусая ногти, усѣлся въ покойное кресло, стоявшее въ одномъ изъ угловъ комнаты. Генеральша устремила на него очень строгій взглядъ, ибо она была вполне увѣрена, что онъ, какъ часто съ нимъ случалось — хватилъ чрезъ мѣру вѣрвнкихъ напитковъ.

— Мы ихъ знатно побьемъ, сэръ! торжественно возглашалъ генераль, обращаясь къ Стагеру: — мы имѣемъ всѣ голоса ирландцевъ; за насъ всѣ кабатчики и трактирщики; потому насъ поддержитъ *Глашатай* и другія газеты, которыя нападутъ съ необыкновенной силой на проклятыхъ аболіціонистовъ. Это вамъ понравится, мистеръ Бойнтонъ, не правда ли? Наконецъ, передъ самыми выборами ожидають нѣсколько кораблей съ переселенцами, такъ что мы будемъ имѣть новыхъ пять или шесть тысячъ сторонниковъ. Вообще дѣла приняла отличный оборотъ.

— Такъ, такъ, генераль, отвѣчалъ Стагеръ: — всегда надо прежде всего сдѣлать расчетъ, а потомъ уже дѣйствовать.

Послѣ этого, они оба пустились въ таинственный политическій разговоръ, совершенно непонятный людямъ, непосвященнымъ во всѣ тонкости мѣстной американской полжики.

Эліотъ и Бойнтонъ, поговоривъ еще нѣсколько времени съ дамами, встали и распрощались, повторивъ свое обѣщаніе посѣтить вскорѣ Ван-Донковъ въ Нью-Портѣ.

— И эти люди принадлежать къ вашей политической партіи? спросилъ Эліотъ, сходя съ лѣстницы.

— Да, они наши союзники, отвѣчалъ южанинъ, съ чѣмъ-то похожимъ на вздохъ.

IX.

Политическій и социальный уровень повышается и понижается въ обществѣ прямо пропорціонально добродѣтели и образованію его государственныхъ людей; это общій законъ, который дѣйствуетъ одинаково у насъ, какъ и у народовъ, стоящихъ гораздо ниже насъ по развитію. Конечно, эта аксіома останется такъ же справедлива, если мы ее перевернемъ обратно. На основаніи этого мѣрила, американскій народъ въ послѣднюю четверть столѣтія постоянно и неизбѣжно клонился къ упадку. Это—неутѣшительное, но совершенно справедливое заключеніе. Образованные американцы могутъ себѣ говорить, что государственные люди у нихъ не служатъ представителями лучшихъ классовъ народа; но говоря это, они только подтверждаютъ высказанную нами истину, ибо

что вромъ понлженл добродѣтели, можетъ породлть преступную нерадлвостъ—единственную причину, почему эти классы не имѣютъ своихъ представителей въ ряду государственныхъ людей? Конечно, наши отцы никогда не воображали, что возможенъ подобный порядокъ. Всеобщая подача голосовъ только тогда разумна, когда всѣ классы общества дѣйствительно и фактически пользуются своимъ правомъ голоса, каждый сдерживая крайности и вредныя увлеченл другаго. Но если, при существованл въ теорл всеобщей подачи голосовъ, большинство бѣдныхъ и необразованныхъ не пользуется своимъ правомъ, то мнимая демократл превращается въ олигархл, какъ мы видимъ на Югѣ. Если же, напротивъ, большинство образованныхъ и достаточныхъ классовъ не пользуется своимъ правомъ, то мнимая демократл превращается въ оклократл, господство черни, какъ мы видимъ на Сѣверѣ. Въ фактическомъ отношенл, непользованл своимъ законнымъ правомъ въ первомъ случаѣ невольное — потому простительное, но во второмъ — добровольное, и потому преступное. Результаты показали, что въ первомъ случаѣ власть переходитъ въ руки тирановъ, во второмъ — въ руки демагоговъ; точно такъ же, они показали, что эти, повиданому, враждебные элементы могутъ соединяться для эгонстическихъ цѣлей — демагоги соглашались поддерживать тлранл, подъ условлемъ пользоваться частью ея добычи, тлраны соглашались поддерживать господство черни, подъ условлемъ пользоваться ея голосами. И тѣ и другл все болѣе и болѣе удаляются отъ истинной демократл, какъ въ совершенно протлвоположныя стороны. Но, настанетъ время, когда эгонстическл, корыстные узы, связывающл ихъ, достигнутъ высшаго напряженл подъ гнетущимъ бременемъ, и лопнуть съ страшнымъ трескомъ: вотъ тогда-то грянетъ роковая гроза.

Тѣ, которые имѣютъ въ своихъ рукахъ власть, все равно, какими бы средствами они ее ни прлобрѣли, конечно, будутъ стараться всѣми силами посадить на видныя мѣста людей, подобныхъ себѣ. Низкл, грубыя существа ненавидятъ образованл; безчестные, преступные ненавидятъ честныхъ, добродѣтельныхъ. Имѣя это въ виду, какъ могутъ американцы ожидать, чтобы имъ хорошо служили ихъ государственные люди, когда ежегодно все усиливается власть низкихъ, необразованныхъ, безчестныхъ, даже преступныхъ людей? Конечно, есть благородныя исключенл. Было много южанъ образованныхъ, но безъ добродѣтели, и много сѣверянъ добродѣтельныхъ, но безъ образованл. И тѣ и другл, посѣяли обильную жатву горя и несчастлй, которую собирать придется ихъ потомкамъ. Были также люди, какъ на Сѣверѣ, такъ и на Югѣ, которые имѣли несчастье вылезать въ замѣча-

тельной степени добродѣтель и образованіе; но какъ только ихъ благодарные сограждане замѣчали эти достоинства, то немедленно лишали ихъ власти и всякаго политическаго вліянія.

Этотъ остракизмъ человѣческихъ достоинствъ дошелъ до того, что умные люди, жаждавшіе занять высокую государственную должность, часто принимали на себя роль дурачковъ, чтобы доказать своимъ согражданамъ, что они могутъ быть ихъ достойными представителями. Чернь терпѣть умъ и ловкость только въ безчестныхъ людяхъ, и честность — въ дуракахъ. Судьбу кандидата, который такъ неостороженъ, что представляетъ въ одно и то же время признави умнаго и честнаго человѣка, предсказать нетрудно и передъ началомъ выборовъ.

Мѣста, которыя прямо зависятъ отъ воли великаго и свободнаго народа, кажется, должны бы составлять высшую цѣль благороднаго честолюбія лучшихъ, образованнѣйшихъ гражданъ; но, что мы видимъ у насъ? Не замѣчательно ли въ высшей степени, что уровень требованій для занятія всѣхъ политическихъ мѣстъ, начиная отъ президента до сборщика податей, ежегодно понижается? Развѣ мы не видимъ на каждомъ шагу, что грубые, необразованные, даже часто преступные люди, пробиваютъ себѣ дорожку къ высшимъ мѣстамъ, тогда какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, общественное мнѣніе не потерпѣло бы ихъ и на самыхъ низшихъ? И развѣ не одинаково справедливо, что это пониженіе политическаго уровня повлекло за собой, какъ необходимое послѣдствіе, и упадокъ общественнаго быта, такъ что теперь всякое положительное достоинство и добродѣтель считаются ничтожными въ сравненіи съ успѣхомъ, достигнутымъ все равно какими средствами? Развѣ нельзя побѣдоносно доказать, что низкое, рабское поклоненіе алтыну, и презрѣнный остракизмъ ума и образованія, никогда не достигали такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ наше время?

И, однако, все это страшное зло, поклоненіе деньгамъ, ненависть и мрезрѣніе къ уму, гибельное превращеніе благородной демократической теоріи въ тиранію меньшинства на Югѣ и большинства на Сѣверѣ, постоянное хвастливое лганье американцевъ, и корыстный, лавошничій взглядъ ихъ на жизнь и ея обязанности, преступная терпимость рабства людямъ, которые надрываютъ себѣ глотку кривыми о томъ, что *все* люди рождены равными, свободными—всѣ эти и другіе не менѣ позорные плоды возникли отъ сѣмянъ, чистыхъ какъ свѣтъ, отъ побужденій и намѣреній, благородныхъ и человѣчныхъ которыхъ свѣтъ никогда не видывалъ. «Все самое худшее есть только извращеніе самыхъ лучшихъ начинаній».

Америка, съ благороднымъ и возвышеннымъ человѣколюбіемъ

простерла свою покровительственную руку ко всѣмъ угнетеннымъ и униженнымъ всѣхъ странъ свѣта. Она пошла далѣе, и добровольно предоставила имъ всѣ права, которыми пользуются ея собственные сыны, родившіеся и вскормленные на ея лонѣ. Это было великодушно, но неблагоприятно. Она должна была образовывать ихъ прежде, чѣмъ дать права, а переселенецъ требовалъ болѣе, но никакъ не менѣе образованія, чѣмъ ребѣнокъ, который съ самаго рожденія дышалъ нашимъ воздухомъ. Нравственные и политическіе Каспары Гаузеры не могли представить ничего достойнаго себя и своихъ гостепріимныхъ хозяевъ, выйдя на арену, прежде чѣмъ всѣ предрасудки и дурныя привычки прежней ихъ жизни ступевались подъ живительнымъ вліяніемъ здоровой, укрѣпляющей подготовки атлета. Отсутствие этой подготовки такъ же вредно дѣйствуетъ на нихъ самихъ, какъ и на тѣхъ, между которыми они живутъ. Ясность ихъ сознанія помрачается неожиданнымъ пользованіемъ благъ, которыхъ они ничѣмъ не заслужили. Спросите теперь ихъ мнѣніе объ этомъ предметѣ, и они станутъ дерзко доказывать вамъ, что имѣютъ ненарушимое, законное право на то, что имъ принадлежитъ только по нашему неразумному великодушію. Америка сдѣлала ошибку, которая очень свойственна слишкомъ снисходительнымъ родителямъ. Она даровала награду, увѣчивающую трудъ, не требуя этого необходимаго условія. Она даровала переселенцамъ политическія права, прежде чѣмъ образовала изъ нихъ людей, достойныхъ пользоваться ими, и теперь, хотя уже немного поздно, остается только обратный способъ — то-есть необходимо ограничить политическую равноправность, и увеличить, какъ можно болѣе количество школъ; первое только на время, второе — на всегда.

Даже тотъ позорный фактъ, что Америка терпѣть еще гораздо большее зло — рабство, есть также слѣдствіе причинъ, очень похвальныхъ въ началѣ. Нѣкто, ненавидящій это преступное зло благородной, честной ненавистью, сказалъ — и мы должны уважать его слова, ибо онъ вынесъ, почти одинъ, на своихъ плечахъ цѣлую бурю негодованія и презрѣнія за то, что протянулъ руку правому дѣлу: «Чтобъ удержаться противъ Англіи, необходимо былъ союзъ, а для сохраненія союза необходимо было терпѣть рабство». Это, безъ сомнѣнія, непреложная истина, и можетъ быть тѣмъ легче теперь всѣми признана, что къ счастью Америки, въ настоящую минуту, для сохраненія союза, *нѣтъ* необходимости терпѣть рабства, точно такъ же какъ въ случаѣ надобности, для сопротивленія Англіи не было бы необходимости въ союзѣ; обѣ главныя составныя его части сдѣлаютъ постоять и сами за себя. Очевидно, что теперь, когда исчезла необходимость,

какъ-бы извинявшая въ нѣкоторомъ отношеніи вопіющее зло, должно исчезнуть и самое зло.

Единственныя леварства для нашего политическаго и соціальнаго недуга — образованіе и свобода, въ естественномъ, логическомъ ихъ развитіи. Путь, по которому мы идемъ — правый, истинный путь, но мы можемъ легко сбиться съ него, если мы или пойдемъ слишкомъ скоро впередъ, или станемъ пятиться назадъ. И то и другое противно истинному прогрессу, и пора, очень пора намъ принять энергическія мѣры, чтобъ избѣгнуть и того и другаго, иначе мы какъ разъ впадемъ въ самую дикую анархію. Мы пятимся назадъ, когда издаемъ законы о распространеніи рабства въ территоріяхъ, и слишкомъ скоро идемъ впередъ, когда даемъ право голоса всякому необразованному и недостойному чужестранному. Кромѣ того наша великая, благородная страна никогда не достигнетъ предопредѣленнаго ей могущества въ матеріальной и умственной сферѣ, пока не откажутся совершенно отъ пагубной системы безчисленнаго количества мелкихъ государствъ, самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга и думающихъ только о своихъ минутныхъ корыстныхъ интересахъ — системы, снятой съ образца политическаго и соціальнаго устройства дикихъ племенъ, которыя до насъ занимали Новый-Свѣтъ. Пилястры необходимы для поддержки свода всякаго зданія, но безъ этого связующаго вѣнца ни одинъ изъ пилястровъ не устоитъ на мѣстѣ. Изолировать нѣсколькихъ изъ нихъ — значитъ разрушить все зданіе. Итакъ, да хранятъ американцы, какъ зеницу ока, свой великолѣпный, симметрично-пропорціональный храмъ — драгоценный завѣтъ предковъ, воздвигнувшихъ его цѣною крови и столярныхъ трудовъ! Да поборятъ они несокрушимымъ патріотизмомъ преступный союзъ безумныхъ олигарховъ и дикихъ толпищъ необразованныхъ чужестранцевъ. Такимъ, и только такимъ способомъ родина свободы сохранится ненарушимой, незапятнанной для послѣдующихъ поколѣній, и мы избавимъ нашихъ потомковъ отъ горькой судьбы безутѣшно блуждать между развалинами нѣкогда славнаго зданія американской республики.

Х.

Подъ тѣнью вѣтвистаго вяза, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ красиваго, стариннаго дома, сидѣли три прелестныя молодыя дѣвушки, которыя могли бы служить оригиналомъ трехъ грацій, еслибъ меньшая изъ нихъ была постарше. Обворожительная краса этой группы увеличивалась еще грудой роскошныхъ цвѣтовъ, лежавшей на колѣпяхъ старшихъ дѣвушекъ, изъ кото-

рой онъ плелъ вѣнокъ для своей маленькой любимицы. Лица всѣхъ трехъ сіяли такимъ блаженнымъ счастьемъ, что отрадно было на нихъ взглянуть. Такъ казалось, по крайней-мѣрѣ, Оливеру Вернону, который, подойдя къ нимъ незамѣтно, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ на краю крутого берега быстрого Гудсона. Рядомъ съ нимъ стоялъ мужчина лѣтъ пятидесяти, высокого роста, худощавый, съ длиннымъ овальнымъ лицомъ и добрыми сърыми глазами, ясно говорившими, что онъ происходилъ отъ древнихъ пуританъ.

Дѣйствительно, Дэвидъ Гринвудъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный потомокъ первыхъ поселенцевъ Новой Англіи. Онъ былъ, подобно имъ, умнымъ, работающимъ и набожнымъ человекомъ. Его неподкупная честность обратила на него уже давно вниманіе Вернона, который ему вполне довѣрялъ во всемъ, и во время своего отсутствія оставилъ его почти полнымъ хозяиномъ въ Упландсѣ. По значенію въ дѣлахъ, съ нимъ могла состязаться только тѣтка Мерси, которая со смерти мистрисъ Вернонъ управляла всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Оба они уже съ давнихъ поръ питали другъ къ другу самую теплую привязанность, которая повременамъ грозила принять болѣе существенную форму узъ гяменей; но эта почтенная парочка, несмотря на свои уже немолодые годы, полагала, кажется, что они вѣчно будутъ жить, и всегда успѣютъ насладиться блаженствомъ брачной жизни. «Набросить-то на себя кандалы легко, серьезно разсуждалъ нашъ глубокомысленный, положительный Ромео: — а чортъ-знаетъ, какъ изъ нихъ потомъ выберешься». Такимъ образомъ время шло, и тѣтка Мерси и дядя Дэвидъ несли попрежнему бремя одиночества.

— Ахъ, папа! воскликнула Грессъ, увидѣвъ отца: — какъ здоровье Герти? Чтò говоритъ докторъ Саундерсъ?

— Она физически скоро поправится, сказалъ Вернонъ, качая головой: — но ея умственные способности могутъ никогда не возвратиться

На глазахъ маленькой дѣвочки навернулись слезы, и тихо снимая съ головы вѣнокъ, она промолвила:

— Я не хочу носить цвѣты, если бѣдная Герти никогда не выздоровитъ.

Вернонъ нагнулся къ ребѣнку, и взявъ его на руки, крѣпко поцаловалъ.

— Ты не должна очень горевать, милая Алли, сказалъ онъ нѣжно: — такъ угодно Богу, и притомъ Герти не страдаетъ. Конечно, мы должны быть ей всѣ очень благодарны, потому что, еслибъ не она, то ты, быть можетъ, не осталась бы въ живыхъ

и не была бы между нами. А скажи-ка мнѣ, Алли, хочешь ли ты, чтобъ я отыскала твоего папу?

Ребѣнокъ жалобно посмотрѣлъ на него, обвилъ руками его шею и тихо пробормоталъ:

— Нѣтъ, я лучше останусь здѣсь съ вами и съ сестрицами Грѣсъ и Нелли.

— Вы узнали что-нибудь, папа? спросила Грѣсъ съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, ничего новаго, дитя мое. Что касается того, чья это дочь, я нимало не сомнѣваюсь; вотъ дѣло другое, кому ее отдать — это вопросъ трудный. Ее могутъ требовать двѣ враждебныя стороны, и потому, пока они согласатся на какую-либо сдѣлку, я полагаю, что лучше ее оставить у насъ.

— Развѣ я не могу остаться у васъ навсегда? воскликнула Алли, услыжавъ послѣднія слова Вернона: — я не могу теперь воротиться къ тѣти, у ней много новыхъ дѣтей, и я не хочу идти къ папѣ — я его никогда не видала. Нѣтъ, я должна остаться здѣсь, у бѣдной больной Герти.

— Повѣрь, голубушка, что мы тебя не отпустимъ, если это только будетъ возможно.

— Какъ, если возможно! воскликнулъ ребѣнокъ: — вѣдь вы большой, сильный, богатый, и вся земля эта ваша—кто же посмѣетъ меня взять отсюда, если вы не захотите?

— А положимъ, милая, что вдругъ Грѣсъ пропала бы, и ее нашель какой нибудь господинъ; неужели же я не могъ бы ее вытребовать назадъ, еслибъ хотѣлъ?

— О! да вы бы этого не захотѣли, еслибъ ей тамъ было хорошо, и она не желала къ вамъ воротиться.

— Но не всѣ такіе добрые, какъ папа, замѣтила Грѣсъ.

— Поэтому-то я и хочу оставаться у него, отвѣчалъ наивно ребѣнокъ.

— И ты останешься вопреки всѣмъ, я тебя не отдамъ никому! воскликнула съ жаромъ Грѣсъ и, подхвативъ ребѣнка, побѣжала съ нимъ по зеленому лужку, оглашая воздухъ веселыми криками и смѣхомъ.

Элинора, сидѣвшая все это время очень задумчиво, теперь встала, и подойдя къ Вернону, спросила вполголоса:

— Вы вполнѣ убѣдились въ справедливости вашихъ подозрѣній?

— Да, мои розыскы увѣнчались полнымъ успѣхомъ; я получилъ нынче отвѣтъ — и вотъ онъ.

Съ этими словами, Вернонъ подаль ей письмо, которое она

спрятала въ карманъ, прежде, конечно, и спросивъ согласіе знакомъ.

— Гдѣ она теперь? спросила Элинора послѣ минутнаго молчанія.

— Въ Нью-Йоркѣ. Лучше всего мнѣ самому ее повидать; конечно, я прежде еще посоветуюсь съ своими странцами. Для всего этого, мнѣ надо завтра ѣхать въ городъ.

Снова наступило молчаніе, и снова черезъ нѣсколько минутъ Элинора прервала его новымъ вопросомъ:

— Не думаете ли вы, что и я должна ѣхать съ вами?

— При настоящихъ обстоятельствахъ, я рѣшительно противъ того, чтобъ ты ѣхала. Во всякомъ случаѣ, подожди, пока я развѣ узнаю основательно все дѣло.

— Вы не намѣрены, однако, отдать ей ребѣнка?

— Конечно, я не отдамъ его добровольно; но это—вопросъ очень запутанный, и съ юридической точки зрѣнія она имѣеть болѣе всѣхъ право на свою дочь. Но малютка до сихъ поръ была во власти отца, и онъ отдавалъ ее на воспитаніе, такъ что еслибъ мы ее отдали матери, то онъ, пожалуй, станетъ намъ дѣлать всякаго рода непріятности, а ты знаешь, на что способенъ этотъ безсовѣстный человѣкъ.

— Онъ, однако, теперь не въ Америкѣ?

— Нѣтъ, онъ воротился во время нашего отсутствія, и въ настоящую минуту въ Нью-Йоркѣ.

— О! развѣ никогда не будетъ конца этой несчастной исторіи! воскликнула съ отчаяніемъ Элинора.

Вернонь взялъ ее за руку и съ нѣжнымъ сочувствіемъ произнесъ:

— Милое дитя мое! всякій изъ насъ болѣе или менѣе терпитъ горе. Возблагодаримъ небо еще за то, что въ твоемъ горѣ ты сама ничѣмъ невиновата. Я вовсе не желаю воспрещать въ твоей памяти горестной исторіи прошедшаго; но повѣрь, я сдѣлаю все зависящее отъ меня, чтобъ побудить обѣ стороны отказаться отъ ребѣнка, и оставить его на моемъ попеченіи. У матери хватитъ ума понять, сколько пользы принесеть эта сдѣлка самой Алли; отецъ же такой страшный эгоистъ, что будетъ радъ избѣгнуть отъ тяжелой отвѣтственности и вроднѣ успокоится, если мы ему дадимъ слово никогда не отдавать ребѣнка матери.

— А вы не полагаете, чтобъ онъ рѣшился силой вырвать ее изъ вашихъ рукъ?

— Я не вижу никакой причины ему сдѣлать это. Хотя и нѣтъ преступленій, на которыя бы онъ не былъ способенъ, но онъ не станетъ беспокоить себя попусту, когда въ томъ не предвидитъ

никакой прямой выгоды. Къ тому же, его прошедшая жизнь таковаго рода, что онъ не станетъ добродольно увеличивать числа своихъ враговъ.

— Я не могу иногда не упрекать себя, сказала со вздохомъ Элинора:—въ томъ, что я живу окруженная друзьями и роскошью, а не стараюсь исполнить свой долгъ въ отношеніи...

— Я часто самъ объ этомъ думалъ, сказалъ Оливеръ Вернонъ:—я пришелъ къ тому заключенію, что попытка исполнить то, что ты, изъ очень естественнаго чувства, считаешь своимъ долгомъ, только омрачитъ твою жизнь, уничтожить всѣ твои надежды на счастье, и со всѣмъ тѣмъ не принесетъ никакой пользы той, для которой ты всѣмъ пожертвуешь. Предоставимъ все волѣ провидѣнія, и къ тому же ты не должна забывать послѣднихъ словъ твоего умирающаго отца.

— Я ихъ помню, помню... и лучше всего его желаніе, чтобы я всегда и во всемъ слѣдовала вашимъ совѣтамъ.

Съ этими словами, она очень нѣжно поцаловала руку Вернона.

— Хорошо, хорошо, сказалъ весело Вернонъ:—мой совѣтъ теперь—какъ можно меньше думать объ этотъ непріятномъ предметѣ; я не хочу, чтобы моя красавица Нелли похуѣла и исцалла отъ горя, котораго нельзя исправить, и въ которомъ она нимало невиновата. Если она несогласна принять мою систему леченія, то я ее отдамъ на руки доктору Саундерсу.

— А въ чемъ состоитъ ваша система?

— Какъ можно болѣе дышать чистымъ воздухомъ, ѣздить верхомъ и читать романы Чарльса Кинкса!

— И мы тоже, папа, воскликнула Грасъ, весело подбѣгая къ нимъ:—и мы тоже съ Алли будемъ пользоваться этими прелестями?

— Конечно. Вотъ Дэвидъ говоритъ, что ваши лошади такъ же рады вашему пріѣзду, какъ и онъ, а для Алли какъ нельзя лучше будетъ ходить на шотландскій понни.

— Я ужъ ѣздила верхомъ на понни! воскликнула послѣдняя дѣвушка, и глаза ея заблестали болѣе обыкновеннаго:—я ѣздила на плантаціи у тѣти, и совсѣмъ не боюсь лошадей.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, эта прогулка верхомъ состоялась и, кромѣ всего семейства Вернона, въ ней участвовалъ еще неожиданный гость—мистеръ Стивенъ Дангерфилдъ.

Это было въ первый разъ, что Стивенъ Дангерфилдъ достигъ Упландса, несмотря на то, что прошло давно двѣ недѣли со времени прибытія *Ассирин* въ Нью-Йоркъ. Вироджденіе всего этого времени, онъ находился въ самомъ грустномъ настроеніи; тайна, открытая ему Кервудомъ, повергла его въ от-

чаяніе. Онъ любилъ старшій, милшій *Прюмъ*, каждое дерево, каждый камушекъ въ немъ, и потому естественно, что гордая душа его возставала при одной мысли, что древнія помѣстья его славнаго рода могутъ перейти въ чужія руки. Теперь еще не было, конечно, никакой прямой, непосредственной опасности, но онъ боялся, чтобъ рано или поздно она не явилась. Онъ прожилъ тридцать лѣтъ, не зная и не подозрѣвая ничего, и потому кто могъ поручиться, что его отецъ, выказавшій столько скрытности, не хранить въ глубинѣ своего сердца еще другую, быть можетъ, болѣе роковую тайну, открытіе которой окончательно погубить всѣ надежды Стивена? Онъ никогда не заботился о деньгахъ, какъ человѣкъ еще неиспытаншій нужды въ нихъ, и потому тѣмъ труднѣе ему теперь казалось ихъ нажить. Если его опасенія исполнятся, то какимъ образомъ станетъ онъ наживать себѣ кусокъ хлѣба, не говоря уже о жандѣ, которая постоянно будетъ грызть его сердце — жандѣ освободить свою дорогую колыбель отъ тяготящаго надъ ней гнета?

Кромѣ всего этого, Стивена еще терзало сознаніе быстро развивавшейся въ немъ любви къ Грѣсъ Вернонъ. Сотни разъ указывалъ онъ за женщинами, но никогда не испытывалъ ничего подобнаго, ибо еще не встрѣчалъ никого, кто хоть мало-мальски подходилъ къ идеалу, созданному въ его воображеніи, которое, сравнительно говоря, было въ немъ гораздо сильнѣе разсудка. Грѣсъ Вернонъ же, напротивъ, оставляла далеко за собою всякій идеалъ, и потому неудивительно, что онъ почти съ перваго взгляда страстно влюбился въ нее. Онъ уже питалъ, хотя и очень слабую, надежду, что Грѣсъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же, какъ вдругъ открытіе роковой тайны погубило всю его будущность, представлявшуюся ему въ такихъ розовыхъ краскахъ. Онъ теперь ясно не былъ пара единственной наслѣдницѣ богача Вернова; рассчитывать же на великодушіе старика и безкорыстную любовь молодой дѣвушки было несвойственно гордому потомку древнихъ Дангерфильдовъ. Потому онъ и пришелъ къ тому грустному убѣжденію, что долженъ держаться какъ можно далѣе отъ Верноновъ, такъ-какъ было бы безчестно, при настоящихъ обстоятельствахъ, видѣться часто съ Грѣсъ и дать ей случай болѣе къ нему привязаться, если она уже питала какое-нибудь къ нему чувство. Вотъ почему онъ, несмотря на всѣ приглашенія Оливера Вернова и на близость Упландса, ни разу не съѣздилъ туда, какъ ни влекло его пламенное сердце.

Такъ прошло двѣ недѣли. Сначала, какъ мы сказали, Стивенъ предался мрачному отчаянію и съ такой горечью думалъ объ отцѣ, такъ жестоко обвинялъ его преступную слабость, что съ презрѣніемъ отвернулся отъ дальнѣйшихъ розысканій истины.

Безмолвіе отца и выраженіе неисходной грусти, запечатлѣнное на его лицѣ, казались Стивену достаточнымъ доказательствомъ справедливости того, что повѣдалъ ему Кэривудъ. Онъ уже не жаждалъ болѣе вывѣдать всѣ подробности несчастнаго дѣла, а напротивъ полагалъ, что онъ и то уже слишкомъ много узналъ. Мало по малу, однако, чувства безпокойства и боязни, чтобъ Кэривудъ не воспользовался еще болѣе безпомощной слабостью старика, снова возвратились къ Стивену, и онъ сталъ зорко наблюдать за своимъ врагомъ, который продолжалъ наслаждаться покойной роскошной жизнью въ Пріютѣ. Особенное вниманіе Стивена обратило на себя то обстоятельство, что вѣчно веселый, вѣчно довольный Кэривудъ приходилъ въ какое-то странное волненіе въ часы прихода почты, и успокоивался только когда или для него не было писемъ, или содержаніе ихъ не отвѣчало его опасеніямъ. Очевидно, что онъ ожидалъ какихъ-нибудь важныхъ извѣстій, долженствовавшихъ имѣть вліяніе на его будущность и отъ которыхъ, быть можетъ, зависѣла продолжительность его пребыванія въ Пріютѣ. Въ умѣ Стивена снова воскресли прежнія подозрѣнія, не строить ли Кэривудъ какихъ новыхъ вовъ противъ его несчастнаго отца, и раздумывая объ этомъ, онъ очень естественно сталъ размышлять о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ Пріютъ былъ заложенъ. Быть можетъ, этотъ таинственный кредиторъ, этотъ хитрый интригантъ воспользовался страстью отца къ игрѣ и подослалъ своихъ сообщниковъ обыграть его на огромную сумму, уплату которой онъ себѣ обезпечилъ, взявъ Пріютъ въ залогъ. Но какъ доказать справедливость подобныхъ подозрѣній, какъ даже просто изслѣдовать истину того, что случилось пятнадцать лѣтъ тому назадъ? Это было ужасно трудно, если не совсѣмъ невозможно. Стивенъ чувствовалъ необходимость имѣть кого-нибудь постарше и поопытнѣе себя, который могъ бы наставить его и дать ему благой совѣтъ. Чѣмъ болѣе онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что безъ подобнаго друга и помощника онъ не можетъ обойтись, и очень естественно мысли его остановились на Оливерѣ Вернонѣ.

Насколько въ этомъ выборѣ скрывалось хитрой казуистики, и какое вліяніе на него имѣлъ тотъ фактъ, что войдя въ сношенія съ отцомъ Грессъ Вернонъ, будешь неволью видѣть и ее самое— не беремса рѣшить. Человѣческое сердце и разсудокъ до того сложные комплексы, что рѣдко дѣйствіе происходитъ отъ одного какого-нибудь побужденія, а вѣроятно умъ и сердце Стивена не представляли исключенія изъ общаго правила. Какъ бы то ни было, найдя теперь, послѣ столькихъ скучныхъ дней, проведенныхъ въ одиночествѣ, достойную причину измѣнить свою благеродную

рѣшимость не видаться съ Гресь, Стивенъ Дангерфильдъ, на пятнадцатый день своего пребыванія въ Приютъ, велѣлъ осѣдлатъ свою вороную кобылу—*Фурію* и поскакалъ въ Упландсъ.

XI.

Гресь Вернонъ стояла на площадеѣ передъ домоѣмъ въ темно-зеленой амазонкѣ, прелестно обхватывавшей ея стройную фигуру. Круглая англійская шляпа съ перомъ, также темнаго цвѣта, поддерживала общій характеръ ея туалета, въ которомъ ярко выдавались только малиновая лента на шеѣ и бѣлыя перчатки съ крагами. Яркіе лучи солнца пробивались сквозь ея чудные каштановые волосы, придавая имъ красноватый оттѣнокъ; на нѣжномъ ея личикѣ играла прелестная улыбка, невольно выказывая за розовыми губками цѣлый рядъ блестящихъ жемчужинъ. Въ одной рукѣ она держала маленькій хлыстикъ, а другой приподнимала платье, висѣвшее живописными складками. Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нею грумъ держалъ красивую, статную лошадь, бѣлую какъ снѣгъ.

Вотъ картина, которая представилась изумленнымъ и очарованнымъ глазамъ Стивена Дангерфильда, когда онъ подъѣзжалъ къ крыльцу упландскаго дома. Онъ послѣшно соскочилъ съ лошади, поборовъ желаніе насладиться подолбе чудной группой, и подбѣжалъ къ Гресь.

Она почти въ то же мгновеніе обернулась и вскрикнула, тѣмъ страннымъ, непередаваемымъ звукомъ, которымъ молодыя дѣвушки выражаютъ радость и удивленіе:

— Мистеръ Дангерфильдъ!

— Миссъ Вернонъ!

Стивенъ схватилъ маленькую ручку Гресь и крѣпко ее сжалъ.

— Я очень рада васъ видѣть! промолвила молодая дѣвушка.

— Неужели? произнесъ почти въ одинъ голосъ съ нею молодой человѣкъ.

Тутъ ихъ глаза встрѣтились и лицо Гресь покрылось яркимъ румянцемъ. Она поняла по фивіономіи Стивена и по его голосу, какое глубокое значеніе онъ придавалъ ея самымъ обыкновеннымъ словамъ. Ей необходимо было уничтожить это чарующее впечатлѣніе и, конечно, она взялась за дѣло такъ неловко, что еще болѣе его испортила.

— Мнѣ кажется, цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, что мы не видались съ вами! промолвила она.

— О, миссъ Вернонъ, воскликнулъ Стивенъ: — миссъ Гр..... и вдругъ остановился, понявъ что поступаетъ совершенно не-

прилично. Дѣйствительно, онъ чуть-чуть не объяснялся въ любви съ первыхъ же словъ, и еще молодой дѣвушкѣ, которой и существованія не подозрѣвалъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ. «Какой я сумасшедшій» думалъ Стивенъ, ибо мужчины всегда прежде всего поражаютъ виѣшнія условія мѣста и времени. Грѣсъ, руководствуясь женскимъ инстинктомъ, была гораздо умнѣе. Она знала, что любовь не есть плодъ времени, дней, мѣсяцевъ или лѣтъ. Она понимала, что чувствовалъ Стивенъ, что его смущало и волновало, но она не хотѣла помочь ему выйти изъ затрудненій. Мы говоримъ: она знала, понимала, то-есть инстинктивно, какъ всѣ женщины, которыя прежде чувствуютъ, а думаютъ послѣ, тогда какъ мужчины думаютъ прежде, а чувствуютъ послѣ и всегда позже добираются до истины, а въ этомъ-то и весь вопросъ.

Но кто скажетъ, что такое эта любовь, которая, бывъ посвяна богъ-вѣсть когда и какъ, быстро даетъ ростки, цвѣтеть, зрѣеть и приноситъ плоды—любовь, которая не основана на долгомъ знакомствѣ съ характеромъ, со вкусами и наклонностями любимаго человѣка, но приходитъ непрошенная въ ту минуту, когда вы всего менѣе ожидаете, и не оставляетъ васъ, пока сама не захочетъ. Люди называютъ это любовью съ перваго взгляда, но это не можетъ быть. Не скорѣе ли это страсть, возбужденная воплощеніемъ въ существенную форму того, что мы любили уже давно—быть можетъ прежде, чѣмъ стали себя помнить, быть можетъ, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, во всѣ фазисы удивительнаго бытія человѣка, которая точно такъ же могла начаться до рожденія, какъ она не кончится со смертью? Это нетолько земная страсть или счастливая комбинація головы, глазъ, цвѣта лица, фигуры, которыми поодиначѣ мы любовались до сихъ поръ—нѣтъ, это таинственное духовное сродство, анализировать которое такъ же трудно, какъ невѣдомыя силы электричества и магнетизма.

Стивенъ и Грѣсъ молча, почти бессознательно пошли ходить взадъ и впередъ по площадкѣ. Ихъ глаза на секунду устремились на великолѣпную панораму, развертывавшуюся передъ ними, и потомъ снова встрѣтились. Ни тотъ ни другой не промолвилъ ни слова, но оба молча смотрѣли другъ на друга; это продолжалось не болѣе двухъ минутъ, такъ-какъ Оливеръ Вернонъ, Элинора, Грѣзбрукъ и маленькая Али, уже выходили изъ дверей дома; однако, имъ это мгновеніе показалось цѣлой вѣчностью, ибо они почти бессознательно вступили въ портикъ новой жизни, для которой прошедшее было ничто, а будущее—все.

Оливеръ Вернонъ очень радушно поздоровался съ своимъ гостемъ, Элинора привѣтливо ему поклонилась, а маленькая Али потребовала, чтобъ онъ непременно взялъ ее на руки и нѣсколько разъ поцаловалъ. Въ головѣ ребѣнка сохранялось мало воспо-

минаний, но ярче и рѣзче всего отпечатлѣлся у ней образъ Стивена Дангерфильда, бравшаго ее на руки съ обломковъ разбившагося корабля.

— Вы насъ совсѣмъ забыли, сказала Вернонъ съ улыбкой:— мы уже васъ давно ожидали, вы вѣдь живете такъ близко.

— Я вполне чувствую, сколько потерялъ, и не бывалъ у васъ до сихъ поръ, отвѣчалъ Стивенъ:—по я былъ очень занятъ дѣлами отца и потомъ полагалъ, что вы вѣроятно будете рады отдохнуть первое время послѣ такого продолжительнаго путешествія.

— Такой близкій и старинный сосѣдъ нивогда бы намъ не помѣшалъ, еслибъ даже мы и не захотѣли принимать нивого другаго. Вотъ эта барышня особенно желала васъ видѣть, она считаетъ васъ своей собственностью съ тѣхъ поръ, что вы ее спасли.

— Милый ребѣнокъ, воскликнулъ Стивенъ, лаская Алли:—вещь извѣстная, что мужчины всегда очень охотно ласкаютъ маленькихъ дѣвочекъ въ присутствіи большихъ, которыхъ они желали бы въ глубинѣ своего сердца подвергнуть тѣмъ же ласкамъ.

— А видѣли вы моего другаго пѣпу? спросила Алли, которая имѣла привычку задавать этотъ вопросъ каждому новому человѣку, котораго она видѣла, и очень удивляться, когда ей отвѣчали отрицательно.

— Нѣтъ, милая. Развѣ ты недовольна этимъ пѣпой?

Стивенъ сказалъ тутъ невольную ложь, но ни онъ и нивто другой не подозрѣвали истину въ данную минуту.

— Ахъ, да, я имъ очень довольна и остаюсь у него навсегда; развѣ, прибавила Алли задумчиво:— развѣ вы и тѣтя Грессъ захотите взять меня съ собою.

Грессъ снова вся покраснѣла при этой неожиданной выходкѣ ребѣнка, который слышалъ не разъ, какъ она разговаривала о Стивенѣ Дангерфильдѣ съ Элинорой, понавшей прежде всѣхъ, еще на *Ассирин*, въ чемъ дѣло. Теперь она же послѣшила на выручку.

— Мы собирались всѣ ѣхать верхомъ къ форту Ли, сказала она:—вѣроятно, мистеръ Дангерфильдъ не откажется намъ сопутствовать, благо онъ также пріѣхалъ верхомъ.

Стивенъ отвѣчалъ, что онъ, если позволятъ, съ большимъ удовольствіемъ присоединится къ кавалькадѣ. Черезъ нѣсколько минутъ привели лошадей, всѣ усѣлись и Стивенъ имѣлъ неопысанное счастье помочь Грессъ вскочить въ сѣдло, при чемъ, конечно, къснулся ея маленькой ножки, что опять вызвало яркій румянецъ на щекахъ молодой дѣвушки. Вернонъ замѣтилъ это и указалъ всѣмъ на ея блестящій цвѣтъ лица, что, конечно, еще болѣе ее смутило. Она пробормотала, что ей очень жарко, и для отвлеченія общаго вниманія задергала свою любимицу Лили и проѣхала

галопчикомъ раза два по двору, что очень удивило старую лошадь, непривыкшую къ такому обращенію. Наконецъ, всѣ были готовы и кавалькада двинулась, при общемъ смѣхѣ и веселомъ говорѣ. Стивенъ поѣхалъ рядомъ съ Элинорой, частью изъ приличія, такъ-какъ она была старшая, частью же изъ желанія скрыть отъ всѣхъ свои чувства къ Грэсъ; но большія общества, въ какомъ бы несоответственномъ порядкѣ они ни пускались въ путь, всегда кончаютъ тѣмъ, что распадутся на парочки, что повторилось и въ настоящемъ случаѣ. Еще не прошло и получаса, а Грэсъ и Стивенъ уже ѣхали вдвоемъ впереди всѣхъ на порядочномъ разстояніи. Они весело болтали объ окружающей живописной природѣ, среди которой оба родились, о книгахъ, картинахъ, оперѣ, о своихъ путешествіяхъ и привлеченіяхъ въ Европѣ, о лошадяхъ, собакахъ, сельскихъ удовольствіяхъ и т. д. Такъ, между прочимъ, Стивенъ рассказалъ, какъ онъ купилъ свою ворону *Furio* и сколько подвиговъ она сдѣлала на своемъ вѣку; а Грэсъ съ своей стороны повѣдала Стивену грустную исторію своей любимой собачонки, которая съѣла ядъ, приготовленный для мышей. Но сколько они ни говорили, ни одинъ ни другой ни слова не упомянули о томъ, что наполняло всего болѣе ихъ мысли. Но къ чему были слова? Въ нѣсколькихъ томахъ нельзя было бы помѣстить всего того, что въ одно мгновеніе блеснуло въ ихъ головахъ во время безмолвнаго свиданія на дворѣ дома. И оба они были счастливы, счастливѣе чѣмъ когда нибудь прежде.

Мечтайте, юныя счастливыя созданія, объ ожидающемъ васъ счастьѣ! Пейте до дна чашу свѣтлыхъ, радужныхъ надеждъ! И да будетъ далекъ отъ васъ тотъ роковой день, когда вы очнетесь отъ блаженнаго сна и узнаете горькимъ опытомъ, какъ, увы, рано или поздно всѣ узнаютъ — что передъ радугой должна быть гроза.

XII.

Тихо и мирно шли дни за днями послѣ перваго посѣщенія Стивеномъ Дангерфильдомъ Упландса. Онъ, конечно, теперь пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы бывать тамъ какъ можно чаще, и дѣйствительно, подъ различными предлогами—то кавалькады, то прогулки, то музыки, или партіи въ шахматы—онъ проводилъ въ обществѣ Грэсъ ббльшую часть своего времени. И, однако, онъ еще ни разу не намекнулъ Оливеру Вернону о томъ, что побудило его намѣнить благородную рѣшимость держаться какъ можно дальше отъ Верноновъ. Конечно, это было съ его стороны слабостью, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи не совсѣмъ честной, но мы ни мало не желаемъ этого скрыть, ибо мы рассказываемъ

событія нашей повѣсти такъ, какъ они дѣйствительно случались, и изъ живыхъ, слѣдовательно, небезгрѣшныхъ людей вовсе не желаемъ дѣлать героическихъ уродовъ, добрыхъ или злыхъ, все равно. Стивенъ понималъ очень хорошо, что ему бы не слѣдовало дозволить отношеніямъ его съ Грессъ принять настоящій оборотъ, не объяснивъ сначала откровенно и отцу, и самой молодой дѣвушкѣ свое дѣйствительное положеніе. Но его мучило сомнѣніе насчетъ результата такого объясненія. Конечно, старикъ Вернонъ былъ очень великодушный и благородный человѣкъ, но и въ его глазахъ Стивенъ Дангерфильдъ, единственный наследникъ богатаго имѣнія, могъ казаться совершенно инымъ человѣкомъ, чѣмъ Стивенъ Дангерфильдъ, праздношатающийся нищій, и то, что онъ позволялъ первому въ отношеніи своей дочери, то могъ легко не позволить второму. Однимъ словомъ, ясно было, что Стивенъ не имѣлъ никакого права выдавать себя за то, чѣмъ онъ вовсе не былъ; но несмотря на все это, онъ колебался, боясь навсегда разрушить свое счастье. И кто будетъ такъ жестокъ, чтобы осудить за подобный поступокъ молодого человѣка, обезумѣвшаго отъ перваго глотка чарующей чашки любви?

Кэрквудъ съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и опасенія слѣдилъ въ продолженіе всего этого времени за Стивеномъ Дангерфильдомъ. Сначала, когда еще тотъ упорно сидѣлъ дома, и рѣдко выходилъ даже погулять, Кэрквудъ старался поддѣлаться къ нему, даже выражалъ не разъ сочувствіе къ его грустному положенію, и предлагать своими совѣтами и даже матеріальной помощью пособить ему выпутаться изъ тяжелыхъ затрудненій. Но Стивенъ отвѣчалъ на всѣ эти дружескія предложенія однимъ презрительнымъ молчаніемъ, и потому Кэрквудъ скорѣ оставилъ его въ покоѣ, увѣряя старика Дангерфильда, что его юный другъ Стивенъ, когда поболѣе узнаетъ свѣтъ, то, конечно, образумится и увидитъ дѣла въ настоящемъ свѣтѣ, то-есть пойметъ, что онъ, Кэрквудъ—лучшій другъ всего семейства. Бѣдный старикъ слушалъ его молча, но съ видимымъ негодованіемъ и отвращеніемъ. Вообще Мартинъ Дангерфильдъ становился день ото дня все молчаливѣе и грустнѣе. Онъ очень нѣжно обходился съ сыномъ, но избѣгалъ съ нимъ оставаться наединѣ; съ Кэрквудомъ же онъ обыкновенно былъ очень учтивъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ горячо спорилъ съ нимъ, и въ эти минуты онъ подходилъ на раба, который рѣшился высвободиться изъ-подъ гнетущаго его ярма, во что бы то ни стало, и несмотря на всякія послѣдствія. Но, конечно, это продолжалось недолго; Кэрквудъ мало по малу тихими увѣщаніями и угрозами, произнесенными вполголоса, приводилъ его снова къ прежнему постыдному униженію. Различіе

состояло только въ томъ, что хитрый интригантъ перемѣнилъ тактику льва на тактику змѣи, какъ болѣе удобную въ присутствіи Стивена.

Что касается до послѣдняго, то Кэрвудъ, узнавъ о его частыхъ поѣздкахъ въ Упландсъ, началъ стараться шутками выпытывать отъ него необходимыя для него свѣдѣнія о томъ, въ которую изъ двухъ красавицъ молодой человѣкъ влюбился, ибо онъ былъ совершенно увѣренъ, что тотъ ватагас не даромъ. Однако, всѣ его ироническіе намеки на благодѣтельную перемѣну въ Стивенѣ, на вѣроятно пріятныя его прогулки и посѣщенія сосѣдей, ни къ чему не привели, такъ-какъ молодой человѣкъ очень рѣдко ему отвѣчалъ и то съ гордой, холодной учтивостью, уничтожавшей всякую мысль о фамиллярности или откровенности. Впрочемъ, Стивенъ въ этомъ отношеніи немного ошибался; онъ поступалъ такъ изъ боязни, чтобъ Кэрвудъ, который дерзко требовалъ нѣсколько разъ, чтобъ Дангерфильды его познакомили съ нѣкоторыми сосѣдями—не попросилъ бы Стивена свезти его въ Упландсъ. Но въ сущности Кэрвудъ не могъ питать подобнаго желанія, такъ-какъ ему не было никакой охоты воскрешать непріятныя воспоминанія, которыя поневолѣ наполнили бы его голову при свиданіи съ двумя изъ обитателей Упландса; что же касается до присутствія тамъ третьяго лица, съ именемъ котораго были связаны болѣе нѣжныя воспоминанія—онъ не имѣлъ о томъ ни малѣйшаго понятія. Напротивъ, было очень замѣчательно, пока какъ бы Кэрвудъ ни смѣялся надъ Стивеномъ, онъ никогда не упоминалъ въ его присутствіи имени Верноновъ и ихъ помѣстья. Молодой человѣкъ не обращалъ на это вниманія до тѣхъ поръ, что однажды совершенно случайно услышалъ изъ другой комнаты слѣдующее замѣчаніе Кэрвуда его отцу, который рѣзко упрекнулъ его, по видимому за то, что тотъ упомянулъ имя Вернона. «Я такъ же мало люблю это имя, какъ вы, Мартинъ Дангерфильдъ, сказалъ Кэрвудъ: — такъ намъ нечего изъ-за этого ссориться.»

Услыхавъ эти слова, Стивенъ поспѣшно удалился, не желая играть роли шпиона, а быть можетъ, изъ инстинктивной боязни услышать что нибудь, что могло разсѣять его золотыя мечты о счастьѣ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ очень доволенъ узнать, что Кэрвудъ ни мало не намѣренъ знакомиться съ Вернонами. Представьте же себѣ его удивленіе и негодованіе, когда на другой день послѣ подслушаннаго разговора, возвращаясь домой въ сумеркахъ, онъ встрѣтилъ у самыхъ воротъ Упландса ѣхавшаго туда мистера Кэрвуда.

Оливеръ Вернонъ былъ въ своемъ кабинетѣ, когда ему доложили о неожиданномъ посѣтителѣ. Онъ писалъ до тѣхъ поръ,

что стемнѣло, и теперь сидѣлъ въ своемъ покойномъ креслѣ, погруженный въ глубокую думу. Несмотря на полумракъ, царствовавшій въ комнатѣ, можно было разобрать все, что въ ней находилось, и какъ простое, но комфортабельное убранство комнаты, такъ и заглавія книгъ, наполнявшихъ громадные шкапы; ясно указывали на характеръ и направленіе хозяина. Между книгами тутъ были сочиненія и по философіи, и по исторіи, и по литературѣ; но опытный глазъ тотчасъ замѣчалъ, что всѣ онѣ подобраны и дышатъ однимъ болѣе или менѣе широкимъ, гуманнымъ, человѣчнымъ взглядомъ на всѣ вопросы. По угламъ комнаты возвышались бюсты филантроповъ, а не завоевателей; тутъ вы могли найти Говарда, но не Наполеона. Картины на стѣнахъ согласовались съ тѣмъ же главнымъ направленіемъ мыслей хозяина.

И въ настоящую минуту Оливеръ Вернонъ думалъ о благѣ своихъ ближнихъ. Тѣ немногіе дни, которые онъ провелъ въ своемъ мнѣніи со времени возвращенія изъ путешествія, были посвящены самой энергической дѣятельности, значить—принесли много пользы несчастнымъ, ибо мало людей дѣлали столько добра, какъ Вернонъ. Онъ не только подавалъ милостыню, но главнымъ образомъ разсмѣивалъ настоящую причину горя и нищеты и старался оказать долговѣчную, а не временную пользу. Въ этомъ-то и заключалась основная черта его характера. Мы уже говорили, что иные его считали радикаломъ въ политическихъ и социальныхъ вопросахъ, но онъ въ сущности по своимъ понятіямъ и мнѣніямъ былъ скорѣе противоположенъ тому, что по настоящему должно бы означать словомъ радикаль. Онъ былъ скорѣе съятель, чѣмъ разрушитель. Онъ не столько жаждалъ искоренить зло, какъ съять добро, не столько варать—какъ учить и воспитывать. Онъ никогда не трудился проповѣдывать свои мнѣнія, а оставлялъ своимъ дѣламъ говорить самимъ за себя, надѣясь, что его оцѣнятъ по достоинству если не сегодня, то завтра. Два раза Оливеръ Вернонъ являлся кандидатомъ въ члены конгресса, не для того, чтобъ попытаться счастья—ибо его партія была немногочисленная, а популярности въ округѣ, хотя и значительная, все же была недостаточна для побѣды надъ численнымъ превосходствомъ его противниковъ—но онъ это дѣлалъ для поддержанія принципа, такъ-какъ большая часть сосѣднихъ богатыхъ землевладѣльцевъ уклонялись отъ политическаго поприща. Въ первый разъ надъ нимъ одержалъ побѣду генералъ Вагъ-Донгъ, жившій въ то время въ этомъ округѣ, а во второй какой-то пьянчужва ирландецъ въ родѣ Максвиндія. Эти пораженія, какъ естественны и предчувствованы они ни были, сдѣлали много пользы Вернону, увеличивъ его популярность. Его добрыя дѣла,

нѣжное обхожденіе со всѣми и поразительная покорность судьбѣ, привлекли къ нему мало-по-малу всеобщее сочувствіе, такъ что теперь не было почти человѣка во всемъ округѣ, столь любимаго и уважаемаго, какъ Оливеръ Вернонъ.

Какъ мы уже сказали, онъ былъ погруженъ въ глубокую думу, когда лакей доложилъ, что его желаетъ видѣть какой-то джентельменъ.

— Развѣ онъ не далъ своей карточки, не сказалъ своего имени? спросилъ Вернонъ.

— Онъ сказалъ, сэръ, что это излишне и просилъ только сказать, что онъ пришелъ и желаетъ васъ видѣть.

— Гдѣ онъ, въ гостиной?

— Нѣтъ, тамъ барышни; а мистеръ Дангерфильдъ только что уѣхалъ. Неизвѣстный господинъ, услыхавъ ихъ голоса, прошелъ въ маленькую, темную столовую, такъ-какъ желалъ только видѣть васъ однихъ.

— Хорошо. Попроси его сюда и подай свѣчи.

Черезъ нѣсколько минутъ Джемсъ Кэрквудъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ лакеемъ, который, подвинувъ гостю кресло, удалился. Наступило минутное молчаніе; быть можетъ, оба, и гость и хозяинъ, оцѣнивали мысленно перемѣну, происшедшую въ нихъ обоихъ или они вспоминали о прошедшемъ, или наконецъ обдумывали всѣ шансы дипломатической борьбы, которая должна была разразиться между ними. Какъ бы то ни было, только черезъ нѣсколько минутъ, Кэрквудъ первый прервалъ молчаніе.

— Я получилъ ваше письмо только вчера. Оно было адресовано въ городъ, а оттуда не знали куда переслать, такъ-какъ я не нахожу всегда удобнымъ оставлять свой адресъ. Я наконецъ сталъ беспокоиться, что шкуна такъ долго не приходила и написалъ въ контору, оттуда мнѣ и прислали ваше письмо.

— Вы обдумали мое предложеніе?

— Да, и нѣтъ. Это очень удивительный случай. И я бы желалъ знать, на какомъ основаніи вы увѣрены въ справедливости вашихъ предположеній. Это еще, можетъ быть, ошибка?

— Нѣтъ. Одно сходство съ отцомъ и матерью было бы достаточнымъ доказательствомъ. Потомъ имя...

— Да, я назвалъ ее такъ по моему родному штату, а на плантаціи ее всѣ звали Алли.

— Наконецъ, продолжалъ Вернонъ, доставая изъ конверта небольшой свертокъ, перевязанный голубой лентой: — эти письма, адресованныя на ваше имя и которыя, вѣроятно, дублируютъ тѣхъ, которыя посланы по почтѣ, должны уничтожить всякое сомнѣніе.

Кэрквудъ взялъ письма и, сломавъ печать, тотчасъ утвердительно махнулъ головою.

— Да, дѣло теперь совершенно ясно. Но вы должны согласиться, что это случай удивительно странный и потому я имѣлъ полное право сомнѣваться. И такъ, намъ только остается рѣшить вопросъ о будущности ребѣнка.

— Я предлагаю вамъ освободить васъ отъ всѣхъ заботъ и отвѣтственности.

— Я не вижу достаточно ясно причину, почему вы хотите взять все это на себя.

— Это, однакожъ, очень просто. Кажется, не нужно мнѣ распространяться о томъ, что ребенка отдать матери было бы неблагоприятно, чтобъ не сказать болѣе. Мы съ вами согласны въ этомъ — не правда ли? — и, слѣдовательно, нечего объ этомъ болѣе и говорить; въ особенности же, когда мать согласна оставить ребенка на моемъ попеченіи, если только вы дадите слово ни во что не вмѣшиваться.

— Хорошо, продолжайте.

— Значить, остается намъ только рассмотреть вопросъ, отдать ли ребенка вамъ самимъ? продолжалъ Вернонъ. — Но и это, по моему мнѣнію было бы точно также неблагоприятно. Вы вели такую недостойную, скажу — порочную жизнь, что если вы не исправились, о чемъ, къ несчастью, я никогда не слыхалъ, то положеніе вашей дочери, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, было бы самое незавидное.

— Вы забываетесь, Вернонъ! воскликнулъ злобно Кервудъ: — вы забываетесь!

— Ни мало, возразилъ спокойно Вернонъ: — какую вы вели жизнь до вашего отъѣзда въ Калифорнію, я не имѣю нужды вамъ напоминать; довольно того, что вы знаете, какъ коротко она мнѣ известна. Что же касается до вашей послѣдующей жизни, то если вы желаете, я вамъ ее расскажу.

Кервудъ нетерпѣливо махнулъ рукой, а Вернонъ продолжалъ:

— Я съ вами совершенно согласенъ; мой рассказъ былъ бы излишнимъ. У меня цѣль одна: какъ можно скорѣе придти къ какому-нибудь соглашенію съ вами. Если вы меня спрашиваете, то я долженъ вамъ откровенно и обстоятельно отвѣчать. Я хочу взять на свое попеченіе и отвѣтственность вашу дочь до ея совершеннолѣтія, а тамъ пускай она сама рѣшитъ, чтѣ дѣлать съ собою.

Въ эту минуту раздался легкій толчокъ въ дверь, и лакей принесъ свѣчи. Оба собесѣдника замолчали на нѣсколько минутъ, и пристально смотрѣли другъ на друга. Нельзя было не замѣтить, что Кервудъ, разговаривая съ Вернономъ, держалъ себя и выражался совершенно просто и безискусственно. Всякая тѣнь изысканной любезности, которая такъ поражала Стивена Дангерфильда,

теперь совершенно исчезла; Вернонъ зналъ его вдоль и поперекъ, и потому онъ передъ нимъ не игралъ никакой роли, а говорилъ то, что чувствовалъ. Съ человѣкомъ, необладающимъ такой силой воли, какъ Вернонъ, онъ обошелся бы совершенно иначе, въ родѣ того, какъ поступалъ съ несчастнымъ Мартиноу Дангерфильдомъ. Но теперь онъ довольно покойно проивзнесъ:

— Вы не хотите признавать во мнѣ никакого человѣческаго чувства, Вернонъ.

— Повѣрьте, я былъ бы очень радъ признать въ васъ что-нибудь хорошее, еслибъ только это видѣлъ. Ваша натура слишкомъ энергична, чтобъ быть безцвѣтной; вы должны или дѣлать добро, или зло; вы не можете оставаться въ бездѣйствіи; до сихъ поръ, я видѣлъ только признаки послѣдняго. Конечно, очень, можетъ быть, что вы пытаете какое-нибудь чувство къ вашей дочери, которую вы такъ давно не видали; но зная васъ хорошо, я сомнѣваюсь, чтобъ это чувство было очень сильно.

— Я то, что я есть, отвѣчалъ мрачно Кэрквудъ: — нечего терять время въ личностяхъ. Быть можетъ, придетъ время, когда я буду въ состояніи оказать вамъ услугу, или сдѣлать вамъ значительный вредъ, потому лучше совѣтую вамъ обходиться со мною прилично. Къ тому же, я пришелъ къ вамъ не за однимъ дѣломъ, о которомъ мы только-что говорили. Я уѣхалъ отсюда впопыхахъ и въ неудачную для себя минуту, но это не обязываетъ меня отказаться отъ моихъ законныхъ правъ, теперь, когда я могу ихъ на свободѣ доказать. У меня есть вексель на имущество покойнаго Джона Грѣзбрука — въ двѣнадцать тысячъ долеровъ. Вы, какъ душеприказчикъ, управляете имѣніемъ, и потому я пришелъ къ вамъ, чтобъ потребовать эти деньги съ доказательствомъ въ рукахъ.

— Почему вы знаете, что хватить довольно денегъ для уплаты этой суммы, если вы и дѣйствительно имѣете на нее право?

— Я знаю, что его дочь наслѣдовала деньги послѣ него, что вы треть всего имущества передали его женѣ, которая никогда не была въ законномъ разводѣ съ нимъ, а остальное вы сохраняете для упомянутой мною дочери. Посмѣйте опровергнуть мои слова?

— Ни мало не желаю. Вы говорите совершенную правду.

— Такъ вотъ доказательства моихъ правъ на означенную сумму.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана цѣлую кипу бумагъ и счетовъ, и вмѣстѣ съ Вернономъ принялся ихъ разсматривать. Послѣдній вскорѣ убѣдился, что если эти документы нефальшивы, то право Кэрквуда не подлежитъ никакому сомнѣнію, и если онъ откажется его признать, то эти документы могли слу-

жить сильнымъ орудіемъ въ рукахъ безсовѣстнаго противника, который, конечно, никого не пожалѣетъ, и начнетъ дѣло судебнымъ порядкомъ.

— И вы будете настаивать на вашемъ правѣ, сказалъ онъ наконецъ: — даже въ томъ случаѣ, если послѣ уплаты должныхъ вамъ по векселю, мисъ Грѣзбрукъ останется совершенно нищей?

— А развѣ это несправедливо? развѣ мнѣ не дѣйствительно должны деньги? Къ тому же, я скоро совсѣмъ состарѣюсь, и мнѣ необходимы денежки на черный день. Что жъ касается до мисъ Грѣзбрукъ, то она, пользуясь вашимъ покровительствомъ, конечно, сдѣлаетъ отличную партію.

Вернонъ серьезно задумался, но чрезъ нѣсколько минутъ, тряхнулъ головой и произнесъ рѣшительнымъ тономъ:

— Въ вашихъ словахъ есть основаніе; я согласенъ заплатить требуемыя вами деньги, но только подѣ нѣкоторыми условіями.

— Подѣ какими именно?

— Вы должны согласиться на мое предложеніе касательно вашей дочери, и предоставить ее мнѣ законнымъ образомъ, для воспитанія, до ея совершеннолѣтія.

— Еще чтѣ?

— Вы отдадите мнѣ эти документы, и законнымъ образомъ откажетесь отъ всякой претензіи на имущество покойнаго Джона Грѣзбрука.

— Это все?

— Наконецъ, вы дадите слово, что никогда не будете вѣшпываться въ мои распоряженія о судьбѣ вашего ребенка, и никогда, ни прямымъ ни косвеннымъ путемъ, не откроете вашей дочери, что вы ея отецъ.

— Ваши условія очень тяжелы, Оливеръ Вернонъ, несмотря на вашу репутацію филантропа; но пускай будетъ по вашему. Я согласенъ: скажите только, когда я могу получить отъ васъ деньги?

— Черезъ три дня. Къ тому времени я прикажу приготовить необходимые документы. Гдѣ вы живете?

— У вашего сосѣда, Мартина Дангерфильда.

— У Мартина Дангерфильда! Вы живете въ его домѣ?

— Отчего же нѣтъ. Я уже нѣсколько времени гощу у него, и надѣюсь еще остаться долго въ *Пріютѣ*.

— Мнѣ казалось, что онъ въ послѣднее время никого не принималъ.

— Это правда, но для меня онъ дѣлаетъ исключеніе. Вѣдь мы съ нимъ очень старинные друзья.

Несмотря на все удивленіе, возбужденное послѣдними словами Кэрквуда, Оливеръ Вернонъ не сдѣлалъ болѣе никакого замѣчанія; и они вскорѣ разошлись, повторивъ еще разъ на прощаніе условія своей сдѣлки.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ВЕНГРИЯ И АВСТРИЯ. — ФИНАНСОВЫЯ ДѢЛА АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРІИ. — ПРИБРАЖОВАНІЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ ПО ВОЕННОМУ И МОРСКОМУ ВѢДОМСТВАМЪ ВЪ РОССІИ.

Положеніе Венгріи въ послѣднее время было весьма неутрадно. Бѣдствія, постигшія эту страну въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ: неурожаи, скотскіе падежи и наводненія значительно понизили степень благосостоянія въ массѣ тамошняго населенія. Обременительные налоги также весьма много содѣйствовали этому. Наконецъ сопротивленіе австрійскаго правительства тѣмъ преобразованіямъ въ Венгріи, которыя клонились къ улучшенію быта этой страны, довели тамошнее населеніе до такой бѣдности и такого отчаяннаго положенія, что для венгерцевъ оставалось только два исхода: или возстать открыто противъ правительства и силою домогаться желаемыхъ реформъ, или войти съ нимъ въ миролюбивую сдѣлку. Неудача польскаго возстанія и общее положеніе дѣлъ въ Европѣ указывали венгерцамъ на всю бесполезность первой попытки, такъ что оставалось обратиться къ иной системѣ дѣйствій, а именно къ сближенію съ австрійскимъ правительствомъ. Но при этомъ, кромѣ устройства отношеній Венгріи къ габсбургской династіи, предстоить еще борьба между тремя началами политической жизни австрійской монархіи: централизацией, федерацией и дуализмомъ. Отъ перевѣса одного изъ этихъ началъ зависитъ судьба конституціи, данной 26 февраля 1861 года и долженствовавшей развить конституціонный порядокъ въ Австріи сообразно съ цѣлями императорскаго правительства.

Поставить Венгрію въ исключительныя, какъ-бы привилегированныя отношенія къ правительству если и возможно, то все же чрезвычайно трудно. При разноплеменномъ составѣ имперіи, каждая, существующая въ ней національность стремится къ политическому обособленію, такъ что если удовлетворить желаніе Венгріи

наравнѣ съ прочими областями имперіи, то императору придется имѣть при себѣ пять разныхъ министерствъ: одно для Венгріи, другое для Венеціанской области, третье для Галиціи, четвертое для Чехіи и пятое для наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣній. Национальное соперничество въ этомъ отношеніи такъ сильно, что едва лишь показались признаки уступокъ со стороны правительства въ пользу Венгріи, какъ чехи поспѣшили заявить свои политическія притязанія. Пражская газета «Narodni Listy» говоритъ, что для полнаго удовлетворенія стремленій чешскаго народа необходимы: торжественное коронованіе императора австрійскаго королемъ чешскимъ, избраніе правителемъ Чехіи такого лица, которое было бы посредникомъ между чешскимъ народомъ и верховною властію въ совѣтѣ императорскихъ министровъ, измѣненіе избирательнаго закона въ Чехіи, учрежденіе отдѣльнаго высшаго судилища въ Прагѣ, и официальное равенство языковъ нѣмецкаго и чешскаго какъ въ администраціи, такъ и въ училищахъ.

Одна изъ вѣнскихъ газетъ «Botschafter», органъ министра Шмерлинга, поддерживаетъ съ своей точки зрѣнія стремленія къ самоуправленію со стороны различныхъ национальностей, входящихъ въ составъ Австрійской имперіи, сопоставленія для этихъ стремленій съ притязаніями Венгріи. «Если мадьяры — говорить упомянутая газета — имѣютъ право требовать сохраненія ихъ конституціи, то и другіе народы имперіи имѣютъ право домогаться того же самаго. Если событія, случившіяся въ Венгріи въ 1848 и 1849 г., не положили конца этому праву, то какимъ же образомъ можно уничтожить патентъ 26 февраля 1861 года, когда съ этой поры другія национальности подавали примѣры покорности и патриотическихъ уступокъ? Его величество далъ торжественную клятву блюсти неприкосновенность конституціи, и его слово должно служить прочнымъ залогомъ. Дѣятельные и промышленные горожане, и трудящееся сельское населеніе нѣмецко-славянскихъ областей имѣютъ точно такіе же права, какъ и венгерскіе дворяне. Оставимъ въ сторонѣ второстепенные вопросы, сдѣлавшіяся, къ сожалѣнію, причиной нашихъ несогласій въ послѣднее время, и будемъ единодушно поддерживать конституцію 1861 года. Тогда мы въ этомъ согласіи найдемъ средства придать парламентскую жизнь единству имперіи.»

Между тѣмъ въ отношеніи своего политическаго быта Венгрія представляетъ особенность, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе для того, чтобъ понять какъ трудно уладить дѣла Венгріи, несмотря на начавшееся сближеніе между ею и императорскимъ правительствомъ. При этихъ дѣлахъ важны политическія стремленія не однихъ только венгровъ, но и славянъ.

Есть основаніе надѣяться, что предстоящее созваніе венгерскаго сейма послѣдуетъ на основаніи того избирательнаго закона, при помощи котораго дѣйствовалъ сеймъ 1861 года, и что такимъ образомъ все дѣло обойдется безъ новаго закона. Тогда обаяется, что продолжительное самоустраненіе Венгріи отъ участія въ конститу-

ціонной жизни остальной имперіи не принесло собственно для Венгрии ничего новаго. Надобно предполагать, что гражданскій смыслъ венгерскаго народа — замѣчаетъ газета «Ost-Deutsche-Post» — развилася въ послѣдніе годы до того, что имперіи гораздо легче будетъ сойтись съ Венгріей, нежели съ Кроаціей.

Нивакъ нельзя отвергать того, что въ Венгрии существуютъ различныя отбѣны между политическими партіями, какъ напримѣръ, консервативной, либеральной, радикальной; но дѣло въ томъ, что всѣ эти партіи желаютъ одного — автономіи Венгрии. Что же касается отношеній Венгрии къ другимъ областямъ имперіи, то при этомъ найдутся тамъ представители различныхъ взглядовъ и стремленій, какъ, напримѣръ, сторонники личнаго соединенія, то-есть соединенія Венгрии съ Австріей въ лицѣ императора. Короче, сторонники управления страной посредствомъ смѣшанной палаты и т. д. Но относительно того, какимъ образомъ долженъ быть устроенъ внутренній государственный порядокъ Венгрии, между венграми не существуетъ нивакаго разномыслія.

Совершенно иное представляется въ Хорватіи, гдѣ вопросъ о внутреннемъ устройствѣ страны разрѣшается весьма различно. Въ то время, какъ одна въ высшей степени вліятельная партія въ Кроаціи стремится къ воссоединенію Хорватіи съ Венгріей — другая, болѣе предприимчивая, мечтаетъ объ основаніи южно-славянской имперіи, ядромъ которой должно быть «тріединое королевство» — Кроація, Славонія и Далмація. Эта партія враждебно смотритъ на Венгрію, и еще враждебнѣе относится къ идеѣ единства Австрійской имперіи, управляемой смѣшанной палатой. Для этой партіи соединеніе съ Австріей еще болѣе ненавистно, нежели соединеніе съ Венгріей. Обѣ эти партіи: крайняя кроатская и крайняя венгерская, по самому существу своихъ стремленій, противоположны одна другой, но между тѣмъ обѣ онѣ сходятся въ томъ, что одинаково нерасположены къ нынѣшней централизующей австрійской конституціи. Если мы взглянемъ — замѣчаетъ газета «Ost-Deutsche-Post» — на тѣ средства, которыя опредѣляютъ могущество обѣихъ партій, маджарской и славянской, то должны будемъ признать безъ спору, что въ матеріальномъ отношеніи маджарская партія превосходитъ славянскую. Кроація сама по себѣ есть не что иное, какъ бѣдная страна, средства которой едва достаточны для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія, такъ что она сама нуждается въ помощи Австріи. Напротивъ того, Венгрія сильна и богата. Съ развитіемъ путей сообщенія и съ освобожденіемъ ея отъ преданій устарѣвшаго законодательства и администраціи, она можетъ удесятерить производительность своей почвы. Между тѣмъ южно-славянская партія, раскинутая по территоріи, не столь богатой естественною производительностію, слаба въ матеріальномъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе она питаетъ блестящія надежды на будущее. Свои упованія и надежды, всю программу своей политической будущности она основываетъ на тѣхъ земляхъ, которыя входятъ нынѣ въ составъ Оттоманской имперіи. Но эти упованія и эти стремленія

встрѣчаютъ въ Венгріи такой же неблагоприятный пріемъ, какъ и въ той части Австрійской имперіи, которая населена собственно нѣмцами.

Дѣйствительно, если допустить осуществленіе того предположенія, что Кроація, въ союзѣ съ прочими славянскими землями, станетъ стремиться къ осуществленію своихъ національныхъ стремленій, то южно-славянская идея будетъ грозить Венгріи бѣльшими опасностями, нежели австрійскимъ нѣмцамъ. Сплошное нѣмецкое населеніе Австріи примыкаетъ къ тридцати милліонамъ своихъ соотечественниковъ, между тѣмъ какъ венгерское племя живетъ особнякомъ, не имѣя никакой поддержки внѣ Австріи. При томъ венгерцы перемѣшаны съ южными славянами и окружены ими. Не менѣе важное значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ и различіе вѣровно-вѣданій. Венгрія по большей части исповѣдуетъ или католическую или протестантскую религію; слѣдовательно большинство ея населенія принадлежитъ къ религіямъ, господствующимъ на западѣ Европы. Напротивъ, бѣльшая часть южныхъ славянъ принадлежитъ къ восточной церкви, представительницей которой служитъ Россія. Такимъ образомъ, южно-славянская партія, по замѣчанію газеты «Ost-Deutsche-Post», связана съ Россіею двойными узами—узами религіи и національности.

Обстоятельство это, скажемъ мы, имѣетъ до сихъ поръ весьма мало практическаго значенія, но тѣмъ не менѣе оно не ускользаетъ отъ дальновидности австрійскихъ политиковъ, которые предвидятъ если не господство, то все же болѣе или менѣе сильное тяготѣніе Россіи на южно-славянскія области Австрійской монархіи, еслибы эти области, подобно Венгріи, получили автономію. Они полагаютъ, что если въ настоящее время южно-славянская партія еще нисколько не опасна ни австрійцамъ, ни венгерцамъ, то этого никакъ нельзя сказать о будущемъ, когда политическій прогрессъ значительно усилитъ могущество славянскаго элемента, какъ въ лицѣ Россіи, такъ и въ лицѣ славянскихъ племенъ, нѣмѣ подвластныхъ Турціи. Поэтому, австрійскіе и венгерскіе политики и публицисты, разсуждающіе о венгерскомъ вопросѣ, имѣютъ въ виду и славянскія тенденціи сосѣднихъ съ Венгріею племенъ, существованіе которыхъ, какъ политическая угроза для австрійскаго правительства и венгерской національности, скорѣе благоприятствуетъ нежели противодѣйствуетъ конституціонному соединенію Венгріи и Австріи въ одно цѣлое.

Хотя по отношенію венгерцевъ къ нѣкоторой части австрійскихъ славянъ, этимъ послѣднимъ съ усиленіемъ самостоятельности Венгріи грозитъ венгерское поработеніе, въ замѣнъ нѣмецкаго, тѣмъ не менѣе однако нельзя не сказать, что возстановленіе конституціонныхъ правъ Венгріи должно будетъ въ значительной степени содѣйствовать конституціонному развитію во всей Австрійской монархіи. Нельзя не признать, что при возвращеніи Венгріи ея древнихъ правъ, необходимо будетъ произвести существенныя измѣненія въ февральской конституціи: но изъ этого не слѣдуетъ, что

конституціонныя права, предоставляемыя, въ силу этого уложенія, нѣмецкимъ и славянскимъ землямъ, подлежали бы ограниченію. Напротивъ того, въ упроченномъ конституціонномъ устройствѣ Венгріи заключается ручательство въ прочности и развитіи конституціонныхъ правъ и прочихъ областей, составляющихъ Австрійскую имперію. Соединеніе свободной Венгріи съ порабощаемой Австріей, соединеніе страны, гдѣ развилась жизнь конституціонная, съ страной, въ которой эта жизнь находится только въ зачаткахъ, не можетъ остаться безъ благотворнаго вліянія на послѣднюю. Конституціонная страна была бы въ нѣкоторомъ отношеніи контролемъ надъ правительствомъ. Она подозрѣвала бы всегда, что правительство посягнетъ на уступленныя имъ однажды права или пренебрежетъ сдѣланными имъ уступками и потому стала бы требовать большихъ обезпеченій и ручательствъ, нежели при нормальномъ порядкѣ. Съ другой стороны, управляемая на болѣе или менѣе абсолютныхъ началахъ прочія части государства, въ особенности потому—что онѣ стоятъ выше Венгріи по своей образованности и благосостоянію—смотрѣли бы съ постоянною завистію на преимущества сосѣдняго народа, почерпая изъ каждаго пренія, изъ каждой сказанной тамъ свободной рѣчи поводъ къ упроченію своихъ конституціонныхъ правъ.

Отношенія Венгріи къ Австріи находятся, вслѣдствіе хода историческихъ событій, въ особыхъ условіяхъ. Королевство венгерское перешло во власть габсбургскаго дома не путемъ завоеванія, но посредствомъ родственныхъ связей господствовавшей въ Венгріи династіи съ фамліей Габсбурговъ и вслѣдствіе добровольнаго избранія сеймомъ императора Фердинанда I въ королѣ венгерскіе. Венгрія была собственно негосударственное приобрѣтеніе Австріи, но династическое наслѣдство царствующаго рода. Поэтому не было никакого основанія лишать ее тѣхъ политическихъ правъ, которыми она пользовалась до перемѣны династіи, и ставить ее въ положеніе страны завоеванной. Только несоразмѣрности политическихъ правъ, удержанныхъ Венгріею, въ сравненіи съ правами прочихъ областей, подвластныхъ австрійской коронѣ, представляли Венгрію областью, нарушающею гармонію самодержавныхъ правъ императора въ прочихъ наслѣдственныхъ его земляхъ. Особыя обстоятельства содѣйствовали къ расширенію преимуществъ, предоставленныхъ Венгріи. Такъ, въ 1608 году, эрцгерцогъ Матѳей, провозглашенный королемъ венгерскимъ подъ верховною властію брата своего, императора Рудольфа II, изъ вражды къ брату и изъ желанія найти опору въ венгерцахъ, объявилъ на пресбургскомъ сеймѣ, что впредь Венгрія будетъ до нѣкоторой степени пользоваться независимостію по дѣламъ финансовымъ, по которымъ прежде зависѣла она исключительно отъ вѣнскаго придворной камеры.

Само собою разумѣется, что финансы составляютъ весьма важный предметъ не только въ хозяйственномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Съ системой финансовъ тѣсно связана система нало-

говъ, а эти послѣдніе ближайшимъ образомъ касаются имущественныхъ и личныхъ правъ каждаго гражданина. Ходъ финансовыхъ дѣлъ служить прежде всего мѣрною развитія либерально-конституціонныхъ учреждений. Между тѣмъ Венгрія, получивъ значительную самостоятельность по дѣламъ финансовымъ, стала въ исключительныя отношенія къ императорско-королевской власти. Съ того времени началось разобщеніе Венгрии съ прочими частями Австрійской монархіи, а королевство венгерское успѣвало сохранять почти въ совершенной неприкосновенности свои старинныя политическія права. Между тѣмъ нѣмцы и славянскія области Австріи, отягощенные налогами, стали утрачивать свои прежнія преимущества и вскорѣ подверглись полному самовластию со стороны австрійскаго правительства. Независимое положеніе Венгрии тревожило время-отъ-времени государей габсбургскаго дома, и они нерѣдко нарушали права и преимущества венгерцевъ, опираясь на нѣмцевъ и славянъ, недовольныхъ тѣмъ, что венгерцы, по предоставленнымъ имъ правамъ, составляли замѣтное исключеніе между всѣми областями, подвластными Габсбургамъ.

Такое національное соперничество, постоянно поддерживаемое австрійскимъ правительствомъ, укоренило чувство разлада, вражды и взаимнаго раздраженія и развивало идею сепаратизма, оказавшуюся столь сильной, что общая конституція, данная имперіи, требовала, кромѣ областнаго управленія, и особаго представительства въ имперскомъ совѣтѣ. Въ конституціонныхъ учрежденіяхъ Австріи, Венгрія принимаетъ особое, своего рода участіе. Хотя всѣ партіи въ Венгрии, преимущественно же старая консервативная партія хвалятся тѣмъ, что онѣ сочувствуютъ новымъ либеральнымъ учрежденіямъ Австріи, но Венгрія нетолько отдѣливается отъ этихъ учреждений, но и старается не допустить ихъ въ славянскихъ областяхъ, соединенныхъ съ Венгріей. Правда, что эта партія въ 1860 году содѣйствовала, повидимому, введенію конституціоннаго порядка въ Австріи, но при этомъ она надѣялась возстановить венгерскій сеймъ, которому съ 1849 года грозило совершенное уничтоженіе. Венгрія весьма усердно сохраняла свое обособленіе отъ прочихъ частей монархіи, и въ первомъ же засѣданіи рейхсрата представитель Венгрии заявилъ отъ имени своихъ соотечественниковъ, что общій для всей имперіи государственный совѣтъ возбудилъ сильныя опасенія въ Венгрии; при этомъ онъ ссылался на старинныя права королевства венгерскаго и указывалъ на различіе въ политическомъ отношеніи между Венгріей и прочими коронными землями.

Кромѣ консервативной партіи, въ Венгрии существуетъ еще партія Деака и Этвеша; къ ней примыкаютъ венгерскіе прогрессисты; цѣль этой партіи — уменьшить сколь возможно болѣе значеніе рейхсрата, обративъ его въ коронное учрежденіе, такъ чтобы участіе въ немъ венгерцевъ не имѣло бы значенія народнаго представительства, которое сосредоточивалось бы собственно на одномъ только венгерскомъ сеймѣ. Въ настоящее время венгерскіе патріо-

ты подчинились этой мысли и всё ихъ усилія направлены къ тому, чтобъ достигнуть соглашенія съ королемъ-императоромъ безъ всякаго участія со стороны имперскаго совѣта и министерства. Такой исходъ запутанныхъ венгерскихъ дѣлъ представлялся какъ-бы соглашеніемъ государя съ его подданными въ отдѣльномъ самостоятельномъ государствѣ, такъ-какъ въ этомъ случаѣ дѣйствующими лицами были бы только венгерцы и ихъ король, носящій, съ точки зрѣнія венгерцевъ, только дополнительный титулъ императора австрійскаго. Короче, здѣсь высказалась бы идея о личномъ соединеніи императора съ Венгріей, а не принадлежность Венгрии австрійской коронѣ, такъ-какъ при этихъ условіяхъ Францъ-Иосифъ дѣйствовалъ бы только въ качествѣ короля венгерскаго.

Мысль эта вполне ясно высказана въ первомъ номерѣ вновь появившейся въ Пештѣ газеты, издаваемой барономъ Этвешомъ, другомъ Деака. Въ этой газетѣ заявлено, между прочимъ, что Венгрія— страна свободная, независимая, необязанная подчиняться вліянію другаго государства или другихъ провинцій, что она такая страна, которая можетъ быть управляема не иначе, какъ своимъ собственнымъ правительствомъ, на основаніи законовъ, изданныхъ съ согласія народнаго представительства и короля венгерскаго.

«Сношенія, законнымъ образомъ существующія между Венгріей и прочими частями имперіи — сказанно въ упомянутой газетѣ — не требуютъ подчиненія одной части другой, но должны обуславливаться равноправностью общихъ частей и, слѣдовательно, пока связь, соединяющая Венгрію съ прочими частями монархіи, требуетъ совокупнаго обсужденія интересовъ, общихъ для всѣхъ частей имперіи, до тѣхъ поръ венгерскій народъ долженъ имѣть вліяніе на рѣшенія, касающіяся его судьбы, равное съ остальными народами монархіи».

Такимъ образомъ, либеральная партія въ Венгріи, не уклоняясь отъ вмѣшательства въ общія государственныя дѣла, представляетъ Венгрію самостоятельнымъ, какъ-бы федеративнымъ въ отношеніи къ Австріи государствомъ, съ особымъ политическимъ устройствомъ, основаннымъ на національномъ бытѣ венгерцевъ.

Совершившійся въ Вѣнѣ министерскій кризисъ придалъ венгерскому вопросу особое значеніе. Полагаютъ, что этотъ кризисъ не былъ вызванъ важными несогласіями, возникшими между имперскимъ совѣтомъ и министерствомъ по поводу вопроса о бюджетѣ и финансахъ. Всѣ полагаютъ, что онъ только послѣдствіе того положенія, въ которое пришли венгерскія дѣла въ настоящее время. Поѣздка императора въ Пештъ и восторженный приемъ, ему тамъ оказанный, содѣйствовали ускоренію кризиса. Императоръ былъ крайне недоволенъ дѣйствіями министерства въ отношеніи къ Венгрии и, какъ говорятъ, успѣлъ убѣдиться въ томъ, что Венгрія не промѣняетъ своей древней конституціи на февральскій патентъ, поддерживаемый г. Шмерлингомъ съ такимъ энергическимъ упорствомъ. Кроме того, слишкомъ большія конституціонныя притязанія имперскаго сейма возбудили въ императорѣ неудовольствіе,

и онъ, въ этомъ случаѣ, послѣдовалъ традиціонной политикѣ Габсбурговъ, рассчитывая найти для себя опору въ Венгріи, противъ другихъ частей монархіи, неостановившихся на первыхъ шагахъ конституціоннаго развитія. Сближеніе съ Венгріей подаетъ императору надежду избавиться отъ слишкомъ либеральныхъ притязаній имперскаго сейма, который, послѣ устройства дѣлъ въ Венгріи, долженъ будетъ увидѣть, что у правительства нѣтъ на рукахъ особенныхъ заботъ, и что оно, поэтому, не встрѣчаетъ никакой надобности въ конституціонныхъ уступкахъ.

Съ своей стороны г. Деакъ изъявилъ согласіе вступить въ переговоры съ правительствомъ, и Францу-Иосифу было представлено приглашеніе пожаловать на конскія скачки, бывшія въ Буддахъ въ началѣ іюня. Императоръ, потерявшій уже вѣру въ г. Шмерлинга по дѣламъ Венгріи, польстился надеждой лично осуществить согласеніе, надъ которымъ такъ безуспѣшно трудились всѣ государственные люди Австріи, и прямо вступилъ на путь, открытый ему консерваторами, которыхъ поддерживала, между тѣмъ, влериальная партія. Очевидно, что февральская конституція и ея защитники служатъ главнымъ препятствіемъ къ предварительному сближенію между императоромъ и Венгріей. Но измѣнить конституціи неудобно; гораздо удобнѣе было отстранить отъ дѣлъ главныхъ ея охранителей, и вотъ почему лица, принадлежащая къ этой категоріи, придворные канцлеры: венгерскій — графъ Германъ Зичи и трансильванскій — графъ Надашди получили внушеніе подать просьбу объ отставкѣ, что ими и было исполнено.

На мѣсто графа Зичи назначенъ Георгъ Майлатъ, принадлежащій къ числу вождей консервативной партіи. Это назначеніе дало поводъ думать, что въ февральской конституціи предлагается сдѣлать измѣненія, объемъ и значеніе которыхъ не могутъ быть еще предугаданы. Затѣмъ и другіе министры подали въ отставку, и на мѣсто г. Шмерлинга предназначается графъ Бельереди, неревностный поклонникъ централизаціи, столь привлекательной для г. Шмерлинга.

Теперь главное вниманіе политиковъ и публицистовъ обращено на предстоящее созваніе венгерскаго сейма. При этомъ необходимо прежде всего, чтобы предварительно были составлены тѣ королевскія предложенія, которыя будутъ внесены на сеймъ, и отъ принятія сеймомъ этихъ предложеній будетъ зависѣть весь дальнѣйшій ходъ дѣла. Теперь весьма важнымъ вопросомъ явился вопросъ о томъ, съ чего нужно развивать конституціонныя учрежденія Венгріи? Старая, такъ-называемая тысячелѣтняя конституція Венгріи уже не существуетъ: она уничтожена нетолько австрійскимъ правительствомъ, но — что еще важнѣе — самими венгерцами. Старая феодальная конституція существовала въ Венгріи до 1848 года; но о ней еще ранѣе говорили, что она не удовлетворяетъ ни требованіямъ справедливости, ни современнымъ условіямъ социальнаго быта. Въ 1848 году, конституція эта была уничтожена торжественно и, въ замѣнъ ея, была введена представительная система и личное

соединение. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого переворота, Венгрія отложила совершенно отъ Австріи и была объявлена республикой; потомъ все это было уничтожено, вслѣдствіе покоренія Венгрія оружіемъ. Такимъ образомъ, сама Венгрія разрушила прежній, существовавшій въ ней порядокъ, и вслѣдъ затѣмъ Австрія уничтожила все то, что создала революція, такъ-что собственно въ Венгрії не существуетъ ни старой венгерской конституціи, ни того политическаго устройства, которымъ былъ замѣненъ прежній феодальный порядокъ. Въ послѣднее время съ Венгріей поступали, какъ съ завоеванной страной, не вводя въ ней постоянного управленія, но замѣняя его временнымъ.

Въ виду всего этого, приходится, какъ кажется, избрать исходной точкой для взаимныхъ соглашеній между венгерцами и австрійскимъ правительствомъ тотъ порядокъ, который возникъ въ Венгрії передъ революціоннымъ движеніемъ, и который, однако, былъ признанъ законнымъ со стороны императора Фердинанда въ 1848 году. Всего соотвѣтственнѣе возвратиться къ установленіямъ 1848 года, которыя были изданы венгерскимъ сеймомъ и утверждены императоромъ. При этомъ до нѣкоторой степени мнрятся между собою и право народнаго правительства венгерцевъ, и право габсбургской династіи на корону св. Стефана. Но тогда придется сдѣлать обоюдныя уступки: императоръ долженъ будетъ допустить введеніе въ февральскую конституцію нѣкоторыхъ законоположеній 1848 года, а венгерцы съ своей стороны должны будутъ принять нѣкоторыя статьи общей имперской конституціи. Правда, что и такой способъ соглашенія дѣль весьма нелегокъ, такъ-какъ законы 1848 года дѣлають изъ Венгрії страну совершенно отдѣльную, существующую самостоятельно подъ верховною властію габсбургскаго дома, который является преемникомъ династіи Арпадовъ, безъ всякаго отношенія къ прочимъ короннымъ областямъ. Въ законахъ этихъ венгерцы осуществили свою старинную поговорку: «*extra Hungariam non est vita*». Водвореніе порядка 1848 года будетъ для австрійскаго правительства попятный шагъ къ тому положенію, которое существовало нѣсколько столѣтій тому назадъ и которое оно старалось уничтожить съ цѣлью прекратить разобщеніе Венгрії съ прочими частями Австрійской монархіи.

По програмѣ г. Деака, Венгрія должна представлять особаго рода дуализмъ въ Австрійской монархіи. Въ имперіи должно существовать два, независимыхъ другъ отъ друга, министерства: австрійское и венгерское. Венгрія и Австрія должны были бы высылать особыхъ посланниковъ въ чужіе края, а въ случаѣ войны, одна изъ этихъ частей имперіи можетъ принять участіе въ войнѣ, а другая наблюдать нейтралитетъ. Конечно, съ перваго взгляда такое личное соединеніе Венгрії и Австріи можетъ казаться несообразнымъ. Нѣкоторыя газеты замѣчаютъ, впрочемъ, что настоящія стремленія Венгрії, послѣ испытанныхъ ею неудачъ въ борьбѣ съ австрійскимъ правительствомъ, уже не такъ широки, какъ прежде, но тѣмъ не менѣе они еще значительны до такой степени,

что соглашеніе венгерцевъ съ Австріей представляетъ весьма много существенныхъ затрудненій. Рѣшеніе этого вопроса затрудняется еще и тѣмъ, что Трансильванія, Кроація и сѣверная Славонія нерасположены вовсе въ самостоятельности Венгерскаго королевства и предпочитаютъ остаться въ прямой зависимости отъ австрійскаго правительства.

Нельзя не сказать, что финансовыя дѣла австрійскаго правительства имѣли отчасти вліяніе на готовность императора Франца-Иосифа сойтись съ венгерцами. Въ прежнее время дѣла этого рода оставались тайной австрійскихъ канцелярій; но теперь они выносятся наружу.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій въ верхней палатѣ рейхсрата обсуживали бюджетъ 1866 года. Въ этомъ засѣданіи было представлено палатѣ положеніе австрійскихъ финансовъ графами Ауэрсбергомъ, Рехбергомъ, Туномъ и княземъ Коллоредо. На представленія эти не только не послѣдовало какихъ-либо возраженій, но, напротивъ, они были приняты палатою съ полнымъ сочувствіемъ. Это обстоятельство заставляеть не сомнѣваться въ справедливости тѣхъ заявленій, которыя были сдѣланы упомянутыми лицами.

Послѣ рѣчи министра финансовъ Пленера, представившей положеніе австрійскихъ финансовъ по возможности въ самомъ утѣшительномъ видѣ, графъ Ауэрсбергъ, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: представительство имперіи, вѣрно понимая положеніе дѣлъ, хотѣло доставить правительству время и спокойствіе, а потому съ предупредительностію и готовностію разрѣшало всѣ кредиты, требуемыя правительствомъ; но, кажется, эта предупредительность и эта готовность были поняты превратно. Теперь пора подобныхъ уступокъ миновала: непрерывно все громче и громче раздаются голоса изъ провинцій, особенно изъ провинціи наиболѣе подавленныхъ налогами—отсюда слышатся голоса податныхъ лицъ, требующихъ облегченія почти невыносимыхъ для нихъ платежей. Въ Венгріи допущенъ сборъ податей натурою; Штирія требуетъ такихъ же облегченій, въ Крайнѣ не прибѣгаютъ теперь къ экзекуціи потому только, что тамъ уже нечего брать этимъ способомъ. Въ докладѣ комисіи—продолжалъ графъ Ауэрсбергъ—поставлено на видъ, что цѣны на всѣ недвижимыя имущества упали, что торговля въ застоѣ, сельское хозяйство и промышленность испытываютъ надобность въ кредитѣ, но не могутъ найти его, потому что онъ поглощенъ такою системою финансоваго управленія, которая отнимаетъ у промышленности и сельскаго хозяйства всѣ источники кредита.

Говоря далѣе о состояніи кредита, «я—продолжалъ графъ Ауэрсбергъ—убѣдился, что государственное хозяйство видится на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ и частное хозяйство. Порядокъ и здѣсь и тамъ основывается на соразмѣрности доходовъ съ расходами. При такомъ порядкѣ, результатомъ въ домашнемъ хозяйствѣ бываетъ семейное спокойствіе, въ государственномъ—уваженіе къ государству извнѣ и благосостояніе народа внутри».

Спросивъ далѣе, что должна дѣлать верхняя палата при вышшихъ обстоятельствахъ?—графъ Ауэрсбергъ сказалъ: отвѣчу на это, что откровенность и независимость служатъ охраною для тѣхъ верхнихъ палатъ, которыя понимаютъ свое призваніе. Еслибы наша палата слѣло и безусловно согласилась на предложеніе правительства, то этимъ она не помогла бы ему, но только повредила бы самой себѣ. Я думаю—продолжалъ Ауэрсбергъ—что и наша палата должна, какъ и палата депутатовъ, опираться на сочувствіе народа, и что она уменьшить это сочувствіе, если будетъ обязываться постоянно услужливымъ и слѣпымъ органомъ правительства, тѣмъ болѣе что именно при теперешнемъ положеніи дѣлъ особенно опасно, если въ нашей палатѣ не окажется сочувствія къ нуждѣ, господствующей во всей имперіи. Затѣмъ ораторъ совѣтовалъ палатѣ исполнить ея долгъ въ отношеніи къ императору и къ народу, обратившись къ палатѣ депутатовъ въ качествѣ дружелюбной посредницы, и къ правительству—въ качествѣ благонамѣренной, откровенной и мужественной совѣтницы.

Графъ Рехбергъ предложилъ, въ видахъ сбереженія финансовъ, измѣнить устройство администраціи вообще, чему, по словамъ его, должны способствовать существующія въ Австріи начала самоуправления.

Графъ Тунъ не нашелъ достаточными даже тѣ сокращенія въ бюджетѣ, которыя сдѣлала палата депутатовъ, такъ-какъ, по его мнѣнію, должно заботиться не только объ устраненіи дефицита въ расходахъ по административной части, но и дефицита, происходящаго отъ погашенія долговъ. Положеніе нашихъ финансовъ—замѣтилъ графъ Тунъ—такъ нехорошо, что хуже не можетъ и быть. Этотъ фактъ до того извѣстенъ, что заявленіе о немъ въ верхней палатѣ не можетъ лишить народъ бодрости. Кому извѣстно состояніе нашихъ финансовъ, тотъ знаетъ наше положеніе и не тѣмъ, что мы явно о немъ говоримъ, можно повредить нашему кредиту—напротивъ, мы можемъ только помочь нашимъ финансамъ, убѣдивъ населеніе, что мы вполне понимаемъ опасности и удостоверяемъ его въ томъ, что мы стараемся отвратить зло.

Князь Коллоредо заявилъ, что во всей имперіи открываются ужаснѣйшіе недостатки въ деньгахъ, что торговля въ застоѣ, что производительность не находитъ сбыта и что нищета не только угрожаетъ производительнымъ классамъ народа, но что она уже востигла ихъ. Причиной такого печальнаго положенія дѣлъ въ имперіи онъ считаетъ невозможность доставать капиталы безъ платежа огромныхъ процентовъ и недостаточность путей сообщенія, въ видѣ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и судоходныхъ рѣкъ. Онъ указалъ также на плохое состояніе учебныхъ заведеній, на неудовлетворительность законовъ, ограждающихъ поземельную собственность. Чтобы устранить все это, ораторъ совѣтовалъ начать преобразованія съ политическаго управленія странною, такъ чтобы въ народѣ проявилось стремленіе къ самоуправленію безъ вмѣшатель-

ства многочисленных чиновниковъ, столь дорого стоящихъ государству.

Такое положеніе финансовыхъ дѣлъ въ Австріи должно считать послѣдствіемъ прежней системы дѣйствій австрійскаго правительства. Новый порядокъ, какъ замѣтилъ графъ Ауэрспергъ, оказалъ свое благотворное вліяніе: именно въ первые годы послѣ этого событія, кредитъ и довѣренность возрасли. Общественное мнѣніе, какъ въ имперіи, такъ и внѣ ея, ожидало отъ контроля имперскаго совѣта установленія иного порядка вещей, который могъ быть достигнутъ путемъ сбереженія. На сколько не сбылись эти ожиданія, на столько понизились кредитъ и довѣренность, и это обстоятельство было главною причиною того затруднительнаго положенія финансовъ, въ которомъ находится нынѣ Австрія.

Въ настоящее время «Русскій Инвалидъ», «Кронштадтскій Вѣстникъ» и «Военный Сборникъ» сообщаютъ о предстоящемъ преобразованіи по военно-судебной части. Проектъ основныхъ положеній этого преобразованія уже рассмотрѣнъ въ соединенномъ присутствіи генерал-аудиторіатовъ сухопутнаго и морскаго, и представленъ на высочайшее усмотрѣніе. Между тѣмъ въ Петербургѣ составилъ кружокъ офицеровъ, занимающихся практическимъ примѣненіемъ началъ гласнаго судопроизводства къ рѣшенію военно-судныхъ дѣлъ, а военное министерство предполагаетъ учредить высшее юридическое училище подъ названіемъ судебной коллегіи, въ которую будутъ поступать офицеры съ тѣмъ, чтобы они могли научнымъ образомъ подготовиться къ занятію мѣстъ военныхъ судей, прокуроровъ и слѣдователей.

Изъ представленнаго на высочайшее усмотрѣніе проекта видно предположеніе: сдѣлать отправленіе военнаго суда гласнымъ и устнымъ, ввести въ судъ новые органы: обвинителя и защитника, и вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго предоставить на рѣшеніе судей по внутреннему ихъ убѣжденію и отмѣнить ревизію военныхъ судовъ.

Вообще военно-судная часть по военно-сухопутному вѣдомству будетъ организована по образцу «Судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года»; но само собою разумѣется, что по морскому вѣдомству, вслѣдствіе особыхъ условій морской службы, должны быть сдѣланы многія измѣненія.

Надобно замѣтить, что гласность, устность и обвинительный процессъ не составляютъ собственно нововведенія въ нашемъ военно-уголовномъ кодексѣ, но эти условія составляютъ нынѣ принадлежность только военно-полеваго суда, и притомъ они не соблюдаются при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, при судѣ политическихъ преступниковъ по полевому уложенію. Такое отступленіе объясняется тѣмъ, что гласность суда въ этомъ случаѣ могла

бы дать средство участникамъ въ политическихъ преступленіяхъ, остающимся на свободѣ, скрыть ихъ дѣйствія и тѣмъ самымъ пресѣчь способъ къ обнаруженію всѣхъ виновныхъ. Впрочемъ, и по дѣламъ другаго рода, военно-полевой судъ не всегда бываетъ гласный. Въ первый разъ военно-полевой судъ въ установленномъ для него порядкѣ производился на Кавказѣ, по распоряженію бывшаго намѣстника князя Барятинскаго. За тѣмъ примѣры гласныхъ судовъ по военно-полевому уложенію были: въ Петербургѣ — надъ рядовымъ Гудзевичемъ, въ Минскѣ — надъ поручикомъ Витбергомъ и въ Москвѣ — надъ убійцами семейства крестьянина, содержавшаго питейное заведеніе. Безъ всякаго сомнѣнія, съ введеніемъ новыхъ военно-судебныхъ законоположеній, установится въ этомъ отношеніи болѣе опредѣленный порядокъ.

Въ настоящее время дѣйствіе военно-уголовныхъ законовъ не ограничивается однимъ только военнымъ вѣдомствомъ. Дѣйствіемъ этихъ законовъ подвергаются, въ видахъ усиленной строгости изысканія, за важныя преступленія, и лица гражданского сословія. Такъ военно-полевой судъ съ давнихъ поръ былъ принимаемъ къ зажителѣямъ и къ грабителямъ-убійцамъ, а въ прежнее время, при существованіи крѣпостнаго права, нерѣдко подвергали военному суду крѣпостныхъ крестьянъ, явно возстававшихъ противъ власти своихъ господъ. Но при существованіи въ то же время въ военно-уголовныхъ законахъ наказанія шницрутенами, приговоры къ смертной казни замѣнялись прогнаніемъ сквозь строй «безъ медицинскаго пособія».

Въ проектѣ преобразованія военно-судной части предположено: въ извѣстныхъ центрахъ расположенія войскъ учредить военные суды и этимъ судамъ присвоить названіе города или мѣстности, въ которыхъ они будутъ находиться. Каждый военный судъ будетъ состоять изъ трехъ постоянныхъ и шести временныхъ членовъ; послѣдніе будутъ командированы отъ войскъ на опредѣленный срокъ. При судѣ будутъ состоять военные прокуроры, военные слѣдователи и присяжные защитники. Военнымъ судамъ будутъ подсудны: генералы, штабъ и обер-офицеры за всѣ преступленія; нижніе же чины только за преступленія, влекуція за собою наказанія не менѣе, чѣмъ отсылка въ арестантскія роты. Затѣмъ при каждомъ полку и соответственной ему отдѣльной части войскъ будутъ учреждены полковые, бригадные или эскадронные суды. Для высшаго же завѣдыванія военно-судною частію, въ проектѣ предположено учредить главный военный судъ, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда. Членами военныхъ судовъ, но только въ извѣстномъ числѣ, могутъ быть и гражданскіе чиновники; нѣкоторыя же должности въ этихъ учрежденіяхъ предполагается предоставить исключительно офицерамъ.

Говоря о предстоящемъ преобразованіи военно-судной части, «Русскій Инвалидъ», которому, какъ officialной газетѣ военнаго вѣдомства, долженъ быть лучше всего извѣстенъ ходъ этого дѣла, замѣчаетъ, между прочимъ, что недостатокъ людей, необходимыхъ

для обезпеченія новаго суда, и ограниченность средствъ, на которыхъ можетъ въ этомъ случаѣ разсчитывать военное министерство, заставятъ примѣнять реформу къ дѣлу лишь съ крайнею осмотрительностью, организова сперва суды въ видѣ опыта въ какомъ либо одномъ округѣ, и затѣмъ уже постепенно распространя ихъ на прочіе округа. Само собою разумѣется, что весьма трудно предвидѣть, въ какой мѣрѣ будетъ полезна эта постепенность развитія новаго порядка, а также черезъ сколько времени она приведетъ все дѣло къ окончанію. Во всякомъ случаѣ оказывается, что и здѣсь встрѣчаются тѣ же причины замедленій, какія встрѣчаются и въ отношеніи общей судебной реформы, а именно—недостатокъ въ деньгахъ и въ дѣятеляхъ на новомъ поприщѣ.

Надобно сказать, что у насъ военно-судная часть не только въ отношеніи уголовного законодательства, но и въ отношеніи дѣйствующихъ ея органовъ представляется въ весьма слабомъ развитіи. Все военно-юридическое образованіе сосредоточивалось до сихъ поръ въ аудиторскомъ училищѣ, и распорядителями военно-судныхъ дѣлъ были аудиторы, которые или имѣли слишкомъ большое вліяніе на дѣла, если находились при довѣрившихъ имъ лицахъ, или слѣпо исполняли ихъ привязанія, не имѣя никакого голоса. Военно-судныя комисіи составлялись изъ лицъ, не получившихъ юридическаго образованія и не успѣвшихъ приобрести юридическую практику, такъ что правильность военно-судныхъ дѣлъ ограждалась въ извѣстныхъ случаяхъ, и то только до извѣстной степени, ревизію со стороны генерал-аудиторіата.

Главныя издержки при преобразованіи военно-судной части будутъ заключаться не по содержанію лицъ, занимающихъ судебныя должности, но по исполненію приговоровъ военнаго суда, которые въ большей части случаевъ должны будутъ подвергать виновныхъ болѣе или менѣе продолжительному заключенію. Эта система взмысканій требуетъ устройства особыхъ мѣстъ содержанія приговоренныхъ къ наказанію. При господствующемъ нынѣ взглядѣ на наказанія, въ нихъ должно заключаться не одно только устрашеніе, но и средство къ исправленію преступника. Главными способами къ достиженію послѣдней цѣли должны служить: разобщеніе преступниковъ и организація ихъ труда. Между тѣмъ, и то и другое требуетъ особо-приспособленныхъ для этой цѣли мѣстъ заключенія.

Въ предполагаемыхъ къ устройству военныхъ тюрьмахъ будутъ находиться для каждой категоріи преступниковъ особыя мѣста заключенія. Арестанты будутъ разобщены и въ самой тюрьмѣ посредствомъ велейнаго заключенія по ночамъ, и обязательнаго молчанія при совѣстныхъ занятіяхъ въ теченіе дня. Предполагается также устранить внѣшнія валовыя работы изъ круга обыкновенныхъ арестантскихъ занятій, употребляя заключенныхъ единственно на работы въ мастерскихъ, устроенныхъ въ самой тюрьмѣ. Арестанты будутъ раздѣлены на разряды испытуемыхъ и исправляющихся, при чемъ каждый разрядъ будетъ содержимъ особо, съ допущеніемъ нѣкоторыхъ облегченій для исправляющихся.

Приведеніе въ исполненіе всѣхъ этихъ предположеній, основанныхъ на началахъ безусловной пенитенціарной системы, потребуетъ весьма значительныхъ расходовъ, а именно: ежегоднаго отпуска дополнительныхъ 78,000 рублей въ годъ и — что еще важнѣе — единовременной издержки отъ 7 и до 8 миліоновъ рублей на возведеніе новыхъ тюремныхъ зданій для 5,000 человекъ. Въ виду этихъ громадныхъ расходовъ, комитетъ, занимавшійся разсмотрѣніемъ вопроса объ устройствѣ военныхъ тюремъ, пришелъ къ тому заключенію, что, при настоящихъ финансовыхъ средствахъ государства, нельзя надѣяться на скорое возведеніе у насъ необходимаго числа тюремъ. вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ, считая немедленное улучшеніе въ порядкѣ содержанія преступниковъ, принадлежащихъ къ военному вѣдомству, предметомъ первостепенной важности, нетерпящимъ отлагательства, предложилъ принять временныя мѣры, которыя заключались бы въ примѣненіи началъ пенитенціарнаго заключенія, на сколько это возможно, къ нынѣ существующимъ мѣстамъ заключенія преступниковъ изъ военнаго званія. Эти мѣры потребуютъ увеличенія на содержаніе тюремныхъ управленій около 17,500 рублей въ годъ, и единовременнаго отпуска отъ 250 до 300 тысячъ рублей на приспособленіе нынѣ существующихъ арестантскихъ помѣщеній къ новымъ потребностямъ. Приспособленіе это можетъ быть исполнено въ два года.

Такимъ образомъ, полное осуществленіе всѣхъ предположеній по военно-судебной части въ сухопутномъ вѣдомствѣ не послѣдуетъ еще такъ скоро. Хотя въ этомъ и заключаются своего рода невыгоды, но во всякомъ случаѣ, замедленіе этого дѣла въ видахъ государственной бережливости, столь необходимой въ нынѣшнюю пору, избавить государство отъ усиленныхъ тратъ по военному вѣдомству, требующему и безъ того значительной части тѣхъ денежныхъ средствъ, которыми можетъ располагать правительство.

Что же касается судебной реформы по морскому вѣдомству, то здѣсь представляется этотъ вопросъ при другихъ условіяхъ, истекающихъ изъ сущности морской службы.

12-го августа 1863 года, было объявлено по морскому вѣдомству о принятіи въ руководство «Положенія объ охраненіи воинской дисциплины, и о взысканіяхъ дисциплинарныхъ», за исключеніемъ содержащихся въ этомъ «Положеніи» правилъ о судѣ общества офицеровъ. Затѣмъ, для измѣненія редакціи статей положеній сообразно тѣмъ терминамъ, которые существуютъ во флотѣ, и согласно власти, принадлежащей въ морскомъ вѣдомствѣ разнымъ начальствующимъ лицамъ, учреждена была особая комсія, которой было также поручено опредѣлять тѣ особые виды взысканій, которые должны быть употребляемы во время плаванія.

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ, относящихся къ этому дѣлу. Замѣтимъ только, что запрещеніе сѣзда на берегъ, арестъ въ каютѣ съ приставленіемъ часоваго, посаженіе гардемариновъ и кондукторовъ на салингъ замѣняютъ болѣе или менѣе продолжительную степень береговаго ареста. Удержать послѣдній

видъ дисциплинарнаго взысканія, имѣющій въ сущности характеръ тѣлеснаго наказанія, признано полезнымъ, согласно установившемуся во флотѣ взгляду на этотъ родъ наказанія, съ тѣмъ однако, чтобъ оно не сопровождалось физическимъ истомленіемъ. Къ особымъ видамъ взысканій во флотѣ, принадлежитъ списываніе на берегъ. Съ этимъ наказаніемъ соединяется нѣкоторая потеря служебныхъ правъ для офицеровъ, гардемариновъ и юнкеровъ. Для нижнихъ же чиновъ, находящихся въ разрядѣ штрафованныхъ, допущено тѣлесное наказаніе не только розгами, но и лямками. Но при этомъ, для предупрежденія различныхъ случайностей на судахъ, могущихъ быть вслѣдствіе горячности командира, принято изъ англійскаго морскаго кодекса правило, чтобъ тѣлесное наказаніе, во время плаванія, исполнялось по прошествіи нѣкотораго времени послѣ его назначенія.

Относительно суда общества офицеровъ пришли во флотѣ къ тому заключенію, что по неимѣнію ничего общаго между внутреннимъ составомъ командъ морскаго вѣдомства и полковъ, а также батальоновъ арміи, нѣтъ никакой возможности примѣнить съ пользою къ флотскимъ экипажамъ и другимъ морскимъ командамъ положеніе о судѣ общества офицеровъ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ установленъ этотъ судъ по сухопутному вѣдомству. Но, вмѣстѣ съ этимъ, признано возможнымъ допустить обсужденіе поступковъ, неприличныхъ званію офицеровъ, въ главныхъ портахъ, въ общихъ собраніяхъ флагмановъ и капитановъ, при участіи носредниковъ, избранныхъ офицерами для разбора дѣлъ о предосудительномъ поведеніи ихъ товарищей по службѣ.

Мы видѣли, что комісія, составлявшая проектъ преобразованія по военно-судной части сухопутнаго вѣдомства, признала пользу келейнаго заключенія. Между тѣмъ комісія морскаго вѣдомства, разсуждавшая объ этомъ предметѣ, въ виду противорѣчивыхъ мнѣній о послѣдствіяхъ келейнаго заключенія и за неимѣніемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, необходимымъ для разрѣшенія возникающихъ при этомъ вопросовъ и сомнѣній, не признала возможнымъ высказать какое-либо рѣшительное мнѣніе о могущемъ быть у насъ вредѣ или пользѣ отъ системы келейнаго заключенія. Она совершенно справедливо замѣтила, что этотъ вопросъ представляетъ особенную важность не только для морскаго вѣдомства, но и для всего государства, и что подобныя мѣры едва-ли могутъ быть предпринимаемы съ пользою безъ обсужденія ихъ въ законодательномъ порядкѣ въ связи со всею системою наказаній уголовныхъ и исправительныхъ. Къ такому убѣжденію комісія склонилась также и вслѣдствіе отзыва министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что при предстоящей по гражданскому вѣдомству общей реформѣ нашихъ тюремъ, едва-ли возможно будетъ ввести эту систему во всея ея объемъ за недостаткомъ необходимыхъ для этого, весьма значительныхъ денежныхъ средствъ. Но зато комісія морскаго вѣдомства приняла съ полнымъ сочувствіемъ введеніе въ тюрьмахъ обязательныхъ для арестантовъ работъ.

Независимо отъ этихъ преобразованій, какъ въ морскомъ, такъ и въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ ощущается потребность скорѣйшаго изданія новаго уголовного устава. Для изготовленія проекта по отдѣлу о преступленіяхъ морскихъ, была составлена особая комисія, которая признала, что такъ-какъ проектъ воинскаго устава о наказаніяхъ долженъ имѣть обязательную силу и для морскаго вѣдомства, то комисія остается только проектировать постановленія о наказаніяхъ за такіе лишь проступки и преступленія, которые могутъ происходить исключительно въ условіяхъ военно-морской жизни и не имѣютъ общности съ нарушеніями порядка и спокойствія, могущими случаться въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ.

Что же касается устава военно-морскаго судопроизводства, то основныя положенія, относящіяся къ этому по военному вѣдомству, будутъ имѣть обязательную силу для морскаго только при производствѣ суда на берегу; касательно же состава и отправленія суда во время морскихъ кампаній будутъ изданы особыя правила.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

О церковномъ законодательствѣ. — Въ извлекаемой нами по этому предмету статьѣ «Христіанскаго чтенія» (№ 4) содержится изслѣдованіе о пространствѣ и существѣ законодательной власти въ дѣлахъ церкви. Послѣ Іисуса Христа первыми законодателями церкви были апостолы, властію которыхъ установлены, какъ общіе законы всей церкви, такъ и подробныя, положительныя правила относительно священнодѣйствія, церковнаго управленія и жизни самаго общества христіанъ. Отъ апостоловъ власть эта наследована и сохранена въ церкви непрерывнымъ преемствомъ священноначалія; такъ, правила соборныя и отеческія, продолженіе всѣхъ вѣковъ христіанства, исходили отъ власти, сохраняемой въ церковномъ священноначаліи.

Власть эта, разсматриваемая на точныхъ основаніяхъ церковнаго права, представляетъ слѣдующія особенности:

Апостолы и впослѣдствіи св. отцы, дѣйствуя законодательною властію, представляли дѣйствующими не столько себя самихъ или свою личную власть, сколько самого божественнаго духа, присушаго церкви, а себя и свою власть только орудіями его воли. Поэтому апостолы и св. отцы даже и говорили въ своихъ правилахъ не прямо отъ своего лица, а именемъ св. духа. Такъ, на іерусалимскомъ соборѣ, отмѣняя ветхозавѣтный обрядовый законъ, апостолы говорили: *изволися духу святому и намъ* (Дѣян. 15, 22). Подобную же силу имѣли выраженія вселенскихъ

соборомъ въ своихъ опредѣленіяхъ: *благодатию Божіею опредѣляемъ* и т. п.

Но воля и сила св. духа, приписываемая законодательной власти въ церкви, не безусловно приписывается ей, не ограничивается и къ личному авторитету лицъ законодательствующихъ, а возторжхъ, таинству священства, съ которымъ соединяется особенная благодать духа. Такимъ образомъ, сами апостолы, совместно съ выраженіемъ своего законодательства: *изволися духу святому и намъ*, употребляли и такое выраженіе, какъ равносильное: *изволися апостоламъ со всею церковію*. Вселенскіе соборы свои узаконенія выражали такъ: *послѣдующе св. отцамъ нашимъ и вселенской церкви со всею достовѣрностію опредѣляемъ...* Съ другой стороны — законодательная власть въ церкви изначала, отъ апостоловъ, принадлежала и всегда неизмѣнно приписывалась только церковной іерархіи, въ высшихъ ея степеняхъ, именно въ санѣ епископскомъ.

По ученію православной церкви, законодательная власть не принадлежитъ во всей церкви никому исключительно, то-есть одному какому либо лицу, хотя бы и высшему іерарху; потому что, какъ не можетъ быть видимой, единоличной главы церкви, такъ никакое лицо, отдѣльно взятое, не можетъ столько возвышаться надъ всею церковью, чтобы всей церкви предписывать отъ себя законы; не можетъ, естественно, быть и столько непогрѣшительно, чтобы давать церкви непогрѣшимые законы, какихъ требуетъ чистота и святость церкви и самая высота предметовъ законодательства. Таковы всегда были мысли св. отцовъ. Противъ притязаній римскихъ папъ на всемірное законодательство св. отцы говорили: «кто повѣритъ, что Богъ можетъ одному кому либо вдохнуть всю правоту суда, и множеству священныхъ лицъ, собравшихся на соборъ, откажетъ въ томъ?» (Посл. Карфаген. собор. къ папѣ Целестину). По правиламъ католической церкви, напротивъ, вся власть нераздѣльно принадлежитъ папѣ, который управляетъ дѣлами церкви аутократически. Въ этой разницѣ, между прочимъ, заключается истинность православнаго законоположенія предъ римскимъ порядкомъ.

Такимъ образомъ, законодательство въ церкви по преимуществу принадлежитъ власти соборной. Такъ дѣйствовала и сама власть апостольская: изволися апостоломъ и старцемъ со всею церковію. Таковы и положительныя правила церкви. Апостольское правило говорить: «да бываетъ соборъ епископовъ и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о правилахъ благочестія». Соборы африканской церкви такъ разсуждали: «благостію св. духа правда іереевъ христовыми и зрится разумно и содержитсяъ твердо, а наша же, когда каждому, еще настоятъ сомнѣнія о справедливости дѣла, позволено приступати къ соборамъ дѣлой области, и даже къ вселенскому собору».

Если же въ древнемъ церковномъ канонѣ и находятся прави-

ла, изложенныя тѣмъ или другимъ изъ отцовъ церкви, какъ напримеръ, правила Василія-Великаго, Григорія Неокесарійскаго и др., то потому, что первоначально они писали свои правила только въ видѣ рѣшеній на частные случаи, потомъ передавали свои рѣшенія на усмотрѣніе другихъ пастырей, и наконецъ, правила эти иенначе получали силу закона для всей церкви, какъ по утвержденіи вселенскими соборами. Такъ именно правила отцовъ, принятая во вселенскій канонъ, были рассмотрѣны и утверждены VI вселенскимъ соборомъ, а за нимъ снова подтверждены VII вселенскимъ.

Отношенія власти церковной въ власти гражданской опредѣляются тѣмъ, что древніе соборы признали право гражданской власти въ дѣлахъ церкви вселенской. Призваніе это выражалось или въ томъ, что саміе соборы принимали узаканія этой власти въ порядкѣ церковнаго управленія и сообразно съ ними полагали свои правила; такъ вселенскій VI соборъ, приступая въ изложенію правилъ относительно жизни священнослужителей, говоритъ: «благочестивый и христілюбивый царь нашъ *предложимъ* сему святому и вселенскому собору и т. д.»; или же соборы принимали въ составъ церковныхъ законовъ прямыя и положительныя постановленія гражданской власти, разумѣется согласныя съ основными канонами самой церкви и непротивныя духу ои. Такъ напр., вселенскій IV соборъ принялъ, какъ законы, рѣшенія императора Марціана, чтобы духовныя лица не входили въ гражданскія дѣла, чтобы не брали на откупъ чужихъ имѣній и пр., чтобы монашествующіе не проживали внѣ монастырей, въ городахъ и др. Соборы африканскіе въ своихъ опредѣленіяхъ часто выражаютъ: «подобаетъ просить благочестивѣйшихъ царей, да благоволятъ узаконити...» Сущность отношеній царской власти въ церкви соборъ варагенскій, котораго сужденія приняты и вселенскими соборами, изображаетъ такъ: «царскому челоуѣколюбію предлежитъ пошепсися, чтобы католическая церковь, благочестною утробой Христа ихъ родившая и крѣпостію вѣры воспитавшая, была ограждена ихъ промышленіемъ; дабы въ благочестивыя ихъ времена, дерзновенные челоуѣки не возгосподствовали надъ безсильнымъ народомъ, посредствомъ нѣвоого страха, когда не могутъ совратить оный посредствомъ убѣжденія. Итакъ мы просимъ о томъ, да неукоснительно подастся охраненіе католической церкви въ каждомъ градѣ и разныхъ мѣстахъ, прилежащихъ къ каждому владѣнію. Притомъ да повелѣтъ подтвердить законъ съ распространеніемъ силы его на тѣхъ противу нахѣтовъ коиъ представили свидѣтельства пріятнше попеченіе о католической церкви, дабы по крайней мѣрѣ, симъ страхомъ, отъ произведенія расколовъ и отъ еретическаго безумія удержаны были отлагающіе свое очищеніе и исправленіе. Еще о томъ подобаетъ просити, да будетъ благочестіемъ ихъ возобновленъ донныи существующій законъ, который отъемлетъ у еретиковъ право взимати что либо, или оставити» (Курб. прав. 104).

И въ отношеніяхъ къ государственной власти, православная церковь, какъ ми видимъ, сохранила и данный порядокъ, утвержденный древними соборами, римская же церковь соединила въ своемъ первосвященникѣ нераздѣльно объ власти, и церковную и государственную, хотя въ тѣсныхъ предѣлахъ одной области. Протестантская церковь, преимущественно въ Америкѣ и Швейцаріи, какъ известно, поставила себя совершенно независимо отъ государственной власти. Но во всякомъ случаѣ, какъ ми думаемъ, было бы ошибочно призывать неизмѣнность отношеній церкви къ государству, установленныхъ въ древнѣйшія времена, потому что государственная власть никогда не была подчинена церковному законодательству, слѣдовательно отъ этой власти, какъ свободной, зависѣло всегда и зависитъ нынѣ опредѣлить отношенія государства къ церкви. Этимъ, по нашему мнѣнію, объясняется различіе отношеній церкви къ государству, въ христіанскихъ странахъ.

Пространство законодательной власти въ церкви ограничивается слѣдующими предѣлами:

Основное законоположеніе православно-католической церкви относительно ученія вѣры, священныхъ таинодѣйствій и внутренняго, то-есть собственно духовнаго управленія церкви, уже составлено, опредѣлено и утверждено на основаніи, положенномъ отъ самаго Іисуса Христа — первоначально апостолами, потомъ вселенскими и помѣстными соборами и древними отцами и учителями православными. Это законоположеніе, какъ основное, вселенское, должно быть неизмѣнно и для всѣхъ послѣдующихъ узаконеній въ церкви, должно служить основой, образцомъ и предѣломъ. Затѣмъ, законодательная церковная власть, въ настоящихъ ея предѣлахъ, заключаетъ въ себѣ только слѣдующія права: охранять цѣлость, чистоту и единство основнаго законоположенія вселенской церкви; распространять и развивать это основное законоположеніе, то-есть раскрывать его смыслъ, опредѣлять его примѣненіе къ дѣламъ церкви, развивать въ подробнѣйшихъ узаконеніяхъ, потребныхъ по мѣсту и времени. Незимѣнность основнаго законоположенія не исключаетъ, однако, права изданія новыхъ постановленій по нуждамъ церкви, такъ-какъ церковь сама по себѣ есть тѣло живое, которое въ своемъ возрастаніи во всякое время можетъ имѣть нужду въ новыхъ правилахъ по разнымъ сторонамъ своего благоустройства. Но вообще новыя узаконенія должны возникать не иначе, какъ утверждаясь на основномъ ея законоположеніи, въ его духѣ и границахъ. Такимъ образомъ, послѣ вселенскихъ сборовъ возникли правила двухъ помѣстныхъ соборовъ константинопольскихъ (861 и 879 г.). Затѣмъ, были составлены правила еще многими греческими пастырями и мѣстными синодами царградскими, которые получили свою законную силу и дѣйствіе въ восточной церкви, хотя и не вошли въ общій церковный законъ.

Нельзя не сожалѣть, что въ названной нами статьѣ не со-

держится вѣнченіи и узаваніи правилъ, возникшихъ помимо соборовъ и немедленныхъ въ общій церковный законъ, а получившихъ свое дѣйствіе лишь въ восточной церкви.

Помѣстныя церкви, какъ части вселенской церкви, имѣютъ на общихъ основаніяхъ свое частное право законодательства, въ предѣлахъ своего помѣстнаго управленія, но законодательство помѣстное получаетъ тогда только каноническое достоинство, когда утверждается на общихъ законахъ вселенской церкви, когда законы исходятъ чрезъ церковное священноначаліе. Въ древности правила помѣстныхъ церквей подвергались пересмотру, утвержденію и исправленію вселенскихъ соборовъ. Время и преданіе, обратившія въ постоянные обычаи всей церкви законы частныхъ церквей, получаютъ всеобщую каноническую важность, и не различаются относительно христіанъ отъ общихъ постановленій церкви.

Въ первые вѣка христіанства, помѣстныя церкви, по уважительнымъ причинамъ, въ нуждахъ времени и въ условіяхъ своего мѣстнаго устройства, допускали для себя нѣкотораго изъятія изъ общихъ правилъ и постановленій, касающихся впрочемъ только частныхъ сторонъ въ правилахъ, а не общаго содержанія ихъ, внѣшняго примѣненія ихъ, а не внутренней силы, только формъ церковной администраціи, а не сущности ея предметовъ. Изъятія эти основывались на томъ, что вселенскіе соборы, въ своихъ правилахъ мѣстнаго управленія церквей, говорили: «всякая церковь да сохраняетъ въ чистотѣ и безъ стѣсненія изначала принадлежащія ей права, по обычаямъ, издревле утвердившимся». Что же касается предметовъ догматическихкихъ, священно-таинственныхныхъ, богослужебныхъ, духовно-нравственныхныхъ, то вселенская церковь строго охраняла ихъ въ помѣстныхъ церквахъ, даже до самыхъ малыхъ подробностей.

Источники церковнаго законодательства раздѣляются на два рода: 1) источники общіе, принадлежащіе всей церкви, и 2) частные, дѣйствующие только въ церквахъ помѣстныхъ. Къ первымъ относится: законъ божій въ св. писаніи изложенный, каноны или правила апостоловъ, соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, утвержденныхъ вселенскими — и правила св. отцовъ, преданія церковныя, сохранившіеся въ церквяхъ, въ разныхъ церковныхъ уставахъ, чинослѣдованіяхъ, обычаяхъ и проч., древніе помозаконны, собственно церковныя и церковно-гражданскіе, возникшіе въ связи съ постановленіями государей по дѣламъ церкви. Кромѣ этихъ общихъ источниковъ, по разнымъ частнымъ церквамъ дѣйствуютъ мѣстныя источники, какъ напримѣръ: въ древнихъ восточныхъ церквахъ — опредѣленія патріаршихъ синодовъ, въ римской церкви — папскіе декреты, въ русской — духовный регламентъ, указы нашихъ царей, опредѣленія синода и проч.

Настоящая статья имѣетъ въ виду лишь одни общіе источники, налагающія исторически, какъ опредѣлитъ начала церковнаго законодательства.

Церковное законодательство составляетъ разные роды и виды

законовъ, смотря, вопервыхъ, по предметамъ, каковы они касаются; вторыхъ — по внутреннему значенію и по пространству дѣйствія ихъ, и третьихъ — по формѣ, въ какой они издаются.

По предметамъ содержанія, между церковными законами различаются: 1) законы догматическіе, 2) законы правительственныя, или правила внутреннего церковнаго управленія, и 3) законы внѣшняго благочинія. Всѣ эти законы суть положительныя. къ нимъ присоединяются: законы охранительныя, ограждающіе ихъ силу и дѣйствіе и предупреждающіе нарушеніе ихъ; законы судныя, которыми отвергается, преслѣдуется и наказывается нарушеніе церковныхъ законовъ.

По внутреннему значенію своему, церковныя законы вообще опредѣляютъ права церкви и обязанности членовъ ея. По пространству дѣйствія, церковныя законы раздѣляются на общія, принадлежащія всей церкви, и частныя, относящіяся къ той или другой части управленія; первые имѣютъ видъ учрежденій; когда опредѣляютъ составъ и порядокъ самихъ властей, лицъ и мѣстъ, дѣйствующихъ въ управленіи церкви, таково, напримѣръ, учрежденіе въ церкви вселенской — іерархія, въ церкви помѣстной — синодъ. Частныя же законы существуютъ подъ видомъ уставовъ.

Въ отношеніи къ формѣ, церковныя законы издавались въ видѣ символовъ или законовъ, вѣры и канонввъ или отдѣльных постановленій. Но законы церковнаго управленія, особенно общія и основныя, не всегда были носимы въ письмена, и многіе сохранились чрезъ преданіе въ самой практикѣ, какъ напримѣръ, учрежденіе и порядокъ самой церковной іерархіи. къ числу канонввъ причисляются также посланія, отвѣты и опредѣленія честныхъ соборовъ восточной церкви. Постановленія гражданской власти о предметахъ и дѣлахъ церковныхъ, являясь въ древнія времена въ формѣ и подъ именемъ эдиктовъ, титловъ, новеллъ, буллъ; рѣшенія по текущимъ дѣламъ церковнаго управленія имѣютъ форму опредѣленій, предписаній и указовъ.

Предѣлъ дѣйствія церковныхъ законовъ, или точнѣе — предѣлъ времени, до котораго обязательная сила ихъ простирается и которымъ оканчивается, можетъ зависеть: отъ власти законодательной, отъ свойства самихъ законовъ и отъ разныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ ихъ дѣйствіе.

Такииъ образомъ законъ теряетъ свою силу, когда вышешъ властію, или по крайней мѣрѣ равноютой, которая положила этотъ законъ, отъ отменяется — такъ соборы вселенскіе отменяли постановленія преемныхъ вселенскихъ или помѣстныхъ соборовъ — когда законодательная власть въ своемъ постановленіи выразитъ предѣлъ времени или условія для дѣйствія законовъ, и когда эти условія минуютъ; когда саміе предметы, на которые данъ законъ, выходятъ по обстоятельствамъ изъ-подъ власти законодательной; и слѣдовательно изъ-подъ власти постановленій ея правилъ. Такъ, напримѣръ, въ первые вѣды, когда церковь управлялась отдѣльно отъ гражданскаго (азыческаго) общества,

и управленія только духовною, религіозною жизнью христіанъ, но и общественной, тогда и преступленія не только духовныя, но и общественныя, церковь судила по своимъ законамъ, и судъ ея, сопровождаемый духовными наказаніями (отлученіемъ), имѣлъ общественное значеніе, какъ, напримѣръ, исключеніе изъ высшаго общества христіанъ. Но когда церковь соединилась въ одно общество съ государствомъ, то общественныя дѣла христіанъ, даже и нравственныя преступленія, большею частію перешли къ суду гражданскому, который сталъ судить ихъ по гражданскимъ законамъ, почему правила церковнаго суда отнесены уже только къ совѣти людей, а гражданской жизни уже не стали касаться. Сила законовъ терлется также, когда правило, основанное на обычаяхъ или практикѣ извѣстнаго времени, не удовлетворяетъ усилившимся потребностямъ другаго времени, которыя по своей важности и неизбежности требуютъ новаго правила; напр. въ древніе вѣка христіанства допуссалось, что предстоатели церквей (епископы) жили въ супружествѣ, и тогда, сообразно этому обычаю, было положено правило; но когда, съ теченіемъ времени, открывшіяся важныя нужды и обстоятельства церкви потребовали строжайшихъ постановленій и уже усилился противоположный обычай, что епископы избирались наибольшею частію изъ безбрачныхъ, то VI вселенскій соборъ, утвердивъ этотъ обычай, обратилъ въ постоянное для церкви правило, чтобы епископы всегда были внѣ супружества. Когда перемѣняются взаимныя отношенія лицъ, обязанныхъ взаимно извѣстными законами, или когда, съ перемѣною обстоятельствъ, измѣняется кругъ дѣйствій и обязанностей ихъ, тогда сообразно тому измѣняется и обязательная сила прежнихъ законовъ. Такъ при нынѣшнемъ значеніи митрополитовъ въ Россіи, не имѣютъ applicаціи древнія правила объ отношеніи къ митрополитамъ епархіальныхъ епископовъ. Вообще когда перемѣняются обстоятельства времени, мѣста, и болѣе или менѣе измѣняется все состояніе церкви, тогда естественно измѣняется болѣе или менѣе обязательная сила тѣхъ законовъ, которые въ своемъ происхожденіи и въ силѣ связаны были съ прежними обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи на одни и тѣ же (частныя) предметы могутъ встрѣчаться разныя правила, какъ дѣйствительно и видимъ въ самой древности. Но перемѣна обстоятельствъ или измѣненіе въ состояніи самой церкви предполагается здѣсь независимо отъ переизмѣняемыхъ идей и стремленій людей, отъ духа времени, и даже отъ одной воли церковной власти: такія начала были бы слишкомъ недостаточны и неуважительны для перемѣнъ въ церковныхъ законахъ. Церковь не можетъ и не должна быть зависима въ своихъ законахъ отъ таковыхъ шаткихъ началъ. Требовать перемѣнъ въ ея правилахъ могутъ только такія обстоятельства и измѣненія въ состояніи ея, которыя не отъ-внѣ, а изънутри ея, возникаютъ, изъ ея духовныхъ потребностей, изъ ея собственной, развивающейся въ мірѣ жизни, изъ разнообразія

щихся по разным мѣстамъ и временамъ, условій ее внутренняго преуспѣянія и внѣшняго благосостоянія.

Но измѣняемость въ законахъ не относится къ существеннымъ основаціямъ вѣры, принятымъ церковью какъ правые законы, непрекаемые и безусловно обязательные. Таковы, напр., основные законы христіанской церкви: объ исповѣданіи единого божества въ трехъ лицахъ, о совершеніи крещенія во имя Отца и сына и св. духа, о совершеніи таинства евхаристіи подъ двумя видами тѣла и крови Христовой, и проч.

Сдѣланное нами краткое извлеченіе изъ послѣдованія о церковномъ законодательствѣ указываетъ на основанія, сущность, порядокъ и форму церковныхъ законоположеній. Предметъ этотъ, кажется, имѣть полное право на вниманіе серьезныхъ людей, желающихъ ознакомиться съ основными началами нашего церковнаго устройства. Надо замѣтить, что церковные законы наименѣе распространены въ средѣ нашего общества, чѣмъ законы государственные, несмотря на свою важность и обязательную силу для всякаго изъ православныхъ членовъ общества. Но откуда общество почерпнетъ знаніе законовъ отечественной церкви? Духовная литература наша вокуда не представляетъ еще ни одного сочиненія, доступнаго большинству просвѣщеннаго общества, для изученія законовъ нашей церкви и ихъ исторіи. Дѣлаемый обществу упрекъ за недостатокъ религіозности вполнѣ справедливъ; но недостатокъ этотъ зависитъ отъ крайней непопулярности и бѣдности духовно-литературныхъ произведеній.

Произведенія Закавказья для вывозной торговли.—Газета «Кавказъ» (въ №№ 40 и 41) сообщаетъ краткій обзоръ закавказскихъ произведеній для вывозной торговли, сдѣланный г. Зейдницомъ, который, какъ видно, хорошо знакомъ съ естественными богатствами края, привлекавшаго въ древности предвѣрчивыхъ чужеземцевъ — грековъ и гетуэцевъ, цѣнностью и обиліемъ продуктовъ, производимыхъ роскошной природой края. Авторъ надѣется, что въ ближайшей будущности кавказскій перенесетъ снова привлечь капиталы и дѣятелей, и снова возникнетъ эксплуатация этого края, задержанная надолго опустошительными набѣгами среднеазійскихъ ордъ, отхлынувшихъ индѣй и нестравныхъ болѣе для мирной дѣятельности и водворенія спокойствія и безопасности. Главнымъ условіемъ этой перемѣны, по мнѣнію автора, должна быть закавказская желѣзная дорога и направленіе р. Аму-Дары на старое русло, то-есть въ Балхискій Заливъ Каспійскаго Мора. Дорога эта будетъ торговымъ путемъ изъ центра Кароми въ Среднюю Азію черезъ Кавказъ и соединитъ Понтъ съ Каспіемъ,

* Объ этомъ было уже говорено подробно въ нашемъ журналѣ 1865 г., № 2. Что же касается закавказской желѣзной дороги, то, по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, сооруженіе дороги разрѣшено уже правительствомъ, но что и отпущена потребная сума.

оттуда являющіеся пароходы легче и быстрѣ аральской флотиліи должны смирать туркменовъ, хивинцевъ, бухарцевъ и коканцевъ и привлечь къ себѣ торговлю Индіи и Китая. Но мысль объ этой дорогѣ (уже не нова) не составляетъ главной задачи г. Зейдлица, который въ своей статьѣ исчисляетъ данныя, показывающія настоящее значеніе кавказскихъ произведеній, преимущественно въ отношеніи вывоза ихъ въ Западную Европу.

Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, европейская промышленность привлечена въ Закавказье вслѣдствіе болѣзни шелковичныхъ червей, давно свирѣвствующей по всему побережью Средиземнаго Моря. Французы, итальянцы и нѣмцы, наперерывъ, цѣлыми толпами прибывали въ край и съ необыкновеннымъ усердіемъ принялись за изслѣдованіе его естественныхъ богатствъ. Въ минувшемъ 1864 г. число иностранцевъ-изслѣдователей и промышленниковъ доходило до 300.

Отпущенная торговля такъ же важна для народнаго богатства, какъ и самое производство; кромѣ того для Россіи торговля эта имѣетъ и спеціально-финансовое значеніе, слѣдовательно, значеніе по преимуществу политическое. Поэтому мы считаемъ себя обязанными коснуться статистическихъ подробностей настоящей статьи, представляющей кавказскій край новымъ источникомъ для русской отпущенной торговли—источникомъ, имѣющимъ во всякомъ случаѣ несомнѣнную и близкую будущность, особенно если, какъ это представляется уже живымъ фактомъ, иностранцы, въ виду своихъ собственныхъ интересовъ, укажутъ намъ на предметы нашего богатства и вызовутъ со стороны мѣстныхъ производителей энергію и желаніе ознакомиться съ усовершенствованными способами воздѣлыванія тѣхъ многоцѣнныхъ продуктовъ, которые производитъ природа Кавказа.

Слѣдуемъ за авторомъ въ исчисленіи произведеній:

1) *Шелкъ* занимаетъ первое мѣсто въ ряду прадѣльныхъ матеріаловъ, производимыхъ на Кавказѣ и за Кавказомъ, гдѣ количество коконовъ годъ отъ году увеличивается. Прежде, именно лѣтъ 15 назадъ, количество шелка, добываемаго на Кавказѣ и за Кавказомъ, составляло 36,000 пуд.; теперь же, по обилію тутовницъ, можетъ достигнуть до 50,000 пуд., но въ вліяніемъ значительнаго требованія иностранцевъ на коконы и ввозившихъ за нихъ съ 1857 г. капиталовъ. Иностранцамъ удалось—присовокупивъ авторъ—въ короткое время осуществить то, что правительство и щедро-поощряемое имъ общество шелководства не успѣло достигнуть въ срокъ несравненно болѣе долгій. Дѣйствія ихъ имѣли примымъ слѣдствіемъ уничтоженіе нѣкоторыхъ старыхъ предразсудковъ туземцевъ, вредное вліяніе которыхъ отражалось на доброты качествахъ кавказскихъ коконовъ. Вслѣдствіе вывоза шелка въ сирѣмъ видѣ, изготовленія туземныхъ шелковыхъ матеріаловъ начало приходить быстро въ упадокъ; но объ этомъ, конечно, сказать нельзя, потому что мѣстными фабрикантамъ нельзя соперничать съ Ліономъ. Въ послѣднее время вывезено

много дивныхъ козововъ, получавшихся при изготовленіи обиваемыхъ во Францію и Италію сѣмянъ: Этотъ предметъ стнусвой торговли принялъ послѣ 1847 г. до того обширныя размѣры, что въ 1863 г. его вывезено было до 3,000 пуд.; на сумму до 1,200,000 руб.; считая фунтъ по 10 руб.; но цѣны, поднятыя иностранцами на живые коконы для изготовленія яичекъ, оказали немаловажное противодѣйствіе правильному и успѣшному ходу размотки шелка-сырца, и правительство, вслѣдствіе поступившихъ отъ мотальщиковъ жалобъ, обложило вывозъ яичекъ пошлиною въ 2 р. за фунтъ. Наибольшая филатурная фабрика, имѣющая до 800 мотовиль, приводимыхъ отчасти въ движеніе паромъ, принадлежитъ московскимъ купцамъ В. Алекѣеву и братьямъ П. и П. Воронинимъ; на этой филатурѣ размотывается шелка на сумму до 800,000 р.

2) *Хлопчатая бумага*. Война въ Америкѣ вызвала усиленное производство хлопка на Кавказѣ. Несмотря на то, что воздѣлываніе хлопчатника извѣстно съ древнѣйшихъ временъ въ Арменіи, оно въ настоящее время, безъ американской войны, продолжалось бы занимать весьма невидное мѣсто. Но если внезапное и искусственное возвышеніе цѣны на хлопчатую бумагу не успѣетъ поддержать усилившагося распространенія хлопка на Кавказѣ, то надежда на этотъ продуктъ остается еще впереди. Въ 1863 г. вывезено было черезъ Тифлисъ въ Москву, Англію и Францію до 150,000 пуд. хлопка.

3) *Шерсть*. Возвышенныя плоскости Малаго Кавказа въ Тифлисской и Эриванской губерніяхъ, простиравшіяся и по границамъ Турціи и Персіи, а равно и Дагестанъ, доставляютъ наибольшее количество шерсти, добываемой въ краѣ. Торговля этимъ продуктомъ главнымъ образомъ обязана кочующимъ племенамъ, сходящимся туда лѣтомъ со всѣхъ сторонъ для пастби своихъ стадъ. Собираемая ими шерсть цѣнится отъ 4½ до 8 р. за пудъ, тогда какъ другіе сорта шерсти продаются только отъ 3½ до 5 руб. за пудъ. Духоборы елисаветопольскаго уѣзда, снабженные правительствомъ, лѣтъ 10 назадъ, племенными баранами; производятъ шерсть отъ 7½ до 9 руб.; почти наравнѣ съ тонкой лезгинской шерстью; добывая впрочемъ только до 5,000 пуд.

4) *Ковші пушъ и шерсть* добываются въ Дагестанѣ въ Эриванской губерніи курдами, отъ разводныхъ тамъ ангорскихъ овецъ. Ковші шерсть, еще невозможная за границу, продается мѣстѣ отъ 16 до 20 руб. за пудъ.

5) *Красильныя растенія*: марена, шафранъ и сафлоръ не составляютъ еще предметовъ выгодной вывозной торговли; марена идетъ въ Москву, и, по причинѣ изобилія товара, понизилась въ цѣнѣ. Усиливается въ Европѣ сухая дестилляція каменнаго угля, и сухая перегонка дерева, не обещаютъ мареноводству широкой будущности. Шафранъ тавказскій прежде цѣнился шестомъ въ Европѣ, но нынѣ, отъ небрежнаго и недобросовѣстнаго приготовленія его, почти вовсе не находитъ сбыта. Сафлоръ обратившій

на себя вниманіе въ 1862 г. на Лондонской выставкѣ своимъ высокимъ достоинствомъ, вѣвса еще не вывозидя изъ края.

6) *Персидскій морсикокъ* собирается въ количествѣ до 5,000 пудовъ, цѣною отъ 5 до 12 руб. за пудъ; но обманъ въ приготовленіи его, въ послѣднее время, ослабилъ сбытъ за границу; впрочемъ, для восстановленія кредита, купцы отправляютъ цвѣты этого растенія не въ видѣ персика, а въ натуральномъ видѣ.

7) *Вино*. Кавказъ производитъ различнаго рода вина, почти неизвѣстныя въ Россіи, потому что всѣ они, благодаря винолюбію грузинъ и армянъ, потребляются на мѣстѣ. Одинъ Тифлисъ потребляетъ кавказскихъ винъ до мильона ведеръ. Но, конечно, при развитіи винодѣлія, вина могутъ составлять и предметъ вывозной торговли, по крайней мѣрѣ въ Россію.

8) *Табакъ*. Караявская степь и подобныя ей мѣстности, въ срошенію которыхъ претуплено въ послѣднее время, представляютъ всѣ условія для выгоднаго и обширнаго производства табака высшихъ сортовъ. Произведенные донмиѣ опити княземъ Андронниковымъ удалсь исполнѣ, и послужили примѣромъ для многихъ помѣщиковъ. Табакъ родится во многихъ уѣздахъ Тифлисской губерніи, а лучшій въ Минграліи, Имеретіи и Кахетіи, гдѣ добыто въ 1864 г. до 10,000 пудовъ; нѣкоторые помѣщики отправляютъ табакъ въ Москву, которая, конечно, распространяетъ его подъ видомъ турецкаго. Въ Тифлисъ кавказскій табакъ продается свыше 9 р. за пудъ.

9) *Лѣса* составляютъ богатѣйшій матеріалъ Кавказа, какъ по количеству, такъ и разнообразію породъ; изъ коихъ многія вовсе не встрѣчаются въ европейской флорѣ, какъ напримѣръ желѣзное дерево, каштанолистный дубъ, красное дерево азадъ и др. Изъ Минграліи и Имеретіи, благодаря близости моря, лѣса дѣлаются предметомъ сбыта въ Новороссійскій край, студный лѣсомъ, и въ югозападную Европу.

10) *Минералы*, крошіеся въ нѣдрахъ Кавказа, еще недостаточно изслѣдованы и оценены; соль доставляетъ правительству дохода до 100,000 р. Нефть и горный воскъ, добываемые въ овражностяхъ Баку, составляютъ также значительную откупную статью, приносящую до 60,000 р. ежегоднаго взноса. Производствѣ нефти доходить до 350,000 пудовъ. Но главное минеральное богатство Кавказа—мѣдь, добываніе которой находится еще въ младенчествѣ.

Географическое положеніе Кавказа таково, что вывозная торговля для этого края будетъ весьма возможна, какъ-скоро возобновятъ пути сообщенія въ самый край, направляясь въ восточному берегу Чернаго моря.

Всѣ произведенія Кавказа, какъ напримѣръ вино, табакъ, хлопчатъ, шерсть, дерево, минералы, по своей цѣнности могутъ выдерживать даже и дорожное пути, что въ особенности ручается за возможность вывоза.

Нѣтъ сомнѣнія, что Кавказъ, по своимъ климатическимъ усло-

внимъ и географическому положенію, можетъ сдѣлаться для Россіи рогомъ изобилій, но когда — это вопросъ, на который едва-ли кто отвѣтитъ, не желая обольщаться несбыточными надеждами, и въ то же время не впадая въ скептицизмъ.

Пользуемся случаемъ замѣтить при этомъ, что мѣстная газета, изъ которой мы еще въ первый разъ нашли возможнымъ сдѣлать извлеченіе, во время полугода, не сообщаетъ никакихъ данныхъ о положеніи колонизаціи на свободныхъ земляхъ Кавказа, и о томъ, какія есть надежды на заселеніе Кавказа.

Столѣтняя война, конечно, наложила особую печать на цѣлый край, на обычай и занятія населенія; теперь долженъ же быть какой-нибудь переломъ этого порядка, подъ влияніемъ гражданскихъ идей, такъ широко развивающихся въ Россіи; поэтому естественно желать, чтобы газета «Кавказъ» не была такъ привычно-однообразна и скупа въ сообщеніи мѣстныхъ данныхъ, и по возможности давала бы понятія о послѣдствіяхъ перемѣнъ, совершившихся надъ краемъ.

Принадлежатъ ли великороссы къ арійскому племени? — Полякъ Духинскій изложилъ въ парижскомъ географическомъ обществѣ свой взглядъ на этнографію Россіи, по которому мы, великороссы, оказываемся не славянами, не арійцами, а туранцами, то-есть съ-родни китайцамъ и монголамъ. Что такое этотъ туранизмъ, которымъ думаетъ польскій этнографъ заклеймить насъ, какъ печать отверженія? А вотъ, что такое: народы Европы, носители и двигатели ея настоящей цивилизаціи, принадлежатъ всё къ арійскому племени; по выводу, неизвѣстно на чемъ основанному, и измышленному едва-ли еще не во время восточной войны, только одному арійскому племени должно принадлежать господство, потому что оно одно призвано къ прогресу въ будущемъ; задача его — покорить и ассимилировать себѣ всё прочія племена человѣческія; къ этому племени принадлежатъ будто бы и поляки, и русскіе на югъ и на западъ отъ Дибіра; великороссы же или, по польской номенклатурѣ, москали, московиты, населяющіе пространство на востокъ и сѣверъ отъ этой рѣки, принадлежатъ къ расѣ туранской, искони враждебной арійцамъ. Великороссовъ, потому, арійцы, въ силу всемірно-историческаго призванія своего, никакимъ образомъ не должны допускать до господства надъ какими либо отраслями своего племени (слѣдоват. и надъ молканами и надъ южно-западною Русью), должны, напротивъ, ради собственной безопасности, стараться ослабить ихъ и сживать со свѣту. Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ, надѣется г. Духинскій, приведетъ насъ его этнологическая система, если мы признаемъ будемъ за туранцевъ. Исслѣдованіе г. Духинскаго выслушано было равнодушно, несмотря на то, что многіе изъ ученыхъ членовъ парижскаго общества, знакомые съ этнографіей восточной Европы въ связи съ азіатскою, могли бы считать себя обиженными выходной, облеченной въ форму ученаго исслѣдованія, но

несогласной съ признанными уже положеніями науки. Впрочемъ, въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнить, что вообще Франція и французы протезируютъ полякамъ.

Мы извлекли эту замѣтку изъ помѣщенной въ Извѣстіяхъ нашего географическаго общества (№ 6) статьи, гдѣ, между прочимъ, приводятся слѣдующія опроверженія противъ принадлежности великороссовъ къ туранской расѣ: анатомисты и физиологи распознали въ нашемъ тѣлесномъ строеніи тотъ кавказскій типъ, который принадлежитъ и другимъ европейскимъ племенамъ; лингвисты находятъ въ нашей рѣчи тѣ звуки и тѣ этнологическія начала, по которымъ нельзя не признать насъ аріядцами славянской отрасли; правда, правда, по устройству черепа, Ретціусъ отнесъ насъ къ одному отдѣлу съ турками, лалландцами, самоѣдами, бурятами; но вѣдь ту же короткоголовость нашель онъ, между прочимъ, у персовъ и у всѣхъ славянъ; стало быть, если мы, по Ретціусу, можемъ быть отнесены къ туранцамъ, то не иначе, какъ вмѣстѣ со всѣми остальными славянами, въ томъ числѣ и съ поляками. Еще болѣе правда, что въ великорусскомъ нарѣчій находится много татарскихъ словъ; но вѣдь извѣстно исторически, когда зашли къ намъ эти слова; въ языкѣ сербовъ и болгаръ, турецкихъ словъ еще болѣе, чѣмъ у насъ татарскихъ, и по той же причинѣ; но развѣ сербы и болгары утратили тѣмъ свое славянство? Въ такомъ случаѣ, не должны быть считаемы аріядцами и испанцы, въ языкѣ которыхъ оставили такой глубокой слѣдъ семиты-арабы. Правда, наконецъ, и то, что въ нашей великорусской крови долженъ быть значительный процентъ крови финской, крови тѣхъ аборигеновъ, которыхъ нашли въ средней и сѣверной Россіи, населившія ее позже русскія колонія славянскаго племени; но едва-ли не такой же процентъ финской крови найдется и во всѣхъ аріядскихъ народахъ Европы, такъ-какъ финское племя составляло древнѣйшій историческій слой населенія нашей части свѣта, и всѣ аріядцы, приходившіе сюда съ востока: пеласги, кельты, германцы, должны были необходимо мѣшаться съ этимъ племенемъ, на что имѣются и всѣмъ извѣстныя историческія свидѣтельства: баски, на границахъ Франціи и Испаніи, составляютъ доселѣ уцѣлѣвшій остатокъ этого древнѣйшаго населенія западной Европы.

Страницѣ всего въ стремленіи г. Духинскаго то, что онъ поднимаетъ вопросъ о туранизмѣ великороссовъ, когда въ устахъ великорусскаго населенія, самаго далекаго на сѣверѣ, въ олоонецкомъ краю, оказались уцѣлѣвшими до нашихъ дней остатки таковаго аріядскаго зноса, передъ первобытнымъ міросозерцаніемъ котораго блѣднѣеть, быть можетъ, древность индійскихъ ведъ.

О полярній экспедиціи. — Въ № 13 «Отч. Зап.», говоря о проектѣ экспедиціи, предлагаемой г. Шиллингомъ, мы выразили желаніе, чтобы наше географическое общество выразило о ней свое мнѣніе. Въ вышедшемъ числѣ № 6 «Извѣстій» общества, мы

выходимъ это мнѣніе, и сообщаемъ его во всей неприкосновенности и красотѣ:

«Мы не станемъ — говорить общество — разбирать здѣсь предположенія барона Шиллинга (а почему бы и не разобрать?), потому что дѣйствительно трудно сказать что нибудь положительное о странахъ, намъ совершенно неизвѣстныхъ (судя такимъ образомъ, были бы невозможны никакія экспедиціи для открытія новыхъ странъ), и мы позволимъ себѣ только согласиться исполнѣсь высказаннымъ авторомъ опасеніемъ (на счетъ нѣкотораго увеличенія издержекъ) о неудобствахъ, которыя представляетъ для долларной экспедиціи Беринговъ проливъ, по причинѣ отдаленности его отъ мѣста самаго ссварженія экспедиціи, то-есть русскихъ или англійскихъ портовъ Европы».

Если географическое общество почему-то не нашло себя обязаннымъ разбирать проектъ г. Шиллинга, то приведенное нами мнѣніе самаго общества, какъ мнѣніе весьма курьезное и оригинальное, должно бы быть разобрано въ сатирическихъ журналахъ.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Бельгійскія пещеры.—Робенгаузенскія свайныя постройки.—Калифорнскія велигтонія и теорія естественнаго выбора г. Дарвина.—Мезозавръ *Tenuidens*.—Объ измѣненіи цѣвъ, г. Девонса.—Исслѣдованіе законовъ природы, охватывающихъ цѣлесообразную мѣстность различныхъ отраслей промышленности, Вильгельма Рошера.—Новый аппаратъ г. Пелона для согрѣванія воздуха въ вагонахъ.—Опыты г. Буссенго надъ листьями.—О языкѣ и этиологіи, г. Феррера.—Вредныя слѣдствія неумѣреннаго куренья табаку.—Новый талантъ—г-жа Илма-де-Мурска.

Предполагаемая глубочайшая древность человѣческаго рода составляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ современной науки, и потому ископаемые остатки, найденные недавно въ бельгійскихъ пещерахъ, нельзя оставить безъ вниманія. Это открытіе было признано столь важнымъ, что академія сочла долгомъ составить на казенный счетъ ученую комиссію для осмотра этихъ пещеръ. Въ главѣ ея находился докторъ Дюпонъ, членами были фан-Вельде, Гагемансъ, Ле-Гранъ де-Рѣландтъ, президентъ, вице-президентъ и непремѣнный секретарь академіи, Буше-де-Пертъ, г. Джонсъ, Рѣль, Галлой, фан-Бенедентъ, де-ля-Валлей и Малезъ. Въ нютонскій пещерѣ было найдено очень много оленьихъ роговъ. Наукою не опредѣлена положительно эпоха, когда свѣрхные олени стали переселяться изъ лѣсовъ средней Европы въ страны, ближайшія къ полюсу. Ларте, Кристи и Мильн-Эдвардсъ полагаютъ, что эмиграція ихъ совершилась прежде, нежели ии-

лись у человѣка домашніи животныя и металлическія орудія. Тутъ же были найдены флейта, сдѣланныя изъ берцовой кости козла, и свистокъ изъ оленьей косточки. Такіе свистки — не рѣдкость: ихъ находили и прежде въ другихъ пещерахъ. Самой интересной находкою было значительное число иголокъ, сдѣланныхъ изъ оленьяго рога. Онѣ остры, и на тупыхъ концахъ протыканы ушками. Вѣроятно, вмѣсто иголокъ употреблялись тогда сухія жилы. Замѣчательно, что всѣ найденныя кости животныхъ принадлежать существующимъ въ настоящее время видамъ: бобрамъ, сернамъ, медвѣдямъ, кабанамъ и летучимъ мышамъ. Между ними была одна только кость медвѣда-великана, *ursus giganticus*, но г. Дюпонъ усомнился въ вѣрности этого опредѣленія. Человѣческихъ костей сохранилось также немало. Всѣ онѣ доказываютъ, что жители пещеръ были вообще люди малорослые. Эта истина подтверждается и другими остатками древняго человѣка. Итакъ, преданіе о великанахъ, населявшихъ когда-то землю, оказывается чистой сказкою. Всѣ данныя свидѣлствуютъ, что родъ человѣческій не измельчалъ, не выродился съ вѣками. Найденныя обломки глиняной посуды и украшеній, сдѣланныхъ изъ раковинъ, служатъ доказательствомъ начала промышленности и взаимныхъ сношеній между народами этого отдаленнаго періода, потому что такія же украшенія найдены въ третичной формациі Париза. Археологовъ можетъ особенно заинтересовать квадратная каменная плита, которую нашли здѣсь. Стороны ея недлиннѣ двѣнадцати вершковъ; на ней правильно и отчетливо вырѣзаны черточки, размѣщенныя въ пяти вертикальныхъ строкахъ, перекрещенныхъ горизонтальной строчкою. Видны на этой плитѣ и другіе полустертые знаки — словомъ, она заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія. Коммисіа осмотрѣла потомъ розетскую и лобовую пещеры. Последняя названа «Trou du Frontal», потому что въ ней еще прежде былъ найденъ черепъ. Теперь ее разчистили, и здѣсь, кромѣ каменныхъ орудій, амулетовъ и глиняной посуды, были открыты кости четырнадцати человѣкъ. Вѣроятно, въ этой пещерѣ хоронили покойниковъ. Люди, кости которыхъ найдены здѣсь, были современниками троплодитовъ средней Франціи, Пиринеевъ и древнѣйшихъ обитателей озеръ, жившихъ въ свайныхъ постройкахъ. Тацитъ называетъ эту расу *феннами* (Fenni). Это были предки теперешнихъ лапландцевъ. Маленькій ростъ ихъ вѣроятно подалъ поводъ къ легендамъ о пигмеяхъ, которыхъ суевѣрные нѣмцы и французы до сихъ поръ еще побаиваются. Можно полагать, что исторія этой расы была одинакова съ исторіею людей Шово, описанныхъ г. Шпрингомъ, о чемъ мы говорили уже въ свое время.

— Г. Мессингеръ, житель Цюриха, продолжая разработку торфа близъ Робенгаузена, сдѣлалъ снова замѣчательныя открытія. Хотя хронологическій вопросъ о свайныхъ постройкахъ не рѣшается ими, однакоже они бросаютъ болѣе свѣтлый лучъ на образъ жизни человѣка въ этотъ до-историческій ея періодъ. Спер-

ва думали, что здѣсь находились только два селенія, выстроенныя одно на развалинахъ другаго; но теперь оказывается, что ихъ было три. Два нижнія и древнѣйшія сгорѣли, и отсюда, изъ-подъ груды ихъ остатковъ, вынули много любопытныхъ вещей. Третья, верхняя постройка была срублена на вѣзъ круглыхъ бревенъ, но вѣзъ росколотыхъ дубовыхъ пней. Она не горѣла, но ее почему-то оставили жившіе въ ней люди, и археологическихъ вещей найдено здѣсь очень мало. Всѣ эти три селенія были построены въ продолженіе каменнаго вѣка. Ни бронзы, ни желѣза въ ихъ развалинахъ не отыскано; удѣлывшія орудія сдѣланы изъ камня, кости и дерева. Теперь продолжительность каменнаго періода и различіе между нимъ и бронзовымъ вѣкомъ обнаруживаются яснѣе; что же касается другихъ свайныхъ построекъ Швейцаріи, Даніи и Мекленбурга, то ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться ни по объему, ни по тому состоянію, въ какомъ удѣлыви онѣ отъ разрушенія—съ большими озерными деревьями Робензгаузена, Вовіа и Вангена.

— Въ концѣ іюня было четвертое годовое собраніе девонширскаго общества, учрежденнаго съ цѣлью содѣйствовать прогрессу наукъ, искусствъ и литературы. Здѣсь, по поводу найденныхъ костей, зашла рѣчь о древности человѣческаго рода. Этотъ вопросъ повлекъ членовъ общества къ оцѣнкѣ теоріи Дарвина, и результатомъ ихъ продолжительнаго диспута было слѣдующее заключеніе. По закону естественнаго выбора, существующій типъ долженъ смѣняться другимъ типомъ, когда во внѣшнихъ условіяхъ произошла матеріальная перемѣна. Прежняя же теорія объясняла исчезновеніе видовъ тѣмъ предѣломъ ихъ измѣненія, далѣе котораго не могутъ развиваться они безъ нарушенія законовъ природы и, слѣдовательно, неспособностію ихъ приравниваться ко всевозможнымъ внѣшнимъ условіямъ по мѣрѣ надобности. Однакоже встрѣчаются факты, неподводимые ни подъ одну изъ этихъ гипотезъ. Напримѣръ, у подошвы Дартмура, недалеко отъ Ньютона-Аббота, находятся остатки первобытнаго лѣса, угля и лигниты, которыми долго пользовались при выдѣлкѣ кирпичей и глиняной посуды. Цюрихскій профессоръ ботаники г. Геръ опредѣлилъ настоящія свойства этихъ остатковъ былой природы съ такой удивительной точностію, что теперь явилась возможность сравнивать исчезнувшую съ земной поверхности флору съ тѣми образцами ея, которые существуютъ еще кое-гдѣ. Было доказано, что растенія, найденныя въ бовейскомъ лигнитѣ, принадлежать къ нижнему міоценовому періоду и намекаютъ на тропическій климатъ; тогда какъ лежащій на нихъ гравій явился здѣсь въ то время, когда въ Девонширѣ была уже арктическая температура. Но это не все еще. Деревья, остатки которыхъ разсыяны по всей міоценовой формации, отъ самыхъ верхнихъ до нижнихъ предѣловъ ея, принадлежать къ тому же виду, къ которому относятся великаны растительнаго царства, существующіе теперь въ Калифорніи. Хотя первая называется Sequoia, а вторая Wellingtonia, однакоже всѣ из-

вѣстнѣйшіе ботаники согласны, что стволы, вѣтви, листья, почки и другія части секвой, находящія въ бовейскомъ лѣснѣ, совершенно одинаковы съ велинглтоніями. Особенно замѣчательно, что эти деревья росли въ продолженіе третичнаго періода по всей Европѣ, отъ Гренландіи до Средиземнаго Моря и даже до острова Ваннувера въ Сѣверной Америкѣ. Какъ же согласить слишкомъ ограниченную площадь земной поверхности, на которой теперь продолжаютъ расти они, съ широтою ихъ прежняго географическаго распредѣленія? Чѣмъ объяснить причину, которая прекратила жизнь ихъ во всей Европѣ? Конечно, не перемѣною климата, потому что и при этомъ условіи они росли бы до сихъ поръ въ Италіи и другихъ теплыхъ странахъ. Притомъ же никакъ нельзя сказать, чтобы соплеменники ихъ: *Cupressus* (или *Sequoia*) *sempervirens* и *Wellingtonia* (или *Sequoia*) *gigantea* были слишкомъ чувствительны къ холоду. Напротивъ, первыя растутъ по всей Англии, а вторыя, четыре года назадъ тому, выдержали такую зиму, отъ которой погибли нѣкоторые деревья Сѣверной Америки. Небольшой районъ, гдѣ растутъ теперь велинглтоніи, указываетъ на законъ природы. Мы видимъ его слѣдствія, но не можемъ понять средствъ, которыми приводится онъ въ исполненіе. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что жизни дѣлныхъ видовъ, равно какъ и отдѣльныхъ предметовъ, назначенъ предѣлъ, и что къ нему близятся эти гиганты растительнаго царства. Они могучи еще тамъ, гдѣ суждено было удержаться имъ, но, кажется, климатическія, или какія-то другія условія стали менѣе благоприятны для нихъ.

— 8-го мая въ парижской академіи наукъ былъ прочтенъ замѣчательный мемуаръ г. Поля Жерве, объ ископаемомъ пресмыкающемся «*Mesosaurus Tenuidens*», который найденъ въ южной Африкѣ и получилъ это названіе по причинѣ сходства съ симозавромъ и плезиозавромъ. Изъ подробнаго описанія этого животнаго видно, что въ немъ есть много общаго съ устройствомъ чуднѣйшаго былаго міра, которыя жили нѣкогда на землѣ и въ морѣ, и кости которыхъ находятъ теперь въ нижнемъ оолитѣ юрской системы.

— Въ лондонскомъ статистическомъ обществѣ профессоръ В. С. Джевонсъ прочелъ 16-го мая записку «Объ измѣненіи цѣны съ 1782 г.» «Азію—говоритъ онъ, между прочимъ—можно назвать большимъ резервуаромъ и мѣстомъ для стока благородныхъ металловъ. Она спасла Англію отъ торговаго кризиса, взявъ у насъ нѣсколько миліоновъ золотыхъ и серебряныхъ слитковъ, которые, оставаясь здѣсь, были бы болѣе, чѣмъ бесполезны. Въ средніе вѣка она такъ же освободила Европу отъ излишка американскихъ сокровищъ, похищенныхъ въ новомъ свѣтѣ испанцами, какъ освобождаетъ теперь Британію отъ лишняго притока австралійскаго золота... Мы можемъ говорить съ увѣренностію о результатахъ открытія золотыхъ приисковъ. Цѣны товаровъ, за неважными исключеніями, понижались постоянно съ 1810 по 1849 г. Отсюда вопро-

долженіе трехъ лѣтъ онѣ были такъ низки, какъ никогда не случилось прежде, и даже предвидѣлось дальнѣйшее ихъ пониженіе. Но въ 1858 году г. онѣ поднялись на 18% сравнительно съ 1852 г., и затѣмъ послѣдовало страшное ихъ колебаніе. Хловогъ вздорожалъ четверо, хлѣбъ упалъ до минимума своей цѣны, а мясо и продовольствіе скота стали значительно дороже. Хотя теперь цѣны многихъ привозныхъ товаровъ понижались, однако если мы сравнимъ ихъ съ цѣнами 1849 г., когда находились онѣ на самомъ низкомъ уровнѣ, то окажется, что въ прошломъ мартѣ онѣ повысились среднимъ числомъ на 21%, а сравнительно съ 1845 — 50 гг. на 11%. Разумѣется, приливъ золота изъ Калифорніи и Австраліи способствовалъ ихъ возвышенію.*

• — Въ «Deutsche Vierteljahrs-Schrift» за вторую четверть этого года помѣщена статья г. Рощера, подъ заглавіемъ «Исслѣдованіе законовъ природы, опредѣляющихъ цѣлесообразную мѣстность различныхъ отраслей промышленности». Авторъ, сознавая трудности этого обширнаго и почти совсѣмъ необработаннаго предмета, говоритъ, что онъ хотѣлъ подготовить только матеріалъ для будущей теоріи, которая, вѣроятно, явится современнымъ. Въ его статьѣ развиты преимущественно два тезиса:

1) тамъ, гдѣ раздѣленіе ремесленнаго труда находится, по какимъ бы то ни было причинамъ, на низшей степени развитія, мануфактурная промышленность выбираетъ мѣста по близости пунктовъ, наиболѣе благоприятныхъ для сбыта ея продуктовъ;

2) напротивъ, при большемъ его раздѣленіи, она устанавливается преимущественно тамъ, гдѣ выгоднѣе заниматься производствомъ.

Первое положеніе оправдывается фактами, которые доказываютъ, что всѣ отрасли мануфактурной промышленности начинали процвѣтать преимущественно въ городахъ, мѣстоположеніе которыхъ наиболѣе выгодно для торговли. Въ прошломъ вѣкѣ была въ большомъ ходу ошибочная мысль, что будто бы «естественное» развитіе народнаго хозяйства требуетъ прежде всего значительныхъ успѣховъ земледѣлія, и что потомъ уже, когда достигнетъ оно высокой степени совершенства, накопившіяся капиталы и рабочія силы устремляются къ мануфактурной промышленности, завершаемой внѣшней торговлею. На самомъ же дѣлѣ происходитъ совершенно другое. Лишь только поразовѣетъ немного земледѣліе, оно цѣлне вѣка остается на той же низкой степени развитія, а между тѣмъ, внѣшняя торговля возникаетъ въ благоприятныхъ для нея мѣстностяхъ, и уже отсюда, изъ городовъ, происходитъ обратное вліяніе на земледѣліе, вслѣдствіе накопившихся тамъ капиталовъ и рабочихъ силъ. Въ этотъ періодъ промышленнаго развитія, даже государственные законы бывають на-

* Studien über die Naturgesetze, welche den zweckmässigen Standort der Industriezweige bestimmen, von Wilhelm Roscher.

правленіи преимущественно не къ улучшенію производства, но къ обезпеченію сбыта. Въ Англіи считался долгое время очень полезнымъ средствомъ для развитія суконной промышленности законъ Карла II, предписывавшій хоронить всѣхъ покойниковъ непремѣнно въ суконномъ платьѣ, равно какъ и законъ, существовавшій въ средневѣковомъ Брабантѣ, по силѣ котораго всякій житель города былъ обязанъ купить, въ предѣленіе года, по крайней-мѣрѣ, одинъ кусокъ сукна. Предметы роскоши допускаются, какъ извѣстно, позднее раздѣленіе труда, потому что рынокъ ихъ сравнительно очень ограниченъ. Они изготовляются и продаются преимущественно въ большихъ городахъ. Парижъ до сихъ поръ остается всесвѣтнимъ центромъ ихъ. Въ Англіи шелковыя матеріи считались прежде предметомъ роскоши, и тогда главнымъ мѣстомъ ихъ производства былъ Лондонъ, съ ближайшими къ нему городами. Но съ 1824 г., послѣ того, какъ по предложенію министра Гусвиссона, пошлина за фунтъ сыраго шелку понижалась съ 4 шиллинговъ до 3 пенсовъ, шелковыя фабрики размножились во всей Британіи, товаръ этотъ подешевѣлъ, сбытъ его чрезвычайно усилился, и теперь шелковыя платки носятъ тамъ работницы. Въ Россіи, Австріи и многихъ другихъ странахъ шелкъ остается еще предметомъ роскоши, и потому обработкою его, равно какъ производствомъ ковровъ, занимаются тамъ только главные города съ своими окрестностями. Фарфоровыя фабрики почти вездѣ заводились сперва по близости королевскихъ резиденцій, гдѣ особенно требовалась хорошая посуда. Также большія зеркала отливались прежде только въ столицахъ, напимѣръ, въ Петербургѣ, Парижѣ и особенно въ Венеціи. Здѣсь, во первыхъ, представлялся лучшій сбытъ имъ и, вторыхъ, не представляло риска при перевозѣ этого очень крупнаго товара. Улучшеніе пути сообщенія и большее раздѣленіе труда разсѣяли потомъ эту промышленность по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ выгодно заниматься ею, вслѣдствіе большей дешевизны производства. Шляпная фабрикація и экипажное мастерство гнѣздятся преимущественно въ столицахъ и большихъ городахъ. Развитие въ Лейпцигѣ скорнячества есть слѣдствіе, а не причина того, что здѣсь находится главный рынокъ европейской мѣховою торговли. Шали, золотыя, серебряныя вещи и разныя кондитерскіе товары изготовляются преимущественно въ большихъ городахъ, гдѣ находятъ они большее число потребителей. Тагъ-называемые мелочные товары не допускаютъ широкаго раздѣленія труда, потому, между прочимъ, что они сосредоточиваются въ лавкахъ, гдѣ торгуютъ и другими предметами, немѣющимися къ нимъ ни по производству, ни по сбыту ни малѣйшаго отношенія. Сверхъ того, они скупаются повременамъ разношниками, и потому для производства ихъ выбираютъ обыкновенно мѣста, ближайшія къ сбыту. Наконецъ, сюда относятся тѣ вѣдѣлія, которыя не допускаютъ раздѣльнаго труда по причинѣ тяжести и широкаго распространения сыраго матеріала, изъ котораго изготовляются они,

напримѣръ, жженая известь, кирпичи, простѣйшая глиняная посуда, дщры, удобрения и т. д.

Присутвая къ развитію втораго тезиса, г. Рошеръ говоритъ, что выгоды производства, независимо отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ имъ условій природы, относятся къ тремъ категоріямъ: къ облію сыраго матеріала, дешевизнѣ человеческого труда, и особенно такъ-называемыхъ капиталовъ. При этомъ, для рѣшенія вопроса: всѣ ли эти три фактора, или преимущественно одинъ изъ нихъ указываютъ на выборъ мѣста для основанія завода или фабрики, надобно строго опредѣлить причины, отъ которыхъ зависитъ цѣна фабрикатовъ: отъ сыраго матеріала, работы, или потраченного на нихъ капитала. Г. Шапталъ во второй части своего классическаго произведенія о французской промышленности (1819 г.) сдѣлалъ чрезвычайно замѣчательныя сопоставленія цѣнъ сырыхъ и готовыхъ продуктовъ. Онъ говоритъ, что цѣна сыраго шелка отъ трощенія и пряжи возвышается слишкомъ на треть (15: 23); при дальнѣйшей обработкѣ она въ обыкновенныхъ фабрикатахъ удваивается, а въ тонкихъ тканяхъ возрастаетъ, по крайней-мѣрѣ, втрое. При выдѣлкѣ суконъ, не принимая въ расчетъ окраску ихъ, цѣна шерсти возвышается, какъ 3 къ 5. Цѣнность сыраго льна въ обыкновенныхъ полотнахъ увеличивается втрое, а въ тонкихъ, равно какъ и при пряжѣ нитокъ, еще болѣе. Пенька въ тонкихъ надѣліяхъ становится тоже втрое дороже, но въ веревкахъ возвышается только на $\frac{2}{3}$. При производствѣ писчей бумаги цѣна самаго тонкаго тряпья утравляется, а самаго грубаго возвышается на 500%. Желѣзо въ подковахъ, гвоздяхъ и т. п. становится дороже на $\frac{2}{3}$, въ формѣ цѣпей, крючковъ на $\frac{1}{3}$; потомъ цѣна его удваивается, утраивается, и наконецъ, въ слесарной работѣ, при производствѣ замковъ, ключей, увеличивается въ шесть разъ. Въ мелкихъ стальныхъ вещахъ сырой матеріалъ стоитъ не болѣе $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{12}$ той цѣны, по которой продаются онѣ, а въ мѣдныхъ цѣна его равняется среднимъ числомъ половинѣ того, что стоитъ готовый товаръ. Обработанный свинецъ прибавляетъ по большей части $\frac{1}{3}$, а грубыя золотныя издѣлія только $\frac{1}{8}$ къ цѣнѣ сыраго матеріала. Дубленіе возвышаетъ вдвое цѣну кожи и т. д. Разумѣется, подобныя таблицы могутъ быть вѣрны безусловно. Чѣмъ легче становится при обработкѣ вѣсъ сырыхъ матеріаловъ, тѣмъ сильнѣйшее вліяніе производить близость ихъ на выборъ мѣста для фабричнаго производства. Потому-то золото и серебро обрабатываются вдали отъ привокъ, тогда какъ мѣдныя и чугуныя заводы строятся близъ рудняковъ. Ткацкія фабрики могутъ находиться далѣе, чѣмъ прядальни отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ добывается сырой матеріалъ. Относительно заработной платы должно замѣтить, что она зависитъ не только отъ густоты населенія и цивилизаціи народа, но также и отъ возможности рабочихъ приложить свой трудъ къ другому дѣлу. Зимніе мѣсяцы имѣютъ въ этомъ случаѣ очень важное значеніе. Во время зимы рабочему люду приходится вы-

бравать между скучной лѣнью и ремесленнымъ занятіемъ отъ нечего дѣлать. Еще Адамъ Смитъ замѣтилъ, что такая работа бываетъ очень дешева. Наконецъ, съ понятіемъ о капиталѣ, кромѣ обыкновенныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ размѣръ процента, надобно соединять два по преимуществу продуктивные его способа: машины и искусственные пути сообщенія, не упуская изъ вида данныхъ силъ природы, напримѣръ, водопадовъ, запаса горючихъ матеріаловъ и т. д.

Гончарное производство сосредоточивалось въ Англіи на пространствахъ восьми миль отъ Стафордшира, потому что здѣсь верхній, чрезвычайно неплодородный слой земли состоитъ изъ превосходной глины, подъ которою находится отличный каменный уголь. Этими-то условіями и счумѣлъ воспользоваться г. Веджвудъ (1760 г.). Первая обработка неблагородныхъ металловъ, уже вслѣдствіе трудной перевозки руды, происходитъ обыкновенно тамъ, гдѣ добывается металлъ, и гдѣ нѣтъ недостатка въ топливѣ. Чѣмъ совершеннѣе становится она, тѣмъ болѣе можетъ удалиться отъ рудниковъ. Потому-то чугунные заводы, изготовляющіе тонкія, искусственныя вещи, находятся теперь въ Берлинѣ, Мюнхенѣ и во многихъ другихъ городахъ, вдали отъ мѣстъ нахождения желѣзной руды. Особенно выгодно, когда рядомъ съ нею лежитъ каменный уголь, какъ часто бываетъ въ Англіи, и если еще притомъ представляются выгодныя географическія условія для вывоза самыхъ грубыхъ желѣзныхъ издѣлій. Если же руда и горячій матеріалъ отдѣлены другъ отъ друга, то вопросъ о выборѣ мѣста для завода рѣшается сравнительно болѣе дешевой доставкой топлива къ рудѣ, или наоборотъ, руды къ топливу, при чемъ берутся въ соображеніе заработная плата, сбытъ, выгодность мѣстоположенія въ торговомъ смыслѣ и т. д. Во Франціи производство грубыхъ желѣзныхъ и чугунныхъ вещей все еще держится близъ рудниковъ сѣверо-восточныхъ горъ, центральныхъ скатовъ и восточныхъ Пириней. Невыгода его заключается въ томъ, что руда лежитъ вдали отъ каменноугольныхъ копей. Луарскій департаментъ богатъ углемъ, но, къ сожалѣнію, очень бѣденъ рудою. Въ Австріи и Пруссіи желѣзная промышленность тоже пріютилась по сосѣдству съ рудниками. Пиво варится по большей части въ городахъ, вино же вурится въ деревняхъ и селахъ. Эта противоположность въ выборѣ мѣста объясняется тѣмъ, что первый напитокъ не такъ хорошо сохраняется во время перевозки. Сверхъ того, въ немъ слишкомъ много воды, которая вѣситъ втрое и внятеро болѣе главнѣйшихъ составныхъ частей его, и, наконецъ, пивная барда сравнительно не такъ цѣтна для домашняго скота. Лѣсная промышленность и выдѣлка грубыхъ деревянныхъ вещей избираютъ для себя мѣста, богатые лѣсомъ. Финляндія стала съ 1780 г. отпускать во всѣ балтійскія гавани суда, построенныя безъ желѣза и нагруженныя лѣсомъ. До развитія торговли, при помощи желѣзныхъ дорогъ, фабрики, обрабатывающія сырыя заморскіе продукты, строились преимуще-

ственно въ портовыхъ городахъ, гдѣ фабрикантъ могъ самъ избрать товаръ, и обойтись безъ услугъ комисіонера. Въ промышленъ столѣтій, сахарные заводы для всей эльбской долины сосредоточивались въ Гамбургѣ, а для рейнскихъ областей въ Голандіи, которая снабжала также всю Германію американскимъ табакомъ. Теперь эта послѣдняя торговля перешла въ Бременъ. Англійскія бумагопрядильни расположены въ окрестностяхъ Ливерпуля, Глазгова, и въ тѣхъ приморскихъ городахъ, которые сравнительно ближе къ Америкѣ. Кромѣ того, эти западныя гавани находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ирландією, откуда до изобрѣтенія прядильныхъ машинъ получалась льняная пряжа, которую употребляли прежде на основу шткалей для большей ихъ прочности. Тѣми же условіями объясняется развитіе хлопчатобумажной промышленности въ окрестностяхъ Руана и Монпелье, до французской революціи. Въ Швейцаріи особенно развита она въ Ааргау, потому что здѣсь очень много водопадовъ, въ густомъ населеніи этого кантона много ткачей, занимающихся домашней работою, и наконецъ, на границѣ его протекаетъ Рейнъ, главнѣйшій водной путь Швейцаріи. Въ 1856 г. въ Австріи считалось слишкомъ полтора мильона веретенъ для тонкой пряжи, и почти треть ихъ работала въ Богеміи, которая получаетъ по Эльбѣ американскій хлопокъ. Высшіе нумера ея пряжи, сравнительно съ пряжею другихъ австрійскихъ областей, объясняются превосходствомъ богемскаго угля. Четыре года назадъ, въ Пруссіи работало около 400,000 такихъ веретенъ, и $\frac{2}{5}$ всего количества ихъ находилось въ Дюсельдорфѣ, на Рейнѣ, но тѣмъ же причинамъ, которыя способствовали развитію хлопчатобумажной промышленности въ Ааргау. Льняныя и пеньковыя фабрики все еще заводятся преимущественно въблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ растетъ сырой матеріалъ для нихъ, потому что слишкомъ долго удерживалась повсюду ручная выдѣлка льна и пеньки, вслѣдствіе медленнаго прогресса машинной обработки этихъ растений. Самый тонкій батистъ производятъ въ Бельгіи и Франціи, жители Фландрій и Артуа; его ткутъ въ окрестностяхъ С.-Кантена, Валансьена, Камбре и Дуэ, то-есть промышленность эта процвѣтаетъ тамъ въ густонаселенныхъ и отлично-обработанныхъ мѣстностяхъ, гдѣ родится лучшій ленъ. Гланземъ полотно занимается также въ Нормандіи, Лотарингіи и Овернѣ. Такъ-какъ Англія получаетъ теперь ленъ преимущественно изъ Россіи, откуда въ 1860 г. было доставлено его слишкомъ на два съ половиною мильона фунтовъ стерлинговъ, что составляло двѣ трети всего привоза, то въ настоящее время льняная промышленность процвѣтаетъ тамъ на восточномъ англо-шотландскомъ берегу, отъ Донди до Лидса, также въ Абердинѣ и Ланкаширѣ. Вопросъ о мѣстѣ водворенія шерстяной промышленности сложнѣе, потому что большія стада токоврунныхъ овецъ предполагаютъ обширныя нѣбныя, хорошо-устроенное хозяйство, и рѣдкое народонаселеніе. Сверхъ того, чѣмъ тоьше шерсть, тѣмъ дальнѣйшій провозъ возможенъ для

нея. Французскія мыловарни процвѣтали до революціи только въ Марсели, то-есть вблизи отъ производства деревяннаго масла и отъ родины тѣхъ растений, изъ которыхъ извлекается сода въ Италіи и Испаніи. По той же причинѣ занимались сперва изготовленіемъ мыла въ Триестѣ, преимущественно передъ другими австрійскими городами. Но теперь на выдѣлку его идутъ сало и сѣмянное масло, а соду замѣнилъ поташъ; вслѣдствіе этого, мыловарни устрояются теперь по близости къ луговымъ участкамъ страны, гдѣ особенно сильно скотоводство, или въ городахъ, куда прямо изъ-за моря доставляются необходимыя для мыла продукты.

Далѣе г. Рошеръ говоритъ, что улучшенные пути сообщенія и усовершенствованныя машины, удешевляя производство, даютъ возможность мануфактурной промышленности не слишкомъ дорожить выборомъ мѣста, не жаться тамъ, гдѣ воздѣлывается для нея сырой матеріалъ. Онъ ссылается на Адольфа Вагнера, который доказываетъ, что желѣзныя дороги столько же способствуютъ децентрализациі народнаго хозяйства, сколько и сосредоточенію его. Облегчая доставку каменнаго угля и сырыхъ продуктовъ, онѣ уменьшаютъ промышленное значеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ добываются эти предметы. Съ другой стороны, способствуя подвозу жизненныхъ припасовъ, онѣ позволяютъ увеличиваться городскому народонаселенію. Но вообще, какъ замѣчаетъ г. Рау, мануфактурная промышленность начинается обыкновенно производствомъ такихъ фабрикатовъ, которые требуютъ меньшихъ расходовъ, сулятъ большій сбытъ и быстрѣйшій оборотъ затраченнаго на нихъ капитала. Потому-то, вѣроятно, льнопрядильни заводились повсюду — послѣ бумагопрядильнъ, устройство которыхъ относительно машинъ значительно дешевле. Высоко-промышленныя націи, обрабатывая заграничныя сырыя продукты, стараются пріобрѣтать ихъ въ возможно-грубомъ видѣ, и потому предпочитаютъ торговия связи съ народами, стоящими на низшей степени промышленнаго развитія. Если же не слишкомъ производительная нація обрабатываетъ чужіе матеріалы, то она получаетъ ихъ сначала въ полуготовомъ видѣ, для того, чтобы оставить за собою только ихъ окончательную отдѣлку. При этомъ случаѣ, г. Рошеръ припомнилъ тарифный споръ въ германскомъ таможенномъ союзѣ между производителями ниткалей и владѣльцами бумагопрядильнъ. Первые, поддерживаемые Прусією, признавали пряжу сырымъ продуктомъ, который хотѣлось пріобрѣтать имъ какъ можно дешевле, а вторые — считали ее, разумѣется, фабрикатомъ и требовали, чтобы она была обложена привозной пошлиною, въ видахъ протекціи внутренней промышленности. На ихъ сторонѣ были юго-западные государства союза. Авторъ говоритъ, что повсюду, гдѣ существуетъ охранная система, она требуетъ временныхъ жертвъ со стороны потребителей, и чѣмъ меньше эти жертвы, тѣмъ лучше для народа. Потому-то привозъ полуобработанныхъ продуктовъ до тѣхъ поръ долженъ быть беспошлинный, пока окон-

чательно выдѣлываемые изъ нихъ фабричны достигнуть, при помощи протекціонной системы, такого совершенства, что имъ неопасна будетъ никакая конкуренція. Нѣмцы — говорить г. Рошеръ — справедливо гордятся успѣхами своихъ бумагопрядильныхъ, которыя ввели ихъ въ непосредственныя сношенія съ производителями хлопка, способствовали развитію судоходства, и усовершенствовали постройку машинъ на ихъ механическихъ заводахъ. Но все это совершилось постепенно. Германскіе фабриканты еще до прямыхъ сношеній съ Ост-Индіею и Америкою, получали очень незначительное количество англійской пражы. Пренія стѣсненія судоходства вообще болѣе препятствовали народному хозяйству, нежели помогали развитію мануфактурной промышленности. Что же касается машинъ, то искусственно-ускоренное развитіе одной отрасли промышленности, всегда бываетъ опасно для ея общаго прогреса.

— Въ «Chemical News» пишутъ, что г. Пелонъ изобрѣлъ аппаратъ для нагрѣванія воздуха въ вагонахъ, и назвалъ его производителемъ тепла «heat-generator». Онъ состоитъ изъ деревяннаго конуса, обернутаго пенькою и быстро вращающагося внутри мѣднаго конуса, который находится въ металлическомъ ящикѣ. Воздухъ, проходя сквозь этотъ ящикъ, согрѣвается въ немъ и проникаетъ оттуда въ вагонъ. Снарядъ помѣщается снаружи, деревянный конусъ приводится въ движеніе одною изъ осей вагона, и теплый воздухъ пропускается внутрь кареты пассажирами, по ихъ собственному желанію. На вращеніе конуса тратится $\frac{1}{20}$ лошадиной силы. Минутъ черезъ десять отъ начала движенія поѣзда температура исходящаго изъ ящика воздуха достигаетъ 70° Ц. Говорятъ, что «производитель тепла» введенъ уже въ употребленіе во Франціи.

— Г. Буссенго произвелъ нѣсколько опытовъ надъ поглощеніемъ и усвоеніемъ углекислоты древесными листьями. Результаты этихъ опытовъ были слѣдующіе: 1) листья, положенные подъ вліяніемъ солнца въ чистую углекислоту, или не разлагаютъ ея совсѣмъ, или же разлагаютъ чрезвычайно медленно. 2) Если кладутъ ихъ въ углекислоту, смѣшанную съ атмосфернымъ воздухомъ, то они быстро разлагаютъ первый газъ. Кислородъ не принимаетъ певидимому никакого участія въ этомъ дѣлѣ. 3) Углекислота быстро разлагается листьями, когда бываетъ она смѣшана съ водородомъ, или азотомъ. Г. Буссенго находитъ сходство между этими фактами и горѣніемъ фосфора. Когда кладутъ его въ чистый кислородъ, онъ или совсѣмъ не горитъ и не блещетъ, или горитъ слишкомъ медленно. Въ смѣси, составленной изъ кислорода и атмосфернаго воздуха, или когда кислородъ соединенъ съ водородомъ, азотомъ, или угольной кислотой, онъ горитъ быстро. Не воспламеняясь въ чистомъ кислородѣ, при нормальной плотности этого газа, фосфоръ начинаетъ горѣть, какъ скоро кислородъ будетъ разрѣженъ. Г. Буссенго убѣдился, что и древесные листья, помѣщенные въ разрѣженную углекис-

слоту, разлагають этотъ газъ и освобождаютъ изъ себя кислородъ.

— Англійскій пасторъ г. Фарреръ прочелъ въ лондонскомъ этнологическомъ обществѣ записку «О языгъ и этнологіи». Онъ доказываетъ, что языки являлись въ разныхъ странахъ совершенно независимо другъ отъ друга. Отыскиваніе общаго корня ихъ онъ признаетъ химерою. До сихъ поръ опредѣлены два большія семейства языковъ: семитическое и арійское, распространенныя на четырехъ полуостровахъ — въ Малой Азій, Аравіи, Индіи и Европѣ. Къ первому семейству принадлежатъ языки: еврейскій, финкійскій, халдейскій, самаритянскій, сирійскій и арабскій; ко второму — литовскій, кельтскій, теитонскій, славянскій, греко-италійскій, фракійскій, армянскій и иранскій. Къ этимъ двумъ группамъ можно бы прибавить третью, туранскую или ала-тианскую, состоящую изъ пяти языковъ: тунгусскаго, монгольскаго, турскаго, финскаго и самоѣдскаго, характеръ которыхъ опредѣленъ Кларотомъ, Шольтомъ и другими лингвистами. Но сверхъ этихъ трехъ группъ остаются еще тысячи живыхъ языковъ, не говоря уже о мертвыхъ. Куда же, къ какой группѣ отнести односложный китайскій языкъ, въ которомъ множественное число существительнаго имени, напримѣръ, *бровы* выражается повтореніемъ *бровы-бровы*, или японскій съ его особыми формами склоненій для именъ людей, животныхъ, птицъ и разныхъ предметовъ, равно какъ и множество американскихъ, австралійскихъ и африканскихъ нарѣчій? Если обращать вниманіе на созвучныя слова, то и они докажутъ это родство такъ же, какъ сходный организмъ позвоночныхъ животныхъ доказываетъ, что лошадь, китъ и человекъ — родня между собою. Каждый языкъ имѣетъ особныя, ему только свойственныя формы, которыя хотя и могутъ совершенствоваться, однако же не такъ, чтобы сгладить грамматическія отличія, напримѣръ, китайскаго языка отъ греческаго. Если покоренный народъ измѣняетъ иногда свой родной языкъ, то онъ дѣлаетъ это повинуваясь внѣшней необходимости, а не добровольно — словомъ, все заставляетъ предполагать, что каждый языкъ при самомъ началѣ своего образованія получилъ неизгладимо-своеобразный характеръ.

— Въ послѣднемъ номерѣ «Annales d'Occidentique» помѣщена статья доктора Зихеля, который доказываетъ, что неумѣренное куренье табаку производить глазную болѣзнь, известную подъ именемъ темной воды. Двадцати-восьмилѣтнія наблюденія убѣдили автора, что табакъ при такомъ условіи вреденъ неменѣе водки. «Немногіе — говорятъ онъ — могутъ потреблять ежедневно болѣе 20 граммовъ табаку безъ вреда зрѣнію, или не ослабляя памяти». Онъ рассказываетъ, что одинъ сорокалѣтній мужчина совершенно ослѣпъ отъ этого, но былъ вылеченъ противовоспалительными средствами и діетой. Табачный дымъ, кажется, дѣйствуетъ на головной мозгъ и на корни оптическихъ нервовъ, производя въ нихъ неснижимомъ сильное, но очень упорное, хроническое за-

твердініе. «Многіе курьльщии—говорить авторъ—очень долго не подвергаются этой болѣзни; но и другія наркотическія вещества дѣйствуютъ не на всѣхъ одинаково. Напримѣръ, люди, исподволь привыкшіе къ опиуму, также не чувствуютъ вреда, увеличивая наконецъ его приемы. Но дурныя слѣдствія, какъ бы медленны ни были они въ обоихъ случаяхъ, все-таки обнаруживаются современемъ».

— Англійскіе журналы очень лестно отзываются о новой пѣвицѣ, г-жѣ Ильмѣ-де-Мурска, ангажированной на оперный сезонъ однимъ изъ лондонскихъ театровъ. Она дебютировала прошлой зимой въ Вѣнѣ и получила тамъ высшій оладъ 16,000 флориновъ. Обширность, сила и необыкновенная свѣжесть составляютъ отличительныя качества ея очаровательнаго сопрано. Нельзя сказать, чтобы эта молодая артистка владѣла совершенно артистически своими богатыми средствами, но ей остается одинъ шагъ до почетнаго мѣста первоклассной примадонны. Кажется, она не исполнѣ сознаеть, что удивительно-пріятный томъ и дѣйственная свѣжесть ея блестящаго голоса производятъ особенно сильное впечатлѣніе на слушателей, а потому и желаетъ очаровывать аудиторію своими стаккато и фіоритурами, которыя исполняетъ, впрочемъ, превосходно. Но искусная вокализація теперь уже нерѣдкость, тогда какъ чистый, свѣжій, дѣйственный голосъ сталъ почти необыкновеннымъ явленіемъ на сценѣ. Потому-то слушателямъ хотѣлось бы уииться полными, симпатичными звуками, а не соловьиными рудами. Г-жа де-Мурска—хорошая актриса. Она, кажется, венгерка по происхожденію, но училась въ Италіи и усвоила, къ сожалѣнію, тотъ трансальпійскій недостатокъ, который сталъ общимъ достояніемъ итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ въ послѣдніе десять лѣтъ. Она слишкомъ любитъ вибрато и пользуется имъ несовершенно умѣренно. Если пойметъ она, въ чемъ собственно заключается ея чарующая сила, и сохранитъ чистоту и свѣжесть своего сопрано—ей предстоитъ несомнѣнно блестящая будущность.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Книга для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзи, составленная Николаемъ Мизко. М. 1865.

Г. Николай Мизко имѣлъ несчастье родиться, и даже выступать на литературное поприще прежде, чѣмъ г. Писаревъ, г. Зайцевъ и имъ подобные мудрецы не только стали проповѣдывать

превосходство самознанихъ дѣлъ мастерства надъ живописью Рафаэля, но даже учиться грамотѣ. Человекъ таковъ отсталый, г. Мизко воспитался на уваженіи къ классической литературѣ, и по сіе время сохранилъ убѣжденіе, что эта литература должна быть основнымъ элементомъ юношескаго образованія. Имѣя это въ виду, онъ предпринялъ составленіе сборника, котораго заглавіе выписано вверху. Къ стыду нашему, мы каемся въ сочувствіи къ труду г. Мизко, и даже рѣшаемся обратить вниманіе читателей на эту книгу.

Цѣль этого сборника, по объясненію составителя — доставить средства для нагляднаго знакомства съ древнею классическою словесностью массѣ читателей, незнакомыхъ съ древними языками, и прикотить юношество къ изученію древнихъ языковъ и литературу. Г. Мизко успѣлъ даже замѣтить въ нашей современной литературѣ возбужденіе вкуса къ классической древности, и на этомъ-то и основалъ свое предпріятіе. Признаемся, мы не видимъ ничего подобнаго: какъ вѣдѣстно, дѣйствующіе въ нашей литературѣ питомцы нашихъ классическихъ училищъ, въ родѣ г. Антоновича, вынесли изъ нихъ не гуманное направленіе, а только ту взыщную манеру обращаться со своими противниками, которую, по древнему предавію, тарентивская чернь приимѣнила къ римскому послу Постумію. И если суждено русскому обществу основать свое образованіе на классицизмѣ, то опыты его въ этомъ смыслѣ еще впереди. До сихъ поръ у насъ не было хорошаго классическаго образованія, и слѣдовательно не могло быть хорошихъ плодовъ отъ него. Да и въ настоящее время, судя по тому, какаго рода гимназіи предпочитаютъ въ той или другой мѣстности, классическое образованіе, кажется, не считается за единственно полезное и умѣстное для русскаго общества; изъ этого можно заключить, что наше общество ищетъ себѣ иныхъ, болѣе самостоятельныхъ основъ образованія; но какія онѣ будутъ — этого еще нельзя опредѣлить вполнѣ. Впрочемъ, нельзя не желать — и это желаніе тоже согласуется съ нѣкоторыми мѣстными заявленіями — чтобы знакомство съ древними языками и литературами вошло широкой долей въ наше общественное образованіе. Желательно, чтобы юношество коротко знакомилось съ тѣми превосходными литературными образцами, которые представляютъ древность, и научалось бы изъ нихъ видѣть въ литературѣ истинное хранилище лучшихъ помысловъ человѣка, а не сборъ невѣжественныхъ, полумудрыхъ выводовъ, грязныхъ пересудовъ и влюбленной брани, прикрываемыхъ высокими словами науки и гражданской добродѣтели.

Поэтому мы думаемъ, что каково бы ни было училище, классическое или реальное, питомцы его должны быть знакомы съ главными произведеніями греческой и римской литературъ — хотя бы въ переводахъ. И вотъ, первый пособіемъ для этой дѣли, очень можетъ служить сборникъ г. Мизко; судя по первому его тому, посвященному греческой поэзіи, плавать его слѣдующій: со-

ставитель предлагает переводы или небольших цѣлѣхъ произведеній, или отрывковъ изъ большихъ сочиненій, при чемъ отрывки связываются краткимъ изложеніемъ всего остального; выбранъ, конечно, только главнѣйшіе представители литературы; къ каждой статьѣ присоединены объяснительныя примѣчанія и приложены біографія авторовъ. Особенно важно то, что руководителіемъ началомъ въ выборѣ образцовъ, по сознанию самого г. Мизво, приняты самостоятельность и характеристичность, «потому что — объясняетъ онъ — если образцы, отличающіеся лишь изящнымъ изложеніемъ, могутъ имѣть значеніе въ христоматіяхъ стилистическихъ, то отрывки безсодержательные и безотносительные къ личности автора, или духу словесности народа, въ литературно-историческомъ сборникѣ совершенно-безполезны». Прибавимъ къ этому, что выборъ, сдѣланный составителемъ, вообще удаченъ и удовлетворяетъ своей цѣли. Конечно, при бѣдности нашей литературы въ хорошихъ переводахъ съ классиковъ, авторъ былъ очень стѣсненъ въ выборѣ, но все же онъ сдѣлалъ, что могъ: въ его книгѣ находимъ отрывки изъ Гомера, Гезіода, Эзоповыхъ басенъ, антологій, лириковъ, драматурговъ, буколиковъ и сатириковъ. Составитель невиновать, что, за недостаткомъ иныхъ переводчиковъ, онъ долженъ былъ приводить иногда рубленую прозу вмѣсто стиховъ. Хорошо и то, что нѣкоторые отрывки, до сихъ поръ вовсе непереведенные на русскій языкъ, явились у него въ переводѣ впервые.

Въ началѣ сборника г. Мизво помѣстилъ очеркъ главныхъ характеристикъ чертъ греческой образованности, составленный по исторіи греческой литературы Берригарди. Несмотря на это почтенное имя, очеркъ этотъ показался намъ неудовлетворителенъ. Онъ почти не упоминаетъ о фактахъ, а только скользить по нимъ, и порою впадаетъ въ совершенную отвлеченность; уже это одно дѣлаетъ его не вполне доступнымъ и даже бесполезнымъ для обыкновеннаго читателя. Но, кромѣ того, въ немъ высказано нѣсколько взглядовъ неосновательныхъ: такъ, напримѣръ, отличительною чертою греческой религіи признается слѣдующее: «человѣческое бытіе есть вѣнецъ творенія; довольствуется само собою; боги въ своей средѣ руководятъ людей своей помощью въ жизни, какъ охранители домашняго и семейнаго быта; но они не полновластные повелители природы, и не могутъ измѣнить всеобщаго хода судьбы». Этими же чертами можно охарактеризовать антропоморфическій періодъ религіознаго сознанія и у другихъ народовъ индо-европейскаго вояна. Наконецъ, къ числу недостатковъ введенія должно отнести обиліе нѣмецкихъ оборотовъ и выраженій, изъ которыхъ нѣмне доходятъ до безсмысла, какъ, напримѣръ, на стр. XI, слѣдующій: «Они-ва Гречію со всѣхъ сторонъ, оно (то-есть море) измѣняетъ ея прибрежныя формы, образуя бухты, то сплываетъ острова и ряды острововъ въ свободныя группы, то раздѣляетъ ихъ тамъ, гдѣ онѣ служатъ прибавкой, которая выросла къ матерому, тамъ

раздѣлена на куски, какъ кусочками скалы и столбикъ». Впрочемъ, несмотря на это неудачное введеніе, книга г. Мизго заслуживаетъ большого сочувствія. Преподаватели словесности, безъ сомнѣнія, воспользуются ею, тѣмъ болѣе, что для объясненія родовъ поэзіи (а тѣмъ болѣе ея видовъ) образцы греческой литературы всего удобнѣе. Но мы, вмѣстѣ съ г. Мизго, думаемъ, что и для другихъ читателей, кромѣ учащагося юношества, подобный сборникъ можетъ представить значительный интересъ.

Женщины писательницы XIX столѣтія. К. Скальковскаго. Томъ I. Французскія писательницы (съ портретами). С. Петербургъ. Типографія Рейхельта. 1865.

Г. Скальковскій посвящаетъ, какъ онъ самъ выражается, свой скромный трудъ русскимъ молодымъ женщинамъ, въ надеждѣ что трудолюбивая и славная жизнь лучшихъ представительницъ ихъ пола въ нашемъ вѣкѣ, возбудитъ въ русской женщинѣ то сознаніе собственнаго достоинства, которое такъ необходимо въ борьбѣ за самое священное право—право серьезнаго воспитанія. Съ этою цѣлью онъ и беретъ на выдержку нѣсколько яркихъ женскихъ литературныхъ личностей, и старается опредѣлить ихъ значеніе и мѣсто въ исторіи литературы. Въ своемъ выборѣ, онъ, какъ говорить самъ, не стѣсняется, впрочемъ, степенью ихъ европейской извѣстности. Подобнымъ заявленіемъ г. Скальковскій почти застраховалъ себя отъ необходимости отвѣчать на вопросы читателя, почему, говоря о французскихъ писательницахъ XIX вѣка, онъ не считаетъ нужнымъ упомянуть даже о *Sophie Gay* (матери *Delphine Gay*, извѣстной подъ именемъ *madame Girardin*), которая своими произведеніями: *Leonie de Montbreuse* (1802), *Les malheurs d'un amant heureux* (1813), *Souvenirs d'une vieille femme* (1834) и т. д. гораздо болѣе извѣстна читающей публикѣ, чѣмъ герцогиня *Дюра*, написавшая только два романа *Ourika* и *Edouard*, которые, по отзыву Скальковскаго, стоятъ прочтенія, какъ произведенія сердца, а не одного искусства, и потребуютъ какой нибудь *часъ* времени! (стр. 57) или даже Анаисо Сегала, написавшая плохіе и крайне напыщенные стихи, которымъ однако Скальковскій нашелъ необходимымъ удѣлить немало страницъ, хотя и сознается, что ему неизвѣстно, живетъ ли госпожа Сегала на прежней квартирѣ, такъ-какъ перестройки парижскаго префекта выгнали всѣхъ парижанъ изъ прежнихъ квартиръ (свѣдѣніе, весьма полезное для возбужденія въ русской женщинѣ сознанія собственнаго достоинства), но... она продолжаетъ работать *трудолюбиво* какъ и прежде (стр. 182).

Вообще говоря, лежащій передъ нами томъ содержитъ въ себѣ самыя обменовенные очерки жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ произведеній г-жи Сталь, герцогини Дюра, графини Жанлисъ, г-жи Шаррьеръ, де-Суза, Коттенъ-Свѣчинъ, баронессы Криднеръ, г-жи Гизо, Ремюза, Сегала, Дельфина, г.г. Жоржъ-Зандъ и Клемансъ Райе, нисколько не опредѣляетъ значенія и мѣста ихъ въ лите-

ратурѣ, и очень мало касается разбора литературныхъ произведений означенныхъ писательницъ, хотя, надлежало извѣстнѣе въ области исторіи французской литературы сочиненіемъ Юліана Шмидта, Стальковскій могъ бы съ успѣхомъ пополнить этотъ пробѣлъ и придать своему труду хотя бы нѣкоторую занимательность. Къ тому же, мы замѣтили въ этомъ сочиненіи нѣсколько хронологическихъ промаховъ, какъ, напримеръ, Сталь написала свой романъ *Дельфина*—не въ 1808 году, а въ 1802, госпожа Жанлисъ умерла не 31 декабря 1831 года, а въ 1830 году и не выдавала свою *приемную* дочь Памелу за лорда Фитджеральда (стр. 70), а просто свою воспитанницу леди Памелу выдала замужъ за лорда Фитцъ-Жеральда; Дельфина Ге родилась не въ 1804 году 24 января, а въ 1805 году и т. д. Что же касается до взгляда г. Стальковского на литературу вообще и ея достоинство, то немалое понятіе объ этомъ можетъ дать читателю то обстоятельство, что авторъ, возставая противъ полной справедливости выраженія: «въ настоящее время полного упадка французской литературы», сдѣлавшагося совершенно безспорною истинною уже, возлагаетъ большія надежды на писателей *реалистовъ*, къ числу которыхъ и причисляетъ Дюма-фиса, Флобера, Фейдо, Шанъ-Флѣри, Ожье, Поисара, Сарду, и находитъ необходимымъ сознаться, что одинъ только здоровый реализмъ можетъ обновить французскую литературу. и очистить ее отъ академической пошлости, наслѣдія ложнаго классицизма и романтическаго безобразія. Предоставимъ же ему ждать обновленія французской литературы отъ *dames aux Camélias* и тому подобныхъ произведеній, и не издавать до этого другихъ подобныхъ книгъ.

Положеніе женщины въ Америкѣ. Адольфа Колачева.
Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Червякова. С.-Петербургъ. 1865 г.

Вопросъ—какое положеніе должна занимать женщина въ современномъ обществѣ—возбуждалъ, по замѣчанію Колачева, три ряда различныхъ взглядовъ на женщину, изъ коихъ одинъ (Философъ Шопенгауэръ) ставитъ мужчину главой женщины; другой (Юнгъ въ своей *Исторіи женщины*) обратно совсѣмъ, а третій (Риль и Богумиль Гольцъ) признаетъ равноправность обоехъ. Колачевъ заявляетъ, что въ этомъ вопросѣ онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ названныхъ выше партій, не имѣетъ ничего общаго съ этими взглядами; считая женскій вопросъ въ Америкѣ рѣшеннымъ, онъ намѣренъ въ означенномъ сочиненіи, посвященномъ отъ автора всѣмъ женщинамъ, понимающимъ свое истинное назначеніе, рассмотреть, правильно ли его рѣшеніе или нѣтъ. Ничего не могло быть любопытнѣе, какъ прочесть хорошее выполненіе подобнаго намѣренія, но, къ сожалѣнію, г. Колачевъ и остается только при добромъ намѣреніи. Онъ начинаетъ говорить о положеніи американской женщины сперва въ обществѣ, то-есть собственно на улицѣ, въ общественныхъ экипажахъ, гостиницахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. д., замѣчаетъ объ удоб-

ствах путешествія для дамъ въ Америкѣ, о любезности и внимательности къ нимъ мужчинъ и разслаивають, со словъ одной американки, какъ она познакомилась дорогою съ господиномъ, который, при прощаньи, казался очень тронутымъ и просилъ ее, въ случаѣ надобности, обратиться прямо къ нему. Тутъ, какъ на бѣду, дама эта падаетъ съ моста въ воду, ее вытаскиваютъ, и она кидаетъ столь презрительный взглядъ на этого же господина, стоявшаго спокойно на берегу съ сигарою, что онъ тутъ же кинулся въ воду и утонулъ! Каковъ пассажъ?... За вѣрность разсказанныхъ фактовъ (какихъ именно? что господинъ кинулся въ воду, именно отъ взгляда американки, что ли?) Колачекъ ручается. Потомъ 2)—дома, 3) о привилегіи женщинъ, называемой авторомъ *правомъ на бракъ*, которая состоитъ въ томъ, что по американскимъ законамъ женщина, получившая любовное письмо, *имѣетъ право* требовать, чтобъ авторъ онаго вступилъ съ нею въ бракъ; Колачекъ замѣчаетъ, что это требованіе совершается противъ ея желанія, не объясняя опять, какимъ же это образомъ можетъ случиться; онъ видитъ въ этомъ причину сдержанности и церемонности мужчинъ въ присутствіи женщины, замѣчая, что съ американками нельзя говорить о предметахъ, о которыхъ у насъ говорятъ, будто бы, съ женщинами *постольно*, что намъ кажется уже очень преувеличено; приводить въ примѣръ, «что спросивъ однажды у служанки, гдѣ она достала прекрасный картофель, онъ не получилъ отвѣта, какъ оказалось, потому, что вопросъ этотъ былъ не у мѣста». Подобною же пустою болтовнею переполнены главы: 4) независимость, достоинство, грація, 5) кокетство и школа, 6) быть или не быть — любовь, 7) бракъ и семейство, 8) положеніе женщинъ въ политикѣ, педагогикѣ, религіи, искусствѣ, наукѣ, литературѣ, нравственности, работѣ — глава всего въ 10 страницъ, написанныхъ общими фразами въ родѣ слѣдующихъ: что женщины занимаются мелочною торговлею, имѣютъ занятія въ редакціяхъ и типографіяхъ, сдѣлали *замѣчательные* успѣхи въ астрономіи, приобрѣли огромную извѣстность въ Европѣ въ научномъ отношеніи, имѣютъ важное значеніе въ скульптурѣ, поэзіи, литературѣ, допущены въ участію по дѣламъ администраціи, оказываютъ замѣчательные успѣхи и т. д. Послѣ всего этого, Колачекъ добирается до заключенія и говоритъ, что описанное нами высокое положеніе американской женщины имѣетъ твердыя основанія въ жизни американскаго народа. Какія же? спрашиваетъ читатель. Вотъ какія: «американка обладаетъ въ сравненіи съ мужчиною высшей организаціей (почему—неизвѣстно, и одна ли американка находится въ такомъ положеніи относительно мужчинъ, или распространяется это и на европейскихъ женщинъ — также не объяснено); она—источникъ всѣхъ идеаловъ жизни; она—проводникъ истиннаго образованія, она заботится объ интеллектуальномъ и гуманномъ развитіи; безъ нея нѣтъ духовной жизни; индивидуальность женщины выше индивидуальности мужчины; женщина индивидуальнѣе, она образуетъ личность. Въ Новомъ

Свѣтъ господствуетъ индивидуумъ, а женщина есть его принципъ. Всюду, гдѣ она является, она господствуетъ только потому, что является (какъ это все ясно доказано!). Слѣдовательно, въ Новомъ Свѣтѣ господствуетъ женщина. Это послѣднее наше объясненіе высокаго положенія женщины въ Америкѣ.» Словами этими заканчиваетъ Колачевъ свое сочиненіе, забывъ вѣроятно, что онъ обѣщалъ разсмотрѣть, правильно ли рѣшенъ женскій вопросъ въ Америкѣ? Онъ же только объясняетъ причину высокаго положенія женщины въ Америкѣ, если только можно считать объясненіемъ фразы, подобныя вышеприведеннымъ, которыя, быть можетъ, и вполнѣ справедливы, но не могутъ же быть принятыми читателемъ на вѣру, безъ ясныхъ доказательствъ справедливости и основательности выражаемыхъ ими положеній. Доказательствъ же Колачевъ никакихъ не представляетъ, и потому читателю и приходится въ отношеніи вопроса о положеніи женщинъ въ Америкѣ руководиться свѣдѣніями, сообщенными въ этомъ отношеніи известнымъ Токвилемъ въ знаменитомъ сочиненіи его «De la démocratie en Amérique». Т. 2. chap. 8—13 p. 215—241. 1850. Объяснивъ читателю вліяніе демократическихъ учрежденій на семейную жизнь, онъ говоритъ о вліяніи ихъ на воспитаніе женщинъ въ Америкѣ, на положеніе ея какъ дѣвушки и матери семейства, а также о возвращеніи американцевъ на равноправность мужчинъ и женщинъ, и заканчиваетъ этотъ отдѣлъ, какъ известно, словами: «et si maintenant que j'approche de la fin de ce livre, où j'ai montré tant de choses considerables faites par les Américains, on me demandait à quoi je pense qu'il faille principalement attribuer la prospérité singulière et la force croissante de ce peuple, je repondrais que c'est la superiorité de ses femmes», называя предварительно и возвращеніе женщинъ американскихъ на ихъ положеніе, и права.

Что же касается до русскаго перевода г. Колачева, то онъ неудовлетворителенъ: встрѣчаются выраженія: «желая воспользо-ваться силой своего *пасса*»—вѣроятно паспорта; въ штатѣ *Калкута*—вѣроятно Кентуки и т. д., такъ что все изданіе на русскомъ языкѣ бесполезнаго сочиненія Колачева, мы считаемъ дѣломъ весьма плохой и не совсѣмъ понятной спекуляціи, такъ какъ можно быть въ полной увѣренности, что наши женщины, понимающія свое истинное назначеніе, обратятся, если пожелають имѣть свѣдѣнія о положеніи женщины въ Америкѣ—не къ Колачеву, а къ вышеуказаннымъ главамъ сочиненія Токвиля.

Должно ли преслѣдовать лихву закономъ? Популярное изложеніе ученія Бенгтама и Тюрго о лихвѣ. Изданіе А. П. Червякова. С.-Петербургъ. 1865.

Знаменитый французскій экономистъ Тюрго, будучи еще интендантомъ въ Лиможѣ, представилъ въ 1768 году записку о денежныхъ займахъ, въ которой доказывалъ необходимость измѣненія законовъ о лихвѣ; немного позже англійскій мыслитель

Бентамъ, въ 1787 году, написалъ на берегу Азовскаго моря (а не въ Крпчевѣ Могилевской губерніи), свою знаменитую defence of usury, которая во французскомъ переводѣ и вошла въ составъ 2-го тома собранія главнѣйшихъ экономистовъ (Collection des principaux économistes par Guillaumin). Изъ этихъ-то двухъ капитальныхъ произведеній сдѣлано въ настоящее время на русскомъ языкѣ довольно краткое извлеченіе, цѣль котораго для насъ совершенно непонятна, несмотря на то, что мы съ большимъ удовольствіемъ и сочувствіемъ встрѣтили бы полный и обстоятельный переводъ на нашъ языкъ всѣхъ замѣчательныхъ политико-экономическихъ сочиненій, помѣщенныхъ въ вышеупомянутой коллекціи Гильомена. Это по крайней-мѣрѣ обогатило бы нашу переводную литературу и могло бы способствовать болѣе основательному и обширному изученію у насъ политической экономіи, въ необходимости близкаго знакомства съ которою для каждаго общественнаго дѣятеля — никто въ настоящее время не сомнѣвается. Но какою же пользу доставитъ лежащая передъ нами неполная компиляція, подъ такимъ хитрымъ еще заглавіемъ: *должно ли преслѣдовать лихву законами?* не совсѣмъ-то вѣрно передающимъ содержаніе и самую цѣль тѣхъ сочиненій, изъ которыхъ извлеченіе это сдѣлано. Мы просимъ читателя вспомнить, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ написаны оба сочиненія, Тюрго и Бентама, и можно ли, напримѣръ, defence of usury, showing the impolicy of the present legal restraints on pecuniary bargains—защита лихвы и т. д. считать переводомъ точнымъ, хотя по справкамъ во всѣхъ лексиконахъ, окажется, что defence—защита, usury—лихва и т. д. Дѣло въ томъ, что въ тѣ времена, когда писали Тюрго и Бентамъ, смотрѣли вообще на *всякую ссуду*, подъ какіе бы то ни было малые проценты, какъ на дѣло нечестное, достойное презрѣнія и даже навазанія и преслѣдованія въ силу законовъ; людей, занимавшихся этимъ, ненавидѣли и преслѣдовали, вслѣдствіе чего они за подобныя непріятности очень естественно вознаграждали себя величиною взимаемыхъ процентовъ. Тогда всякій процентъ считался лихвеннымъ, тогда какъ въ настоящее время одно лишь взиманіе процента *своимъ* определеннаго законами считается *лихвою*, а самое помѣщеніе денегъ на такъ-называемые *указные* проценты отнюдь не считается предосудительнымъ. Тюрго и Бентамъ, увидѣвъ весь вредъ для заемщиковъ же отъ подобнаго порядка дѣлъ, возстали противъ него, доказали его нелѣпость и бесполезность, и увлеченные, впрочемъ совершенно справедливыми и основательными взглядами и доводами, пришли къ заключенію, что не должно преслѣдовать законами *лихву* въ смыслѣ и значеніи этого слова, имъ современнымъ, а не намъ. Нынѣ дѣйствующія законодательства впадаютъ всѣ въ ошибку, опредѣляя разъ навсегда, какой процентъ должно считать лихвеннымъ, то-есть не выше какой цифры ростъ считается вполне справедливымъ и нисколько не предосудительнымъ, и этимъ самымъ извращаютъ понятіе о *лихвѣ*, которая состоитъ

не во взиманіи процента выше опредѣленной, извѣстной цифры, но въ увеличеніи процента займа исключительно вслѣдствіе особыхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ и даже безвыходнаго иногда положенія заемщика, въ присвоеніи на долю капитала тѣхъ частей барыша и выгоды отъ какого либо предпріятія, которыя должны идти собственно на вознагражденіе другихъ факторовъ производства, и въ полученіи на капиталъ свой процента большаго, нежели причитающійся вообще изъ извѣстнаго предпріятія на долю капитала. Подобные существенные признаки лихвы, дѣлающіе рѣшительно невозможнымъ и бесполезнымъ для законодательства точное разъ навсегда опредѣленіе той цифры процента, съ которой должно считать процентъ лихвеннымъ, а заемъ—лихвою, тѣмъ не менѣе не слагаютъ съ законодательства обязанности *лихву*, въ выше указанномъ нами значеніи слова, преслѣдовать законами точно такъ, какъ всякое другое вредное и преступное дѣйствіе въ отношеніи всего гражданскаго общества и лицъ, его составляющихъ.

Въ настоящее время, при предстоящемъ гласномъ судопроизводствѣ, можетъ быть легко предоставлено усмотрѣнію присяжныхъ рѣшеніе самого вопроса, должно ли взимаемый въ извѣстномъ случаѣ процентъ считать лихвеннымъ или нѣтъ, возложивъ на обязанность законодательства существующее нынѣ опредѣленіе дозволенныхъ или указныхъ процентовъ отмѣнить вовсе, какъ совершенно бесполезное, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначивъ наказаніе за *лихву*, сдѣлавъ по возможности точное опредѣленіе ея значенія въ смыслѣ, нами указанномъ выше. Въ настоящее время у насъ никто не сомнѣвается въ справедливости взиманія процентовъ при ссудѣ капиталовъ, никто самую ссуду оныхъ давнымъ давно не считаетъ предосудительною, а считая совершеніе займа вполне зависящимъ отъ свободной воли лицъ, отъ обоюднаго ихъ согласія и т. д., никто не находитъ страннымъ и безнравственнымъ брать проценты рѣшительно по усмотрѣнію, пользуясь при этомъ, конечно, положеніемъ заемщика.

Все это доказываетъ достаточно бесполезность появленія у насъ популярнаго изложенія ученія Бентама и Тюрго о лихвѣ, и заставляетъ насъ сожалѣть, что авторъ онаго не принялъ на себя труда распространить въ народѣ взгляды на лихву, изложенные въ очень хорошей книгѣ *L'usure—sa definition par Marin-Darbec* (Paris 1859), изъ которой мы и привели выше, вполне нами раздѣляемое, опредѣленіе лихвы.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что самое извлеченіе сдѣлано добросовѣстно, и переводъ вѣренъ.

О свободномъ трудѣ при помѣстномъ устройствѣ.
Члена вольнаго экономическаго общества, Н. А. Безобразова. С.-Петербургъ.

Необходимость новой организаціи сельско-хозяйственнаго труда, вызванная совершившимся освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпо-

стной зависимости, весьма легко может побудить многих землевладельцев купить и прочесть вышеназванную нами книгу г. Безобразова съ тѣмъ, чтобы почерпнуть какія бы то ни было практическія или непрактическія свѣдѣнія о свободномъ трудѣ при помѣстномъ устройствѣ. Но въ этомъ-то отношеніи именно читатель ничего не извлечетъ изъ этого сочиненія и придетъ къ совершенно правильному заключенію, что оно представляетъ собою совершенно бесполезное произведеніе нашей литературы. Сказавъ, что въ глубинѣ (?) обсуждаемаго вопроса лежатъ четыре главныя понятія — вольно-наемный трудъ, трудъ свободный, крѣпостная зависимость и помѣстный бытъ — авторъ замѣчаетъ, что выраженія «вольнонаемный трудъ» и «трудъ свободный» *знаменуютъ двѣ понятія* вовсе петожественныя, и желая по возможности яснить читателю это глубокомысленное замѣчаніе, поражающее съ перваго же раза своею бесполезностью—(ибо кому же неизвѣстно, что трудъ можетъ быть вполнѣ свободный, не будучи вольнонаемнымъ, и что всякій вольнонаемный трудъ является слѣдствіемъ свободы труда, безъ которой онъ и не могъ бы быть вольнонаемнымъ?) — г. Безобразовъ находитъ нужнымъ коснуться общаго понятія о свободѣ и частномъ ея значеніи. Мы полагаемъ, что послѣ всего написаннаго уже о свободѣ такими мыслителями, какъ Мильтъ и другіе, г. Безобразовъ могъ бы уволить читателей отъ подобныхъ опредѣленій, какъ напримѣръ: свобода, въ обширномъ смыслѣ этого слова, есть правильное состояніе воли человѣка. (Какое же состояніе воли г. Безобразовъ считаетъ правильнымъ—неизвѣстно; а слѣдовательно, не уяснено и значеніе свободы). Воля — способность; свобода — ея состояніе. Поэтому выходитъ, что свобода есть состояніе воли (а не правильное, какъ сказано выше и т. д.). Послѣ этого авторъ говоритъ, что «защитою отъ обиды съ чьей бы то ни было стороны права на трудъ, осуществляется свобода труда или то гражданское положеніе, при которомъ разумное предопредѣленіе воли на трудъ не стѣсняется, высшее проявленіе ея охраняется и слѣдствія ея, то-есть возмездіе и приобрѣтеніе, обезпечиваются» (стр. 8). Не останавливаясь на этомъ самомъ жалкомъ наборѣ словъ, несколько неопредѣляющихъ значеніе свободы труда, мы послѣдуемъ далѣе за авторомъ, который, сказавъ нѣсколько словъ опять о крѣпостной зависимости и вредныхъ ея послѣдствіяхъ (какъ это все ново и привлекательно! неправда ли?), добирается наконецъ до помѣстнаго хозяйства, разумѣя подъ этимъ тотъ видъ осѣдлаго хозяйства, въ которомъ землевладелецъ имѣетъ дѣло не съ отдѣльнымъ лицомъ, а съ цѣлымъ обществомъ или селеніемъ; эти сельскія общества образуютъ собою въ гражданскомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ коллективныя личности (стр. 17). Вотъ, думаетъ читатель, добрались мы, наконецъ, до главнаго содержанія; тутъ-то и почерпну свѣдѣнія разныя о свободѣ труда и происходящихъ вслѣдствіе его отношеніяхъ между сельскимъ обществомъ — коллективною личностью и землевладель-

цемъ. Не тутъ-то было! Г. Безобразовъ пускается въ разсужденія о власти и о порядкѣ установленія ея; спрашиваетъ: кто же въ помѣстномъ бытѣ приличнѣе можетъ олицетворить живое средоточіе, столь необходимое для общества, и т. д., и отвѣчаетъ: нпкто, какъ *помѣщикъ!* вѣдомству котораго, по личному (мы желали бы думать, что и единственному) мнѣнію г. Безобразова, должно бы принадлежать: утверженіе выборовъ въ сельскія должности, разборъ жалобъ, приносимыхъ на мірскіе приговоры, надзоръ за усадебнымъ благоустройствомъ, наблюденіе за порядкомъ вообще и за *исполнительностью* должностныхъ сельскихъ лицъ, и т. д! Какъ вамъ это все нравится, читатель? и что вы на все это скажете? Ясно, что книжка г. Безобразова не только бесполезное, но и вредное произведеніе, которое ничего не сообщалъ, какъ обѣщано по заглавію о свободѣ труда, содержитъ въ себѣ всякую чепуху, для чтенія непригодную. Поэтому книжку эту мы сейчасъ же и бросимъ, сообщивъ только изъ нея еще одинъ небольшой курьезъ. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, онъ говоритъ: «Съ большою мудростью Положеніе 19-го февраля предлагаетъ выкупъ какъ *возможность*, осуществленіе которой зависить отъ желанія землевладѣльца-помѣщика. Оно иначе и быть не можетъ: ибо не въ природѣ закона насиловать собственность, то-есть громить то, для охраны чего онъ существуетъ. Откуда же взялось и гѣмъ распространено мнѣніе, будто бы для благой развязки помѣстныхъ отношеній только одинъ *исходъ* — *выкупъ*? Мнѣніе крайне несправедливое. При выкупѣ, повсемѣстно совершившемся, около 75-ти милліоновъ десятинъ земли поступятъ въ общинное владѣніе, столько же останется на рукахъ такъ-называемыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Каждое помѣстье раздвоится; въ одной половинѣ водворится общинное хозяйство, то-есть хозяйство невозможное (но доселѣ существовавшее же, замѣтимъ мы, и почему же непременно останется, почему не измѣнится въ участковое, отдѣльно-личное?), ибо всѣ никогда хозяиномъ не бываютъ; оно ежедневно будетъ раздираемо стремленіемъ къ участковому или душевому хозяйству, то-есть атомистическому. Въ другой половинѣ учредится хозяйство пустопомѣстное, въ которомъ землевладѣлецъ будетъ постоянно, какъ рыба на мели, биться изъ присеанія рабочихъ рукъ. И такъ, тамъ хозяйство безъ головы и нескончаемое броженіе, тутъ—хозяйство безъ рукъ и непрерывное взнеможеніе.»

Какова картина! и все это говорится бездоказательно; все на однихъ предположеніяхъ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, какъ скоро желаешь доказать, что для земледѣльцевъ вредно владѣть обработанною ими землею, и что имъ лучше быть вѣчными съемщиками, чѣмъ полными владѣльцами!...

Вѣрнѣйшій способъ образованія и сбора необходимыхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Россіи капиталовъ. І. Н. Шилля. С.-Петербургъ. Типографія Товарищества «Общественная польза». 1865 г.

Сущность этого способа состоитъ въ открытіи повсемѣстной и продолжительной подписки на акціи или пай будущихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, различной нарицательной цѣны, то-есть не только на цѣлый пай, но и на доли оныхъ, доступныя по цѣнѣ своей всякому, кто имѣлъ бы возможность и желаніе сберегать съ ближайшею цѣлью приобрѣтеніе такого пая. Необходимо допустить самыя малые взносы, хотя бы пять копеекъ, ежемѣсячные и даже еженедѣльные. Подписка на пай и взносы по нимъ должны продолжаться нѣсколько, то-есть 4, 5, 6 или 7 лѣтъ; въ послѣдующее полугодіе или въ слѣдующій годъ по открытіи подписки (серія 1-я), должна быть открыта новая подобная же подписка на пай 2-й серіи и т. д., по мѣрѣ надобности. Пай должны приносить гарантированныхъ три процента, которые выплачиваются въ опредѣленное время, по окончаніи подписки, то-есть когда дороги будутъ частью, а нѣкоторыя и вполне построены. Пайщикамъ должно предоставить право на $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ чистаго дохода отъ эксплуатаціи дорогъ, впредь до изыятія паевъ изъ обращенія посредствомъ тиража; при такомъ погашеніи — давать сверхъ капитала *премію*, соответственную времени погашенія. Можно допустить и лотерейныя выигрыши на мелкіе пай, именно отъ 1 до 5 или 10, а на крупныя отъ 5 до 25 или 50 десятинъ земли, назначивъ таковыя изъ принадлежащихъ казнѣ земель, лежащихъ близъ будущихъ желѣзныхъ дорогъ или въ другихъ мѣстахъ, при чемъ, само собою разумѣется, необходимо устроить такъ, чтобы пайщики могли получать свои выигрыши не только натурой, но и деньгами. Чтобы показать всю состоятельность предлагаемой имъ мѣры, которая *неизбѣжно* и *несомненно* послужитъ къ непремѣнному, будущему процвѣтанію нашихъ государственныхъ финансовъ (почему—рѣшительно неизвѣстно), Шилль дѣлаетъ различныя предположенія, сколько въ Россіи людей, которые, тратя деньги ежедневно на совершенно лишніе предметы, могли бы сберегать на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ по одной только копейкѣ въ день, и даже одной денежкѣ, по одной копейкѣ въ недѣлю и т. д., и предполагаетъ, что его сограждане, задавъ себѣ вопросъ: не лучше ли было бы, какъ для насъ самихъ, такъ и для дорогаго отечества, еслибы мы тратили въ день, на лишнее и вредное одною копейкою менѣе, употребляя оную на общественныя и нелишныя даже для насъ самихъ выгоды предпріятія? — Отвѣтять на оный утвердительно и будутъ сообразно этому и поступать, ибо—все это говоритъ Шилль—какъ не принять по возможности намъ всѣмъ, дѣтямъ и членамъ русской семьи, участія въ составленіи столь необходимыхъ для блага Россіи средствъ; неужели между нами много такихъ нищихъ, у которыхъ не найдется даже по нѣскольку копеекъ въ часть на пользу *свою* и отечества? неужели между нами слишкомъ много позорно-равнодушныхъ къ его благосостоянію и участи вообще? Неужели нашъ патріотизмъ, наша любовь къ отечеству можетъ проявляться только вспышками, и есть потому больше пустая фра-

за, ложь, обманъ... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ только пойметъ русскій народъ въ чемъ дѣло, какъ только узнаетъ онъ, чѣмъ можно ему угодить своему царю, да не просто царю, а царю-благодѣтелю, царю-освободителю, какъ только смекнетъ онъ, что постоятъ за родную страну, послужить родному краю, можно не одной головой, а также и мощной, то онъ положительно не потерпитъ, чтобы набралось слишкомъ мало средствъ на желѣзныя дороги, на дороги для народа! Стыдно намъ, коли такъ! и поведетъ дѣло такъ, что не будетъ стыдно, и розинетъ ротъ отъ удивленія вся Европа. Одинъ развѣ Гладстонъ не удивится, но на то онъ и Гладстонъ.

Говоря объ изысканіи средствъ на предпріятіе чисто-комерческаго, матеріальное, самое естественное было бы и обратиться къ соответствующимъ ему матеріальнымъ человѣческимъ двигателямъ — барышамъ, выгодамъ, а не къ лишенимъ и разнымъ высоко нравственнымъ чувствамъ, какъ любовь къ отечеству, самопожертваніе и т. д., которыя по самой природѣ своей не могутъ служить побудительными причинами къ поступкамъ и дѣйствіямъ обыкновеннымъ и ежедневнымъ притомъ. И къ чему же, дѣлая воззваніе къ возвышеннымъ такимъ чувствамъ, сулить имъ вознагражденіе самое матеріальное и самое ничтожное — какъ *три процента* съ рубля!... Это дѣлается, возразятъ намъ, для поощренія народа русскаго къ сбереженію — народа, который, по словамъ Шилля, мало трудится, мало сберегаетъ, мало дорожитъ своими силами, много мотаетъ и т. д.

Сознавая воплнѣ всю дѣйствительную пользу благотворнаго начала сбереженія, мы считаемъ необходимымъ для развитія онаго въ народѣ, принимать всевозможно разныя средства, причисляя конечно къ числу самыхъ дѣйствительныхъ въ этомъ отношеніи, *образованіе народа*. Но тѣмъ не менѣе мы не можемъ усмотрѣть, чтобы предложеніе г. Шилля, сдѣланное имъ также, и повидимому, даже преимущественно въ видахъ развитія въ народѣ бережливости, могло принести пользу и въ этомъ отношеніи, особенно при существованіи во многихъ мѣстахъ городскихъ сберегательныхъ кассъ, которыя постепенно увеличиваются въ своемъ числѣ (смотри мѣсяцесловъ 1865 г. стр. 232 — 35). Онѣ принимаютъ по нѣскольку разъ въ недѣлю вклады, не менѣе 25 копеекъ, даютъ по *три процента* въ годъ, начиная съ перваго числа мѣсяца, тогда какъ пая г. Шилля будутъ давать тѣ же 3% по окончаніи подписки, то-есть когда дороги будутъ частью готовы, слѣдовательно, пройдетъ не мало времени, въ продолженіе котораго вкладчикъ процентовъ не получитъ. Сберегательныя кассы выдаютъ вклады или часть оныхъ обратно по востребованію вкладчика, чѣмъ собственно и достигается всего болѣе цѣль сбереженія денегъ на тотъ моментъ, когда они дѣйствительно потребуются. Деньги же по паямъ желѣзныхъ дорогъ не могутъ быть возвращены по требованію вкладчика; онъ долженъ или ждать времени погашенія ихъ по тиражу, или прода-

вать, въ случаѣ надобности въ деньгахъ, по существующей для нихъ биржевой цѣнѣ, которая будетъ гораздо ниже нарицательной, по той простой причинѣ, что въ настоящее время государственныхъ бумагъ по 5 процентовъ въ годъ, ація гарантированныхъ желѣзныхъ дорогъ также по 5%, въ годъ, стоятъ *ниже* ихъ нарицательной цѣны, а тѣмъ болѣе будутъ стоять ниже—бумаги, приносящія всего только три процента. Слѣдовательно, тутъ вкладчикъ, въ минуту дѣйствительной для него надобности, испытываетъ потерю, какъ-бы за свое сбереженіе, что и воздержитъ его отъ подобнаго рода помѣщенія денегъ, совсѣмъ не такъ привлекательнаго, при всѣхъ соблазнахъ, кои онъ оставилъ его г. Шилль. Мы не понимаемъ, и г. Шилль намъ не объясняетъ, какъ устроить такъ, чтобы пайщикъ предназначаемый ему выигрышъ при тиражѣ въ 5—25 десятинъ земли, могъ получить не только натурою, но и деньгами? Для этого землю надо будетъ продавать, ибо другихъ денегъ у государства на это не усматривается. Сколько расходовъ сопряжено съ продажами подобныхъ незначительныхъ вѣсточковъ земли, по длинѣ будущихъ желѣзныхъ дорогъ? Купить ли кто эту землю вообще и т. д.? Да и какаа это приманка для лица, занимающагося земледѣіемъ, и который не знаетъ, что ему причтется за его выигрышъ? А сколько расходовъ, неизбѣжныхъ при открытіи повсемѣстной и продолжительной подписки на ацію, начиная съ одной копейки; какаа сложность контроля, расчета процентовъ и т. д. Но замѣнивъ мечты дѣйствительностью, не представляется ли необходимымъ въ отношеніи сбора капиталовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ обращаться исключительно въ способамъ, употребляемымъ съ этою цѣлью всѣми современными государствами.

Публичныя лекціи г. Молинари, *стенографировалъ В. Соболевскій. С.-Петербургъ. 1865 г.*

Совершенное отсутствіе въ нашей литературѣ, какъ оригинальной такъ и переводной, какихъ бы то ни было новыхъ сочиненій по части политической экономіи, заставляетъ насъ упомянуть и объ этихъ восьми публичныхъ лекціяхъ г. Молинари, которыя по преимуществу носятъ на себѣ характеръ, свойственный большей части публичныхъ лекцій: онѣ новыхъ взглядовъ въ себѣ не заключаютъ, отличаются ясностію изложенія, крайне разнообразнымъ содержаніемъ, эффектными фразами, касаются почти всего въ общихъ выраженіяхъ, и т. д., а потому и представляютъ собою чтеніе болѣе легкое, нежели поучительное. Въ этихъ лекціяхъ нѣтъ ничего, чего бы мы не знали изъ курса *политической экономіи* г. Молинари. Посвятивъ свои лекціи исключительно вопросу объ экономическомъ прогрессѣ, представляющемъ, по мнѣнію г. Молинари, результатъ совокупнаго, гармоническаго вліянія всѣхъ трехъ его элементовъ, то-есть производства, распредѣленія и потребленія богатствъ, онъ замѣчаетъ, что прогрессъ нашего времени заключается въ приумноженіи производства, въ расширеніи

средствъ удовлетворенія потребностямъ человѣческимъ. Это даетъ ему поводъ говорить о пользѣ развитія машинъ, замѣняющихъ огромную массу физическаго труда, а также о необходимости умственныхъ свѣдѣній и всякаго рода капиталовъ, причемъ онъ касается образованія капиталовъ, *сбереженія*, какъ главнаго къ тому условія, различныхъ видовъ расходовъ (производительныхъ и непроеводительныхъ) и развитія ассоціаціи въ настоящее время, которую и считаетъ единственно возможною современемъ формою производства, даже и въ отношеніи къ земледѣлію. Перейдя послѣ этого къ кредиту, его гарантіи и формамъ, Молинари говоритъ о различнаго рода банкахъ, и ихъ значеніи, о значеніи монетной единицы, бумажныхъ и металлическихъ деньгахъ, и о бѣдствіяхъ, сопряженныхъ въ производствѣ съ колебаніемъ монетной единицы. Сказавъ при этомъ нѣсколько словъ о войнѣ и революціяхъ вообще, объ успѣхахъ безопасности, сдѣланныхъ Европою втеченіе послѣдняго столѣтія, онъ переходитъ къ вопросу о расширеніи и облегченіи сбыта, который можетъ встрѣчать препятствія искусственныя — въ таможахъ и тарифахъ, и естественныя — въ трудности сообщеній. Какъ безусловный приверженецъ свободы торговли, Молинари, ссылаясь конечно на Англію, доказываетъ всю пользу для общества отмѣны таможенныхъ системъ всякаго рода, этихъ искусственныхъ горъ, препятствующихъ свободному сбыту произведеній, и коснувшись выгоды желѣзныхъ дорогъ, заканчиваетъ свои лекціи слѣдующими, между прочимъ, словами, обращенными къ намъ русскимъ: «Вы совершили громадныя реформы, какъ нельзя лучше, самымъ мирнымъ путемъ. Послѣ отмѣны крѣпостнаго права, вамъ остается только усугубить вниманіе на другихъ затрудненіяхъ вашего народа. Не въ реформѣ освобожденія труда заключается только ваша задача; вы имѣете еще много другихъ. Передъ вами стоитъ еще неразрѣшеннымъ вопросъ о монетной единицѣ, объ упадкѣ цѣнности вашихъ денегъ, который мѣшаетъ развитію кредита, о затрудненіяхъ вашей хлѣбной торговли. Ваши пути сообщенія находятся еще въ очень неудовлетворительномъ положеніи, и вамъ необходимо устроить побольше желѣзныхъ дорогъ.»

Да, дѣйствительно, желѣзныя дороги необходимы; народъ ясно сознаетъ всю пользу ихъ, какъ это видно изъ сообщаемыхъ цифръ отчета главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но откуда же взять средства, необходимыя для ихъ сооруженія?

НОВЫЯ РУССКІЯ И ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Мори. Руководство къ физической географіи. Переводъ съ англійскаго. 1865 г. С.-Петербургъ.

Нимейеръ. Ср. частная патологія и терапія, основанная преимущественно на физиологич. и патологической анатоміи. Профессора патологич. и терапіи въ тѣбингенскомъ университетѣ. Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія *H. Geinaca*. С.-Петербургъ. 1865 года. Часть II. Изданіе *Патика*. Цѣна 2 рубли.

Шахъ-Паронянцъ. О произвольномъ омертвѣніи наружныхъ частей. Разсужденіе, написанное на полученіе степени доктора медицины. Москва. 1865 г. Типографія Готье. Стр. 216, съ 4-мя таблицами. Цѣна 1 р. 75 коп.

Григоровичъ, Д. В. Прогулка по эрмитажу. 1865 г. С.-Петербургъ, въ типографіи В. Н. Майкова. Стр. 153. Цѣна 50 коп. Отдѣльное изданіе статей, помѣщенныхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1865 года.

Субботинъ. Современныя движенія въ расколѣ. Москва. Въ типографіи Батцова и К°. Цѣна 75 к. Стр. 114 (отдѣльное изданіе статьи «Русскаго Вѣстника» 1865 года).

Маколей. Полное собраніе сочиненій. Томъ 13. 1865 г. С.-Петербургъ. Изданіе *Вольфа*, въ типографіи Тиблена. Цѣна 1 р. 50 коп. Томъ этотъ содержитъ въ себѣ послѣднія главы «Исторіи Англіи отъ востества на престолѣ Іакова II», изданъ, какъ извѣстно, уже по смерти самого автора его сестрою, которымъ и заключается это прекрасное произведеніе.

Раевскій. Руководство къ разведенію хлопчатнива съ примѣненіемъ культуры его къ климату и почвѣ Крымскаго полуострова. Симферополь. Въ типографіи таврическаго губернскаго правленія.

Валь. О хлопчатой бумагѣ, ея произведеніи и способѣ обработыванія. Одесса. Въ типографіи Нитче. 1865. 80 стр. 35, съ чертежами.

Материалы по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи, изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Петербургъ. 1865 года. Стр. 668.

Ольхинъ, С. А. О сборахъ съ подорожныхъ—материалы II отдѣленія комисіи для пересмотра системы податей и сборовъ. Въ типографіи Безобразова и К°. Стр. 146.

Цекарскій. Путешествіе академика Николая Далия въ Березовъ въ 1740 году, со снимками видовъ Березова. Приложено къ VI тому Записокъ императорской академіи наукъ. 1865 года. Цѣна 50 коп.

Даль. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Изданіе общества любителей россійской словесности. Выпускъ X. 1865 года. Цѣна 1 руб.

L'ALGERIE EN 1865, sous l'oeil d'un colonisateur, par M. le marquis de Cosentino. (Алжирія въ 1865 г., взглядъ колонизатора, маркиза *де-Козентино*).

LA COURTE MAUDITE, par A. Faure. (Проклятая чаша, романъ *А. Фаура*). 1865.

LES DUREZ DU COEUR, par H. Venoist. (Глушцы по сердцу, романъ *Г. Вемуа*). 1865.

ESSAI SUR LA DEMOCRATIE MODERNE, par A. George. (О новой демократіи. *А. Жоржа*). 1865.

ETUDES SUR LA CIRCULATION ET LES BANQUES, par A. Sudre. (О денежномъ обращеніи и банкахъ, *А. Сюдра*). 1865.

LES FILLES DE MINUIT, par M. Valery Vernier. (Дочери полуночи, *В. Вернье*). 1865.

GUIDE PRATIQUE DE L'INGÉNIEUR AGRICOLE, par J. Laffineur. (Практическое руководство для сельскаго инженера, *Ж. Лафинера*). 1865.

GUIDE PRATIQUE D'ENTOMOLOGIE AGRICOLE, par H. Gobin. (Практическое руководство къ земледѣльской энтомологіи, *Г. Гобина*). 1865.

HISTOIRE DE LA SOIE, par E. Pariset. (Исторія шелка, *Э. Парисе*). 1865.

L'HISTOIRE PAR LE THÉÂTRE, par M. Théodore Muret. (Исторія, составленная по театру, *Теодора Мюре*). 1865.

LES MÉTAUX précieux considérés au point de vue économique, par *M. Rosvag*, ingénieur des mines (Драгоценные металлы, рассматриваемые съ экономической точки зрѣнія, г. *Rosvaga*, горнаго инженера). 1865.

MEUSEMERE ET SON TEMPS, par *M. Genri Blaise de-Bury*. (Мейерберъ и его время, *Г. Блазъ-де-Бюри*). 1865.

UN NOUVEAU SENSITIV de l'histoire politique des réformés de France, par *M. Anquez*. (Новая глава политической исторіи французскихъ протестантовъ, г. *Ankaza*). 1865.

PETITE GRAMMAIRE élémentaire en 57 leçons, par *M. Bescherelle*. (Сокращенная элементарная грамматика въ 57 урокахъ, г. *Bescherele*). 1865.

SATIRES, par *M. Auguste Barbier*. (Сатиры, *Оюста Барбье*). 1865.

LE SCÉPTICISME, par *E. Saisset*. (Скептицизмъ, *Э. Сесе*). 1865.

AUTOBIOGRAPHY and correspondence of *Dr. Lyman Beecher*. (Автобіографія и переписка доктора *Л. Бичера*). 1865.

WELLS BOYD in camp and prison. (Прекрасная Вольдъ въ лагерь и тюрьмѣ). 1865.

BRIGAND life in Italy, by count *Maffei*. (Жизнь итальянскихъ разбойниковъ, графа *Маффеи*). 1865.

ENGLISH Writers before Chaucer, by *H. Morley*. (Английскіе писатели до Чосера, *Г. Морлея*). 1865.

EXORDS of the western nations, by viscount *Bury*. (Экзординция западныхъ государствъ, виконта *Бюри*). 1865.

HELEN Felton's Question, a Novel. (Вопросъ Елены Фельтонъ, романъ), 1865.

IMPRESSIONS of Life at home and abroad, by lord *Eustace Cecil*. (Впечатлѣнія жизни за родинѣ и въ чужихъ краяхъ, лорда *Е. Сесила*). 1865.

LIVES of the warriors of the Thirty-Year's-War, by lieut.-gen. sir *Edward Cust*. (Жизнеописанія воиновъ тридцатилѣтней войны, генералъ-лейтенанта *Эд. Коста*). 1865.

NAPOLEON III AND HIS COURT. (Наполеонъ III и его дворъ). 1865.

PRINCIPLES of education drawn from nature and revelation, and applied to female education in the upper classes, by the author of «*Amy Herbert*». (Начала воспитанія для женщинъ высшихъ классовъ). 1865.

SATURN AND ITS SYSTEM. (Сатурнъ и его система). 1865.

STUDIES on ethical and social subjects, by miss *Cobbe*. (О нравственныхъ и общественныхъ предметахъ, г-жи *Коббъ*). 1865.

THE SUPERSTITIONS OF WITONSWART, by *Howard Williams*. (Вѣра въ колдовство, *Г. Уильямса*). 1865.

SYSTEM of MODERN HISTORY, by *S. H. Reynolds*. (Система новой исторіи, *С. Г. Рейнольдса*). 1865.

TOO GOOD FOR HIM, a NOVEL, by *Florence Marryat*. (Слишкомъ хорошо для него, романъ *Ф. Марриэтъ*). 1865.

UNDER THE WAVES, by *Annie Ridley*. (Подъ волнами, *А. Ридлей*). 1865.

A VISIT to the cities and camps of the confederate states, by *Fitzgerald Ross*, captain of hussars in the imperial austrian service. (Краткое пребываніе въ городахъ и лагеряхъ конфедеративныхъ штатовъ, *Ф. Росса*). 1865.

WHO WAS TO BLAME? by *J. Verey*. (Кто былъ виноватъ? *Дж. Верей*). 1865.

WIT AND WISDOM FROM WEST AFRICA, by *R. T. Burton*. (Остроуміе и мудрость Западной Африки, *Р. Ф. Буртона*). 1865.

КУРЬОЗЫ.

ЗА ПРЕДЪЛАМИ НЕВЪРОЯТНАГО.

Въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ», въ статьѣ «Verba povissima», было, между прочимъ, допущено, что послѣ полемики между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», изъ-за пальмы первенства по части критики на «Отцевъ и Дѣтей», область невѣроятнаго должна считаться вполне исчерпанной. По крайней-мѣрѣ тотъ отдѣлъ этой области, къ которому относятся литературныя неприличія. Тамъ было допущено такъ же, что одною изъ самыхъ крайнихъ невѣроятностей должна быть признаваема гражданская скорбь Посторонняго Сатирика, съ которою онъ оплакивалъ передъ г. Зайцевымъ тотъ фактъ, что «приличныя хроника» «Отеч. Записокъ» пользуются всеобщимъ предпочтениемъ передъ его — Посторонняго Сатирика — «самыми неприличными ругательствами», которыя, будто бы, во всякомъ случаѣ болѣе полезны для общества. Если ужъ это допущено въ «Отечественныхъ Запискахъ», пусть оно такъ и будетъ: сколько намъ извѣстно, «Отеч. Записки» взвѣшиваютъ довольно строго не только всѣ свои сужденія, но и всѣ слова свои; не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые отдѣлы этого журнала даже отъ его недруговъ заслужили названіе «приличныхъ». Но вотъ Посторонній Сатирикъ, въ майской книжкѣ «Современника», снова является сѣдящимъ «на рѣкахъ вавилонскихъ» и плачущимъ о томъ же самомъ предметѣ. Первое собственное имя въ его вавилонскомъ плачѣ опять-таки имя г. Зайцева. Къ какому роду экстравагантностей должно быть отнесено это явленіе? По истинѣ, ему не можетъ быть мѣста даже въ области невѣроятнаго, и мы переносимъ его за ея предѣлы.

Всего любопытнѣе здѣсь, конечно, то, что подобный пассажъ случился съ сатирикомъ. Успѣй одурaczyć самого себя такимъ образомъ умъ обыкновенный, тогда и плачъ его былъ бы тоже обыкновенный. Но здѣсь имѣлъ удачу предать самого себя на жертву

всѣхъ сарказмовъ умъ сатирической, потому, и плачь его можно назвать только вавилонскимъ. Между тѣмъ случай Посторонняго Сатирика былъ изъ самыхъ простыхъ. При самой умѣренной остротѣ ума до этого случая можно было не дойти, и при самой скромной находчивости изъ него можно было съ успѣхомъ выйти. Съ однимъ только Постороннимъ Сатирикомъ могло случиться, что онъ и дошелъ, и не вышелъ.

Дѣло въ томъ, что съ самаго перваго пробужденія въ нашемъ обществѣ такъ-называемой самодѣятельности, въ немъ стала обнаруживаться и нѣкоторая строгость отношеній къ литературѣ; еще съ того времени въ обществѣ, то тамъ, то самъ, начали показываться болѣе или менѣе щекотливые носы, для которыхъ полемическіе «эффекты» со всѣми ихъ «фонтанами» вѣяли уже не ароматами, какъ прежде, а довольно зловредными миазмами. Посторонній Сатирикъ не былъ, однако, настолько прозорливъ, чтобы это замѣтить, или настолько скептиченъ, чтобы перестать вѣровать, будто его «самыя неприличныя ругательства» все еще страхъ — какъ необходимы для общества. Затѣмъ немного поздне, хотя совершенно недавно, въ Петербургѣ пронеслась почти общая молва, не менѣе тревожнаго свойства: говорили, будто редакціи приличныхъ журналовъ были со всѣхъ сторонъ осаждаемы внутренними и внѣшними корреспонденціями, приблизительно — въ одномъ и томъ же духѣ: — принять зависящія отъ нихъ мѣры и обнаружить до послѣдней степени свойственную имъ энергію для противодѣйствія вреднымъ «эффектамъ», проникающимъ, будто бы, всѣ страницы нѣкоторыхъ уважаемыхъ журналовъ; говорили, будто инны изъ означенныхъ корреспонденцій даже прямо требовали отъ приличныхъ редакцій, чтобы онѣ открыли на своихъ улицахъ, по особой подпискѣ, живые источники неизсякаемыхъ ароматовъ, съ тѣмъ, чтобы почтовое вѣдомство, прежде чѣмъ отсылать номера нѣкоторыхъ уважаемыхъ журналовъ, могло подвергать ихъ предварительному погруженію. Но Посторонній Сатирикъ, опять-таки, былъ на столько самоуглубленъ въ свои «самыя неприличныя ругательства», что прослушалъ непростительнымъ образомъ и эту угрожающую молву. Теперь дошло, наконецъ, до того, что корреспонденты прямо обратились къ самому «Современнику»; обратились нисколько недвусмысленно и говорятъ прямо: «сдѣлайте одолженіе, заткните ваши фонтаны; мы были терпѣливы, мы были предупредительны, какихъ же жертвъ вы еще хотите отъ насъ?» Въ майской статьѣ Посторонняго Сатирика, подъ заглавіемъ «Къ читателямъ», двѣ корреспонденціи такого содержанія приведены въ подлинныхъ словахъ; о третьей говорится, какъ о затерянной, но выражающей то же самое. Кромѣ

того, Посторонній Сатирикъ съ самоотверженностію не довольно одиѣннаго гражданина группируетъ и другіе факты, которые даютъ ему неоспоримое право убѣдиться, что не одни только корреспонденты, но и все такъ называемое общественное мнѣніе вопіеть то же самое: «заткните! заткните!»

Вотъ и весь случай Посторонняго Сатирика, изъ котораго ему предстояло видѣть, какъ скоро онъ не умѣлъ уже уберечь себя, чтобы не дойти до него. Казалось бы—что можетъ быть проще. Говорятъ: заткните. Ну, и заткнулъ бы. Болѣе умнаго тутъ едва ли можно было что нибудь придумать. Развѣ благоразумную уступку оставалось скрасить деликатной выходкой, порадоваться съ своими согражданами, что наконецъ-де и мы дожили до того великаго явленія, которое у образованныхъ націй называется общественнымъ мнѣніемъ.

Но «кого Богъ захочетъ наказать, напередъ умъ отниметъ». Съ одной стороны, не желая дешево отдаваться на смѣхъ, съ другой же, усматривая, что отказаться отъ «самыхъ неприличныхъ ругательствъ» значитъ отказаться отъ самой сущности своего изобильнаго дарованія, Посторонній Сатирикъ рѣшился на то, чего ему не присовѣтовалъ бы ни такой другъ, какъ г. Зайцевъ, ни такой врагъ, какъ г. Благосвѣтловъ, ни даже такой союзникъ, какъ г. Минаевъ. Онъ рѣшился сдѣлать открытый вызовъ общественному мнѣнію, онъ сопоставилъ свои «самыя неприличныя ругательства» съ открытіемъ Галилея и съ ученіемъ Сократа, и опираясь на этотъ базисъ, нашелъ общественное мнѣніе несправедливымъ, легковѣрнымъ, зараженнымъ всѣми предрасудками, слѣпымъ и глухимъ для всего выходящаго изъ ряду, способнымъ возмущаться самыми отборными ругательствами и въ то же время восторгаться статьями г. Благосвѣтлова и автора «Нерѣшоннаго вопроса».

Боже! неужели это сатирикъ? вообразите себѣ, что ацтеки, которыхъ г. Моррисъ показываетъ на Малой Морской, обидѣлись бы чѣмъ нибудь замѣчаніемъ на счетъ совершенной невзрачности ихъ наружнаго вида. Представьте, что въ видѣхъ отпущенія за обидное замѣчаніе, они обулись бы въ сапоги Ахиллеса и надѣли бы всю его воинскую сбрую. Добавьте къ этому, что наши ацтеки, въ своей ахиллесовой сбруѣ, съ цѣлю показать свое молодечество, устремляются на истребленіе маленькой мыши. Вотъ истинное положеніе, въ которое ставитъ себя Посторонній Сатирикъ, сопоставляя свои «самыя неприличныя ругательства»—съ одной стороны, съ открытіемъ Галилея, съ другой—съ статьями г. Благосвѣтлова.

Но обратимся къ подлиннымъ оборотамъ рѣчи Посторонняго Сатирика, направленнымъ къ разгромленію той пошлости, которая извѣстна у образованныхъ націй подъ именемъ общественнаго мнѣнія.

«Итакъ—говорить онъ—противъ меня возстало общественное мнѣніе и единодушно осудило меня всѣми формами своего выраженія. Чтò же мнѣ дѣлать послѣ этого? Остается, я думаю, бросить литературу, не обращаться болѣе къ общественному мнѣнію, которое меня не терпитъ, а поступить развѣ въ извощики, гдѣ я могу вполне удовлетворить своей непреодолимой страсти къ ругательствамъ; или же мнѣ можно остаться на литературной аренѣ, но только усвоить себѣ ту солидность, какою отличаются гг. Краевскій съ Дудышкинымъ, Катковъ съ Леонтьевымъ» и проч. («Совр.», май 1865, отд. II, стр. 115).

Еслибы эта дилема была поставлена искренно, она имѣла бы свою цѣну. О солидности гг. Дудышкина съ Катковымъ или Краевского съ Леонтьевымъ нечего, конечно, и говорить: между нею и «самыми неприличными ругательствами» не можетъ быть никакой паралели. Но даже «въ извощики» — все-таки безконечно лучше, чѣмъ со всѣми вкусами и наклонностями къ извозу оставаться въ литературѣ, заражать ее міазмами отвратительныхъ «фонтановъ», гасить ея и безъ того слабый огонекъ, и отбивать у бѣдныхъ путниковъ, или корреспондентовъ, и послѣднюю охоту идти на этотъ огонекъ. Все, чтò вы ни выдумайте, все будетъ лучше, чѣмъ свести свою литературную карьеру къ тому, чтобы, наконецъ, изъ-за «самыхъ неприличныхъ ругательствъ» объявлять открытую войну общественному мнѣнію. Но приведенная дилема, какъ можно замѣтить, предназначалась быть только сарказмомъ. Посторонній Сатирикъ ни солидности себѣ не усвоить, ни въ извощики не пойдетъ. Свою риторскую уступку онъ допустилъ лишь съ тѣмъ, чтобы придать тѣмъ болѣшую язвительность слѣдующимъ строчкамъ:

«Я не сдѣлаю — говоритъ онъ — ни того ни другаго; я останусь на литературномъ поприщѣ, буду дѣйствовать, писать и полемизировать такъ же, какъ дѣлывалъ это до сихъ поръ, чтò бы тамъ ни говорило противъ меня враждебное мнѣ общественное мнѣніе»...

(Пользуемся случаемъ сказать, мимоходомъ и въ скобкахъ, г. Постороннему Сатирику: вы этого не посмѣете. Вы растерялись, и теперь храбритесь только изъ чувства ложнаго стыда. Последній человѣкъ, которому придется испытать міазмы вашего «эффекта», это будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, пишущій эти

строки. Но облеченный во все достоинство совершаемаго имъ дѣла, онъ къ этому останется равнодушенъ; а больше—вы не посмѣете. И это самое уже послужить очищеніемъ отъ вашего «эфекта» тому, кто пишетъ эти строки. Власть, съ которою мы говоримъ вамъ, что вы не посмѣете, не есть напускная. Ей базисомъ служатъ то общественное мнѣніе, къ которому вы относитесь такъ легкомысленно—динически. Вы не посмѣете, если вамъ до того... положимъ, хоть обезпеченіе вашихъ наборщиковъ работою. Вопросъ поставляется прямо: работать имъ или не работать?—Имъ не работать, если вы не послушаетесь того голоса, который «всѣми формами своего выраженія» кричитъ вамъ: «заткните!» Итакъ, заткните. Не то вамъ горько придется пенять на себя, а не то на васъ кому-нибудь... конечно, опять-таки не кому другому, какъ вашимъ наборщикамъ. Ужели можно дойти, въ самомъ дѣлѣ, до такого нравственнаго безразличія, до такой утраты чувства реальности, чтобы съ пьедестала Галілея или Сократа отставать передъ общественнымъ мнѣніемъ «самыя неприличныя ругательства», да еще и отставать-то, ругаясь самымъ неприличнымъ образомъ. Продолжаемъ прерванную выписку):

«Говоря откровенно, я вовсе не намѣренъ слушаться совѣтовъ и соображаться съ желаніями *этого* общественнаго мнѣнія; я не уважаю *этого* (курсивъ не нашъ) общественнаго мнѣнія, потому что оно совершенно неправо относительно меня, потому что я сознаю себя совершенно правымъ. Есть другое общественное мнѣніе, *разумное, незримое, неслышимое* (курсивъ нашъ), которое я уважаю, съ желаніями котораго я желаю сообразоваться; но я увѣренъ, что оно на моей сторонѣ, потому что оно разумно, можетъ разсуждать собственнымъ умомъ, не принимаетъ внушеній гг. Краевскаго и Каткова» и проч. (Стр. 115).

Спросимъ еще разъ: неужели это сатирикъ? То общественное мнѣніе, которое говорить вслухъ, пишетъ на всю Россію, проявляется «всѣми формами своего выраженія», Посторонній Сатирикъ считаетъ какъ-бы несуществующимъ, какъ-бы незримымъ, какъ-бы неслышимымъ, потому что находить его неразумнымъ, и находить единственно потому, что оно не признаетъ его «самыхъ неприличныхъ ругательствъ». Но бываетъ, что по какому-нибудь предмету общественнаго мнѣнія вовсе нѣтъ... или есть, да только оно, какъ выражается Посторонній Сатирикъ, пребываетъ «незримое», «неслышимое», лишенное всякихъ желаній и всякаго проявленія ихъ, то-есть совсѣмъ немнѣющее бытія. И это-то мнѣніе Посторонній Сатирикъ считаетъ единственно обязательнымъ для себя, единственно слышимымъ и единственно видимымъ, *потому что* оно разумно, а разумно оно потому, что не въ примѣръ

подписываю на изданія гг. Каткова и Краевского, «можетъ разсуждать своимъ умомъ»... Но если этотъ умъ такой же, какъ у Постороннаго Сатирика, тогда чему же онъ равносильнѣн? Дѣйствительно, одному только небытію!... Приведенная сейчасъ выдержка — одна изъ немногихъ, гдѣ ругательства не доведены до высшей степени. И вотъ какова она вышла. И точно такъ выходитъ у Постороннаго Сатирика во всѣхъ случаяхъ, какъ только онъ сбивается съ прямой стези своего изобильнаго дарованія. Какъ же ему не стоять послѣ этого за «самыя непріятныя ругательства»?

Но какъ же ему стоять и за эти ругательства? Посмотрите, какъ онъ разсуждаетъ даже и въ этой, его любимой сферѣ:

«*Это общественное мнѣніе—говоритъ онъ—возмутилось моими неблагопріистойностями, а между тѣмъ у него подъ носомъ совершились вещи (курсивъ нашъ) самыя возмутительныя и оно не моргнуло глазомъ. Оно возмутилось моими ругательствами, а въ то же время восторгалось моралью гг. Каткова и Краевского. Я радъ, что такое (курсивъ не нашъ) общественное мнѣніе вооружилось противъ меня, это дѣлаетъ мнѣ честь (эй, не плюйте въ колодезь!). Я бы считалъ себя несчастнѣйшимъ писателемъ, я бы просто бросилъ самое писательство, еслибы меня стало хвалить и одобрять то общественное мнѣніе, которое послало адреса г. Каткову и другимъ однороднымъ ему, я бы считалъ безчестіемъ для себя получить адресъ отъ него не ругательный, а хвалебный...*» (Стр. 117).

Приостаповимся. Этотъ человѣкъ говоритъ о чести, говоритъ о безчестіи. Но какъ Пилату хотѣлось узнать: «что такое истина», такъ мы хотѣли бы уразумѣть: что такое честь и что такое безчестіе въ устахъ этого человѣка? Въ приведенной читатѣ каждое слово противоположно строгимъ понятіямъ чести. Что означаетъ, напримѣръ, мораль г. Каткова и что такое мораль г. Краевского, если это не бессмысленныя слова? Ну, говорите же... если не теперь, то хоть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Дайте, по крайней-мѣрѣ, узнать, хотѣли ль вы сказать этой моралью, что названные сейчасъ лица — поджигатели по принціпу, какъ бываютъ нынѣ фанатики, или ругатели по убѣжденію, какъ вы, или они служили когда и брали взятки, или теперь продаютъ свои убѣжденія, или преступили священныя клятвы, или ограбили какихъ нибудь вдовъ и сиротъ и проч. До тѣхъ поръ, если вы не позволите признать ваши слова бессмысленными, васъ будутъ считать распространителемъ ложныхъ слуховъ (Свод. Закон. т. XV. стат. 1196), вреднымъ инсинуаторомъ. Но васъ будутъ считать такимъ и послѣ, потому что выдумать какое нибудь несуществую-

шее преступленіе вамъ не проволать, а какое-нибудь надорное объясненіе ваше почтутъ за ничто. Мораль г. Каткова!—мораль г. Краевскаго! — Не будьте джентльменомъ, не будьте человѣкомъ порадочнаго общества, не будьте ученій даже въ семинаріи, но будьте только лишены наклонностей въ извоу и сваните ради-Бога: можно такъ выразаться? въ особенності, выразаться въ тѣхъ же строчкахъ, гдѣ хочешь позавать свою чувствительность въ дѣламъ чести и безчестія? И потомъ, можно ли, ну — можно ли говорить, что дескать «я считалъ бы безчестіемъ для себя получить адресъ не ругательный, а хвалебный» отъ того общественнаго мнѣнія, «которое послыало адресъ г. Каткову?» Вѣдь сколько лицъ заинтриговано въ эту выходку! Вѣдь какое великое и славное для нашего очества дѣло замарано этой выходкой. Сколько намъ извѣстно, г. Катковъ получалъ адресы только за свою публицистскую дѣятельность во время польскаго «повстанія». Тѣ, которые послали ему адресы, думали удовлетворить этимъ святѣйшему изъ всѣхъ чувствъ своихъ, чувству патріотизма. Послали же они эти адресы г. Каткову, а некому другому, потому, что считали его лучшимъ истолкователемъ этого чувства. Не въ томъ дѣло, что чувство это, напримѣръ—въ Постороннемъ Сатирикѣ и ему подобныхъ, могло быть другимъ какъ по сущности, такъ и по выраженію, а въ томъ, что это чувство, во всякомъ случаѣ, святое, и что послѣдствіемъ его заявленій было возвышеніе чести нашего очества въ глазахъ цѣлаго міра. Тенерь, говоря совершенно трезво и отдавая себѣ полный отчетъ въ своихъ словахъ, можно спросить: въ какомъ отношеніи, и почему именно — мнѣніе людей, послыавшихъ патріотическіе адресы г. Каткову, можно считать столь презрѣннымъ, чтобы похвалу его принимать за безчестіе, а его оужденіемъ гордиться? Вы, можетъ быть, скажете, что это вопросъ уже чезчуръ щекотливый и что васъ вызываютъ на отвѣтъ не весьма безопасный. Остерегитесь: никто не думаетъ посягать на вашу безопасность; рѣчь идетъ о самомъ простомъ человѣческомъ смыслѣ, о самой простой человѣческой нравственности, наконецъ просто о значеніи разныхъ словъ. Вы годъ, годъ повторяете эту презрѣнную выходку, вы обратили ее въ одну изъ любимѣйшихъ вокабулъ для себя; такъ неужели же, вы думаете, не любопытно дотронуться до ея глубокаго смысла, до ея высокой морали; и неужели подобная попытка необходимо заслуживаетъ, чтобы вы сейчасъ же опрокинулись на дерзкаго покупателя съ вашимъ «фонтаномъ» на счетъ менцелизма и другихъ деликатностей, въ которыхъ притомъ никто такъ неискусенъ, какъ вы же: вы—открыватели чужихъ анонимовъ, вы—распространители ложныхъ слуховъ, вы — подслушивающіе у дверныхъ сква-

жизнь, вы вредные инсинуаторы! Мы почти не сомневаемся, что вы не захотите удостоить нашу просьбу ответомъ, не захотите разсѣять многолѣтнюю темноту вашей выходки; это какъ вамъ угодно. Но намъ хочется, наконецъ, громко заявить, такъ громко, чтобы отозвалось въ глубинѣ даже вашей совѣсти, что ваше молчаніе будетъ выражать не то, что вашъ отвѣтъ былъ бы не безопасенъ для васъ, а то, и единственно только то, что эта ваша выходка, наряду со многими другими, есть злѣйшій изъ вашихъ «фонтановъ» и что вы признаете выгоднѣе держать его открытымъ только чуть-чуть: вы находите, что довольно и этого—такъ велика, по вашему, сила этого «фонтана». Но... говорю вамъ—говорю вамъ: заткните!

Допустимъ, однако, что расчеты на вредную инсинуацію, какъ бы они ни были порочны, могутъ быть еще не всегда и не вполне напрасны; рассчитывать на кровожадные истинныя человѣческаго племени почти всегда можно до нѣкоторой степени, не опасаясь остаться въ совершенномъ нападѣ; можно допустить, что даже и такія нехитрыя слова, какъ, наприкладъ, «мораль г. Краевского», все еще въ какомъ-нибудь умѣ могутъ возбудить какую-нибудь гнусность. Конечно, тутъ не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь чести для инсинуатора, но можетъ быть рѣчь о какомъ-нибудь утѣшеніи для него. Титы, какъ повзвизываетъ человѣческая исторія, бываютъ милосердые и добрые, оплакивающие тотъ день, въ который имъ не удалось сдѣлать добра, и бываютъ такъ же безмилосердые и злые, проклинающие тотъ часъ, въ который имъ не довелось сочинить какую-нибудь пакость. Все это еще кое-какъ можно понимать. Но если выходить только пакость, и никакого утѣшенія, тогда что надобно думать о побужденіяхъ сочинителя? Что, въ особенности, надобно думать о нихъ, если сочинитель имѣетъ претензію быть сатирикомъ? Вотъ для примѣра полторы строчки, встрѣчаемыя въ разбираемой нами статьѣ на страницѣ 114-й:

«Г. Краевскій лучше старой подошвы, а г. Дудышкинъ гораздо лучше старыхъ рейтузовъ».

И только. Ничего больше, ничего меньше. И внизу и сверху говорится совсѣмъ о другомъ. Что вы можете думать объ этихъ полудторахъ строчкахъ? Вы съ разу способны усмотрѣть, что въ нихъ есть пакость, но, конечно, и съ десяти, и съ сотни, и съ тысячи разъ не будете въ состояніи открыть въ нихъ ни одного сколько-нибудь вѣроятнаго утѣшенія для сочинителя. Поэтому, вамъ хотѣлось бы считать ихъ невѣроятными, невозможными ни для какого ругателя на свѣтѣ. Но какъ вы можете сдѣлать это, когда онѣ напечатаны, а еще не просто напечатаны,

а съ оговоркою, что для проведения этого ругательства нужно было преодолѣть сопротивленіе редакціи...

Повторяемъ и еще разъ: ужели это сатиричь? И неужели ваши сопротивленія, господинъ Современникъ, такъ слабы, что ихъ могутъ побѣждать даже подобныя сатирики, даже въ подобныхъ столѣновѣніяхъ? Боже сохрани васъ думать, чтобы ваши полторы строчки, или даже полторы тысячи подобныхъ имъ, могли показаться скольконибудь оскорбительными для тѣхъ, къ кому онѣ относятся. Подобныя ругательства, какъ вы сами можете понимать, такъ ругательны, что ими уже рѣшительно невозможно обижаться. Отвѣтъ на нихъ и вмѣстѣ удовлетвореніе за нихъ находятся въ нихъ же самихъ. Онѣ напечатаны, этого и довольно. Но если недостойно обижаться ими, то можно оскорбляться изъ-за нихъ. Уже ли, въ самомъ дѣлѣ, не обидно, что вотъ въ одномъ изъ отечественныхъ и довольно распространенномъ журналѣ, такъ явно стремящемся къ сатирѣ, сатирою управляетъ человекъ, открыто стоящій за «самыя неприличныя ругательства», плачущій вавилонскимъ плачемъ о непризнаніи этихъ ругательствъ, ругательски ругающій общественное мнѣніе всей страны своей за это непризнание, самъ себѣ поставляющій дилемму—идти ли ему въ извозчики или сочинять сатиры, наконецъ неспособный составить не то-что остроумную, не то-что язвительную, но даже просто обдуманную и обдѣланную фразу? Полторы строчки могутъ служить ближайшимъ доказательствомъ тому... Но что значать полторы строчки, когда есть полтораста тысячъ другихъ строчекъ, признаваемыхъ личными до позора даже друзьями ихъ автора, заклеянныхъ литературною критикой, наконецъ—возмутившихъ, міазмами своего содержанія и грубостью своего выраженія, нравственное и эстетическое чувство всего круга читающихъ людей въ Россіи. И пусть бы этими строчками достигались хоть какія-нибудь преднамѣренныя цѣли, хотя-бы и не весьма похвальные; тогда, значить, въ нихъ все-таки было бы сколько-нибудь ума, таланта, порядка и разборчивости; слѣдственно, былъ бы хоть сколько-нибудь примирающій элементъ. Но онѣ тѣмъ особенно и возмутительны, что ни къ чему заранѣе не предназначены; ими какъ будто не хотятъ достигнуть другой цѣли, кромѣ удовлетворенія внутренней потребности и, можетъ быть, благовидной выемки, въ видѣ гонорарія, изъ редакціонной кассы; оттого при всемъ непомѣрномъ изобиліи этихъ ругательныхъ строчекъ, изъ нихъ никогда ни одна не попадаетъ не то-что въ глазъ или въ бровь кому слѣдуетъ, а просто накуда не попадаетъ. Полторы строчки, съ приведенными въ нихъ именами, опять могутъ быть указаны, какъ ближайшій примѣръ того. Эти имена, проводимыя

но всѣмъ надѣламъ, со всѣми предлогами, повторяются у Посторонняго Сатирика не рѣже, чѣмъ всякая другая нѣз его задушевиныхъ вокабулъ. И кажется, пора бы придти къ тому, чтобы, наприимѣръ, при одномъ имени г. Дудышкина, въ умѣ каждаго читателя «Современника», возникало опредѣленное представленіе если не обо всемъ духовномъ складѣ этого почтеннаго и глубокоуважаемаго нами редактора нашего, то хоть о его убѣжденіяхъ, взглядахъ, о кругѣ обработанныхъ имъ сюжетовъ и самоѣ сюжетной обработкѣ. И однако, что же? Если читатель «Современника» не есть въ то же время читатель «Отч. Записокъ», то имя г. Дудышкина звучитъ для него точно такъ же, какъ и имя г. Краевского, а оба эти имена выражаютъ то же, что и имена гг. Каткова и Леонтьева, и наконецъ всѣ четыре точно такъ же напоминаютъ самихъ себя, какъ и змѣя Горныча и всякое другое существо изъ міра сверхъестественнаго или обыкновеннаго. Если воображеніе читателя не довольно чисто, а память его не довольно опрятна, онъ можетъ, пожалуй, вспомнить или представить какія-нибудь «самыя неприличныя ругательства», какія-нибудь «старыя рейтузы», какую-нибудь «старую подошву». Но что же во всемъ этомъ типичнаго, и даже просто сатирическаго? Кажется, всѣ люди на всемъ свѣтѣ одарены наклонностію понимать предметы болѣе или менѣе реально; сатирики, разумѣется, въ особенности; кажется, само «Русское Слово» не лишено этой наклонности, по крайней-мѣрѣ, до нѣкоторой степени. Одинъ только Посторонній Сатирикъ составляетъ непонятное исключеніе изъ этого, и его-то именно «Современникъ» и выбралъ въ свои сатирики... Послѣдствіемъ выбора было то, что «Современникъ», прежде поступленія въ раздачу, теперь требуетъ предварительнаго погруженія... И когда дошло даже до этого, когда уже все ясно и сомнѣваться рѣшительно не въ чемъ, Посторонній Сатирикъ все еще похвально, что онъ не перестанетъ блистать «эффектами», а его «эффекты» не перестанутъ бить «фонтанами»... Но... говорю вамъ—говорю вамъ, господинъ «Современникъ»: заткните!

Но какъ моря не изчерпать горстью, такъ намъ не изчерпать всѣхъ невозможностей, не переслушать всѣхъ вадиховъ въ вавилонскомъ плачѣ Посторонняго Сатирика. Потому, въ заключеніе, мы остановимся на томъ, чего невозможно не изобрѣтала еще ничья фантазія. Посторонній Сатирикъ, обезоруживая всякій смѣхъ, почти заставляетъ безмолвствовать самую жалость. Онъ оказывается рѣшительно убѣжденнымъ, что правъ былъ Галилей и праведенъ Сократъ, но что онъ правѣ одного, и праведнѣй другого. Не находя во всемъ своемъ отечествѣ такихъ судей (по крайней-мѣрѣ — *зримыхъ и слышимыхъ*), которые бы рассудили по

чести и совѣсти между его «самыми неприличными ругательствами» и людскою несправедливостію къ нимъ, онъ призываетъ наконецъ камни во свидѣтели, и надѣется, что они будутъ, или должны бы быть, къ нему справедливыѣ. Онъ говоритъ:

«Я очень хорошо знаю *это* общественное мнѣніе; видѣлъ множество примѣровъ, по которымъ легко судить, до какой незначительной степени оно разсудительно, гуманно и справедливо; я много разъ выдалъ, чему покровительствуетъ и что хвалить *Я* толковалъ *этому* общественному мнѣнію... Въ самомъ дѣлѣ, ужь сколько разъ *Я* толковалъ *этому* общественному мнѣнію, что всякія неваднопристойности и брани суть дѣло неважное и безразличное, что въ литературѣ и въ жизни есть множество явленій, гораздо худшихъ, чѣмъ мои неваднопристойности, что мои благопристойные противники, позволяютъ себѣ много такого, что безъ всякаго сравненія зловреднѣе всякой извошчицѣй брани. Кажется, камни должны бы понимать *эти простыя до очевидности соображенія*, притомъ же разжеванныя и въ ротъ положенныя; однако, общественное мнѣніе» и проч. (Стр. 116).

Здѣсь все заставляетъ скорѣе умоловать, чѣмъ говорить. Одно уже — «*Я* толковалъ *этому* общественному мнѣнію» — едва ли не способно обезоружить самаго жестокосердаго Пилата. Чье это *Я*? — Посторонняго Сатирика. Это онъ-то толковалъ *этому* неразумному общественному мнѣнію. — О чемъ же онъ толковалъ ему? — О томъ, что «всякія неваднопристойности и брани суть дѣло неважное и безразличное». — На какомъ же аргументѣ онъ опиралъ эту великую истину? — На томъ, что «въ литературѣ и жизни есть множество явленій, *юраздо худшихъ*», или, говоря иначе, что на свѣтѣ бываютъ болѣе тяжкія преступленія и злодѣяства. Но какой же сторожъ уѣзднаго суда не знаетъ до тонкости, что преступленія имѣютъ степени? Какой несчастный писарь неспособенъ вразумить любого сатирика въ «Современникѣ», что непристойности и брани не то-что не имѣютъ никакой важности, а имѣютъ, примѣрно, одну важность, а *всякія непристойности*—другую, самоличныя побои—еще другую, побои черезъ наемныхъ гладиаторовъ—опять другую и т. д. Наконецъ, какой же камень, какой наборщикъ «Русскаго Слова» не понимаетъ, что нельзя доказывать безнаказанность воровства тѣмъ, что на свѣтѣ совершаются еще убійства? И подобный толкователь еще тычетъ въ глаза своему отечеству своимъ *Я*. И это *Я* позволяетъ себѣ унижать весь общественный смыслъ своей страны (по крайней мѣрѣ, зримый и слышимый), выставляя на видъ, будто оно способно толковать что нибудь *этому* смыслу. Это *Я* вмѣняетъ себѣ даже въ заслугу и гордость, что оно толковало *этому* общественному смыслу о томъ, что, съ одной стороны, понятно даже кам-

нямъ и темъ только для Посторонняго Сатурника, а съ другою, недоступно ничьему разуму, если не считать разумъ того же сатурника. И это еще не обидно? И это не «фонтанъ» надъ «фонтанами», кропящій уже не на сотрудниковъ или издателей и редакторовъ разныхъ журналовъ, а на всю нашу великую Россію, со включеніемъ Малой и Бѣлой? Но... говорю вамъ—говорю вамъ: заткните!

Читатель долженъ извинить намъ нѣкоторую патетичность послѣдней тирады. Она какъ будто отзывается полемическимъ тономъ, а между тѣмъ, мы отнюдь не думаемъ полемизировать. Можетъ быть, впрочемъ, наша тирада даже и не отзывается полемикой, и намъ такъ только показалось: до такой степени намъ чужда мысль о полемикѣ, понимаемой въ ея теперешнемъ значеніи. Но если она уже непремѣнно отзывается, то опять, можетъ быть, не потому, что такова ея сущность, а единственно потому, какъ говорить Майнъ-Ридъ въ своихъ «Охотничьихъ Разказахъ»*, что «на мѣстѣ, гдѣ убить хорекъ, зловоніе остается нѣсколько мѣсяцевъ, хотя бы густой снѣгъ покрывалъ землю». Дѣло въ томъ, что пишущій эти строки, а порою и другіа, относящіася въ этомъ журналѣ къ тому же предмету, не только не полемизаторъ, но и человѣкъ нисколько не литературный. Объ этомъ можно судить даже по его слогу, который, кромѣ того—что получаетъ нѣкоторую сношенность единственно отъ проникающей его добродѣтели, еще подвергается значительнымъ исправленіямъ въ редакціи**. Между пишущимъ эти строки и обыкновеннымъ читателемъ вся разница въ томъ, что, вслѣдствіе своего взгляда на литературу, онъ относится къ ея неприличіямъ, достигшимъ, кажется, своего апогея, далеко не такъ объективно и барственно, какъ принято относиться въ этому явленію почти всѣми, стоящими въ сторонѣ отъ литературы. Обыкновенный читатель разумѣетъ литературу, какъ какую-то абстрактную сферу, обитаемую какими-то абстрактными, хотя и служебными относительно его, существами. Тотъ же, напротивъ, кто пишетъ эти строчки, полагаетъ, что литература, подобно тому какъ и всякая другая индустрія или занятіе, есть только часть общественной дѣятельности, и притомъ до того близкая и нечуждая каждому изъ насъ, какъ близки и не чужды намъ наши собственные помыслы. Отъ такого различія взглядовъ происходитъ: вопервыхъ, то, что пишущаго эти строки все—что ни случается въ литературѣ, печалить или радуеть совершенно независимо отъ того, же-

* См. предъидущій № «Отч. Записокъ», отд. I, стр. 149, въ статьѣ «Verba Novissima».

** Намъ пріятно заявить здѣсь нашу признательность гл. редактору этого журнала.

Нагъ онъ или холость, и есть ли у него взрослая дочери, или нѣтъ; а между тѣмъ, обыкновенный читатель, нагъ это извѣстно и ему самому, для литературныхъ радостей едва-ли даже доступенъ, огорченія же испытываетъ не иначе, какъ подъ предлогомъ взрослыхъ дочерей. Вотъ-орихъ, когда обыкновенному читателю понадобилось оказать свое противодействие «фонтанамъ», онъ первымъ дѣломъ указалъ на свои ничтожныя деньги, на которыя — дескать желалъ приобрести товаръ не такого свойства; между тѣмъ, если у пишущаго эти строчки есть враги — что, однако, нисколько невѣроятнo — то и самыя эти враги скажутъ, что дѣйствуя въ тѣхъ же самыхъ видахъ, онъ постоянно исходилъ изъ болѣе высокихъ принциповъ, кановы, на-примѣръ, общественная нравственность, неприкосновенность домашнего очага, личная безопасность, челоуѣческое достоинство, достоуважаемость волицейскаго устава и т. п. Ему всегда казалось, что наши (т.-е. читателей) отношенія къ разнымъ редакціямъ, какъ бы притомъ ни было высоко наше общественное положеніе, отнюдь не тѣ самыя, которыя могутъ существовать между господиномъ и слугою, или между гостинодворскимъ купцомъ и артельщикомъ. Онъ не отрицаетъ неоспоримаго права читателей требовать отъ редакцій, какъ скоро имъ заплачены деньги, болѣе или менѣе строгаго служенія тѣмъ кореннымъ принципамъ, на которыхъ покоится вся сущность общественного порядка; но онъ рѣшительно не допускаетъ, чтобы подобныя требованія могли быть предъявляемы на тѣхъ же основаніяхъ, по которымъ мы требуемъ, на-примѣръ, отъ сапожника, чтобы наши сапоги, за условленную плату, были сдѣланы изъ самаго лучшаго товару. Между тѣмъ самая большая часть корреспонденцій, вызванныхъ послѣдними «фонтанами» и такъ обильно поступающихъ во всѣ редакціи, отличается именно подобнымъ смѣшеніемъ понятій: всякій прежде всего стремится оплатить свои деньги, или попрекнуть ими. Этотъ материалистическій взглядъ требуетъ рѣшительнаго и немедленнаго исправленія. Велика важность шестнадцать съ полтиной! Общественнымъ правамъ угрожаетъ мораль Посторонняго Сатирика — общественному смыслу угрожаетъ куриный смѣхъ, потому что его менторомъ оказался Посторонній Сатирикъ — общественнымъ гуляньямъ угрожаетъ запустѣніе, потому что, по поводу этого менторства, намъ скоро стыдно будетъ встрѣчаться другъ съ другомъ, и особенно съ иностранцами — наконецъ, «фонтаны», «фонтаны»... А тутъ находятся люди, которымъ дороже всего ихъ шестнадцать съ полтиной! Вотъ гдѣ кроются тѣ побужденія, по которымъ пишущій эти строки, никогда не готовившись и никогда не надѣясь сдѣлаться литературнымъ челоуѣкомъ, рѣшился, однако, отказаться

на время отъ всѣхъ сладостей мирной семейной жизни, рѣшился пожертвовать всѣмъ, что только способна поглотить современная литература... а чего не способна поглотить она?... рѣшился, и въ томъ далъ клятву, не покидать своего бурнаго поприща до тѣхъ поръ, пока nebude заткнуть послѣдній «фонтанъ» въ послѣднемъ «Современникѣ». Но онъ рѣшился на это не изъ-за шестнадцати съ половиной, а, какъ сказано, изъ-за высшихъ принциповъ.

Нельзя желать, чтобы обыкновенный читатель очутился вдругъ на самой высотѣ тѣхъ же самыхъ принциповъ. Но можно и должно желать, чтобы онъ возвышался до нихъ, хотя бы медленно и постепенно. Во всякомъ случаѣ можно и должно желать, чтобы въ своихъ будущихъ корреспонденціяхъ, для обозначенія своей высшей точки зрѣнія, онъ не забывалъ по крайней-мѣрѣ сказать «Современнику»: «Говорю вамъ — говорю вамъ: заткните!»

П о п р а в к а. Въ предыдущемъ № «От. Записокъ» отд. I стр. 174 съ примѣчаніемъ —

напечатано:

Plagiat — литературныя присвоєнія

читай:

Plagiat — литературныя присвоєнія

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1865 году

выходять два раза въ мѣсяцъ (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ до 15-ти печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

состоящее изъ двадцати-четырехъ книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногороднихъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голось»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, № 38-й, продаются:

изданныя редакціею «Отечественныхъ Записокъ» книги:

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ФИЛИППА ВТОРАГО, короля испанскаго. Соч.

Вильяма Прескотта. 2 тома. Ц. 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ. Соч. *Огюстена Тьерри.*

3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Соч. *Гизо.* 3 тома. Ц. 3 руб.; съ

пересылкою 3 р. 50 коп.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ: **А. Краевскій и С. Дудышкинъ.**

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ. 14 іюля 1865 года.

